

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
В. Г. БОНДАРЕНКО,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Д. А. ЖУКОВ,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УВОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

Михаил ПОПОВ
Капитанская дочь. Роман 9

Андрей ВОРОНЦОВ
Человек в зелёных очках
Рассказ 111

Станислав МИШНЕВ
Купавы. Рассказ 121

Поэзия

Новелла МАТВЕЕВА
Эта картина была
и осталась — моей... 3

Юрий ПЕРМИНОВ
Небесным радуюсь дарам 106

Борис БУРМИСТРОВ
Наши пути бесконечны — иди! .. 118

Николай ГРИЩЕНКО
Среди заснеженных полей... 130

Память

Даль ОРЛОВ
Воспоминания
"действующего лица" 132

Очерк и публицистика

Геннадий ЗЮГАНОВ
На переломе 156

Сергей ГЛАЗЬБЕВ
О стратегии развития 170

Валерий ГАНИЧЕВ
Из Санакарского монастыря... 185

Сергей ФОМИН
Потери и приобретения
во Второй мировой войне 193

Станислав КУНЯЕВ
Жрецы и жертвы Холокоста 198

Сергей СЕМАНОВ
Быть русским достойно есть 221

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

В. Д. Попов —
зам. главного редактора —
(495) 625-02-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
*зав. отделом критики,
отдел поэзии* —
(495) 625-41-03

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Критика

Юрий ПАВЛОВ
“Кризис и другие”
С. Кургиняна. Фантазии
на литературно-
политические темы 229

Галина ОРЕХАНОВА
А. П. Чехов на русской сцене 237

Наталья ТЯПУГИНА
Человеку положено
знать не всё 245

Татьяна ПЛАСТОВА
Поэтика правды 252

Альбина ПОТАПОВА
Николай Рубцов
на нижегородской земле 257

Ольга ГРИГОРЬЕВА
“По указке петь
не буду сроду...” 262

Олег МИХАЙЛОВ
Слово о друге 272

Иван КОНДРАТЬЕВ
Русский бард
Александр Харчиков 276

Среди русских художников

Анатолий РОГОВ
Гори, гори ясно 280

Письмо в номер

Игорь ТЮЛЕНЕВ
Реплика по поводу бывших... 286

Творческие итоги года 288

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректор: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Сдано в набор 07.12.09. Подписано в печать 28.12.09. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 22,4. Уч.-изд. л. 22,56. Заказ № 3316. Тираж 9000 экз.

Адрес редакции: Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru

E-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА

ЭТА КАРТИНА БЫЛА И
ОСТАЛАСЬ — МОЕЙ...

КТО ВАМ СКАЗАЛ?

Да кто вам сказал, что враги
ненавидят Россию?
Ну что вы! Такие пространства! А недра какие!
При том — каковая за всё безнаказанность!
Что вы!

В Россию враги влюблены,
как в малиновок — совы.

Э, нет; не *Россию*, а *русских*
враги ненавидят.

С таким уточнением пожалуй что
правильней выйдет.

Мол, — “как это можно (и как это мы
продремали?),

Чтоб *русские... Русскую* землю собой
занимали?!”

21 июня 2001

МАТВЕЕВА Новелла Николаевна родилась в городе Пушкине (Царское Село) Ленинградской области в 1934 году. Окончила Высшие литературные курсы. Автор книг: “Кораблик”, “Ласточкина школа”, “Река”, “Страна прибой”, “Хвала работе”, “Избранное”, “Жасмин”, “Мяч, оставшийся в небе”, “Кассета снов”.

МОЛОХ

Заводы, прииски,
луга свои широкие —
Зачем проспали мы?
В своём Отечестве
не только “не пророки” мы,
А просто — парии!

Нет, мы не парии! А если парии,
То безотчётные...
Порой вдруг вспомнится:
Мы — пролетарии!
(Жаль — безработные).

Мы не покладисты. Мы не погладисты.
Мы не из бархата!
Вот только жаль; немного меньше стало
сил у нас.
Не вдруг нашлись бы мы,
когда бы кто спросил у нас:
— Зачем нам олигархи-то?

Вот и прекрасненько,
что нас не спрашивают!
(Боятся промаха?)
Знай лишь — оглаживают
Да охорашивают
Красавца Молоха!

А мы пойдём к его друзьям,
попросим сказывать:
Зачем вы — с Молохом?
Какие можно с ним ещё
Надежды связывать, —
С маньяком-олухом?

Доколе кровь ему лакать,
как воду, чанами?
В застенках зверствовать?
(А что? Не на параде, чай!)
Капканы ставить на героя —
Радко Младича?
Чужих правителей казнить за океанами?

Зачем вы с Молохом? С наследственной агонией
Он сам замаялся, — для бегства разминается...
Ан тут — опять ему почёт и церемонии!
Везде кончается дух зла. Здесь — *начинается?*

Везде проштрафился.
Нигде не справился.
(Зато — справился.)
Злодейством славится.
Нигде не нравится.
А здесь — понравился?

Зачем вы с Молохом? Последним сполохом
Закон захлопнувшим?
Зачем вы с Молохом?
С глумливым хохотом — Россию слопавшим?

Чем отдавать ему лес-никель-злато-серебро,
Чем убирать с его путей шипы и тернии, —
Вы за Караджича вступитесь! —
За последнего
Поэта Сербии.

17 октября 2009.

РАНТЬЕ

Читая О'Генри, мы видим с тобой
Не только просторы да свод голубой;
Отважных ковбоев мы видим с тобой,
А с ними — хозяин... *такой же ковбой!*

В Техасе на ранчо *работали все.*
Включая рантье! Да по первой статье!
Однако у нашего сидня-рантье
Нет воли к работе. Есть воля к жратве.

Не станет он здесь подымать целину!
Не станет работать на “эту страну”!
За что ж получил он столь жирный надел?
За то, что надел — получить захотел.

За то, что медяк за него заплатил.
За то, что вращал колесо воротил.
За то, что рабочих — в *рабов* обратил.
За то, что быть русскими
нам запретил.

Так враг же он нам! Кто придумал — врагу
Сдавать наши земли? — понять не могу!
Так враг же он нам! — Ну и что? Испокон
Желанье врага для России — закон.
Желанье врага для России — закон,
Да только не русскими выдуман он.

...То вилла, то замок, то корт и шалé...
Ужель “я иду не по нашей земле”?*
Знакомой тропинкой хотела пройтись.
Но слышится крик: “Вы откуда взялись?!”
По *нашим владеньям* не смейте ходить;
Мы можем овчарок на вас напустить!”

2008, 2009, октябрь

ЧУДЕСА СВЕТА (литературного)

Не много в нём было целебного,
А больше — капризов да нег.
Что ж. Может быть, он и “серебряный”,
Но только какой же он — “век”?

* Цитата из известной песни.

То в чувствах “святых” распинался,
То — в креслах возьми развались...
Век — *только ещё начинался!*
А вы ужé — им назвались?

Короткое время, таящее
Подвох! Не великая честь;
Всего лишь пока предстоящее
Столетье — замять и заесть!

Вон сколько всего поутаёно
Заранее! Зреть — не объять...
“Серебряный век”, — а *Цветаеву*
Стараются не примечать.

Гей, “век”! Пригласи *Маяковского!*
Но кончился раненый лев,
Ни питерского, ни московского
Признанья — снискать не успеv.

Кто был на Парнасе хозяином?
Изысканность аль Произвол?
В “серебряном” (так называемом)
Непризнанный *Грин* отошёл.

Не пой себе гимны хвалебные,
Так нежно себя не голубь;
На грош в тебе было — целебного,
Серебряного — на рупь!

Ты *Брюсову* быть отсоветовал,
Есенину — быть запретил!
Какой же ты “век” после этого?
Так вздулся!
Так мало вместил...

“Серебряный век”? Двадцать лет.
Временное
В бегучей строке — междометие...
Дивлюсь
И спросить собираюсь давно я:
А как называется
всё остальное —
Во всю страницу —
столетие?

4 августа 2009

КОГО НА ПАПСТВО, А КОГО И В РАБСТВО?

Все обвиненья, идущие *от фонаря*,
Нам бы *до лампочки*, собственно говоря.
Да. Но противно обкуренным быть, *не куря!*

Нас уверяют, что в нашем лирическом цехе
Некто Бурдский — из огня нам таскает орехи.

Да, он таскает. Однако же не из огня,
А из карманов у нас: у тебя, у меня.

Нам объявляют, что в жалком лирическом цехе
Все подражают Бурдскому! Хотя вообще
Это *он сам* неустанно латает прорехи
Нашими тряпками — в бурном своём плаще!

Где ж доказательство
именно *наших* заёмов?
Метод у критика ясен и прост
без изломов:
Коли находками чей-либо стих просиял, —
Значит, на автора, дескать, Бурдской повлиял!

Если ж находками стих твой
никак не сияет,
Значит, Бурдской на тебя на осла —
не влияет.
Простенько и со вкусом? (Наполним фиял!)
Так-то, ребята. И, стало быть,
мы без Бурдского —
Что каракатицы — без побережья морского!

...Вижу, зоил, как вам хочется
нас унижать;
Вашего Бэби — князьком нам на плечи сажать!
Не обольщайтесь. Нигде, никогда, никакому
Не подражали мы вашему, критик, Бурдскому;
В резкости *криков* этого шалуна
Резкость его *самобытности* — нам не слышна.

Как подражать *подражанию*? При том —
неуютному?
Голосу, взятому сразу у множества
ртов?
Как подражать Арлекина
наряду лоскутному?
(Которому из лоскутов?)

Как подражать мне свистку моего самовара?
Звону углей у меня же крадогого жара?
Собственной нити — в чужой узкоухой игле?
Как мне копировать статую
лже-Боливара,
Коли он сам состоит — целиком —
из чужого товара?
(Из моего — в том числе?)

Как воротить мне на место —
что плохо лежало
Некогда в отчете дому?
Как подражать попугаю?
Он сам *подражало*
Вся и всему...
Музу мою, о зоилы, оставьте в покое!
В жизни никто не водил
моей правой рукою;
Слогом своим не обязана я никому.

Если мы знаем, что кто-то
отнюдь не патриций,
Пусть усечёт, что никто ему здесь
не плебей.

Я набросала картину с порхающей
птицей:
Эта картина была и осталась — моей.

3 августа 2009

ЛОВЛЯ СВЕТА

До заката
Всё как будто замерло.
Заморозок в бурых травах прян.
Солнце тонет за Землёй, как за морем.
Светится туман.
Верится,
Как в яхонтово деревце;
Воодушевление — не обман!

Огненно-стеклянный диск не выскользнет
Из руки вечерней тишины,
С нами не побыв! — Но вот и диска нет,
Сумерки влажны.
Сумрачны кустов мохнатых сны...
Где же ты, ночных высот владелица?
Будем дотемна теперь надеяться
На восход луны!

Июль 2009

**Поздравляем Новеллу Матвееву с юбилеем
и благодарим за многолетнее доброе присутствие
в русской поэзии и XX и XXI века!**

МИХАИЛ ПОПОВ

КАПИТАНСКАЯ ДОЧЬ

РОМАН*

*Однажды, ночью вороною,
молчанье белое храня,
прекрасный ангел спал со мною
и сделал девушкой меня.*

А. Герасимова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Майский полдень в советском райцентре конца шестидесятых. Неподвижная свежая зелень на деревьях вдоль улицы Советской, взбодрённой утренним ливнем. Редкие прохожие смутно отражались в зеркале асфальтового тротуара. Входные двери “современного” — стекло, бетон — универмага отбрасывали большие, весёлые блики, выпуская и впуская покупателей. Тележка с рукотворной газировкой подвергалась бесшумной атаке ос, это раздражало пухлую продавщицу. На противоположной стороне улицы гос-

ПОПОВ Михаил Михайлович родился в 1957 году в Харькове. В 1983 году окончил Литературный институт. Автор двух сборников стихотворений и двух десятков книг прозы. Наиболее известны романы “Пир”, “Невольные каменщики”, “Пора ехать в Сараево”, “План спасения СССР”. Член Союза писателей России. Живёт в Москве

* Журнальный вариант

подставала афиша кинотеатра “Заря”, на ней было начертано огромными белыми буквами непонятное слово “Героин”.

Третьеклассница Ларочка Конева возвращалась из школы домой. Пробежав мимо универсама, она свернула на улицу Коммунистическую, в конце которой видны уже зелёные ворота военного городка, где служит её отец, капитан Конев, и проживает всё её семейство, состоящее ещё из бабушки Виктории Владимировны, мамы Нины Семёновны.

Дорога вела мимо обшарпанной третьей школы, в которую Ларочку не пустили родители, хотя она и ближе к дому, потому что у третьей плохая репутация. Ларочка искренне гордилась, что учится в пятой; она бежала мимо райкома комсомола с бюстом почти не узнаваемого Ленина на постаменте перед входом; мимо магазина “Филателист”, где, кроме марок, продавались карандаши, тетради и канарейки; мимо...

— Девочка, хочешь конфетку?

Дядя. Незнакомый. Некрасивый. Серые штаны на тонком ремешке, рубашка с короткими рукавами и связкой олимпийских колец на нагрудном кармане. Улыбается. Но улыбка неприятная.

Ларочке не хотелось никакой конфетки. Дома её, наверно, уже ждёт мама, обещавшая приехать сегодня утром. Она была “в области” на курсах повышения медработников и уж, конечно, привезла кое-что поинтереснее конфеток. Но дядя улыбался так заискивающе, что третьекласснице стало его жаль, и она кивнула, — ладно, давайте свою конфетку.

Он неловко полез в карман, и лицо его стало виновато-удивлённым.

— Ой, забыл. Тут рядом в мастерской, пойдём, я тебе там дам.

На лице Ларочки появилось сомнение. Ей никуда не хотелось идти, и дядя быстро спросил, пока она не успела отказаться:

— Тебя как зовут, девочка?

— Лариса, — сказала школьница, так её научили себя называть в официальной обстановке, например, в классе. Данную ситуацию она сочла нужным рассматривать тоже как официальную.

— Ларочка! — воскликнул негромко дядя, и девочка удивилась и была немного сбита с толку. Незнакомец легко и сразу вычислил её домашнее, ласковое имя. Она кивнула.

— Вот и хорошо, пойдём. Пойдём, Ларочка. А то мне так стыдно, пообещал конфету, а сам забыл.

Вот как всё обернулось. Дядя шмыгал носом, он был очень смущён. Кроме того, можно считать, что они уже как-то сошлись. Почему бы не сходить? Не из-за конфеты, конечно. Просто немножко любопытно, да и дядю жалко, какой-то он... даже, кажется, хромает.

— А это не за речкой?

Родители и бабушка категорически запрещали Ларочке ходить через мост за Чару, там ивняки, там заброшенная лодочная станция со страшными дырявыми байдарками, там мальчишки жгут костры и дерутся.

— Да нет, за какой речкой, здесь рядом, за кочегаркой.

Получается, что она ничего не нарушает, всё рядом, возьмёт конфету, и всё. Третьеклассница хлопнула портфелем по коленке.

— Пойдёмте.

— Вот и хорошо, и не надо меня бояться.

— А я и не боюсь.

Ларочка сказала правду, ей несколько не было страшно.

Они свернули с улицы на тропинку между липами и направились вглубь двора. Мимо напряжённо гудящей трансформаторной будки, как будто проглотившей огромную пчелу. Мимо прохладной компании белоснежных простыней на провисшей верёвке.

— Куда, сюда? — деловито осведомилась Ларочка. Такой у неё был характер. Если приняла решение, то дальше она — сама решительность и деловитость.

— Сюда, сюда! — хрипло шептал дядя, отворяя грязную железную дверь и опасливо оглядываясь, не обратил ли кто внимания на них. Место глухое, тихое, хоть и в центре города.

Коневы жили в отдельном одноэтажном доме с садом, примыкавшим к реке. Конечно, нет тех удобств, что в недавно построенных пятиэтажках для офицерского состава, но зато какой простор. Жена Нина пилила капитана: “Тебя не ценят, ты тряпка, удивляюсь, как нас вообще в капонир не загонят”. А капитану его “поместье” нравилось, и огород под боком, и рыбалка. Ларочке тоже нравилось жить у реки, например, этой весной, когда начался ледоход, то у них льдины плавали между яблонями, царапая острыми краями мокрую кору, а папа со своими солдатиками спасал под причитания жены и вой сирены картошку из родимого погреба.

Бабушка Виктория, как всегда, с улыбкою пила кофе, стоя на крыльце в чёрно-золотом халате с драконами. Она смотрела на наводнение без страха и внушила это бесстрашие внучке. “Что поделаешь, это стихия, Ларочка”.

Ларочка вбежала в большой, неправильно скроенный и от этого особенно уютный дом, где открыты все окна, отдернуты все занавески, и куда ни глянь — жасмины и сирени, то в оконных проёмах, то в зеркалах.

— Папа! Мама! Бабушка! — потрясённо кричала третьеклассница, вращая портфелем как пропеллером. Ей нужно было немедленно с кем-то поделиться открытиями, которые она только что совершила. Она была уверена, что все страшно удивятся. Что похвалят, она уверена не была. Вернее, не думала сейчас об этом.

Главное — рассказать!

Первая по коридору с веранды комната — спальня. Папина и мамина. Там всегда торжественно пахнет духами, там таинственно лоснящиеся шкафы с вожделенными платьями и туфлями на каблучках.

— Мама!

Мама Нина стояла на коленях перед открытым чемоданом и нервно записывала в него вещи. Пальто с песцовым воротником, босоножку, замотавшуюся в газовый шейный платок, и хрустальную салатницу. При этом мама тяжело, навзрыд плакала. Нескладно, кое-как, набив фибровое вместилище, она начала его закрывать, надавливая чахлой грудью на непокорную крышку.

Ларочка была потрясена: вместо того чтобы вытаскивать щедрые подарки из командировочного чемодана, она вела себя совершенно противоположным образом!

Школьница бросилась маме Нине сбоку на шею, чем нарушила её равновесие на коленях.

— Что я расскажу, мамочка, что я расскажу!

— Погоди, дочка.

— Послушай, мамочка, послушай!

Чтобы не упасть на бок, придавливая говорунью, Нина Семёновна оттолкнула её острым локтем.

— Я сказала, погоди!

Ларочка слегка ошелолила от этого приступа резкости. Она считала, что такого отношения никак не заслужила, она ведь хотела всего лишь рассказать...

— Не мешай, Лариса, не мешай мне! — Голос у мамы был такой, что девочка совсем растерялась. Она не отказалась от своей идеи порадовать домашних описанием удивительного события, произошедшего только что с нею, её не так-то легко было сбить с выбранного курса, она лишь решила слегка поменять порядок радующих.

Выскочила в упойительно затхлый полумрак коридора и взорвала его.

— Папа!

Николай Николаевич Конев сидел в комнате, называвшейся “зал”. Сидел в продавленном кресле из чешского гарнитура с деревянными подлокотниками, под торшером: два опрокинутых ведёрка из крашеного картона. Он был в домашних штанах, подтяжках, голова очень круто поникла и была схвачена обеими руками самым отчаянным образом.

— Папа, послушай!

Капитан не мог слушать, его расплющивало неизвестное горе, и кажется, ещё и смешанное с позором. Ларочка, конечно, не отметила про себя именно эти особенности отцовской позы, она просто удивилась тому, как он странно сидит. Может, устал?

— Папочка, я тебе сейчас что расскажу!

— Не сейчас, Ларочка, не сейчас.

— А когда? — искренне и требовательно удивилась шумная школьница.

— Не сейчас, Ларочка, не сейчас.

Дочь очень удивилась. Папа никогда ей ни в чём не отказывал. Она знала, что папа её любит, ей было приятно знать, что он её любит, но вместе с тем она не раз слышала от мамы, что отец у них “тряпка”, он вообще не способен отказать женщине ни в чём, если она его хотя бы чуть-чуть попросит. И вот теперь папа отказывал ей.

С ума сойти!

Когда рассчитываешь на полную безотказность, то даже мягкий отказ сбивает с напора и ритма.

— Что же мне, к бабушке пойти? — вслух высказалась школьница.

В ответ на это капитан Конев только странно дернулся и ещё сильнее сцепил пальцы на затылке.

Папа явно испуган. Ларочка знала, что её папа “боевой офицер”, но при этом привыкла к мысли, что его очень легко поставить на место, которое предусмотрено для него в семье. И мама, и бабушка легко проделывали эту операцию, и дочь капитана знала, что и ей по наследству перейдёт это право.

Ларочка не выбежала из зала, а вышла медленно, размышляюще, прикусив губы. И увидела в дверном проёме Викторию Владимировну. Она как ни в чём не бывало гладила на веранде, расположив гладильную доску у решётчатого окна, закрытого с той стороны бесплодным виноградом. Бабушка орудовала утюгом, прицелившись глазом в его поблескивающий нос, и что-то брезгливо напевала.

Вот ей она всё и расскажет, решила школьница. Правда, желание поделиться невероятным событием из своей жизни уже начало потихоньку уступать желанию разобраться в том, что происходит в семье.

Тихо выйдя на веранду, она остановилась.

Виктория Владимировна отметила её появление периферическим зрением, но не стала уделять меньше внимания глажке. Даже поднесла ко рту утюг и плюнула ему в дно.

Ларочка молчала, обдумывая, с чего и как начать. Бабушку она не только любила, но и уважала. В свои сорок восемь лет Виктория Владимировна сохранила в себе больше женского начала, чем её всё отдающая работе и семье дочь в тридцать. Работала в парикмахерской, называла его “салонем красоты” и вела себя там верховной жрицей, хотя не считалась особо талантливым мастером ни среди коллег, ни среди клиентов. Но попробовал бы кто-нибудь ей об этом сказать в глаза.

— Ну что, Лариса, что тебе нужно, дочка? — Ларочке нравилось, когда бабушка называла её так.

— Ты знаешь, Вика (бабушкой Виктория Владимировна называть себя запрещала), сегодня такое случилось!

— Да знаю, знаю.

Ларочка открыла рот.

— Знаешь?

— Конечно.

Бабушка снова плюнула в утюг.

— А кто тебе сказал?

Виктория Владимировна повернулась к ней, поставив утюг на расплюсченную юбку. Наклонилась к внучке, подавляя мощным черноглазым взором.

— Я вообще всё знаю наперёд. Ты сегодня перешла в четвёртый класс, правильно?

Ларочка не успела возразить. Бабушка своей простой, однозначной правотой перебила её столь необыкновенную историю в том тихом дворе за железной дверью.

Тут ещё сзади раздался такой звук, как будто весь дом вдруг поставили на пилораму и начали распиливать. Мама пронеслась по тёмному коридору в зал и накинулась там на капитана Конева, и так на всё согласного.

Виктория Владимировна прорычала несколько непонятных слов и решительно пошла в глубь дома.

— Ну, хватит, хватит! Что теперь делать, надо же как-то жить.

Ларочка вздохнула. Взгляд её упал на гладильную доску — юбка сгорит! Она схватила утюг, поставила его на специальный плоский камешек, острожно, чтобы не обжечься. И заметила вдруг, что утюг не включен, вилка волочится по полу. Зачем же тогда бабушка на него плевала?

А из недр дома доносился звук мучительного, с закушенными рыданиями и сдавленным беспросветным воем (мама Нина) скандала, поверх которого то и дело всплывало уверенное, повелительно успокаивающее мнение бабушки.

— Надо как-то жить!

2

Так ничего в тот день и не выяснилось. Взрослые не подпустили Ларочку к своим разборкам и действовали настолько консолидированно, что она даже зауважала их общую слезоточивую и невразумительную тайну. Было понятно, что они ни официально хором, ни поодиночке не сообщат ей ничего. Ладно, решила она, не сегодня, так завтра кто-нибудь проколется, правда проклонется, так уж бывало не раз. А пока она им сама отомстит, то есть ничего не скажет о своём приключении в холодной кочегарке, тоже ведь было интересно, а они пусть не знают, дураки.

Свой секрет Ларочка решила опробовать на подружках, на таких же офицерских дочках, как и она сама. Она была главой выводка одноклассниц, и по её сигналу все имевшиеся поблизости Наташи, Лены и Кристины собрались в “штабе” — покосившемся, вросшем в землю жестяном вагончике, давным-давно забытом строителями.

Сошлись, готовые приобщиться. Затаив дыхание, выпучив глаза, кто простодушно, кто лукаво их прищурив.

— Так вот, — начала Ларочка. Описала улицу, по которой шла домой, описала мужчину, предложившего ей конфетку, и все офицерские дочки заявили, что узнают его даже из тысячи. Девичье дыхание сделалось чаще, когда пошла речь о закоулках, по которым мужчина с олимпийскими кольцами на кармане вел Ларочку в укромное место. И чем чаще Ларочка повторяла, что ей было совсем не страшно, тем затаённое становилось дыхание слушательниц.

Растягивая удовольствие, она замолчала, победоносно оглядывая подружек, она очень остро переживала факт своего превосходства над этими десятилетними, и даже постарше, клушами.

— И тогда он расстегнул ремень.

— Ой-ёй-ёй, девочки, мне пора, мне надо идти, — вскинулась белобрысая Света Михальчик. Дернулась было к выходу, но цепкие пальцы более устойчивых в нервном смысле товарок пригвоздили её к месту. Не сбивай рассказа!

Света захныкала, но это никого не тронуло.

— И тогда...

Пронизанный струями пыльного света из узких окошек вагончик замер, даже перестало пахнуть застарелым мазутом.

Ларочка ещё раз набрала воздуха в грудь, которой предстояло очень и очень развиться в будущем.

— И...

Неплотно прикрытая дверь вагончика распахнулась, и в проёме показалась бесформенная, кажущаяся громадной и угрожающей мужская фигура. Разумеется, все офицерские девочки решили, что это явился он — олимпиец.

Взрывом общего визга рыбака, носившего по странному совпадению имя майор Рыбаков, просто выбило вон из проёма, и он пропустил свору верещащих девчонок, как стайку рыб в разрыв невода.

Ничего не понял, всего лишь зашёл за банкой накопанных червей, а тут шабаш юных вакханок (если он знал это слово).

Понятно, что волнующая повесть о Ларочкином приключении мгновенно распространилась сначала по военному городку, а потом и другим городским кругам. Самым клейким её местом был не озвученный конец. Женскую половину слушателей больше всего заинтересовал сам факт — с чьей именно девочкой произошло такое щекотливое приключение. “Ах, Конева!” Мужскую интриговало, насколько далеко, после расстегивания ремня, зашло дело.

Но тут начиналась тишина. Трудно сказать, почему Ларочка пресекла попытки повторных пресс-конференций на эту тему. То ли поняла, то ли почувствовала, что если она расскажет всё, то перестанет вызывать живой интерес, и останется ей лишь один только нездоровый. То ли был это какой-то дикий девичий каприз. Психология существ этого пола и возраста за гранью понимания какой бы то ни было психологической науки.

Вместе с тем она постоянно оставалась в центре внимания, и не только недокормленных запретным плодом одногодок из гарнизона. Они-то всеми силами отдались служению жутковатой тайне пола. То и дело какая-то Наташа или Света подбегали к ней и страшным шепотом сообщали, что “видели его!” И тогда приходилось всей быстро разрастающейся толпой лететь или к керосиновой лавке, или к пункту заготовки вторсырья, или к книжному магазину возле автовокзала.

И каждый раз случалось одно и то же.

Мужики, отловленные бдительным вниманием подружек, ну ни в малейшей степени не походили под описание, сделанное на первом выступлении Ларочки в вагончике на берегу. Это были лысые толстяки, носатые, с бородкой, а то и вообще одноногие дядьки на протезе.

Ларочка сначала волновалась, потом начала злиться, а уж когда со своей “информацией” к ней подкралась Катька Куркова, приехавшая в город через неделю после события в кочегарке, Ларочка надавала ей по физиономии. После этого решили, что она истеричка.

Взрослые, до которых эта история тоже не могла не дойти, понимающе кивали головами: “А что вы хотите, девочка пережила такой кошмар”. И пытались осторожно поговорить с родителями и бабушкой Ларочки.

Те искренне не понимали, о чём идёт речь, даже шарахались от всяких попыток разговора по душам. У них были свои основания не впускать никого во внутреннюю жизнь своей семьи и приходиться в ужас от одной мысли, что посторонние начали догадываться об их тайне.

— Какие они странные, эти Коневы.

— Да уж.

— Я всего лишь сказала Нине, покажите её хотя бы врачу. А она выдулилась на меня и говорит — кого? Как кого, говорю, неужели непонятно! “Да что с ней может случиться?!” — “А если забеременеет, что будете делать?” — “Да кто в таком возрасте беременеет?!” — “А я только прочитала в “Науке и жизни”, что в Бразилии девочка в восемь лет уже родила”.

Нина Семёновна, подвергавшаяся этой деликатной попытке, заорала страшным голосом и, отпихнув слишком добрососедски настроенную подполковницу, убежала из магазина, роняя из хозяйственных сумок батоны и яйца.

Конечно, по гарнизону и городу поползли всё более чернеющие слухи.

Чем бы это кончилось, сказать трудно, но дело в том, что Коневы вдруг уехали из гарнизона.

Капитан, несмотря на всю свою мягкотелость и неспособность к отстаиванию своих интересов, добился перевода. Да ещё и в область, да ещё и на майорскую должность.

В гарнизоне к этому переводу отнеслись с пониманием, и даже поползли слухи, что таинственный владелец того самого ремня не простой человек.

Накануне отъезда по настоянию Викторией Владимировны (кстати, оставшейся для отдельного проживания в одной из комнат гарнизонного дома Коневых и при своей стильной работе в салоне красоты) был устроен некий вечер прощания. Помимо членов капитанского семейства, в числе приглашённых были ещё и старший лейтенант Стебельков с супругой и трёхлетним сыном — им доставалась большая часть жилплощади убывающих Коневых,

а также Лион Иванович, соученик Виктории Владимировны по Ленинградскому институту культуры, автор скетчей и комических сюжетов в основном для коллективов художественной самодеятельности, но иногда прорывавшийся и на профессиональную эстраду, перебравшийся к тому моменту в Москву. В общем, человек из мира большого искусства. Маленький, ловкий, как хорошо одетая обезьянка, в бежевой тройке с бабочкой, в очках без оправы и с часами на цепочке — вся эта сложная экипировка производила должное впечатление, почти все приглашённые немножко робели, несмотря на всю доступность, деликатность и лёгкую смешливость гостя.

Виктория Владимировна подавала его как центральное блюдо своего пира, как какая-нибудь сямская императрица потчует гостей редким жареным скорпионом.

Конечно, Лион Иванович прибыл к гарнизонному столу не специально, это было бы слишком. Просто в окрестностях городка, вмещающего танковый полк, находился старинный монастырь, где происходили съёмки слезливо-исторического кинополотна под условным названием “Полонез Огинского”, а однокорытник Виктории Владимировны состоял в сценарной группе и имел шанс даже оказаться в титрах по итогам работы.

Конечно, демонстрируя уровень своих творческих друзей, Виктория Владимировна очень поднимала свой статус. Она собиралась появиться с Лионшей и в своём салоне, и организовала через майора Глуховца, начальника гарнизонного клуба, вечер-встречу с “известным деятелем кино”, но для начала и с самой большой педалью подала скетчиста у себя за столом, в домишке над Чарой.

Стебельковы были в отпаде, кажется, так тогда уже говорили. Незаметно для них самих этим застольем устанавливался на годы вперёд стиль их отношений с работницей салона красоты. Конечно, это будет что-то вроде добровольного радостного рабства: их мальчишка, когда подрастёт, будет бегать в магазин, старший лейтенант чинить бытовую технику, а мадам Стебелькова гладить и, возможно, даже стирать для подружки Лиона Ивановича.

Конева держалась много суше. Скетчист это чувствовал, но это его не растроивало. Он был дружелюбен, любезен и в силу этого выгодно смотрелся на фоне буки капитана.

Когда он шутил, Стебельков хохотал громче всех, показывая широту своей натуры. Ларочку посадили за стол как почти уже большую девочку, чем дали волю её наблюдательности. Она презрительно косилась на весёлого офицера, он ей казался предателем. Почему он не так же суров, как папа?

Она в течение этого вечера укрепила в своём отношении к отцу и узнала одну поразительную для неё вещь. Сначала про отца. Его она жалела, и уже давно, о чём шла речь выше. Но не только лишь жалела. Вынося его образ из стен дома, где он играл роль предмета мебели, да ещё и не главного, она считала своим долгом им гордиться и всегда до последнего отстаивала его точку зрения на явления окружающего мира.

Был такой случай в её школьной жизни. Учительница как-то задала классу загадку: “Что это такое, что и в воде не тонет, и в огне не горит?” Ларочка сразу выбросила вверх свою решительную руку, ибо досконально знала ответ. Ведь папа ей сказал как-то, что это русский солдат, “он и в огне не горит, и в воде не тонет”.

Зная избыточную активность ученицы Коневой, учительница не стала её спрашивать, а спросила кого-то другого. И другая девочка сказала: “Лёд!”. Была похвалена за правильный ответ, что вызвало совершеннейшую ярость Ларочки, она продолжала тянуть руку, она требовала, чтобы выслушали и её ответ. Ответ, который казался ей возвышенным и прекрасным, в отличие от банального ответа той другой девочки.

Наконец учительница, недовольно кривясь, дала ей слово.

— Русский солдат!

— Что русский солдат? — устало переспросила учительница.

— Русский солдат и в огне не горит и в воде не тонет!

Учительница встретилась с Ларочкой взглядом и поняла, что спорить не надо.

— Да, можно сказать и так, что лёд и русский солдат немного похожи. Гордая своей победой, в тот же вечер Ларочка рассказала отцу об этом эпизоде.

— Я ведь правду сказала, папа?

Капитан, в тот момент оторванный злой женской волей от любимого футбола ради прополки картошки, обнял дочку и, шмыгнув носом, сказал:

— Солдат да, дочка, а вот офицер...

И ей стало его так жалко, и эта жалость таким удивительным образом перемешивалась с гордостью за него, за ту правду, что он позволял ей испытывать перед той тусклой учительницей там, среди тупо хохочущего или вяло зевающего класса.

— Папочка, а я ведь дочь офицера?

Капитан только сильнее её обнял.

А в тот прощальный вечер произошло что-то скверное. Папа напился, хотя, в общем-то, не был гулякой и алкашом, как большинство подкаблучников.

Говорили о кино. Не вообще о кино, а о том фильме, при котором подвизался Лион Иванович. Бабушка и Стебельковы следили за тем, чтобы разговор никуда не отворачивал с этой творческой дорожки. Наконец, капитану Коневу это надоело, и он заявил, что “такие фильмы” он терпеть не может. “Какие?” — вежливо и весело поинтересовался гость. Капитан сказал, что любит фильмы настоящие. Гость попросил привести пример фильма, которые нравятся хозяину дома. Тот на секунду задумался.

— Вот “Героин”. В “Заре” шёл. — Капитан вспомнил, что замполит советовал сходить на эту картину, поскольку там отображены события на острове Даманский.

Лион Иванович радостно кивнул.

— Вы его уже видели?

— Я его ещё не видел, но я люблю героические фильмы, а не ваши полонезы.

Гость притворно вздохнул.

— Мне кажется, что вам это кино не понравится. Это документальное кино.

— А это ты врешь! Героизм есть героизм, и без него армия никуда, с документами или без документов.

— Там, извините, о героине, а не о героизме.

— А это ты не болтай, героя как ни назови, он всегда герой.

Ну, и так далее. Молодые Стебельковы сбегали в своё время в кино и знали, о чём идёт речь. Районные прокатчики, получив коробки с лентой, не разобрались, что там два фильма, один, действительно, о событиях на уссурийской границе, а второй о страшном вреде, приносимом наркотиком героинном. И на афишу вынесли самое звучное слово из написанных на коробках.

Стебельковы хихикали в кулак. Нина Семёновна была слишком занята своей не очень понятной тоской, тупо смотрела по сторонам, у неё не было сил что-либо понимать. Виктория Владимировна вертела за талию свою рюмку, подняв правую бровь. Лион Иванович сохранял на лице полную серьёзность, но Ларочке было понятно, что он издевается над её отцом-офицером. Это нужно было срочно прекратить, и Ларочка опрокинула бокал с вином “Лидия” на бежевые штанишки говорливого “денди”, но промазала, попала на подол бабушке. На неё она тоже была в данный момент сердита, хотя и в рамках общего почтения к её грандиозности и величию.

3

Город Гродно от других белорусских городов отличался тем, что во время войны его наши и сдали немцам практически без боя, и получили обратно, не штурмуя, поэтому он сохранил большую часть своего исторического вида.

Приземистый замок Стефана Батория на правом, высоком берегу Немана, несколько частично действующих костелов, сеть узких улочек старинной застройки, с крохотными магазинчиками и ресторанчиками. Культурным цен-

тром города был Дом офицеров, двухэтажный особняк, до такой степени увитый плющом, что напоминал лежащую овцу. В пристроенном у него в тылу концертном зале проходили главные гастрольные концерты, к нему же был прилеплен и специальный гимнастический зал для всемирно знаменитой гимнастки Ольги Корбут. Ларочка записалась сразу в пять кружков, имевшихся в Доме. Музыка, лепка, театральный, кулинарный, исторический и ещё хор.

Училась она отлично, пересадка её ученического организма из одной школьной почвы на другую (что иной раз ломает слабые характеры) прошла для неё безболезненно. Она умудрялась быть одновременно и формальным и неформальным лидером. Активно включалась во все официальные акции — макулатура, металлолом — и всегда оказывалась среди передовиков, при этом даже у самых закоренелых неформалов не возникало желания отлупить её после школы портфелями. И для них она оказывалась как бы своя. Когда пришло время вступать в пионеры, она не просто вступила, но скоро стала членом совета дружины с явными председательскими перспективами.

Каждое лето отправлялась Ларочка в пионерский лагерь. Детям обычно там не нравится, ей нравилось. Особенно во время праздников. Кутерьма, горн, ночные костры, песни в обнимку, слёзы, восхищение наступающим будущим.

Лагерь “Румлево” располагался на огромном, густо поросшем соснами холме, изрытом кротоми. Повседневная жизнь там была, конечно, вяловата. Пионервожатые крутили между собой полускрытые романы и почти открыто исповедовали портвейн. Пионеры, предоставленные сами себе, зевали в беседах, скучно глядя на одинокий волейбольный мяч, валявшийся под дырявой, провисшей почти до земли сеткой. Отдельные личности охотились за земляничкой или бабочками. Ларочка им даже завидовала немного, их посвящённости и увлечённости, но чувствовала отвращение к столь немасштабной работе.

Лагерь преображался в последние три дня каждой смены, когда начиналась подготовка к “Большой эстафете”. Многоэтапное соревнование: прыжки, метание, плавание, шахматы, бег, волейбол, городки и всё, что только можно придумать. Причём суть замысла была в том, что соревновались не отряды, где победителя определяло бы простое преимущество в возрасте, а “цветные” команды, “нарезанные” по кусочку из каждого отряда. “Красные”, “синие”, “жёлтые”, “белые”.

Ларочка каждый год и на все три смены становилась членом своего штаба, и всегда это были “красные”. Она знала, как расставить людей. Лучше всех представляла, кто “у неё” прыгун, кто бегун, а кому лучше сесть за шахматную доску или согнуться в тире. Сначала с ней пытались спорить и ставить на место, как девочку, но она умела перекричать и настоять на своём, и, поскольку она всегда потом выигрывала и с большим отрывом, её уже со второй смены делали начальником штаба.

Ларочка не могла бы объяснить, что с ней происходит, когда происходит это разделение на “своих” и “чужих”. На “красных” и прочих. Важность победы для своих вдруг становилась для неё какой-то огромной, даже безусловной ценностью, и она на многое была готова. Да на всё. Почему-то с момента распределения ребят на команды все “не красные” становились для неё совсем чужими, как бы выведенными из-под действия общего дружеского закона. Не рассуждая, она готова была умереть за “красных”. За своих.

Вот она — совершенно оформившаяся семиклассница. В обтягивающей майке и синих трениках, тоже всё как надо обтягивающих, с двумя решительными хвостами на голове, быстрым зелёным взглядом. Она, конечно, ощущала постоянно сочащееся в её сторону мужское внимание. Завхоз и шофёр лагерной продуктовой машины, так те просто прицокивали языком при её появлении и произносили уже почти недвусмысленные двусмысленности, но Ларочка воспринимала эти “знаки внимания” с редкостным хладнокровием. Не оскорблялась ханжески, мол, как им не стыдно. Расценивала всё же как отличие, но не застывающее какой-то реакции.

Между тем её быстрые зелёные глаза обречены были на ком-то остановиться. И только к третьему заезду “случилось”. Уже с первого дня заезда

она почувствовала, что стремится оказаться рядом с мальчиком по имени Женья. Чем-то особенно выделялся? Да, в общем-то, нет. Длинный, с чуть наклонённой вперёд наивной головой. У него была кличка Лапоть, из-за походки. Нога выросла непропорционально быстро, как это случается сплошь и рядом, нужен был семикласснику сорок четвёртый размер ботинок.

“Пойдём собирать одуванчики?”

“Пойдём!”

“Сыграем в настольный теннис?”

“Сыграем”.

Он всегда соглашался на всё, что она ему ни предлагала, и выполнял ровно столько, сколько от него требовалось данным соглашением.

Естественно, Ларочка ждала чего-то сверх. Пройдя свою часть пути, она интуитивно рассчитывала на продолжение, может быть, даже и не конкретизируя для себя, каким ему быть. Целоваться они будут, или что-то там ещё... Женья оставался неподвижен. Даже когда бродил по берегу реки, нырял или душил ракеткой по пластмассовому шарик.

Ларочка досадовала, но не слишком, потому что таким своим поведением Женья ничего вроде бы не портил, возможность продолжения всё время сохранялась, тем более что впереди расстились почти бесконечные солнечные просторы лагерного августа.

И вот очередная эстафета.

Накануне старший пионервожатый Леонид с удивительной фамилией Желудок — ударение на последнем слоге — предложил Ларочке как начальнику штаба своей команды прогуляться вечером. “Надо обсудить, как всё должно пройти завтра”.

Ларочка сказала, что надо собрать всех начальников для такого дела. Сказала так не только из чувства справедливости, но и из любви к атмосфере штабных посиделок, когда ребята деловито покуривают, чертят какие-то схемы на столе, лихорадочно светит лампочка под потолком палатки, вершится лагерная история...

Леонид лениво объяснил, что с этими “оболтусами” он уже перемолвился, а с ней он бы хотел заняться отдельно, поскольку чувствует особую ответственность за её “красных”.

Ларочка согласилась, ради “своих” она была готова на многое. Её не слишком смутило то, что местом важного разговора был выбрана отдалённая беседка на берегу реки, а время — после отбоя.

Светилось зеркало бесшумно бегущей воды, луна присутствовала за кронами сосен, комары то и дело вынуждали к неромантическим телодвижениям. Леонид начал издалека и солидно. Сказал, что уже давно следит за Ларочкиной работой и видит в ней перспективный кадр, собирается продвигать по рельсам интересной комсомольской работы. С этими словами он положил руку ей на левую часть лифчика. Начальница штаба “красных” осталась в полнейшей неподвижности. Она не могла решить, продолжается ли разговор о её карьерных возможностях, или это уже начался переход к чему-то другому.

Леонид, посчитав, что первый рубеж уже взят, решительно двинулся вглубь захваченного плацдарма. Он сказал, что есть мнение, что в будущем она, Лариса Конева, вполне могла бы стать старшей пионервожатой здесь в “Румлево”, и его вторая рука опустилась на колено кандидатки.

— Ах, вот оно что! — сказала начальница штаба совершенно взрослым женским голосом.

— А ты как думала! — сбросил маску Леонид, даже радуясь тому, что разговор приобретает простой технический характер. Ты мне, я тебе. До него доходили слухи, что эта Ларочка — девушка с каким-то интересным прошлым. Ничего конкретного, но всё же...

Она не стала заниматься рукоприкладством. Просто резко встала всей мощью юного крепкого тела, отчего принявший уже не вполне устойчивое положение Желудок полетел со скамьи, да ещё и под откос к реке.

Лариса молча развернулась и исчезла в ночи.

Леонид совсем не по-пионерски выматерился ей вслед, присовокупив обещание отомстить.

Сдерживать своё обещание он начал уже прямо назавтра. Выяснилось вдруг, что в лагерь не завезли красной материи, и Ларочкиному отряду пришлось выступать с чёрными повязками, и их все стали называть “похоронная команда”. А ещё была запущена, конечно же, из штаба эстафеты кличка для этой команды “жеребята”. Как ни странно, многих мальчишек это смутило. У одного срочно разболелся зуб, у второго живот. У всех прочих потухли глаза. Команда, лишённая боевого духа, обречена на поражение.

Руки у Ларочки не опустились, даже наоборот. Она внутренне закипела и одновременно сцепила зубы, провела необходимую контрработу. Встряхнула каждого, объяснила, что это диверсия, и всё потому, что “их”, “чёрных”, все бояться. “Мы назло им всем будем работать по-чёрному и победим!”

4

Сегодня Ларочка отправилась в парк. Там была назначена интересная встреча. Приехал в Гродно с концертной бригадой небезызвестный Лион Иванович. Афиша с его лоснящейся физиономией уже три дня висела в витрине Дома офицеров.

Конечно же, он пожелал увидеть родственников своей старинной подруги и однокашницы Виктории Владимировны и в хорошем столичном стиле прислал им на дом билеты на концерт.

Несмотря на всю эту галантность, Коневы не пожелали принять столичного гостя у себя дома, договорились только о встрече в парковом кафе. Надо сказать, Лион Иванович не оскорбился, и вообще он выглядел человеком, которого трудно обидеть и невозможно удивить.

Ларочка присоединилась к компании, как раз когда было подано мороженое и допита первая бутылка “Фетяски”. Но напряжение и не думало спадать.

Увидев Ларочку, Лион Иванович вскочил со своего стула, чуть ли не опрокинув его, поцеловал “даме” ручку, что ей скорее понравилось, чем смутило, и пододвинул стул. Склонил голову набок, демонстративно любуясь.

— Вы знаете, милочка, вы вылитая Виктория Владимировна. Вы-ли-та-я! Капитан кашлянул.

Нина Семёновна стала нервно рыться в своей сумочке, но ничего не могла найти, потому что не знала, что ищет.

Лион Иванович вел себя так, словно ничего особенного не происходит.

— Знаете, — кивок в сторону родителей, — это вас, наверно, обидит чуть-чуть, но у меня такое впечатление, что Ларочка ваша, как бы это сказать, напрямую, что ли, родилась от Виктории Владимировны, хотя я понимаю всю бредовость этого соображения. Но что в нашей жизни не бред?

— Я очень люблю бабушку, — сказала Ларочка казённым голосом. Ей не нравилось, что она ничего не понимает в происходящем.

Нина Семёновна встала и, кисло скривившись, заметила, что им пора. Лион Иванович опять вскочил, пинаемый бесом галантности, и кинулся было к ручке капитанши, но у него ничего не вышло. Офицер хмуро ушёл вслед за своей супругой.

Ларочка демонстративно осталась. Раз родители ей ничего не рассказывают, она имеет право узнавать сама.

— Хочешь мороженого? Или вина? — веселился Лион Иванович.

— Почему они ушли?

— Им, наверно, не понравилась новость, которую я им сообщил.

Ларочка отпила вина из бокала Нины Семёновны.

— Какую новость?

— На мой взгляд, интересную.

— Какую?

— Виктория Владимировна вышла замуж.

Ларочка осторожно, чтобы не подавиться, отняла бокал от губ.

— Вы зря смотрите так недоверчиво, дитя моё. Это правда.

— Я не ваше дитя.

— И слава Богу.

— Продолжайте, — твердо сказала Лариса.

Артист посмотрел на комсомолку с некоторым удивлением, взгляд его говорил — однако!

— За кого она вышла?

— За лейтенанта, прошу прощения, старшего лейтенанта Стебелькова.

Лариса испытала сложное чувство, не во всех его деталях она могла разобратся. По крайней мере, в одном она было уверена, этот балбес Стебельков наказан за то, что смеялся тогда над пьяным папой.

5

После окончания школы Лариса Конева поступила на филологический факультет Гродненского пединститута. Почему именно туда? Ответить не просто. В городе были и другие высшие учебные заведения, которые могли бы претендовать на эту яркую студентку. Скорей всего, дело в том, что основное здание педагогического вуза внешне очень напоминало здание Дома офицеров, где Лариса провела такую насыщённую кружковую жизнь, оно было столько же радикально увито плющом, едва оставлявшим в своей толще небольшие просветы для окон.

Благодаря своему быстрому, схватывающему уму училась Лариса легко, играючи. С первых же дней стала вгрызаться в общественные структуры нового мира. Выбрала сразу несколько направлений. Для начала явилась в комитет комсомола и потребовала, чтобы ей что-нибудь поручили. Ей поручили, она должна была вместе с учебной частью проследить за подготовкой своего потока к выезду на картошку, этот ежегодный карнавал единения города и деревни. Она включилась в прослеживание и хорошо себя показала на этом поприще. От неё никто не увильнул, никому не удалось тихо отлынить. Хитрости юных филологов — типа фальшивых справок — она раскусывала с лёгкостью, сказывался штабной пионерский опыт.

Будучи девушкой довольно крупной, с длинными руками, плотным торсом и крепкими бедрами, она тут же попала в поле зрения сборной института по гандболу и посетила несколько занятий. В те годы, когда не было ещё ни женского бокса, ни женской борьбы, гандбол являлся единственным видом спорта, в котором спортивным девам позволялось общаться между собой по-мужски. Синяки, царапины, выбитые зубы были обычным делом не только на соревнованиях, но и во время тренировок. Несмотря на это, ряды гандбольных гренадерш не редели. И в спортзале института во время женских тренировок был слышен не только визг, но и порой боевое азартное рычание.

Привыкшая повсюду быть первой, Лариса крепко взялась за дело, тем более что физические данные позволяли. Но однажды, выходя на бросок в прыжке, она получила такой удар локтем в симпатичное личико, что грохнулась на пол без сознания. Она быстро в него вернулась, но уже другим человеком. Рассматривая быстро расцветающий синяк под левым глазом, она не плакала, она соображала. Она решила, что грубый спорт, равно как грубый физический труд, не её стихия.

Она дождалась, пока раскраска лица примет наиболее жалобный вид, явилась в деканат и объявила, что общепедagogический картофельный месяц проведёт в городе. Она и так столько сделала для мобилизации первокурсников на картошку, и теперь вот пострадала от скверной организации тренировочного процесса. Пострадала — она сделала на этом упор, — в конце концов, за институт.

Её не только поняли, хотя буквально каждый человек для картошки был на вес золота (громадный урожай 197 ... года, задание обкома, колхозы задыхаются от отсутствия рабочих рук), но и в дальнейшем ставили в пример её преданность институту, доходящую до самозабвения.

Этот поход в деканат был замечателен ещё одним моментом. Она столкнулась там с Леонидом Желудком. Он весело, по-приятельски с ней поздоровался, пригласил заходить в гости — “по-простому, по-товарищески, работали же вместе”, — правда, не сообщил, куда именно. Ларочка позднее узнала, где он работает.

6

Гандбольное повреждение оказалось не совсем безобидным. Была повреждена какая-то маленькая мышца на левой щеке. Травма была совершенно незаметна, пока лицо Ларисы не выражало никаких чувств. Но стоило включить мимику, как во всякое движение лица вмещивалась едва заметная поправка. Улыбка получалась чуть иронической, удивление слегка высокомерным, неудовольствие малость свирепым, и всё остальное — обида, восторг, скука — получало некую эмоциональную присадку. Любой собеседник невольно был вынужден разгадывать эту непреднамеренную психологическую игру, хотя за ней ничего реального не стояло. В это время Лариса спокойно добивалась того, что ей было нужно от делового разговора. Собеседник, как правило, соглашался на её условия, и даже чувствовал облегчение, когда она оставляла его в покое, получив своё. Со временем Лариса осознала и очень хорошо отточила технику мимического подавления и поняла, что на мужчин она действует лучше, чем на женщин.

Всё это выяснилось позже, а в те дни освобождения от картошки она заскучала. Выяснилось, что, оторвавшись от коллектива даже в выгодном для себя смысле, она не чувствует себя счастливой. Не дождавшись полного исчезновения синяка, она нацепила чёрные очки, купленные отцом во время крымского отдыха, и пошла по городу на поиски общения.

В Доме офицеров был ремонт.

В институтском корпусе было пустынно. Старшекурсники заседали на своём третьем этаже, и в их круг было не втиснуться. Но попалась ей одна открытая дверь, в которую входили некие люди. Оказалось, что это литературный кружок. Помещение было заставлено шкафами с колбами и непонятными приборами, на стенах висели географические карты и таблицы Менделеева. Портреты Льва Толстого и Тимирязева были прислонены к стене рядом с охапкою старых, разномастных лыж. Пахло пылью, канифолью и непонятной неформальностью. Можно было при желании подумать, что сборище это чуточку запрещено. Здесь сошлись самодеятельные институтские поэты. Первое, что бдительная подумала Лариса, — неужели они все тоже освобождены от картошки? Неужели болезнь и поэзия так уж связаны?

Она быстро поняла, что не все здесь знакомы друг с другом, большинство — новички, и успокоилась. На ней, помимо очков, были совершенно новые польские джинсы, туфли на высоченной платформе. Она, закинув ногу на ногу, демонстрировала собравшимся их размер, как уровень своей независимости. Еще на ней была чёрная водолазка с узким горлом, что, как ей казалось, делало её самой поэтической фигурой этого собрания.

Посреди склада учебного оборудования стояли свободным полукругом десятка полтора стульев. Сидящие держали на коленях кто тетрадку, свернутую в трубочку, кто стопочку листков машинописного текста. Завсегдатаи громко, по-хозяйски переговаривались. Новички бросали по сторонам затравленные взгляды.

Когда порядок почти установился, возник руководитель. Он вошёл, мягко улыбаясь, в сопровождении двух льнущих к его власти поэтесс. Терпеливо кивнул им несколько раз, дослушивая их угодливый лепет, и отослал в общие ряды.

Лариса направила на него свой невольно inferнальный взор. Потом уже она узнала, что это Владимир Владимирович Либор, выпускник столичного (Минского) института культуры, руководитель здешнего ВИА, чуть ли не лучшего в городе, и по совместительству руководитель литкружка. Он был умеренно росл, гармонично кудряв, обаятелен и одет вызывающе не по-

жлобски: фланелевые брюки, мягкий пуловер, мокасины. Лариса с содроганием вспомнила костюм преподавателя истмата, лоснящийся от многократного применения так же, как и терминология его науки, и всмотрелась в руководителя с усиленным интересом.

Он поздравил всех с началом нового сезона. Поприветствовал старых своих студийцев, улыбнулся новым и выразил надежду, что они порадуют “всех нас” талантливыми стихами.

Лариса пыталась понять, обратил он внимание на неё или нет. Делает вид, что нет. Явная игра. Она выделяется среди этих озабоченных непонятно чем девчушек с блокнотами, как чёрная лебедь в стае серых уток. Тут даже селезни серы.

Владимир Владимирович продолжал говорить, кажется, шутил, ему отвечали понимающим смехом. Поэтессы, те, что из свиты, и ещё две другие возбуждённо грызли изнутри губы, раздували ноздри и глуповато улыбались, их возбуждало лениво-интеллигентное говорение руководителя. Лариса рассмотрела каждую из них и даже сквозь затемнённые стекла определила — не соперницы.

— Ну, что же, коллеги, давайте познакомимся с нашими новыми... м-м, коллегами.

Лариса напряглась. Сейчас придётся вставать, в сидячем положении она чувствовала себя на высоте, а вот стоя... во-первых — поза! Нагло встать богатую туфлю и предъявить бедро во всей красе, или отвечать пошкольному, вытянувшись во весь гордый рост, со сжатыми коленками? Поправлять ли водолазку, она всегда чуть собирается на животе, или лучше позволить себе эту небрежность?

Тем, что у неё нет с собой никаких тетрадок ни с какими стихами, она не была смущена нисколько. Спросят, сплетётся само собой какое-нибудь объяснение.

Новички вставали по очереди, представлялись. Кто-то бормотал под нос два слова и садился, кто-то “преподносил себя” оригинальным речевым поворотом, а то и четверостишием.

Лариса тут же клеила им клички. Девица в круглых очках и двумя огромными передними резцами, которые не укрыть даже специальным усилением верхней губы, — “Заяц”. Две тихо восторженные подружки — “Лисички”. Чтобы не продолжать лесную линию, хлопца с широким, в непонятных шпрамах лицом, она назвала “Ромштекс”.

Встал приземистый, в чёрном свитере парень-мужчина. Из выреза торчала бледная шея, с большой квадратной головой, похожей на совиную. Большие, круглые глаза, белые круги вокруг глаз. Он сказал, что работает на стройке, но что для него стихи — “это очень серьёзно”, и почувствовался укор в адрес остальных, как бы заподозренных, что их сочинения — баловство.

“Прораб”, — сказала себе Лариса и отвернулась. Ей казалось, что он в каком-то смысле её передразнивает — бледные круги вокруг глаз, как будто недавно тоже носил чёрные очки.

Владимир Владимирович был любезен с каждым, могло показаться, что он просто ошачливлен явлением нового таланта. Даже если он не из недр пединститута, а со стройки.

Лариса была довольна тем, как она встала, её взбодрило явное неодобрение со стороны “Лисичек”, они своим животным нюхом сразу учуяли большую опасность для себя со стороны загадочной дыды с драпированным взглядом. Владимир Владимирович и ей уделил порцию своей любезности, как и всем, но Лариса была убеждена, что улыбка и мягкая речь, обращённые к ней, имели отдельный, специальный характер. Интересуетесь поэзией? Оставайтесь.

После представления должно было начаться настоящее знакомство. То есть чтение стихов. С немедленным их разоблачением путем перекрестной и безжалостной оценки. Тут уж было не до любезностей. Ларисе эта процедура показалась очень странной. Было видно, что каждый куплетист представляет на всеобщее глумление что-то очень заветное и очень страдает, когда ему говорят гадости об этом заветном.

Пожалуй, только один смысл был в этом авторском всетерпении — каждый в свою очередь превращался из жертвы в палача. И уж тут отыгрывался по полной.

Девушка-“заяц” после “знакомства” с собратьями по цеху сидела в обморочном состоянии, зажмурив за толстыми стеклами испуганные глаза. “Ромштекс” превратился в бифштекс с кровью и шумно, мстительно дышал.

“Лисички” были из завсегдатаев, они схитрили, сказав, что отдали уже стихи прямо Владимиру Владимировичу, потому что их “надо читать глазами”.

Руководитель кивнул, чем вызвал укол ревности в Ларисе. Оказывается, у этих шустрых штучек есть связь с красавцем в пуловере, которой она сама никогда не сможет воспользоваться. Она не успела углубиться в эту неприятную тему — встал “прораб”.

Он стал читать не сразу, он обвел присутствующих тяжёлым, как бы предупреждающим взглядом. Ему было лет двадцать пять, он по возрасту мало уступал самому руководителю, и по движениям его было видно, что на плечах его квадратной фигуры осел уже немалый жизненный опыт. Он тут же подтвердил это впечатление. Голосом негромким, но напряжённым, готовым вот-вот прерваться, он поведал, что стихи, которые он сейчас прочтёт, это не просто стихи.

— То есть? — вежливо поинтересовался Владимир Владимирович.

“Прораб” сказал, что они — “плод тяжёлых и страшных раздумий”, ибо совсем недавно он, Валерий Принеманский, осиротел.

— У вас умерли родители?

“Прораб” едва заметно, но совершенно презрительно улыбнулся в ответ на это замечание предельно благополучного в этой жизни руководителя.

— У меня погибли жена и дочь, при родах, месяц назад. От потери крови. Я потерял всё, что у меня было... Я прочту стихи. Прошу учесть то, что я сказал. — Надо было понимать, что никакой не может быть критики при таком деле. Еще не запеклась рана.

В душе Ларисы опять что-то царапнуло. И опять как-то по-новому.

“Прораб” стоял довольно далеко от неё. Ларисе захотелось снять очки и рассмотреть несчастного, она вовремя спохватилась и лишь поправила их. С удивлением обнаружила, что сидящие вокруг кривят губы и морщат носы. Всеобщая ироническая реакция показала ей несправедливо жестокой. И она начала усиливаться, когда Валерий Принеманский стал произносить свои трагические строки. Стихи его... нет, она не могла определить, насколько они хороши или плохи. Они, в общем, были похожи на то, что читалось до этого. По звуку, по словам, но они резко отличались от всех остальных тем, что за ними стояла подлинная боль. У них у всех этого не было, а у него было, и поэтому они отторгают его, весь этот самодовольный “зверинец”, эти “зайцы”, “лисы”...

Закончив чтение, “прораб” сел, и стало заметно, что он сидит теперь более отдельно, чем до этого. Вокруг него возник некий вакуум. И он сидел, независимо закинув ногу на ногу, с непроницаемым лицом, со своим высказанным, но не понятым страданием.

Владимир Владимирович совершил ошибку. Ему следовало бы просто двинуться дальше по поэтическим рядам, поднять ещё одного новичка, но он счёл необходимым сказать несколько слов в адрес только что услышанного. Конечно, мягких, конечно, ободряющих, но это вызвало на лицах студийцев отвратительно понимающие улыбочки. Они “понимали” друг друга — душа-руководитель и его секта. Они были благополучно вместе, а “прораб” был трагически один. Да ещё с мёртвой женой и дочкой.

Когда всё закончилось, и “прораб” ушёл, явно решив, что он здесь чужой, Лариса боялась, что начнётся нечто вроде вакханалии насмешек. Однако ничего подобного не произошло, все только пожимали плечами и тихо обменивались фразами на самые разные темы, вроде бы и не касающимися “прораба”, но Ларисе казалось, что тем самым они ещё злее, ещё окончательнее втаптывают его в грязь. Притворное великодушие, наигранное желание понять — это ещё отвратительнее, чем прямое глумление.

Владимир Владимирович, конечно, тоже не опустился до трусливых ос-трот вслед изгнаннику, он только улыбался своей улыбкой, которая стала Ларисе отвратительна. Он грустно сказал:

— Я думаю, этот молодой человек у нас больше не появится, коллеги.

Лариса встала, уже, кстати, не думая, в каком состоянии её джинсы и водолазка, и решительно направилась к выходу. Тут Владимир Владимиро-вич обратил на неё внезапное внимание.

— Да, коллега, мы же вас-то так и не выслушали. Пожалуй, в следую-щий раз, да?

— Это вы калека, а не я, а я-то у вас тут уж точно больше не появлюсь.

7

Ей было плевать, какое она произвела впечатление на эту публику. Ко-нечно, дурнушки из “гарема” рады, что избавились от конкурентки, а о том, что творится в кудрявой голове самого Владимира Владимировича, ей и во-обще не хотелось думать. Не говоря уж о прочих бездарях.

И ещё раз задалась вопросом — почему вся эта толпа тут поэтически без-дельничает, когда весь народ в поле?!

Она пошла в деканат. Там её выслушали. Поблагодарили за сигнал. Оче-щали разобраться. Она сказала, что проверит, каковы будут результаты раз-бирательства.

Вторая встреча с “прорабом” произошла непреднамеренно, внезапно. Она стояла на остановке, поджидая автобус, когда вдруг услышала сзади стук яростно закрываемой двери и звуки неприятного нервного голоса, что были вроде бы знакомы. Обернулась. Он, то есть “прораб”, шёл “сквозь ве-тер мира”, пытаясь намотать на бледную, незащитную шею развевающий-ся шарф и размахивая, как огромной ладонью, канцелярской папкой. Он только что покинул голубенький домик-музей пани Ожешко, где по совме-стительству располагалось правление Гродненской писательской организации. Судя по всему, его там поняли ничуть не больше, чем на недавнем семина-ре, и он был очень возбуждён по этому поводу.

— Здравствуйте, — кинулась к нему Лариса.

Он посмотрел на неё взбешённым и одновременно несчастным взором. Но она была в себе уверена, в этом новом сером пальто и итальянских са-пожках, она не могла слишком долго оставаться неуместным объектом в вос-приятии даже очень раздражённого мужчины. Она чувствовала в себе спо-собность немедленно начать приносить психологическую пользу, какого бы размера ни была душевная рана, полученная сейчас этим человеком.

Поэт остановился.

Лариса улыбнулась.

Он сказал:

— И что с того, что он ходил через государственную границу, в Бело-сток, чтобы добыть документы в контрразведке, что он не предатель! Пусть он герой, но уже давно не война!

— Конечно, — сказала Лариса.

Ей понравилось, что голос у проклятого поэта немного изменился. Он приобрел трагическую хрипловатость, отчего в нем прибавилось мужествен-ности, но усилилось и опасение, что прервётся навсегда. А с этим голосом погибнет, возможно, и сам человек.

— Ты кто? — сурово спросил он.

Трудно найти подходящий и короткий ответ на этот вопрос.

— Я слышала ваши стихи.

Он, наконец, укротил свой развевающийся, как свободная мысль, шарф.

— А-а, ну пошли.

Вокзальный ресторан, абсолютно пустой в этот час. Фикусы в кадках, зевающие официантки в наколках. В углу небольшая барная стойка. Пова-рихи гремят противнями где-то на кухне. Ларисе понравилось, что поэт не стал пить водку, как сослуживцы отца, или того хуже — креплёное вино,

которое предпочитали её однокурсники. Пятьдесят граммов коньяка и конфетку. Девушке — сок.

— Абсента у вас нет? — спросил он у бармена.

Тот с достоинством улыбнулся и поправил бабочку.

— Прошу прощения, вы меня уже спрашивали. Вчера.

Выпил полрюмки и откусил четверть конфетки, из чего Лариса сделала вывод, что рюмка будет не одна. Видимо, велико огорчение этого поэтического сердца.

— Так ты кто? Ах, да. А кто я — знаешь?

Лариса замялась. Ей было что ответить на этот вопрос, но она понимала, что если она всё назовёт своими именами — вы гонимый, непонятый, ни на кого не похожий человек, — она как бы сразу сдастся в плен ему, выложит весь свой запас и ресурс. Ведь неизвестно, пришло ли уже время для таких откровений, и чем это может для неё обернуться.

Прораб спросил вторую рюмку и выпил её, внимательно глядя на свою неожиданную знакомую. У него был странный взгляд. Бледность вокруг глаз придавала его взгляду и чуть-чуть нездоровый, и вместе с тем породистый характер. Лариса опять подумала, что он долго носил чёрные очки во время солнечной погоды, и вспомнила о своём синяке и о своих чёрных очках. Не может же это быть совсем случайным.

— Вы гонимый, никем не понятый, ни на кого не похожий человек! — произнесла она со значительно большей серьёзностью и силой, чем это было у неё в мыслях.

Поэт даже не стал откусывать от конфетки и сразу потребовал третью рюмку.

Но тут вмешался бармен в бабочке и сказал, что больше в долг он отпустить не может.

Поэт иронически усмехнулся, не в адрес работника торговли, а в адрес своей непутовой судьбы. И тут вырвался из сумочки кошелек Ларисы, готовый на всё ради третьей рюмки для огорчённой души.

“Прораб” покровительственно усмехнулся и отверг жертву. Сказать по правде, Ларисе было бы не очень приятно, воспользуйся он её стипендией, но она сочла бы этот поступок в рамках романтических правил, по которым живут гонимые и отвергнутые. Но то, что поэт не воспользовался её кошельком, оказалось ещё более неприятно, хотя и как-то по-другому. Получалось, что он её куда-то не пропустил. Как же так, она уже совсем готова была возглавить движение за понимание его как личности и художника, а он воздвигает стену вульгарной вежливости.

— Пойдёмте отсюда, Киса. Мы чужие на этом празднике жизни.

Она не поняла, что он этой фразой влил её в пошлый литературный контекст. Она не была подвержена общеинтеллигентской моде тех лет на Ильфа и Петрова, она была девица классической ковки. Бедная Лиза, бедная Татьяна, бедная Наташа — вот это была её компания. Но она почувствовала женским чутьём, которое сильнее литературного, что её уже что-то связывает с этим замечательным человеком. И дело в не пошлом факте — он назвал её Кисой, то есть ласково. Нет, тут другое. Какое? — пока не ясно.

В тот день они расстались, даже не договорившись встретиться вновь.

Она потом себя казнила — дура! Что было цепляться за остатки девичьей кичливости. Ах, я не такая, я жду, когда меня засватают. Он выпил, он задумался, взнудан был везапной музой, чего от него ждать рациональных решений!

Всё придётся делать самой.

8

Тогда в центре городов вывешивали доски антипочёта. Кто-то напился, наскандалил...

И вот на одном таком стенде у стадиона она заметила узнаваемую физиономию. Кстати, фотография была вполне приличная, “пан поэт” выгля-

дел на помещённом снимке фигурой скорее несчастной, чем отвратной. Сопутствовавшая подпись — “тунеядец, дебошир” и т. п. — нисколько не выходила за рамки уже создавшегося в её сознании образа страдальца. Единственное, что смущало, он именовался там не поэтом Принеманским, а сварщиком Перковым. Принеманский — псевдоним, догадалась Лариса.

В милиции легко, без глупых вопросов и сальных намёков выдали адрес сварщика Перкова.

На секунду она смутилась. Ей предстояло покинуть ухоженную, вымощенную гладким булыжником территорию и отправиться в дикие места огромных котлованов, ревущих тракторов, пыльных самосвалов, мужчин в промасленной одежде с папиросами и сомнительными комплиментами в зубах.

Но разве это препятствия для настоящего женского характера? От конечной остановки третьего троллейбуса до того самого общежития она отправилась по обочине грузовой трассы, преодолевая искусственную, поднятую машинами метель.

Вахтерша, с ужасом оглядев её дублёнку и причёску, назвала номер комнаты. Лариса демонстративно уверенным шагом поднялась на третий этаж. Разумеется, “его” комната была в самом конце коридора, можно сказать, на отшибе, её окно выходило не в фасад, а в торец здания. Он и здесь в толпе работяг, умудрялся поддерживать состояние относительного одиночества.

Пальцы тряслись, это надо было признать, и тогда Лариса сжала их в кулак, чтобы унять дрожь, и постучала в дверь кулаком. Звук получился тяжёлый, напористый, можно сказать, властный. Дверь была поцарапана, а замок раз пять отремонтирован, из чего Лариса заключила, что к нему часто вламываются в жилище. Может быть, и женщины. Почему-то и этот вывод пошёл в плюс поэту.

Перков открыл. Он был гол по пояс, в трениках и тапочках. У него было удивительно белое тело, такого же цвета, как кожа вокруг глаз. Оказывается, только лицо темнеет от жестокого сварочного труда и непонимания окружающих.

— Я думал, это комендант, — объяснил он, хотя ситуация в объяснениях с его стороны не нуждалась.

— Можно войти? — с вызовом спросила Лариса.

— Садись.

Из мест, для этого подходящих, имелся только табурет и узкая, примитивная кровать. Нет, кровать — это было бы слишком для начала, решила Лариса и села на табурет. Рядом с ним на тумбочке стояла удивительная вещь — пишущая машинка. Своим чёрным, технически выпреним обликом она выделялась среди прочих местных вещей как породистая иностранка.

— Меня хотят выгнать, — начал объяснять Перков. — Сначала уволили со стройки. Теперь, говорят, освобождай помещение. Обещали, что придут с милицией. — Поэт развёл руками, показывая, что он прощает миру его абсурдность. Он уже надел рубашку, и чем больше пуговиц он на ней застегивал, тем больше в нем появлялось интеллигентности.

Лариса открыла сумочку, защищавшую колени, и достала оттуда бутылку коньяку, украденную из отцовского бара. Почему коньяк? Она хотела протянуть ниточку связи к тем трём вокзальным рюмкам, показать, что у их отношений уже есть история.

Перков повел себя блестяще, он не застыл в идиотском обалдении, как природный сварщик. Не расплылся в самодовольной улыбке польщённого самца. Он просто взял бутылку из рук дамы, потому что ей там не место, вынул из тумбочки два по-разному элегантных, хотя и не коньячных бокала, изящно надломленное песочное пирожное на блюде и сервировал уютное застолье.

Коньяк солидно наливался в бокалы, как будто понимал, сколько в нем заключено роскоши человеческого общения. Ларисе хотелось пить, и она думала о коньяке только как о напитке.

— Что обидно, это ведь не в первый раз. По тем же причинам я должен был уехать из Омьян. Родной город словно выплюнул меня. Теперь снова на улице. В ночь, в метель, вот как он. — Перков ткнул пальцем в фотографию кудлатого мужика с высоченным лбом и бантом на шее. Лариса из

поэтов могла узнать по внешности только Есенина и Пушкина, поэтому промолчала. Хозяин поднял бокал, поправил цветок в вазочке, что стояла на подоконнике (Ларису очень тронул тот факт: зима, общага и тюльпан!), и предложил:

— Вышьем!

Обожгло небо. Жажда только усилилась.

— Тебя как зовут-то?

— Ларочка, — сказала гостя неожиданно жалобным голосом.

Сварщик быстро налил себе ещё граммов восемьдесят, выпил не чокаясь, приветав, ткнул пальцем в выключатель. И начал быстро расстегивать рубашку, которую перед этим так тщательно застегивал.

9

Обнаружив пропажу “Ахтамара”, капитан Конев всё понял. И встретил дочь вопросом:

— Кто он?

Чувствуя по тону вопроса, что отец не будет доволен никаким ответом, Лариса ничего не стала объяснять. Просто проследовала в свою комнату. Отца она любила и не боялась. Относилась к нему лучше, чем к какому бы то ни было другому мужчине, но слишком точно знала схему его устройства: попыттит и смирится.

Не сегодня, так послезавтра.

Утром она оставила на видном месте свою зачётку — она отливала пятёрочным сиянием, а рядом лежал красиво упакованный галстук с открыткой, пояснявшей: “С первой повышенной”.

Не дожидаясь реакции отца, которую она и так отлично себе представляла, Лариса уехала скандалить к директору общежития. Заготовила превосходную речь, даже две речи, первая модификация — от имени комсомольской фурии, другая — от царевны Несмеяны. Слезы тоже форма демагогии, она это знала, хотя и не любила применять этот прием. Она была уверена, что никакой в мире директор не сможет объяснить ей, на каком основании он станет выгонять на мороз гения с пишущей антикварной машинкой. Пусть даже этот гений давным-давно ничего не варит для комбината и платить за проживание отказывается. Для полноты победы, которую она собиралась одержать, она решила объявить этому держиморде, что он должен будет также смириться с тем, что углый пенал в общежитских пенатах будет посещаем ею, отличницей, комсомолкой, активисткой Ларисой Коневой, в любое время по её усмотрению, и пусть только кто-нибудь зайкнётся насчёт советской морали в этой связи.

Директор обитал на первом этаже в небольшом “аппендиксе”, где на стенах висели феерически лживые графики, по-прошлогоднему покосившаяся стенгазета, а на стульях сидело человек шесть измождённых неизвестностью жильцов. Лариса прошла мимо них, как бригантина мимо лежбища дохнувших котиков, даже не отвечая на жалобный рёв этих бытовых животных.

И вот она в кабинете.

И вот она вылетает из кабинета.

Кто же мог знать, что вместо неизбежно утешаемого или запутываемого административного бугая она наткнётся на угрюмую, рябую надзирательницу с банкой горчицы вместо сердца.

Ладно, зайдём с другой стороны, сказала себе Лариса, и зашла. Вечером того же дня.

— Кто у нас будет жить? — взвился успокоившийся было отец.

— Человек, которому надо помочь.

— Ты выходишь замуж?

— Я ещё не решила.

— Подожди, даже если бы уже решила...

— Папа, — сказала Лариса, и на щеке у неё задержалась гандбольная жилка.

— Ты давно с ним знакома?

— Несколько дней, но это не играет никакой роли.

Капитан пошёл к холодильнику и там выпил две рюмки водки, одну за другой, зная, что сейчас-то женщины ему и слова не скажут.

— Кто он?

— Это удивительный человек, ты сам это увидишь.

— Ну, хотя бы месяц, ну, полгода вы встречались, я бы...

— Нельзя ждать полгода, папа. И месяц нельзя.

— Почему?

— Его завтра уже выгонят из общежития.

— Почему?

— Потому что до этого его выгнали с работы.

Капитан закашлялся, а потом захрипел.

— Папа, выпей ещё водки.

Преодолев таким образом отцовскую преграду, Лариса обернулась к матери...

Лариса надеялась на лучшее, но лучшего не случилось. Капитан Конев через полчаса беседы с поэтом выгнал его из дому, даже не допив его водки.

Лариса знала, когда можно и нужно надавить, а главное — на кого. Сейчас давить на отца было не нужно, нельзя. С поэтом Лариса явилась на работу к матери.

— Мам. — Она слегка дернула Нину Семёновну за руку. — Ничего не поделаешь.

— Чего не поделаешь? — мрачно, неприветливо спросила мать.

— Придётся ему, — она ткнула пальцем в поэта, — искать место у тебя.

— Где “у меня”, ты очумела?!

— В госпитале...

— И вправду очумела!

— Но ты же не хочешь, чтобы я лишилась мужа.

При слове “мужа” сварщик потупился, ему казалось, что сейчас назвали слишком большую цену за то жилье, которое ему, возможно, подыщут, но все его вещи сейчас валялись в предбаннике общежития, и ему обещали, что уже вечером они будут валяться на улице в снегу.

Лариса повернулась к сварщику.

— Я же тебя просила не читать отцу стихи. Он офицер, он не поймёт.

Поэт развёл руками.

— Я читал переводы. Гонгору.

10

Сестра-хозяйка — лицо влиятельное в госпитале и посвящённое во все материальные обстоятельства заведения. Окружной госпиталь располагался на обширной территории, обладал множеством укромных уголков, и Нине Семёновне не надо было особенно ломать голову ради того, чтобы найти приемлемую нору для “зятя”. Во флигеле неврологического отделения имелась конурка с отдельным входом, с койкой, тумбочкой и этажеркой, так что всё имущество сварщика обрело привычные для себя условия существования.

Нине Семёновне поэт тоже не глянулся, но, правда, не до такой степени, как мужу. Она разрешила ему курить в форточку и показала ту дыру в ограде, через которую выздоравливающие бойцы бегали в самоволку. Через неё же проникала на территорию и Лариса, когда ей особенно не терпелось добраться до спасаемого ею мужчины и не хотелось тащиться лишних два квартала до КПП. Хотя там её пропускали беспрепятственно и даже приветственно, зная, кто её мать. Так началась их “семейная” жизнь.

Самым важным было духовное единение. Сварщик всё время рассказывал о своих несчастьях, о своей незавидной, жестокой судьбе, а она разнообразно мечтала о том, какими способами и с какой энергией она будет бороться против всех этих чёрных сил.

Перков происходил из довольно родовитой по советским меркам семьи. Отец его был заместителем директора совхоза-техникума в Будо-Кошелеве, теперь, правда, сидящего за какие-то подло приписанные ему растраты. Единственный ребёнок в семье, поэт ни в чём не знал отказа: первый в поселке магнитофон, лучший мотоцикл, волосы до плеч, возможность поступить по благу в БИМСХ (институт механизации сельского хозяйства) и бегство отсюда. Лихая, богемная районная жизнь. Танцплощадки, общежитие кооперативного техникума. “О, ночная жизни!” Лариса слушала, чувствуя мучительную работу разбуженного воображения. Скажем, ночная жизнь Парижа — это что-то банальное, предсказуемое (кафешантаны и канканы), а вот ночная жизнь Будо-Кошелева, это пьянило!

Потом Перкова накрыла страстная любовь.

Лариса из деликатности собиралась вообще не касаться этой темы, но очень скоро стало понятно, что сварщик без этой темы не мыслит себе общения. Данута и Рогнеда. Имена умершей жены и не родившейся дочери. Когда он в первый раз рассказывал, как добивался, чтобы ему сказали, кого он потерял, дочь или сына, то не выдержал и разрыдался. Лариса легко разрыдалась с ним вместе.

— А потом я бежал, бежал от этого кладбища. Куда угодно, куда глаза глядят, хоть на стройку!

Лариса всё время мечтала добыть ему абсента, чтобы по всем правилам залить поэтическую рану, но этого напитка не могла достать даже мама, несмотря на все свои медицинские связи.

Тогда же он начал писать стихи. Всерьёз. Потому что до этого всего лишь баловался, сочинил лишь слова для пары песен местного ВИА.

— Теперь ты понимаешь, почему меня бесит, когда их не принимают и нигде не хотят печатать?

Еще бы ей не понять. Она хотела сказать ему, чтобы не волновался, она добьётся, чтобы его напечатали, но сдержалась, понимая, до какой степени не знакома ей эта область жизни. Как знать, какие там действуют правила. Но, чёрт возьми, должна же и там быть хоть какая-то справедливость!

Потом он начинал ей читать свои, как он говорил, тексты, и ей нравилось это слово, оно как бы заведомо выделяло читаемое из числа обыкновенных стихотворений, какие сочиняли другие, разрешённые авторы.

Будучи в самом полном смысле комсомолкой, активисткой, советской девушкой, она пьянела от сознания, что напрямую общается с источником какой-то таинственной “неразрешённости”.

Свою компанию по продвижению творчества сварщика она начала с перепечатывания его текстов на машинке. Поэт потягивал пиво, держа на весу кисти сильных, обожжённых сварочными огнями рук, выскивая нужную, но всегда неуловимую букву. За окном метель. Идиллия.

Следующий шаг — институтская стенгазета. Редактор этого издания, тайне симпатизировавший стройной, решительной Ларе, прочитав то, что она ему всучила, заскучал. Лариса, отставив крепкую, очень уверенную в себе ногу характерным атакующим движением, вперила в него презрительный взгляд, говоривший: не согласишься — уничтожу морально. Он стал длинно и как-то аляповато оправдываться. Мол, у них выпуск ко дню Советской Армии, а предлагаемая поэма называется “Мои любовные поражения”. “Кстати, почему здесь через мягкий знак, не в размер?” Лариса знала почему, это была её личная опечатка, но признавать свою ошибку она не собиралась.

— То есть не вставишь?

Годунок, так звали редактора, душераздирающе вздохнул.

— День Советской Армии!

— У меня отец — капитан, — сказала проникновенно Лариса. — И я получаю тебя понимаю, что нужно солдату в день его армии. Ты же вон отмазался.

— У меня астма, — тихо просипел редактор, как будто был уже в состоянии приступа.

— Врёшь ты всё!

Лариса сказала это просто так, но Годунок испугался. Он вспомнил, где работает мать Ларисы, в госпитале, а именно там ему выдавали белый билет в связи с редким геморроидальным недугом. Он слишком не хотел, чтобы все в институте узнали, насколько он врал про астму. Он взял из её рук листки, которые только что вернул.

— Но двести строк!

Лариса только усмехнулась, потрепала его по щеке и отправилась на следующее задание, которое сама себе дала.

Надо сказать, что дальше дело пошло ещё туже, чем со стенгазетой. Повсюду её отфутболивали. И в областной газете, и в многотиражке химкомбината, и в редакции “Понеманья”, спорадически выходящего областного альманаха. Даже пугливый партизан из дома Ожешко проявил неожиданную твёрдость и заявил, что никогда, ни при каких обстоятельствах он не станет споспешествовать этому бездарному трутню Принеманскому.

Она понимающе кивнула.

— С завистью бороться труднее, чем с немцами.

Оставив старика в состоянии сердечного приступа, она направилась в последнюю литературную инстанцию города. К Василию Быкову. Всесоюзная знаменитость должна была навести порядок среди мелких областных завистников.

Он оказался в отъезде.

Выслушав историю её хождения по мукам, сварщик приглубил свою деловитую музу и успокоил, сказав, что по-другому и быть не могло. Она не поняла.

— А что тут непонятого? Ты с кем говорила, назови ещё раз фамилии: Годунок, Данильчик, Михальчик, Коник. Они все тебе отказали.

— Раньше мне отказывали только злые тётки в общаге.

— При чём здесь тётки? Они все белорусы.

— И что?

— Они занимают, Лара, все ключевые посты в областной номенклатуре, в культуре в частности. Тихий заговор, грибница, понимаешь?

— Нет.

— Я, например, русский, но не просто русский, я наполовину болгарин по матери, но не в этом сейчас дело. Я русский, и за это меня душат, не дают прорваться. Белорусы многого не могут простить русским.

Лариса смотрела на возлюбленного всё же с некоторым недоверием.

— Чего не могут?

— Ну, например, грубой, безапелляционной русификации. Ты не обращала внимания, что в Белоруссии школы на белорусском языке есть только в деревнях, а в городах всё образование на русском. То есть любому белорусу даётся понять, что место его в деревне, в его вёске, сиди и не рыпайся. А националисты учат русский, выбиваются в люди, вспоминают свои корни, закипает задавленная обида, и они начинают, где возможно, сопротивляться русской культуре, тащить своих.

— Но повсюду же печатают и русских сколько угодно.

— Так для этого нужно быть не просто русским, а разрешённым русским. Если бы я сочинил что-то о партии, о Ленине, попробовали бы они мне отказать. Но стоит начать воистину творить на русском языке, вот так откровенно, беззащитно, сразу — получай!

Всё сообщённое настолько потрясло воображение Ларисы, что она даже осталась ночевать у “мужа”. Долго не могла заснуть, а, засыпая, видела какие-то фантастические сны. Она никогда не смотрела на жизнь с этой точки зрения, она всегда жила там, где было полно разных людей — поляков, евреев, русских, белорусов, и национальные различия между ними никогда не были предметом её размышления или домашнего разговора родителей. Единственно, в чём она отчётливо ощущала своё явное своеобразие, это военное, гарнизонное, в том смысле, что не абorigineенское происхождение. Да, в ней есть офицерская кровь. Да, однажды в детстве её испугала цыганка, и вот цыганскость тоже, пожалуй, была для неё чем-то отдельным, не об-

щим со всеми остальными людьми. Да, цыгане и офицеры — люди особые, но по-разному. Офицеры на её стороне, а цыгане, скорее, нет.

Так сразу вслед за отказом от своей невинности Лариса стала обладательницей русскости. И всё, в общем-то, благодаря мужу. То, что надо бороться с тайным, ползучим партизанским белорусским национализмом, она уже приняла как данность.

Был и ещё один фронт непрерывной работы — отец. Капитан Конев обрабатывался неутомимо. Лариса вздыхала, расписывая ужасы существования непризнанного поэта, заброшенного злой судьбиной в чужой город.

— Так ты что, с ним встречаешься?

— Да.

— Где?

— Мы гуляем в парке.

Капитан скрипел зубами, но не мог же он и это запретить.

— Доча, он же дрянь, ничтожество, обмылок, а не человек.

Разумеется, отцовские слова производили эффект обратный желаемому.

Лариса долго думала, какую бы подвести мину под оборонительную систему отца. И однажды додумалась. Забралась к нему в стол во время его дежурства и отыскала там потёртую общую тетрадь, куда Николай Конев ещё с тех времён, когда он только готовился поступать в училище, записывал умные и парадоксальные фразы по поводу военного дела. В основном, конечно, это были цитаты из чужих трудов. Но затесалось меж ними и несколько оригинальных мыслей молодого офицерского ума. Лариса выбрала парочку, не вдумываясь в смысл, написала крупно гуашью на плотной бумаге и повесила у себя над столом. Решила, что если папа спросит — откуда? — скажет, что это осталось у неё в памяти от их давних душевных бесед.

“Сила + культура = офицер”, “Война — это достижение справедливости силой”, “Хочешь проиграть войну — начни её!”

На капитана эта диверсия произвела очень сильное впечатление, он зашел и скрылся на кухне.

— Еще немного, и мы переезжаем к нам, — сообщила Лариса Перкову.

Но вот как быть с публикацией? Годунок поклялся, что сделает, но до 23 февраля была ещё целая неделя.

И тут судьба сама пошла ей навстречу. У кинотеатра “Гродно” она столкнулась нос к носу с Леонидом Желудком. Он обрадовался встрече и даже с ходу взял свой обычный самодовольно фатовской тон, что Ларису не удивило. Удивило другое, что он резко, посреди разговора, без всяких внешних причин свернул уже начатую обольстительскую компанию.

Как бы внезапно опомнился.

Даже оглянулся по сторонам — не видел ли кто-нибудь. Видимо, были причины внутренние. До них Ларисе не было дела, она вся сосредоточилась на той мысли, что Леонид работает в том самом доме, что недалеко от Советской площади, в “комитете”, как тогда говорили. Не важно, на какой должности, важно, что он сам, помнится, предлагал ей помощь в случае чего.

— Лёня, нам нужно серьёзно поговорить!

Он испуганно заморгал и сделал полшага назад.

— Я приду к тебе, какая комната?

— Никакая.

— Говори, Лёня.

— Может быть, прямо здесь?

Он сделал ещё шаг назад. Представитель власти явно боялся представителя народа.

— Что я тебе, уличная девка? — возмущённо сказала Лариса. Она имела в виду, конечно, не совсем то, что прозвучало. Она хотела сказать, что заслуживает того, чтобы её выслушали в кабинете, а не на проезжей части. Мелкий сотрудник областного управления КГБ Леонид совсем по-другому понял прозвучавшую фразу. И сообщение это понахивало чем-то скандальным, тем, чего он должен был по своему нынешнему положению тщательнейшим образом избегать. Он собирался в самое ближайшее время жениться на дочери одного из секретарей обкома и уже успел понять, каких строгих пра-

вил семейство, в которое он надеется войти. Старые, комсомольских времён ухватки придётся отставить. Опасно каждую активистку рассматривать как наложницу.

Леонид быстро огляделся, не наблюдает ли кто за разрастающимся скандалом.

— Хорошо. Приходи. Но через две недели. Командировка.

— Я не забуду, Лёня.

— Утром. Как можно раньше.

Выслушав сообщение Ларисы о страшном белорусском заговоре против русской поэзии, он чуть не разрыдался от смеха в своём кабинете.

— Что с тобой? — спокойно спросила Лариса, не собиравшаяся шутить или смущаться.

— Это бред, понимаешь, абсолютный, клинический, махровый бред. Уж чего нет и не может быть в природе — так вот этой “грибницы”, этой “партизанщины”. Ну, поляки как-нибудь втихую, ну, евреи само собой, но чтобы белорусы задумали... — Он рухнул на стул, стирая слёзы с великолепно выбритых щёк.

Лариса смотрела на него как на недоумка, временно имеющего возможность порезвиться, но неприятные известия уже в пути.

— Ты хочешь сказать...

— Я хочу сказать, что белорусы — они те же русские, только лучше. Добрее, толковее... Ни тени самостийной дури. Скорее Москва отделится от России, чем Белоруссия.

— Ты хочешь сказать, что мой муж... — Она сознательно усугубляла ситуацию.

— Так значит, этот Перков тебе муж? — Желудок произнес этот вопрос настолько уничижительным тоном, что Лариса ослепла от ярости, надо было во что бы то ни было ответить!

— Не только муж, но и отец моего будущего ребёнка!

Лариса свято верила в момент произнесения этих слов, что так оно и есть.

Леонид не сдержался, по молодости, из-за укола понятной мужской обиды. Лариса ему искренне нравилась, но у него ничего не вышло, а у этого... Перкова вышло, да ещё и так далеко зашло.

— Хочу тебя обрадовать, ты замужем за идиотом!

— Мы пока не женаты.

— То есть как не женаты? Ты же сама говорила — муж. Впрочем, какое мне до всего этого дело?

— Ты должен позвонить в “Понеманье” и Варивончику.

Леонид помотал головой, отгоняя страшный сон.

— Ты хоть понимаешь, куда ты пришла?!

Лариса усмехнулась.

— Я-то как раз понимаю. А ты понимаешь, где работаешь?

— Давай пропуск.

— Зачем?

— Чтобы ты могла выйти отсюда.

— Ты меня выгоняешь?

Леонид испугался, что она сейчас заявит, что никуда не уйдёт. Он попытался обратиться к логике, мол, даже если бы он и хотел помочь, то не может, он работает не в том отделе, который ведаёт прессой, и всё такое.

— А в каком ты отделе?

— Ну, знаешь...

Лариса встала со стула.

— Хорошо, я уйду.

Она открыла дверь и, уже стоя в проёме, сказала:

— Но подумай, что будет с моим несчастным ребёнком!

И исчезла.

Леонид вылетел следом. В предбаннике сидело человек пять, и все они видели его красное лицо.

Увидевшись с “мужем”, Лариса сообщила, что всё будет хорошо, и произойдёт скоро.

— Всё? — спросил поэт со странным выражением голоса.

Да, уверенно подтвердила Лариса. И стихи пойдут в печать, и отец вот-вот смирится с переездом избранника дочери в их хорошую двухкомнатную квартиру по улице Карла Маркса.

— Ты удивительный человек, Ларочка.

— Я знаю.

Капитан Конев сдался.

Сразу вслед за Годунком. Тот дал в своей газете “Мои поражения” и слёг с приступом геморроя, так что шокированному начальству сначала было даже не на кого обратить своё удивление.

— Ладно, — сказал капитан, — поехали.

Он, конечно, уже знал, где обретается “жених”. В конце концов, каким бы куском дерьма ни был будущий зять, Ларочка сделает из него человека. Будем считать, что ей виднее.

Выгнал из гаража свой “Москвич”, освободил багажник для пожитков поэта. Даже хорошо, что тот бросил сварочное дело, а то бы въехал к ним прямо со сварочным аппаратом, отвлекал себя таким незамысловатым юмором капитан.

— Сколько же ему лет?

— Двадцать шесть.

— А где служил?

— Па-апа!

— А вдруг теперь заберут?

Лариса рассмеялась.

— Кто его у меня заберёт? В крайнем случае, вернётся опять в госпиталь на пару недель.

Въехали официально, через КПП, замедленно попетляв меж аккуратными ступогами, сдали задом к дверям неврологического флигеля.

Сначала Лариса не поняла, в чём дело. Первое, что бросилось в глаза — отсутствие печатной машинки на тумбочке у окна.

Потом она обратила внимание, что исчезли и все остальные вещи. Какое наглое ограбление! Что она скажет Валере, это ведь она поселила его здесь, и на что годна вся наша Советская Армия, если не смогла обеспечить сохранность имущества всего лишь одного несчастного поэта? Вообще, он знает об этом? А вдруг это начальник госпиталя распорядился. Валера сказал ему какое-нибудь слишком откровенное слово, он ведь не умеет кривить душой, и вот результат!

— Папа!

Капитан обнял её за плечи, успокаивая.

— Ничего, ничего, я его найду и ноги повыдергаю.

Лариса поняла, что тут произошло на самом деле. Сбежал! Это был скольк несообразно, столь и очевидно. “Невеста” села на кровать в состоянии полного окаменения. Ни разговаривать, ни даже плакать она была не способна.

Капитан осмотрел помещение.

Ничего, кроме исчерканных обрывков бумаги, грязного носового платка и заштопанного одиночного носка.

11

Она слегла с сильнейшей простудой. Капитан и капитанша ходили как тени по квартире, дежурили по очереди у постели. Хорошо, что уход за больной требовал много внимания. В эти дни они наконец полностью покончили с той старинной, ещё слонимской историей, всё было прощено друг другу над раскалённым телом обманутой дочери. Все обиды как бы сгорели в этом костре. Дошло до того, что когда в один из дней по окончании кризиса позвонил Лион Иванович, залетевший в Гродно на очередную свою роль, капитан Конев махнул рукою — да пусть заходит!

Супруги, конечно, ничего бы не стали ему рассказывать, кто же такой сор выносит из избы. Лариса сама, выйдя к гостю в пижаме и с замотанным горлом, тут же вывалила всю свою историю. Причём не в жалобной манере, мол, пожалейте меня, а чуть ли не с юмором, что при её воспалённом взгляде, хрипловатом, больном голосе получилось впечатляюще.

Когда она ушла к себе, капитан похвалил её — смотрите, держитесь, даже шутит.

Лион Иванович не разделил такого взгляда на ситуацию. По его мнению, именно в таком состоянии девицы глотают таблетки и бросаются с моста. Вслух он этого не сказал, но усиленно посоветовал родителям подумать о том, чтобы дочка сменила обстановку. Лучше, если целиком весь город.

— В каком смысле?

— Ей надо перевестись. Например, в Москву.

Это звучало, как — хорошо бы ей полететь на Луну.

— И родной дом, и родной институт, всё это будет давить на неё, а я мог бы попробовать похлопотать. Кроме того, я знаю людей такого типа, как этот её, извините, жених. Никакой ведь нет гарантии, что однажды он не нарисуетса поблизости и не станет трепать Ларочке нервы.

— Я его... — Капитан поднял руку, демонстрируя, что он сделает с вернувшимся сварщиком.

— Да бросьте вы, это все слова. Что вы, драться полезете, из пистолета своего застрелите его? А он своими выходками превратит Ларочкину душевную травму в хроническое заболевание. Сломаете своей заботой жизнь девочке.

Конечно, они не согласились, куда это, вдруг отпустить от себя раненое дитяtko в чужие люди за тридевять земель! Но зерно сомнения было заронено. Капитан после одной из бессонных ночей осторожно заговорил с Ларисой на эту тему. Она выслушала, ничего не ответила. Позвонил Лион Иванович: ну что, надумали? Капитан переглянулся с супругой и вздохнул — хлопчите!

Лариса, возвращаясь домой с занятий, вдруг ни с того, ни с сего (как будто кто-то дернул за рукав), остановилась у газетного стенда “Гродненской правды” и там, на четвёртой полосе, внизу, в углу увидела ненавистное имя — Валерий Перков, вслед за этим четыре стихотворения, полные такого декадентского дребезга, по сравнению с которым “Мои поражения” звучали как почти жизнеутверждающий текст.

Стоял яркий, голубой, солнечный мартовский день. С сияющих сосулeк, мелко петляя, сбегали вниз быстрые капли. Блестели окна домов, даже троллейбусы выглядели одухотворённо, а в Ларисе закипало злое, но жизнеутверждающее чувство.

Она поняла, что надо делать.

К офицеру Леониду её не пустили. Она дождалась его в скверике у входа в управление. Завидев её, он попытался свернуть в боковую аллею и ускорить шаг, но всё это были напрасные попытки.

— Решила меня поблагодарить?

— Ты мне должен помочь.

— Послушай, сколько это будет продолжаться? Я не собираюсь всю жизнь трястись при твоём появлении.

Лариса была спокойна.

— Всё закончится, как только я отсюда уеду.

Мысль была настолько очевидна, что Леонид перестал раздувать возмущённые ноздри.

— Что?

— Ты должен мне помочь.

— Ну, говори.

— Перевод в Москву.

Он фыркнул.

— В любой институт.

Он фыркнул снова.

Она вздохнула, как человек, обладающий куда большим жизненным опытом, чем собеседник, наивно сопротивляющийся неизбежному.

— Лёня, ты же понимаешь, что это придётся сделать.

В столицу Лариса въехала, слегка прищурившись, как бы прикидывая, кто из попадающихся навстречу мужиков собирается её соблазнить своей беспомощностью и вслед за этим цинично бросить. Она была убеждена, что знает о представителях противоположного пола практически всё, и решила, что её больше никогда не заманить под вывеску “гибнущий талант”. Когда она услышала по радио некогда популярную песню, где были слова: “Женщина скажет, женщина скажет, женщина скажет — жалею тебя”, её чуть не вырвало.

Ей дали койку в аспирантском общежитии пединститута. Она понимала, что это как-то связано с хлопотами Леонида Желудка, но не концентрировалась на этих мыслях. Он обязан был ей помочь, и помог.

Это был двухкомнатный блок с общим туалетом и душем. Одну комнату занимала Лариса вместе с очень болезненной, почти постоянно отсутствовавшей девушкой, вторую — Изабелла. Она сразу завладела вниманием новенькой. Она была иностранка, она шикарно одевалась, постоянно курила, отчего напоминала жрицу в облаке культовых испарений. У неё, правда, был недостаток — она печатала на машинке. Машинка была почти той же породы, что и у сварщика. Родственницы, как Лиля Брик и Эльза Триоле. Лариса сама додумалась до этого образа после одной из лекций по зарубежной литературе.

Лариса сначала напряглась, а потом простила новой подруге это сходство. Потому что Изабелла боролась. На её латиноамериканской родине царил диктатура, держащаяся на штыхах американской морской пехоты, и Изабелла Корреа Васкес организовала что-то вроде ячейки сопротивления из соотечественников, студентов московских вузов.

Первое посещение её комнаты поразило Ларису, как выезд за рубеж. Здесь всё было другое — запахи, предметы, даже свет из окна, как будто в него подмешали каплю крови. Коврики с диким орнаментом на стене и полу, портреты Боливара и Че, губастые статуэтки, стопки книг с яркими латинскими буквами на корешках. На четырнадцать квадратных метров была устроена совершеннейшая заграница.

Всё началось с кофе. Изабелла вошла в комнату Ларисы, обаятельно выпуская дым изо рта и красиво коверкая русские слова, предложила завязать знакомство. И немедленно отпраздновать его.

Кофеварка выглядела как маленький ацтекский храм, выдолбленный изнутри, запах, ею произведённый, ещё некоторое время самостоятельно жил в воздухе после того, как напиток был уже и разлит и выпит. Изабелла очень нравилась Ларисе: чёрные, смоляные с почти неуловимой проседью волосы, зачёсанные назад, огромные, много повидавшие глаза, браслеты на коричневых запястьях, и манера материться. Она почти на все явления жизни реагировала одним словосочетанием — “бляга муга!”

Еще она нравилась Ларисе тем, что не мужик. Оказывается, можно полноценно общаться с человеком, не думая “об этом”.

Биография у иностранки была феерическая. Дочь плантатора, ушедшая в марксизм. Подруга одного из вождей так и не состоявшейся революции, вывезенная из страны на французской подводной лодке, из горнила креольской резни.

Кроме того, у Изабеллы было большое сердце, поэтому она всё увеличивала и увеличивала количество потребляемых сигарет и кофе. Неправильность её речи во многом объяснялась тем, что во рту она постоянно держала таблетку валидола, и даже две, когда слушала по вечерам новости по телевизору. Кстати, и материлась она чаще всего во время новостей.

Как это говорится, Ларочка потянулась к ней. Сначала клонула на экзотику, а потом распробовав в соседке по-настоящему интересного и оригинального человека. Ларочка ей завидовала. У Изабеллы была борьба; здесь, на третьем этаже московской общаги тянулись будни обыкновенной обывательской жизни, а где-то горел костёр сопротивления диктатуре. Джунгли, барбудос, белые штаны, ром, бандьера роса и сомбреро. Жизнь Изабеллы была

более обеспечена содержанием и смыслом, словно бы порабощённая узурпатором родина была чем-то вроде огромного банковского счёта, с которого можно было получать проценты самоуважения и сочувствия окружающих.

Лариса сочувствовала ей не только как идейной беженке, но и как сердечнице. У Изы иногда и вдруг серело её смуглое лицо, Лариса неслась на первый этаж к жуткому скрипучему аппарату на столе вахтёрши и звала “скорую”. Врачи уже изучили этот маршрут, каждая из бригад ближайшей подстанции перебивала в экзотической комнате по несколько раз, и чем дальше, тем больше они корили революционерку за непрерывный табак и кофе, угрожая больше не приехать, если она не оставит убивающих её сердце привычек. Лариса ругалась с ними, требуя особенного внимания к подруге, стыдила, давая понять, что они имеют дело с необычным человеком, с человеком, по сути сидящим в окопе непримиримой битвы с мировым империализмом. А вам лень оторваться от ваших кроссвордов!

После одного из таких приступов Иза выглядела особенно подавленной. Что? Что с тобой? Тебе всё ещё плохо?! Оказалось, что Изабелла должна была этим вечером отвезти некие “материалы” товарищам латиноамериканцам в общежитие энергетического института.

— Они ждут, а я...

Лариса тут же оделась, мол, ложись на меня.

— А лекции?

Лариса усмехнулась. Переехав из провинциального вуза в столичный, она обнаружила себя ещё более бескомпромиссной отличницей, чем была. Учение давалось легко, сказывалась врожденная бойкость ума и то, что она не отвлекалась от учебы ни на что, кроме общения с Изой. Подваливали, конечно, какие-то увальни с вермутом, танцами и другими тусклыми глупостями, но она уничтожала их ехидным, разоблачающим взглядом. Однокурсники перед ней заискивали, рассказывали фантастические сплетни про её внеинститутские связи и были втайне рады, что она не охотится на их территории.

В общежитии энергетиков её принял Фернандо. Мрачноватый, жгучий красавец-брюнет. Он взял у неё пакет с “материалами” и настоял на том, чтобы “связная” выпила с ним кофе. Они поднялись в комнату, которую он делил ещё с двумя другими брюнетами. Лариса поднялась из любопытства и из нежелания оскорбить уязвимую душу борца с тиранией.

Кофе оказался растворимый, да к тому же индийский. Лариса подумала, что это забавно, индеец потчует её индийским кофе. Фернандо непрерывно тараторил. Почти непонятно. С огромным трудом Лариса намывала из породы этой болтовни золотой песок какого-то смысла. О, охмуряет! И он, действительно, охмурил. Великолепно, умело... Откуда-то из-за стены явился друг Фернандо по имени Аурелиано с расстроенной гитарой, отчего извлекаемые им звуки были особенно душеспасительны. От этого обволакивания и мужского напора Ларисе стало душно. Она встала прямо посреди песни и удалилась.

И устроила Изе тихий скандал по возвращении. Как ты могла? Ты же знала о моём отношении к мужчинам!

Иностранка выглядела очень смущённой, она настолько расстроилась, что Ларисе пришлось её утешать. Иза ругала себя: дура, дура, бляга муга! Как я могла! Я ничего не понимала!

— Он тебя обидел?

Лариса усмехнулась и сделала атакующее гандбольное движение, распахнула кисть так, будто держала в ней оторванную мужскую голову. Иза была в восторге, обняла и поцеловала подругу, шепча что-то вроде: как я могла такую девочку отдать каким-то грубым диким мужикам.

С тех пор Лариса, выполняя поручения Изы, никогда не попадала в сомнительные ситуации. С ней были просто вежливы, и всё.

Очень скоро стало понятно, что Изабелла не рядовой работник сопротивления заморской диктатуре, она своего рода профессор Мориарти в хорошем смысле, мозг этого сопротивления. Или, по крайней мере, один из важных отделов этого мозга. Лариса побывала в десяти-двенадцати московских вузах, снабжая “материалами” группы смуглых активистов. Вечерами они сидели с

подругой при свечах, и ей было так уютно, так хорошо, как в постели с мамочкой лет в пять. Ни о чём не надо думать, ничего не надо бояться.

Лариса вошла во все обстоятельства подруги.

Например, почему это к ней никого не пускают из её латинских друзей? Нарушение режима? Парням нельзя вваливаться в женское общежитие. Мгновенно образуется латинский квартал. Чепуха! Дискриминация! Сначала Лариса наехала на вахтёршу, довела подслеповатую старуху до слёз и поняла только одно — гонения инспирированы откуда-то сверху. Даже к коменданту идти бесполезно.

Комитет комсомола.

На вопрос, почему так обращаются с хворой революционеркой, ей не смогли понятно ответить. Уклончивые слова, мягкие улыбки, странные советы не обостряют, не напрягают.

Лариса отказывалась понимать иносказания и требовала прямых формулировок.

Так мы дружим с теми, с кем у нас объявлена дружба, или только болтаем, что дружим? Партия и правительство за свержение той диктатуры, с которой борется, превозмогая нездоровье, Изабелла Корреа Васкес, или нет?

Не добившись вразумительного ответа в комитете комсомола, Лариса двинулась в массы. На каждой перемене она в буфетах и курилках возбуждала общественное возмущение против варварских порядков. Она всячески расписывала человеческие достоинства Изы, ей в ответ кивали, но без азарта. “Приходите в гости, девочки, вы увидите, что это за чудо Иза!”

Девочки усмехались и обещали подумать. Один раз кто-то из них спросил, а что с Ларисиной соседкой по комнате, она ещё не вернулась? Наверно, всё ещё где-то болеет, рассеянно отвечала Лариса.

А Изабелла умела дружить. Да, она вся была “там”, в пампасах горящей родины, но и отлично различала то, что происходит вокруг. Она, например, первая поняла, что Ларочку тошнит отнюдь не только в ответ на песенный рефрен “женщина скажет, женщина скажет...”.

— Ты беременна.

Ларочка посмотрела на подругу удивлённо и испуганно.

Так что же делать с потомством белорусского поэта? Ларисе сделалось как-то не по себе. Она боялась не возможной огазки, совсем нет. Её угнетала мысль о том, что аборт опять возвратит её как бы в круг влияния этого негодного рифмача с белой шеей. Она до такой степени полно, окончательно и уничтожительно презирала этого человека, что даже от такого, чисто условного возврата к нему её тошнило, не хуже, чем от песни со словами “женщина скажет”.

И всё-таки что же делать?

Надо найти другой путь к очищению.

Какой?

— Я, как ты, наверно, догадалась, немного ведьма. Совсем чуть-чуть.

Лариса улыбнулась — конечно, догадалась, Иза.

— Моя бабушка, она родом из маленькой деревеньки в Андах, умела делать это очень хорошо, чисто женское дело, без всякого вмешательства мужчин.

— Да-а?!

Изабелла изложила ей суть старинного андского метода. Но не настаивала на его немедленном применении. Лариса взяла время на обдумывание, потому что была слишком впечатлена приёмами Изиной бабушки. Этот метод требует не совсем обычного контакта человека с человеком, в смысле женщины с женщиной.

13

Изабелла, однако, не помогла, и Ларисе пришлось обратиться к докторам. День освобождения от плода неразумной страсти был назначен. Изабелла с самого утра была очень внимательна к подруге, глаза у неё были влажные.

Проводив Ларису до дверей, она крепко поцеловала, лишний раз давая понять, до какой степени переживает за неё. Лариса спускалась по лестнице, пребывая под впечатлением от этого поцелуя. У вахты её окликнул молодой человек в плаще и шляпе, он приветливо улыбался, но чувствовалось, что пришёл по делу.

— Я спешу.

Он снова улыбнулся, и Ларисе стало понятно, что даже если она ему расскажет, куда именно она торопится, он не изменит свои планы.

Они вышли из общежития.

— Мне вообще-то не следовало сюда приходить, — сказал молодой человек — и только после этого объяснил, кто он и откуда. После этого представился: Леонид.

Лариса остановилась и сказала:

— У вас “там” что, все Леониды?

Молодой человек тоже остановился и, нахмурившись, сказал:

— Не надо так со мной разговаривать.

— Хорошо, больше не буду, — сказала Лариса без малейшего следа извинения в голосе. Леонид поглядел по сторонам, ему требовалось время, чтобы вернуться к задуманному плану разговора.

— Повторяю, мне не следовало приходить в общежитие, но в учебной части сказали, что вы уже несколько дней не ходите на занятия. А телефон у вас на вахте...

Она вспомнила грохот и скрежет, который живёт в трубке страшного чёрного прибора на столе перед бабкой Аидой, и кивнула. Для связи со спецслужбами этот канал был непригоден. Лариса была немного смущена и немного польщена этим визитом. Приятно ощутить себя хотя бы отчасти государственным человеком. Комитет-то ведь именно государственный. Конечно, гродненский Леонид информировал столичных товарищей, что из провинции направляется в столицу подходящий кадр. Только жизнь теперь так поворачивалась, что Лариса не могла твердо решить — хочется ли ей считаться этим подходящим кадром? В слоях московского студенчества модной считалась неполная лояльность по отношению к власти. Свободомыслие, чтение запрещённых книг. Лариса вроде бы даже начала пропитываться этими настроениями, стала даже забывать, как она перенеслась из провинции в Москву, и тут — новый Леонид. И неприятно — вроде как тебя поймали, и одновременно какое-то бодрящее ощущение нужности стране. А рядом — капризное: что захочу, то и сделаю. Захочу — в диссиденты, захочу — ринусь отечеству служить.

Но это продолжалось только краткий миг. Зашевелился шпион, засевший в животе. Внутренний враг высасывал все живые силы, как будто питался не просто соками тела, а и ценными свойствами материнского характера. Решительностью, уверенностью в себе и т. п.

— Ну? — сказал Леонид.

— Что ну?

— Я жду, когда вы начнёте рассказывать.

— О чём?!

Сотрудник недовольно снял шляпу, но потом снова её нахлобучил.

— Сами знаете, Лариса.

Господи, подумала она, кстати, впервые в жизни. Господи, они всё знают! Ну и пусть! У неё внутри появился очаг острого раздражения — мужской козлизм многолик и изобретателен.

— Да, я иду делать аборт!

Леонид поглядел на неё так, словно рассчитывал услышать не это.

— То есть как?

— А так! Что, нельзя?

Сотрудник всё же снял шляпу и теперь растерянно трогал ею нос.

— Но она же всего лишь лесбиянка!

— Что? Кто?!

Произнесённое сотрудником слово было настолько не из обиходного набора, что Ларисе оно представилось толстой извивающейся змеей, которую змеелов держит на вытянутой руке.

Леонид нервно усмехнулся.

— Да нет, этого не может быть! И вообще, я собирался говорить о другом.

— О чём? — тупо, автоматически спросила Лариса.

— Неужели вы до сих пор не заметили, каким образом она распространяет свои листовки? Она никуда не выходит из-за своего сердца, к ней никто не приходит, она находится под постоянным вашим наблюдением, тогда как?

Лариса села на подвернувшуюся скамейку.

— В ногах правды нет, — услужливо пробормотал Леонид.

— Нет.

— Вы только не подумайте, что мы придаем этой деятельности какое-то большое значение. Но нам не хотелось бы, чтобы мадам Васкес спровоцировала какие-нибудь экстремистские выходы своих горячих друзей у известного нам посольства. Это, конечно, мелочь, но совершенно не нужная. Вы меня понимаете?

Она продолжала сидеть неподвижно и как-то неразумно, словно не пользуясь сознанием во время этого сидения и разговора.

Леонид дёрнул щекой.

— Только не надо делать вид, что вы не в курсе.

Лариса уже поняла, что делать такой вид глупо.

— Ведь с вами разговаривали.

С ней разговаривали. В деканате, перед вселением. Разговор носил какой-то необязательный характер, мол, держите ухо востро, барышня, и по сторонам смотрите внимательно. О причине её перевода из Гродно тогда не было сказано ни слова, и тот, кто с ней говорил в деканате, не рекомендовал себя как сотрудник каких-то органов. Но всё-таки, значит, был им? И она вроде бы как что-то обещала? Вот оно, значит, что...

— Что вы молчите, Лариса?

Она посмотрела на часы.

— Мне было назначено на одиннадцать. Это по знакомству, туда нельзя опаздывать. А я опоздала.

— Не понял.

— Можете успокоиться, Леонид, листовок больше не будет.

Она развернулась и пошла обратно к общежитию. Сотрудник смотрел ей вслед, постепенно понимая, что значит её последние слова. Губы его шевелились от бесшумных ругательств.

Вернувшись к себе, она заглянула к Изабелле и увидела непривычную картину. Активистка и коммунистка стояла на полу на коленях и молилась маленькой гипсовой статуэтке, как потом выяснилось, Девы Марии. Молилась и просила, чтобы всё было хорошо, то есть, чтобы задуманное преступление против человеческой природы совершилось успешно.

Увидев Ларису и догадавшись, что ничего не произошло, она вздохнула с явным облегчением и тихо сказала:

— Он будет жить, бляга мута.

Лариса опять развернулась и бежала от подруги, так же решительно, как от сотрудника.

Она переночевала у Лиона Ивановича. Была молчалива. Не рассказала ему ни о беременности, ни о страшной кофеманке и на следующий день унеслась туда, где надеялась обрести помощь.

Домой.

14

Одно время Ларисе, упавшей на тихое дно провинциальной жизни, казалось, что и с Москвой покончено так же, как с ненормальной иностранкой.

Однако нет.

Всего через полтора года Лариса уже вновь сидела на кухне у Лиона Ивановича на Речном вокзале, ела пиццу и слушала рассказ хозяина дома, как она готовится. Это еда итальянских бедняков — на кусок теста крошат

остатки того, что завалилось в холодильнике и т. д. Тогда ещё можно было, сообщая эту чушь, выглядеть продвинутым человеком, мода на эту дрянную еду ещё только начиналась в стране.

Жаркий сентябрь за окном. Лариса ела очень осторожно, сильно вытягивая шею вперед, чтобы не капнуть томатным соусом на платье. Отличное белое бязевое платье — спасибо мамочкиным связям. А ещё новые, агрессивно изящные босоножки. Тонкие сильные загорелые руки в золотистых волосках, новая манера прищуриваться, как будто всё, что попадает на глаза, оказывается ничтожнее, чем ожидалось. Лариса ела с удовольствием, с удовольствием ощущала свою подтянутую, загорелую, прохладную, несмотря на окружающую духоту, фигуру, отточенную на примеманских пляжах, и с некой ледяной радостью понимала, что она сейчас непобедима. Вон даже этот старикан у плиты, и тот поплыл, ему даже трудно говорить — всё время сглатывает сладострастную слюну. Но нет, теперь она не продешевит, она знает себе цену и поставила перед собой совершенно конкретную цель.

— Итак, ты приехала... — сказал Лион Иванович, затягивая потуже узел пояса на халате. — А в институте?

— Восстановилась.

— Ты же не уходила в академ?

— Ну и что? Я просто поговорила с деканом... беременность, то-сё, и опять студентка.

Лион Иванович звучно скрутил пробку на бутылке “мартини” — редкость в те времена ещё большая, чем пицца.

— Ну, что ж, значит, моя помощь не нужна?

— Нет, дядя Ли, нужна.

Маленький хозяин ожил.

— Ну?

— Я хочу замуж.

Артист поставил бутылку на стол. Еще раз затянул пояс и к тому же поправил шелковый шейный платок. Тихо просвистел:

— Фиктивно?

— Зачем? По-настоящему. Чтобы даже, может, с детьми.

Наполнив бокалы, Лион Иванович искоса глянул на развалившуюся в углу кухонного дивана фемину острым чёрным глазом.

— Но я женат.

— Ой, дядя Ли, вы, конечно, идеальный вариант...

— Понятно.

Лариса решила так — шутки в сторону, надо устраивать свою жизнь на серьёзный лад, иначе можно до старости проболтаться в восторженных дурочках. Такие мысли часто приходят в девятнадцатилетние головы.

Любовь? Не смешите! Видели мы вашу любовь. Сплошная дичь и извращение. Надо ставить на настоящие, солидные ценности. Хороший дом (квартира, дача, машина), пристойный муж, пусть даже дети через какое-то время, а там посмотрим, там наверняка откроются какие-то новые виды.

В голове Ларисы как-то спокойно уживались две взаимоисключающие идеи: 1 — жизнь коротка, и надо торопиться, чтобы всё успеть, и 2 — всё ещё впереди.

— Вы мне поможете, дядя Леня? Вы ведь всех в Москве знаете.

15

Встретились у ресторана “Прага”. Лариса поглядела на него с другой стороны Калининского проспекта, и ресторан почему-то показался ей океанским кораблем, по ошибке заплывшим в скопище городских зданий. В самом деле, дом сужается уютгом и как бы неуловимо движется ей навстречу. Нет, это ей просто хочется, чтобы впрёд, начиная с сегодняшней встречи, всё в её жизни двигалось ей навстречу. Она в каком-то смысле, если угодно, Ассоль. И очень интересно, каков он, предстоящий капитан. Лариса иронизировала над собой, что ей было, в общем-то, не свойственно. Ситуация

была настолько не романтической, что не хотелось смириться с ней без хотя бы кривой ушешки.

Улыбнулась и нырнула в подземный переход.

Лион Иванович стоял у входа.

— Так мы что, никуда не идём?

— Идём, почему ты решила...

— Но вы только что из ресторана.

— Я просто зашёл поесть. Это не имеет никакого отношения к делу.

— Странно, ну ладно. — Лариса крутнулась перед своим низкорослым кавалером, показывая обнову. — Как? Я сгоняла сегодня на “Беговую”. Сто восемьдесят. На “Врангеля” денег не хватило. “Ю Эс топ”.

Лион Иванович ошупал мелкими пальцами заклёпки и швы.

— Это не американские. По-моему — Бразилия. Вроде бы не самошток.

Лариса возмущённо кашлянула.

— Меня трудно обмануть в таких вещах.

Лион Иванович кивнул.

— Пошли. Тут недалеко. Староконюшенный переулок. Старая породистая московская еврейская семья. Надеюсь, ты ничего не имеешь, так сказать, против?

— Про что вы?

— Академик Янтарев и его семья. Дочь академика, её сын, то есть внук академика, муж дочери, которого нет, но который — зять академика. Еще Нора, это как минимум. Они могли кого-то пригласить. Я друг зятя.

Они быстро шли по Старому Арбату и на первом же повороте повернули налево.

— Вот ещё что, Ларисочка.

— Мне не нравится, когда меня так называют.

— По легенде ты моя девушка.

— Это и не по легенде, я ведь пришла с вами.

— Не понимаешь. Я в этом доме принят в некотором особом качестве, вернее, создал определённый образ. Я человек из артистической среды...

— А-а...

— Да, да, вокруг меня всё время женские персонажи, по ним меня узнают. Так вот — ты кадр из моей новой программы, скажем, начинающий редактор.

— Какое-то противное слово, лучше я буду из кордебалета. — Она остановилась и подбросила стройную тяжёлую ногу канканным движением.

Лион Иванович поморщился, напор и весёлость студентки в новых джинсах ему не нравились.

— Скажите, дядя Ли, а про евреев вы предупредили, чтобы я не удивлялась, какие жадные, даже не накормят?

Лион Иванович поморщился.

— Просто у них домработница заболела, некому готовить.

Лариса взяла эти слова на заметку.

Квартира её приятно ужаснула. Система темных, пыльных ущелий, доисторический паркет, протёртый за века подмётками, как мостовые на улицах откопанной Помпеи. Потолок теряется где-то в верхних слоях атмосферы, глупо даже тратить взгляд на его различие. Стен тоже нет, одни стеллажи, переполненные очень старыми книгами. Все вещи очень заслуженные и немного больные — золото пообтёрлось, шёлк поблёк, стекло помутнело. Владелеке мелькнула кухня, кафельный, со смутным рисунком пол, холодильник, как в мамином госпитале, в два этажа, стенные шкафы тяжело над всем этим нависают, просто-таки застеклённые севильские балконы.

— Нам сюда, — сказал худой лобастый юноша, видимо, внук академика, и, стало быть, тот самый... Лариса не почувствовала и тени волнения. Пока не стоит смотреть в его сторону, а он пусть тарачится. И тревожно проаккивает свои такие ранние зальсины. Одет вообще ничего так. Брючки серого вельвета умеренно потёртые, рубашка без ворота, адидасовские кроссовки, эту информацию Лариса считала, даже не повернув головы в сторону претендента.

А вот и какая-то девица в возрасте, голова бесформенная и кудрявая, очки, тяжёлая грудь в чёрной водолазке. Какие-то жуткие штанцы с вытнутыми по-мужски коленями, как же можно так себя запускать, милая!

— Норочка! — запел Лион Иванович.

Она посмотрела на старичка, как старшая сестра, и вздохнула: ну, шали, шали.

“Норочка”, усмехнулась про себя Лариса. Норочка в пещере.

— Это Лариса.

Лариса сделала проницательный, как она считала, книксен.

— Опять я опоздала, дядя Ли, — вздохнула тяжёлая водолазка, — опять вас перехватили, когда же моя очередь?

Нора шутила с таким трудом, что хотелось отвернуться. И Лариса отвернулась от этого разговора и тут встретилась взглядом с внуком. Он смотрел не отрываясь, не моргая, с выражением уже всё решившего для себя человека. Это было немного комично при его щуплой фигуре и залысинах.

— Рауль, — сказал он.

— Кастро? — автоматически, как в студенческой курилке, пошутила Лариса, чуть-чуть жалея, что она скорей всего сантиметров на пять-семь выше его, значит туфли на каблучках под вопросом.

— Я сейчас загляну к маман, а вы пока займите гостью, — сказал Лион Иванович и двинулся вглубь дома.

Нора вздохнула и, не говоря ни слова, побрела в противоположном направлении, но тоже вглубь, давая понять, что не считает просьбу артиста относящейся к себе.

— Пошли на кухню, — сказал Рауль.

Пошли. Сели к большому, накрытому когда-то роскошной клеенкой столу. Вода пальцем по длинному порезу, Лариса оглядывалась.

— А там что, дверь?

— Чёрный ход.

Почему-то сообщение о чёрном ходе её очень развеселило. Стало совсем уж как-то всё театрально, прямо баре-господа.

Рауль же продолжал поедание её глазами, как будто она была начальство. Лариса не смотрела на него, но ощущала что-то вроде легчайшей щекотки по всему телу.

— А почему тебя так зовут, ты кубинец?

— Отец татарин. Он хотел, чтобы меня назвали Равиль. Пришли к компромиссу.

— А Нору хотели назвать Нюрой?

— Вроде того.

— Поня-ятно.

— Выпить хочешь?

Тут Лариса на него посмотрела. Ничего интересного или хотя бы опасного в нем не ощущалось, хотя, конечно, видно, что господин окончательно готов.

— А что у тебя есть выпить? — Ей было абсолютно всё равно, но она считала, что надо так спросить.

— Вино какой страны вы предпочитаете в это время суток?

Лариса не поняла парольной фразы, “Мастера” она ещё не читала и чуть набычила, не понимая причины внезапного перехода собеседника на “вы”.

Рауль одним движением метнулся к буфету и вернулся с красивой бутылкой и двумя фужерами.

— Ты не бойся, квартира и правда большая, а Иванычу я скажу, что ты ушла. Надоело ждать, и ушла.

Однако темп! Может, дать мальчику по физиономии? В другой ситуации она бы так и поступила. Но сейчас решила, что могут не так понять. Разумнее всего — следовать заранее утверждённому плану. Спокойно, постепенно, с прицелом на конечный результат. Она решила выйти замуж, и она делает это.

В коридоре послышался непонятный звук — как будто тяжёлая змея ползёт по старинному паркету, почему-то подумалось Ларисе. Через секунду

в дверном проёме появилось инвалидное кресло на колёсах. В нём сидел прикрытый клетчатым пледом старик. Седые волосы всклокочены, наверно ему что-то приснилось, и волосы торчат как впечатления. Горло замотано. На бледном, вроде бы бессмысленном лице вдруг, при виде нового человека, проявилась симпатичная, даже умная улыбка.

Рауль воскликнул:

— Вот и он, вот наша “раковая шейка”!

Академик Янтарев поклонился, больше вбок, чем вперёд. Было в его облике что-то неумовимо восточное.

В тот вечер Лариса ушла с Лионом Ивановичем, и он был в великолепном расположении духа.

— Кажется, клоннул, — сказала Лариса.

— Да, я видел. И Элеонора меня простила.

— Что?

— Понимаешь ли, мой друг и её муж, я о матери Рауля говорю...

— Я поняла.

— ...ушёл из дома с моей девушкой, с девушкой, которую привел я, и я дал обещание, что вроде как компенсирую...

— Так моё настоящее имя — “компенсация”?

— Не сердись.

Лариса дернула плечом, сбрасывая лапку дяди Ли.

— Только я не понимаю, вы так радуетесь, как будто очень её боялись. Она же, Элеонора эта, просто мышь белая. А дедушка мне понравился, хоть немой, а весёлый.

Лион Иванович мелко-мелко засмеялся и сказал задумчиво:

— Элеонора Витальевна не мышь.

— Мышь, мышь, зубки мелкие, мелкие.

Сводник опять засмеялся. Потом сразу настроился на деловой лад.

— Ты с него сруби побольше, я имею в виду с Раульчика. Не очень знаю, чем он зарабатывает себе на пропитание, скорей всего, просто фарцует по-среднему, но связи у него есть. Я имею в виду, пусть раскошелится. Потребуй ресторан ВТО, Мишель Жарр, кажется, приезжает на днях, требуй билеты. Да, скоро в ЦДРИ “Посиделки”, нехай крутится. Нечего просто так ноздри раздувать. Ты должна Москвы попробовать. Я тебе со временем ещё пару пунктов подкину в список, но это уже будет всё, дальше сама.

— Ладно, сама.

— Ну, вот и славно.

— Скажите, а Нора это кто, сестра? Почему только так не похожи они с Раулем?

16

План Лиона Ивановича был выполнен во всех пунктах. Был ресторан, был концерт, и не один, были “Посиделки” в ЦДРИ. Там Ларисе понравилось больше всего. Очень много знакомых лиц. Как будто в одно помещение вытрясли весь телевизор. Удивительно приятное ощущение, что, не прилагая никакого усилия, проводишь время не зря — эффект звёздной тусовки. Вёл вечер маленький щекастый человек с огромными ушами и обаятельным апломбом.

Лариса от души смеялась его предельно двусмысленным шуточкам, стараясь не смотреть в сторону Раульчика. А тот нервничал. Однажды, когда они зашли в ресторан, из окон которого был виден Пушкин, к ним за столик плюхнулся длинный пьяноватый актёр со знакомой бородицей, знакомым голосом, только бы ещё вспомнить, к какой роли они относятся. Кратко поздоровавшись с внуком академика, красавец навис над Ларисой, бормоча какой-то творческий бред. Лариса с ним кокетничала в тех рамках, что считала дозволенными. Было смешно, что Рауль так дергается. Было слишком понятно, что бородатое чудовище, в общем-то, безобидное, герой всего лишь разговорного жанра.

Спросила, когда он ушёл:

— Кто это?

— Робин Гуд.

— Ой, правда! — Лариса посмотрела вслед удалявшейся фигуре с некоторым сожалением, как будто кокетничала бы с ним по-другому, зная, кто он.

В ЦДРИ состоялось пересечение с актёром, имя которого она знала — с Киндиновым. Пока он перекидывался с Раулем чуть раздражёнными фразами, Ларочка весело паялилась на него. Только бы не ляпнуть про то, что обожает фильм “Романс о влюблённых”, такую установку дал ей Рауль, увидев, что герой-любовник приближается к их столику. Но шампанское действовало, мучительно хотелось говорить о кино, об искусстве вообще, пузырьки благодарного зрительского восторга слишком плотно скопились в лобном отделе симпатичной провинциальной головки. И она всё же бросила отчаливающему и явно недовольному (Рауль не успевал со шмоточным заказом) разговором актёру вопрос:

— А где Леночка?

— Какая? — покосился на неё Киндинов и, не дожидаясь ответа, ушёл.

— Какая Леночка? — поинтересовался и Рауль.

— Ну, Коренева.

Внук академика так и прыснул в стакан. Лариса мгновенно протрезвела и с сердитой мыслью — “ах, так!” — взяла сумочку и сказала:

— Может быть, ещё приду.

Рауль догнал её у входа, повис на прохладном локте, запутался в извилинах.

— Больше не смей называть меня дурой!

— Да я же, я же ничего такого не сказал...

Она стряхнула его с локтя и удалилась в туалет. Осмотрела себя в зеркале, осталась довольна, даже губы не нужно подкрашивать, но всё равно провела по ним тюбиком. Проверка боекомплекта, так мужчина удостоверяется, застегнута ли молния на брюках. Когда она вышла, он стоял на прежнем месте, только сделался ещё мельче и несчастнее, чем в тот момент, когда она его оставляла.

— Ты думаешь, я не знаю, что если любовь на экране, совсем не обязательно она есть между актёрами и в жизни?

Рауль мрачно кивнул.

— Я понял, ты пошутила.

— Вот именно.

— Куда ты хочешь теперь?

— В Дом кино.

Они вкатили на такси с Сивцева Вражка в Староконюшенный.

— Дом кино не здесь, — уверенно, но равнодушно сказала Лариса. Ей вдруг стало всё равно, что с нею делают. Уже не хотелось ни искусства, ни всякого такого.

— Пойдём, пойдём.

— Это же твоя квартира.

— Конечно.

— А как же бабушка?

— Ты ещё маму вспомни.

— А как же мама?

— Вот тебе — дом кино.

Рауль усадил её в кресло в полутёмной комнате перед телевизором, на котором стоял большой серебристый параллелепипед. Рауль нажал на нем какую-то невидимую кнопку, ящик ожил, выставив плоскую голову с открытой пастью.

— Жрать хочешь? — ласково спросил хозяин, запихивая внутрь что-то чёрное, удивительно плотно подходящее по размеру, было в этом совпадении что-то даже эротическое.

— И что? — спросила Лариса, начиная волноваться.

— Сейчас увидишь.

В тот вечер Лариса осталась ночевать в доме академика Янтарева. А утром внук академика предложил ей остаться в этом доме навсегда. Разговор происходил за завтраком в комнате с удивительным киноприбором, провинциалка сидела в старинном кресле, облачившись в махровый халат, и пила кофе с молоком. Халат был ей несколько маловат, еле улавливал все её плоти, и Ларисе это нравилось, она чувствовала себя в нем как бы на выданье и даже не старалась придать своему наряду более пристойный вид.

Рауль стоял голыми коленями на старом сером паркете, на нем была всего лишь одна ночная рубашка, трогательный рудимент милого домашнего детства. Он пожирал глазами Ларису как эклер, обалдевая от количества предполагаемого в ней крема. Предыдущей ночью он доказал, что, несмотря на subtilный вид, он большой умелец, и надеялся, что ему удалось заронить в душу гостьи хоть немного сексуального сочувствия.

Лариса, конечно же, не влюбилась. Большой половой аппетит будущего мужа не изменил её отношения к ситуации, на первом месте у неё оставался материальный расчёт. Тот факт, что Рауль любвеобилен и старателен в кровати, вполне мог бы оказаться совсем не плюсом, развеялся в ней неприязнь к нему.

Кажется, всё было в порядке. Трогателен, не противен, готов к подвигам в её честь, с первого же шага повел правильную политику — предложил вселиться.

Лариса вселилась.

Для начала сориентировалась на территории.

С квартирой надо было что-то делать. Во-первых, необходимо было обозначить своё присутствие и серьёзность своих намерений. Во-вторых, просто-напросто трудно было мириться с этим пыльным бардаком, ей, воспитанной в условиях истерической чистоплотности родительского дома. Там у себя в Гродно Лариса в основном была подмастерьем матери в постоянных работах по дому, здесь ей пришлось всё брать в свои руки.

Для начала ванная комната. Огромное чугунное корыто с потрескавшейся эмалью, с жёлтыми разводами и непонятными пятнами было превращено в благоухающий свежестью бассейн всего за полдня. Вслед за этим кафель на стенах и на полу, неуверенно отражающие серый мир квартиры зеркала, краны, напоминающие размерами о римских термах. Из-под днища ванны пришлось выгрести горы мусора — следы предыдущих ремонтов: пыльные бутылки с олифой, отвертки, обломки керамической плитки, гвозди, куски наждачки и так далее и до бесконечности.

Вслед за ванной унитазная. Опять-таки отдраила старинный стульчак, починила непрерывно сочащийся бачок, на свои деньги купила запас туалетной бумаги.

Приступила к кухне. Там самым большим ужасом была, разумеется, плита, огромная и нелепая, как заброшенный крематорий. Удовлетворительно работала всего одна конфорка, обслуживая потребности семейства — кофе, яичница.

— Давно у вас не было домработницы, — сказала Лариса Раулю. Тот кивнул.

— Давно.

Надо сказать, что господа Янтарева молча и издалека взирали на это дружественное вторжение в своё авгиево жилище. И Нора и Элеонора Витальевна рано уходили из дому, перехватив что-нибудь на ходу, одна слушать лекции, другая их читать. Возвращались к вечеру из своих институтов и соглашались покормиться обедом, приготовленным Ларисиними руками по маминым рецептам. Пользуясь тем, что телефон стоял и в комнате Рауля, она набирала свой гродненский номер и подолгу советовалась с Ниной Семёновой. Та очень была рада помочь дочке блеснуть хозяйственными достоинствами. Так что получалось и разнообразно и вкусно.

Ларису хвалили. Элеонора Витальевна сдержанно, Нора рассеянно, Рауль — иступлённо. В среднем получалось четыре с плюсом.

Рауль тоже убегал утром. Он не читал лекций и не слушал, он “крутился”, говоря его языком. Созванивался с самыми разными людьми, ругался, торговался на непонятном шифрованном языке, иногда лебезил, иногда угрожал, Лариса старалась не вникать. Денег он ей оставлял достаточно, так что хватало и на чистящие средства и на свежую вырезку с рынка.

— Послушай, а ты почему не учишься нигде? — спросил он как-то.

— На заочном, — ответила Лариса, чтобы не вдаваться в подробности. Учеба ей и в самом деле давалась легко, несмотря на всю загруженность по дому. Она успевала посещать все нужные лекции и семинары, так что учебной части не к чему было особенно придираться. Да и не хотела она придираться после того, как Лариса выдала им душераздирающую историю о престарелом беспомощном родственнике, за которым она вынуждена ухаживать.

Самое интересное начиналось вечером. К Раулю приходили друзья. С кем только он не дружил! Были среди них художники, научные вроде бы работники, тренер по теннису, банщик, фарцовщики, тут же начинавшие рассматривать Ларису с точки зрения того, как бы её немедленно одеть во всё привозное. Остальные, она чувствовала, больше думают о том, как бы её раздеть. И она не знала, что ей нравится больше.

Главным действующим лицом салона был — видак. И каждый вечер новая кассета. Рассаживались, кто в кресла, кто прямо на ковре, благо теперь он был выдраен старинным, но старательным пылесосом. Лариса устраивалась так, чтобы иметь возможность в любой момент улететь на кухню, если оттуда донесётся подозрительный запах.

Ей было приятно сознавать, что она может смотреть то, что не может смотреть подавляющее число граждан Союза. Что она на переднем крае мирового художественного прогресса. Ей, в общем-то, нравились эти ребята, несмотря на их тотальный, поголовный, неутомимый антисоветизм. Было что-то даже удивительное для неё, выросшей в плотной идейно-выдержанной атмосфере провинциального института и правильной советской семьи, в здешнем мире полной, даже вызывающей свободы от всего советского. Нет, анекдоты о партийных вождях она слышала и раньше, и в Гродно, и уже здесь, но они всегда подавались как что-то чуть запретное, немного шепотом, один на один или в очень узком кругу, для своих. Вокруг каждого анекдота как бы стоял плотной стеной советский строй, самодовольно уверенный в своей незыблемости.

Как раз в разгаре её борьбы за чистоту в квартире Янтаревых состоялись похороны Брежнева. Ларисе очень понравилось на похоронах. Колонна их института собралась возле здания “Известий”, чтобы двинуться мимо кинотеатра “Россия”, по Петровке к Колонному залу для прощания с вождём.

Великолепная атмосфера царил в толпе. Много шутили, смеялись, то там, то там всплывали откупоренные бутылки портвейна. Преподаватели и не думали мешать всеобщему веселью. Леонида Ильича хоронили не как тирана, долго-долго заедавшего век своей страны, а как старого дедушку, мирно отошедшего в иную жизнь. Радость была не злорадная, не мстительная. И вместе с тем было несомненное ощущение, что мы остаёмся там же, где и были, в Советском Союзе, и будет продолжаться то, что было до этого, только без Брежнева.

И Элеонора Витальевна, и Нора подвизались в советских учреждениях, других просто не было, а сам академик был всё же сугубо советским академиком, но и это не создавало в доме никакого двоемыслия. Подтекст тут был такой: советская власть нам что-то дала, да попробовала бы она не дать! После всего, что она сделала с нами! Что именно, уточнять было не принято. Само собой разумеется, что она виновата весьма.

Лариса лишь по каким-то проговоркам, косвенным замечаниям узнала про репрессированного брата академика, про мытарства, которые пришлось претерпеть семейству, прежде чем оно осело на арбатской отмели.

Рауль к Ларисе относился хорошо, этого нельзя не признать. Кстати, дома его звали Рулей. Почти каждый день он приходил домой с каким-нибудь

презентиком. Очки, майка, жвачка. Когда в доме собирались его друзья, старался выставить Ларису как бы вперед, осторожно хвастаясь. Понимал, что было чем. И приятели бурно и искренне восхищались подругой друга. Лариса была нарасхват. В том смысле, что её желал цапнуть лапой почти каждый.

Противнее всего были разговоры. Если бы в них были только скучные сальности, но они всегда были перемешаны с неуловимо презрительными отзовами в адрес Рули. Мол, чего ты нашла в этом паучке. Скоро стало понятно, что, несмотря на академический статус деда, Рауль считается в кругах реальной фарцы явным аутсайдером. Его скорее терпят, чем ценят. И смотрят на факт Рулиного обладания Ларисой как на явную несправедливость. Они курили “мальборо”, они носили джинсы “леви страус” и кожаные пиджаки, и они были явными сволочами.

“Руля меня любит”, — отвечала Лариса на все приставания.

Элеонора Витальевна старалась с Ларисой не пересекаться, старалась не знать, что она творит с интерьером и обедом. Лариса не могла бы даже сказать, что мадам ею недовольна. Та принимала все услуги со стороны Ларисы, оказываемые и дому, и ей лично, со спокойной, равнодушной благодарностью, почти не замечая их. Нет, она хвалила и борщи, и пельмени, и запеканки, но при этом оставалось впечатление, что тут же забывала сказанное. Лариса взяла на заметку эту манеру, считая их проявлением истинного аристократизма. Благодарить, не считая себя чем-то обязанной за сделанную тебе услугу.

Мадам выпархивала по утрам накрахмаленной бабочкой из замшелой пещеры, не неся на крыльях своих одеяний никаких признаков домашнего запустения. Надо было понимать, что её устраивает, как Лариса стирает её ежедневно переменяемые блузки.

Нора была упертее в этом смысле, и как будто никогда не передевалась: непрерывные брюки и растянутые водолазки, и демонстративное пренебрежение к косметике. Лариса попыталась с ней поговорить на эту тему: мы же молодые, надо это помнить, придётся же ещё хомутать какого-то мужика — но натолкнулась на тако-ой взгляд, что побежала жаловаться Руле.

— Она что, считает, что у меня одна извилина, да?

— Да нет, — ласково морщился Норин брат, — просто у неё другие интересы. Не шмоточные.

— Да? А у меня, значит, шмоточные?

Рауль даже заерзал на месте.

— В том смысле, что ты красотка, а ей не дано. Очки, спецхран, неправильные латинские глаголы. А ты цветёшь, тебя преступно содержать в обычном магазинном тряпье. Повторяю, ты красотка.

— Я отличница! — с вызовом сказала Лариса, что было почти правдой, она сдала сессию всего с одной четвёркой.

При этом, что касается обедов, Нора не играла в глупую гордость. Лопала, что подадут, и просила добавки.

Лариса, по большому счёту, была спокойна. Слишком уж было ясно, как Рауль на неё запал. Она воображала себя анакондой, уже подползшей вплотную к беззащитному кролику. Пусть пока дохрумкает последнюю морковку.

И всё же пыталась — очень осторожно — выяснить у Рауля, как его родственники относятся к ней. Несмотря на всю уверенность в своих ценных качествах и в том, что Рауль прочно приторочен к её крепкому бедру, она была снедаема тихим любопытством: как её оценивают? Кем она кажется этим двум женщинам? Скорей всего, они ведь восхищены её чистоплотностью и кулинарной изобретательностью. Рауль почти пропускал эти вопросы мимо уха, стараясь показать, что всё нормально, и нечего беспокоиться о таких чепуховых мелочах. Охотно соглашался признать, что “жрачка теперь у нас — во!” — и поднимал большой палец. Пару раз цитировал Нору на её счет: “Она приехала в Москву, чтобы её прибрать”, это выглядело как шутка, вроде бы и дружелюбная, хотя и с каким-то не до конца понятным оттенком.

— Я могу больше не брать тряпку в руки.

— Да, нет, нет, убирайся, если хочешь, и сколько хочешь.

Лариса остолбенела: всё вдруг стало выглядеть так, что она борется за право бегать по квартире с веником. Не осчастлививляет, а набивается!

Однажды Лариса влетела в комнату с решительным лицом.

— Слушай, Рулик, Нора какая-то совсем странная.

— А что такое?

— Я к ней, а она даже как бы и не заметила меня. Я понимаю, что я здесь никто... — Лариса решила использовать удобный плацдарм перенесённого оскорбления для атаки на стену загадочного молчания Рауля, за которой он прятал карту своих планов их общего будущего. Сегодня не отвертится!

— Оставь её в покое.

— Ах, вот ты так со мной заговорил?!

— Лара, у Норы неприятности.

— И это повод...

Рауль закрыл глаза и медленно втянул воздух.

— Послушай, у Норы неприятности.

— Какие?

— Не может получить отзыв на свой диплом. Или реферат, я не помню.

Лариса поняла, что разговор на важную для неё тему сегодня не состоится.

— Почему не может?

Рауль хмыкнул с мрачно-иронической улыбкой:

— Еврейское счастье.

— Я не понимаю.

— Да я и сам не понимаю, за что нам всё это и столько лет.

Лариса продолжала на него смотреть непонимающе.

— Заболел дядя Иван Иванович, никогда не болел, а тут заболел, инсульт. Невменяем. Писать отзыв должен Шамарин, зам. А он, видишь ли, Ларчик, известный ксеноглот.

— Кто?

— Ну-у, жидоед. Дальше объяснять?

Лариса подумала и сказала — да, объяснять.

Из короткой лекции Рауля ей стало известно, что все командные высоты в русской академической науке, и не только в ней, захвачены патологическими антисемитами, людьми бездарными и мстительными. Они сами не способны к шевелению мозгами и ненавидят всех, кто к этому способен. Такому крупному авторитету, как “раковая шейка”, они повредить были не очень в состоянии, хотя тоже, надо сказать, пытались, “он всегда был им слишком нужен, кто-то ведь должен был сочинять им новые бомбы и ракеты, у самих-то башки не хватает”. Всё время дергались — что делать с академиком Янтаревым? То посадят, то с помпой выпускают. Теперь он хворый, ушёл от дел. Но гадить продолжают, теперь опосредованно, отыгрываются на родственниках.

— На тебе тоже отыгрывались?

Рауль очень внимательно посмотрел на предмет своего горячего обожания. И тихо сказал:

— Нет, я ушёл из аспирантуры сам. Надоело жить на копейки.

Лариса сидела в задумчивости, мяла в руках мокрую тряпку.

Рауль по-своему истолковал её молчание.

— Ты что, краса наивная, может быть, и про черту осёдлости ничего не слыхала?

Лариса что-то, конечно, слыхала, но вдруг поняла, что ни за что не смогла бы ответить, что именно. Она отрицательно покачала головой. Рауль хмыкнул и прочел ей лекцию и на “эту тему”.

Лариса слушала не очень внимательно, она доверяла словам Рауля, поэтому ей не нужно было над ними задумываться. Словно открылся вдруг занавес, предстала действительная панорама жизни. Наряду с этим оглушающим открытием где-то сбоку шевелился небольшой конкретный стыд: как это ей пришлось в голову донимать несчастную Нору бытовую чепухой, когда она есть жертва всемогущего антисемитского государства.

— Я пойду, извинюсь перед Норой.

Рауль грустно усмехнулся.

— Иди лучше спасай рыбу, горит.

Возле рыбы уже дежурила Элеонора Витальевна. Она довольно грамотно перевернула куски судака и теперь вытирала руки тряпкой. Будет говорить, поняла Лариса. И не о рыбе.

— Вы ведь студентка? — спросила она для начала.

— Да.

— И я слышала, учитесь очень хорошо.

Ларисе было и странно, и лестно это услышать. Она поняла, что ею всё-таки интересуются в этом доме, и видят не только добровольную домработницу.

— Я хотела попросить вас об услуге.

— Да ради Бога, — небрежно ответила Лариса. Она была готова на подвиги.

Оказалось, что надо бы съездить в один подмосковный санаторий, там сейчас бережет своё здоровье после того, как шарахнуло его шефа, профессор Шамарин, и забрать у него отзыв на “важную, и очень, работу” Нору.

— Съезжу, — пожала плечами Лариса. Тоже мне. О том, почему не может поехать сама Нора, вопрос даже не вставал. Понятно, что ей ехать невозможно. — Что за санаторий?

Но дело было не в названии санатория, а в том, что процедура получения может быть сопряжена с некоторыми осложнениями, мягко, почти вкрадчиво предупредила мадам.

Лариса усмехнулась, показывая, что нет таких осложнений, с которыми бы не совладала она, настоящая отличница. Элеонора Витальевна удовлетворённо кивнула и тут же заметила, что Лариса может, конечно, отказаться, если у неё есть какие-то сомнения.

— Нет, зачем же.

Элеонора Витальевна снова удовлетворённо, почти дружелюбно кивнула и сказала, что Шамарин не знает Нору в лицо, в этом главная интрига ситуации.

— Да-а?

— Да. Вам придётся выдать себя за неё. Шамарин может задать вам несколько вопросов по теме работы...

— Я подготовлюсь, — улыбнулась Лариса. Элеонора Витальевна улыбнулась ей в ответ. И сказала, что была рада не ошибиться в ней. И ещё сказала, что будет очень, очень ей благодарна. Норина нервная система в таком состоянии...

— Моя нервная система в порядке.

18

Возвращения Ларисы ждали с огромным напряжением. Всё семейство питалось растворимым кофе и блуждало с бледно дымящимися чашками по тускло освещённым коридорам. В полном молчании, отчего происходящее было похоже на своего рода богослужение.

Рауль был особенно пасмурен. Он даже делал вид, что ни с кем не хочет разговаривать.

Элеонора Витальевна один раз даже обратилась к нему, не выдержав.

— Ты что, хочешь сказать, что я поступила неправильно?

Рауль дернул плечом и ушёл в свою комнату, буркнув:

— Ничего я не хочу сказать!

Наконец, щелкнул замок. Лариса вошла. Элеонора Витальевна и “раковая шейка” выкатили ей навстречу. Рауль остался стоять в дверях своей комнаты, поигрывая пустой кофейной посудой. Нора схоронилась в своём кабинете, предоставляя другим разбираться с этой щепетильной ситуацией.

Лариса не торопясь, со вкусом разделась, ни на кого не глядя. Шарф, пальто, сапоги. Понимала, что имеет на это право. Пальто помогла снять Элеонора Витальевна, элегантно улыбаясь.

Лариса надела домашние тапочки, прошла на кухню, налила себе кофе — пришлось царапать ложкой по дну почти пустой жестянки. Сделала глоток и сказала, ни на кого специально не глядя:

— Хорошо, что Нора не поехала.

Это заявление не разрядило обстановки. Все ждали деталей. Как развивался сюжет? Но Лариса стала делиться впечатлениями о главном персонаже.

— Жуткий урод. Эта бородавка на губе, вот тут, в углу рта, как будто сигару не докурил, бр-р. И возле носа блямба, и бровь как гроздь! — С шумом отхлебнула из чашки.

Руля стоял в дверях, жуя губы. Мать с интересом на него поглядывала.

— И по характеру — сволочь! Привык пользоваться своим положением, сразу так и выставил вперед ручки.

И тут все заметили, что девушка слегка навеселе. Элеонора Витальевна обняла её за талию.

— Спать, спать, спа-ать.

— Нет. Где моё пальто?

— Зачем теперь пальто?

Опираясь на хрупкую маленькую “свекровь”, Лариса вернулась в прихожую, порылась во внутреннем кармане своего пальто и вытащила оттуда сложенный вчетверо лист бумаги.

Элеонора Витальевна выдохнула с огромным облегчением, развернув его. И передала девушку с рук на руки Раулю, сопроводив передачу чрезвычайно выразительным взглядом. Лариса этот взгляд перехватила, но оценила неправильно, и попыталась объяснить:

— Если бы он жил не на втором этаже, а повыше, мне пришлось бы похуже.

Элеонора Витальевна замерла.

— Что?

— Пока он там что-то записывал, я на балкон, и в сугроб. Большой сугроб, лбом немного ударилась о древко лопаты. И удрала. Купила бутылку шампанского на станции...

Жизнь продолжалась, как будто ничего не произошло. Лариса была равна и беззаботна, она чувствовала себя даже лучше, чем до того. У неё появилась некая заслуга перед семейством, следовательно, положение её упрочилось, и часемый результат выглядел ещё более достижимым. Требовать немедленных вознаграждений она не стала, это было бы слишком по-хабальски. Подождём с недельку.

Рауль тоже не затевал никаких объяснений, он ждал подходящего момента. А подходящим моментом была бы попытка Ларисы предъявить какие-то требования.

В остальном всё было по-прежнему.

19

Тот день запомнился ей очень хорошо. Началось всё ещё за завтраком. “Раковая шейка” после того, как Лариса покормила его ежедневным витаминизированным бульоном через трубочку, аккуратно убрала чистой салфеткой капли вокруг рта, — академик ласково погладил её запястье и вдруг резко сжал его сухими, шершавыми пальцами. В глазах его было ласковое, дружелюбное выражение. Он явно что-то хотел сказать.

Но надо было бежать на лекции.

В перерыве между первой и второй Лариса курила с подружками на ступеньках истфака, потому что в курилке красили стены, и там хозяйничал ацетон. Смеялись, шутили, Лариса сумела заработать себе и в этой компании серьёзный авторитет. И вот тут, когда она поправляла на февральском крыльце белую дублёнку, выдыхая драгоценный дым тонкой дамской сигаретки, во двор института въехал, преднамеренно медленно, чтобы все могли рассмотреть эту процедуру как следует, самый настоящий американский “Форд”. То, что он был 1963 года выпуска, знала только Лариса, потому что

об этом говорил Руля, за глаза посмеиваясь над Гариком Мангалом, одним из своих партнёров.

Гарик был не слишком высоким, но жгуче красивым кавказцем, полуабхазцем-полуармянином, впрочем, этот факт не имеет никакого значения. Он движением беззаботного Бельмондо захопнул дверь и, улыбаясь роскошным ртом, направился к стайке оцепеневших студентов. Замшевый пиджак, золотая цепь на загорелой шее (тогда это ещё не было знаком принадлежности к бандитскому сообществу), чёрные очки с надписью “Ягуар” почти посередине левого стекла. Стоял ослепительный, сверкающий полдень, хотя и зимний. Гарик вращался на каблуках, оглядываясь. “Клёвый”, как сказали бы в конце восьмидесятых, почти то же самое, что “крутой” в языке двадцать первого века. Почти то же самое, но ещё и плюс море шарма.

Все топтавшиеся на крыльце студентки сразу поняли, к кому этот визитёр. Девушки попытались ретироваться. “Стоять!” — скомандовала им Лариса. Гарика количество свидетелей не смутило. Он вежливо и обаятельно предложил Ларисе отправиться с ним в кафе. Для разговора. Лариса сухо отказалась, точно попала окурком в урну и собралась уйти. Но он обаятельно умолял, стоически настаивал, просто рассыпался словесно, причём не стесняясь свидетелей. Наконец, наступил момент, когда отказываться было просто невежливо. И глупо. И странно.

— Только вместе с девочками, — поставила условие Лариса. И Гарика, и девочкам, кстати. Саша и Марина вынуждены были её эскортировать. Последняя лекция была позабыта. Руководимые товарищескими чувствами и любопытством, студентки отправились вместе с подружкой и всё время пошучивающим красавцем.

— В “Метелицу”! — велела Лариса. Это было одно из центровых мест тогдашней молодежной Москвы. Вечером попасть туда было очень трудно, вечер, проведённый там, не считался потерянным зря. Закатиться туда посреди учебного дня, на “Форде”, со свитой, показалось Ларисе шикарным. То, что Саша и Марина сильно впечатлены началом приключения, ею организованного, было ей приятно и бодрило, хотя в целом она не забывала держать себя настороже.

Мороженое, шампанское, кофе, ещё раз шампанское, кофе, мороженое в полупустом, довольно-таки унылом в полуденный час заведении. И надо всё время вострить ухо, и Саша и Марина от времени порывались, то ли из деликатности, то ли под воздействием намёков Гарика, ускользнуть из-за стола. Приходилось их хватать за край платья и водворять в кресло. Нет, резвилась про себя Лариса, тебе не удастся остаться со мной наедине! Она прекрасно понимала, что нужно Рулиному дружку-кобелю, только не на ту напал, мы, гродненские, — гордые. И умные. После четвертой бутылки Гарик расслабился, полностью переключился на подружек Ларисы, которые не демонстрировали такой ярой недоступности, как она. В конце концов, кончилось тем, что Лариса обнаружила себя, вернувшись из дамской комнаты, за столом в единственном числе, и, посмотрев в окно, не увидела на стоянке американскую машину. Испытав мгновенное облегчение, она вдруг вслед за этим, с удивлением, ощутила укол ревности. Ах ты, Саша, ах ты, Марина! Неблагодарные дряни! Увели! Мужик, хоть и не нужный, но мой!

Подозвала официанта, она была убеждена, что Гарик ей отомстил, оставив один на один с громадным счетом, и уже собиралась яростно потратить полученную сегодня гешеппендию и выкатить претензию Руле по поводу наглости его друзей. Но счет оказался оплачен, и это, как ни странно, испортило ей настроение ещё больше. Оказалось, что у неё отняли право на справедливый скандал на тему: твои друзья смеют так обращаться со мной, потому что мы с тобой не расписаны, они считают меня шлюхой!

Поехала злая и пьяноватая домой.

Сидеть без дела была не в силах.

Нацепила фартук и рванула на кухню, там всегда было чем заняться. Хотя бы вот этот сервиз из помутневшего стекла из дальнего, укромного комода, забившегося в угол огромной кухни. Займёмся, пока Руля не вернулся в логово со своей противозаконной добычей.

Стремительно переделлась, фартук, косынка, большая миска с горячей водой, порошок, составленный по особому маминому рецепту, с гарантией победы над любой грязью. Когда открыла шкаф, оттуда пахнуло как из лавки колониальных товаров: корицей, ванилью, кофе, но запах был как будто припорошен пылью пережитых времён. Душа дома обнаружилась в шкафу. Лариса замерла в неожиданной неуверенности — и услышала за спиной тихие всхлипы. Обернувшись, потеряла равновесие на своём стуле, пошатнулась, топчась газету. Внизу были глаза “раковой шейки”, огромные, разумные, с непонятной просьбой в них.

— Что? — спросила Лариса.

Академик вздохнул, выстутив горловой всхрип, и стал быстро работать правой рукой, разворачивая свою повозку. Уехал.

Лариса пожала плечами и начала вытаскивать из пахучей емкости части большого сервиза, его предметы по своему виду были так же необычны, как и местные запахи. Но форма их мало волновала Ларису, с шампанской решительностью она потащила стопку огромных мелких тарелок в мойку. Они так слежались за предыдущие годы, что даже прилипли друг другу. Это вызвало ироническую усмешку у добровольной посудомойки. Чистюли! Тарелки не только слиплись, они покрылись тончайшим налётом, сделавшим стекло полупрозрачным.

Ничего, мамин порошок и не с такими налётами справлялся.

Минут пять-семь прошло в тяжёлом борении порошка и налёта. Очень скоро Лариса поняла, что поспешила презирать неприятеля. Налёт не сдавался с налёта, как она сама с собой каламбурила. Пришлось приналечь всей мощью рук, по которым тосковал большой гандбол. Взопрела, пришлось оттопыривать нижнюю губу и сдуть нависающую чёлку.

— Что вы делаете? — раздался голос за спиной.

Лариса обернулась и увидела Элеонору Витальевну. Явившуюся явно по её, Ларисину, поводу. “Раковая ищейка!” — беззлобно подумала Лариса. Донёс. Обычно мадам не только не говорила прямо, но никак и не намекала Ларисе, что её напор и решительность в обращении с интимными деталями обстановки этого дома не слишком-то приветствуются. Но сейчас на её лице читалось явное недовольство.

Ей не нравилось, что Лариса посягнула на данный конкретный шкаф?

Или укусила какая-то другая муха?

Тут что, заповедник?

“Не хватало, чтобы она полезла пылесосить библиотеку”, — так и читалось на этом обычно мягком, вежливейшем личике.

Лариса понимала — тут присутствует тонкий момент. Да, ей прежде разрешалось сметать пыль с поверхности здешних вещей, а теперь она как-то слишком рьяно поперла внутрь здешней реальности. Элеонора боится за своих скелетов в своих шкафах? Это ведь только сервиз! Может быть, памятный, роковой, необыкновенный, но всего лишь сервиз. Разумеется, если бы не этот странный визит Мангала, не многочисленное шампанское, Лариса удержалась бы от фамильярности по отношению к заповедным тарелкам... Но, вот что хотите, тут есть и ещё какая-то подкладка. Элеонора злится ещё почему-то.

Лариса смахнула костяшками пальцев мокрые волосы с мокрого лба.

— Да вот, сервиз...

Мадам улыбнулась с ядовитой печалью в глазах.

— У вас ничего не получится.

— Да, не получается, но у меня хорошее средство, я ототру.

— У вас ничего не получится, милочка. Вам не удастся зацепиться в этом доме.

Внезапная лобовая откровенность мадам обезоружила Ларису, и она просто спросила:

— Почему?

— Вы ещё не поняли?

— Не поняла.

Мадам натянуто усмехнулась. Ей не хотелось развивать тему, ей бы же-

лалось, чтобы её понимали с полуслова, но, кажется, в данном случае без объяснений не обойтись.

— Потому что это особенный дом, милая девушка. Тут свои традиции, своя история, здесь бывали Собинов, Агранов, если вам что-нибудь говорят эти имена.

— Это фамилии.

Мадам снисходительно кивнула.

— Гражданство этого дома нельзя получить просто через постель. Прежние здешние жители слишком много отдали ради него в своё время, страдали и в лагерных бараках, и в партийных президиумах, которые ещё хуже лагерей, если вы меня понимаете, девушка.

— Я не девушка.

— А вот в это я имею право не вникать. — Мадам на самый краткий миг вскинулась, но тут же себя осадил. И перешла на вежливое пение. — Вот я вам, собственно, всё и сказала. И вы, надеюсь, всё поняли.

Лариса медленно мяла в руках мокрую тряпку. Она никак не могла поверить, что ей наносят оскорбление. Она всё ждала, что мадам сейчас даст какой-то сигнал, показывающий, что всё это не всерьёз, и круг взаимной деликатности не разорван. Лариса ещё не поняла, что мир старой, уютной, в общем-то, неопределённости рухнул, и она теперь одна на холодном ветру новой реальности.

— Вы хотите сказать, что Рауль на мне не женится?

Мадам только усмехнулась и пошла к выходу.

— Но можно я хотя бы домою то, что начала? — изо всех сил пытаюсь выдавить из себя хоть каплю ехидства, спросила Лариса.

— Я же сказала — у вас ничего не получится. Это не божеское стекло, как вы, наверно подумали, а бутанская слюда. Подарок Джавахарлала Неру. И учтите, одна такая тарелка стоит дороже, чем весь ваш гардероб.

И ушла.

Вот сука, наконец нашла нужное слово Лариса.

С огромным трудом она удержалась от того, чтобы не превратить драгоценный сервиз в мокрую щёбёнку. Не от трусости, ей было плевать на последствия, которые могли последовать вслед за таким разгромом. Она просто ещё не решила, что всё кончено. Она попробует отыграться. И даже не попробует, а отыграется обязательно! Вот придёт Руля, и мы поглядим, как всё тут обернётся.

А ужин готовить не стала. Когда Руля потребует “чего-нибудь в пасть”, будет с чего начать разговор. Я что, кухарка здесь?!

Рауль выслушал возмущённую возлюблённую молча и угрюмо. Молча же вышел из комнаты и исчез в глубинах так до конца и не прибранного лабиринта. Лариса напряжённо ждала, что до её слуха вот-вот донесётся шум скандала.

Но было тихо.

Стало даже тревожно, когда отсутствие Рули стало затягиваться. Скандал, насколько себе представляла Лариса, вещь скоротечная. Сидеть просто так ей было трудно.

Но что же делать?

Вытащила зачем-то из-под кровати свой чемодан, смахнула с него пыль. Ей вдруг стало обидно и тоскливо. Вот она, эта пыль, это единственное общее, что они накопили с Рудей за все эти месяцы.

Дверь за спиной открылась. В дверном проёме стоял Руля.

— А, собираешься. Правильно.

Лариса резко встала, отчего голова у неё закружилась.

— Что правильно?!

— Собирай вещи.

Она молчала.

— Что стоишь, мы уходим!

— Погоди.

— Чего годить. Маман наговорила тебе такого...

Лариса снова сказала:

— Погоди.

Ей трудно было всё объяснить. Например, то, что чемодан она достала лишь для того, чтобы продемонстрировать глубину возникшего кризиса, а выезжать из этого пыльного дома она не желает. Если мадам возьмёт свои слова обратно, если она хотя бы сделает вид, что не говорила всё это, или что говорила это в шутку, Лариса готова остаться. Но как выразить в словах эту тонкую психологическую фигуру, особенно в тот момент, когда Руля в порыве справедливого, но неконструктивного гнева рвётся вон.

Он стал запихивать в открытый чемодан подаренные им Ларисе тряпки.

20

По одной из застенчивых улочек, что ведут вверх от Цветного бульвара к Сретенке, поднималась парочка пешеходов, на которую обращали бы внимание многие, будь движение тут оживлённее. А так только пара старух и пара котов были свидетелями того, как Рауль и Лариса приблизились к месту своего нового обитания. Рауль шёл впереди с недовольным выражением лица, а Лариса сзади с распухшим, как лицо от слёз, чемоданом.

Они почти не разговаривали, потому что оба были недовольны тем, что произошло. Рауль был расстроен поведением матери, Лариса тем, что вынуждена была покинуть почти уже подготовленное ею для нормальной жизни жилище. Раулем двигала оскорблённая гордость — его выбор был семейством не уважен. Эта женщина была ему нужна такая, как есть. Что бы там они про неё ни плели родственники. Сам этот выезд с вещами из дома был для него тектоническим сдвигом в судьбе. Он не мог объяснить размер своей жертвы Ларисе, а она считала этот подвиг глупостью. Лариса никак не могла смириться тем, что для отстаивания гордости необходимо было отказаться от такого количества проделанной работы.

— Здесь, — сказал Рауль, и они вошли в укромный четырехугольный двор, образованный стенами нескольких семиэтажных зданий, безучастно устремлённых куда-то вверх. Во дворе чахли клён, куст и остов “Запорожца”.

— Нам сюда.

Рауль указал на двухэтажную кирпичную хибарку, притулившуюся в углу двора.

Обошли темную, видимо вечную лужу перед входом, Рауль достал из кармана ключ, вскрыл дверь неприязненным движением, как нарыв. Изнутри хлынуло...

— Чем это пахнет? — спросила Лариса, недоверчиво пряча свой чемодан за спину, опасаясь за судьбу своего фирменного гардероба в этой клоаке.

— Это... ну вроде как мастерская.

— Здесь никого нет, — сказала Лариса, когда они вошли и осмотрелись.

— Здесь никого нет, но он здесь живёт.

— Он художник?

— Да нет, чёрт его знает, чем занимается, был археолог, что ли.

Посередине стояла толпа бутылок, припорошенных пылью. Если бы Ларисе довелось до того побывать в Китае и посмотреть на парад знаменитых терракотовых воинов, она бы заметила, что бутылочный парад его очень напоминает. Все бутылки были одинаковыми — из-под вина, емкостью 0,7 литра — и стояли стройными рядами.

— Форма борьбы с хаосом, — пояснил Рауль, поймав её взгляд.

На выгороженной в углу кухне железная раковина в разводах масляной краски. Из крана вдруг упала капля, увесистая, как официальное приветствие.

— Здесь бардак не то, что на Староконошенном.

— Н-да.

— И я должна всё тут отмыть?

— Ну, не всё...

— А что, если их сдать?

— Что, что, что? — замельчил Рауль.

— Сдать эти бутылки, там рублей на сорок.

Рухнув на спину, чихнув от поднятой пыли, Руля сказал с расслабленным смешком:

— Если хочешь, чтобы тебя сдали в поликлинику для опытов, давай. — Это были годы популярности почтальона Печкина и кота Матроскина, они заменили в некотором смысле в качестве всенародного цитатника Ильфа и Петрова.

Лариса посмотрела на стоявший у дивана стул. Он страдал под напылом лавинообразного пиджака, карманы которого лежали горизонтально на пыльному полу.

— А когда он придёт?

— А кто его знает!

Лариса почувствовала себя сказочной девочкой в сказочной берлоге. А кто сидел на моём стуле? А кто смеялся над моими бутылками?

— Ты бы помирился с мамой.

— Когда она помирится с тобой. — Рауль прыгал на одной ноге, возвращаясь в штаны.

— Как же она со мной помирится, если мы не будем видеться?

— Приберись здесь. Хотя бы чуть-чуть. Вот, возьми. Магазин в этом же доме, с другой стороны. Пару пива.

— Когда ты придёшь?

— Приду, приду.

Уже через полчаса после его ухода на Ларису обрушилось понимание — он никогда не придёт! Ей стало страшно и страшно тоскливо. Ей бы надо было по характеру разъяриться, но она вдруг почувствовала себя обессиленной, брошенной, забытой, как этот комок серого белья. Чья-то многократная, скомканная страсть, навсегда заброшенная. Всё в прошлом! Ей вспомнилась старая картина с разлагающейся от старости старухой. Нет, комок белья был страшней.

Он не придёт.

Зачем же просил прибраться? Смягчил удар. Бросание провинциалки, вот картина!

Унылый храм хлама. Непобедимая, изначальная грязь. Здесь никогда не было чисто и светло. Любой предмет, попадая сюда, немного погибает, теряет большую часть цвета и смысла. Люди как будто тратятся невидимой молью, подумируют.

Лариса решила, что ничего она здесь делать не будет. С таким же успехом можно было бы драить двор зубною щёткой.

Лариса резко вскочила на ноги с дивана, который качнулся, как лодка бедного быта.

И тут же в призрачной атмосфере мастерской нехорошо потемнело. Потемнело в глазах? Нет, хуже! Лариса с ужасом посмотрела в когда-то всего лишь пыльное окошко и увидела там очертания огромной фигуры с огромной головой. Фигура чуть наклонилась, пытаясь рассмотреть, что происходит в мастерской. Ларисе захотелось исчезнуть или хотя бы спрятаться. Опять вернулось — кто тосковал в моей мастерской?! Она готова была даже скрыться в прошлом, замотавшись в тот самый бельевой комок.

Не поможет!

Сейчас он войдёт.

Огромная кисть грюкнула костяшками в дребезжащее стекло.

— Эй, Рыба, принимай гостей!

Гости? Ларисе не стало легче, просто, значит, предстоит другой вид испытания.

Ввалились трое. Двое бородатых по краям, а посреди всего лишь усатый. Бородачи лет по двадцать пять парни, а то и старше, центральный — совсем мальчишка. Если бы Лариса была в этот момент способна к ассоциативному мышлению, она бы про себя обязательно сказала, что один бородач — длинноволосый и буйнобородый, очень похож на Карла Маркса, а второй, с

аккуратно подстриженными волосами на голове и лице, на Энгельса. Только зачем они поставили между собою хохляцкого парубка?

— Хозяйка грязной дыры! — закричал Маркс, преодолев секундное смущение и шумно продвигаясь внутрь. — А где Рыба?

Лариса не знала, что он произнёс это слово с большой буквы, и осторожно пожала плечами.

Она не знала ответа на этот вопрос и пожала плечами.

— Тогда помогай! — скаля отличные зубы в глубине волосатой пещеры, кричал Маркс. Энгельс и парубок вели себя скромнее, по ним было видно, что они всё же чувствуют себя гостями.

Маркс сразу стал взбираться по лестнице на антресоли. Все пошли за ним. Там не было почти ничего, кроме икон. Самых разных. Очень старые на вид, и не очень. Чаще всего обглоданные и замусоленные временем, с окладами и совсем не различимыми ликами. Они стояли, лежали стопками, висели. Рядом кадила, лампады, предметы церковного обихода, но всё без порядка, как будто тут была разобранная церковь.

Бородачи пришли в состояние мгновенной серьёзности и перекрестились, ни к какому отдельному предмету специально не относясь, а уважая всё пространство этажа. Лариса не успела смутиться, не успела начать относиться к гостям как к верующим людям, как всё переменялось.

— Сидайте! — скомандовал Маркс бодро, бросаясь мощным седалищем на местный диван, явно состоящий в родстве с диваном первого этажа. Энгельс и хохол стали выставлять на треугольный журнальный столик бутылки из распухшего кейса. Худые, как у стилиаги, ножки столика скрипнули, собираясь подломиться, но устояли. Энгельс нащупал под столиком две пивные кружки и завершил сервировку. Маркс зубами сорвал поролоновую пробку, и было件ятно, что этими зубами он способен сделать и не такое.

— Пей! — скомандовал он Ларисе, суя ей наполовину полную кружку.

— Зачем? — спросила она строго. Её неуклюжая попытка сохранить какую-то дистанцию вызвала в зубастом взрыв хохота.

— Пей, надо же познакомиться!

Лариса хотела было сказать, что и без этого пошла готова представиться и объяснить, что она находится тут на основании, близком к законному, но вдруг сама усомнилась в этом. Рауль вырвал отсюда в неизвестном направлении, а без него она тут кто?

Вино оказалось вкусным и быстренько побежало по жилам, выдавливая холод, образовавшийся в организме. Произошло быстрое и приятное одухотворение. И очень скоро она поняла, что не является таким уж неуместным здесь существом. Маркс не дал рассеяться этому ощущению. Он объявил, что надо выпить ещё и поцеловаться.

Держась за остатки своего недоверия, Лариса поинтересовалась, зачем это нужно? Бородач сказал, что это, может быть, ни для чего и не нужно, только без этого никак нельзя. Брудершафт. Ах, если брудершафт... Они сцепились с Марксом локтями, выпили, а потом её лицо потонуло в бороде, пахнущей и портвейном и тем, что впоследствии принято будет называть дорогим парфюмом. Поцелуй получился сочный, смачный, берущий под свою опеку. Далее бородач начал балагурить, он и до этого не помалкивал, а тут открыл все ворота. И Лариса оказалась в море иронической информации. Они, оказываясь с Энгельсом, который откликнулся также на имена Кит и Никита, только что вернулись из странствия по "землям русского православия". Почаев, Валаам... Лариса давно уже рассмотрела огромные антикварные кресты в разрезах их потных рубашек, оказывается, они там размещались не только для виду. Ей ещё никогда не приходилось в такой близости наблюдать людей религиозных, и она вновь начала робеть. Причём ясно ведь было, что это не какие-нибудь старухи прихожанки, которых она могла прежде наблюдать у скромной белорусской церквушки. Это были церковные богатыри, изведавшие глубины скрытной монастырской жизни. Они так и сыпали именами и терминами, до такой степени густо, что невидимое масло в лампадах начало нагреваться.

До этого разговора религия не занимала в жизни Ларисы никакого места, а теперь заняла. Оказалось, что Маркс и Энгельс не просто катались на катерах и автобусах по шлягерным церковным местам, они “паломничали”.

Лариса слушала с интересом, открывая для себя целый новый мир. Как глупо было считать, что всё уже в этой жизни известно и понятно, и глубины нет никакой нигде. Вот просто постучал человек в окно, и какие распахнулись двери... Туда можно удалиться от прежних несчастий и жить по-новому.

Портвейн вдруг кончился.

Маркс, которого все звали — Пит, вынул из нагрудного кармана чёрной джинсовой куртки — одет он был очень хорошо, современненько, как будто от Рули, — бумажку в пятьдесят рублей и весело велел друзьям сходить в магазин. Энгельс безропотно согласился. Отношения в их паре отличались от отношений в паре подлинных основателей марксизма. Тут денежным мешком был Маркс. Энгельс взял с собой и парубка, хотя тому явно хотелось остаться и продолжать пожирать глазами Ларису. Странно, но эта совершенно бескровная победа не избавляла её от ощущения брошенности, слегка занавешенного плёнкой алкоголя. Даже наоборот.

Гонцы ещё только спустились на первый этаж, сопровождаемые сладостными рассуждениями о том, чего и сколько надо взять, а Маркс-Пит уже пустил в ход руки. Это был сильный ход. Никаких лишних слов, слова остались в акафистах, и быстрая, но не грубая, не хамская последовательность опытных движений, и вот уже всё продвинулось так далеко, что вернуться обратно можно только на одном транспорте — шумном, визгливом скандале. Причём у Ларисы не было ощущения, что её насилюют, этого она бы не допустила, с гордостью у неё всё оставалось в порядке, имело место что-то вроде чуть утрированного брудершафта.

Маркс показал себя с самой лучшей стороны и после всего того, что случилось. Честно говоря, Лариса побаивалась этих минут после... Но Пит всё сумел превратить в шуточное шоу.

Марксисты составили себе по матёрому коктейлю, поминая поминутно слезу какой-то безымянной комсомолки, “ханаанский бальзам”. Нет, в конце концов, они сошлись на мысли, что составлять нужно “кровь кузькиной матери”. По сто граммов “Стрелецкой” в каждую кружку, по двести граммов мадеры, столько же “Салота”, и остальное — пиво. Осушив по полной гранёной поллитровой лохани, они почти сразу же повалились навзничь на диван и захрапели, вздувая волосы бород.

Лариса полюбовалась на них немного и спустилась на первый этаж, где парубок варил кофе.

— Будешь? — спросил он.

— Буду.

Ларисе хотелось молча посидеть, возможно, подумать. Что-то ведь произошло. Парубку молчать было трудно. Он стал рассказывать историю сегодняшнего дня. Оказывается, он тоже познакомился с бородатыми только сегодня. В Доме журналистов.

— Туда пускают по студенческому. Я с журфака, — счел он нужным объяснить. Ларисе это было всё равно. Она должна была бы испытывать неудобство в данной ситуации, а испытывал его будущий журналист, ей и это было всё равно. Журналист продолжал рассказывать.

Эти двое были дети известных родителей. Это Лариса поняла и сама. Пит носил фамилию Бережной, и полное его имя было — Питирим. Отец его был космонавтом. Никитин папа был заместителем министра какого-то машиностроения. Лариса хотела спросить у парубка, как он затесался в такую компанию. Но поленилась. Молодой человек сам объяснил. Просто оказались рядом за барной стойкой. В разговоре бородачей мелькнуло имя Жировицы.

— А я оттуда родом. Из Белоруссии. Они были там в монастыре. Я им сказал, что я оттуда родом. Они купили ещё пива. Сказали — поехали с нами. Будешь третьим богатырём. Они считают, что Пит — Илья Муромец, Кит — Добрыня, а Алеша Поповича у них нет.

— Целый день таскаемся по городу. Были у трёх вокзалов, у трёх тополей на Плющихе.

Смешно, думала Лариса, и ещё думала — сказать журналисту, что они земляки, или нет. Слоним ведь всего в трёх километрах от Жировиц. Не сказала. И даже не сумела бы объяснить, почему.

— А почему у тебя нет акцента?

— А я учился в русской школе. В Жировицах была белорусская, но я ездил в Слоним.

21

Проснулась она на первом этаже, на диване оттого, что её тронули за плечо.

Руля!

— Что ты на меня так смотришь?

Она, действительно, смотрела на него диковатым взглядом, медленно вспоминая о том, что тут произошло. И когда? И где все эти — Маркс, Энгельс?

Раздался шум сброшенной воды в туалете, и оттуда вышел невысокий, субтильный юноша.

Лариса перевела на него свой странный взгляд.

— Это не хозяин, — сказал Рауль, — это Плоскин.

— А где хозяин? — поинтересовалась Лариса, хотя в данный момент ей это было неинтересно.

Рауль сел на стул рядом с диваном, поставил на пол бутылку вина.

— А хозяин скотина. Я дозвонился до него. И он велел нам убираться.

Лариса подумала, вот и хорошо, не придётся отмывать эту конуру.

— Возьми там на кухне стаканы, — сказал Руля другу. Тот некоторое время гремел там посудой, потом пришёл с одним стаканом.

— И мы что, обратно на Староконюшенный? — спросила Лариса.

Руля вдруг засмеялся, некрасиво и нервно.

— Нигде никто нас не ждёт.

— Что будем делать? — спросила Лариса, начиная мысленно разбираться с проблемой: а где же всё-таки гости? И как представить всё дело Руле, если он узнает, что они здесь были и пили.

— Не знаю! — крикнул Руля. — Почему только один стакан?

— Я не буду пить, — сказал Плоскин.

— Мой одноклассник, бывший контрабандист. А теперь большой человек, — сказал Руля.

Лариса внимательно посмотрела на одноклассника, и ей показалось, что он, наоборот, маленький. И действительно как бы плоский.

— Ты фильм “Москва слезам не верит” видела?

Она видела этот фильм, но не помнила, кажется, в этой компании такой факт надо было скрывать. Руля объяснил, не дождавшись ответа.

— Там действует телеоператор, который говорит, что скоро на свете будет только телевидение. Ничего не будет, будет только телевидение. Так вот это списано с Плоскина.

Кудрявый друг кивнул с достоинством.

— Он считает, что пить вредно.

— Или — пить, или — жить, — улыбнулся друг.

И в этот момент наверху раздался взрыв храпа. Господи, подумала Лариса, но выражение лица осталось невозмутимым. Руля посмотрел на неё бешеным взглядом. Он не успел спросить — кто это? По ступенькам со второго этажа начал спускаться Маркс, расчёсывая живот в развале потной рубахи. Он шёл не один, со своей кружкой, на зов открытой бутылки. Подойдя к Руле, протянул кружку вперед и сказал:

— Выьем с гоем.

Потом всё разъяснилось. Они были знакомы. Маркс иногда пользовался услугами Рули как поставщика западных вещей, к тому же был хорошим знакомым хозяина мастерской.

— Выгоняет? Рыба?! — восхищённо возмутился Маркс. — Дай две копейки.

Две копейки нашлись у Энгельса, тоже спустившегося со второго этажа. Лариса встретилась с ним взглядом, и почему-то именно перед ним ей стало стыдно. Сын космонавта не вызывал в ней никакого смущения. Как будто всё, что у неё с ним было, случилось очень давно или очень далеко, например, на орбите.

Маркс, или Пит, как его предпочитал называть Руля, отправился к ближайшему автомату на Сретенку.

Все молчали, не глядя друг на друга. Только Пlosкин продолжал разговор, начатый, видимо, ещё до появления в мастерской.

— Так вот, мы можем всё поменять. Взять любой старый фильм, записать его в компьютер, так называется эта штука, или ЭВМ, как у нас говорят. Только у нас уровень пещерный, а они на Западе продвинулись. Так вот, записать весь фильм, любой, и всё переделать.

— Что переделать? — угрюмо спросил Руля.

— Да что угодно, Руля, ну хоть “Белое солнце пустыни”.

— Зачем? — спросил Энгельс.

— Ну, как зачем, я же объяснял — надоедает смотреть по сто раз одно и то же, как космонавты на Байконуре. Огромный простор для творчества. Берём “Кавказскую пленницу” и, например, товарища Саахова — женим на комсомолке, спортсменке, красотке. Вместо суда в конце — ЗАГС, понимаешь?

— Красавице, — сказала Лариса.

— Да, да, а красноармеец Сухов увлекается гаремом Абдуллы всерьёз. Поселится в доме Верещагина, его жены собирают добро с баркаса, выброшенное на берег штормом, а? Живут в своё удовольствие. А жену Верещагина и жену Сухова из деревни — в дом престарелых.

— Чувь какая-то, — зевнул Рауль, — кино уже снято, как его можно переделать?

Плоскин азартно захохотал.

— Ну я ж тебе целый час талдычу, Руля. Кибернетика, ЭВМ, компьютер, как они говорят.

— Компьютер? — переспросила Лариса, — Какое-то наглое слово.

И тут явился ошарашенный Пит и объявил, что Рыба — подлец. Не разрешает остаться здесь даже на ночь.

— Говорит, позвонил в ментовку.

Руля встал. Плоскин тоже встал. Ему было неинтересно. К себе позвать он не мог. Он жил с мамой в однокомнатной квартире. Меньше его был обязан думать о ночлеге для несчастной пары только Энгельс. У него и у Пита были прекрасные квартиры, и дачи в придачу, но он справедливо полагал, что укол совести должен был испытывать не он, а куда более бородастый друг.

Лариса смотрела на Рулю, она была уверена, что он сломается. Побегит проситься к мамочке. Наступает зимний вечер, откуда-то плывёт страшная рыба в сопровождении милиционеров. И вдруг она подумала: а не убежит ли он под крыло мамаша один, без неё? Не-ет, всё же маловероятно.

Она видела, что фарцовщик мучается, и ей это было приятно. Решай, гаденыш, что-нибудь решай!

— Ладно, — закричал Пит, — поехали!

22

Оказалось, что ехать надо за пределы Москвы.

— Малаховка, — махнул беззаботной рукой Питирим, когда маленькая толпа выкатилась из промёрзшей электрички на завьюженную платформу. Редкие железнодорожные огни разрозненно боролись с всеильной загородной тьмой. Угадывались ряды погребённых под снегом домов, кроме того — заборы и собаки. И всё. В общем, Малаховка.

— Я точно не помню, где он живёт, но он будет рад. — объявил Питирим, и они двинулись цепочкой по неуверенно протоптанной тропе в сторону затаившегося посёлка.

— А кто он? — осторожно поинтересовалась Лариса у могучей спины Пита. И он стал почему-то рассказывать, как потом выяснилось, про Рыбу.

— Да скотина, в общем-то, — сообщил он. — Мародёр. Понимаешь, он закупает где-то на мясокомбинате несколько ящиков просроченной сухой колбасы и дует в какое-нибудь кислое Нечерноземье и там, у бабок, за палку колбасы выменивает иконы, утварь. Пользуется голодухой. Не всегда это, конечно, такая уж ценность, но всегда вещи родовые, от дедов-прадедов. Скотство! И фамилия жуткая — Рыбоконь.

— А ты с ним пьёшь! — вдруг дернул за моральную струну Плюскин.

— А ты вообще кинонекрофил, — вставил Энгельс.

— Какого чёрта я с вами потащился, — вздохнул телеоператор.

— А тебя никто не связывал и не пытал.

Плюскин потащился вслед за всеми из чувства товарищества — ведь выгнали всех вместе, — а теперь вдруг понял, насколько это ложное чувство. Он обернулся, взвешивая, не рвануть ли обратно, но одумался, настолько безжизненным казался окружающий их мир. Рауль, думавший, видимо, о чём-то похожем, громко шмыгнул носом и обречённо побрёл вглубь спящего посёлка.

— Я не про Рыбу, — сказала Лариса. — Я про нового хозяина.

Питирим поставил чемодан с имуществом переселенки, хватанул свежего снега с сугроба и напал на него волосатой пастью. Глядя вслед слегка оторвавшимся фарцовщикам, сказал:

— Человек гостеприимный, но с прибабахом. Душа широкая, ласковая, но немножко козёл. Ладно, пошли, всё равно больше некуда. Главное, сейчас вообще его найти. Электрички уже не ходят.

— А ты адрес знаешь?

— Я приметку знаю.

— А если её снегом занесло?

— Тогда ещё виднее будет, — непонятно объяснил косноязычный Энгельс.

И тут же они увидели, что Рауль и Плюскин, обернувшись, машут им восторженными руками.

— Нашли! — опять непонятно, но удовлетворённо сказал Энгельс.

— Смотри! — сказал Питирим Ларисе. Она посмотрела, куда указывалось, и на время забыла, какую терпит жизненную неудачу в настоящий момент. Над довольно высоким деревянным забором, такие обычно называют глухими, виднелись разного размера, но в основном огромные, неподвижные фигуры. Каменные. В неаккуратно надетых белых папахах и башлыках.

— Скульптор живёт, — объяснил Энгельс Ларисе. — Заказы.

— Тринадцать Лениных. — Пит сел на чемодан, как носильщик, доставивший клиента на место. — Тайная вечеря, прости Господи, и это не считая обрубок, бюстов. Их там полный двор, как баранов.

— Нам сюда? — деловито спросила Лариса.

— Нет, нам к соседям. — Энгельс показал на усадьбу, стоявшую забор к забору с ленинским заповедником.

— Там ещё смешнее, — хихикнул Пит.

23

События предыдущего дня утомили Ларису, она так решительно отвергла поползновения Рули, что он чуть не расплакался. Хотя им выделили вполне изолированное помещение, она не желала больше примитивной походной любви. И дала это понять маленькому сынку максимально понятным, хотя и суровым образом. “Пока мы не вернемся в нормальные условия, даже не мечтай”.

Он скулил, скулил, а потом скрипнул зубами и ушёл пить с мужиками.

Она встала. Оделась, стараясь не наступать на шкуру, и вышла в “залу”. Там имелась печь, большая, белая, русская, и длинный деревянный стол, на стенах висели аксельбантами низки лука, чеснока, белых грибов, целебных трав. В печи уютно копошился огонь. Стены и потолок были обиты сплошь вагонкой, да ещё обработанной морилкой, отчего казалось, что это не малаховская изба, а янтарная комната.

— Утро доброе! — послышался сзади голос хозяина.

— Доброе утро.

Рослый, широкий мужик лет сорока, без бороды и без других особенных признаков радикального народничества, в стеганых штанах, в меховой безрукавке, лицо круглое с одной вертикальной морщиной между бровей. Было понятно, что самое главное помещается там.

Звали хозяина Виктор Петрович, был он пенсионер, а в прежней своей жизни имел отношение к кино. Заведовал районным кинопрокатом. То есть трудился в той самой точке, где живая жизнь сталкивается с искусством. Отчего имел особую позицию по любому вопросу. На мир искусства он смотрел как бы из недр народа, а на народную жизнь поглядывал глазами человека, приобщившегося к высокому.

У него была семья и проживала неподалёку, в пятиэтажке, за две улицы от усадьбы, но никогда никто из родственников в доме с русской печью не показывался, и можно было догадаться, что тому есть причины. Семью Виктору Петровичу заменяли “караваевцы”. Группа людей, собирающихся в усадьбе на свои особые радения. С хлебом или с играми — каравай, каравай, кого хочешь, выбирай — эти собрания не были связаны. Караваев был народным целителем, профессором и учителем жизни. Виктор Петрович одним из важных его последователей, малаховским гуру.

— Что у тебя болит? — спросил Виктор Петрович.

— Ничего, — сказала Лариса, чувствуя, что разочаровывает хозяина.

— Всё равно, по виду какая-то закисленная.

По теории Караваева весь вред в организме был от лишней кислоты, и надо было всячески бороться за щелочную среду в себе. Неправильное питание, гневливость, стяжательский взгляд на вещи очень способствовали закислению. А там и до хвори недалеко. “У сволочи нет щелочи!” — сказал Руля. “Ты зря над ними смеёшься!” — почему-то обиделась Лариса, хотя и сама считала теорию эту скорее бредом.

Питирим залетал пару раз, чувствуя ответственность. Виктор Петрович угощал его самогоном, по целебности не уступавшим бальзаму. И они беседовали с хозяином. Основательно, о вопросах самых корневых и глубинных. Лариса неожиданно обнаружила, что Пит был, в отличие от Рули и персонажей его торговой компании, реально образованным и информированным человеком, в МГИМО он изучал “атомное право”, неизбежно должен был стать большим человеком в области охраны интересов СССР. Он тоже жадно слушал по ночам “Свободу”, “Голос Америки” “чтобы быть в курсе дела”. Он часто соглашался с “голосами”, но оставался при основном мнении, что они все “враги и гады”. Руля и его семейство считали “голоса” последней правдой, а Питирим смотрел шире. Он любил Родину, но она довольно заметно отличалась от той родины, где они пребывали в данный момент с Ларисой и Виктором Петровичем. Его Родина была идеальнее и немного отодвинута в сторону и назад от гнусной нынешней реальности. Все очереди за портвейном и отвратительные “товарищи — товар ищи” были здесь, в Москве и Малаховке, а на Родине “товарищей не было”, и портвейн был без очереди, а ещё, кажется, проживал и Государь император.

Пит был намного интереснее Рули.

От него так приятно, успокаивающе пахло православием. Причём православие его было не отсталого, затрапезного образца, какой встречался ей до сих пор. Это было православие “фирменное”, где-то очень наверху одобренное, в себе уверенное. На него можно было положиться.

Пит был интереснее Рули даже как жених.

Но никаких жениховских поползновений он не проявлял категорически. Раз и навсегда перешёл в разряд друзей.

Оставаясь с Ларисой один на один, Пит объяснял, что Виктор Петрович “не такой уж и чайник”, что за штука этот “караваевский” бальзам, сказать трудно. Но кому-то помогает.

— Видела мужика, вот только что ушёл, в сером пальто, в углу сидел?

— Ну?

— Генерал-полковник. Комитета.

— И что?

— Одно лёгкого нет. Саркома. А Петрович стабилизировал процесс. Главное не закисливаться. Видела, как он, генерал, сидел? Как мышка, а как привык командовать, представляешь? А Петрович его приструнил, хочешь жить, не закисливайся. Веди себя как человек. И таких тут хватает. С чинами. Петрович — учитель. Видала, к нему не только приходят — приезжают. Гуру Петрович.

Всю эту теорию Пит развивал, дыша весёлым перегаром, и было непонятно, до какой степени он во всё это верит.

В тот вечер собралась у Виктора Петровича компания человек из пяти. Лариса даже не пыталась запоминать людей, появившихся под абажуром, и вникнуть в принцип ротации, заведённый в этой компании. Она готовилась к разговору с Рулей. Готовилась каждый день, и всякий раз оказывалось, что подготовилась недостаточно. Он являлся всё позднее и в состоянии всё большей проваленности в свою прострацию. Дела у него шли хуже и хуже. Возникли какие-то долги.

— Ты, может быть, считаешь, что это я виновата?

— Нет, конечно.

— А сколько ты должен?

— Лучше не спрашивай.

— Нет, ты лучше скажи.

— Тебе-то зачем?

— Нужно.

— Если задумала продать корову — не надо. Не хватит.

— И всё-таки?

Но он уже спал. Полночи Лариса прикидывала, сколько надо взять денег у родителей. Сколько это “много”, по московским меркам? У неё зажиточная офицерская семья. Батьки, как говорят в Белоруссии, ударение на последнем слоге, напрягутся. Это будет полноценное приданое. Честно говоря, Лариса, думала именно об этом, но внутри у неё выходило как-то не так цинично. Её финансовая помощь Руле представлялась ей скорее романтическим актом, и она виделась себе как минимум Евгенией Гранде.

На следующий день она пошла на телеграф и отстучала родителям чудовищный текст, из которого следовало, что они должны собрать все имеющиеся у них средства, в противном случае их дочь ожидает нечто ужасное.

Можно себе представить, каких размеров паника охватила Принеманье.

24

Руля отсутствовал два дня, а когда явился, был заметно худее себя обычного и вчетверо менее общителен, чем обычно.

Из этого мог быть сделан только один вывод — ситуация ухудшилась.

Он прокрался в дом незаметно, Лариса обнаружила его только зайдя в “их” комнату. Он лежал навзничь на кровати, одетый. Говорить с ним не имело смысла. Она решила подождать финансовой помощи с западных границ и тогда уж завести с Рулей настоящий разговор.

В тот вечер Виктор Петрович, как всегда, сидел на дальнем краю овального стола и гостеприимно лоснился, он был весь из округлостей — щеки, лоб, подбородок, даже пухлые кисти рук чуть светились бледным янтарным светом.

Гости пили водку и чай. На столе были сушки, карамельные конфеты, селедка и домашние солёные зелёные помидоры с толстой кожурой. Лариса

как-то попробовала, чуть не сломала зуб. У них дома помидоры готовили по-другому, чтобы шкурка лопалась от прикосновения губ.

Гости в основном слушали про Караваева, про опасность закисливания. Толстая в железнодорожной форме даже записывал. Одной рукой всё время вытирал пот с кадыка, а второй строчил в маленькой книжке.

Ларисе было тоскливо за этим столом. Хуже было только в комнате под лестницей рядом с беззвучно рыдающим Рулей. Перемещалась туда и обратно, и там, и там помалкивая.

“Что я здесь делаю, это какой-то сон. Длинный, мутный сон с туалетом на улице”.

— Может, выйдет к нам? — спросил Виктор Петрович на всякий случай, как спрашивал всегда. Лариса пошла, спросила — может, выйдешь?

— Выйду, — вдруг сказал внук академика.

Руля пришёл не один, с бутылкой какого-то иностранного пойла. Бальзам “Абу симбел”. Этим бальзамом, представлявшим собою что-то вроде расплавленного асфальта, и дорогим, по пять с полтиной, португальским портувейном были забиты тогда все московские магазины.

Караваевцы некоторое время недоверчиво смотрели на нагло вату пузатую емкость. Смотрели на Рулю, он выглядел плохо, подавленный, растерянный человек. Но если просит выпить с ним, уважим. Выдвинули лафитнички навстречу подношенью.

Руля разлил маслянистую жидкость расслабленной, несчастной рукой.

Возьмёт коровьи деньги, возьмёт, подумала Лариса. Никуда он не денется.

Караваевцы выпили.

Все сидели, намертво сжав губы и выпучив глаза. И железнодорожник, и хозяин, и Гурий Лукич. Учитель Вахин вообще держал рукав пиджака прижатым ко рту. Лариса ждала, кто первый произнесёт неизбежную фразу, что всё это заграничное пойло дрянь, водяра всё равно продирает сильнее. Аравийский бальзам пока не давал начаться привычному патристическому разговору.

Железнодорожник, показывая, что он самый железный среди всех, взял бутылку за горлышко и поднёс к глазам, загоня свободной рукой очки на лоб.

— Откуда это? — спросил он, вдумчиво покосившись на поникшего гостя.

Руля объяснил про советско-арабскую дружбу.

— Сколько стоит?

— Мне подарили. А так шесть пятьдесят.

— А-а, — протянуло сразу несколько голосов и все с облегчением. Считай, в два раза дороже водки.

— Да, недешево нам даётся эта арабская солидарность, — ввернул в своём стиле Гурий Лукич. Но тут же поправился, в том смысле, что всё равно это нам необходимо в свете борьбы с израильским милитаризмом. Лариса обрадовалась этим словам, сейчас тихо обидевшийся Руля отчалит от политизирующегося стола, и она сообщит ему, что спасительные финансовые фонды формируются. Она вдруг почувствовала себя способной к этому разговору, как будто сама чего-нибудь выпила.

Цапнула ещё по рюмке бальзама, опять преодолевая неприязнь арийского организма к семитическому продукту. Стали наливать по третьей. Лариса перешла к решительным действиям, взяла фарцовщика за колено и дернула в свою сторону так, что скрипнули ножки стула под ним. Мол, хватит, пошли! Он всё понял и покорно поднялся.

Караваевцы с классическим мужским сочувствием во взоре поглядели на него. Что ж, хоть он и носитель чуждого бальзама, но всё равно же жалко парня, выдираемого из компании.

В комнатухе Рауль рухнул, опять навзничь, на застеленную кровать с таким видом, что больше от него ничего никому не добиться.

— Так, — сказала Лариса, упирая руки в боки, зажмурившись от решимости осчастливить и чувствуя, что у неё глаза жгут изнутри веки, как у Анны.

— У меня дед умер, — простонал навстречу её решимости Рауль.

— “Раковая шейка”?

Руля поднял с лица свои тяжёлые очки, подержал их в воздухе, как бы давая выплеснуться на волю немому отчаянию, и опять вернул на переносицу. Но не попал точно. Они лежали теперь на его лице косо, и это демонстрировало, насколько ему не по себе.

Лариса молчала. Она была, конечно, в смятении. Но не в отчаянье. В голове шло какое-то бурное конструирование возможного будущего. Она представила себе квартиру на Староконюшенном без трагической колесницы академика. Да, сказала она себе, мне должно быть стыдно, старичок хорошо ко мне относился. Но так уж устроена голова человека. Случись ей ухаживать за ним, она бы делала это с последней дотошностью, но, подавая своевременное лекарство, помнила бы, насколько его смерть улучшит её жилищные условия.

Сволочь я, да? Но только ведь не в этом дело, как вы не можете этого понять?

— А ты почему здесь?

Рауль поправил очки.

— Я к тебе приехал.

— Жид! — донеслось из большой комнаты. Лариса дернулась, оборачиваясь.

— Ложись ко мне. — прошептал Руля.

Вот чёрт! Да, она дала себе слово, что ничего не позволит своему “муженьку”, пока он не вытащит её из этой незаслуженной ссылки. Но кто мог знать, что наступит такая ситуация — отец умер...

— Я закрою дверь плотнее. — Лариса повернулась к неплотно закрытой двери.

— Не надо. Ложись.

Он говорил слабым голосом, но уверенно, в нём слышалось убеждение — его пожалеют. Лариса ещё ничего не решила, она просто хотела оградить их с Рулей от доносившихся из-за двери звуков.

— Жид!

Да что они там, совсем, что ли! Лариса никак не могла решить, куда ей кинуться: захлопнуть дверь или сесть на кровать.

— Иди ко мне.

Не столько даже из жалости в связи отцовской кончиной, сколько в возмещение душевной травмы, наносимой Руле этим повторяющимся жгучим словом, Лариса переступила через свой запрет.

— Обними меня. Только крепко. Гандболисточка моя.

Доносившиеся из зала возгласы не имели прямого отношения к Раулю. Шёл серьёзный мировоззренческий разговор. Караваевцы и железнодорожник, и друг его, и учитель Вахин, оттолкнувшись от факта арабского бальзама, перешли быстро к арабо-израильскому конфликту, а там уж и до всего остального было недалеко. Вгрызлись в тему по-серьёзному. В центре разговора был, конечно, хозяин, никто не оспаривал его высшего экспертного положения. Называли по очереди имена известных в стране людей, а Виктор Петрович, поразмыслив несколько секунд, выносил свой вердикт.

— Хазанов?

— Жид.

— Ну, ладно, а Леонид Броневой?

— Жид!

— Но он же гестаповца играл.

— Специально!

— А Кобзон.

— Ну, ты спросил.

— А Пугачёва?

— Тоже!

— Она же...

— Ну и что, что баба!

Виктор Петрович говорил весомо, даже с перевесом, вердиктно, и после его слова проблема казалась раз и навсегда решённой.

— А Высоцкий?

— К сожалению!

Гости помолчали некоторое время. Им не хотелось этой правды.

Лариса жалела, что послушалась Рауля и не закрыла дверь. Во-первых, было немного неудобно, вдруг эти там за столом поймут, что у них здесь в темноте происходит, а потом, все эти “жиды” казались ей совсем уж лишней специей в сбиваемом ими с Рулей любовном напитке.

— Успокойся, — сказала Лариса и погладила его по голове.

— Тебе хорошо со мной?

Прежде он никогда не задавал этого вопроса, и Ларису всё это время немного задевало то, что он, по всей видимости, считал, что она в непрерывном и постоянном восторге от него как от любовника. И таким образом не считает предоставляемые ему сексуальные услуги таким уж драгоценным даром с её стороны.

— А Андропов?

— А как же! — каким-то окончательным тоном сказал Виктор Петрович.

— Бро-ось, — сказал то-то.

И тут нашёл для себя повод взвиться и Гурий Лукич.

— Фамилия его настоящая, знаешь, друг ситный, какая?!

И они унеслись в глубины истории.

— Каменев? Зиновьев? Фрунзе?

— Нет, нет, нет, — кричал Гурий Лукич. — Настоящая фамилия Фрунзе — Бишкеков.

— А Ленин?

Виктор Петрович сам налил себе бальзама. Медленно выпил, чмокнул слипающимися от уверенности губами.

— Жид!

Учитель Вахин схватился за голову. Гурий Лукич тоненько смеялся, тыкая в него пальцем, мол, святая простота.

Руля липко всхлипнул в большое теплое плечо подруги. В первый момент Ларисе показалось, что это иронический смешок. Хотя это мог быть и обесиленный всхлип.

Она резко и решительно встала, натянула джинсы на голые ягодицы, обрушила сверху водолазку, как бы объявляя траур по какому-то вдруг умершему чистому чувству.

Рауль ни единым звуком не прокомментировал происходящее.

Но Ларисе никакие его соображения в данный момент были и не важны. Она двинулась к двери, оттолкнула её властным коленом и через секунду уже сидела за столом. Как Володя Шарапов на “малине” у Горбатого.

— Как вам не стыдно! — сказала она, устремив суровый взгляд на Виктора Петровича. — Что за дичь вы тут несёте!

Все всё поняли и без второй фразы. Русский человек, когда его застают за открытым актом зоологического антисемитизма, всегда смущается, даже в том случае, если считает себя по сути правым.

Виктор Петрович нахмурился, сдвинул брови и выдвинул нижнюю челюсть. Ему не хотелось чувствовать себя виноватым, но в данный момент он не знал, как словесно оформить своё несогласие.

Учитель Вахин тут же принялся придираться к обстоятельствам дела, что есть лучший способ уйти от сути его. Он забормотал что-то насчет того, что подслушивать нехорошо.

И тогда на первый план выступил Лукич. Он медленно встал со стула и стал прохаживаться за спиной Виктора Петровича по короткой дуге, то уходя в полумрак, то оказываясь на свету. Он был похож на разумного гуся до такой степени, что Ларисе показалось, что её слегка мутит.

— Конечно, конечно, я с вами согласен, девушка, это нехорошо. Мы люди вообще-то культурные, не цари Ироды. Мы против, против оскорбления достоинства нации еврейского народа. Против! Это бескультурно, это средневековье... Но неизбежное здесь встает перед нами “но”, вспомните, вспомните...

— Что вспомнить? — сурово спросила Лариса.

— Хотя бы последний “Голубой огонёк”.

— Зачем?!

Говорящий гусь сделал два особенно глубоких кивка всем телом.

— Я ничего, ничего не хочу сказать, повторяю, я ничего не хочу сказать, но вы же сами должны были обратить внимание. Кобзон, Хазанов... Вы обратили внимание?

— Нет.

— И таковых большинство! Народ наш наивен, как большой ребенок. А страна наша называется — Россия.

— Страна наша называется Советский Союз, — тихо сказала Лариса. Но гусь проигнорировал её слова.

— И вот в этой стране России, на Центральном телевидении нет ни одного русского человека. Я ничего не хочу сказать. Антисемитизм плохая вещь, скверная даже, но по чьей вине она возникает?

Ларису отчетливо мутило.

— Ответьте мне, уважаемая борец за права угнетённых выходцев сионизма.

Она встала и молча двинулась к выходу из избы.

Когда она вернулась в дом, первым к ней подбежал Лукич, причём с сумбурными извинениями. Он пытался объяснить девушке, что “ни единого больше словечка по теме. Мы ни в чём тут все не виноваты. Верьте, мне верьте. Мы же думали — не слышно”.

Лариса от него рассеянно отмахнулась, ей было довольно всё равно, хотелось лечь. Она вошла в свою комнату и плотно-плотно прикрыла за собой дверь. Разделась в беззвучной темноте. Первое, что поразило её в тот момент, когда она легла, это ощущение абсолютно холодной постели.

Руля исчез.

Некоторое время Лариса лежала в темноте. Потом села. Под воздействием нарастающих размышлений.

Зажгла настольную лампу, осмотрела комнату. Потом включила верхний свет и опять всё осмотрела. “Жених” не захламлял комнату своими вещами, поэтому она долго не могла понять, забыл он что-нибудь или нет. Ни сумки, ни галстука, ни рубашки. Ничего такого, что можно было бы привезти в Староконошенный, бросить ему в физиономию и сказать, что она о нем думает.

Она не знала, какими словами назвать случившееся, но зато точно знала, что он её предал. И между ними всё кончено. Было почти весело на душе. Решение принято. Хватит, эксперимент не удался, вернёмся к высшему образованию. Очень не хотелось бы потерять повышенную стипендию. Это паукообразное в очках не стоит повышенной стипендии.

Лариса хищно прошла по комнате.

Она была довольна собой, но немного недовольна ситуацией. Хотелось поставить эффектную точку. Даже необходимо было её поставить. Невыносимо сознавать, что поганец Руля и его ненормальное семейство не знают о том, что она вынесла им окончательный приговор. Где и когда это произойдёт?

Ждать сил нет!

Ждать — это пребывать в состоянии унижения, этого она больше переносить не могла. Столько месяцев переносила, а теперь не может, такой вот характер.

Господи, он ведь просто, как раненая перепелка, отводил её, как лисицу, всё дальше и дальше от дома. Чтобы “раковая шейка” умер не при ней. И у них не возникло общей беды с этим семейством, что сближает. Значит, вывозя её в эту тундру, он уже решил для себя, что вывозит навсегда.

Нет, она вернётся.

Надо ехать и наносить последний удар прямо сейчас!

Она представила себе снежные малаховские тропы, прокалённую морозом электричку... И главное, нет аргумента, нет той перчатки, что бросают негодяю в физиономию. Жаль, что женщины не стреляются, она, офицерская дочь, не промахнулась бы даже в этого мозгляка.

Чемодан!

Взгляд упал на чемодан, выглядывавший сытым углом из-под свисавшей с кровати простыни, уже не хранившей никаких остатков выветрившейся страсти.

Господи! Вот что можно вернуть! Нужно вернуть! Это лучше перчатки, потому что больше. Этим можно так шарахнуть по лбу немилому лжецу. Ему будет не только стыдно, но и больно!

Но, одно но!

Чемоданы забиты породистым тряпьем. Жалко? Стыдно признаться, но очень жалко!

Да, это грязные вещи, полученные в оплату за определённого вида услуги. Лариса посмотрела на простыню и передёрнулась вся. Ей уже трудно было представить, что всё, творившееся на этом куске нечистой ткани, имело какое-то отношение к ней.

Единственный способ зачеркнуть всю эту грязь и начать с чистого листа — это избавиться от таких “гонораров”.

Лариса вытащила оба из-под кровати, и большой и поменьше. Положила рядом, распахнула, ещё не представляя, для чего это делает. Полюбоваться напоследок?

Не будем сходить с ума!

Без нескольких вещей из этой кучи грязных тряпок она уже не представляла себе своего дальнейшего существования. Без ангорского свитера, без кожаных брючек... переберём содержимое, как картошку в слонимском погребе. Через минуту чемоданы были уже пусты. Ни с одним из подарков она расстаться не могла. Кроме вот этой зелёной с чёрными вставками юбки, которая так толстит, и летних туфель, зверски дерущих пятки. Но столько вернуть — явно мало! Имеет ли право униженный человек совершать неловкие поступки?

Нет, надо добавить.

Начнём с другой стороны! От совершенно не нужных ко всё более ценным.

Через полчаса борьбы между желанием быть гордой и не остаться голой Лариса нашла какую-то середину. Резко вышла в общую комнату и грозно спросила:

— Который час?

Оказалось, что время детское, около восьми. Темнота за окном, но это ещё не настоящая ночь.

Гости Виктора Петровича собирались между тем расходиться. Медленно, будто двигаясь в растворе более плотном, чем воздух.

— Кто проводит меня до станции? — Каравасевцы испугались. Они знали, что задолжали в каком-то смысле этой молодке, но у них не было в наличии валюты, которая бы стодилась в данном случае.

— С вещами, — пояснила Лариса, придавая требованию не только моральный, но и практический аспект.

Повисла пауза, ей было на чём повисеть в пропитанном тяжёлыми парами оранжевом абажурном воздухе. И тут раздался спасительный звук снаружи.

Учитель Вахин схватил Лукича за плечо и толкнул в направлении звука.

— Пусть Васька.

Оказалось, сынок Лукича прикатил на “Запорожце” для развоза заседателей.

Виктор Петрович очень медленно, почти беззвучно ударил кулаком по столу, мол, быть по сему.

По дороге Лариса командовала водителю, мелкому, восторносомому, очень гусеобразному, как и его отец, пареньку, чтобы остановился.

— Есть две копейки?

Сунулась в автомат с навсегда отворённой, погрязшей в снегу дверью. Сам прибор выглядел страшно, в чёрных царапинах, с примёрзшей гречневой кашей в районе впускной щели для монет, с диском,двигающимся толь-

ко под конвоем невынимаемого пальца, с проводом голым, как почти полинявшая змея. Зато связь оказалась на высочайшем...

— Здравсьте, дядя Ли, а я к вам. — Чтобы не успел отбоариться.

— Я ухожу, Лара, я...

— Ключ под коврик!

— Нет! — взвизгнул обычно жантильный конферансье, видимо, имел основания не доверять коврикам. — У соседа будет, в семнадцатой. Я еду в аэропорт, за...

А это нам, дядечка Лион Иванович, “до лампы”, как говорят в каком-то водевиле.

Вот он, мрачный дом, где разрушаются браки.

Только подойдя к парадному теперь ненавистного строения, Лариса вспомнила о смерти академика.

Всё-таки неловко как-то!

Хотя не я же его убила, сказала она себе, понимая, что эта фраза из арсенала плохого человека. Но оскорблённой женщине позволено больше моральной свободы, чем принято думать, и простить ей придётся больше, чем от неё соглашались ждать.

Консьержка, переименованная сердитым сознанием Ларисы в кочерыжку, растерянно ей улыбнулась. Не пустить не могла, хотя и не могла не знать, что высшей властью шестой квартиры девушка отлучена. Лучше прикрыться вязанием.

— Здравсьте! — просвистела Ларочка, накручивая себя против безропотной консьержки, чтобы было легче при наезде на Рулю. Лифт повел себя солидно, грюкнул, крякнул, доставил.

Встав перед проклятой дверью, Лариса страхнула всю вертевшуюся в голове гневную словесную шелуху, больно надавила на звонок.

Довольно долго дверь не открывалась, уже почти наступил момент для повторного удара, когда открылась.

Навстречу из полумрака прихожей сверкнула тихая, безумная, и главное, очень знакомая улыбка.

Академик глядел вполоборота, он подъехал к замку боком, чтобы легче было дотянуться. Он был явно рад визиту Ларисы, даже сделал несколько знаков, показывающих это.

Пауза затягивалась.

Из глубины отмытой Ларисой квартиры донеслись чьи-то шаги.

Лариса поставила чемоданы внутрь квартиры, слегка толкнув колёсное кресло, так что академик обратился взглядом во тьму внутреннюю своего идиотского дома.

Захлопнула дверь.

Вниз отправилась ногами. Как бы убеждаясь при каждом шаге, что сохранилась как личность.

На секунду вспыхнуло желание вернуться и всё же поскандальить.

Пожалела о чемоданах, как о зря потраченной причине для визита.

И тут же навалилось мрачное бессилие.

Укатали-таки сивку московские горки.

Лучшая, хоть и меньшая часть богатства была сдана по дороге в отдельной сумке в камеру хранения на Ленинградском вокзале.

Выйдя на крыльцо, Лариса пожалела, что бросила курить. Сейчас бы сигарету, и пощёлкать зажигалкой, прищулив глаз.

Ладно, просто постоим, вдыхая мощный морозный воздух. На нём вырастают настоящих снежных королей. Унять дрожь в ногах.

В арке скрипнули тормоза, двор всыхнул. Хлопнула дверь. Двор погас. Кто-то, мелко хрустя снежком, приблизился к крыльцу.

Лариса уже владела собой.

— Здравствуй, Руля.

Он был расслаблен, видимо сильно вышил в честь смерти своего дедушки. Прикрывал грудь прямоугольным свертком. Другой рукой искал на лице очки.

— А я пришла посочувствовать твоему горю.

— Врёшь, — сказал внук. — Ты всегда мне врала.

Лариса отставила по своему обыкновению крепкую ногу и расправила плечи, почувствовала, как похолодело у носа место гандбольной травмы.

— Ты всегда мне врала. Ты никогда меня не любила.

Что ответить на “врала”, Лариса знала, но это “не любила” её столкнуло с абсолютно выигрышной позиции. Этот мозгляк с очередной краденой иконой на впалой груди говорил ведь сущую правду. Она никогда его не любила, она хотела выйти за него замуж. Она была бы гарантированно верная жена и родила бы отличных детей. Но не введёшь же в спор эти аргументы, они могли бы стать реальностью лет через десять совместной жизни.

Еще не зная, что сказать, Лариса сделала шаг вперёд, и тогда Руля вдруг заплакал, и сказал, отходя:

— Оставь, пожалуйста, в покое нашу семью.

Вот оно что! Он, оказывается, условно убил своего дедушку, чтобы перейти в состояние тех, кого надо пожалеть, и на этой слёзной смазке ускользнуть.

Сзади хлопнула дверь, и раздался голос, который Лариса слышала не часто.

— Уходи.

Лариса обернулась.

Сестрица Нора своей недетой персоной. Она держала в руках те самые чемоданы. Лариса, чувствуя, что её положение из изначально победительного превращается в положение изгоняемой со двора суки, попыталась пойти в контратаку. Не бежать же, поджав хвост.

— Он сказал мне, что дед умер и лежит в морге.

Нора улыбнулась.

— Это я ему посоветовала.

— Зачем?

— Мы не знали, как от тебя отделаться. Рауль пожаловался мне. Мы давно не спим вместе, но остались родными людьми.

У Ларисы свело челюсти, она старалась смотреть одновременно на одного и на другого, у неё это не получалось, и это её пугало, она боялась, что упускает самое главное.

Рауль не плакал, но лучше бы плакал. Такой абсолютной несчастью видеть Ларисе прежде не приходилось. Нога её поехала по накатанному снегу, и она сделала тем самым приставной шаг в его направлении, он инстинктивно закрылся свертком и прошептал:

— Не бей меня.

— Иди сюда, — тихо, твердо, успокаивающе сказала ему Нора.

Он поднялся на крыльцо, она взяла его под руку, другой открыла дверь и, входя в подъезд, толкнула один из чемоданов, он покачался, повалился, изобразил “принцип домино”, повалив второй.

— Забери это, — сказала, не оборачиваясь, Нора, — я такого не ношу.

И они скрылись в подъезде.

Лариса понимала пока только одно — всё не так, как она себе раньше думала. Какие неожиданные измерения открываются, и так внезапно. Чувствуя, что в этом новом мире она пока только ученик, она решила следовать даваемым советам. Послушно взяла чемоданы и отправилась к подворотне. Вышла на безрадостно яркий Арбат и медленно пошла в сторону ресторана “Прага”.

Да, старые московские семьи — это сильно, это по-глубокому, это с одного разу не переплонешь.

У афиши “Художественного” на Ларочку накатило какое-то на время отставленное чувство, она вдруг замерла, подняла чемоданы и брезгливо разжала пальцы.

— Я такого не ношу!!! — крикнула она, и никто из окружающих не понял, что это цитата. Чемоданы лежали в чёрной, липкой, солёной московской грязи, люди, чертыхаясь, переступали через них, а Ларису трясло, она, выпучившись, смотрела на них.

Вот это московская, столичная, старая семья, у них братья спят с сестрами, а она, кристальная Ларочка, оплѣвана...

— В чём дело?

Слава Богу, рядом оказалась власть. Милиционер постучал по козырьку антенной большой рации, назвал какой-то позывной. Лариса закивала, подхватила чемоданы, которые она ни за что в жизни не принесёт больше в эти места, и помчалась в метро.

25

Приехала в Теплый Стан. Дядя Ли шутил в стиле своего вечного конференса, что это название не городского района, а “лёгкого эротического романа”. Она не думала об этом, подходя к девятиэтажному кирпичному дому, она думала только об одном: забраться под горячий душ, а после этого переодеться, рухнуть в какое-нибудь кресло и там заснуть до возвращения эстрадного дяди, а ещё лучше до возвращения способности смотреть на окружающую жизнь без содрогания.

Она помнила номер квартиры. Поставила чемоданы на площадку у дверей конференсе, подошла к соседской двери — номер семнадцать — и нажала звонок. Нажала и начала рассматривать зрачок глазка, встроенного в дверь как раз напротив её глаз. Через несколько секунд ей показалось, что там внутри зрачка что-то зародилось. Да что вы там... Она опять протянула руку к звонку. В этот момент дверь бесшумно распахнулась, какой-то абсолютно молчаливый мужчина схватил её за протянутую руку и одним рывком втащил в квартиру.

Дверь захлопнулась.

Лариса могла издавать только нечленораздельные звуки и не могла собраться для сопротивления. Её решительно и с какой-то опасной умелостью увлекли внутрь квартиры, и вот она уже сидит на роскошной кухне за столом, приходя в себя.

Напротив неё сидит господин Шамарин и отвратительно улыбается, и его отвратительная “сигара” торчит в углу рта. Поскольку он всё в этой жизни делает отвратительно, чего же ждать в дальнейшем?

— Что вам надо? — глухо спросила Лариса.

— Ты же знаешь.

Дядя Ли в шоворе с этим бородавчатым садистом?! Какая низость и грязь! Умом Лариса понимала, до какой степени пакостно поступил с нею друг семьи, но у неё совершенно не было сил для активного возмущения. Бессилие, смешанное с отвращением.

Шамарин достал из холодильника бутылку кипрского муската “Лоэль” и початую коробку конфет.

— У вас всё равно ничего не получится.

Он положил свою пятнистую лапу на её скомканную в бессильный кулачок руку.

— У меня всегда всё получается. Иногда не с первого раза.

Да, тогда, в первый раз Лариса его красиво, даже элегантно обдурила, вырвавшись с отзывом неблагодарной Норы из обустроенного для разврата номера. Ушла красиво и легко. Господи, всего лишь прыжок с невысокого второго этажа в сутроб. Если женщина не хочет, то она не хочет.

Шамарин встал, повернулся к стенному шкафу. Шкаф был дорогой, темного заморского дерева. Достал бокалы. Лариса резко и, как ей казалось, бесшумно встала и ринулась к двери. Не глядя в её сторону, другой лапой, ещё более пятнистой, Шамарин поймал её за предплечье и вернул на место.

Снова сел напротив, улыбаясь всеми своими бородавками на всех губах и бровях.

— Я ведь и жениться могу.

Лариса чувствовала, что предательство дяди Ли проделало какую-то особенно большую пробоину в системе её независимости, все силы, вся ирония, способность визжать и царапаться и прочие полезные способности утекают в эту пробоину, и их неоткуда возобновить.

Профессор спокойно разливал вино.

— Ничего страшного, возьму с ребёнком.

Благородный, подумала Лариса, но подумала с отвращением.

— А вас не смущает, что ребёночек будет еврейский?

Шамарин отхлебнул вина и улыбнулся.

— Ты уверена?

Лариса громко гоготнула.

— Вы что, не видели Рулика?

— Так ты гарантируешь, что ни с кем больше не спала?

Лариса глянула на него недоверчиво, чего это дяденька придуривается?

— Гарантирую.

— Ну, тогда у меня есть дополнительный повод для восхищения тобою.

— Не поняла.

— Дорогая, получается, что все те месяцы, что я тебя добиваюсь, у тебя был всего лишь один мужчина. Да ты, собственно, можешь идти под венец в фате. — Шамарин улыбнулся, — Я не антисемит. Я совершенно искренний интернационалист. А что там про меня болтают... Только в данном случае это моё достоинство ни к чему.

По лицу Ларисы было видно, что ей трудно что-либо понимать, но предстоящий насильник продолжил:

— Там на всё семейство один еврей, да и тот отличный мужик, “раковая шейка”, а все остальные приемные, полуприемные, полудатыши, как Элеонора, полунезнаю кто. Первая жена академика помре, а сын, который привел Элеонору, где-то в бегах вне пределов, с какой-то Варенькой, короче, такая тюря... Не забивай себе голову.

— А Нора?

— Что Нора? Ах, Нора, она жена Рауля. Они что, тебе не рассказали?

— Жена?

— Да.

— То есть не сестра?

— Не сестра.

Шамарин откровенно веселился, время от времени трогая мизинцем свою “сигару”.

Ларисе стало значительно легче от этого известия. Хотя вопросы оставались.

— Но...

— Ну, они, как говорится, давно уже не живут с Раулем, но Нора-то успела стать членом семьи. Не выгонять же её.

— Так не бывает.

— Бывает, Лара, это же Москва.

— Это мерзость.

Он усмехнулся.

Шамарин говорил тихо и ласково. Он склонял девушку к неизбежному очень мягко, никакого насилия. Она ему нравилась. Сначала в нем говорил азарт успешного соблазнителя, который ни одной юбки не пропускает мимо своей должности, и его очень злил её прыжок из окна. Теперь желание навести порядок в половых делах, наказать ослушницу отступило на второй план. Девушка ему нравилась.

Было видно, что она не просто выпила и расслабилась. Ей чисто по-человечески стало как-то легче.

Она уже в сомнениях — что делать дальше?

Нет, правда, сил, тихо начала она оправдываться перед собой.

Или всё-таки опять обдурить уroda, вырваться в чём мать родила на улицу, в темную, страшную ночь. Или хотя бы на площадку, орать, вопить...

Кстати, а чемоданы?

Она посмотрела на хозяина квартиры, он опять ей улыбнулся, как бы мысленно перебирая свои бородавки у себя на бровях и на губах. Он был совершенно недвусмыслен. Весь его облик говорил — пора. Сама же знаешь — пора! В нем не было даже самодовольства, что отталкивало бы больше физической отвратности.

— А мои чемоданы?

— Что?

И тут раздался звонок в дверь. Лариса прыснула, ей показалось, что это многострадальные шмотки пришли её спасать.

Вот тут лицо Шамарина сделалось ужасно. Гнев, а потом сразу же, через унижительно краткий промежуток — ужас. Он вышел в прихожую. Понесся второй звонок, и тон его получился значительно более тревожный, чем у первого. Хозяин одним глазом косился в сторону двери, другим в сторону залётной птахи, которую, кажется, придётся выпустить. Что за несчастье!

Третьего звонка не было, сразу пошли кулаки в дверь и женский возмущённый крик — “Откройте!”

Шамарин глянул в глазок, он, видимо, не принимал серьёзных решений без визуального осмотра. Лариса подошла к двери и сказала через спину хозяина:

— Бабушка, не надо, сейчас я открою!

Потом, когда уже сидели на кухне у Лиона Ивановича и опять пили сладкое вино, расслабленная Лариса (принявшая душ, переодевшаяся) задавала несколько вопросов хозяину, всё увливавшему от неё взглядом.

— Скажите, дядя Ли, а не жалко вам было меня отдать этому?

Он отреагировал мгновенно, даже быстрее.

— Случайность. Хочешь, Ларочка, верь, хочешь — не верь. Просто сосед. Я не знал, что он уже давно над тобою нависает. Мы, понимаешь ли, из одного кооператива. Всего лишь.

— Понимаю.

— Да ничего ты не понимаешь. И если бы он мне проговорился, хоть словечком, я бы, — сухонькая фигурка даже чуть подпрыгнула на шахматном кафельном полу, — никогда бы не оставил ему ключ. Дождался бы, не знаю уж, что бы я придумал в отношении Виктории Владимировны, — он церемонно поцеловал бабушке ручку.

— Врёшь ты всё, Лион, мне-то сказки не рассказывай, — сказала бабушка.

На эти слова хозяин не обратил внимания.

— Взвешиваю, много раз думаю умом, Ларочка. А потом думаю сердцем.

— А почему вы меня не предупредили, что Нора не сестра Рауля?

— Думал, всё само собой образуется, разрулится, не хотелось никого обижать. Нора, она славная, только несчастная совсем. Ей надо было, наконец, порвать с Рулей.

— Так всё было ради неё подстроено?

— Нет, Лара, нет, ради тебя, ты получала то, что хотела, а она...

Лариса вздохнула.

— Да ну вас всех. Москва, Москва. Клоака! И я за всё должна отвечать!

Лион Иванович развёл руками.

Виктория Владимировна погладила внучку по голове.

— Да будет тебе. Ты свою семью вспомни.

— Что?

Лариса посмотрела на бабушку и наткнулась на тяжёлую, окончательную, как у какого-нибудь Будды, улыбку.

— Да, да, ты подумай обо мне, об отце твоём, каково было матери твоей. Ты ведь обо всем догадывалась, правда? Или своё не пахнет?

Лариса некоторое время боролась со своим ступором, потом дернула плечами, отбрасывая противную тему.

— Бабуля, а ты как здесь?

— Ты такую телеграмму мне прислала, что стало понятно — тебя надо спасать. Для чего тебе деньги, и столько?

Лариса вздохнула.

— Теперь и не знаю.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

В последний раз, поведив ладонью параллельно стеклу, Лариса отвернулась от окна. Рождественники пропали из движущегося кадра. Теперь там проплывали высоченные окна главного вокзального здания, потом камера хранения, что-то водонапорное в окружении сирени и жасмина... Поезд покинул город Гродно.

Три попутчика.

Два молодых офицера, крупные, смешливые парни с красными полосами поперек лба, это от фуражки. Толком даже не распаковавшись, зашвырнули одинаковые чемоданы на вторую полку и решительно, с предвкушающими комментариями, удалились. Даже не получив белья и не испробовав вагонного чая.

Третий попутчик, очень приличного вида пожилой мужчина с солидной сединой, тщательно выбритый, в светлом костюме, в галстук и даже уголком платочка в нагрудном кармане. На губах приятная, не вульгарная улыбка, всё время находится в позе — я к вашим услугам. И поза не обманула. Был всячески любезен. Предложил свои услуги в доставке белья. Принес чай в горячих подстаканниках, вынул плитку дорогого шоколада. Когда Лариса встала, чтобы сходить покурить, тут же выхватил из кармана пачку “БТ” и извинился, что ничем лучшим не располагает. Лариса улыбнулась, сказала, что у неё у самой болгарские, “Стюардесса”, но вообще-то она бросает курить.

Плохое настроение рассеивалось. Что ж, обязательная программа на этот год выполнена, семейство навестила, целая неделя отпуска ухнута на это дело, но зато теперь совесть чиста, а то всё как-то не по-людски. Интересно, что это за “дедушка” с манерами метрдотеля? Такое ощущение, что когда-то виделись. Мельком, где-то... Оказалось, что она попала в точку первым же предположением. И когда он напомянул ей, мгновенно восстановила в памяти эпизод. Ресторанный буфетчик, пан Кохановский, ею некогда опощённый. Приятная встреча. Рассыпаясь в любезностях, сообщил, что и тогда был рад обслужить пани ах, Ларису, очень “преемно”, и сейчас служить готов.

Воспитанный, даже учтивый провинциал, вояжирует всего лишь до Минска, более дальних целей у него нет, хотя раньше были. Осторожно так, мягко намекнул, что в молодые годы хлебнул с рождественниками и сибирских морозов, и несправедливости. Тему развивать не стал, видя полнейшее отсутствие к ней интереса у пани спутницы. Чтобы завладеть вниманием дамы, лучше всего вести речь о самой даме. И Лариса кое-что поведала пану Кохановскому. Из семьи офицеров. Училась когда-то в Гродно, а потом в Москве. В пединституте. Он уважительно поджал губы. И вот уже четыре года работает в ЦБПЗ. О, сказал он, я даже не рискну спросить, как это расшифровывается. Лариса засмеялась — не бойтесь, это не военная организация: Центральное Бюро Пропаганды Знаний. Пан Кохановский опять уважительно поджал губы.

Через пару часов явились офицеры, пьяные абсолютно, но в тисках особой офицерской деликатности, их всё время шатало, и они всё время церемонно извинялись.

— Пойдёмте, поужинаем, — предложил пан Кохановский. Вагон-ресторан оказался в двух шагах от их вагона. Пожилой ухажер всё устроил по высшему разряду. Зная тайный официантский язык, он заставил ресторанную службу озабоченно вертеться вокруг их столика. Началось всё с чистой скатерти и так далее по полной программе, вплоть до мороженого и пожеланий счастливого пути.

— Приятно оказаться в обществе такого обходительного человека, — несколько раз повторила за вечер Лариса. Он отвечал ей комплиментом на комплимент. Он сказал ей, что она относится к тому редкому сейчас виду дам, которым приятно услужить. Совершая ради неё маленькие бытовые по-

двиги, чувствуешь свою мужскую уместность, и время не проходит зря. Он ещё тогда в буфете обратил на неё внимание и залобовался, в самом невинном смысле, пани Лара, так утомляет общение с женщинами, лишёнными подлинного женского обаяния. Как хорошо, что за эти годы вы не изменились, пани Лара, наоборот, этот шик, этот милый женский апломб стал только отчётливее.

— Я вернулась, — сказала Лариса, допивая уже тёплое шампанское.

— Я не понял.

— Я была не я, а теперь я снова я.

— Понимаю! — сказал пан Кохановский с мудрой улыбкой.

2

Это здание как будто сослало в гущу реальной жизни. Стекло-алюминиевый параллелепипед, поставленный вертикально, смотрелся как-то обнажённо и беззащитно в окружении угрюмых заводских корпусов, кирпичных, забытых в небе, никогда не дымящих труб, маневрирующих по обтекающим рельсовым путям железнодорожных тягачей и истеричных электричек.

В кабинетах этого здания производилась на регулярной основе научно-пропагандистская продукция для трансляции её в массы. Тут же попутно ковались кадры для этой работы. Кадрам этим, заседавшим в высоченном здании, как бы предлагалось время от времени окидывать взором промышленный пейзаж, подумать о народной жизни, чтобы не забывалось, ради чего они трудятся.

Работа велась по нескольким “направлениям”, и каждому “направлению” полагался целый этаж. В правом торце коридора таились под солидной обивкой обширные кабинеты для заведующего и его заместителя, между кабинетами сидела секретарша, и всё это называлось “главной дирекцией”. В длинный коридор справа и слева выходили двери, за которыми располагались отделы. В каждом сидел руководитель и два-три рядовых специалиста. Напротив лифтовой площадки находилось машбюро, трещащее зубодробительными трелями электрических “ятраней”. Так что каждый посетитель сразу же из лифтовой кабины нырял прямо в оскалённую пасть здешней бюрократической машины.

Учреждение было плодом совместного творчества Академии наук и ЦК ВЛКСМ, что сказалось на внутреннем его устройстве. Академия дала в общий котел какое-то количество своих традиционных дисциплин, комсомол — без счета активной молодежи и немалые финансовые фонды. Должен был получиться слав в точности и порыва, слав знания и энтузиазма, таков был замысел высшей власти. Как он был реализован?

Всё поле работы было разбито, как уже упоминалось, на основные направления: “молодёжный коммунизм”, “молодёжная техника”, “молодёжь на селе”, “молодёжь в армии”, “молодёжь и физика”, “молодёжь и химия”, “молодёжь и природа”, “молодёжь и история”, “молодёжь и путешествия”, “молодёжь и искусство”, “молодёжная музыка”, “молодёжь и строительство”... В обиходном употреблении слово “молодёжь” обычно опускалось, и упоминались только “физика”, “музыка” и т. д.

Работа специалистов требовала сочетания двух разнонаправленных дарований. С одной стороны, специалист должен был по-настоящему разбираться в той области знаний, что была за ним закреплена, с другой стороны — обладать организаторским даром, умением привлечь к работе активных людей для ведения пропагандистской, лекторской работы в данной области. Но когда над чем-то работаешь всерьёз, не остаётся времени для организационных усилий, а когда занимаешься организацией, нет времени во что бы то ни было вникать глубоко.

Люди для работы в ЦБПЗ требовались особенные, но, как это всегда бывает, таких не хватало, и поэтому на работу брали разных людей. Кто-то приходил из журналистики, кто-то сбежал из конструкторских бюро, обнаружив у себя отсутствие конструкторских способностей, хватало бывших учи-

телей из числа тех, что ненавидели детей. Бывшие комсомольские работники среднего звена заполняли половину руководящих должностей во всех “направлениях”. Настоящие большие ученые трудились большей частью в ЦБПЗ по совместительству, присовокупляя здешнюю зарплату к жалованью заведующего кафедрой и главного редактора специального журнала. Таких начальников любили подчинённые, потому что видели их редко. Еще за то, что они разумно не давали себе труда вникнуть в систему склок и подсиживаний, которые неизбежно зарождались в любом долго функционирующем коллективе.

Второй важнейшей частью рабочего состава были лекторы-пропагандисты. Те, кому надлежало непосредственно “зомбировать” в духе последних постановлений партии молодёжные массы.

Солидные, успешные и даже просто перспективные ученые на эту мелкую работу шли редко. Вокруг соответствующих отделов группировались разного рода расстриги от академической науки, изобретатели-энтузиасты, так и не нашедшие применения своим изобретениям “из-за интриги”. Активисты из пограничных областей. Паранормальщики, почувствовавшие на каком-то участке слабость в обороне традиционной науки, слетались в учреждение, как осы на сырую говядину. Были и ископаемые экземпляры, читавшие свои лекционные курсы о жизни на Марсе ещё во времена “Карнавальная ночи”, и их было немало, удивительно живучий класс. Их терпели, потому что кадров не хватало.

Не всегда лекторы сами приходили к специалистам ЦБПЗ, часто специалисты выезжали на места, где краткосрочно, но насыщенно руководили лекторскими семинарами. Потом обученные, подружившиеся провинциалы сваливались в Москву с омулями, судаками и опять-таки коньяками, и взаимопонимание выходило на новые уровни.

Одним словом, работа “специалиста” ЦБПЗ была значительной и интересной. Лариса по складу характера подходила для неё как нельзя лучше.

Сразу несколько человек считали, что помогли ей с устройством. Мама Рули якобы замолвила словечко важным людям в аппарате Академии наук, “ведь девочка, в конце концов, нам не чужая”.

Сын космонавта имел одноклассника, подвизавшегося в аппарате ЦК ВЛКСМ, и как-то выпил с ним хересу и упомянул об одной толковой выпускнице одного педа.

Лариса имела основания полагать, что всё случилось само собой: пришла, написала заявление, через два дня получила положительный ответ.

Как всегда, в коллектив влилась легко, сделалась одним из заметных персонажей, хотя должность была из вполне заурядных. Как-то незаметно сложилось, что Лариса оказалась ответственной за всю разъездную работу своего “направления”. Другие специалисты охотно предоставили ей всю власть в этой области. Народ попался в основном по характеру осёдлый.

Самое время сказать, что это направление называлось — “История”. Молодежь и история — понятия, далековато друг от друга отстоящие, тем интереснее моменты их сближения, любил говорить руководитель Михаил Михайлович Александров, огромный, очень пожилой и очень уважаемый мужчина, фронтовик, доктор наук, в недалёком прошлом работник ЦК, причём не комсомольского, а “большого”. Он был так броваст, словно после смерти Брежнева к нему перешло право на пользование его растительностью. Он был корректен с подчинёнными, лично порядочен, без блеска, чуть тугодумно компетентен, заседал в целом ряде комиссий, даже и международных. Фронтовик из подлинных, капитан морской пехоты, герой и красавец. Могаясь по заграницам, завел себе щегольский, со вкусом подобранный гардероб и редкое хобби — коллекционировал банки с растворимым кофе. К моменту появления Ларочки в пределах исторического “направления” ему было шестьдесят с чем-то лет, и у него было семьдесят с чем-то кофейных банок.

Михаил Михайлович охотно признал право Ларочки на манипулирование разъездной политикой направления. Она взяла на себя все неприятные

моменты, связанные с её формированием, она безжалостно и решительно урезала список желающих прокатиться на семинар в Таллин и умела выкрутить руки нужному количеству слишком занятых и хворых, чтобы сформировать полноценную делегацию в Нижний Тагил.

Спустя примерно девять месяцев работы Лариса пришла к Михаилу Михайловичу и, твердо глядя ему в глаза, сказала, что роль простого, то есть рядового консультанта как-то ей не пристала, раз она уже так давно и столь успешно ведёт явно руководящую работу. Надо помнить, что это был 1987 год, стояла на дворе ещё густая советская власть.

Фронтовик смутился.

Вздохнул, философски отмечая про себя, что, избегая одного вида хлопот, обязательно получишь со временем другой. Закрыл тему командировок, получи другую тему.

Отказать Ларочке он не мог. Он попытался схитрить, сыграть на косности штатного расписания. “Да я бы для вас что угодно, Ларочка, но у меня нет свободной должности завотделом”.

— А и не надо, с меня хватит и старшего консультанта.

Лариса улыбнулась шефу, и он понял, что попал в собственную ловушку. Он сам признал, что она достойна номенклатурного поста, так что нет никаких оснований отказывать ей в poste промежуточном, тем более что он имеется в наличии. И прямо в том самом отделе “Истории Великой Отечественной войны”, в котором трудилась просительница. Закавыка была в том, что должность эту он обещал тихому, работающему человеку, Валериану Борисовичу Воробьеву — у того начинался предпенсионный год.

Михаил Михайлович понимал, что он не только имеет право отказать чуть зарвавшейся активистке, но даже и обязан, но не мог. Нужно было пойти на конфликт, выплеснуть порцию адреналина из старых надпочечников, но как раз этого делать было и нельзя. Так говорили ему врачи, а с возрастом начинаешь им верить.

— Я подумаю, — сказал он и интеллигентно улыбнулся. Он поклялся себе, что ни за что не даст этой девчонке протаранить его пусть и ослабленную болезнью, но всё же живую нравственную изгородь. Придётся схитрить по слабости стариковской природы, например, уходя в отпуск, подписать приказ о назначении Воробьева, а по возвращении сослаться на забывчивость.

Всю серьёзность положения он осознал, когда в течение дня к нему в кабинет забрели по разным поводам все заведующие отделами, и все, в сущности, с одним и тем же разговором. Первым, как ни странно, миляга Тойво Ираклиевич Нери со своей разумной трубкой, мягкой усмешкой и бесконечной лысиной. Человек, интеллигентно игравший в независимость, в том же примерно стиле, что и вся тогдашняя Прибалтика. Далее — обожатель начальства, доходящий в своей любви иногда до яростных форм, Карпет Карпетович Бабуян. Явился, разумеется, и красавец Милован Раскадровский, полусерб, полуполяк, кандидат наук и кандидат на свободное место в каждой женской кровати. Все они пели разными голосами, но про одно — Ларочка, Ларочка, Ларочка, как же ей при её нагрузках и представительских хлопотах быть в рядовых. А Воробьев вообще странный, его никто не любит, всех достоинств — хороший работник.

Ладно, подумал Михаил Михайлович, делая вид, что не слышит этого хора. Сразу после отпуска надо было ехать в Братиславу, он думал отказать (у него уже был в коллекции словацкий кофе), а теперь передумает. А из Братиславы на больничный. Что это ещё такое, кто в доме хозяин?

Итак, ситуация в “Истории” зависла в состоянии опасного равновесия. Все ждали, когда шеф надумает, и что. А тут недра комсомольского ЦК извергли в “Историю” ещё одного деятеля. “Может ли быть душа у менеджера среднего звена?” — спросит лет через двадцать после описываемых событий один философ-прикладник. Так думали почти все специалисты и консультанты ЦБПЗ, не имевшие отношения к номенклатуре.

Лариса начала знакомство со своим новым коллективом в буфете, где оказалась за одним длинным кофейным столом сразу с пятью или шестью специалистами из разных “направлений”. Они покуривали, жевали сосиски с горошком, пельмени и всяческими способами иронизировали в адрес своего прямого начальства, в адрес начальства комсомольского, доходили и до верховного руководства. Доставалось и Горбачёву, а особенно Лигачёву, шадил Яковлева и ждали больших перемен. По самому советскому строю за время этого не слишком продолжительного буфетного заседания было нанесено несколько острых анекдотных ударов. “Иностранца, посетившего Союз, спрашивают, что ему у нас понравилось? Дети, отвечает. Почему дети? Потому что всё, что вы делаете руками...” Рассказывал самые злые анекдоты бородач с боксерским носом и липкой на вид лысиной. “Кто это?” — спросила Лариса у своих. “А, Саша Белов из “Молодого коммуниста”. Он часто заходит в наш корпус”.

Сначала Лариса подумала, что она просто попала в такую особенную небольшую компанию свободных умов, резких презирателей бездарного режима. Но через неделю поняла, что подобным образом настроены абсолютно все. Не только работники “Истории”, но и те, кто трудится в “Физике”, “Химии”, “Технике” и “Искусстве”. Впрочем, ничего особенно нового она не услышала в этом буфете в сравнении с тем, что ей приходилось слышать в Рулиной компании или Питиримовой.

Но что-то новое, однако, было.

Если фарцовщики и крестоносцы всё же имели какие-то основания для неприязни к строю — он мешал им торговать джинсами и путешествовать по монастырям, и они ненавидели его как бы за свой счёт, то работники ЦБПЗ поносили строй, у которого брали деньги на жизнь, и достаточно много, и очень охотно.

Впрочем, отмечая это, Лариса не вспыхивала порицательным пафосом и не проникалась презрением. Она скорее обучалась уставу здешнего монастыря.

Муж Галки, секретарши Михаила Михайловича, слушатель ВПШ, закатившись как-то на корпоративные посиделки в “Историю”, рассказывает сотрудникам тот же самый анекдот, что и Саша Белов. Все принуждённо хихикают, но никому не приходит в голову, что это слишком для слушателя такого заведения. Только Воробьёв встал, виновато улыбаясь, и вышел из помещения.

Свалившийся в “Историю” новый зам Михаила Михайловича, некто Николай Николаевич Пызин, попытался показать, что не собирается совсем уж безропотно плыть по течению вредных общественных настроений.

Перестройка?

Ладно, пусть перестройка, но не все же позиции сдавать сразу и безропотно. Власть у нас в стране пока ещё советская, и ЦБПЗ есть один из опорных её камней.

Закручивание гаек началось с усиления антиалкогольной кампании в то время, когда в целом по стране шло её ослабление. Пить на работе стало менее комфортно, хотя пить меньше, конечно, не стали. Пызин заработал на этом деле первые отрицательные баллы.

Потом — режим. Он искони был либеральным. Все, кроме Тамилы Максимовны, секретаря редакции, которой всё равно не спалось, являлись в присутствие к двенадцати часам. Пызин потребовал, чтобы в каждом отделе хотя бы один человек дежурил с десяти. Бред! Зачем? От поверхностных гаек перешёл к гайкам внутри творческого механизма “Истории”.

Ударить по всем сразу было трудно, надо было выбрать наиболее уязвимую фигуру. И, конечно, выбрали армянина. Карапет Бабуян попал под удар, очень мало этого заслуживая.

Это был человек сосредоточенный, коротконогий, в тяжёлых очках, ко всему относившийся серьёзно. Он никогда ни в малейшей степени не позволял себе никаких идеологических вылазок против партийного курса в своей

области и всячески демонстрировал свою преданность шефу. С самым серьёзным видом на общих собраниях говорил, что считает главным счастьем своей жизни факт работы под началом такого заслуженного и авторитетного человека — Михаила Михайловича Александра. Михаил Михайлович морщился, вяло одергивал лъстеца, чем только возбуждал его, вызывая новые валы ещё более откровенных похвал, высказанных уже почти с надрывом. На все дни рождения шефа Карапет Карапетович привозил целую кастрюлю долмы, приготовленную мамой специально ради такого события, а также бастурму, коньяк и т. п. В общем, казалось — позиции этого зава незыблемы. Но Пызин разведдал, что Карапет Карапетович слишком по-особенному формирует штат своих лекторов. Там оказались сплошь армяне, или женатые на армянках, или армянские друзья. Причём для всех для них была организована специально продуманная схема задействия, которая предполагала минимум трудозатрат и максимальные ставки оплаты. В общем, трудно сказать, так ли оно обстояло на самом деле, но захотевший придраться — придерётся.

Когда Пызин пришёл с этим никому не нужным компроматом к шефу, тот опять сильно заскучал. Ссориться с армянским кланом ему не хотелось, но ссориться с властью, которую в данном варианте представлял дурак Пызин, хотелось ещё меньше.

— Чего же ты хочешь? — устало и иронично спросил Михаил Михайлович. Комсомолец не понял иронии и потребовал, чтобы большая часть армян была заменена.

На кого?

Есть кандидатуры. Пызин имел большие связи в кадровых структурах ЦК, и ему не составило труда подобрать подходящих людей, выраженных неармян, для соответствующей работы.

Его сразу обозвали — Ататюрк, хотя информированные люди говорили, что прозвище не совсем справедливое, ведь упомянутый персонаж армян не резал, да и тюрком вроде как был не вполне, но кому дело до таких тонкостей.

На жизни Ларисы пызинское руководство отражалось мало, она легко обходила новые подводные камни. Как раз в это время она развернула обработку общественного мнения в нужном для себя направлении.

Тойво был нейтрализован хорошо продуманными похвалами в адрес эстонской прозы. Лариса назвала Карапета во время одного из совместных походов в буфет “императорским безумцем”, намекая на его неумеренно восторженное отношение к шефу, показывая тем самым, что ей нравится роман Яана Кресса, которого Тойво ботворил. Его независимая позиция в редакционном раскладе, формулировавшаяся как “один на льдине” в память о сидевшем за сталинской проволокой отце, дала трещину. Он, как уже сообщалось, пошёл лоббировать Лару в кабинет Михаила Михайловича.

Пан Милован в обработке и не нуждался, ему достаточно было узнать желание дамы, и он вскакивал, прижимая обе ладони к сердцу. “Серб и молод”, — называл его Питирим. Да, этот мужчина всегда был готов к услугам.

Галку Лара тоже успокоила. Для этого хватило всего лишь одной грубоватой фразы о том, что она для достижения заветного кресла не пойдёт банальным женским путём, и не потому, что не интересуется антиквариатом. Соркалетняя машинистка оценила жест доброй воли, ей действительно не хотелось терять своего статуса, при котором она по умолчанию причислялась к творческим работникам и имела возможность являться на работу не к десяти, а к двенадцати, плюс и ряд других маленьких, но приятных исключений.

Провинциалов в “Истории” было двое, оба совсем недавно были приняты на работу, и оба попали под власть Ларочки, хотя и числились по другим отделам. Оба были совсем недавними выпускниками одного истфака, только разных потоков. Одного звали Прокопенко: хохол из Нежина, третий сын в большом, сытом, крепком семействе своего добротного деревенского батьки, и сам уже к моменту вступления в должность в “Истории” отец двойни и приймак в номенклатурном семействе с Кутузовского проспекта. Он отвечал за Древнюю Русь, отвечал спокойно, по большей части помалкивая и прият-

но улыбаясь в ответ и на похвалы, и на критику. Про таких говорят, что с них как с гуся вода, где сядешь, там и слезешь. Ларочку он интересовал мало и лишь слегка раздражал своей кажущейся неуязвимостью и полным благополучием.

Но немного на этом участке Лариса всё же поработала.

Сначала она попробовала вменить Прокопенке его хохляцкость. Мол, народ-предатель, украинские полицаи сожгли Хатынь (это она знала по должности как сотрудник отдела Великой Отечественной), вечное мазенство украинской души и так далее. Но Петро только похохатывал и ласково улыбался большим, добрым лицом и поглаживал круглую щеку. А на общих распивочных заседаниях красиво, тихо пел “Ничь яка мисячна”, и всем было понятно, что он в полнейшем умилении от своего украинства.

Второй наезд была произведён по факту его приямчества. Мол, приспособленец, схватился за бабий подол, который был приделан к московской прописке, и это подло. В ответ Петро демонстрировал фотки своих дочек-куколок, а однажды в редакцию захала его супруга, и всем стало ясно, особенно Ларочке, что брак этот по страсти.

Пришлось отступать, и чтобы это не выглядело как полное поражение, Лариса вела арьергардные бои на тему невыносимого самодовольного благополучия Прокопенки. Видите ли, у него всё хорошо, и дети, и жинка, и все родители со всех сторон живы, и работа ему нравится. Нет никакого повода даже для лёгкого душевного свербления. Стыдно быть таким сыром в таком масле.

Второй новичок был для Ларисы, собственно, и не новичок. Мир всё же тесен. Алеша Попович, дружок Маркса и Энгельса, белорусский подросток из поселка при Жировицком монастыре. При таких встречах кричат “Ба!”, и Лариса крикнула, паренек съезжился, как будто его сейчас накажут. Он стал ещё суше, чем был, и как-то почернел, стал болезненнее, как будто насквозь пророс нервами, его очень легко было вывести из себя, смутить. Фамилия у него была звучная — Волчок, но как выяснилась, досталась от полесского отчима и не была им любима. Он специализировался в области античной истории и попал под начало к эстонцу, отвечавшему за все Европы разом.

Лариса, только увидев его, сразу поняла, что победа одержана. Тут даже не надо было ничего формировать, заноза вины сидела уже давно в заднем уме этого Волчка, с того самого вечера в пещере Рыбы. Он так много слышал, он так много знает о ней и Пите, что пусть только попробует не смущаться и не отводить глаза при разговоре с пани будущим старшим консультантом.

Лариса не порвала свои связи с прошлым. Найдя своё место в учреждении, она наподобие магнита стала стягивать к себе множество разного прежнего народа. В той или иной степени были привлечены к работе и общению и сын космонавта, и Энгельс, и девчонки из пединститута, и Саша, и Марина, и другие. Саша и Марина не стремились с нею сблизиться, видимо признавая своё подчинённое положение. Так что вес Лары в конторе обеспечивался ещё и наличием разноцветного человеческого шлейфа, тянущегося за ней. Её знакомые были ввинчены в работу почти всех отделов в том или ином качестве, что обеспечивало хорошую остойчивость кораблю её карьеры.

Кабинет истории Великой Отечественной был самым большим, что понятно. Лариса так расположила шкафы, столы и прочую мебель, положенную отделу по штату, что выгородился уютный и обширный анклав, обладающий правами почти полного суверенитета. Ни начальник Голубев, ни тихий претендент Воробьёв не рисковали проникать за ограду, уставленную по верху горшками с редкими кактусами, увитую гирляндами невероятных висячих растений. Всё это были подарки от направления “Природа”, с которым Ларочка сдружилась во время какой-то совместной командировки и теперь частенько приглашала к себе на посиделки. Поводов для их устройства всегда было более чем достаточно.

Явился однажды, в это трудно поверить, неудачливый ухажёр Гарик. Прошли годы после того памятного похода в “Метелицу”, и за всё это время он никак не сигнализировал о себе. Лариса столкнулась с ним всего месяц на-

зад, случайно, буквально в метро, и пригласила “на свою территорию”.

И он пришёл.

Всё главное при нём всё же осталось: рост, стать, успешность, судя по двум огромным кулкам, набитым бутылками и банками из “Берёзки”, к тому времени ещё сохранявшей своё значение. Но многое и изменилось. Отпала начисто пошлая кличка Мангал. Он стал как хорошая машина, очищенная от наглого тюнинга. Просто очень видный, качественный мужчина.

Хозяйка отворила створки шкафа, достала оттуда поднос с чисто вымытой с прошлого раза посудой — стоическая провинциальная чистоплотность не покинула её за прошедшие московские годы, — и стала накрывать на стол, с которого решительно смела рабочие бумаги.

Гарик сел в углу, осторожно улыбаясь.

— Ну, как ты, что ты? — искоса поглядывала на мужчину Лара. — Тебе не кажется, что это судьба — встретились в метро!

Она сказала это как бы в шутку.

Гарик пожал плечами. Было видно, что он испытывал сложные чувства. Могло показаться, что он жалел о своём приходе, но одновременно считал его в каком-то смысле своим долгом. Лариса именно так объясняла себе его зажатость. Тогда, в “Метелице”, его роль была довольно мерзкой. Пусть повернется как уж на сковородке. Он не знает, что будет прощён сегодня к концу вечера. Но моральную плату должен внести, душевные муки полируют мужчину перед употреблением.

Там, в метро, Лариса приглашала его легко, как бы без подтекста, но это могло быть приёмом особенно тщательной маскировки. Надо быть начеку. И он был настолько начеку, что это было многим заметно.

Первым явился незваный и страшно расстроенный Карапет Карапетович. Не поздоровался, сел, развалив на стуле коротенькие толстенные ноги.

— Что случилось?

— Добрался до Григола Ашотовича.

— Вот сволочь! — продолжая автоматически что-то нарезать, ответила Лариса.

— Ну почему, почему, объясните мне, армянин не может читать лекции о Куликовской битве?!

Гарик, к которому почему-то был обращён вопрос, пожал плечами. Он почти не был армянином, у него здесь было своё дело, и ни во что больше он вмешиваться не хотел.

— А что Пызин говорит?

— Он говорит, Ларочка, что Куликовское поле — поле русской боевой славы.

— И это правильно, — веско заметила Лариса. — Всё правильно.

— Так Григол Ашотович говорит то же самое!

— Поле, русское поле... — пропела, входя, Галка. Увидев незнакомого, да ещё “упакованного” мужика, она добавила к “сопрано” ещё и покачивание бёдер.

— А что касается полей, Карапетушка, то вот, посмотрите на него. Он...

Все посмотрели на вошедшего Волчка, и тот невольно потемнел под взглядами.

— ...утверждает, что на, допустим, Бородинском поле мы не победили, а проиграли. Поте-ери у нас были больше, позицию мы бросили после всего, столи-ищу оставили, мол, военная наука всё это зовёт поражением. Но всем же понятно, что это ерунда собачья. Великая победа есть великая победа.

— При чём здесь Григол Ашотович? — тихо проныл Карапет.

Волчок развернулся и вышел вон.

— Захвати там соль! — крикнула Галка сквозь клуб выдыхаемого дыма.

— Он не вернётся, — сказала Лариса. — Придётся тебе сходить самой.

— О, Милок сходит, — вывернулась машинистка, показывая на вошедшего серба. Ей хотелось задать какой-нибудь затравочный для знакомства вопрос незнакомцу в дорогом костюме, но Лариса с помощью мелких, но непрерывных манипуляций уводила её с удобной позиции.

— А что это мы тянем? — спросил Милован, вертя в руках бутылку джина “Гордон”.

— Без соли, Слава, нельзя.

— Это текилу пьют с солью, Галочка.

— Вы любите текилу? — наконец прорвалась машинистка, но в ответ на этот вопрос Гарик тоже отделался пожатием плеч.

— Он просто меня выживает, — почти бесшумно вздохнул Карапет.

— Пусть идёт ко мне, — сказала Лариса, увидев, что в комнату вернулся Волчок с тарелочкой соли. — Пусть твой Григол идёт ко мне. Будет читать про Прохоровское поле.

Волчок поставил блюдо и снова вышел. Прокопенко вздохнул ему вслед, ему тоже хотелось уйти, но не было повода. Энгельс положил в рот ещё один кусок сервелата. Это он был пособником травли Волчка. Причём без всякого злого умысла, просто в силу энциклопедического склада ума. Волчок как-то заявил, что битву при Бородино мы проиграли, “ведь Клаузевиц...”. И Энгельс устроил ему форменную детальную, исчерпывающую порку тем самым Клаузевицем наотмашь. Парень был повержен и как мыслитель и как патриот.

Лариса тогда гордо улыбалась ему в несчастное лицо, гордясь своим Энгельсом. Тот вздыхал. Человеку, знающему истину, всегда кого-нибудь жалко.

— А правда, что текилу делают из кактусов? — наклонилась Галка к гостю.

— Ага, — кивнул много попивший и повидавший Милован, — а джин из можжевельника.

Энгельс попытался приступить к своему обычному занятию.

— Не совсем из кактусов, это голубая агава...

— Молчи, энциклопедия, молчи, как грусть, — оборвала его Лариса. — Я хочу поднять тост. За те встречи, что иногда происходят в метро.

Все выпили, даже Карапет Карапетович. Но вместо закуски он наклонился к хозяйке и спросил:

— А вы, правда, можете взять Григола Ашотовича к себе?

— Я вас когда-нибудь бросала в беде, Карапет?

— Наша главная беда случилась в пятнадцатом году, и тогда нас бросили все.

Но никто не услышал этих слов.

После джина стали пить коньяк. Кто-то уходил, кто-то приходил, разговор становился всё громче. Галка ткнула немым пальцем в шкаф, подразумевая остальную часть комнаты, мол, а как они, Голубь с Воробьём?

— А я сейчас растормошу эту голубую агаву! — Лариса решительно встала и вышла на сопредельную территорию. Вместе с рюмкой коньяку.

— Мы вам не мешаем?

Птичьи люди синхронно замотали головами: нет, нет, нисколько.

— Тогда, может быть, вы к нам присоединитесь, у меня такое событие. Снова синхронное качание голов, нет, нет, спасибо.

Лариса вернулась к себе, встреченная восхищёнными взглядами и прысканьем зажатых ртов. Уже через несколько минут с сопредельной территории началась тихая эвакуация. Благо до окончания рабочего дня оставалось совсем немного времени.

Гарик, до сего момента сидевший почти молча, встал и сказал Ларисе, что хотел бы сказать ей несколько слов. Галка вздохнула, как бы признавая поражение. Милован стал откупоривать последнюю бутылку, какой-то вискарик.

Лариса, держа пальцами правой руки сигарету, пальцами левой рюмку, проследовала за оградой. Гарик смущался. Она смотрела на него победоносно, уверенная, что в её силах прекратить его мучения, какими бы они ни были.

— Знаешь, я давно хотел с тобой поговорить. Так и так, всё выяснится.

— Лучше не здесь, пойдём в коридор.

В коридоре было довольно темно, но Гарик продолжал смущаться. Что, по мнению Ларисы, было странно для владельца кооперативного кафе. Эту информацию вытянула из него Галка, и Лариса была довольна, что ей не пришлось это делать самой.

— Не вздыхай, говори.

Из дверей “главной реакции” вышел Карапет Карапетович, вид у него даже в полумраке коридора был страшный. В голосе был трагический трепет.

— Он говорит, что и Офелия Дерениковна должна уйти.

Лариса закатила глаза, просигнализировала Гарику сигаретой и повела за собой на площадку к лифтам. В огромное окно рвался рьяный, звучный ливень, как бы призывая участников разговора не скрывать своих сильных чувств.

— Тогда была “Метелица”, а сейчас дождище.

Гарик кивнул, он всё понимал.

Послышались шаги по коридору. К лифтам вышагнула огромная фигура шефа, даже дождь за окном как бы немного смутился и снизил напор, признавая важность этого человека.

— До свидания, — сказал Михаил Михайлович, хотя слышалось: пошли вы все к чёртовой матери — и погрузился в подошедшую кабину.

— До свидания. — Лариса скорчила ему рожу вслед и повернулась к Гарику.

— Знаешь, здесь нам не дадут поговорить.

— Почему? Вообще-то всё хорошо, я так рад, всё как-то само собой решилось, я ведь слегка, и даже не слегка, перед тобой виноват. Я думал, что ты догадываешься, ну, что я не сам, что меня, как бы это сказать, попросили. Тогда. В “Метелице”.

Лариса хлопнула его по плечу как старый товарищ.

— Да ладно тебе, всё я давно поняла. Эти тетки, Элеонора и Нора, хотели от меня избавиться и одновременно хотели использовать, по принципу — с паршивой овцы хоть шерсти клок. И изящно так подкладывали под полезных старичков, вернее пытались. А ты даже не старичок.

Гарик стоял, потупив глаза, в позе, совсем не характерной для бравого кооператора, и осторожно отряхивал рукав, и это могло выглядеть как просьба: не надо мне ваших откровений. Прямолинейная откровенность собеседницы его смущала. Он уже по-настоящему жалел, что приехал.

Лариса отхлебнула из принесённого с собой стакана.

— Ты знаешь, поехали к тебе, там всё и обсудим. У тебя там есть ещё что выпить?

— Что?

— Что выпить есть?

— Вообще поехали, конечно, — забормотал Гарик, тускнея, — Мариша будет рада с тобой увидеться.

— Какая Мариша? — спросила Лариса, уже отлично понимая, о ком идёт речь.

Значит, он тогда уехал из “Метелицы” не один. Ну да. И не втроем.

— Поженились?

Гарик потупился.

— Не сразу.

— Понимаю, что не сразу. А что же я ничего не знала?

Гарик щелкнул зажигалкой, сигарета с первого раза не зажглась.

— Не хотели меня расстраивать, голубки?

— Марина всё собиралась тебе сказать. Уже когда устроилась к вам в “Историю”.

— Она уже почти год тут работает.

— Всё собиралась, собиралась... — Гарик был очень смущён.

— Понятно.

Консультант Волчок сидел один в кабинете, сегодня была его очередь дежурить с утра, и листал толстый том в солидном переплёте. Листал правой рукой, левой ерошил короткую причёску. Носился взглядом по страницам, предвкушающе привставал, нащупав что-то в тексте, и плюхался обратно на

стул, если блестящая информация его разочаровывала при тщательном рассмотрении. Волчок готовился к сегодняшнему заседанию отдела. Тойво пригласил двух новых кандидатов в лекторскую группу, и в половине первого должно было состояться собеседование. Волчок хорошо понимал двусмысленность своего положения в отделе, его взяли на работу не в полном соответствии с планами эстонца. Тот, будучи человеком хорошо воспитанным, всё время давал это понять своему новому сотруднику, но в такой форме, что открыто обижаться было бы нелепо.

Оставался один путь самоутверждения — доказать, что принят по праву, что является самостоятельной интеллектуальной фигурой. Он давно уже, с ранних институтских пор вывел для себя, что все свои выходы в люди, даже самые мелкие, надо тщательно готовить. Полагаться на общий образовательный уровень глупо, а на свою сообразительность ещё глупее. Каждый раз, отправляясь в какую-нибудь смешанную компанию, он зазубривал несколько редких и точных сведений из любой области человеческого знания. Например, что на острове Сулавеси основным видом вероисповедания является протестантизм. Для достижения успеха в беседе нужно было всего лишь подвести общий разговор к ситуации, в которой выступление с этой информацией выглядело бы естественно.

А для подтверждения своего интеллектуального класса, в ответ на удивлённый вопрос кого-нибудь из сомневающихся — а почему это протестантизм? — следовал не менее подготовленный ответ: потому что это бывшая голландская колония.

Очень хорошо себя показывало предварительное чтение Даля и Фасмера. Там Волчок обязательно накапывал пару-тройку изюмин и терпеливо сидел в уголке, ожидая случая, когда можно будет выставить локоть и выйти в первый ряд.

Случай с Бородинским полем не скомпрометировал окончательно его старый метод, а лишь явился сигналом того, что впредь вылазки следует готовить тщательнее.

Вот!

Консультант хлопнул ладонями по распахнутым страницам. Почти что эврика!

“По эдикту императора Каракаллы от 212 года н. э. всем жителям империи было даровано римское гражданство”.

Один из сегодняшних визитёров эстонца — специалист по муниципальному устройству Римской империи. Он, тихий консультант Волчок, сядет сегодня тихонько рядышком со столом Тойво и станет терпеливо ждать момента, когда можно будет уместно выступить с этой интеллектуальной репризой. Второй гость — собаку съел на гуситах. Молодой сотрудник вздохнул — придёте слазить и в этот колодец.

И тут раздался телефонный звонок.

— Ну, здравствуй.

Сердце консультанта засуетилось.

— Ладно, ты не являешься патриотом своего отечества, но, по крайней мере, патриотом своего родного коллектива ты должен быть.

В принципе консультант понимал, что Лариса шутит, но шутка эта парализовала его волю, и он стал сморщиваться, как бы стараясь хоть в уменьшенном виде выскользнуть из-под внезапного морального пресса.

— Так ты не ответил, ты готов искупить вину?

Это тоже была шутка, но требовавшая самого серьёзного ответа.

— У меня скоро заседание отдела.

Лариса даже не дослушала до конца.

— Ты сейчас пойдёшь к Тортиле, возьмёшь у неё пятнадцать рублей, потом возьмёшь две бутылки шампанского и такси, и записывай адрес.

Волчок взял ручку и стал записывать, отлично понимая, что он не в состоянии выполнить это задание. Однако же и не в состоянии не выполнить.

— Всё. В крайнем случае, можешь взять четыре бутылки “ркацители”. И не томи. Тут погибает добрая половина доблестного экипажа. Пока ещё добрая. Не превращайся во врага народа.

Волчок несколько минут сидел на своём месте, поигрывая трубкой, боясь положить её на место. Чем дальше, тем отчётливей становилось — ехать придётся.

Но деньги?

Он и так был должен Тамиле Ивановне двенадцать рублей в общак. Просто возьмёт и не даст. Тем более столько. Да ещё посмотрит со всей черепашной мудростью поверх очков.

Но побрёл в предбанник. Сел на стул рядом со столом секретарши, она посмотрела на него, опустив очки, но ничего не сказала. Консультант кое-как собрал в голове конструкцию из слов, которую можно было попытаться предъявить Тамиле Ивановне, но в этот момент распахнулась дверь в кабинет Пызина, и оттуда вылетел Карапет Карапетович. Он и не подумал здороваться с Волчком и тут же нырнул в кабинет шефа.

Тамила Ивановна многозначительно выпятила губы и подняла брови, мол, бог знает что происходит, все припёрлись в такую рань и чудят.

В кабинете шефа Карапет Карапетович пробыл совсем недолго, вышел оттуда медленно и задумчиво. Постоял у стола Тамилы Ивановны, мелко тарбанил по нему толстыми пальцами.

— Ну что, Карапетик? — спросила Тортила.

Он ничего не ответил и пошёл прочь из главной дирекции. Тамила Ивановна бросилась было за ним, “Карапетик, Карапетик!”, но при её черепаших скоростях это было бесполезно. Вернулась, вздыхая, села и стала протирать очки.

— А вам что, Шура?

Появился зам и решительно, победоносно прошествовал к шефу. Кажется, у него что-то вроде улыбки играло на тонких губах.

— Идите отсюда, Шура, а то...

— Десять рублей.

Тамила Ивановна открыла коричневый железный сейф, достала из мятого конверта две пятёрки. Дорогу на квартиру Галки Перешивиной консультант знал хорошо и неплохо представлял себе, какую картину он там застанет.

У лифта встретил приехавшего на работу явно хорошо позавтракавшего Прокопенко, тот улыбочиво поинтересовался — куда ты? Борясь с гримасой, охватывавшей лицо, Волчок проскользнул в кабину. Ему было неприятно сравнивать себя с ним. И правда, какой незаслуженно благополучный человек. И выпил вчера в меру, и отправился домой, а не в Галкин вертеп. И никому не придёт в голову назначить его алкогольным курьером.

5

Понедельник следующей недели, казалось, не предвещал никаких особенных событий. Без трёх минут двенадцать публика стала подтягиваться к кабинету шефа. Прошли внутрь печальной парой Голубев с Воробьёвым, пронёс свою трубку Тойво. Волчок и Прокопенко явились прежде всех и ждали в предбаннике, чтобы не вламываться первыми. За свою деликатность получили по шпильке от Ларисы, тоже задержавшейся в предбаннике. Прокопенке досталось за то, что сбежал прошлый раз совсем не как товарищ, не проводив дам “хотя бы до авто”. Семейный очаг — это, конечно, хорошо, но у человека есть и другие обязанности. Вот господин Волчонок исправляется.

— Волчок, — поправил молодой человек, но так, словно ему было неудобно за свою несговорчивость.

— Только очень медленно исправляется. Все глаза проглядели, пока дождались твоего муската.

— Я же уже объяснял, метро...

— Тебе было сказано — бери такси!

Открыл свою дверь квадратно улыбающийся Пызин и растопырил руки как бредни, побуждая толпящихся войти в кабинет.

— Прошу, прошу.

В коридоре показалась пара — Милован и Карапет. Милован что-то рассказывал низкорослому коллеге, угрюмо смотревшему в пол. Их обогнала Галка. Как шеф машбюро и профорг она тоже обязана была присутствовать на творческих летучках.

Пызин поглядел на Карапета, дождался, когда последний сотрудник войдёт, подвигал квадратной челюстью, как перед боем, раздул ноздри и шагнул на территорию Михаила Михайловича.

Летучка шла, в общем, обычным порядком. Шеф одних похвалил, других пожурил, сказал своё обычное, что обязанности по поддержанию строгой идеологической дисциплины никто ни с кого не снимал. Партия, да, развивает перестройку, но это не предполагает бардака на местах. Обольщаться не надо, если гайки в настоящий момент не закручивают, это не значит, что их вообще нет.

Тойво, как всегда, прозондировал почву насчет Набокова. Вон еженедельник “Шахматы” уже дал подборку его стихотворений, может и нам, например, “Машеньку” включить в список рекомендуемой литературы?

— Нет. Одно дело шахматы, другое дело — история, — сказал Пызин. Все посмотрели на шефа, он угрюмо кивнул. Но всем было понятно: запрет скоро рухнет, и лектора порвут “Машеньку” на цитаты.

Галка сообщила, что взносы будет принимать у себя сразу после летучки.

— Ну, что ж, — сказал главный, — если ни у кого...

Но тут вскочил Карапет.

— Что у вас? — неприязненно спросил Михаил Михайлович.

Карапет Карапетович несколько секунд борол волнение, потом сказал:

— У меня вопрос.

— Может быть, потом, в рабочем, так сказать, порядке? — дергая щекой, попытался увильнуть шеф.

— Нет, нет, — бодро возразил Пызин, — если Карапет Карапетович хочет спросить, мы всегда можем ответить.

Михаил Михайлович сделал согласный жест руками, пожалуйста, товарищ заместитель, сражайтесь. Пызин встал. Но оскорблённый армянин смотрел не на него.

— Я хочу у вас спросить, Михаил Михайлович...

— У меня? — с некоторым даже наивом в голосе поинтересовался шеф. Мол, я то тут при чём?

— Я хочу спросить у вас, почему вы гоните меня, как собаку, когда этому человеку позволяете всё?

Главный насупился, ему всё это было неприятно, но, вместе с тем, он и успокоился. Карапет явно выходил за рамки приличий, и его можно было одергивать, не обсуждая сути дела.

— Держите себя в руках, Карапет Карапетович.

— Что, если этого человека прислали сверху, то он может топтать людей и издеваться над ними как ему угодно, да, Михаил Михайлович?!

— Ведите себя подобающе, Карапет Карапетович!

Пызин сиял — соперник сорвался. Никто не любит скандалов и скандалистов, а Михаил Михайлович Александров, Пызин это уже понял, особенно сильно не любит. Заместителю можно было уже ничего не говорить, коротышка топил себя сам.

— Вы не ответили мне, Михаил Михайлович!

— В таком тоне беседу я вести не намерен. Заседание окончено.

Волчок сидел у самого выхода из кабинета. Он охотно покинул летучку, на рабочее место не поспешил. У него было крохотное дельце к Тамиле Ивановне — он хотел просить отсрочки по платежам в общак.

Внутри в кабинете ещё что-то негромко кипело. Полностью ушли только Голубев с Воробьёвым, о чём-то очень конфиденциально переговариваясь, очевидно прикидывая, не последует ли вслед за армянским гонением атака на гомосексуалистов.

Остальные толпились в предбаннике.

Лариса перешёптывалась с хитро улыбающимся Милованом, Галка делала большие глазщицы за большими очками, как будто что-то предчувствуя.

Мудрая Тамила Ивановна делала вид, что роется в сейфе, а сама одним глазом незаметно рылась в толпе сослуживцев.

Вышел, наконец, беззвучный, сосредоточенный, весь обрушившийся в себя Карапет. Все сочувственно, но молча на него косились. Он ни на кого не смотрел, он сопел и истекал потом. Было понятно, что лезть к нему с разговорами не стоит.

Прокопенко молча развернулся и пошёл к себе.

Волчок глубже вжался в стул.

В этот момент открылась дверь кабинета, и на пороге появился Пызин с видом плодотворно потрудившегося человека. Он только что ещё раз объяснил Михаилу Михайловичу, и даже доказал с цифрами в руках, что никакого национального подтекста в его деятельности на посту зама нет, никакими даже отдалённо политическими выводами данная ситуация не чревата. Компетентные люди, из числа тех, что сидят выше, в курсе. Просто им, новым замом, тихо и грамотно ликвидирована многолетняя группка граждан, присосавшихся к гонорарной ведомости “Истории”. Карапет Карапетович — человек с большим сердцем и не может отказать дорогим ему людям. И не только армяне в списке. Вот Инга Вячеславовна Шмит, или Семён Антонович Тенин, они были отсеяны в первую очередь, уж потом дело дошло до всяких Гайков и Вегенов.

Михаил Михайлович мрачно молчал. Несмотря на бодрость зама, дело выглядело погано. Но в конце концов Карапет виноват, по большому счету, сам. Должно быть чувство меры, и не надо подставлять людей, которые хорошо к тебе относились. Главный отлично знал главное аппаратное правило — чтобы тихо! Можно почти всё, но чтобы без скандала. Это тебе не фронт.

Пызин, выйдя в предбанник, увидел перед собой сопящего коротышку и сдвинул брови — это ещё что такое?

Карапет не стал отвечать на этот немой вопрос и правой рукой нанёс левой щеке победителя сильный удар. Пызина бросило к косяку, и он отступил внутрь кабинета, уронив папку и прижимая руку к скуле.

— Карапет, Карапет, Карапет! — на разные голоса заговорил предбанник. Мстителю ещё несколько раз свирепо выдохнул, сделал несколько быстрых приставных шагов вправо, как балетный, покидающий сцену после удачно выполненного номера, и выскочил вон из главной редакции.

6

Михаил Михайлович вызвал к себе Ларису. Усадил в кресло. Предложил курить. Лариса чувствовала, что сейчас этот большой мужчина ей доверится, и ей было приятно сознавать, что ему в данной ситуации не к кому больше обратиться.

Выяснилось, что Николай Николаевич “встал на формальный путь”. То есть сняты побои, диагностировано сотрясение мозга, написано заявление в милицию, в прокуратуру, ЦК ВЛКСМ поставлен на ноги.

— У нас пока что ещё советская власть, — развёл сильными и несчастными руками шеф, и по его тону было трудно понять, какой смысл он вкладывает в своё заявление.

Лариса кивнула и сообщила шефу, что вся Москва гудит, со всех этажей к Карапету идут делегации со словами поддержки, московские армяне готовят какое-то заявление.

Щеки шефа всё более обвисали после каждого слова. Опускались углы рта и края бровей.

— Боюсь, что до суда дойдёт. Я пытался воззвать, но Пызин закусил удила.

Лариса прищурилась, и у неё обнаружился немного комиссарский разрез глаз.

— Вы считаете, что суда не избежать?

— Нет, Пызин закусил удила, мы или они! — И очень тихо добавил: — Кретин!

— Но, Михаил Михайлович, если Карапета осудят...

— Два года колонии, я наводил справки.

— ...если его осудят, я вам гарантирую всё, вплоть до “Голоса Америки”, даже и справки наводить не надо.

Шеф навалился на стол, максимально приблизив огромное, рыхлое лицо к собеседнице.

— Скажите вашему правдолюбцу, что он бил Пызина не кулаком, что он дал ему пощёчину открытой ладонью. Это был не хулиганский мордобой на рабочем месте, а творческий спор, внезапно перешедший на язык символически оскорбительных жестов. У нас здесь символизм был, а не реализм, чёрт побери!

Лариса дала понять шефу, что она всё поняла.

— Хорошо, Михаил Михайлович, я попытаюсь сделать всё возможное.

...Трудней всего, как ни странно, пришлось с самим Карапетом. Он хотел пострадать.

— Да, я дал ему по морде, да, на рабочем месте, да, кулаком! Вот этим кулаком. Пускай судят, я хочу, чтобы на меня надели наручники. Я хочу в тюрьму. Все приличные русские люди сидели в тюрьме.

Тойво с Милованом иронически переглядывались, Галка и Тамила Ивановна причитали, восхищённо и озабоченно, разве что не по-армянски.

Как тени промелькнули Голубев и Воробьёв. Один мгновенно пожал предплечье Карапету, другой запястье — держись, борец!

Лариса вела допрос свидетелей.

— Где вы были в тот самый момент?

— Я уже ушёл, — спокойно ответил Прокопенко.

— Ну да, я забыла, у тебя, как всегда, всё в порядке. Человека посадят, а у тебя всё в порядке.

— Я хочу, чтобы меня посадили! — коротко вскинулся Карапет, уговаривающие руки Галки и Тамилы Ивановны усаживали его обратно, поили кофе, гладили по неровной голове.

Прокопенко встал и вышел. Лариса повернулась к Волчку.

— А ты?

Волчок видел всё, видел пухлый, отчаянный кулак Карапета, видел его соприкосновение с челюстью Пызина. Пожалуй, от такого удара и челюсть может треснуть. Но сказать правду не то что на суде, но даже здесь, перед лицом возбуждённого коллектива, было нереально.

— Что ты молчишь?

— Я ничего не видел.

— Как подсмотреть какую-нибудь гадость, ты всегда тут как тут, а когда нужно спасти человека, ты глазёнки в пол, понятно!

Молодой человек страдал невыносимо, тем более что обвинение Ларисы было построено таким образом, что било сразу по двум болевым точкам в уязвимой совести молодого консультанта. Она могла намекать и на его невольное свидетельство её давнего грехопадения, и на антипатриотический прокол недавних дней. Скорее, второе. Конечно, второе. Хотел блеснуть свободомыслием, а просто выпростал предательский волчий хвост.

— Но я ничего не видел!

— Да ладно, слепец, только ты не Гомер, ты Паниковский.

Молодой человек наклонил голову. Когда идут прямые грубые оскорбления, становится немного легче, чем в те моменты, когда изящно пытаются совесть.

— Я ничего не видел.

— Ну и что? А просто выйти и сказать — была пощёчина, граждане судьи!

Карапет опять рванулся, как Прометей со скалы, но оковы женских рук вернули его обратно.

— Это лжесвидетельство, я не хочу, чтобы меня защищали такими методами. Не соглашайтесь, Шура. Я отсижу свои три, или даже девять лет, отсижу, но я буду знать, что наказал подлеца.

— По-хорошему, тебе бы надо было дать по морде шефу, а ты побоялся, — сказал Тойво негромко и в трубку.

— Что ты сказал?!

Тойво достал трубку изо рта и отрицательно помахал ею в воздухе.

— Это так, мысли вообще. И в сторону.

— Ты куда? — спросила Лариса у Волчка.

— Я ничего не видел.

— Не важно, постой.

— Я хочу в туалет.

Лариса опять прищурилась.

— Ах, приспичило? Ну, иди, иди.

Молодой человек вышел в коридор на ватных ногах. Он был бы счастлив услужить Ларисе, он бы многое был готов отдать ради этого, но суд!!!

Лариса смотрела ему вслед презрительно. Она ничуть не считала, что потерпела поражение в этой атаке. Парня додавим. Отлично было видно, как он вздрагивает, когда ему под нежный розовый ноготь втыкают иголку обвинения в любви к отечеству.

Сказать по правде, в это время в Ларисе в самой происходили сложные и противоречивые психологические процессы. Она то с особой силой ощущала себя дочерью русского офицера, и в ней кипело обжигающее “за державу обидно” вместе с неумирающей детской надеждой, что Чапаев доплывёт; то вдруг обнаруживала, что ей хочется вызволением нелепого Карапета либерально, почти по-диссидентски щёлкнуть по носу тупоумную, мягкотелую нынешнюю партийную диктатуру. Она была одновременно и за родимую родину, и за всеобщую свободу. И от невозможности остановиться в какой-то одной позиции неосознанно и непрерывно злилась. Карапет был не такой уж светоч и борец, но его бесчеловечно было бросить на годы в тюрьму. Но Карапет, вместе с тем, был бывший приспособленец, поэтому противно и нелепо защищать его своей собственной грудью. Вот за Николая Гумилёва она бестрепетно бы подставила под пули свою любимую водолазку. И если бы во имя большой государственной пользы надо было растоптать того прежнего, ничтожного, лизоблюдного Карапета, она бы позволила его растоптать.

Параллельно с этим она неожиданно забавлялась тем, до какой степени, оказывается, это действенный инструмент — обвинение в непатриотизме. Удивлялась как маленькая девочка, которая в груди мусора нашла скальпель и наслаждается возможностью полоснуть любого подвернувшегося.

А ведь и правда смешно. Все такие свободные. Высмеивают советские дороги, пустые магазины, пьянство, нищету, тупейшую власть, туалетную грязь, дикость правов, всё, всё, всё у нас сущее дерьмо, что ни сравни с западным, но стоит вот так прямо ткнуть пальцем — ты предатель! — с человеком что-то делается. Быть антисоветчиком как-то даже уже и естественно, но когда называют власовцем, автоматически страшно.

7

— Твоя фамилия не от белорусского волка, а от какого-то более мелкого зверя. Значительно более мелкого. Суетливого, как хорьковая белка. Даже нет, ты вообще не из фауны, ты жестяная игрушка, которая крутится со звоном.

Лариса вздохнула с какой-то окончательной разочарованностью в человеке.

— Береги честь смолоду, волчок-дружок.

Лариса удалилась в свой кабинет, а молодой консультант погрузился в кресло, как в сосуд с расплавленным свинцом. Удалившаяся Лариса была уверена, что осталось сделать всего несколько уколов в эту ничтожную совесть, чтобы обладатель её с воплями кинулся давать любые показания, если надо, то и на самого себя.

А дело между тем раскручивалось. На настоящий политический уровень оно не тянуло, хотя зам и старался. Но было ясно, что это и не простой про-

изводственный конфликт. Скоро уже все были в курсе, что Карапету маячит вполне реальная зона. Дядьку надо было спасать.

Волчка пригласили к настоящему следователю, и хотя он сразу же, с первого слова заявил, что ничего не видел, потому что рассматривал пятно на брюках, его муржили почти два часа. Молодой консультант стоял на смерть — ничего не видел!

А, может, слышал?

Был ведь звук удара? На что он был похож, на удар кулаком или открытой ладонью? Молодой человек запаниковал, понимая — попался. Забормотал что-то про среднее ухо, которое раньше всё время воспалялось...

Дав подписать ему каждый лист протокола, капитан, с отвращением подмахивая пропуск, сказал:

— Я понимаю, запугали тебя.

Волчок и не знал, что чувство освобождения может быть так связано с отвращением к себе. Он с удовольствием не пошёл бы на работу, но у него назначены были три важнейшие встречи. Одна как раз со специалистом по муниципальному устройству Римской империи.

Он сидел за своим столом, когда раздались шаги по коридору. Не шаги специалиста, консультант вжался в кресло. Лариса вошла, туманя свой облик дорогими табачными дымами, облако дорогого косметического запаха также ощущалось на расстоянии.

— Ну, ты ничего не хочешь мне сказать, патриот-надомник?

Всю ночь консультант не спал. На судьбу боевого армянина ему было плевать. Он был занят решением теоремы: как отбиться от Ларисы. Она явно наметила его в герои этого процесса, какова будет её месть, если он окажется, ему было настолько жутко думать, что он не думал. Но и капитанских щупалец официального закона он тоже боялся страшно. Как быть? Отвлекал себя боковыми мыслями: гад Прокопенко, вовремя слинял, всегда знает, когда скрыться у себя в семействе. Права Лара, что-то нечисто с его чистым счастьем!

В этот момент появился радостно улыбающийся специалист по муниципальному устройству Римской империи.

Римский гость сразу понял, что молодому работнику не до него. Парень с трудом подбирает нужные слова и при всей очевидности дела всё время соскальзывает сознанием с линии разговора. А с каким преувеличенным раздражением посмотрел он на телефонный аппарат, вдруг решивший зазвонить.

Звонила, разумеется, Лариса.

— Можешь не спешить. Опоздал. Можешь вообще здесь не появляться.

Молодой консультант вскочил так резко, что побледнел — отлила кровь. Тут же сел, боясь потерять сознание.

— Я оставил тут и анкету, и автобиографию, до свидания, — сказал приветливо римлянин. Ему хотелось задать несколько вопросов, обсудить дианастио Клавдиев, может быть и Антонинов, но было понятно, что спрашивать он будет зря.

Волчок выждал минут пятнадцать, надеясь на ещё один, может статься, смягчающий звонок с территории отдела Великой Отечественной войны. Никто не звонил. На шатающихся ногах отправился к дверям известного кабинета.

Постоял с минуту у запертой двери.

Он не знал, какие именно слова скажет, но, вместе с тем, уже считал себя решившимся. Только вот на что? Главное, снять этот сиюсекундный кошмар, а там будет видно, ведь суд не завтра, с ним — главным свидетелем — может случиться горячка, пожар или другое, столь же неожиданное событие.

Главное, чтобы она была там одна.

Лариса, Галка, Милован сидели за столом и пили кофе-чай. Вместе с ними сидел, как ни странно, Прокопенко. Вроде бы отвергнутый за нежелание включиться в движение спасателей Карапета. Он был в легком подпитии, что-то говорил, размахивая маленькими острыми ладонями. Чувствовалось, что он в центре внимания.

Волчок замер в дверях.

Пару секунд ему пришлось гореть на медленном огне общего испепеляющего внимания.

Наконец Лариса презрительно выцедила:

— Сади-ись.

По крайней мере не сказано: “Уходи”.

Сел, взял чашку, стоявшую на краю.

— Это моя, — сказал Прокопенко.

Других свободных чашек не было, пришлось сидеть с пустыми руками.

— Ну что, Волчок, тебе не стыдно?

— Что? — Волчок решил — всё, сейчас он объявит, что согласен! Только слотнет слону, и объявит.

Тем временем за столом шла общая беседа. Центром разговора, как ни странно, упорно продолжал оставаться Прокопенко, и не только центром, но и просто каким-то главным героем. Постепенно до сознания молодого консультанта стало доходить: счастливый семьянин решил принести большую общественную жертву. На предстоящем суде он покажет, что Карапет нанес удар Пызину совершенно открытой ладонью. Была пощёчина, и ничего больше.

Волчок осторожно встал и побрёл к себе. Ждал окрика в спину, но пронесло.

8

Суд состоялся вскоре в здании районного суда.

Шел дождь. Явились все “историки”, пришло много народу и из других “направлений” — “Биология” и “Искусство” в основном. Они толпились в тёмном дворе под подъездными козырьками, капли душили в глубокие, полные грязной воды асфальтовые выбоины, изъязвлявшие здешний асфальт. Михаил Михайлович Александров стоял под липой и под зонтом, показывая, что ему горестна данная ситуация и что он выше всего этого. Он и был на полторы головы выше любого из собравшихся, а при своём зонте вообще казался башней.

Пызин стоял в сторонке один. Он никому из близких не позволил прийти, хотя, по слухам, никто особо и не порывался. Всё же отстаивать честь битой физиономии через судебную тяжбу не рыцарство.

До того момента, как всех должны были пригласить внутрь, в тесные помещения районного суда, оставалось ещё несколько минут. Карапет Карапетович достал из кармана какой-то журнал, долго листал, оказывается, искал нужную страницу. Ему сунули в руку ручку, он что-то стал писать на открытой странице. Поднял голову в огромных очках, нашёл фигуру бывшего шефа и вдруг побежал к нему через опасный для передвижения двор, прямо так, с открытым журналом, ловя на него безжалостные капли.

Стараниями друзей, считавших Карапета безусловной жертвой, была срочно напечатана в журнале “Работница” его статья о княгине Ольге, доказывающая, что Карапет Карапетович был всё же хорошим специалистом по истории Древней Руси, с которым напрасно расстались из-за наглого комсомольского номенклатурщика.

Михаил Михайлович не сразу понял, чего от него хотят. В первый момент ему даже показалось, что его заставляют подписать какое-то письмо или расписаться в книге каких-нибудь почётных друзей армянского народа. Когда понял, в чём дело, выставил вперёд ладонь, отказываясь от подарка. К чему всё это? Не надо!

Но не отступать же было Карапету. Раз уж он решил показать, что, несмотря ни на что видит в своём бывшем шефе человека, заслуживающего уважения, то он сделает это. Сообразив, что в раскрытом варианте журнал вручить не удастся, он захлопнул его, бросив внутрь и ручку, и сунул подмышку той руки шефа, что держала зонт. И быстро ретировался, петляя между кипящими от капель дырами в дне двора.

Суд прошёл по предполагавшемуся сценарию.

Всё сошлось на допросе Прокопенко. С него уже слетел хмель решимости, весь мёд страдания за други своя он уже сжевал в предыдущие дни, и теперь ему было тошно. Бледнел, насильственно улыбался шуткам болельщиков из своей команды. Но всё сделал исчерпывающе.

Да, ладонь. Да, открытая.

Вот так открытая. Показал пятерню, картинно отведя, даже немного дурчаешь, с трудом удерживаясь от улыбочки. Вот этим движением, по щеке. На абсолютную серьёзность моральных сил не хватало. Русский человек (пусть и по фамилии Прокопенко), преступая закон, невольно начинает куражиться, потому что иначе не может преодолеть стыд перед собой, а потому со стороны выглядит особенно нехорошо.

Срок получился условный.

Пызин, проходя мимо Прокопенко, сделал ему под ноги сухой плевком. Воздушный поцелуй в негативном смысле. Отчего все болельщики стали Прокопенку обнимать, пожимать.

Тойво мудро посасывал трубку в сторонке.

Милован откупоривал бутылку шампанского, извлечённую как будто прямо из дождя.

Галка верещала.

К Михаилу Михайловичу подошёл маленький худой армянин и потребовал у него свою ручку.

Михаил Михайлович потянулся к проходившему мимо герою процесса, тоже всячески обнимаемому дружескими руками.

— Карапет...

— Что?

— Тут какая-то ручка, журнал какой-то, я не понимаю...

— У меня есть не только имя, уважаемый Михаил Михайлович, но и отчество.

Шеф выпучился каким-то безумным взглядом на бывшего клеветы.

Совместными усилиями ручка отыскалась.

Окончание неловкой истории тонуло в немного нервном веселье.

Вся команда поехала к Ларисе. Энгельс, Бережной, Лион Иванович, все, кто был настоятельно приглашён поболеть за нужный результат.

Когда весёлая толпа с пакетами и бутылками вошла во двор, со скамейки под липами, занимавшими середину темноватого двора, поднялись с разной скоростью две фигуры. Быстро встал пожилой человек бравого вида, замедленно — полный мальчик. Было понятно, что это Ларисины гости. Но они не бросились вперёд, не зная, как себя вести при стольких чужих людях.

Гости тоже остановились.

Лариса сделала по инерции несколько шагов вперед и окаменела. В голове у неё наступала неприятная ясность, в душе брезжило раздражение. Что за идиотская провинциальная привычка: приезжать без предупреждения. То есть, если ты написал две недели назад, что будешь в два часа четырнадцатого, и приехал в два часа четырнадцатого через две недели, это всё равно, что без предупреждения! Можно же было хотя бы позавчера позвонить!

Две группы молчаливых людей стояли по разным берегам мелкой, прозрачной лужи.

Этот эффект Лариса испытывала неоднократно при встрече с гродненскими родственниками уже на протяжении нескольких последних лет. И сейчас у неё, как и всегда, было полное ощущение, что отец приехал вместе с Перковым, этой жирной, подлой, бездарной скотиной. Только почему-то сильно уменьшившейся в росте. И с каждым годом ощущение будет усиливаться — сынок будет подрастать, уже сейчас он капитану до плеча.

— Здравствуй, папа, здравствуй, сын.

Лион Иванович на правах старого друга семьи на пятках форсировал лужу и занялся суматошными рукопожатиями и объятиями.

— Молодцы, какие молодцы!

— Мы писали, — сказал капитан через его плечо, обращаясь к публике, которой, как он чувствовал, ломает кайф.

— Знаю, — сказала Лариса, — я очень рада.

— Может быть, мы в следующий раз? — шепнула ей Галка на ухо.

— Ни в коем случае!

— Правда, правда, Ларис, сын, Ларис, отец, — забормотала толпа гостей, понимающе вздыхая. Многие сослуживцы были в курсе, что у неё где-то вдалеке растёт сынок, но видели его впервые. Волчок же не знал и внутренне ожил, не станет же она, при родичах...

— Да вы что, такой день!

подавив всеобщую неловкость своею бодрой волей, Лариса погнала всех в подъезд. Когда входили в лифт, обняла сына за плечо.

— Ну, как доехали?

— Хорошо.

— Как в школе? А, поняла, лето.

— Лето, — согласился сын.

— Как мама?

— Шпоры. Тоже хотела приехать.

— Вы на сколько? — Это уже отцу, капитану Коневу.

— На сколько скажешь.

Несмотря на огромные усилия, приложенные хозяйкой для организации весёлого, беззаботного застолья, ничего путного не получилось. Хотя отец охотно поднимал рюмки и чокался то с Милованом, то с Бережным, а сын Егор тихо сидел на кухне и беседовал с Мусей, соседской кошкой, разгон застолью не дался. Это стало ясно в тот момент, когда Лариса потребовала завестись песню “На границе тучи ходят хмуро” и попробовала солировать.

— Папа, ты же танкист! — укоризненно крикнула она отцу.

— Я пенсионер.

— На границе танки ходят хмуро, — скаламбурил сын космонавта и не заслужил поощрительного взгляда хозяйки, хотя обычно верткий, пошловатый юмор его ей нравился.

Галка выбежала на кухню подрезать колбаски. Сын сидел на стуле, глядя в окно на вновь начинающийся дождь. Короткие ноги в белых сандалиях висели не по-детски неподвижно.

— А ты чего здесь?

Он пожал плечами.

Галка, вернувшись, наклонилась к уху триумфаторши, которая в этот момент пыталась раскрутить новую ухарскую победную песню “Любо, братцы, любо, братцы, жить!”

— А чего это Егор на кухне сидит?

Лариса отбрила её убийственным взглядом, лидер машбюро поняла, что лезет немного не в своё дело. Лариса тут же попыталась вернуться в течение песни, но та уже успела как-то просесть без её непрерывного напора и теперь разваливалась. Лариса вышла на кухню.

— Ты что это здесь сидишь?

Егор и тут показал себя с лучшей стороны. Не стал маме напоминать, как она охотно согласилась, когда он сказал ей, что пойдёт на кухню. Когда они вошли в комнату, все уже стояли — пора расходиться.

— Нет, нет, нет! — закричала хозяйка, хотя и ей было понятно, что гостей обратно за стол уж не впихнуть. Было очень досадно, и главное — некого было обвинить в саботаже. Отец, ради компании, отвечал на все вопросы касательно новейшей танковой техники, возможно, даже заходя за грань военной тайны. Сын готов был сидеть в подполе, пока не разрешат появиться на свет.

И всё же Лариса была в ярости. Единственное, чем она могла гордиться, что ей эту ярость удастся сдерживать.

— Эх вы! — устало и разбито вдруг вздохнула вдохновительница сегодняшней победы. — Ну, тогда выметайтесь.

И она обняла за плечи двух приехавших к ней мужчин.

Лион Иванович, уже целуясь в дверях, шепнул Ларисе:

— Завтра же ко мне, устроим парню туда-сюда культурную программу. Зоопарк, планетарий...

— Да, дядя Ли, займись уж. Сам говорил — они же тебе как родные.

Но не одна лишь борьба за освобождение Карапета Карапетовича от уголовной ответственности занимала Ларису в эти дни. Развивалась в ней невидимая духовная жажда, и она искала случая её утолить.

Однажды Питирим и Энгельс предложили ей, “а поехали с нами”. “Куда?”. Оказалось, что в очень хороший дом. В районе старого Арбата. Буквально в двух шагах от Староколюшенного. Лариса всегда с большой лёгкостью откликалась на предложения “продолжить”, а тут ещё и интригующая география. По разговорам в такси Лариса поняла, что предстоит не рядовая попойка, человек, которым с ней хотят поделиться, важный и идейно, в хорошем смысле, влиятельный. Питирим рассуждал о нем, как и всегда обо всех, запростецки, но это не могло скрыть запрятанного в глубине пиетета. Энгельс, так тот просто сыпал дифирамбами. Было понятно, что её угощают редким московским блюдом.

Обычно, если преамбула так пышна, то сам спектакль разочаровывает. Но не в этом случае. Венедикт Дмитриевич Поляновский произвёл на Ларису огромное впечатление. Худой, седой, видный, улыбочивый старик в пристойно поношенном халате, шёлковой свежей рубашке приветливо принял молодых гостей. Они привычно протопали на кухню. Хозяина абсолютно не смутило появление винных бутылок из торбы Энгельса. Для себя он поставил чай. Впоследствии выяснилось, что он никогда не был пристрастен к вину, но спокойно переносил распивание его другими в своём присутствии. Как-то сам собой, ещё в процессе откупоривания, завязался очень существенный разговор прямо с выходом на самые главные темы, как будто в этом доме всегда поддерживалась, как огонь в печи, необходимая умственная атмосфера. Стоило гостю переступить порог, и его охватывало — а в чем смысл жизни?

Лариса была как губка, даже отключила автопилот кокетничанья и просто внимала. С первого раза в голове осталось мало, хотя голова и старалась. Русский путь, историческая роль православия, монархия и модерн, третий Рим или новый Иерусалим? Самым сильным моментом, кульминацией вечера было превосходное чтение пушкинского стихотворения “На взятие Варшавы”, с посвящением “русскому либералу”.

*Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды чистый лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.*

Как молния ударила в приподнятый винным паром разум.

*Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,
Когда полки бежали вскачь,
И гибло знамя нашей чести.*

— “Чистый лик” — это вы ведь от себя, да? Там ведь квадратные скобки вообще-то, — влез Энгельс, но Лариса так на него посмотрела, что ему стало стыдно за свою назойливую энциклопедичность.

Лариса прекрасно знала Пушкина, “Евгения Онегина” огромными кусками наизусть, даже лексически рискованную его лирику, но чтобы такое... Она засомневалась, спросить, или стыдно — где это напечатано? Но хозяин невольно пришёл ей на помощь, рассказал, что после публикации этого текста в сентябре 1831 года у него, текста, была сложнейшая судьба. Какие трудности приходится претерпевать при попытке заново предьявить его публике.

Лариса была поражена и восхищена. Она увидела и глубочайше осознала — вот оно! Ничего не было удивительного в такой мгновенной реакции. Все последние годы её бездумного, позорного бултыхания в жидком растворе мелкодиссидентствующей жизни в ней шло накопление нужных питатель-

ных элементов, они оседали на дне емкой души, и при попадании на это дно настоящего духовного семени произошёл резкий выход. Лариса ощутила что-то вроде тихой, просветляющей эйфории. Так далеко и глубоко стало видно, такая ясность соображения наступила, столько неразрешимых вопросов распутались сами собой.

Был и ещё один момент, дополнительно очаровывавший её как бывшую “упрямую дочь самиздата”: Поляновскому удалось самого Александра Сергеевича подать как запрещённого автора. Ещё со студенческих пор её приучали к мысли — читать имеет смысл только то, что гонимо властями. Гонимость была свидетельством настоящего литературного и идейного качества. Поляновский обеспечил этому пушкинскому стихотворению эффект двойной подлинности.

Она стала бывать у Венедикта Дмитриевича, сначала с Питиримом, явным любимцем хозяина, а затем и одна. И очень скоро эта сторона жизни сделалась для неё куда более важной, чем процесс Каранета. А стоило процессу завершиться успехом, как этот армянский камень легко скатился с её души.

Был подписан приказ о назначении Ларисы Николаевны Коневой на должность старшего консультанта. Через час после этого приказа последовало два заявления, от Голубева и Воробьёва, об увольнении по собственному желанию.

Михаил Михайлович, безрадостно подписывая их, поинтересовался, куда же пойдут его не самые худшие сотрудники.

— А вам не всё равно? — дерзко спросил всегда покорный Воробьёв.

Шеф стерпел этот тон и даже попытался сохранить интеллигентность, и сказал, что нет, не всё равно, ему приятно вспоминать годы совместной работы, и ему хотелось бы, чтобы такие хорошие работники, такие порядочные люди нашли себе достойное место и смогли...

— Успокойтесь, — презрительно выпятив губу, сказал Голубев, — мы уже давно поняли, к чему тут идёт, и, конечно, подумали о запасном аэродроме.

— А, так вам давно уже здесь... — Михаил Михайлович щёлкнул большими плоскими пальцами, подбирая слово.

— Нам не хватало вашего мужского поведения, — закончил Воробьёв, который, несмотря на более мелкую должность, был лидером в данной паре. Они гордо ушли.

Михаил Михайлович остался сидеть в полуразрушенном состоянии, пытаясь настроить себя против этой парочки.

— Мужское поведение... сдурели!

В разговоре с Милованом и Ларисой, который состоялся вечером того же дня, шеф довольно иронично отозвался о паре “лётчиков”. Ему, разумеется, утешительно было истолковать дело так, что не он их выдал, а они сами изначально поглядывали на сторону. В глубине души, если бы кто-то навёл резкость его зрения на эту проблему, старый морпех признал бы, что представляет причины и следствия местами, но ему не хотелось в глубины души, хотелось просто пристойного завершения этого месячного кошмара. О том, что Пызин тоже уходит, ему звонили из отдела кадров ЦК ВЛКСМ. И таким образом дело закрывалось. О том же, что зам заявил своим корешам в ЦК, что не желает работать с этим старым козлом-провокатором и антисоветчиком, Михаилу Михайловичу не сказали, щадя его возраст.

В своей раздумчивой медленной, мудрой по виду речи, обращённой к своим ближайшим соратникам по “направлению”, Михаил Михайлович долго и тщательно расставлял точки над “и”. Показывал умытые руки. “Они”, мол, сами все виноваты, и “голубые” братья с их высматриванием запасных аэродромов, и Пызин с его искажённым пониманием способов проведения национальной политики в органах культуры и науки.

Милован и Лара очень обрадовались услышанному, тут же дали понять шефу, что он видится им фигурой мощной, твёрдой, государственной, практически “ледоколом” нового идейного курса. К тому же и в высшей степени порядочным человеком, что им лестно трудиться под его руководством.

Сначала бывший аппаратчик Александров осторожно прищурился — что, мол, имеете в виду. Что за “новый курс”? И тут вдруг, неожиданно даже для Милована, считавшего себя более продвинутым в данной теме, Лариса взяла инициативу.

— “Новый курс” предполагает постепенное расставание со старой, партсоветской номенклатурной мишурой, сбрасывание ортодоксальной идеологической шкуры, плюс полный и тотальный отказ от низкопоклонного заигрывания с лево-либеральными, постеврокоммунистическими и педерастическими, неконформистскими и другими заграничными глупостями; отказ от публичной критики нынешнего режима с позиций “Голоса Америки”, а значит, ЦРУ, переход к его молчаливому патристическому перевариванию. Никакого социализма с человеческим лицом Горбачёва. Россия как высшая ценность. Новая государственность.

Михаил Михайлович откинулся на спинку кресла своей плоской, мощной фигурой, сдвинул брови на переносице. Милован искоса, с удивлённой улыбкой поглядывал на соратницу. Он тоже бывал у Венедикта Дмитриевича и знал происхождение этих формулировок.

— Вы понимаете, сейчас в обществе представлены всего две масштабных силы. Агонизирующий, скомпрометированный, высмеянный, выращенный в своей среде пять “пятых колонн” партаппарат. Партаппарат ещё силен, в нём гигантская инерция, средства, человеческий ресурс, но всё это тает, тает, скоро будет утрачена возможность адекватного управления всем этим монстром — СССР.

— А вторая сила? — спросил движением брови шеф.

— И огромный орден, класс, подвид, страта людей, выбирающих для себя totally бессоветскую жизнь. Этих людей не устраивает всё, не только сегодняшнее государственное здание. В очередной раз нам грозит разрушение до основания, и никто не хочет думать над тем, что будет затем.

— И как быть? — Михаил Михайлович смотрел на Ларису с таким искренним недоумением, что та даже чуть победоносно улыбнулась.

— Нам мыслится промежуточный проект. Капитальный ремонт. Обесочивание глобальной государственной постройки и наполнение её новой, подлинно народной русской жизнью.

— Народ! — кивнул Милован, которому больше ничего не оставалось. — Правильно и вовремя опознанная воля природного русского большинства.

— А если конкретно, то новое общественное движение могло бы называться просто и понятно: “Братья и сестры” — заключила Лариса.

— Это же какой-то сталинизм! — с сомнением выдохнул Михаил Михайлович, у которого голова неприятно кружилась ввиду открывшейся картины.

— Придётся по капле выдавить из себя шестидесятника, — было тут же сказано ему, и с таким пылом, что он закашлялся. — Только две идеи остаются не скомпрометированными на настоящий момент: православный крест и русский меч.

Михаил Михайлович разумно кивал. Он сделал для себя успокаивающий вывод, что молодые люди — это, как всегда, торопящиеся люди. Ему немного льстило, что его считают достойным подобных откровений, не сбросили ещё на свалку перестройки, и очень приятно было осознавать, что его поведение в недавней истории расценивают как подвиг выдержанности и принципиальности, а не как-нибудь иначе.

А что касается конкретных дел, движений “Братья и сестры”, “Дяди и тети”, всё это маячило в такой безопасной отдалённости... Он не стал спорить с молодыми друзьями, пусть думают, что он медленно дрейфует в направлении их берега.

Когда это ещё дойдёт до конкретных дел.

Лариса не дала завязнуть разговору в области абстрактных понятий и перевела разговор в практическую плоскость.

— Так что, должность Голубева теперь свободна?

Михаил Михайлович кивнул и тут же помрачнел.

— И вы ещё никому её не предложили?

— Я не считал возможным вести переговоры за спиной живого заведующего отделом.

Как всё же приятно иметь дело с порядочным человеком.

— А приказ о моём назначении старшим консультантом вы ещё не отправили в отдел кадров?

Тут Михаил Михайлович всё понял, и понял, что понял поздно.

10

Для товарища Александрова эта история неожиданно закончилась повышением. Видимо, кто-то наверху решил, что он с большим искусством вышел из истории с мордобоем на летучке, и его назначили главным управляющим ЦБПЗ. Теперь под его началом была не только “История”, но и Физика”, “Химия”, “Искусство” и даже “Сельское хозяйство”.

Он пытался отказываться, но, будучи существом номенклатурным, понимал, что это бесполезно, только тяжёлая болезнь может ему позволить увильнуть от нового назначения. В его положении были возможны только два варианта — или наверх, или на пенсию. Да, кроме того, говоря спокойно, сам факт повышения отвращения у него не вызывал. Некоторую тоску рождало предвкушение новых обязанностей, что помешает, обязательно помешает полнее отдаться давно задуманной работе — книге мемуаров о войне и послевоенном строительстве. Разумеется, включают ещё в полдюжины комиссий и коллегий. Но тут уж ничего не поделаешь, такова жизнь крупных начальников. “Попробуем работать по утрам”, — решил он, понимая, что даже не попробует.

Так или иначе, место товарища Александрова в “Истории” освободилось. Комсомольские кураторы долго тянули с назначением, скорей всего потому, что место начальника “направления” в ЦБПЗ потеряло привлекательность, и трудно было найти желающих. И Ларисе пришла в голову превосходная административная идея — почему бы не выдвинуть в начальники своего. “Кого?” — спросил Милован. “А того подполковника”. — “Реброва?” — “Ну да”.

У Венедикта Дмитриевича подвизался один симпатичный молодой отставник, очень тянувшийся к истинно историческому знанию. Автор простых, честных статей о русско-турецких войнах, печатавшихся от “Военно-исторического журнала” до “Москвы”. У Поляновского он получал редкие знания, а главное, новые идеи, и был за это истово благодарен. С открытым ртом смотрел своему герою в рот. Наверно, седому гиганту это надоело, и он как-то в разговоре проскользнул фразой о том, что подполковника неплохо бы приладить к какому-нибудь полезному месту. Лариса вспомнила об этом. Выяснила, что подполковник член КПСС, что было номенклатурно необходимо, и повела его вместе с Милованом к шефу.

При первом свидании он Михаилу Михайловичу даже понравился. Армейская выправка всегда идёт мужчине, и в отношении мужчины интеллектуального труда создает впечатление, что он способен мыслить чётко и конкретно. Почти всегда ложное. Михаилу Михайловичу, конечно, хотелось бы оставаться совсем уж над схваткой, но всё же без принесения каких-то жертв тут не обойтись. Хочешь пользоваться абсолютной и восхищённой поддержкой своего коллектива (а это так приятно быть живой легендой), изволь слегка подыгрывать обожателям. Тем более что с этим молодым подполковником они придумали хорошо: “А давайте, Михаил Михайлович, вы сами выйдете с его кандидатурой, не дожидаясь, пока там комсомолята в ЦК созреют с собственной. Причём не запросите, а заявите: вот взял работника. У них там голова идёт кругом, все перебегают из комсомола в ССОД, там будут крутиться главные деньги, а мы под шумок... Бумагу от Академии наук, что она, как всегда, на всё согласна, в три секунды организуем”.

— Это что, получается, я бунтую против комсомола?

— Да нет, вы показываете, кто в доме хозяин. Больше уважать будут. Все так делают.

Александров навел справки, выяснил, что подобные движения кое-где происходят. Старые ориентиры вроде бы никто официально не отменял, но между ними появились большие промоины, где шныряют с успехом для себя те, кто “понимает ситуацию”. Михаил Михайлович ситуацию до конца не понимал, поэтому решил поддерживать репутацию широкого человека. Давая волю “молодым ретроградам” у себя в “Истории”, давал волю и “пламенным ниспровергателям” в “Музыке”, которая теперь также была под ним. Там сидел худой, очень больной, абсолютно неуправляемый поклонник ленинградского рока. Михаил Михайлович, во-первых, ничего не понимал ни в ленинградском, ни в каком-то другом роке, во-вторых, сразу же почувствовал, что любая попытка вмешательства в деятельность “музыкантов” закончится чем-нибудь вроде самосожжения, поэтому сделал барственный вид — делайте, что хотите. Он попросил внучку Алёнку, солистку какого-то полудетского ансамбля, проконсультировать его по роковой части, так, чтобы в разговоре обнаружить достаточное знакомство с предметом.

Внучка посоветовала:

— А похвали, деда, Мамонова. — Кто такой? — А-а, такой, ревёт про цветочки. — Понятно. А что на Западе? — Ну что — “Битлз”. Они всё равно не поверят, что знаешь что-то другое. Ринго Старр. Пошутить, что тебе с войны нравятся барабанщики.

Заканчивая заседания главной дирекции “Музыки”, на котором он в процессе не издал ни звука, Михаил Михайлович произнес короткую речь. Начинаясь она фразой: “Ну, вернемся к нашим барабанам, как сказал бы Ринго Старр”. Заканчивалась: “И вообще, хотелось бы почаще слышать о “Звуках “Му-му””.

И покинул заседание. Все поняли — занятость!

Кое-кто, конечно, решил, что дедушка бредил, большая же часть скорее склонна была думать, что отставной генерал не так прост, как кажется.

II

Пока Михаил Михайлович зарабатывал себе авторитет на других этажах, в “Истории” продолжалась жизнь.

Милован опять развёлся, ночевал по друзьям, пил и от политических дел отошёл. Ребров попал под полное влияние Ларисы, что и понятно, две его попытки сыграть в какую-то административную самостоятельность она коварно скомпрометировала, используя своё знание местного психологического ландшафта и знание мужчин.

Вместо Воробьёва взяли мальчика после университета, хорошо одетого, неплохо образованного, улыбчивого и на всё готового. Он очень хорошо знал, что ему нужно. Он хотел должность консультанта в отделе, которым теперь руководила Лариса, и прямо взялся за дело. В отличие от ничтожного Волчка, непонятно чем озабоченного и чего боящегося, он не видел ничего особенного в том, чтобы завести роман с привлекательной тридцатидвухлетней начальницей. Он настолько открыто перешёл к ней в личное услужение, вплоть до того, что носил за ней портфель, что это даже не вызвало сплетён.

О чём судачить, если всё и так видно.

Бабич, такая у него была фамилия, постепенно брал на себя все внеслужебные дела начальницы: заплатить за квартиру, встретить родителей на вокзале, сходить в магазин за продуктами или в химчистку. Он часто бывал в жилище Ларисы, часто ночевал, но так до конца и не переселился. И обоим, кажется, устраивала некая незавершённость в отношениях. Разумеется, что при такой большой загруженности бытовыми проблемами начальницы на работе Бабич ничего не делал. Более того, никому бы и в голову не пришло этому удивляться.

Лариса относилась к нему как к своего рода комнатной собачке, иногда не удерживаясь даже от внешних проявлений этого отношения, но Бабич терпел. Была в этом положении своя выгода. Когда заболевает ваша собака,

вы оставляете все дела и занимаетесь её лечением. Однажды случилось так, что Бабич заугрюмел. Настолько явно, что даже Лариса заметила. В чём дело? Да ладно. Говори, в чём дело? Брат. Какой брат?

Брат Вася. На предьявленной фотографии изображен был худой мальчик, с несчастной бритой головой и затравленным взглядом.

Его надо было спасать.

Его забрили в армию. Он проходит курс молодого бойца. Их там муштруют. Заставляют раздеваться и одеваться, подъем-отбой, пока не сторит спичка в руках сержанта. А ведь он не просто так, он астроном... Погибнет мальчонка.

Лариса вдруг прониклась этой ничтожнейшей темой и решила вмешаться, несмотря на то, что была, как никогда, занята.

Ни одной свободной минуты.

Питирим и Энгельс, окрестив на квартире Поляновского Ларису в правильную идейную веру, впустили её в свой, до этого лишь угадывавшийся сквозь их поведение в ЦБПЗ мир. Они таскали её по довольно многочисленным компаниям, где собиралась “молодые капитаны” патриотизма. Это могли быть и кандидаты наук, борцы с норманнской теорией, и притесняемые в своих музеях рублёвоведа, заведующие редакциями больших издательств, и обозреватели газет и агентств, кинодокументалисты, только что прибывшие с Соловков или Валаама с поразительными плёнками. Попадались деятельные сыновья больших людей, тех, что почти из поднебесных слоев, дети членов большого ЦК, а то и кандидатов в члены Политбюро. Они вольнодумствовали против заявленного интернационального курса, проводимого отцами, отклонялись в чисто патриотическую сторону, вплоть до написания диссертаций о гоголевских “Выбранных местах”. Отцы их могли и не знать имён Ивана Киреевского, Шевырева и Леонтьева, и дети снисходительно прощали им их “ролевое поведение”. Тут никогда не доходило до решительного размежевания на отцов и детей. К тому же большие отцы своим отдалённым присутствием, как снежные памирские вершины, придавали определённый статус интеллектуальным играм “молодых капитанов”.

Это уже была, конечно, не богема. Люди типа Питирима, несмотря на всю свою яркость и интеллектуальную оснастку, там не правили. Там требовались немного иные качества: деловитость, практический ум, умение стать плечом к плечу, взять на себя какую-то будущую, ещё не вполне определённую ответственность. Бережной, Энгельс, несмотря на очень высокий уровень происхождения, сильно вредили своему образу каким-то излишним культурологическим трёпом, поминанием к месту и не к месту Розанова, портвейном, а то и совершенно неуместным эстетством. Отказывались вместе со всеми плевать осетриной при упоминании имени Набокова.

Да, да, и осетрина, и свинина с рынка были в изобилии. Сборища “молодых капитанов” происходили обычно не постно, а вполне наоборот. Выпивали хорошо, но чрезмерно. В разговорах и песнях заходили очень даже далеко, вплоть до Лавра Корнилова, да с таким общим воодушевлением, что иной член ЦК, прибредя к столу с другого конца бесконечной квартиры, только самую малость морщился, но протестовать не решался, боясь показаться ретроградом, когда воодушевлённо гремело: “Так за царя, за родину, за веру”.

Лариса до страсти любила эти сборища. Ей всякий раз казалось, что вот-вот, прямо сейчас сложится какой-то решительный, окончательный комплот, и пойдёт настоящее делание новой жизни. Она обычно подсаживалась к какому-нибудь самому чиновному из стариков (если дело происходило в номенклатурной квартире и хозяин снисходил до молодежного застолья) и заводила что-нибудь про фронт, да с таким жаром, как будто только что сама прибыла с последними сведениями из разбомблённого медсанбата. Вот только умылась и sprыснулась французскими духами и хлебнула трофейного “Наполеона”.

— Вот, — говорила она какому-нибудь заму председателя ВЦСПС, — вот неужели вы не понимаете, что сейчас опять у нас не страна, а сплошное Прохоровское поле?

Профсоюзный генерал ласково гладил её по атлетической коленке, а завтра говорил своему сыну или племяннику, что Лариса славная девушка, таких теперь уже не бывает. Какое горение, и как разбирается!

Так получилось, что Ларису, конечно, почти всегда приглашали на такие сборища растущих и перспективных, но при этом она с усугублявшейся досадой осознавала две вещи. Во-первых, вся эта патриотическая пластинка ходит всё по одному и тому же кругу, а во-вторых, и это было особенно обидно, её, в общем-то, принимая, даже обласкивая, принимают не совсем всерьёз. Не числится она на твёрдом счету среди членов невидимого тайного комитета зачинателей нового общенародного порыва. Роль её и заметная, и сомнительная. Сколько раз она намекала, что готова рвануть грудью вперёд на любые вражеские редуты, но ей, чуть поморщившись, намекали — пока ровнато.

Сломала голову, но додуматься не могла — в чём закавыка.

Но поставила себе целью, что поймёт, а, поняв, добьётся, и ещё заставит ныне сомневающихся мужчин извиняться.

Может быть, дело в том, что она тыкается в высшие штабные ряды без боевого приданого. У каждого там то дядя в верхах, то научный некоторый авторитет, то редакционное кресло, а у неё что?

И осознала через несколько месяцев: надо сколачивать свою стаю.

Выяснилось, что желающих вцепиться в хвост этой кометы хватает. Конечно же, и само собой, всё ребята с работы. За исключением Тойво. Да и чёрт с ним, чего можно ждать от эстонского курильщика!

Собственно, на мысль о “стае” натолкнул своим решительным переходом под её руку новичок, кудрявый Бабич. Сразу дал понять, и решительно, что он и оруженосец, и клевет, и нукер. Оказалось в нём сразу две пользы: хороший “комнатный” мужчина и орёл на посылках. Надо только о брате его Васе позаботиться, это будет такая плата за верность...

Оказался вдруг ведомым и остроумный, независимый Милован — такая выдалась полоса, один за другим произошли три сбоя с дамами: с женой, с любовницей, с докторантурой, тут поневоле захочешь прибиться к какому-то берегу.

Прокопенко. Ну, тут всё понятно, единожды сломанный ломаем до бесконечности. У него был старенький “москвич”, полученный в подарок от тестя. Так вот эта машина теперь обслуживала по большей части заведующую отделом Великой Отечественной войны. И что характерно, и сам Прокопенко, и его тесть, участник той самой войны, не видели в этом ничего особенного.

Волчок держался неподалёку просто в силу своей бесхребетности, уж лучше быть в привычной сфере влияния, а то окажешься вообще чёрт знает где.

Большим достижением была полная адаптация Реброва. Теперь ни одно решение в пределах “Истории” не принималось без консультации с нею, даже если инициатива исходила от самого Михаила Михайловича.

Да, в числе свитских, конечно же, должны быть упомянуты и Питирим с Энгельсом. Пьяницы, конечно, особенно первый, посему плохо управляемы. Пит вообще старался себя вести покровительственно, видя в Ларисе “хорошую бабу”, а не идеолога, но она соглашалась пока терпеть. Тем более что она всё же “росла”, а он потихоньку маргинализировался.

Этот пышный и весёлый двор жил по своим законам, представители его отпускались на время в семьи, на свои рабочие места, в командировки, в разврат, в запой, но главной своей частью они подвизались подле Лары.

Ярким моментом этого процесса явился “праздник миомы”.

Ларисе пришлось решиться на операцию. То, как и кто её организовывал, можно было бы рассказать, это интересно, но долго. Разумеется, что врач, делавший операцию по редчайшей по тому времени технологии, стал личным и бесплатным лекарем Ларисы, это можно было бы не говорить. Великолепен был сам первый выход победившей болезнь Ларисы в большое фойе хирургического центра. Да, она слегка сдала в выправке и осанке, но сколько прибавила во внутренней силе и пронизательности взгляда!

Десятки машин у подъезда. Десятки букетов внутри фойе.

Распорядительски реюющий над всем этим Бабич.

Шампанское. Аплодисменты.

Полное ощущение, что произошло рождение наследника в правящем семействе. Никакого значения не имело, что произошло действие, абсолютно противоположное родам. Человек, попробовавший на эту тему шутить, получил бы, пожалуй, и по физиономии.

Были все, кроме Тойво и Галки из-за отсоветовавшего мужа. Приехал на секунду и сам Михаил Михайлович.

Сила Ларисы была в том, что она не только умела принимать поклонение и подношения, она могла и рвануть на защиту, привлекая все силы и средства. Едва “встав на ноги” после операции.

Как раз выяснилось, что дела Васи Бабича стали совсем плохи. Выйдя из карантина, попал в очень плохую роту, где над ним форменным образом издеваются вот уже второй месяц. Как капитанская дочь, Лариса имела иммунитет к нытью, доносящемуся обычно из-за забора воинской части. Да, гоняют, через день на ремень, через два на кухню; да, ничего кроме холодной перловки и куска рыбы, похожей на кусок, оторванный от мумии на ужин; да, могут заставить бегать с зелёными веточками за окном, изображая для господина дембеля, прибавившего в казарме на втором ярусе расквашиваемой кровати, дембельский поезд, но ведь — не битва в окружении!!!

Но Бабич утверждал, что тут случай особый, какие-то нацмены сбились в шайку и навязывают свой шариат нашему уставу.

В одну секунду Лариса приняла решение.

Спустилась на два этажа вниз в “Армию”. Там как раз сидел и очень интересно рассказывал про современный ракетный крейсер уже тогда известный писатель Порханов. В течение трёх бутылок коньяка составила компания по спасению чести простого русского солдата из-под сапога плохих кавказцев.

Порханов спросил, где это?

Выяснилось, в суперсовременной танковой части. То есть в обмен на своё авторитетное участие он мог получить официальное право пощупать и погладить эти новые дивные машины.

Через Александра запаслись всеми нужными бумагами, получили в сопрождающие подполковника из ПУРа и на “рафике” со спецномерами рванули прямо в расположение соответствующего штаба в Подмосковье.

Некоторые служилые люди выражали сомнение в полезности этой акции, тем более проводимой с такой помпой. Мол, при встрече тамошние офицеры, конечно, пообещают помочь и разобраться, но когда общественная комиссия убудет, для младшего Бабича начнутся по-настоящему чёрные времена. Есть масса совершенно легальных сержантских способов просто стюнуть человека, не отступая ни на шаг от буквы строевого устава.

Лариса приняла эти сомнения как вызов и скомандовала — вперёд!

Военных раздражают проверки, они не любят гостей. А тут ещё баба, а тут ещё писатель и товарищ из политуправления. Было много церемоний.

Принимал командир полка. Уже седой, предпенсионный офицер. Отутюженный, настороженный. И его замполит.

Гостям показали казарму и койку младшего Бабича, сам он был в наряде, так было сказано. А всё же можно на него поглядеть, жив ли, попросил въедливый старший брат. Привели. Худой, испуганный мальчик в белом колпаке и чуть замызганном фартуке.

— Действительно в наряде! — сказала Лариса. — Ему идёт!

Она не заметила ужас, мелькнувший в глазах парня. Ибо не было ничего страшнее, чем наряд рабочим на полковую кухню. Из всех филиалов ада на земле это был самый-самый.

До того была прогулка вдоль секретных капониров. Новые машины осмотреть не дали, но дали послушать, как они режут на холостом ходу. Писатель потом так долго говорил о них, как будто не только слушал, но и фотосировал на одной из них Ла-Манш.

Обед накрыли в столовой, и тут Лариса сделала первый шаг к растапливанию льда в общении. Из своей изящной дамской сумочки она достала

бутылку французского коньяка, заставила старшего Бабича выпить компот из его и из своего стакана и плеснула сразу граммов по сто пятьдесят.

Комполка и замполит стали оглядываться. Дивизия гвардейская, обстановка служебная.

Лариса отпила чуть, одними кокетливыми губами, потом протянула остальное полковнику.

— Ну, что, дядь Лень, за наш гарнизон!

Что выяснилось? — полковник был сослуживцем капитана Конева по Слонимскому танковому полку, бегал у него в ротных. А теперь взлёт, столица, гвардия. Да, он вспомнил с весёлым удивлением шустрю девчонку-третьеклассницу.

Выпили, конечно.

Лариса и до этого случая замечала свой талант привлекать людей, и не вообще людей, а самых нужных и в самое нужное время. Но чтоб такое попадание...

Вторую бутылку от своих щедрот выставил замполит (разговор продолжился в более укромном месте — красном уголке), он всем своим видом намекал на происхождение из “прежних”, говорил “да-с” и подробно критиковал Тухачевского за его мечту превратить все трактора СССР в танки.

В какой-то момент медленно, как бы с уважением открылась дверь и вошёл генерал. В фуражке с высоченной (тогда так ещё не носили в советской армии) тульей, под козырьком горели глубоко посаженные глаза, поблескивали мужественные скулы и орлиный нос.

Офицеры косо вскочили. Но он милостиво сняв фуражку, обнажая причёску в виде стоячего бритвенного помазка, и представился — генерал Белугин.

Орел! — восхищённо подумала Лариса, а может, даже и произнесла вслух.

По правде говоря, генерал пришёл не к ней, он услышал о визите писателя Порханова. Он разделял его идеи “вечного вещества войны”, “нового технологического язычества” и “сакрального контрудара” и хотел увидеть мыслителя живьём.

Знакомство состоялось.

Генерал практически не пил.

Слушал снисходительно, но внимательно.

Не сказал ни одной банальности, которая как бы полагалась ему по чину.

Несмотря на то, что с угнетаемым бойцом всё решилось отлично — “если ему нравится эта форма (имелось в виду белое), пусть носит, хлеборез”, сказал дядя Ленья, — Лариса убывала из гвардейской дивизии в отвратительном расположении духа.

Генерал не обратил на неё никакого внимания. Хотя она была в полном порядке и знала это.

12

Конечно, “так” это оставить было нельзя.

Лариса снова нырнула в “Армию” к Полине Агапеевой, чрезвычайно деятельной и информированной тётке, которая и помогла ей с поездкой в гвардейскую дивизию.

Кто такой Белугин?

Полина — бывалая из бывалых — закатила глаза, мол, о, подруга, куда ты хватилась. Ничего у тебя не выйдет, дорогуша. Верный муж и верный зам начальника генштаба в недалёком будущем.

Рассказывай, рассказывай!

Выпивать девушки начали ещё семнадцатого августа. Бабича, мечтавшего зависнуть у неё в жилище, Лариса сурово отослала, чтобы не травмировать его своим интересом к другому мужчине. Сама она лишь пригублила и подливала подруге, чтобы разговорить её.

Рассказывай.

Полина была горда тем, что переспала почти со всеми командующими всех военных округов за последние двадцать лет. И с заместителями по политической работе. Лариса считала, что это обычное юбочное хвастовство, но подыгрывала подруге, зная, что, похваляясь, люди легче всего проговариваются. По роду службы — она побывала и референтом у одного из замов министра — Полине пришлось объехать десятки воинских частей, её любили за свойский характер и ценили за связи. Скольким она помогла выбраться из медвежьих углов на столичный паркет! Поговаривали, что у неё выход есть прямо в приёмную министра, она эти слухи не опровергала, хотя и не поддерживала.

— Так что с Белугиным?

— Говорю тебе, нет! Кремень. Наполеон. И в смысле Жозефины — обожает жену, и метит уж больно высоко.

— Но ведь орёл.

Полина кивала, в общем-то, да, многие увлекались, и даже, по слухам, кое-кто из заслуженных артисток Северо-Осетинской АССР...

Когда у Ларисы вся вышивка кончилась, Полина предложила катнуться к ней. На Можайку, пусть и не близко, но есть же такси.

Квартира у Полины оказалась четырехкомнатная, “упакованная”, просто хрустальная ваза, завернутая в ковер; раздвижные стеклянные двери, двухэтажный холодильник. Лариса даже стала думать, что история про командующих округами не такое уж враньё.

— А дети?

— Мои дети сами уже отцы. Разлетелись. Мне же сорок семь, баба ягодка совсем.

— И ты одна?

— Да ты что?! — усмехнулась Полина. Выяснилось, что мужик её где-то спит в глубине квартиры, и бояться его не надо, он даже если и выйдет, то отошьёт немного и в разговор не полезет.

Потом выяснилось, что его вообще нет дома. Он позвонил и сообщил, что внезапно вызван к месту службы. Выслушав это враньё, Полина повертела горлышком бутылки у виска — какая у него может быть служба? Восемнадцатого августа в ночь.

В общем, до конца дня они вырабатывали план атаки на Белугина, причём Полина всё больше пьянела и становилась, как бы сегодня сказали, всё более креативна, а Лариса трезвела и непрерывно мыла посуду, это всегда помогало ей сосредоточиться.

Перед отходом ко сну Лариса имела внутри себя целый архив на горделивого генерала.

Ранним утром следующего дня, выстоявшаяся под душем, спрыснутая чем-то вызывающе французским, взбодрённая чашечкой очень хорошего и крепкого кофе руководительница отдела ВОВ ЦБПЗ схватила такси у дворца спорта “Сетунь” и велела — “в центр”. Водитель долго мялся, но почувствовал, что такой клиентке не откажешь. Скоро стало понятно поведение таксиста. Параллельно его “жигулёнку” катилась по Можайскому шоссе в ту же сторону центра колонна танков и бронетранспортёров. Командиры машин торчали из люков, но в их позах отсутствовала горделивость.

— В чём дело? — спросила Лариса водителя. У Полины радио было отключено: “Чтоб не било утром по голове гимном”.

Тот объяснил — ГКЧП. Горбач к клетке в Крыму. Ларисе показалось, что к её волосам снова поднесли тот финский фен, которым она только что превращала в феерию свою причёску в роскошной ванной боевой подружки.

Дыхание истории. Не каждый способен его учуять. Не каждый учувший может правильно использовать.

— Гони! — скомандовала она водителю.

— Куда гони! Светофор!

— Какой ещё тут может быть светофор!

Она и в самом деле уже полностью мыслила поверх всех светофоров. Мысль неслась к пока неизвестным штабам, главное было успеть, промедление подобно позору. Секунда растерянности в решающий момент, и остаток жизни — догнивание в арьергарде.

Но водитель был прав — светофор!

Остановился не только он, но и автобус, из которого сверху вниз пялилось прямо на них неприятное бородатое лицо — Иван Грозный с тяжкого похмеля. Остановилась и колонна бронетранспортёров.

Внутри у Ларисы вдруг стало как-то гаснуть: колонна военной техники пропускает хлебовоз и “рафик”?!

Нет, обозналась, не ветер истории. Придётся ещё разбираться, что это за такое.

Хорошо, что хоть причесалась!

13

Михаил Михайлович сумел никак не проявить себя в период трёхдневного правления ГКЧП, поэтому у власти удержался. В чём-то его поведение напоминало поведение Горбачёва в Форосе, но поблизости не оказалось своего Ельцина, чтобы его наказать за политическую невнятность. Все либеральные активисты ЦБПЗ были фигурами мелковатыми, буфетными ораторами вроде Саши Белова, а руководитель “Музыки”, единственный, кто обладал тем, что впоследствии станут называть харизмой, слёг как раз с сильнейшим диабетическим ударом.

Позиции Ларисы в “Истории” пошатнулись, образовалась группа демактивистов, почувствовавших, что пришло их время, и не скрывавших, что они этому рады. Тойво, Галка, причём со всем составом машбюро и отдела писем, и, главное, вдруг — Ребров! Его можно было понять, ему захотелось своего шанса, вокруг кипела жизнь, возникали какие-то банки и банды, на волне антикоммунистической демагогии можно было сделать рывок вперёд. При этом он утверждал, что ни в коем случае не предавал “дело Поляновского”, но, правда, встречаться очно с Венедиктом Дмитриевичем не стремился. Глаза были всё время встревожены, Ребров жил как на бегах. На кого ставить? Он с блеском вышел из КПСС, не с таким, конечно, как Марк Захаров, спаливший паспорт в телевизоре, но всё же эффектно. Таких людей, сумевших срок своего пребывания в партии засчитать себе как политзаключение, было много. Особенным красавцем показал себя муж Галки, он свою учёбу в аспирантуре ВПШ конвертировал в приятельские отношения с самим Бурбулисом. Если, конечно, машинистка не преувеличивала. Галка стала себе позволять покровительственные жесты в адрес заведующей отделом ВОВ.

Тамила Ивановна перестала заходить к ней со сводкой неофициальных событий на территории “Истории”, хотя общий дружелюбный тон сохранила.

Ребров вызывал Ларису к себе “посоветоваться”, и идея у него была всё время одна: как бы побудить “старика”, то есть Михаила Михайловича, к какому-нибудь более решительному проявлению положительных чувств в адрес новой власти.

Да, ГКЧП он вроде бы не поддержал, но осудил всё же чуть поздневат, когда это был просто голос в общем хоре. Сейчас бы надо не скрывать своих передовых настроений.

— Ты же можешь на него повлиять.

— В смысле?

Ребров вскочил, прошёлся по кабинету. Лариса презрительно следила за ним тяжёлым взглядом.

— Ну, хотя бы из партии, он мог бы... ты понимаешь?

— Нет.

Ребров рухнул в кресло свернулся в нем личинкой, но тут же выпорхнул серой бабочкой.

— Ты пойми...

— И ты пойми, он боевой офицер, ветеран войны, он вступал в эту партию на фронте. — Лариса не знала этого наверняка, но считала, что имеет право на такое полемическое преувеличение.

— Да это всё, конечно, — кривлялся зам. — Но только его осознанный, такой демократический жест...

Лариса мрачно покачала головой и вышла вон, не скрывая возникающей неприязни к собеседнику.

— Что-то надо делать с этой сукой! — жаловался Ребров в тот же вечер одному из понимающих комсомольских менеджеров средней руки. Он наладил свои тропы в дом на Маросейке.

Тот отмахивался и вздыхал.

— Лучше не связывайся, само отомрёт. Как и твой Михалыч. Это уже близкие дела. Лучше наливай.

Ребров и сам чувствовал, что за Ларисой что-то клубится. Да, все эти специалисты по Михаилу Тверскому и любители Лавра Корнилова пока тихо попрятались в поры старой жизни ввиду новейших политических мод, но погасли ли они окончательно? Он искренне, со всем вятским коварством ненавидел эту старомосковскую снобь и даже хотел бы отомстить за то, что вынужден был перед нею в своё время пресмыкаться, но трусил. Его звали на хорошее место в новый ловкий банк, а он боялся расстаться со своим здешним мелким, но прочным местом.

Сердце разрывалось меж двух карьер.

14

У Ларисы было такое впечатление, что крутнули гигантский калейдоскоп, и теперь она с удивлением рассматривает новый глобальный рисунок жизни. Прежде у неё было ощущение, что она один из самых всё понимающих и решительно действующих людей, и ей было неприятно осознавать, до какой степени почти все остальные оказались больше готовы к переменам, чем она.

Впрочем, не все.

С некоторым даже интересом она обнаружила, что у её ног по-прежнему толчется стайка ценят мужского пола. Они не разбежались, им легче пережить смуту поблизости, в надежде, что она придумает, что и как делать дальше.

Ну, с Бабичем у них был медленно мерцающий брак, даже произошло какое-то сближение с семейством. Отец “супруга”, молодой, ещё крепкий, нахрапистый мужик, директор мясокомбината, очень к ней благоволил и даже вроде как шутливо ухаживал. Всё понимал: “поматросишь ты моего парнишку и бросишь”. Лариса и не скрывала: никакого по-настоящему прочного союза она себе здесь не планирует. “Тогда отрежь и отринь”. Лариса честно пробовала, несколько раз заводила разговор о том, чтобы Бабич-младший поискал себе настоящую жену. Всё это делалось спокойно, без всякого надрыва. Так герцогиня побуждает жениться своего надоевшего любовника-конюха на камеристке.

Прокопенко и Волчок держались на некотором расстоянии, но не потому, что отказались от старшей подруги, а просто не знали, как себя вести. И стоило прозвучать первому её конкретному окрику, тут же встали в позу прежнего подчинения.

Прежде Лариса их гнобила и шпыняла, обвиняя в самодовольстве и предательстве, теперь отложила кнут. “Настоящее достоинство — это достоинство, сохранённое в поражении”. — Такая у неё теперь была формула.

Молодые люди, как подавляющее большинство жителей страны, были жителями политического болота. Им противно было, задрав штаны, бежать за Собчаками, но и свинцовые мерзости старых партийных порядков были отвратны. “Открытая часть закрытого партсоборания”. “Да здравствует братство республик-сестёр!” Такое, конечно, хотелось забыть. Но и новое не восхищало. Они просто кивали напористому телевизору, да, да, победа, но не обнаруживали внутри источника истинного ликования.

Противно и тяжело быть никем.

А тут вдруг оказалось, что они не просто так, не мусор в щелях истории, а носители подлинного, обиженного благородства. Они что-то вроде

партии, временно отошедшей с передовых позиций. Бинты на ранах после совместного поражения связывают крепче, чем флаги общей победы.

Таким образом, влияние Ларисы в “Истории” стало, с одной стороны, слабее, но с другой — как бы и сильнее. Если раньше сбежать из-под её колпака было делом почти желанным, то теперь представлялось практически немислимым. Всё равно что бросить раненого друга.

Разумеется, и Милован, получивший страшный печатный нагоняй за несвоевременную статью про своего кормильца Булгарина, кажется, в “Московских новостях”, тянулся туда же. Причём, как и все очень образованные люди, считал, что именно он является и мозгом кружка, даже не представляя, до какой степени это не так.

Бережной и Энгельс также стали залетать на огонёк всё чаще. Причём с ними присоединилась ещё одна мощная линия. В “Историю” стали заглядывать священники. В прежние времена привлечь к работе ЦБПЗ священнослужителя, тем более официальным порядком, было невозможно. Бережной с Энгельсом хотели, но терпели. Теперь же — свобода!

Физики и химики потащили экстрасенсов, инопланетян, гадалок, свидетелей падения Тунгусского метеорита.

Армейцы — бывших офицеров Иностранного легиона.

Историки — священников.

Теперь каждое застолье было как бы освящено, и рядом с Че Геварой появилась икона.

(Продолжение следует)

ЮРИЙ ПЕРМИНОВ

НЕБЕСНЫМ РАДУЮСЬ
ДАРАМ

* * *

Не объявшая холодом город,
а та,
что серебряным светом стекла с небосвода, —
в нескончаемых
окнах
сквозит немота
первых дней незнакомого — нового — года,
проступившего сквозь високосную тьму
(был и свет,
от которого... тоже знобило):
он готовится к первому Слову — к тому,
что вначале —
родное, бессмертное —
было.

ПЕРМИНОВ Юрий Петрович родился в 1961 году в Омске. Автор шести книг и многих публикаций в журналах "Наши современники", "Москва", "Роман-журнал XXI век", "Новая книга России", "Север", "Сибирские огни", "Алтай", "Простор". Член Союза писателей России. Главный редактор газеты "Омское время".

* * *

Земной — небесным радуюсь дарам...
Вот почему,
 когда
 (ещё ни разу
не злился!)
 дворник будит по утрам,
я благодарен дворнику Ниязу.
Он стал настолько местным, что уже
не душит — не беспочвенная! — злоба
живущего на первом этаже
зашитого от водки
 ксенофоба.

Всегда бы так —
 по крови не родным —
встречать рассветы нам: по-человечьи,
когда о том, что тесно под одним
на всех бессмертным
 небом,
 нет и речи.
Так почему бы — вовсе не родне —
нам, смертным, не порадоваться разом
дарам небесным?
 В целом — жизни? —
 Мне
и ксенофобу с дворником Ниязом...

* * *

Старик всегда встаёт ещё до солнышка —
со вздохом,
 замирающим в устах.
Живёт один: друзья его
 и жёнушка-
лебёдушка — давно
на небесах.

Растил детей, да где они? Отечеству
служил,
 греха не ведал за собой...

Не охладел он сердцем к человечеству,
но люди в целом — кажутся толпой.

И, выбрав жизнь по дням-крупичам дочиста,
ещё идёт он, старче, по тропе
судьбы немолчной...
 Чувство одиночества
острее ощущается в толпе.

* * *

Из Сибири в солнечную Азию
улетают пасмурно скворцы...

Мама заготавливает на зиму
перцы, помидоры, огурцы...

— Солнышко моё, не беспокойся, не
надо, коль неможется...
Она

говорит:
— До следующей осени
доживу, сыночек мой, — должна! —
чтобы снова к зимушке готовиться...

Выбелит опавшую листву
изморозь под окнами...

Бессонница...

— Доживу, сыночек, доживу...

У НАС...

Гулял всю ночь — домой вернулся целым
и невредимым...

Чаю под рассвет
попил...

У нас, в отличие от центра,
своих не бьют,
чужих, похоже, нет.

Зло не пристало к нашему посёлку:
без доброты нам — жителям — никак...

Собаки наши — добрые, поскольку
других у нас не водится
собак.

В мороз — тепло, в жару у нас — не душно.

У нас — как воплощенье
естества —
всегда жила церквушка, потому что
здесь не было не помнящих родства.

* * *

С чего приуныл, гастарбайтер? Похоже, на шее —
семья,
а семья — это, в целом, почти что кишлак...

С таким вот Наврузом — давно это было — в траншее
курили на пару мы злющий солдатский табак.

Давно это было, но — было...

Сейчас бедолагу
почти не узнать...

Неужели — тот самый Навруз?
Не ты ли, со мной — русаком — принимая присягу,
покаялся — Джафар? — защищать нерушимый Союз
республик свободных?..

Сейчас ты об этом не вспомнишь...
Кем стали —
к чему нам утаивать шило в мешке? —
присягу нарушив? —
Ты — “чурка”,
я — “русская сволишь”.
Но... нечего делать, Навруз,
мне в твоём кишлаке...

* * *

Запахнута, как душегрейка на вырост,
заря на окраинном тихом леске.
Смирненно вдыхает предзимнюю сырость
посёлок, живущий в любви — и в тоске.

Мы зубы по новым законам на полку
кладём,
но любовь нам Всевышним дана
для жизни...
Из шумного центра к посёлку,
и к русскому небу — дорога одна.

* * *

Молчит о чём в автобусе вечернем —
о том, что ждёт, не ждёт ли, впереди? —
девица с парнем, бабушка с печеньем,
кондуктор с тощей сумкой на груди,
хмельной мужик, партиец чей-то с пачкой
листочков (он протестами пропах)?
Молчит гражданка с комнатной собачкой,
молчащей у гражданки на руках.
Молчит абрек суровый — губы в жире
от шашлыка... Молчит юнец, жуя
резину...

Нынче в каждом пассажире
родного человека вижу я.
Пусть век наш громкий сжалится над ними,
вдохнёт в молчащих бодрости заряд...

Надеюсь, что останутся родными
они потом. Когда заговорят.

* * *

Не сумели в оборот мою
черти душу взять...
Спою
песню — русскую народную —
“Светит месяц...”, как свою.

Месяц в небе — словно печево.
Снова песню затыну...
Мне делить с народом нечего —
что со мной делить ему?

Спел, как мог.
И — тихо в комнате.
И в посёлке. В общем, тут —
дома...
В нашем тихом омуте
черти долго не живут.

* * *

Мухи летают, рождённые гадить, как пули...
Только и слышно:
о ценах, долгах, о погоде...
Где благолепие сущего? — Не во саду ли,
что возле дома? Точнее сказать, в огороде.

Там — в огороде — съедобная зелень
на зависть
агрочучмекам,
которым — что “сикось”, что “накось”,
лишь бы навар...

Алкаши торжествуют, позарясь
на дармовую, по их разумению, закусь.

Ша, куршавели, рублёвские фифы да ницы! —
Жданки проели мы, вот и живём на полушку,
но и от слез на клочках огородной землицы —
возле “хрущоб” — зеленеет родная петрушка!

* * *

Когда притащат на шемякин суд,
я так скажу: “Не взять меня — живого! —
в Любви одной
увидевшего суть
того, чем жив.
И в корочке ржаного”.

Я дни свои не складывал в уме
и на бумаге — стопкой на комод.
Кто выжил на свободе, как в тюрьме,
тот проживёт в тюрьме, как на свободе.

АНДРЕЙ ВОРОНЦОВ

ЧЕЛОВЕК В ЗЕЛЁНЫХ ОЧКАХ

РАССКАЗ

Я повстречал этого слепого старика несколько лет назад на узких улочках крымского Симеиза. Было ему лет восемьдесят или около того. Ходил он, как и все незрячие, выстукивая дорогу тонкой палочкой, и носил круглые зелёные очки в допотопной — может быть, роговой — оправе. Столь же древним был его костюм, — точнее, не костюм даже, а санаторная холщовая пижама с жирным штампом на нагрудном кармане: “Сан. им. XXII партсъезда”. В остальном он ничем не отличался от слепых, когда-либо встреченных мною в жизни, за исключением одной странности, относившейся, впрочем, не столько к самому старику, сколько к окружающим его людям.

Обитатели Южного берега Крыма, особенно пожилые, в большинстве своём люди доброжелательные и внимательные к калекам. В том же Симеизе сидит на тротуаре возле кафе “Виноград” безногий баянист, нестарый ещё алкоголик. Играет он плохо, поет ещё хуже (никогда не слышал, чтобы он исполнил хотя бы одну песню до конца, даже “под заказ”). Местные ему денег не подают, но подкармливают. Всегда стоит перед ним мисочка с едой, вынесенная из кафе поварихой или официантками. А если ему надо перебраться на костылях через заполненную автотранспортом Советскую улицу, чтобы в забегаловке напротив промочить горло, неизменно находятся добровольные регулировщики движения. Тем удивительней, что слепому дряхлому старику, который не пил вмертвую, как безногий баянист, не орал чепуху и не спал прямо на тротуаре, симеизцы переходить улицу не помога-

ВОРОНЦОВ Андрей Венедиктович родился в 1961 году в Подмоскowie. Окончил медицинское училище, работал фельдшером на “Скорой помощи”, одновременно учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Автор романов “Огонь в степи” (“Шолохов”), “Тайный коридор”, “Необъяснимые правила смерти”. Член Союза писателей России.

ли! Во всяком случае, я этого не видел. Обычно помощь слепому на перекрёстке предлагали отдыхающие, которых отличить по внешнему виду от крымчан не составляет труда. Другая странность — южане общительны, все в маленьких курортных городках — приятели или соседи, а со стариком в зелёных очках никто не перебрасывался и полсловечком! Местные, и стар и млад, смотрели на него, словно сквозь пустоту. Можно было подумать, что для них он не слепой, а невидимый.

Проще всего было бы прямо спросить у кого-нибудь о причинах такого отношения, но я стеснялся, не будучи полностью уверен в объективности своих случайных наблюдений. Вероятно, строил предположения я, у старика нелёгкий характер, он часто ссорится с людьми, поэтому они не хотят входить с ним в контакт даже по мелочам. Есть такое эгоистическое свойство у современных людей, породившее поговорку “а ля Жванецкий”: “Ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным”. Не скажу, чтобы это объяснение меня удовлетворяло (ведь есть же элементарное человеческое милосердие, которое выше бытовых предубеждений!), но других я не находил. Тем более что через некоторое время, когда я стал постоянно жить в Симеизе летом, моё предположение в каком-то смысле подтвердилось.

Дело было во второй половине августа, на праздник Преображения Господня. Он отмечается в честь чудесного события на горе Фавор, когда Иисус Христос явился Своим ученикам с лицом, сияющим, как солнце, и в одеждах, белых, как свет. В этот день в церкви происходит освящение плодов. На юге они особенно изобильны и живописны. Стол возле “кануна” завален багровыми и ярко-жёлтыми персиками, словно распираемыми изнутри — того и гляди, брызнет — сладчайшей плотью, огромными пепельно-синими сливами, неказистыми на вид, с робким румянцем, но ароматными и сладкими крымскими яблоками, восковыми, точно тающими у тебя на глазах грушами, яйцеобразными, сморщенными, фиолетово-чёрными снаружи и альбыми изнутри смоквами, которые называют ещё инжиром, кулачковыми бахчисарайскими дынями, тёмно-зелёными продолговатыми херсонскими арбузами, розовыми, бокастыми, согнутыми внутрь, как боксёрские перчатки, помидорами “львиное сердце”, крепкими пупырчатыми огурцами и, конечно же, виноградом. Его особенно много, потому что именно об эту пору он созревает. У нас Преображение — это Яблочный Спас, а в Крыму, скорее, Спас Виноградный.

Сейчас в Симеизе возведён на Красной горке новый одноглавый храм-красавец в псковском стиле, золотой купол которого отлично виден и снизу, от моря, и сверху, с трассы Севастополь—Ялта. Он ещё не совсем отделан изнутри, в нём нет ни пола, ни иконостаса, ни царских врат, ни паникадила, но даже в самый знойный день внутри не жарко и легко дышится. А в описываемую мною пору Покровская церковь размещалась на первом этаже сложенного из дикого камня старинного двухэтажного домика в начале Советской улицы. К храму примыкала покосившаяся застеклённая веранда, служившая притвором, и открытая галерейка, увитая диким виноградом. Окна веранды выходили на восток, поэтому в церковке уже с утра всегда было жарко и очень душно, а что уж говорить о таких праздниках, как Преображение, когда храм до отказа набит народом! Платок, которым я отирал пот с лица и шеи, был насквозь мокр, хоть выжимай. Некоторые люди не выдерживали духоты, выходили на веранду, где, впрочем, было немногим легче. Но особенно тяжко, конечно, приходилось в крошечном алтаре священнику, отцу Евгению, и алтарникам. Мы-то все стояли в легких одеждах, а они служили в полном облачении!

Закончился евхаристический канон. Отец Евгений приступил к исповеди. Те, кто не исповедовался, в том числе и я, поспешили выйти наружу, подышать.

Напротив меня расположилась на перилах галереи компания — парень и две девушки, лет по шестнадцати-семнадцати. Они были, что называется, “невоцерковленными”, но на удивление терпеливо и смиренно, без обычных для молодёжи такого рода шуточек, смеха и тычков в спину простояли на веранде всю службу. Теперь им, особенно парню, хотелось размяться, подвигаться, но двигаться на узкой галерее, ограниченной с одной стороны кро-

шечным садиком, а с другой — проходящей внизу улицей, было негде. Парень ёрзал по перилам, сидел то прямо, то боком, а потом и вовсе свесился наружу.

— Ва-ау! Зырьте, что я нашёл! — вдруг крикнул он и, балансируя, вытаскивал откуда-то снизу, из увядших уже вьющихся лоз, здоровенную кисть винограда. Тут же и отведал:

— Сладкий!

Его подружки тоже попробовали и вмиг очистили гроздь.

— Ой, как классно! — воскликнула одна из девушек. — Мне так пить хотелось, думала, умру, а тут вдруг виноград откуда-то взялся!

Парень снова свесился вниз и сорвал ещё одну тяжёлую кисть, потом другую, третью...

Уже началось причастие, а я всё стоял и смотрел на них, не веря своим глазам. Они уплетали за обе щеки настоящий, крупный, просвеченный насквозь солнцем, как на картинах Сильвестра Щедрина, виноград да ещё приговаривали, что он сладкий! А я-то полагал, что галерея увита диким, несъедобным виноградом! А ещё я полагал, что вырастить съедобный виноград на крохотном городском клочке земли, больше напоминавшей пыль, невозможно. Одно из двух: либо сладкий виноград в этих благословенных широтах вызревает сам по себе, буквально на камнях, либо я стал свидетелем чуда, когда Господь, словно во исполнение Своих слов: “Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь”, вознаградил этих девушек и парня за терпение на литургии в день освящения плодов!

Не знаю, служба ли на меня повлияла, но я больше склонялся ко второй версии, тем более что я никогда не видел, хоть и жил в Симеизе в июле-августе не первый год, никаких плодов на увивающем церковную галерею винограде. А может быть, эта молодёжь просто забавляется, разыгрывая публику, и ест принесённый с собой и заранее спрятанный в сумке за оградой виноград? Проверить это было несложно, но высовываться за перила, подобно парню, мне было неудобно. Поэтому я тихо спустился с церковного двора на дорогу, прошёл под стенку палисадника, на которую небрежно, как отброшенная со лба прядь волос, свешивались перепутанные лозы.

Я не увидел таких крупных кистей, что вытаскивал парень, но мне сразу бросился в глаза опаловый блеск отдельных виноградин среди ржавых резных листьев. Я их сорвал и, почистив от дорожной пыли, попробовал: они, действительно, были сладкими и восхитительно ароматными. Враз опьянённый этим дивным вкусом, как глотком вина, я побрёл вдоль увитой виноградом стены из камня-дичка, невольно ища глазами цельную гроздь, но не нашёл и с грустью подумал, что Господь даровал мне только то, что я заслуживаю. Вот если бы я не усомнился, не стал бы подозревать молодёжь в розыгрыше или размышлять о неведомых мне особенностях вызревания винограда в Крыму, тогда, глядишь, и получил бы гроздь... А так — две-три виноградины... Но и за это спасибо. Проверить на вкус чудо суждено не каждому.

Я собирался повернуть обратно, как вдруг увидел знакомого слепого старика в зелёных очках. Он стоял прямо под распахнутым окошком церковной веранды и, казалось, прислушивался, вытянув тощую морщинистую шею, к пению из храма: “Тело Христово примите, источника бессмертного вкусите!”. Мимо него в опасной близости проносились автомобили, — тротуара тут не было.

Я почувствовал жалость к этому одинокому, увечному, почему-то никем не любимому человеку. Что он здесь делает? Может быть, он ощущает на склоне лет потребность в вере, но не смеет или стесняется войти в храм? А может, он просто уткнулся в стену на этом самом узком и опасном для пешеходов участке дороги в Симеизе и не знает теперь, как отсюда выбраться?

Я подошёл к слепому:

— Извините, могу ли я чем-нибудь вам помочь? Вы ищете вход в храм?

Он повернул голову ко мне, зашевелил обдуленным на солнце носом, точно принюхивался.

— Приезжий, — шамкая, сильным голосом уверенно определил он. — Из Москвы?

— Да, из Москвы.

Старик помолчал, потом спросил:

— Что ж — хорошо там?

— В Москве?

— Да нет, — усмехнулся он одной стороной беззубого рта, — в храме этом, вход в который, по-вашему, я ищу.

— Ну, смотря что вы имеете в виду. Физически стоять там тяжело — слишком маленький, не проветривается.

— Понятно. А людишки набились в него, как сельди в бочке. Батюшке-то богатые люди дали денег на новый храм, а он домик себе построил.

— А вы что, его видели, этот домик? — необдуманно задал я жестокий для слепого вопрос и внутренне осёкся.

Старик непостижимым образом уловил эту мою заминку.

— Не беспокойтесь, — снова криво ухмыльнулся он. — Да, я не вижу. Но очень хорошо слышу. Каждый шепоток слышу.

— В таком случае, не слышали ли вы шепоток, что на Красной горке батюшка строит новый храм?

— Да, говорят, положили там плиты под фундамент. Только вы уверены, что это для храма, а не для нового домика?

— Лично я уверен, — сказал я, не вдаваясь в объяснения.

Но старика такой ответ не удовлетворил.

— А почему вы уверены? — допытывался он.

— Потому что это место освятили как будущий храм и установили там крест. Ни один священник не решится теперь строить там дом.

— Вы так думаете? А рядом с церковью он может построить себе дом?

Я не ответил. Ехидный релятивизм деда мне уже успел надоест. Я начал понимать отношение к нему местных. Но всё же не хотел уподобляться им.

— Вы стоите прямо на проезжей части, — заметил я старику. — Большой автобус или грузовик может просто расплющить вас по стене. Если вам надо выбраться отсюда или перейти на другую сторону улицы, то я вам помогу.

— Я без малого шестьдесят лет перехожу с палочкой эту улицу. Пока никто меня не расплющил. Вы думаете, я не услышу автобуса или грузовика? Я слышу его ещё от Алушки. А выбраться я могу без всякой помощи из любой точки Симеиза. Я здесь каждый камень знаю.

“Но не по этой же причине симеизцы не помогают вам?” — вертелся у меня у меня на языке вопрос столь же жестокий, как и про “батюшкин домик”, но я, слава Богу, не задал его.

— Я просто стою здесь, слушаю, — счёл, наконец, необходимым объяснить своё поведение слепой. — Про “источник бессмертный” и тому подобное. Ну, вкусили они этого источника. А зачем? Сами-то они не бессмертные.

— Телесно — да. Но христианство учит о бессмертии человеческой души.

— Чьей души?

— Как это — чьей?.. Моей, вашей... каждого человека на земле.

— Каждого-каждого? Значит, все мы бессмертны — и те, что уже умерли, и те, что ещё не родились?

— Ну да, все.

— Не представляю, — насмешливо покачал головой слепой. — Не представляю, как эти все души учитываются в небесной канцелярии, и где они там размещаются. Вот, допустим, что вы вечный, а остальные все умирают. Да вы на сотом человеке и фамилии их перестанете помнить. А тут, — он ткнул пальцем в окошко церковной веранды, — учёт ведётся только по именам! Вот в прошлом месяце они праздновали Петра и Павла. Вы что, хотите сказать: души всех Петров и Павлов бессмертны?

— Думаю, всех.

— Да ерунда всё это. Не верю. Только эти оба и бессмертны, только их и помнят по именам.

— Кто помнит?

— Ну, кто? Люди, Бог этот ваш, дьявол — не знаю, кому ещё надо нас помнить.

— Мне кажется, дело обстоит несколько иначе. В чём смысл крещения людей по именам? Если вы крещены в честь апостола Петра, то он и есть ходатай перед Господом о вашей душе, и о душах других Петров тоже.

— Как крёстный отец, да? Только и он, я думаю, на сотом Петре забудет, кто есть кто.

— Не забудет. Обыкновенный выпускник духовной академии обязан помнить всех земных предков Иисуса Христа, всех библейских пророков и всех епископов, которые жили до разделения Церквей. Это сотни имён! А апостол Пётр — не выпускник духовной академии, берите выше. Он святой.

— А я вам вот что скажу про этих Петра и Павла. Один из них предал Христа, а другой, может быть, судил. Немного чести Петрам и Павлам, что у них такие защитники!

— Но они сами прошли через муки и смерть, — напомнил я.

— Да, прошли, потому что решили вкусить “источника бессмертного”, о котором там поют, — кивнул в сторону храма слепой. — Прославиться, стало быть. Ведь помнят только тех людей, которые совершили великие подвиги или великие преступления. До остальных никому нет дела. Ну, слава за самое великое преступление досталась Иуде, Пётр и Павел тут сбоку припёка. Вот и решили они совершить великий подвиг, чтобы прославиться навеки.

— Неужели вы думаете, что в этом трошаре — “источника бессмертного вкусите” — речь идёт о славе?

— А о чём же? Разве есть ещё какое-нибудь другое бессмертие? “Вкусите славы Иисуса Христа” — вот что поют они... Для них она — источник бессмертия. Потому что бессмертия для всех не бывает, как не бывает для всех на земле богатства и счастья. Кого помнят люди, тот и бессмертен. А тем, кого не помнят уже родные внуки, и бессмертия-то никакого не нужно. Чего им там летать в небесах в одиночестве, таращиться на забытую их Землю? Так что батюшка прав, если вместо церкви построил себе домик, — неожиданно заключил слепой.

— При чём здесь домик? — удивился я.

— А при том. Бессмертие — это казарма какая-нибудь в небесах, где души простых людей разложены по полочкам-нарам. И только начальники живут в своих домиках. У них и здесь были хоромы, и там будут. Откуда, вы спросите? Из нашей памяти! Они строят себе домик в вечности из нашей памяти о них. А у безвестного бедолаги какого-нибудь, если здесь ничего не было, то там и подавно не будет. Поэтому, если есть возможность построить в этой жизни домик, то обязательно надо строить.

— А если нет такой возможности, надо украсть?

— Надо украсть. А то у тебя украдут — бессмертные эти.

Конструкция здешнего и загробного миров, предложенная человеком в зелёных очках, была грубой и прямолинейной, но я не нашёлся сразу, что ему возразить. Моей христининой пятой было писательство. Если бы я твёрдо, как и положено христианину, верил в личное бессмертие, то давно бы уже перестал переводить бумагу. Во всяком случае, не сделал бы писательство своей профессией. Наверное, нет человека, которого исподволь не точила бы мысль, которую в резкой форме высказал этот слепой старик. Тот, кто приказал высечь на скале одну из древнейших надписей на земле: “Я Кир — царь Ахеменид”, тоже, мне кажется, не очень-то верил в личное бессмертие, зато явно верил в посмертную славу.

Но оставлять последнее слово за неверующим стариком я не имел права. Я ведь только что стал свидетелем чуда с виноградом! Да и такой ли уж он неверующий, этот слепой? Зачем он тогда стоит здесь, слушает? И на Петра и Павла, оказывается, приходил. Я посмотрел на старика. Он улыбался лиловыми сморщенными губами, видя, вероятно, своим внутренним оком мои сомнения.

— Что ж, эта мысль приходила в голову не только вам, — сказал, наконец, я. — И мне, конечно же, приходила. Но знаете что? Идея бессмертия для избранных посредством славы материалистически столь же необъяснима, как идея бессмертия для всех. Если я правильно понял, вы считаете, душа человека после смерти находится в забвении, пока о нём не вспомнит

кто-нибудь живой. И тогда возникает некий сверхчувственный контакт, вызывающий феномен бессмертия души. Но разве не имеет значения, что именно вспоминают живые о мёртвом? Может быть, многие покойники, прославившиеся злодействами и преступлениями, вовсе бы не хотели, чтобы живые вспоминали о них? Может быть, страдания, которые они испытывают при этом, и есть так называемые адские муки?

— Какие адские муки? — закричал вдруг, брызгая слюной, старик. — После этого ада — ещё и адские муки?! Я проклинаю бессмертие, о котором они там поют! Мне оно не нужно! И никому не нужно! Что это за бессмертие, замешанное на страдании? Страдать в этом мире, страдать в том!.. Нет! Не хочу! Пропустите меня! — Он ударил меня по ногам, потом по стене своей палочкой и зашагал мимо, задрвав голову, характерной походкой слепого — слегка приседая.

Тут со стороны шоссеинного кольца появился большой автобус, о котором я его предупреждал.

— Осторожно! — закричал я старику. — Возьмите вправо!

Несколько симеизцев, идущих по другой стороне улицы, оглянулись и как-то странно посмотрели — причём на меня, а не на слепого, по своему загадочному обыкновению.

Он же шагал, как ни в чём не бывало, не обращая внимания ни на моё предупреждение, ни на автобус. Шофёр посигналил; когда же старик и на этот раз не отреагировал, поддал газу и мастерски проехал впиритирку к нему — в каких-нибудь десяти сантиметрах. Подобное я видел не раз: водители здесь, натренированные ездой на горных дорогах, — настоящие асы. Автобус скрылся; вскоре исчез за поворотом и человек в зелёных очках. Жизнь его мне представлялась непостижимой. Где он, бедняга, живёт? Кто за ним ухаживает? И почему Господь свёл меня с ним на праздник Преображения, показав мне сначала чудо с виноградом? Было ли это противопоставлением? Или, напротив, одно событие было каким-то необъяснимым образом связано с другим?

Из общения со слепым стариком я отчасти понял, почему его сторонятся симеизцы, но только отчасти. Ведь вряд ли он заводил с ними беседы о личном и коллективном бессмертии. Ну а если и заводил — что ж такого? Да, он явно склонен к неприятным разговорам, высокомерен, колюч, но разве он один на свете такой? Да и какие разговоры должен вести человек, погружённый в вечную темноту?

После этой встречи я никогда больше не видел слепого старика из Симеиза. Может быть, он умер, а может, его отправили в дом инвалидов. Лишь минувшим летом я узнал разгадку непонятного для меня отношения к нему симеизцев. Мне осталось лишь понять, почему именно со мной он разговорился близ церкви, и кому это было больше нужно — мне или ему.

Однажды после жаркого дня мы с женой пошли побродить по Симеизскому кладбищу, расположенному на горе, выше новой церкви. С византийских времён покойников на Южном берегу хоронят в каменных могилах, поскольку земли нет. Но не только этим примечательны крымские кладбища. Здесь порой встречаешь совершенно неподражаемые надгробные надписи. Вот, например: “Жизнь такова, какой мы её делаем. Моя была восторг и праздник, торжество вечнозелёной природы, пир одиночества и музыкальной классики. Салмин Альфред Георгиевич. 1934—2000”. С фотографии на вас смотрит улыбающийся, экстравагантно одетый (кажется, в австрийскую военную форму времён Штрауса, с круглой фуражкой) мужчина. На шегольском надгробном камне — изображение знаменитой скалы Дива у Симеиза. Это, что называется, интеллигентская эпитафия. Автора её, безусловно, тоже одолевали мысли о возможности вечного забвения после восторга и праздника жизни, иначе бы он не был столь патетичен. А вот — эпитафия крестьянская, на украинском: “Він закінчив життя, в цілому покладаючись на Господа. Пом’ятуємо, кохаємо, сумуємо. Жінка, діти та онуки. Ткач Петро Тимофійович (1929—96)”. Едва ли трудовая жизнь Петра Тимофеевича была “восторг и праздник” и уж точно — не “пир одиночества”, но вот проблемы забвения его явно не интересовали в той же степени, что нас, интеллигентов. Он и тут, вероятно, предпочитал “покладатися на Господа”.

Я усмехнулся, поймав себя на мысли, что продолжаю заочно свой спор со слепым стариком о бессмертии.

Мы миновали территорию нового кладбища и вышли на главную аллею. Здесь, на широком надгробье, стоит небольшой обелиск с лаконичной надписью: “Три неизвестных советских танкиста и один рабочий зверски замучены немецко-фашистскими оккупантами. Декабрь 1941 г.”. Вокруг обелиска — несколько больших надгробных плит с именными табличками в виде небольших каменных уголков. Они окружены цепями и украшены по углам якорями. Но похоронены здесь, кажется, в основном не моряки: “Рядовой Зубов И. Г. Ум. 1945 г.”, “Рядовой Адебаев. Ум. 1946 г.”, “Ефрейтор Ефимов С. И. Ум. 1946 г.”, “Сержант Пашков И. Н. Ум. 1946 г.”, “Майор Корнеев С. А. Ум. 1946 г.”, “Рядовой Карпач А. Д. Ум. 1946 г.”... Может быть, морские пехотинцы? Во всяком случае, точно можно сказать только об одном усопшем, что он был военный моряк: “Матрос Мазурик О. К. 1926—1946”.

Всего в ограде из якорных цепей покоились тридцать военных, из которых пять человек умерли в 1945 году, а двадцать пять — в 1946-м. Я гадал: а какова причина смерти тех, кто умер в 1946 году, и почему их в пять раз больше тех, кто ушёл из жизни в 1945-м, когда ещё шла война? Может быть, они стали жертвами какой-нибудь катастрофы, диверсии или массового отравления? Я стал искать отдельную табличку, извещающую о том, что же за трагедия здесь приключилась в 1946 году, но ничего похожего не увидел.

— Вы чью-то могилу ищите? — услышал я женский голос. — Не стесняйтесь, спрашивайте, я вам подскажу.

Я поднял голову и увидел за одним из памятников пожилую рыжеватую женщину с двумя пятилитровыми пластиковыми бутылками воды в руках. У ног её вилась две собаки — большая и маленькая.

— Почему большинство этих людей умерло в сорок шестом году? — спросил я, указывая на надгробья. — Что здесь произошло?

Женщина поставила бутылки на землю.

— Скончались от тяжёлых ран. Здесь же госпиталь был неподалёку, они в нём лежали. А дальше — могила нашего Героя Советского Союза Николая Тихоновича Васильченко. Он умер в восемьдесят пятом году. А там, у входа, похоронены три танкиста и один рабочий. Видели памятник? В сорок первом, во время боёв, наш танк не удержался на склоне, съехал вниз, застрал между скал — как раз там, где теперь аптека. Танкистов и этого, четвёртого, про которого написано, что он рабочий, спрятали местные жители возле санатория Семашко. Но нашёлся предатель, донёс об этом, и немцы их замучили. Танк этот после войны из расщелины вытащили, — помню, я девочкой бегала смотреть. Мы с родителями сюда приехали в сорок четвёртом году, когда татар выселили. Тогда здесь было много всякой разбитой техники. В гору Кошка немецкий самолет врезался. Мы ходили под гору собирать этот... как его... тротил — трубочки такие...

— А этот предатель, — перебил я её, находясь под впечатлением рассказа о трагической судьбе танкистов и рабочего-подпольщика, — он что, был из немцев-колонистов? Или крымский татарин?

— Да нет, из наших. Жил здесь с мамой. В сорок четвёртом партизаны ему отомстили: глаза выкололи. Он всё ходил потом по Симеизу — с палочкой, в зелёных очках...

Я сразу понял, о ком идет речь. И не стал больше ни о чем спрашивать.

Над кладбищем сгустились сумерки. С соседней горы на него напозало облако, подсвеченное лучом уже невидимого, свалившегося за Яйлу солнца. Через несколько минут оно окутает мерцающим, плотным, влажным туманом и нас, и могилы... Уже явственно слышался запах озона, как после дождя. Я вспомнил, что в светлом облаке, по представлению древних, являлся людям Бог... А далеко внизу, вдоль моря, слившегося с потемневшим небом и казавшегося оттого бездной, цепочкой загорались огни вечернего Симеиза, по которому фланировали загорелые, подвыпившие, беззаботные люди. Они шли мимо аптеки, на месте которой застрал в сорок первом году танк, мимо санатория имени Семашко, где истязали танкистов и рабочего... Оттуда едва доносился шум курортной жизни, не знающей и не желающей знать, как тяжело бывает бремя человеческого выбора.

БОРИС БУРМИСТРОВ

НАШИ ПУТИ
БЕСКОНЕЧНЫ — ИДИ!

* * *

Я позабыть тебя забыл,
И потому ты в сны приходишь,
И речи странные заводишь,
И спрашиваешь, где я был..?

А где я был, а где я был —
Припомнить, право, очень трудно.
На Колыме в распадках стыл
И в общежитьях жил прилудно.

Теперь не вспомнить — где, когда
И в чьих объятьях просыпался?
Всё было — радость и беда,
Незванным был и званным звался.

Я по местам глухим бродил,
Бродил задумчиво по свету,
А ты всё — где, ну, где я был?
Да там, где был, меня уж нету.

БУРМИСТРОВ Борис Васильевич — известный русский поэт, автор многих стихотворных сборников и поэтических премий, постоянно печатается в журнале "Наш современник", живёт и работает в г. Кемерово.

Где суждено мне завтра быть,
О том ни я, никто не знает.
Я позабыл тебя забыть —
Твой образ в памяти витает...

* * *

Вот и замкнулась дорога скитаний,
Вышел к началу земного пути.
Годы любви и столетья страданий
Смог я до этого дня донести.

Что же теперь, начинать всё сначала
В белые ливни, в грибные дожди...
Крикнул, и эхо в ответ прокричало:
“Наши пути бесконечны — иди!”

Что же — по кругу, так, значит, по кругу,
В круге начало всему и конец.
Чу! Остановка — прислушался к звуку —
Песню заводит залётный скворец.

Чудное, дивное, нежное пенье
Эхом разносится в круге втором.
Так и живём от рожденья к рожденью —
И никогда, никогда не умрём...

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

В этот день я с вами, вы со мной —
Двери потаённые открыты,
Здесь какой-то шёпот неземной
И цвета закатные разлиты.

Здесь любовь, как синева, чиста
И разлуки ничего не значат.
Здесь, по эту сторону креста
И по ту, бесслёзно тихо плачут.

В этот день встречаемся мы вновь,
Память наша, наша боль и радость.
Неземная, вечная любовь
Нам от Бога каждому досталась.

* * *

Всё обустроилось в жизни,
Видимо, искренне жил.
Только тоска по отчизне,
Той, что я в детстве любил,

Только печаль мировая
После столь долгих дорог.

Батя сказал, умирая:
— Как же вы дальше, сынок?..

Видимо, думал он, зная,
Что ожидает нас всех
Междоусобица злая
И незамоленный грех.

Трапезы реже, чем тризны,
Радости всей на пятак.
Думал, всё сладилось в жизни,
Но оказалось не так.

Вновь мои русские братья
Кличут меня по утрам...
Я обещал тебе, батя —
Русь никому не отдам!

* * *

Как больно рождается Слово,
В нём сила бунтует и страсть.
Слезой это слово готово
На лист белоснежный упасть.

Как больно рождается Слово,
Миная безмолвья запрет.
Как больно... но снова и снова
Словам появляться на свет.

Из донных глубин мироздания,
Из памяти вечно живой —
Слова любованья, страданья
И грусти обычной людской.

На лист белоснежной бумаги
Ложатся средь линий косых
Земные печали и страхи,
И радость от чувств неземных...

Под сенью небесного крова
В предутренней, летней тиши
Рождается новое слово
Загадочной русской души.

СТАНИСЛАВ МИШНЕВ

КУПАВЫ

РАССКАЗ

В низине, обжатой рекой и увалом, присели избы. Это — деревня Купавы. Невзрачный мужичок ступил ранним утром с крыльца на податливый снег и оробел: земля покоилась в предрассветной неге, и стволы деревьев стояли на ней величественно и настороженно, как часовые на посту. В лицо пахнула стылая сырость. Улыбка забродила на губах мужичка; на минуту или на две забылся он, даже зажмурился — до чего же любя ты, моя сторона!.. Подумал человек о пробуждающейся силе природы, встретившей его; скоро дожди раскуют закоченевшее царство, проснутся лога, налитанные водой, из путевой дали повеет какой-то дразнящей, ободряющей пахучей полнотой, зашумит река... тысячи льдин, издали похожих на рассыпанные леденцы, станут наезжать друг на друга, тонуть и всплывать, — воображение обняло человека своими широкими объятиями и как-то родственно отозвалось в душе, расшевелило в ней давно забытые струны; что-то вроде надежды на лучшую жизнь заторопилось благодарить Бога.

У людей в этом мире промысел тайный, верно. Ох, и широка же жизнь, разводиста! — конца-краю мечтам нет, да вот узки, скользки стёжки-дорожки, всё ступить некуда. Оглянулся на отжитое — где ступал там и оступался; куда бы перстом ни ткнул — пусто. На божнице пусто... что в пространство кулаком стучать, в лоб свой стучи, — тут мысль запнулась и тупо разогнулась — глаза упёрлись в соседский трактор, сморщенный и сутулый, издали как обросший мхом-лишайником в этот переметный час.

МИШНЕВ Станислав Михайлович родился в 1946 году в Вологодской области. Автор нескольких книг прозы. Лауреат премии имени В. М. Шукшина. Член Союза писателей России. Живёт в д. Старый Двор Вологодской области.

Ему даже показалось, что смазанный утрешними красками трактор выдал в его сторону участливое презрение — давнишнее соседское презрение, и потому надо обязательно подстраховаться если не заискивающей, то угодливой улыбкой. “Вот ведь... привык-то как, будто мы с ним два полоза одних саней... Ровно на Крещенье жгучий мороз под вечер выползает с уходящим солнцем — одним валенком в своей избе живу, другим у соседа гощу. И то сказать: в голове соседа, должно быть, одна пустота да полное удаление от тягот земных...”

Сравнил мужичок себя с соседом и выбрал себя: ему ли с соседом тягаться? Принизил он соседа, возгордился, а отчего бы? Мысль у человека развязывается наедине с самим собой, и то не сразу. Встань посреди своей избы, — чем изба не деревенская улица! долго вслушивайся в тишину, и когда покажется, что во всём доме ты один и изба твоя что часовня, начни говорить сам с собой. Не говори слов вслух, слова отпугивают... как и назвать то, что просачивается внутрь: душа ли, вечность ли, или некая осязательность, — это нечто, не поддающееся описанию, не раз потом вспомнится ночами. С колокольной звон срывается по стенам и уходит в землю, и земля как плывёт из-под ног от того звона...

Весной солнце задиристое, хлёсткое; чего ему ёжится от озноба, чего задиристому не быть, коль каждый день обновляется, румянится, то подтачивает снежную перину, то отжимает оную?

Сошлись утром два соседа, Василий Сероухов да Александр Портновский, волею случая столкнулись, пришлось Василию первому руку боязливо тянуть, Александру принять её в свою клешню. Василия Сероухова зовут на деревне Фимушкой, Александра ещё в школе прозвали Портосом. Соседствуют Фимушка с Портосом, Фимушка — угодник в деревне Купавы, Боже упаси для него нарваться на грубость. Встретились возле бань — оба в субботу затоплять вышли — по совету тестя да по своему разумению.

Фимины баню поставили рядом с Портновскими на озадках — ястреб возле своего гнезда и мышь защитит. Малорослому Фимушке проскочить бы бочком мимо загородившего дорогу, с долей издёвки оглядывающего его соседа-верзилы, да Портос как навис, будто в музее антропологии выискивает признаки вырождения человеческого рода. Лицо у Фимушки круглое, гладко выбритое, с красной мощной лысиной во всё темя, руки-ноги тонкой кости. К физическим недостаткам приклеились пускай уже подзабытые, но моральные издержки: не взяла в сельсовете молодая жена фамилию мужа — посчитала фамилию мужа собачьей — чего доброго, детей прозовут на деревне волчками-шариками; родится ребёнок — сама в сельсовет ходит и запишет на свою фамилию. Так и потерял Василий Сероухов своё лицо, стал Фимушкой — домовиком.

Раз молоденькая бухгалтерша из приезжих с чьей-то нехорошей подачи записала Василия Сероухова Фиминым — на Руси много любителей потешиться. Стал Василий деньги в кассе получать и видит, как его публично высекли. Приняло лицо его плачущее выражение, стал он тяжело вздыхать и крутить головой и, не выдержав, побрёл прочь из конторы. Больше в конторе за порогом не бывал.

Портос — глыба, а голосина!.. Весь сельсовет знает, как Сашка Портновский прозвище получил. Вызывает его к доске старенькая учительница Поликсения Аввакумовна, расскажи, говорит, Саша, как “революционеры” снесли Бастилию, знаменитую французскую тюрьму. Любила Поликсения Аввакумовна придать революциям пролетарское презрение и справедливый коммунистический гнев. Саша Портновский стал сочинять, как мушкетёр Портос первым ворвался в тюрьму, хватал от трёх до пяти стражников и сбрасывал со стен. В раж вошёл, говорит, как подкупленные тюремщики связали храброго Портоса и отправили на каторгу в Россию. Вот, поясняет, откуда пошли Портновские в нашем сельсовете, от сильного корня, от мушкетёра Портоса, а вовсе не от портных, что с аршином за мухами гоняются. Класс дождался, когда Поликсения Аввакумовна засмеялась, и стал хохотать. “Иди уж, Портос, троечка с минусом”.

Так и пошёл Саша Портновский по жизни Портосом. Во всём Портос любит первенство. Пришёл новый трактор — механик к Портосу на совет: “Как, Иваныч, думаешь? Если я вот такому-то отдам?” Характером был не-людим и горд — встретится даже с председателем колхоза, обязательно от-вернётся, будто заметил что-то оброненное — ни к чему, мол, мне ваши “здравствуйте”. Завелась в сельсовете свадьба, молодые по наставлению ро-дителей примолвят Портосу: “...просим, Александр Иванович...”

На праздниках Портос напивается под завязку, как начнутся танцы — много ли в деревенской избе, заставленной столами, места для танцев? Ста-нут широкие плечи подёргиваться сами собой, со свистом ринется со своего места на середину избы и начнёт “давать жизни”. В неестественно весёлом расположении духа Портос с неопишуемым восторгом отбивает лихой трепак, пол под ним ходуном ходит.

— Щёоо, трактор выррываете? — не спросил, как пустую бочку уро-нил Портос. От бегло сверкнувших, как зарницы, глаз, предчувствий бес-сильно обмяк Фимушка и говорит, а голос его обрывается:

— Сам посуди, Иваныч: дом брата продал, деньжата есть... зять... вла-сти дышло на частную собственность воротят, вот... тёща и тесть согласны...

— На щёоо тебе новый? В железе ты — гусь лапчатый... Угрробишь.

Фимушка виду не подал, что обиделся от такой неелостной характерис-тики. Когда-то, как и Портос, учился он на тракториста, но заветных “прав” не получил: перед самыми экзаменами отравился консервами и пробыл в больнице почти месяц. Потом женился, вернее, “в дом вошёл”. Год-другой “домовиком” на деревне называли, потом перестали подклинивать: мухи Фимушка не обидит, со всеми приветлив, ко всем со всей душой. Случает-ся, сосед “сносит Бастилию” — является домой пьяный, Фимины пребыва-ют в страхе. Трещат доски — коронный номер соседа разбивать стулья о дощатые стены веранды. Окна, естественно, вылетают в первую очередь. Сядет пьяный и дурной на колченогом стуле у стены, значительно улыбает-ся долго и неопределённо; идёт мать, он мать обнимает, целует, прощения просит. Мать гладит сына по голове, шепчет ему в ухо приятные речи, Пор-тос вскочит, мать на руки берёт и заходит с ней в избу. “А ты... — всячес-ки бранит жену, — уносишь к лешему!”

— Немножко-то...

— Учиться надо на старром. На колхозном. Леший с ним, с колхозным-то. Угрробил — другой дадут, а тут свой... барраном надо быть, в колхозе жить да свой трактор заводить.

— На заседание правления заявление написал, ты как член, Иваныч...

— “Прротив” прроголосую! Ишь, кулачина из перрелого вылез! Ттрак-тор на колхоз поступит, потом как ещё правленцы посмотррят на такой ддрамтеатр, прредседатель пойдёт прросить упрравление сельского хозяйства сделать такому Фимушке снисхождение... А кто такой ваш Фимушка, спрро-сят? А так себе, ррядовой — пехотный Ваня. У тя хоть маленькая гррамо-та за ударный труд есть?.. То-то.

— Когда бы и твою полоску подкосил... Ахвати по грибы-ягоды ехать?

— Отстань ты со своими гррибами! Взял моду тёщу с бабой слушать! По бабам не тяни, ну их в болото, ведьм этих!

...Разминулись; мужики своё дело сделали, за топкой печей в банях бу-дут следить хозяйки.

Намеренно нагнул Фимушка лысую голову к долу — обязательно огля-нется Портос, любо ему видеть, что соседа проняли его умные речи, — шмыг за поленицу дров и смотрит, — уходит Портос. Сел у хлева на кособокий старинной работы стул, облокотился на стену и, по-видимому, стал глубоко обдумывать идею, вероятно, ту самую, с покупкой соседями трактора.

Сойдутся Нина Фиминая с Марией Портновской, Мария не сдержится, надо ей высказаться, надо выплакаться.

— Твой золотник мал да дорог, а мой... “рреволюционёр”! — плачет Мария.

— Понимаю тебя, соседушка, понимаю...

— Ничего ты не понимаешь. Ты из-за стены видишь, ты на себе не испытала... Бог надоумил: парень и девка после школы по городам подались. Как представлю, что батько с сыном сошлись в рукопашную!..

— Оборони, господи!

— В вашем доме раздолье бабьему голосу, а у нас!..

Всё выше и выше поднималось весеннее солнце — зима, притушив свою тощую светом лампаду, убиралась на север. Всё роскошнее и впечатлительнее становился деревенский день. По рассказам чудаковатой бабки Александры Фиминой, она в эту пору который год видит примерно одинаковую картину: именно в заморенной долгой стужей дали сначала осядут мути бескрайние, ненадолго зайантарятся острый и большой для глаз свет, начнут облака толпиться и сваливаться, а как просветит небо синее, так и родится новая жизнь. То, что птицы весну на крыльях несут — и снова чистая правда; детская сказка, с детства осветившая нас светлым, что может быть чище детской памяти? Как будто выползает из сырых пелёнок любимое природой невинное дитя, не мешкая долго, упирается крепкими ножками в твердь земную, умывается ослепительно блестящим подтаявшим снегом, и давай бегать между белыми берёзами...

Про свои видения бабка Александра рассказывает в магазине. Народу много, когда-де машина с хлебом придёт. Народ не удивляется: восьмой десяток старуха дожидает, в таком возрасте не все с головой дружат. Не переребывают, не подсмеиваются и каверзных вопросов не задают. Все знают, что бабка страстно любит птичий мир, любит лес, обладает необыкновенно тонким пониманием погоды, разбирается в травах.

...Стали свои огороды пахать, все пришли в какое-то нетерпеливое положение. Ясно, все вспашут, но когда вспашут? Пускай будет у Фиминых возможность перехватить тракториста, можно ли им опередить Портоносских? Ни в коем случае!! Вот когда Портонос свой огород вспашет, тогда можно пахать и Фиминым. Дождались Фимины, вспахал Портонос свои сотки. Довольный качеством пахоты, хорошей погодой, спелой почвой, прошёлся бороздой взад-вперёд, должно быть, посмеивается себе втихомолку.

— Завтра и мы, — говорит бабка Александра своему Ивану.

Сидят старики на “пригивенке” — место солнечное, тихое, они много чего видят, их никто не видит. У Александры на руках кот Кука. Молодой, сильный котик, шёрстка на нём сверкает. Начал кот беспокоиться, сторожиться, Иван и говорит:

— Крысу чуёт. Отпусти.

Александра кота с рук стряхнула, кот напрямик к нейтральной меже подался. Гля, навстречу Куке правится той бороздой, по которой Портонос вышагивал, кот Тимур. Кука дымчатого окраса, Тимур чёрного. Сошлись как витязи на бранном поле, принялись один другого задирают, обидными речами поносить, страхом давить. Александра и Иван замерли. Охота обоим, чтоб ихний Кука надрал Тимуру морду. Пошла драка нешуточная. Верх берёт Кука — Александра и Иван встали, готовые приветствовать своего героя, откуда ни возьмись, бежит Портонос, да как пнул ногой в резиновом сапожище Куку... взлетел Кука, в полёте последний раз мяукнул и пал мёртвым на свою территорию.

У Ивана дыхание перехватило. Клошкой трясёт, готов броситься на злодея... Александра Ивана за шею к земле прижимает: молчи, молчи, батько!

Похоронили Куку со слезами, с обещанием поднять другого Куку, чтоб не только Портоносова кота давил, самому Портоносу горло перегрыз. Иван пришёл к зятю Фимушке и сказал твёрдо:

— Сей год соседа пахать не зови, не свет клином на нём сошёлся!

Фимушка озадачился, но воли тестевой не переступил: вечером наведалься в среднюю школу, за семь километров на велосипеде сгонял — учитель по машиноведению, внук покойной Поликсении Аввакумовны, согласился пахать, только, говорит, плуга у него самодельные, для себя “ковыряю”, как другим угодить?..

— И ещё условие: пить не пью и денег рубля не возьму!

— Царство небесное Поликсении Аввакумовне. мудро говорила: “Счастлив тот, где правда прибыльна, кто своими волами обрабатывает отцовскую землю, кто познаёт себя в час немощный, кто отличает прямое от кривого, кто познаёт себя в час развернутой жизни”.

Серёдкой дня, когда Фимушка, Нина, зять ветеринар и дочь портниха были на работе, в огород к Фиминым заехал школьный трактор. Тракторист даже из кабины не вышел. Плуга опустил и развалил огородец как рыbnик, надвое. Прямо по грядам, по торчащим с осени капустным кочерыжкам. Александра к Ивану:

— Ты глянть, батько, ты глянть!.. Веком так никто не пахал!

— Ну и голова — ан! — удивляется дед Иван. — Этот точно с институтом! Это чей же такой?!.. Вот как пахать надо, а то этот... гробина, пока его уважишь, пока литру не выжрет... сколько годов по одному месту борозда, прошлый год весь желтик выворотил, и не скажи... Картошкиросло с гулькин хрен.

Стали картошки сажать, привезли бабке Александре правнука Митю. Александра с мужем своим Иваном на отшибе живут, в отдельной избушке. Они — “старая бабка” и “старый дед”. “Молодой дед” и “молодая бабка” — Василий да Нина, живут вместе с дочерью, зятем ветеринаром и двумя внучками.

Шустрый, ох пострел этот Митя! “Старый дед” готов на верёвку привязать Митю к себе, да разве его удержишь? Вышел на улицу, на скамейку присел, клюшку к стене избы приставил, молоток из голенища сапога достаёт, по скамейке ладонью бьёт, Митю садиться зовёт. Орехов в магазин навезли — орешками заманивает, про город спрашивает. Мите молоток вручает, мол, бей не жалей. Митя десяток орехов разбил, молоток кинул, побежал. На все просьбы и увещевания “старого деда” у него один ответ:

— Отстань, дед!

Почти в тот же день, как Фиминым привезли Митю, соседи Портновские обзавелись девочкой Таней. Сын привёз из Москвы. Лицом по бабке Марии пошла, с надменно поджатыми губами, телом по деду — рослая, ядрёная. Как и бабка, имеет привычку украдкой коситься по сторонам и, лишь заговорив, медленно поднимает ресницы. Страшная модница. Платица носит коротенькие, волосы на затылке резинкой стягивает, с Митей не поладили — сделает лицо невозмутимо серьёзным, повернётся и пошла домой. Напрасно Митя уговаривает ещё поиграть, остаток дня Таня проведёт в обществе бабки Марии.

...Нине Фиминой остался год до пенсии. Большой трудовой стаж у неё, и всё в животноводстве. Стали ноги уставать, стали кости к непогоде болеть. Уговорила зоотехник “...ради Бога, попаси этим летом, благо пасти в клетках”, — так зовётся отбитое изгородью пастбище. Фимушка был против, да разве он в доме за “большую сноху?” Раз согласилась Нина пасти — мнение Фимушки во внимание не принято. Зато принято во внимание желание занять свой трактор, своего “таракашку” — юркий, проходимый, мало топлива расходующий Т-25: Нина только “за”. Конечно, Фимушка и Нина много говорили на эту тему между собой, мнение зятя ветеринара и дочери портнихи выслушали, и предполагаемое мнение соседей учитывали. Идти против Поргоса опасно, но и всю жизнь в страхе жить — противно. Марии, той всё равно, обзаведутся Фимины железным конём или нет. Скорее согласна будет: всей водки не перепить, не все калымы её мужу сшибать, пускай и Фимушка погосит, попасет.

Зовёт бабка Александра правнука Митю “по угорам ходить”. И “старый дед” поддакивает:

— Учись, Митя, травку узнавать. Учись птичек слушать.

Притомились; сидят бабка с Митей на самом затылке угора. Бабкина корзина-плетёнушка полна одной ей ведомых листочков да корешков. Внизу речка бежит, выше — что грива необъезженного скакуна, разбежался шелковистый берёзовый перелесок, и тесно сегодня в том перелеске от нежного свиста и горластого карканья. Бабка показывает батожком на огромный серый камень-валун:

— Вот, Митя, этот камень не простой, под ним клад заветный лежит. Ты деда Танькина знаешь ведь?

Митя подбежал к камню, на колени встал, ручонками землю начинает выгребать. Вдруг с визгом бежит под защиту бабки. Оказывается, свалилась сверху камня ящерица и прямо Мите за шиворот рубашки, пока бежал — выскользнула.

— Да ты дослушай сначала...

Пригнала Нина Фиминова колхозных коров на ферму, бабы-дойрки встречаются, каждая “своих” отделяет от “чужих”. Крики, ругань, коровы “привезли” на себе полчища оводов и рвутся в помещение.

— Трактор вам привезли, — говорят доярки Нине.

Не знает Нина, радоваться ей или нет. Быстрее домой.

Трактор “Сельхозтехника” доставила владельцу прямо на его улицу. Оказывается, управляющий “Сельхозтехники” зимой лежал в больнице вместе с Фимушкой — кровати стояли рядом. Управляющий маялся спиной, у Фимушки резко упал гемоглобин в крови. Тогда-то Фимушка и поведал про желание занять свой “тракторчишко”. Понравился управляющему Фимушка: простой, не требовательный и очень порядочный. С других кроватей в палате какой только гадости не плывёт в адрес начальников, от бригадира до президента, а Фимушка нет-нет да скажет:

— Никто про себя не знает, тайна. Пока на жёрдочке петух сидит, одно поёт; слетел, от белого свету ошалел — другое.

Вот и наказал управляющий шофёру груз доставить по назначению без всяких проволочек, то есть минуя колхозные мастерские, где обычно разгружают новую технику. Приходит шофёр в контору подписывать путевой лист, бухгалтерша в крик:

— Нет решения правления продавать трактор Фиминым!

— А я при чём? Я раб лампы, как говорит джинн. Что велют, то и делаю. Пошли всей конторой обратно грузить.

Как назло, ни председателя колхоза, ни механика нет, бухгалтерша покричала да и подписала путевой лист, решив про себя, что быстренько механик даст команду Портосу отбуксировать трактор в мастерские.

А Портос обиделся. Ой, как обиделся! И на колхозное руководство, и на соседей Фиминых. Он член правления, председатель обязан был вопрос согласовать с ним; механик “на вороной объехал” — даже прав у Фимушки нет, а на тебе, Фимушка, новенький трактор! Этой весной огород пахать не пригласили, это как понимать? Силу почувяли?!

Ходит Фимушка вокруг трактора, любитесь. Инструкцию по эксплуатации достал, сел на табурет, изучает.

Нина трактор обошла кругом, на Фимушку смотрит недоверчивым взглядом.

— Как так получилось-то? Вроде как бесплатно, а?

На речь жены Фимушка многозначительно улыбался.

— Што, и без денег?.. У тя и прав нет... и косилки нет, как косить-то собираешься?

— Была бы шея, а хомут?.. Правильно: същется. Заплатим.

— Видел уже? — спрашивает Нина и кивает головой на соседей.

— Пока гроза мимо ходит.

— Ой, Вася, Вася, до чего мне страшно стало?.. Пока трактор на своей улице не видела, вроде спокойнее жилось, а теперь — сердце обмирает.

На другое утро механик прилетел на мотоцикле к Портосу, просит “недоразумение ликвидировать”, то есть притащить струженный на улицу Фиминых трактор в мастерскую на буксире.

Портос пальцы сложил кукишем, и кукиш едва не в глаз механику сунул. Механик из избы вон, на мотоцикл вскочил и по газам.

Председатель колхоза пожаловал, с Фимушкой, занятым изучением инструкции, здоровается. Нина вышла к такому важному гостю.

Атмосфера на улице словно наполнена не воздухом, а самим временем, которое пахнет свежей заводской краской; председатель из приличия долго

не заводит разговор. Широкое жирное лицо его выражало сдерживаемое озлобление, озабоченность и грусть.

— Как и быть, — говорит председатель как бы сквозь слёзы, между тем как в груди колокотал настоящий шторм, — ведь сожру-ут. Я как между молотом и наковальней. Господи — и это же основны-ые фонды-ы, поймите же вы-ы!

— А брякни на всякий случай, что и присоветует, — говорит Нина.

Председателя как повело от такого совета. Подозрительно прищуривает глаз: вот до чего наглые эти Фимины стали!

И, беспомощно скрестив на толстом брюхе руки, грустно и злобно смотрит на новенький трактор. С одной стороны — да чёрт с ним и с трактором, их в колхозе навалом, с другой — как это он разрешение даст: нарушение устава!

— А чего... чего администрация-то? — спрашивает председатель, сглатывая слюну. Он будто воочию видит, как тайная чиновная сила берёт его за горло и тащит совсем не туда, куда ему надо бы... — То-то я, думаю, сгружают... Зять-то у вас с замглавы — однокашники!

Председатель уезжает.

— Ну, — задорно смеётся Нина, — отвоевали.

День идёт, и неделя проходит. Фимушка освоился, по своей улице тихонько ездит взад-вперёд. Зять говорит, что списанную тракторную косилку стоптал в колхозе, поехали навешивать.

Решился Фимушка: поехали.

Механик капризничает: задело его самолюбие председательское распоряжение насчёт косилки. Подвёл к куче металлолома: выбирайте. А сам слинял.

Подруливает к той куче молодой тракторист на Т-25 с навешенной косилкой — что-то у него поломалось, зять ветеринар к нему. Отвёл чуть в сторону и шепчет на ухо:

— Выручай. Механик — волк тамбовский, я — чайник чайником в железе и тестюха не особо тянет. Литра водки за мной.

Парень и косилку навесить помог, и всяких частей нашёл много. Со своей косилки весь брус с ножом и пальцами скрутил.

— Не похваляй тебя за это, — укоризненно говорит ему ветеринар.

— Не трусь, Маруся, я — Дубровский! — скалит зубы тракторист.

На другой день ближе к вечеру Фимушка выехал в клеверное поле, ближе к кустам, боясь травостой помять, стал косилку настраивать.

Настроил! Благо тот парень, что брус ему свой отдал, то поле косил. Дивится Фимушка: где он брус с пальцами и ножом около ночи добыл? Потом, думал, огородит парень литру водки, день проспит где-нибудь на потолке бани, а парень как стёклышко трезв.

— Как тебя по отчеству? — неожиданно спрашивает парень Фимушку.

— А зачем тебе моё отчество?

— По возрасту — отец, по статусу — свой брат, механизатор, стало быть, следует принять тебя в нашу мазутную партию.

— Константинович, — тихо сказал Фимушка.

От слов парня сделалось лицо Фимушки мужественно смуглым в лучах заходящего солнца, глаза широко раскрылись, зрачки заблестали каким-то лукавством, сметкой какой-то, говорящей как будто: "А то!"

— Константинович, командовать парадом буду я, не обижайся. С зятя твоего ещё водочки попрошу — у одного мазурика в райцентре двигатель к мотоциклу выцганить надо...

Ещё через день...

Трещит вырванная с мясом калитка — сосед Портос идёт в гости к Фиминим. Пьяный. Сбычился, кулаки сжаты. Фимушка прижался спиной к заднему колесу трактора, ни жив ни мёртв. Через кожу на лысине проступил пот.

Портос попинал переднее колесо, смачно плюнул на лобовое стекло кабины. Видит страдальческое лицо Фимушки, пессимизм его только усугубляется.

— Скрррручивай фаррры! Фонаррри скрррручивай! — рычит Портос.

— Не надо, Иваны-ыч... Зачем? — затащил Фимушка голоском, похожим на крик голодного козлёнка.

— Дурррак! О первую лесину отшибёшь!

Терпение — прекрасное качество, но жизнь слишком коротка, чтоб терпеть долго. Много лет Фимушка уступал дорогу Портосу, всё норовил жить тихо-мирно; в свою баню ходили Фимины, только когда Портновские в своей перемоются...

— Не тронь, Иваныч, Богом прошу!

Оттолкнул Портос Фимушку, как врежет кулаком по одной фаре, стекло вдребезги. По второй врезал — вторая сияет пустой глазницей. По капоту хлопнул — отлетела застёжка.

Кинулся Фимушка на Портоса, да куда Фимушкину кулачку против лопатообразной лапищи Портоса: как двинет — летит Фимушка под трактор.

Нина выбежала из избы, кричит не своим голосом, инструкцией по эксплуатации бьёт налётчика по лицу. Портос руку Нины перехватил, за спину заломил, как ударит с плеча кулачищем в голову, Нина далеко откатилась от трактора.

— Вот вам пррремия, урод-ыи! — звякнуло сверху над поверженными соседями, затем, после паузы, покатилося навстречу пытающейся подняться на ноги Нине. — Не зас-с-луж-жжи-ли!

Выполз Фимушка из-под трактора, лицо в крови, шатается, за ручищу Портоса хватает, умоляет не трогать трактор.

— Начальство подма-аза-али?!

Бежит Нина в хлев, хватает навозные вилы и с вилами наперевес идёт в атаку на Портоса. Упирает рожки в грудь, требует:

— Пшёл отсюда, урод!

— Кол-ли!!! — кричит Портос.

Положение спасает мать Портоса. Подошла к сдуревшему сыну, взяла за руку и, как малолетнего сорванца, повела домой.

Того же вечера правнук Митя поведал “старому деду” и “старой бабке”, как приходил драться к ним дед Таньки, а “молодая баба” хотела на вилы посадить драчуна. Иван велит Александре позвать к нему дочь и зятя.

— Вот што, робята, — говорит дочери и зятю Фимушке старик, — дело соседское. Боль стерпите, не заявляйте в милицию. Обидно, но... стерпите. Послушайте меня.

— Всю жизнь!.. — ревьёт дочь Нина. — Горилла! Всю жизнь тершим!

— Нарвьётся! — пророчески говорит отец Иван.

Стали картошку копать — нарвался Портос: проехал на тракторе по лежащей на дороге колхозной корове. Остановился — тряхнуло в кабине сильно, вышел, пинками помог пытающейся встать на ноги корове подняться, видит — стоит корова, и погнался трактор дальше. Корова постояла и упала бездыханная.

На заседании правления зачитывают докладную ветеринара: виновник смерти коровы Портновский. Взыскать с него три тыщи рублей.

— Щёоо, а мясо где? — гудит Портос. — В столовой!! По две морррошки на ложку?!

Судили да рядили — нет вины Портоса, получается. Кабы тушу не тронули, пускай бы черви на дороге съели — Портос виноват, а раз бригадир подсутился, отправил мясо в столовую — колхозу выгода.

Был на заседании правления колхоза корреспондент районной газеты. Написал корреспондент фельетон, из администрации поступил приказ: обсудить фельетон на собрании. Обсудили — приговорили: строгий выговор Портновскому! Милиция нагрязнула: махнули топором по “максимуму” — лишили Портоса прав на управление трактором сроком на два года.

Трудно “безлошадному”, да такому гордому, как Портос, колхознику, трудно себя переломить! Посылает бригадир Портоса с бабами солому перемётывать — не пойду, не нищий, копейки собирать. Посылает коров вместо Нины Фиминой пасти — позор! Потом, кто такой бригадир по меркам Портоса? — воробей — щипаный хвост после техникума! Неделю Портос мытарит, в конце года не хватит у него минимума обязательно отработанных

двухсот восьмидесяти дней, кому шею намылят? — бригадиру. И пишет бригадир на бухгалтерию колхоза докладную за докладной.

Шлют колхозные отцы-командиры депешу опальному Портосу: иди телятам хвосты крутить, то есть, водиться.

Смотрели Фимины всей семьёй, как изливал свой гнев на своей улице оскорблённый Портос, как жена его Мария, хватаясь за грудь и подтаскивая под себя ногу, торопилась скрыться в чужой бане.

— Зря, зря не заявили! — горячилась Нина Фимины.

— Иногда праздновать труса больше выгоды, нежели стонать на больничной койке. И завтра жить надо, — укоризненно возразил теще зять.

А теляток водить — хлебнёшь горюшка! Сдох телёнок по вине кормача — плати, сено затхлое привезли — хоть сам ешь, котёл кормозапарника нечем греть... Взвоешь!

Приехала за Митей внучка, гостинцев “старому деду” и “старой бабке” навезла, не забыла и отца с матерью. Сели чаевничать, никому чаю не хочется: Митя шмыгает носом, ладошкой утирает слезинки, его славное, доброе личико полно молчаливой, но бесконечной любви к “старому деду” и “старой бабке”.

— Баб... баба, клад не найдут? Ты никому не говори!

— Не найдут, на тебя клад выйдет, дитяtko. Мы тебя ждать будем, ты обязательно к нам приезжай, — “старая бабка” гладит головку мальчика.

— Не забывай про нас, — говорит “старый дед” и пальцем грозит.

— Я ружьё привезу, мы деду Танькиному солью в попу пальнём. Так, дед?

— Так ему! Пороху двойную мерку в патрон насыплем, штоб ему, врагу...

...Опять весна на белом свете.

Бабка Александра долго стояла в погожий день за деревней, опёршись подбородком на батог, высматривала загаданное, щурилась. Хотелось ей в эту рвущуюся из снежного плена весну узреть в берёзовой дали смышлёного, весёлого мальчишку, очень похожего на Митю, обязательно с запачканными вареньем щеками: Митя две берёзовые вершины пригнёт одна к другой, усядется в солнечные качели, вымахнут его качели под самые небеса, и прямо к “баушке” на руки. Именно “баушкой” назовёт, по-старинному!

Упоённо тихое состояние духа, — нет лихолетья, нет счёту годам! Только душевная тонкость и чистота!

Немного тревожно: вдруг да не так жили, не по нравственной линии, худую память о себе оставили? а это — ошибка сердца. И вспомнила старая, как перед колхозами накануне коллективизации пахал отец под озимые. Пахал отец легко, голос на лошадь не поднимал, только причмокивал губами; почва была спелая; пласты крошились, не наезжали один на другой, борозды шли ровные, лошадь — Люней звали, тащила плуг легко, как бы в охотку; и грачи, должно быть сытые, ходили вперевалку и охорашивались не спеша; семилетняя Александра прибежала к отцу на полосу, поесть принесла. Отец Люню из оглобел вывел, пустил пасть, сходил к ручью, умылся, мокрую от стекающей воды бороду отжал, сел и вздохнул легко. Александра к нему под бочок, прижалась. Ел отец чёрный хлеб, запивал молоком из берестяного туюска. Вдруг отставил туюсок, берёт Александру за плечико и показывает рукой:

— Как она... развернулась-то!

Всматривалась, всматривалась девочка туда, куда показывал отец, щурилась, ничего, кроме солнца, прятавшегося за облако, не увидела. А отец привстал с места, очень внимательно, как сбросивший с себя тягостное прошлое, встречает непознанное новое:

— Жизнь-то, говорю, развернулась во всей базе!

НИКОЛАЙ ГРИЩЕНКО

СРЕДИ ЗАСНЕЖЕННЫХ ПОЛЕЙ...

ВОСПОМИНАНИЕ

Зима и чистый, белый иней,
Мерцанье снега вдоль дорог,
Кругом такое буйство сини,
Когда выходишь на порог.
Колючий снег морозом дышит
И в даль студёную зовёт,
А кто-то спит и не услышит,
Как нас дорога уведёт
Туда, где белое сиянье
И голубой простор полей.
Идём, родная, на свиданье
С зимой и юностью своей.
Мы вдруг почувствуем, как тройка
Нас понесёт в ночную синь,
Глаза пошире приоткрой-ка
И голову повыше вскинь.
А мы летим навстречу ночи,
Среди заснеженных полей,
То замираем, то хохочем
От юной удали своей...

ГРИЩЕНКО Николай Николаевич родился в 1949 году в селе Орехово Валуйского района Белгородской области. Работал в колхозе. В 1968 году был призван в ряды ВС СССР. Окончил Орловское высшее военное командное училище связи и Литературный институт имени А. М. Горького. Служил в Прибалтике, на Украине, в Белоруссии, в Чехословакии и Германии. С 1983 года в Белгороде на журналистской работе. Член Союза писателей России.

* * *

Осень и холод дороги,
Тихие дали пусты.
Тёмный, забытый и строгий
Спит у реки монастырь.
Грустью осеннею веет
С дальних просторов земли,
Борозды ярко темнеют,
Хаты притихли вдали.
Всё это с детства знакомо,
Всё это дорого мне,
Скирды забытой соломы,
Узкий загон на стерне.
Эти осенние дали,
Эти поля у реки
Родиной люди назвали,
Имя селу нарекли...

* * *

Какая звёздная громада
Перемещается во мгле...
Я чувствую, сквозь ветки сада,
Она спускается ко мне,
И вот уже я — звёздный житель,
Ловлю движение миров,
Перемещаясь по орбите
Моих забытых, вещей снов...
Какая ширь...
Какие дали...
Какой восторг и пустота...
Но вот вдали опять сияют
Мои родимые места,
И та, что первую посмела
Меня из дома увести,
Опять стоит в сиянье белом
И тихо говорит: “Прости”.
Но, Боже мой, туда возврата
Уже не будет никогда,
И сгорбилась, присела хата,
И ты потухла,
те года
Уже исчезли,
как виденье,
Как утром всполохи зарниц,
И только вечное движенье
И мир без края и границ...

*Редакция сердечно поздравляет давнего автора
и большого друга журнала
Николая Николаевича Грищенко
с 60-летним юбилеем!*

ДАЛЬ ОРЛОВ

ВОСПОМИНАНИЯ “ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЛИЦА”

Интерес к мемуарному сочинению всегда предопределен индивидуальностью, единичностью судьбы мемуариста. И в то же время, читая воспоминания, мы всегда хотим разглядеть в них то общее и узнаваемое, что принято называть “лицом времени”. Словом, хорошо написанные мемуары также индивидуальны, как их авторы, особенно если пишущий отваживается быть до конца искренним и при этом не подвержен гипнозу устоявшихся мнений по поводу тех или иных фигур и исторических сюжетов. Думается, последнее можно смело отнести к новой книге Даля Орлова “Про театр и кино — внутри и около... Воспоминания “действующего лица”, которая готовится к изданию. Предлагаемый читателям фрагмент, где на первом плане крупнейшие фигуры отечественного кино — Андрей Тарковский и Никита Михалков, вполне подтверждает сказанное.

Даль Константинович Орлов — выпускник филологического факультета Московского университета (1957), заслуженный деятель искусств РФ (1984), член союзов писателей, кинематографистов, журналистов, театральных деятелей. Он автор пьес, сценариев, статей и книг о кино и театре, вел популярную в свое время телепередачу “Кинопанорама”.

Одновременно в советские времена Д. Орлов вполне, как говорится, преуспел на “служебном” поприще: заведовал отделом литературы и искусства в газете “Труд”, был заместителем главного редактора журнала “Искусство кино”, главным редактором Госкино СССР и главным редактором “Советского экрана”, бывшего самым массовым в мире журналом по искусству, пока издание не было погублено, став еще одной жертвой расправ, учиненных в отечественном кинематографе distinguished V съездом кинематографистов. Человеку с такой биографией есть что вспомнить. Он и вспоминает. Подробно, откровенно, “пропуская через себя”.

Отрывок из книги интересен, думается, еще и тем, что по существу впервые читатель получает возможность заглянуть туда, где в советские годы принимались решения, определявшие судьбы и конкретных творческих замыслов кинорежиссеров, и готовых фильмов. Автор живо воскрешает многие черты того периода отечественного кинематографа, когда он был “государственным”, а также и того, когда он перестал быть таковым.

ТАРКОВСКИЙ БЕЗ ГЛЯНЦА

Однажды ко мне в Госкино пришли режиссеры Али Хамраев и Андрей Тарковский. Последний в представлениях не нуждается, что же касается первого, то он тогда был одним из ведущих мастеров на Ташкентской киностудии. Стилистика его картин тяготела к метафорической условности этакого восточного толка и, несмотря на некоторый налет провинциальности, он слыл, помнится, почти Тарковским — с узбекской, понятной, спецификой. В свое время обрати-

ла на себя внимание его лента “Белые, белые аисты” — о современных днях, многими призами были отмечены его фильмы так называемой историко-революционной тематики: “Красные пески”, “Чрезвычайный комиссар”, “Седьмая пуля”. Словом, это был режиссер талантливый и мастеровитый.

К таким гостям следовало отнестись серьезно.

Тарковский был на три года старше меня, Хамраев на два моложе. Людям одной практически возрастной категории понять друг друга, на первый взгляд, просто. Возраст нас не разделял. Нас разделял широкий начальственный стол — я по одну сторону, они по другую. Именно это обстоятельство определяло сюжет встречи.

Не надо напоминать, что оба гостя, как говорится, “по определению” были людьми нервными и впечатлительными. Хамраев в ходе разговора то и дело привставал и зависал над приставным столиком, испепеляя меня взорами, а Тарковский вдруг оказывался у стены, прижимался лопатками к деревянной панели и там замирал, будто распятый.

Суть проблемы была в следующем: в узбекском кинокомитете отвергли их заявку на сценарий. Они пришли жаловаться.

Готовясь к встрече, я заявку прочитал. Детали, конечно, забылись, но общий смысл запомнился.

Действие фильма, который собирался ставить Али Хамраев, разворачивается в начале двадцатых годов, в среднеазиатской пустыне. По пустыне бредет некий русский красноармеец и забредает на какой-то остров. Этот кусок суши, со всех сторон окруженный водой, оказывается резервацией для пораженных лепрой, то есть для прокаженных. Поскольку там медицины нет, больных не лечат, то и представить страшно, как они все выглядят. Красноармеец остается на острове и принимается устанавливать среди прокаженных Советскую власть. И вроде бы добивается успеха.

— Как вы считаете, товарищи, — спрашивал я от своей стороны стола, — Советская власть будет очень рада, когда вы покажете ее всесилье среди прокаженных? По экрану будут ходить люди с проваленными носами, с культышками вместо рук, с лопнувшими глазами — люди просто валом повалят в кинотеатры на такое посмотреть: “триумфальное шествие” Советской власти в отдельно взятом лепрозории!..

Если бы я знал тогда, что засяду за мемуары, наверняка записал бы для памяти их аргументы в пользу этой затеи. А ведь они были! Но они ни меня не убедили, ни, как видим, никого в последующие времена. Так никто и не взялся за креативный исторический проект с чумными струпами в широком формате.

Но кое-что я запомнил совершенно точно. Например, фразу Тарковского, в очередной раз прижавшегося лопатками к стене:

— Почему нет доверия художнику?!

— Да художнику есть, нет замыслу ...

Помню, попробовал затронуть в Хамраеве даже патриотические струны:

— Там же у вас все прокаженные должны быть узбеками. Вот узбеки обрадуются, когда вы их так покажете!..

И тогда мои гости выдвинули аргумент, который был, видимо, домашней заготовкой.

— Мы только что из Ташкента, — сказали они. — Абдуллаев, председатель комитета, нам прямо сказал: если Орлов пропустит вашу заявку, я возражать не буду. Не пропустит — все, больше не приходите.

— Так и сказал?!

— Так и сказал.

— В таком случае сообщаю и вам и ему: я этого подписать не могу.

Едва Хамраев с Тарковским ушли, попросил Зою Ивановну, секретаря, соединить с Ташкентом, с председателем Госкино Узбекистана Абдуллаевым. Тут же услышал его голос.

— Абдуллахат Абдуллаевич, вы обещали принять заявку Хамраева и Тарковского, если я пропущу? Они только были. Вы заявку читали?..

Человек на другом конце провода буквально взвыл:

— Я сказал, эту гадость про Узбекистан — через мой труп! Ничего больше не говорил! Через мой труп!..

Значит, ребята меня шантажировали... Заодно хотели “подставить” узбекского председателя. Для творцов такого масштаба — не очень подходящий

трюк, не совсем достойный. Предполагается все-таки, что гений и шантаж – две вещи несовместные...

Может быть, я не прав. В конце концов, и гении – люди. “Когда б вы знали, из какого сора” и так далее – известно. Не обязательно творцам нетленного быть еще и безупречными личностями, образцовыми в любовях, чуждыми корысти. Не тем они для матери-истории ценны! И это так. Но, тем не менее, так и кажется, с наивным постоянством, что в людях, выделенных судьбой из себе подобных, неестественно смотрятся несоответствия высоко-го и низкого. Когда высокое уступает, все мы поневоле печалимся...

Прилетаю в Рим. Дальше надо перебираться в Неаполь, а оттуда – до маленького городка Авелино, где тамошний мэр и один школьный учитель “держат” миниатюрный кинофестиваль, в котором могучий Советский Союз почему-то считает нужным участвовать. Подобных фестивалей по миру тысячи. Но я о другом.

Я прилетел, с чемоданом и без языка, а меня никто не встретил. Стою в центре гигантского зала, чтобы отовсюду быть видимым, и жду. Проходит минут сорок. Наконец, подбегает взмыленный экспортфильмовец. Он тысячу раз извиняется, что опоздал, и объясняет, что занимается отправкой Янковского, с которым следует багаж Тарковского. Итальянцы обещали оплатить гигантский перевес, но не оплатили. В результате Янковского не пропускают на посадку.

Боясь потерять экспортфильмовца, бегу за ним следом, куда-то туда, где измываются над нашим народным артистом. Артист обнаруживается в конце иссякающей уже очереди, регистрация заканчивается, а рядом с ним – несколько грузовых тележек с нагроможденными коробками и тюками. Багажные небоскребы выше артиста. А он не маленький.

Бедный Янковский, еще недавно здесь, в Италии, бредший по дну необъяснимого бассейна со свечкой в руке на бесконечно длящемся плане и донесший в конце концов пламя непогасшим, несчастный Олег хватается за фалды гордо проходящего мимо красавца-аэрофлотовца в синем форменном мундире и бормочет ему в затылок: “Вы только пропустите! Да вы у нас в театре первым человеком будете, не дальше третьего ряда, клянусь!...”

За смысл реплики ручаюсь, возможно, междометия пропустил...

То, что русский человек, изможденный, как и прочие, отечественным дефицитом, пусть и большой художник, решивший на Родину не возвращаться, накупил столько всего и переправляет с оказией, при содействии другого большого художника, который Родину не покидает, – это, в конце концов, нормально: если хочется и можно, то почему нет? Только странные мысли и о не самых возвышенных причинах того шумного невозврата возникают в голове...

Как хотите, а мне в тот момент показалось негармоничным, лишенным эмоциональной целостности соединение в одном жизненном кадре ворожбы того же “Иванова детства” или “Андрея Рублева” и тусклого навала коробок в итальянском аэропорту. Апологеты Тарковского меня, скорее всего, не поймут, даже, возможно, осудят, но я же здесь не только о нем говорю, но и немало о себе, о своем впечатлении...

В 2002 году на прилавках появилась книга Ольги Сурковой “Тарковский и я”. Автору было что рассказать о знаменитом режиссере. Она двадцать лет водила с Тарковскими дружбу, была даже какое-то время членом семьи. Поток откровений, выброшенных, может быть, с “перебором”, производит смешанное впечатление. С одной стороны, надо ли столь подробно “ворошить белье”, с другой – несомненно проясняются, оказываются не столь однозначными причины перемещения Тарковского на Запад. Тут – теперь это очевидно – сыграли роль не одни только конфликты с властями, как всегда утверждалось, о чем и сам Тарковский говорил постоянно, а были еще и вполне земные посылы, а точнее – приземленные: например, мечтания жены Ларисы жить в европейском комфорте, в славе и при бытовом достатке. Так хотелось, но к каким губительным последствиям это привело, теперь ни для кого не тайна.

В свое время Андрей Тарковский оценил талант молодой критикессы, будущего автора “Тарковский и я”, именно ей предложил стать соавтором книги о киноискусстве и своей собственной работе.

А дальше так сложились звезды, что мне довелось стать одним из первых читателей их весьма объемной рукописи. Она пришла ко мне в феврале 1978 года с сопроводительным письмом от заведующего отделом кино издательств-

ва “Искусство” Сергея Асенина: “Направляем вам на рецензирование рукопись А. Тарковского и О. Сурковой “Сопоставления”...”

Прочитал, понятно, с немалым интересом – Тарковский все-таки! После чего написал большое, на девяти страницах машинописного текста, заключение. Вывод мой был таким: “Сочинение А. Тарковского и О. Сурковой может стать интересной и полезной книгой. Над ней стоит еще поработать и потом ее издать. В литературном смысле она в основном написана хорошо, местами – великолепно. Наиболее сильное впечатление она производит там, где речь идет о кинематографической профессии. Здесь множество тонких наблюдений и мыслей... Думается, что недостатки рукописи вполне устранимы. Хочется пожелать авторам успеха в их работе”.

Среди общих замечаний были, например, такие: точнее определиться в жанровом отношении, “пока это и интервью, и сборник статей, и монография”. Если “определиться”, исчезнут некоторые противоречия между тем, что содержалось в давних статьях, и тем, что заключено в сегодняшних рассуждениях. Одно замечание было чисто драматургического свойства: “Если “поток” рассуждений Тарковского в основном целеустремлен, по-своему логичен, то вторжения комментатора не всегда внутренне оправданы. Случается, что О. Суркова говорит об одном, Тарковский – о другом, не реагируя на прозвучавшую реплику, продолжает начатую им раньше мысль”.

Одно-другое замечания осторожно касались общей тональности, в которой основной автор вел разговор с будущим читателем. Вот это место из заключения:

“А. Тарковский сколь интересен, столь и категоричен в своих суждениях. В конце концов, может сложиться впечатление, что именно он – истина в последней инстанции, что другие точки зрения невозможны. А они не только возможны, но они и существуют. (На проблемы монтажа, например, работы с актером, участия в фильме музыки и др.) Поэтому оговорки типа “по-моему”, “мне так кажется”, “не все со мною согласятся, но я считаю” и т. п. не только не убавили бы книге убедительности, но задали бы ей более достойный и верный тон.

Все обличия зрителей, не понимающих или не принимающих искусство Тарковского, столь яростны и несдержанны, что наводят на мысль о Юпитере, который сердится... Нужно ли в такой интонации вести разговор? Думается, что вести разговор в регистре достойного спокойствия и уважения к оппоненту, который, возможно, и заблуждается, более пристало художнику...

Производит странное впечатление полное небрежение героя книги идейным и профессиональным опытом советской, отечественной кинематографии. Предметом восторгов, признания и поклонения оказываются исключительно Бергман, Бунюэль, Антониони, Феллини, Орсон Уэллс, Рене Клер и т. д., что объяснимо и не вызывало бы вопросов, если бы... “Наши” упоминаются в редких случаях, а когда упоминаются, то им чаще всего “крепко достаётся”. Достаётся и Эйзенштейну, и Герасимову, и Шукшину, и Шепитко, и Михалкову-Кончаловскому. Благосклонно упоминается только Довженко, но лишь как автор “Земли”. Да еще Иоселиани. Справедливо ли? Нет нужды говорить здесь о вкладе советской кинематографии в становление и развитие кино как искусства. Авторы сами это прекрасно знают. Но получается странная картина – со знаком плюс выведен только один советский режиссер – Тарковский. Я умышленно заостряю вопрос и прошу меня простить за это, но, может быть, авторы обратят внимание на такой ракурс впечатления от рукописи”.

Так я писал – вполне простодушно, не претендуя на сугубо киноведческие лавры. Не уверен, что авторы воспользовались моими советами. В готовом виде я их книгу не перечитывал. Скорее всего, пренебрегли. Это их право. Судя по мемуарным источникам, они тогда работу затащили, было несколько пролонгаций, потом оба оказались за границей, и в тех условиях, понятно почему, “Искусство” так к этой книге и не вернулось.

“Спустя десять лет, – сообщает Суркова, – эта книга появилась на Западе под заглавием “Запечатленное время”, переработанная и дописанная мною в соответствии с его (Тарковского. – Д. О.) соображениями и пожеланиями”.

Ну а дальше случился форменный скандал: в немецком издании “Запечатленного времени”, той самой работе, как пишет Суркова, “с которой я нянькалась столько лет”, Тарковский “спокойно оставил только свое собственное авторское право, полагая, что денег на суд с ним у меня все равно нет”.

Но суд тем не менее состоялся, и Суркова его выиграла. Иначе и быть не могло, она, действительно, — соавтор. Даже я могу это подтвердить, как рецензент их первоначальной рукописи.

Когда до меня дошли сведения об умыкании нашим классиком чужой интеллектуальной собственности, почему-то вспомнилась его неудавшаяся “подстава” с кинопроектом о прокаженных...

На тот период, что я работал в Госкино, пришлось окончание Тарковским “Зеркала” и начало его работы над “Сталкером”. В первом случае я подключился к процессу на ходу, на заключительном этапе, во втором — отключился где-то в середине процесса.

По киноязыку “Зеркало” оказалось лентой абсолютно необычной не только для отечественного кино в целом, но и для самого Тарковского. С такой степенью свободы в использовании ассоциативных приемов, с таким погружением в недра субъективного советский кинематограф до того не встречался. Естественно, что даже в среде самых квалифицированных коллег уже первая сборка картины вызвала если и не полное отторжение, то, как минимум, недоумение. Многие просто не понимали, что же именно хотел сказать им автор.

На художественном совете киностудии “Мосфильм” в мае 1974 года, например, народный артист СССР Всеволод Санаев говорил, делясь впечатлениями сразу после просмотра: “Я понимал, что очень хорошо снято, что каждый кадр насыщен смыслово, следил за актрисой Тереховой — настолько глубоко, эмоционально она сложила роль. Это большая актерская удача. Но о чем этот фильм — разобрать трудно. Какие-то мальчишки, дети. Все, что связано с водяными процессами — дождями, шумами, волнами, — очевидно, связано с психическим состоянием, но разобраться в содержании это не помогает... Я вижу, что кинокартина сделана талантливым человеком, но что происходит на экране? Ведь фильм будут смотреть не только в Доме кино, но и более широкий зритель...” А вот мнение, высказанное там же тонким режиссером-психологом Юлием Райзманом, тоже “живым классиком”: “В картине есть эмоциональный ряд, который очень завораживает от встречи с людьми, от ритма рассказа... Но эта радость восприятия борется с непониманием того, что происходит. Эта сцена понятна, пока поймешь другую — отстанешь, возникает раздражение. Часто оказывается, что все-таки не понял...”

Заметим, это говорят не бюрократические монстры из Госкино, а художники, коллеги, люди, понимающие, что к чему в искусстве. Стенографические записи мосфильмовских худсоветов, посвященных “Зеркалу”, изобилуют подобными суждениями.

Люди от неожиданности, от непривычности такой стилистики просто не воспринимали ленту, что само по себе вполне объяснимо. Но очевидно другое — и автор, видимо, не все в ней поначалу построил так, чтобы не возникло у смотрящих лишних недоумений, не возникало не относящихся к делу вопросов. Возможно и третье. Об этом говорит такой авторитетный свидетель, как Андрей Кончаловский. В интервью журналу “Искусство кино” (4, 2007) он замечает, что с определенного момента собственного пути Тарковский просто-напросто хотел “заморочить” зрителя.

“Он явно попытался сделать это в “Зеркале”?” — уточнил интервьюер, услышав такое...

“Да, — отвечает Кончаловский, — притом совершенно сознательно. Сцены, взятые из разных мест сценария, он хотел сложить в какую-то систему видения, но они не складывались. Посмотрев рабочий материал, я сказал ему, что картина распадается на фрагменты. “А я сейчас все перемешаю: переставлю все эпизоды, и уже никто ничего не поймет!” — сказал он и хитро улыбнулся. Я ответил: “Да ты авантюрист!”

Не надо забывать также о “ролевой” разнице, что была между суждениями художников о достоинствах и недостатках произведения своего коллеги и умозаключениями тех, кто по должности отвечал за качество ленты, кто “давал поправки”. Если первые могли вполне вольно “положительно предполагать или предположительно полагать”, ничем не рискуя, то последние отвечали если и не головой, то судьбой за соответствие художественного продукта главенствующим тогда эстетическим доктринам. Конкретно они отвечали за потраченные государственные деньги, отпущенные в кредит, а значит, вы-

нуждены были печься – и это самое главное – об успехе у зрителей: придут в кассу копейки, складывающиеся в миллиарды, или не придут.

Артхаусное кино Тарковского налетало на этот монолит. Художник раздражался горестными стенаниями, забывая, что именно в этих невыносимых условиях все свои шедевры все-таки снял, причем “не на свои, а на казенные”. Наверняка с тоской вспоминал об этом, когда позже наскребал деньги на “Жертвоприношение”...

В этом смысле можно если и не оправдать, то понять причины ряда замечаний, прозвучавших там же, на “Мосфильме”, при обсуждении очередной сборки сложной ленты, которая теперь, спустя 35 лет, обросла бездной толкований и кажется сегодня очень простой и ясной. Вот, например, высказывание Бориса Павленка, заместителя председателя Госкино СССР, так, как оно было записано стенографисткой: “Никогда это в основе не отвергалось. Но уже говорилось, что надо исправить. Непонятная символика, непонятные вещи – это говорилось уже не один раз. Речь идет о том, можно ли выпускать кинофильм на экран в таком виде? Нельзя. Автор не хочет идти нам навстречу, а фильм по-прежнему понятен только ему. Есть только видимость того, что замечания учтены, а все осталось по-прежнему: и типография, и военрук, и весь военный эпизод (читай как хочешь, и атомную бомбу и др.), осталась и висящая женщина, и петух. Поначалу ясно, где сон, где явь, где воспоминания, даже отбиваются цветом, а во второй половине все смешивается, где мать, где жена – не поймешь”.

С грустью читаю в той же стенограмме собственное выступление – таким оно на фоне остальных мне видится ничемным, излишне претенциозным, зацикленным на “идейном смысле”. Сегодня только и видишь в том себе оправдание, что как мог исполнял отведенную роль в общей пьесе, имевшей сложно разветвленный сюжет. Самое печальное: я верил в то, о чем говорил. Вот это место из стенограммы:

“ОРЛОВ Д. К. Я думаю, каких-то вещей мы здесь просто недоговариваем. Принимая стилистику этой картины, ее язык и образы, необходимо внести в эту картину идейную ясность – вот о чем идет речь. Начинаются недоумения с первого кадра-гипноза. Для чего он?”

ХУЦИЕВ М. М. Мы пытались это убрать, но это не вышло. Это ввод в стилистику картины.

ОРЛОВ Д. К. Может быть, в стилистику это и вводит, но есть и другие соображения. От этого кадра до эпизода с автором (со словами: “есть совесть, память”) – я не понимаю, как это вяжется с началом. Ну, пусть я понять не могу: она моет голову, валится потолок, уйма таких вещей, мне не понятно, но пусть это остается, это язык режиссера. Хотя мне видится в этом натужность, искусственность, надуманность.

Первая половина, по сравнению с предшествующим вариантом, выстроилась, но с момента хроники (наши оборванцы-солдаты, красавцы-американцы) в картине все начинает брезжить. Взгляд автора на этот эпизод нашей истории очень субъективен, для меня лично неприемлемый.

Эпизод с военруком, с ненормальным, дебилом-военруком прямо монтируется с идущими оборванцами. Если мы запустили этот сценарий, то надо добиваться ясности – смысловой и концепционной. Евангелические моменты – “кому явился ангел в виде горящего куста?” и другие. У нас церковь отделена от государства, и методы доказательства у нас иные – не евангелистские”.

Ну и так далее...

Потом было еще одно обсуждение на “Мосфильме”, на этот раз с участием Ермаша, потом появилось заключение заместителя главного редактора Э. Барабаш, потом следующее, подписанное мною, – оба почти слово в слово повторяли тезисы Ермаша, потом Тарковский какие-то пожелания начальства выполнил, на что-то начальство махнуло рукой – и фильм выпустили. Его дальнейшая судьба известна.

Сходная коллизия не могла не проявить себя и при появлении “Сталкера”. Но со своими особенностями...

Насколько внутренний сюжет “Сталкера” вял, нетороплив и даже убаюкивающий, настолько внешние события вокруг него, а иначе говоря, история создания этого кинопроизведения оказались исполненными драматизма. Взвинтил этот внешний сюжет сам режиссер. Завершив съемки фильма, он

не стал его монтировать и озвучивать, а заявил неожиданно для всех, что отснятый материал считает браком — весь, до единого метра!

Его версия случившего изложена им самим в “Мартирологе”: “Все то, что мы сняли с Рербергом в Таллине, — дважды брак. Во-первых, технический. Причины: первая — обработка негатива (последний “Кодак”) в лаборатории “Мосфильма”. Во-вторых, — состояние оптики и аппаратуры. Главный инженер Коноплев ответственен за это. Рерберг ответственен тоже, но по другой причине — он надругался над принципами творчества и таланта. Он считал, что талант — это он сам, поэтому унизил его и разрушил его, как и самого себя. Пьянством, безбожием и непорядочной вульгарностью... Т. е., с моей точки зрения, он труп”.

Так кто же, собственно, виноват? То ли проявочные цеха “Мосфильма”, то ли инженер Коноплев, то ли оператор Георгий Рерберг, до этого и после этого ходивший в гениях, а вот именно в данном случае решивший позорно провалиться, — чья бы вина ни была, а фильма нет!

Со стороны трудно представить масштаб катастрофы. Тут ведь шла речь не только о художественных и эстетических критериях. Для десятков, а то и сотен людей это означало лишение премий и зарплат, поскольку “Мосфильм”, таким образом, не выполнял годового плана. Получалось, что большая съемочная группа минимум год трудилась впустую.

Надо отдать должное режиссеру — с подобными пустяками он не стал считаться: дodelывать фильм из такого материала, сказал он твердо, не буду.

Ермаш просек ситуацию сразу и по-своему. Вполне возможно, что близко к истине. Все дело в том, говорил министр, что у Тарковского не складывается картина, он понял, что кино не получается, вот и придумал выход: объявить материал браком, свалить на Рерберга. Ему сейчас надо, чтобы работу остановили. Никто не будет разбираться в причинах, будут кричать одно: Тарковскому закрыли картину! И он — в героях, в чистой рубашке...

— Возьми на “Мосфильме” материал и весь отсмотри, скажешь свое мнение, — велел мне Ермаш.

Я закрылся в просмотровом зале на четвертом этаже и все отсмотрел, часть за частью, со всеми дублями. Изображение было медленное, загадочное, зеленовато-синеватое, как сквозь бутылочное стекло. И выглядело оно таким от начала и до конца. Вполне можно было предположить, что здесь — соответствующее режиссерское задание, которое последовательно, титаническими усилиями, изо щренно выполнил оператор.

Когда я зашел к Ермашу поделиться впечатлениями, они никого уже не интересовали. Накатали новые повороты сюжета.

Тарковский заявил, что продолжит “Сталкера” только в том случае, если будут выполнены его условия: если студия безвозмездно спишет с группы убытки, которые образовались к тому моменту, это — раз. Два: если ему разрешат делать нового “Сталкера” не в одной, как было, а в двух сериях. И что-бы вторую серию полностью оплатили.

Тут нужен короткий комментарий. Незадолго до описываемых событий Госкино распространило по студиям строжайшее указание — до минимума сократить производство двухсерийных лент. В сетках кинотеатров они занимали двойное место, и прокат сильно терял в доходах.

В таком контексте и безвозмездное списание понесенных расходов, и требование двухсерийности было вызовом, оно выглядело желанием поставить перед руководством такие условия, за которыми бы неизбежно последовал отказ. А значит, остановка работы.

Но Ермаш не хотел закрывать “Сталкера”! Требования Тарковского были удовлетворены полностью: убытки списаны, две серии для нового варианта фильма разрешены и снова было выделено необходимое количество дорогой и дефицитной кодаковской пленки.

Глядя из сегодняшнего дня на те перипетии, поневоле спросишь: а найдется ли в мире хотя бы один продюсер, способный на подобную щедрость?..

Тогда нашелся — Советское государство в лице Ермаша, Павленка, Сизова. Специально называю фамилии, упоминаю государство, потому что прямолинейные и односторонние характеристики этих людей, осуждения системы, которую они олицетворяли, размножены в бездне статей, исследований, мемуаров, во всем том, что писалось по горячим следам, под свежими впечатлениями от обвала эпохи. Приходит, думается, время более уравно-

вешенных и справедливых оценок. Нет, не одни только тупицы и держиморды правили бал в отечественном, советском кинематографе. Будь иначе, не стал бы он при всех своих обусловленных историей недостатках великим явлением мировой культуры.

В конце концов, и сам Тарковский не отрицал своего отечественного происхождения. На лондонской премьере “Сталкера” в июле 1981 года он, рассказав корреспондентам о финансовых мытарствах и бюрократических препонах, тормозивших съемки “Ностальгии” в Италии, высказался так: “Этот случай лишь подтвердил мою убежденность в том, что только в Советском Союзе я могу снимать такие фильмы, какие хочу... В Москве, когда я приступаю к съемкам картины, мне выделяется столько средств, сколько необходимо”.

Ну, а непонимание его стилистической манеры, отдельных метафорических ребусов показывали иной раз не только редактора и руководящие администраторы, но и коллеги по режиссерскому цеху, самые авторитетные среди них художники.

В сентябре 1977 года опять же на “Мосфильме” прошло заседание художественного совета. В нем участвовали все ведущие мастера крупнейшей студии страны. Зачем их собрали? Во-первых, чтобы показать забракованный Тарковским материал и решить, можно ли что-то из него использовать в дальнейшем, а во-вторых, обменяться мнениями о новом, теперь уже двухсерийном, сценарии “Сталкера”. Из “начальства” присутствовали только главный редактор “Мосфильма”, один из умнейших людей на студии Леонид Нехоршев, он и вел, да я – главный редактор Госкино.

Беглые записи, сделанные тогда, сохранились в моем старом блокноте.

Уверенно “отбивался” от нападков главный инженер Коноплев: Рерберг, рассказывал он, получил пленку для фильма, проверил ее и не отверг. Мало того. Фирма “Кодак”, никому не доверяя, сама проверяет состояние своей продукции, выдает соответствующий сертификат. Вот он, на руках... Все было в порядке. На той же машине, что и “Сталкера”, проявляли “Сибириаду” и “Юлию Вревскую” – никаких нареканий не было. Дважды пленку проверяло операторское бюро студии и пришел к выводу, что технических причин для брака нет. Мне кажется, сказал главный инженер студии в заключение речи, что сами съемки велись в неправильной свето-тональной гамме, слишком много “режима”, но это, извините, решение, которое избрал режиссер...

Постепенно проблему “вины” за пленочный брак режиссеры вообще отодвинули в сторону: только Тарковскому решать, можно ли из отснятого материала что-то использовать в дальнейшем... Стали говорить о сценарии. Многим он понравился, хотя оговаривались, что ряд моментов в нем можно трактовать по-разному. Заспорили о Зоне – что это? Может быть, концлагерь? Откуда она взялась? Как ее понимать? Райзман, например, говорил: “Герои чего-то боятся, а чего – мы не видим. Но нельзя же это тянуть до бесконечности, должно же что-то происходить...” Ему вторил Александр Зархи: “Две серии – больше денег, понятно. Но как смотреть две серии, когда это даже читать тяжело! Очень затянута. Как зритель я не могу понять причину волнения героев. Вспоминается фраза Толстого: “Он пугает, а мне не страшно”. “Все полно вялости”, – заметил Л. Арнштам. “Что касается показанного материала, то мне кажется, что снято однообразно, вызывает чувство скуки, – говорил Владимир Наумов. – Сценарий к повести Стругацких не имеет никакого отношения... Словообилие и словоотделение – это плохо. Даже диалогов нет, персонажи обмениваются монологами. Конечно, такое возможно, но не только же это... По мне, так здесь не хватает глубины, есть момент вычурности... Многое слишком дидактично и назидательно...”

А вот М. Хуциеву сценарий показался интересным: “Он нравится мне строгостью, ограниченностью выразительных средств”. Сценарий поддержали И. Таланкин, оговорившийся, правда, что “сценарная запись абсолютно зашифрована”, Е. Дзиган, Г. Рошаль, В. Строева.

Таков был вкратце калейдоскоп суждений. По нему видно, что о сценарии и вообще о проекте в целом судили-рядили не только в начальственных кабинетах, как принято считать, но и на студии, в кругу коллег. Расширенный художественный совет пришел тогда к выводу, что Тарковский должен продолжить работу над фильмом.

Тарковский сидел напротив меня, по другую сторону широкого стола. Когда собрание заканчивалось, он вдруг подтолкнул ко мне по полированной

столешице сценарий: изучайте, мол, двухсерийная работа уже проделана. Студийное руководство он, таким образом, демонстративно игнорировал, минуя его, отправив одним толчком сценарий сразу в Госкино. Одновременно показывал, что ничего из сказанного здесь в течение последних нескольких часов он учитывать не собирается.

Мне потом пришлось официально вернуть сценарий на студию, чтобы его там все-таки рассмотрели.

Сценарий оказался очень небольшим по объему – страниц 45. Мало-мальски событийная канва как отсутствовала с самого начала, так и здесь не появилась. Сталкер, Профессор, Писатель шли и шли по Зоне, направляясь к неведомой комнате, и обменивались монологами. Череда монологов, собственно, и была сценарием. Поэтому он оказался как бы укороченным. На самом деле, если все слова произнести вслух, то по времени они рисковали не уместиться и в две серии.

Но дело не в этом. Рака уже так далеко загнали за камень, если иметь в виду ситуацию в целом, что было ясно: Тарковский это все равно снимать будет. Но я не мог понять главного: зачем он хочет это снимать? В чем тут “мулька”, так сказать? Почему он так колотится, сначала ради одной серии, потом даже двух? Что ему дорого в этом, на первый взгляд, нагромождении фило-софических банальностей?

Ну да, своим внутренним взором режиссер уже видел трех чудо-актеров – Анатолия Солоницына, Александра Кайдановского, Николая Гринько, бредущих по грязи и болоту, вокруг сторожевые вышки, мрачная электричка едет, что-то вздыхает, скрипит, ухает, все мрачное, густо зелено-сине-коричневое, неторопливое, как неизбежность.

Но я-то пока видел только буквы на бумаге, читал текст, он – сам по себе, не преобразен изобразительной значительностью и кинематографической ворожкой, которые могут отвлечь от понимания смысловой сути. А ухватить суть – не получалось. Ясно видел, что текст или балансирует на грани общих мест, или сплетается в такие словесные кренделя, что смысл убегает... Но в любом случае остается неясным, что здесь могло так взволновать режиссера? Моим жалким умом всего этого объять не получалось. А хотелось. Да и положение обязывало.

Вот, например, Писатель изъясняется: “Откуда мне знать, как назвать то... чего я хочу? И откуда мне знать, что на самом-то деле я не хочу того, чего я хочу? Или, скажем, что я действительно не хочу того, чего я не хочу?” Ребус. Зрители в кинозале вынуждены будут разгадывать его со слуха...

Тот же Писатель в другом месте: “Раньше будущее было только продолжением настоящего, а все перемены маячили где-то там, за горизонтами. А теперь будущее слилось с настоящим. Разве они готовы к этому? Они ничего не желают знать! Они только жр-р-ут!” Как ухватить смысл загадочной метаморфозы: будущее, которое “слилось с настоящим”? Как понять?

Или вдруг объявляются в тексте вполне школьные прописи про музыку, ими делится Сталкер: “Вот, скажем, музыка... Она и с действительностью-то менее всего связана, вернее, если и связана, то безыдейно, механически, пустым звуком... И тем не менее музыка каким-то чудом проникает в самую душу”. Прямо скажем, то еще откровение: музыка проникает в душу...

Когда же Писатель набросился на Профессора с обличениями: “Вся эта ваша технология... все эти домны, колеса (?)... и прочая маета-суета – чтобы меньше работать и больше жрать – всё это костыли, протезы”, – когда он так стал высказываться, то не могло, конечно, не вспомниться гораздо раньше сказанное о том же, но точнее, Львом Толстым, а еще раньше Жан-Жаком Руссо. Наш Писатель явно запаздывает со своим гневом, хочет поразить откровением, а опять изрекает очевидную банальность.

Правда, упомянутые классики не покушались на изобретение колеса. Колесо оставили в покое, потому что без него не то, что без домны, – было бы уж совсем плохо. Писатель в “Сталкере” и на колесо ополчился.

Но что колесу – всему человечеству, в конце концов, досталось:

“ПРОФЕССОР. Хотите одарить человечество перлами своего покупного вдохновения?

ПИСАТЕЛЬ. Плевал я на человечество. Во всем вашем человечестве меня интересует только один человек. Я то есть. Стою я чего-нибудь, или я тоже же дерьмо, как некоторые прочие”.

Тут мне вспоминается водевиль Ильфа и Петрова “Сильное чувство”. Там среди прочих есть два действующих лица: одного зовут Лев Николаевич, другого — Антон Павлович. Оба отменные выпивохи. На свадьбе Лифшица Лев Николаевич поднимает бокал:

“ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ. За счастье человечества! Верно, Антон Павлович?

АНТОН ПАВЛОВИЧ. Верно, Лев Николаевич. За человечество! Черт с ним!”

Ильф и Петров проиграли, хотя и выступили раньше: их “черт с ним” звучит гораздо менее терпко, чем “дерьмо”.

Я перечитал сценарий пять раз. Почему так много? Упрямо хотел понять.

Так у меня бывало при решении шашечных задач: день — нет решения, два, на третий осеняет: ведь как просто!

Я и здесь ждал, когда осенит, когда, наконец, до меня дойдет, что Тарковский хочет сказать этим сюжетом и этими бесконечными словесами, сплошь и рядом не отмеченными ни откровениями, ни доказательностью? Что спрятано под вычурностью? Какая цель у этой смысловой затемненности? Какой мессидж посылается мне — читателю и зрителю?

Меня “пробило” после пятого прочтения. В воображении вдруг возник вариант концепции абсолютно прозрачной по смыслу, стройной до примитивности. Если ее принять, то все кажущиеся противоречия и смысловые нестыковки мгновенно испарялись, непонятности исчезали, обнаруживалась ясная логика в деталях и в целом. Но тогда получалось, что мы имеем дело не с фильмом так называемой фантастической жанровой принадлежности, а нам просто предложен эзопов язык — сказано одно, а понимать надо иначе.

На сайте “Русское кино” в интернете можно прочитать выдержки из дневника Леонида Нехорошева, главного редактора “Мосфильма”, прошедшего рядом с Тарковским весь тернистый путь “Сталкера”. Вот что он пишет, делясь давними впечатлениями от нового варианта сценария: “Новизна пути, как теперь ясно, выразалась прежде всего в изменившемся жанре вещи... Здесь — в новом сценарии “Сталкер” — притча определяла все. **Рассказ был об одном, а на самом деле говорилось** (по притчевому принципу уподобления) **о другом**. Режиссер неминуемо пришел к притче — это была, пожалуй, **единственная возможность высказывания во враждебной атмосфере запрети- тельства**. Когда смысл сюжета иносказанием не только раскрывается, но и **прикрывается**. От тех, кому не нужно его знать, — от непосвященных... Но притчевый путь опасен минами плоских **политический прочтений!**.. (Везде выделено мною. — **Д. О.**)”.

Не только “плоских”, добавим, но и не плоских тоже. В зависимости от того, какова притча: плоская или не очень.

Можно снять шляпу перед редакторской прозорливостью Л. Нехорошева.

В своем дневнике он подтверждает и версию Ф. Ермаша, объяснявшего поведение режиссера в тот период: “Думаю, что Тарковский нарылся сознательно, он уже хочет, чтобы картину (“Сталкер”. — **Л. Н.**) закрыли, чтобы был межд. скандал. Пред. не хочет дать ему этой возможности”.

О приемах, к которым прибегал режиссер, чтобы из собственных творческих трудностей выжать политический скандал, сказано чуть выше.

Немалый скандал получился бы и в том случае, стань известной моя гипотеза истинного смысла картины, до которой я прорвался после пяти прочтений. Поэтому она при мне так и осталась. Слишком далеко зашла, чтобы останавливаться и менять оценки. На проект уже существовала официальная точка зрения: фильм — научно-фантастический и никакого отношения к нашей реальной действительности не имеет. В таком духе Ермаш неоднократно высказывался публично, того же придерживались его подчиненные.

В готовом фильме Тарковский так глубоко запрятал свою идею, накрутил в сценарии, а потом на экране столько словесных и образительных загадок, что в результате дал повод для рождения не одной, а миллиона концепций. “Спрятать” основной смысл помог, конечно, и умница Леонид Нехорошев, вовремя увидевший, где иносказание “раскрывается”, а где его нужно дополнительно “прикрыть”. “У меня сохранился экземпляр сценария двухсерийного фильма “Сталкер”, — признается он в мемуарах, — довольно нахально — вплоть до вписывания кусков диалога — исчерканный моим карандашом”.

В итоге формальности были соблюдены, среди всех необходимых подписей появилась и моя, и фильм был запущен в производство. Тарковский по-

ехал снимать под Таллин, а я как раз в это время оказался посланным в “Советский экран”, на улицу Часовая, через двор от дома, в котором жил.

Снимался новый “Сталкер”, принимался и выпускался на экраны уже без меня. Я увидел фильм в готовом виде на премьере в Доме кино. Что сказать? Гений есть гений, что хотел, то и снял. Принципами не поступился. Практически все было сделано точно по сценарию, в финале, правда, девочка-мутантка, дочка Сталкера, стала взглядом передвигать стакан. В литературной записи этой сцены, помнится, не было. Теперь появилась – лишний повод поразгадывать. Если это, – вспоминая Кончаловского о Тарковском, – не очередная успешная попытка “заморочить” зрителя.

Люди с премьеры расходились сумрачные, в глаза друг другу старались не смотреть. Они наперед знали, что идут на “гениальное”. Теперь скажешь “не понял” – получишься дураком, скажешь “понял” – запутаешься.

Со “Сталкером” судьба свела еще раз. И вот эта встреча получилась почти фантастической.

В январе 1981 года я оказываюсь в делегации, которая едет на международный кинофестиваль в Дели. В нашей делегации – красавица Вера Алентова, несравненный армянский талант кинорежиссер Генрих Малян, возглавляет – первый зампред Госкино СССР Николай Сычев. А во главе жюри того фестиваля был сам Григорий Чухрай, которого одна индийская газета представила тогда как “героя войны со страстью к кино”.

Мы привезли с собой несколько новых фильмов, которые шли вне конкурса. Был среди них и “Сталкер”. В один из последних дней давали пресс-конференцию. Алентова замечательно рассказывала про Москву, которая “слезам не верит”, Малян про свой фильм “Пощечина”, мне же достался вопрос о фильме “Сталкер”. Я и принялся лепить, что полагалось: что это – научная фантастика, что талантливый режиссер сложно и глубоко исследовал проблему места человека в жизни, его личной ответственности перед собственной судьбой, что никакие волшебные комнаты не дадут человеку счастья, если он не будет его добиваться самостоятельно. Примерно в таком духе.

После конференции меня обступила группа молодых людей, по-индийски смуглых, черноволосых, с живыми, я бы даже сказал, сверкающими темными глазами. “Мы, – представились они, – коммунисты из Калькутты. Мы хотели бы лично с вами поговорить о фильме “Сталкер”, задать несколько вопросов. Мы чего-то не понимаем... Назначьте, пожалуйста, время...”

И вот сидим в гостиничном номере, переводит Женя Бегинин, блестяще знающий английский, наш делийский экспортфильмовец.

Калькутта – это Рур Индии, самый большой город страны. Там мощная и разнообразная промышленность, общественная жизнь бурлит. Что за коммунисты сидят передо мной, не очень ясно, то ли они традиционные, так сказать, коммунисты, то ли члены параллельной компартии Индии, из тех, что ушли в левый раскол? В данном случае это значения не имело. И вот они говорят:

– Нам показалось, что “Сталкер” – сугубо антисоветский фильм. Мы правы?

Я оторопел, но вида не подал:

– Почему вы так решили?

– Ну, как же: показан Советский Союз, всё в грязи, в запустении, колючая проволока, сторожевые вышки. Зона – это ЦК КПСС, а комната, где исполняются желания, – Политбюро ЦК, высший ареопаг, от которого все зависит... Там и карают и милуют. Мы поняли так ...

– Нельзя же столь прямолинейно трактовать художественное произведение! Тем более сделанное в фантастическом жанре! – Я сопротивлялся, по-прежнему между тем, что этим ребятам палец в рот не клади.

– Фантастика фантастикой, но мы же понимаем, – продолжали меня доставать молодые индусы. – Кто такой Сталкер? В Комнату ему заходить запрещено. Он партийный функционер среднего звена. Завлекает интеллигентов обещанием благ, которые можно получить в Зоне, водит туда профессоров и писателей, обольщает идеологией Комнаты. И этим живет.

Тут мне почему-то вспомнился А. Камшалов, заведующий сектором кино в ЦК. В трактовке калькуттской молодежи такие, как он, – именно сталкеры.

– Нет, дорогие мои, это фильм-путешествие, причем путешествие в пространстве человеческой души, – продолжал я гнуть свое, то есть официальное. Но они наседали:

– Или гайки, которые разбрасывает Сталкер, обходя опасные места, – это же Зона показывает им, где не следует отклоняться. От основной линии. У вас в СССР даже выражение есть: “закручивать гайки”. Помните, Профессор объясняет: “Настоящий Сталкер – это не профессия. Это в каком-то смысле призвание”.

Потом ребята напомнили про стену из книг в халупе Сталкера – он интеллектуал! Много читает, служба требует... Режиссер уложил его в лужу, а в параллель пустил собаку – метафора униженности и собачьей верности.

Словом, они разбрасывали гайки своих толкований, гайки взрывались, а я уворачивался. Мои тезисы, мне казалось, тоже были стройными.

Препирались довольно долго. Каждый остался при своем. Я – с тезисом о том, что народный артист РСФСР Тарковский создал новое произведение, достойное его недюжинного таланта, они – с неразвешенной своей озабоченностью за судьбу Советской власти, которая выпустила фильм, подрывающий ее самою. Просто, как два пальца...

Но когда я сегодня читаю:

“Эстетика “остранения” – странного в обыкновенном – нашла в “Сталкере” самое последовательное воплощение, будучи почти без остатка доверена контрапункту изображения и звука, создающего пространство фантастического”, или более того – “Благодаря тому, что в центре картины оказался если не рыцарь веры, то рыцарь самопожертвования: жертвования в себе тщеславно-плотским во имя тайны в себе. Той тайны, которая на самом деле есть тайна Зоны, на внешнем плане манифестируемая тайной каждой травинки, куста или трубы, а на внутреннем – неслышимой музыкой и невидимым свеченьем этического эроса”, – когда я читаю подобное, не в силах продрагаться сквозь словеса, по мнению авторов подскананных впечатлениями от “Сталкера”, я почему-то вспоминаю молодых людей из перенаселенной, жаркой, далекой Калькутты. У них там, наверное, существуют свои мифы, но они не заморожены нашими. Поэтому их суждение о выдающемся советском фильме, конечно же, можно посчитать примитивным – оно же основывалось только на том, что им показали, а они увидели. Без заморочек. Пытались и мне втолковать. Но не тут-то было...

Заключительный эпизод на тему “Тарковский и я” относится к периоду, когда приближалось 50-летие Андрея Арсеньевича. Уже года четыре я был главным редактором журнала “Советский экран”.

“А что, если отметить юбилей?” – спросил я сам себя.

Тарковский в это время уже прочно осел за границей, возвращаться не собиравшись, имя его в советской печати называть перестали. Если опубликую соответствующий материал, рассуждал я, то рискую вызвать гнев начальства. Это с одной стороны. Но с другой, как журналист и руководитель издания, я отлично понимал, какой грандиозный интерес вызовет у читателей такое выступление. Я прикидывал: надо рискнуть, может быть, накопленного авторитета хватит, чтобы не быть уволенным сразу. Пусть творчество Тарковского – не то единственное, что бы я взял с собой на необитаемый остров, но в данном случае это к делу не относится. Все вокруг давно считают, что он великий режиссер, и не к лицу кинематографическому журналу пройти мимо такого события... Журналист во мне победил.

– Андрей Маркович, – спросил я нашего штатного обозревателя Андрея Зоркого, – не возьмись бы написать большой очерк о Тарковском, ему скоро пятьдесят?

– А вы напечатаете? – не поверил он своим ушам.

– Конечно, что за вопрос.

Зоркий был человек талантливый, он написал много и хорошо. Все было опубликовано. “Советский экран” оказался единственным органом печати, который столь пространно и достойно отметил славный юбилей. Все остальные промолчали. Только “Искусство кино” и “Спутник кинозрителя” скромно поместили по фотографии и коротенькому дежурному поздравлению.

А спустя лет пять в журнале “Дружба народов” появляется вдруг статья, в которой черным по белому написано, что о 50-летию Тарковского в отечественной печати не было ни строчки. Сочинив письмо, устанавливающее истину, я отправил его в журнал главному редактору С. А. Баруздину. Там корчили примерно полгода, не желая признавать свой ляп, но всё-таки опубликовали, сопроводив корявым, с передержками и ошибками, комментарием. Я приве-

ду здесь свое послание, ничего не меняя. В нем не только отражена суть вопроса, но и видно время, в которое письмо появилось:

“Уважаемый Сергей Алексеевич! Будучи давним читателем “Дружбы народов”, не менее давним подписчиком журнала, много раз испытывал я чувство удовлетворения, знакомясь с теми или иными публикациями. Но теперь должен поделиться огорчением, которое принес №1 за этот год. В нем опубликован очерк Виктора Лойши “Такое кино”, в котором изложена точка зрения автора на творчество и судьбу Андрея Тарковского.

Есть в очерке такое место: “Свое пятидесятилетие Тарковский отмечал 4 апреля 1982 года в Риме. Ни “Советский экран”, ни “Искусство кино”, не говоря уже о менее специальных изданиях, не поместили ни строчки по этому поводу”.

Поскольку в указанный период именно я был главным редактором журнала “Советский экран”, то, естественно, знаю, что если открыть №7 “Советского экрана” за 1982 год (он поступал к подписчикам в первых числах апреля, то есть именно к юбилею Тарковского), то в нем можно обнаружить на стр. 14, 15, 16, 17 очерк Андрея Зоркого “Притяжение земли” под рубрикой “Портрет мастера”. Тут не одна, а целых 413 строк о творчестве Андрея Арсеньевича, и, кроме того, там помещены его большой фотопортрет и кадры из фильмов “Каток и скрипка”, “Иваново детство”, “Сталкер”, “Зеркало”, “Андрей Рублев”, “Солярис”, то есть из всех, что были поставлены им к тому времени.

Приведу заключительные строки этой нетривиально объемной для тонкого журнала публикации:

“Андрею Тарковскому 50 лет.

Двадцать лет звучит в кинематографе его имя. И все эти двадцать лет он остается художником дискуссионным — в самых разных аудиториях.

В спорах с ним и о нем часто слышится: о сложном надо уметь говорить просто. А он всю свою жизнь в искусстве совершает прямо противоположное: он говорит сложно о простом, вечном, изначальном, без усталости стремясь открывать в предмете или явлении суть и нравственную основу. Не в том ли и состоит одно из самых высоких предназначений искусства?”

Увлечись темой, В. Лойша, видимо, решил для ясности упростить проблему, выпрямить параболу, которая привела Тарковского в эмиграцию. Но жизнь сложнее... Оказывается, не только В. Лойша и его “маленький и глубоко провинциальный сибирский Томск” умели отдавать должное “делам и трудам художника”.

Воздав хвалу своей и томичей прозорливости, В. Лойша как сотрудник редакции свидетельствует, что главный редактор областной томской газеты “Красное знамя” тогда, в 1979 году, потребовал, “чтобы ни одной строчки о Тарковском в газете не появлялось”. И не появилось. Во времена более крутые и в ситуации более запутанной, то есть в 1982 году, идею главного редактора “Советского экрана” дать очерк к 50-летию Тарковского поддержал и коллектив редакции, и редколлегия. Очерк был написан и опубликован.

Не думаю, что В. Лойша сознательно прибег к инсинуации. Можно предположить, что он просто поддался гипнозу повсеместно повторяемой версии, согласно которой, как размашисто сформулировано в очерке, Тарковского “буквально выпихивали в эмиграцию”. Не будучи достаточно осведомленным во всех деталях этой печальной истории, он, к сожалению, еще и не потрудился проверить достоверность того, о чем пишет.

Невольно вспоминается недавнее выступление Михаила Сергеевича Горбачева перед деятелями науки и культуры. Говоря об ответственности средств массовой информации в условиях социалистического плюрализма, о неприемлемости необоснованных выводов и суждений, он заметил: “...должен сказать откровенно, появилось много вранья”. Вот уж воистину!

Публикация моего письма, в которой я уверен, подтвердит реальность практических выводов из следующих слов в том же выступлении: “И самое главное, что не все и не всегда имеют возможность защитить свое имя”.

P. S. Почему-то В. Лойша посчитал необходимым указать, что его интервью с Тарковским было напечатано в бюллетене “Кино”, выходящем в Риге, “в ноябрьском номере за 1979 год тиражом 45903 экземпляра на латышском языке и 19303 на русском”.

Мне остается сообщить, что очерк Андрея Зоркого “Притяжение земли”

был опубликован в первом апрельском номере “Советского экрана” за 1982 год тиражом 1 900 000 экземпляров. Правда, только по-русски”.

Интересно, дошла ли юбилейная публикация в “Советском экране” до самого Андрея Тарковского? Или от него скрыли?..

“Спасай, Никита!”

Вполне дурашливый эпизод засел в памяти. А может быть, и не совсем дурашливый, а даже вполне серьезный... Он относится ко времени, когда создавался сценарий знаменитого фильма А. Михалкова-Кончаловского “Сибириада”.

В апреле 1975 года оказываюсь в санатории “Сочи”, привилегированном, входящем в епархию Совета Министров. В одно из ранних утр в нижнем холле вижу Валентина Ежова – знаменитого сценариста и не менее знаменитого нарушителя спортивного режима. Здесь он свеж, прям, только курит как-то нервно, озирается и прячет сигаретку в кулаке.

– Валя, вы тоже здесь?!

– Андрон привез, делаем сценарий. Ни выпить, ни покурить не разрешает. Вот – прячусь...

При этих словах лауреат Ленинский премии за фильм “Баллада о солдате” Валентин Ежов, по пьянке потерявший однажды свою медаль с профилем Ленина, живо спрятался за колонну. А через холл, устремляясь на весенний пленер, пробежал в тренировочном костюме Андрон Михалков-Кончаловский, последовательный сторонник здорового образа жизни.

Размах, постановочный изыск, художественная основательность и серьезность “Сибириады”, конечно же, понуждали начальство проявлять к ней особое внимание. Тем более что и затевалась картина не просто так, а к очередному съезду партии. Правда, к съезду не успели. Вышла в свой срок и вполне победно.

Несколько раз Кончаловский появлялся в моем кабинете, – обсуждали поправки, прикидывали, как удовлетворить, не поступаясь цельностью. И что обращало внимание: Кончаловский не впадал в истерику, не гневался и не дергался. Быстро находил решение, в результате которого и поправка была удовлетворена, и суть не страдала – все равно получалось то, что он считал правильным. Истинный талант всегда широк и изобретателен.

Суммируя свои редакторские впечатления тех лет, пришел к выводу: с талантами находить общий язык гораздо легче, чем с полуталантами или бездарями. Чем крупнее была личность, чем одареннее, тем спокойнее и конструктивнее воспринимались ею соображения со стороны – без гнева, истерик, по-деловому. Или в разумном режиме отстаивались аргументы с той и другой стороны, или находились компромиссы.

Никита Михалков сдавал “Рабу любви”. После просмотра уединились в моем кабинете. Сели друг против друга. Я начал излагать какие-то соображения, не помню уже, какие, но весьма незначительные по сути. Картина была сложена мастерски. Тут не замечания скорее требовались, а поздравления создателю. Они, конечно, прозвучали тоже. Никита с чем-то легко соглашался, с чем-то так же легко, но цепко не соглашался. Словом, шла предельно мирная беседа.

И тут открылась дверь, и появился сам классик – с Золотой Звездой Героя на лацкане – Сергей Владимирович Михалков. Папа пришел поддержать сына в трудную минуту.

– Отец, уйди! – замахал руками Никита. – Все нормально! Сами договоримся! Подожди там!..

Михалков-старший скрылся.

Так вот запросто удалить из своего кабинета самого Сергея Михалкова мне бы никогда не пришло в голову. А тут случилось, причем на совершенно мне не подвластном семейном уровне: подожди там! В этом было даже нечто трогательное: посодействовать своему младшенькому, хотя младшенький уже и без содействия мог постоять за себя, прежде всего собственным талантом. Он уже был крупной личностью – отличной от отца, но тоже несравненной.

Мы быстро завершили собеседование, и Никита ушел. А я выглянул из

кабинета: вдруг Сергей Владимирович все еще в приемной? Его уже не было. Значит, действительно приходил ради сына...

В том кабинете довелось пообщаться со многими славными. Они приходили, конечно, не ко мне лично, а к должностному лицу. Шли не потому, что мечтали увидеться со мной, грешным, а понуждаемые собственными творческими проблемами, которые надеялись здесь решить. Ни дать ни взять комната в "Сталкере". Хотя со стороны это выглядело, конечно, странно: за ними – авторитет сделанного в искусстве, за мною – не очень понятно что... Государство? Партия? Власть, основанная на призрачном знании того, "что требуется"?

Могу, пожалуй, только тешить себя тем предположением, что они удивлялись, обнаружив в кабинете существо, способное выражаться вполне грамотно и не являть в разговоре профессиональных глупостей. Я же должен повториться: с мэтрами общаться всегда оказывалось проще и легче, чем с графоманами. Были, конечно, исключения, но в целом это было так.

Осмысление случившейся катастрофы, приведшей к исчезновению великой империи, – работа надолго. Исчезновение кинематографа этой империи – только часть общей картины. Но очень выразительная часть – со своей механикой, сюжетом, включенными в действие персонажами. Уничтожение массового журнала "Советский экран" – часть развала кинематографа и тоже – со своей механикой, сюжетом, персонажами. Возможно, свидетельства участника тех событий – автора этой книги, а он был включен в самую их сердцевину, многое видел собственными глазами, все пережил и в определенном смысле даже "пострадал", – окажутся интересными и для читателя сегодня, и для тех, кто потом займется тем самым "осмыслением"...

Добавлю, что исчезновение "Советского экрана", своей постоянной и видной отовсюду трибуны, критики благополучно проглотили, не издав ни единого возгласа протеста.

На V съезд я пошел "гостем", и те три дня, которые потрясли отечественный кинематограф, провел в Кремле.

Нет необходимости в очередной раз описывать топот зала, вопли из рядов, шумные захлопывания, все прочие сотрясения стен Большого Кремлевского зала к ужасу охраны – многими рассказано про то, как озвучивала себя безответственно спущенная с верхов "свобода", тем более бесстрашная, что ошалела от разрешенности.

Сейчас, на холодную голову, понимаешь, да и тогда было очевидно: говорили – "хотим новых", а подразумевали – "хотим себя".

На третий день съезда цель была достигнута.

Приступили к отработке списка кандидатур для голосования в состав секретариата и правления, причем действовали именно по тому принципу, что был опробован на собрании критиков: к объявленным именам стали вольно добавлять новые. Добросовестный Анатолий Гребнев фиксирует в своих воспоминаниях: "Называют наряду с известными и случайные имена, кажется, только что кому-то пришедшие на ум, и, похоже, с одной целью – расширить список. Понятно: добавили 31 имя – ровно столько же не пройдут в новое правление Союза". Так за бортом оказались Никита Михалков, который с трибуны отстаивал честь Бондарчука, сам Бондарчук, Ростоцкий, Кулиджанов, Юрий Озеров, Караганов, Капралов, Юренев, были там и не такие знаменитые, но тоже добросовестные профессионалы, даже мастера в своем деле, кто работой доказал преданность отечественному кино. И вот, надо же, – оказались неугодны сообществу коллег.

Среди "отвергнутых" оказался и я. Нас, таких, уже и в живых-то почти не осталось. Надо поторопиться всё вспомнить. Уже нет Ермаша, Баскакова, Александра Караганова, ректора ВГИКа Виталия Ждана, оргсекретаря Союза кинематографистов Григория Марьямова, главного редактора "Искусства кино" Юрия Черепанова, нет режиссеров Бондарчука, Озерова, Ростоцкого, Лотьяну, Згуриди, Кеосаяна, документалиста Гутмана, народного художника СССР Михаила Богданова, актеров Всеволода Санаева и Лидии Смирновой, критика Ростислава Юренева... Тут, пожалуй, остановлюсь, дабы не затягивать мартиролог. Но и не грех повторить имена этих людей – талантливых, достойных, в большинстве своем даже выдающихся, и – отвергнутых, но не просто так, а под улолюкание.

Во времена мифов и лозунгов считалось, что при революционном движении кто-то непременно должен двигаться впереди: то ли "юный Октябрь впе-

реди”, то ли Мальчиш-Кибальчиш верхами, то ли вообще время в целом – “Время, вперед!”

Кандидата на роль Мальчиша-Кибальчиша – Элема Климова – кинематографическому сообществу подсунил Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза в лице своего главного идеолога в тот момент, номенклатурного академика Александра Яковлева.

Впереди поскакал 53-летний Мальчиш-Кибальчиш, проголосованный единогласно выходец из семьи высокого партийного бонзы, не столько художник, с моей точки зрения, сколько экранный шукарь, втайне, видимо, осознающий это. (Судьба изощрилась – для контраста – дать ему талантливейшую жену, которую и забрала, к несчастью.)

Любой психолог без всяких тестов сразу бы определил, что по психологическому складу, особенностям личности этому человеку категорически противопоказано было “работать с людьми”. Всегда с уныло оконечившим ликом, злобный и прямолинейный, как лом, несгибаемо упрямый, он и сам постарался, и обласканная им клака. Производство рухнуло, кинотеатры преобразились в бутики, автомобильные и мебельные салоны, ночные бары с рулетками, загнулся самый массовый в мире журнал про кино, и еще разное рухнуло – крупное и по мелочам, не считая многих творческих судеб.

Интересная деталь. Натерпевшись замечаний и запретов во времена, когда самовыражение в кино осуществлялось за казенный счет, этот грозный лидер в новой обстановке, когда получить деньги под его известное имя и должность не составляло бы труда – снимай, не хочуй! – в свои самые, казалось бы, расцветные годы – уже при мудрости и еще в силе – за семнадцать лет не поставил ни одного фильма! Получилось точно по формуле Никиты Михалкова: принимал чужие поражения за свои творческие победы. Отчего и обессилел.

То, каким получился V съезд, как прошел, к чему привел кинематограф, что в нем порушил и что вознес, пусть и в другом масштабе, но можно сравнить с судьбой страны в целом. И там, и там – победил один принцип: надо было удалить аппендикс, а отрезали ногу. И руку. Голову оставили, но забыли с ней посоветоваться.

...”Искусство вечно, жизнь коротка”, – говорили древние. В принципе с ними согласиться можно, но не совсем. Жизнь, действительно, коротка, но все-таки не настолько, чтобы не успеть разглядеть происходящих в ней перемен. Двенадцать лет, скажем, для мировой истории – сущее мгновение, а если посмотреть на двенадцать лет после того кинематографического съезда, то только руками разведешь – столько событий они в себя вместили. Достаточно сказать, что Советского Союза не стало со всеми вытекающими из этого последствиями! Но я обещал вспоминать “про кино”, поэтому про кино и буду...

За двенадцать лет в сознании отечественных кинематографистов, вполне безнаказанно разрушивших родное кино до основания, произошел поворот на 180 градусов. Киношный народ убедился, что возведенные им на пьедестал временщики “не тянут”, еще немного – и родное экранное искусство аннигилирует. Срочно надо что-то делать. И в самом конце 1997-го был созван III съезд, теперь уже кинематографистов только России, а не СССР – “похудели” на 14 республиканских кинематографий.

То, что успели натворить, теперь признали ошибкой, а того, кого прежде отовсюду погнали, стали умолять вернуться и даже их возглавить.

Тогда, в 1986-м, как известно, взрывали тоталитарное, советское status quo, просуществовавшее долгий ряд десятилетий под ленинским лозунгом “из всех искусств для нас важнейшим является кино”. Теперь взялись за постсоветское, возрасту имевшее десятилетие с небольшим. Замечено, что при установлении того или иного статуса одним всегда оказывается хорошо, другим – плохо. Даже когда почти всем плохо, кому-то непременно окажется хорошо. Перед нами как раз был такой случай.

Большинство киношников затосковало и даже закручинилось. Отдельные же, кого было мало, но только их было теперь видно, взяли реванш за недоданную им раньше радость публичности. Они быстро приспособились, пообтерлись в обстановке распада основных кинематографических профессий, купили себе бабочки, распустили животы и затеяли активно встречаться друг с другом на придуманных ими фестивалях, “Никах”, “Зеленых сливах”, “Перезрелых арбузах” и т. п., дурача правительство и спонсоров уверениями, что

их натужно-развеселые тусовки и есть единственно возможная форма существования родного кино. Нет, мол, фильмов, так хотя бы себя покажем, чтобы ведал мир – есть еще в России интеллигенция, не сгинула.

Если суммировать ими халявно полученное и весело потраченное, так хватило бы того на производство сотни-другой полнометражных фильмов.

Начало представлялось славным и приятным. Но, помнится, еще Гёте замечал, что именно на пороге неплохо бы останавливаться. Какое там! Приятный процесс пошел и – все дальше и дальше.

От обилия “мероприятий” окончательно, кажется, утратил облик отраслевой министр. Им тогда стал Армен Медведев. Может, оно и резко сказано, но по телевизору в адекватном состоянии ему не удалось показаться ни разу. Былая способность с юмором поговорить о серьезном, примиряя противоборствующих, что было, собственно, фундаментом его карьеры, полностью испарилась. Вынужденный по должности выходить к микрофонам, он теперь с трудом выговаривал несколько фраз (“Сейчас нам хорошо”. Веселое оживление в зале) или сжевывал даже простую мысль, обессиленный синдромом неадекватной слезливости. Как при этом он распределял отпускаемые государством на кино крохи, одному Богу было известно. Но всем хорошо известен результат.

Славно было не только подвизавшимся на государственной ниве, но и на общественной тоже. Они не пропускали тусовок, где присутствуют телекамеры, хохмили на всякого рода открытиях и закрытиях, конкурсах и презентациях, в ресторанах и бассейнах, на лужайках и побережьях, в небесах, на земле и на море. Цена всем этим штукам была – пятак в базарный день, но они не были полностью бессмысленными, поскольку производили неотразимое впечатление на лопухих спонсоров: наивным спонсорам казалось, что, давая деньги таким раскрученным (не по пятаку, естественно, а больше), они вкладывают свои средства в сохранение отечественной культуры. Только постепенно самые сообразительные стали замечать, что, скажем, аляповатое оформление сцены при очередном мероприятии ну никак не стоит тех денег, что они пожертвовали. Где разница?..

Странным образом пустопорожнее самоупоение это поразило не юных (юные как раз колотились и колотятся в поисках дела и кое-чего добиваются), а седых мужей под шестьдесят и более.

Таким, полагающим именно себя кинематографической элитой, как это ни парадоксально, и было выгодно укачивать друг друга и окружающих уверениями в гибели российского кино, ибо как только оно погибать перестанет, на смену халявщикам придут работники.

Впрочем, придут они или не придут, пока сказать было трудно. Но большинству в кино этого явно хотелось. Иначе не закончился бы III съезд тем, чем он закончился.

“Итоги проделанной работы” подводил на том съезде первый секретарь правления Сергей Соловьев. (Он сменил Андрея Смирнова, который сменил натворившего и сбежавшего Элема Климова). Талантливый, образованный и несравненный в гладкочерчии, он спрятался в трибуне и оттуда два часа описывал бедственное положение кино. И то плохо, и это, и пятое, и десятое. И производство, и прокат, и образование молодых, и содержание стариков-ветеранов. В истекшем периоде сочиненные тогда вместе с Госкино законы, долженствующие возродить родное искусство экрана, получились очень умными, во всех деталях предусмотрительными, но, правда, с одним недостатком – совершенно были не способны работать. Пользы от них киношникам не вышло никакой. Продержаться некоторое время еще можно, размышлял докладчик, если одну половину имеющейся у союза недвижимости продать, а вырученное направить на ремонт второй половины. Вывод напрашивался очевидный: “кина” не будет. Если не поможет государство. Но просить правительство надо обо всем, потому что налицо нехватка буквально и совершенно всего.

Люди в зале воспринимали излагаемое с обреченностью альпиниста, который понял, что вернуться от лавины он уже не успеет. К тому же все знали о тайном: не подсобил Никита Михалков займом из Фонда культуры, съезд вообще бы не состоялся. Банкроты съездов не проводят.

А Никита был здесь же, оба дня провел на галерке, никак себя до поры не выказывая: коварный Паратов!.. Несчастливым Ларисам из президиума оставалось петь грустные романсы под его гипнотизирующим взором.

На трибуну Никита Михалков взошел вечером заключительного дня съезда, когда завершились прения и начали выдвигать кандидатуры в новые первые секретари. Он появился по просьбе трудящихся и “скандальозу наделал ужасного”.

Вызывающим оказался даже внешний контраст с основным докладчиком – трибуна доставала ему едва до пояса. По-антикварному сухой и крепкий, был он к тому же неукротим, как сопло реактивного двигателя. И то сказать: у него и “Оскар”, и венецианский “Золотой лев”, и каннское что-то, и отец – знаменитый остроумец и автор гимна, и брат – свой человек в Голливуде, а еще за ним маячило такое убедительное свидетельство деловой хватки, как буквально из пепла поднятый Фонд культуры. Всё при нем.

– Что значит – вы меня выдвинули?! – напористо начал он с ёрнической хрипотцой в голосе. – Вы сначала должны меня попросить! А я решу – соглашаться или нет. Мне сначала хочется понять, что же все-таки произошло тогда, больше десяти лет назад, на том, революционном съезде... А если соглашусь, то начну с аудиторской проверки. Куда все деньги-то подевались? Почему богатейший союз стал таким нищим?

Зал притих и даже, как говорится, похолодел от ужаса. Все отлично помнили, что произошло тогда и к чему это в конце концов привело.

Тогда собравшиеся в Большом Кремлевском дворце кинематографисты шикали, улюлюкали и топали, сгоняя с трибуны мэтров и самого молодого среди них – Никиту Михалкова.

Никиту тогда покарали за вполне пророческие высказывания, часть из которых хорошо вспомнить. Ну, например...

“...Только дело есть знак нового времени, только дело есть признак истинного оздоровления...”

“...Можно по-разному относиться к фильмам и личности Сергея Бондарчука – это дело индивидуальное. Но неизбрание делегатом съезда советских кинематографистов того, кто сделал “Судьбу человека”, “Войну и мир”, “Они сражались за Родину” – и уже только этими фильмами вошедшего в историю отечественной культуры, – есть ребячество, дискредитирующее все искренние, благие порывы оздоровить унылую, формальную атмосферу, царящую в нашем Союзе кинематографистов...”

“...Пагубное заблуждение считать, что новое – это лучшее время для сведения старых счетов... С этой позиции нет и не может быть художника, потому что для настоящего художника чужое поражение – это еще не есть собственная победа... Нам не нужно обнадеживаться, что сейчас мы ухватим то, чего нам не было возможности ухватить раньше. Нужно делать дело, а не считаться. Сочтемся славою...”

“...Основа любого участия в общем деле – это уважение друг к другу...”

Вот за такие суждения, противостоявшие тогда конъюнктуре ажиотажа – “разрушить все до основания”, – и врезали ему доброжелательные коллеги. А чтобы мало не показалось, не избрали ни в один из руководящих органов: ни в правление, ни в секретариат, ни в ревизионную комиссию.

Избавились. Но точно к концу 12-летнего цикла по восточному календарю обратились к нему же за спасением...

Колесо фортуны сделало полный оборот. Теперь Союз кинематографистов не мог обойтись без Никиты Михалкова. Беда, мол, барин, спасай!

Какой же я вам барин, объяснял Михалков и с трибуны, и в последующих интервью. Все минувшие годы работал, как вол, по шестнадцать часов в сутки, ставил фильмы, создал свою киностудию, более успешную, чем даже знаменитый “Мосфильм”. Может быть, барин – Элем Климов, спрашивал он, который все двенадцать лет отдыхал, или Алексей Герман, семь лет неспешно ваяющий всего-навсего один фильм? Кто, спрашивается, барин?

Итоги тайного голосования были предreshены.

Прежний первый секретарь правления снова вышел на трибуну и объявил, что снимает свою кандидатуру с голосования. Он поднял сжатую в кулак руку и выкрикнул в сторону галерки:

– Я остаюсь с тобой, Никита! Если буду нужен – зови...

Остальные выдвинутые тоже выпали в осадок, добровольно.

Пока готовили бюллетени, многие в зале, помню, стали вдруг кардинально менять выражения лиц и даже линию поведения. Обнаружилось немало подогнутых спин, заискивающих, но честных, как правда, глаз, запорхали

наперед поздравляющие Никиту цепкие рукопожатия, все как-то забулькало, зашелестело, запорхало вокруг отечественного крутого Уокера. А одна немолодая, но с неугасшим общественным темпераментом критикесса, славная тем, что в период фавора барина Климова слыла фавориткой (пожалуй, назову: Ирина Рубанова. — **Д. О.**), прильнула к микрофону в зале и рубанула непосредственно в лицо воздвигнутому на трибуне Михалкову: “Только вы, Никита Сергеевич, нас не бросайте! А то мы вас изберем, а вы потом уйдете, как из Думы ушли”. На что тот всерьез отвечивал: “Войти-то легко, что в Думу, что сейчас в секретари. Но я каждый раз себя спрашиваю: а с чем выходить буду? С каким результатом? Прежде, чем войти...” Даме этот ответ, по существу, был не нужен. Просто она отметилась, жить-то надо.

Так на ночь глядя, двадцать третьего числа зимнего месяца декабря 1997 года самым главным избранным лицом в российском кино стал Никита Михалков.

Никита Михалков получил в свое распоряжение развалины.

Он собрал всех кинематографистов в Кремлевском дворце и показал на экране фрагменты типичных фильмов, что тогда в горячке вседозволенности ваялись на киностудиях. Это было стыдное зрелище. Вот только названия некоторых российских лент того периода. Привожу их по хроникально достоверной книге Федора Раззакова “Гибель советского кино”: “Дрянь”, “Фуфло”, “Нелюдь”, “Бля”, “Бес”, “Сатана”, “Нечистая сила”, “Шкура”, “Живодер”, “Палач”, “Псы”, “Бомж”, “Саранча”, “Месть”, “Поджигатели”, “Распад”, “Кома”, “Шок”, “Катафалк”, “Метастазы”, “Автопортрет в гробу”, “Только для сумасшедших”, “День казни” и т. д., и т. п. Никита воззвал к совести и профессиональному достоинству коллег. Существуют ли они еще?! Творческая устремленность кинематографического цеха была для него главным. Но далеко не всем.

70 миллионов долларов, оставленные советскими временами климовскому секретариату, к моменту избрания Никиты на главный пост исчезли бесследно. Славно погуляли революционно настроенные товарищи на презентациях и по заграницам, летая VIP-классом и селясь в пятизвездочных отелях. Дорвались.

К этому же времени половина подмосковной недвижимости в виде славных некогда домов творчества оказалась распродана, а другая половина пришла в полное запустение и требовала восстановления.

Гигантский киноцентр, построенный в последние годы советской власти особыми стараниями оргсекретаря киносоюза Григория Борисовича Марьямова, по-прежнему стоял на своем месте, но волшебным образом преобразился: в нем открылись рестораны с восточной кухней, сауны, бары и прочие дворцы радостей. След от кино остался только в виде кинематографического музея, но и его дни были сочтены.

Казалось бы, доходы от сдачи в аренду гигантских площадей в центре Москвы должны были бы озолотить российских кинематографистов, но этого не произошло. Озолотились только некоторые субъекты, а именно те, кто, пока Климов со товарищи хлопал ушами и лудил перестройку в кино, расторопно и умело оформили всю необходимую документацию и объявили Киноцентр собственностью специально, видимо, для того созданной организации, красиво названной “Конфедерация Союзов кинематографистов”.

Было объявлено, что данная конфедерация объединит профессиональные кинематографические союзы стран СНГ и Балтии. Отличная мысль сама по себе. Только странное какое-то получилось объединение, совершенно дискриминационное по отношению к российским киношникам. Казалось бы: если понастроенные за советские годы в разных республиках дома творчества и дома кино (понятно, что в основном на московские деньги) полностью перешли под крышу республик, без какой-либо “компенсации” центру, то стоящий в центре Москвы Киноцентр, очевидно, должен целиком принадлежать кинематографистам России! Так было бы логично и честно. Ничуть не бывало!

Киноцентр был объявлен собственностью конфедерации, так сказать, коллективной собственностью. А россияне, мол, могут рассчитывать только на небольшие отчисления от доходов, получаемых со сдачи в аренду обширных площадей.

Всяческие долгие судебные тяжбы результата не дали. Первичные документы были оформлены так ловко, что суды не находили возможностей их ос-

порить. Стало ясно, что климовский секретариат не только порушил систему кинопроката, уничтожил “Советский экран” и многое другое, но еще и про-
шляпил Киноцентр.

В порядке протеста Михалков объявил о выходе Российского союза кинематографистов из конфедерации, но и этот шаг мало кого впечатлил.

Неимоверными усилиями Михалкову удалось вырвать из Киноцентра скромную сумму, которая вся пошла на доплаты больным и ветеранам. Помогая страждущим, Никита стал тратить собственные деньги. Называют сумму в 600 тысяч долларов, пожертвованных на операции больным и помощь обнищавшим.

Но кто много дает, с того хотят получить еще больше. Жадность, как и зависть, безразмерны. Кормящаяся с Киноцентра небольшая группа кинематографистов, как теперь известно, торовавшая в юридической казуистике, а с ними и те, кто подрос за эти годы и стал ощущать недодачу себе постов и мест в президиумах, устроили из VII съезда кинематографистов в декабре 2008 года форменную свалку с целью низвергнуть постоянно досаждающего им своей логикой Никиту Михалкова.

Начали с того, что так организовали первичные выборы, что председателя Союза кинематографистов России вообще не оказалось среди делегатов съезда!

Время словно пошло вспять. Будто снова мы в Большом Кремлевском дворце в оре и крике V съезда кинематографистов СССР. Тогда низвергли Бондарчука, Ростюцкого, Кулиджанова, Наумова, многих других из крупнейших. Сегодня из фигур мирового масштаба у нас остался один Никита Михалков – решили добить и его. Что за странная темная страсть пришла на наши просторы – вырубать лучших? Что за странный морок из десятилетия в десятилетие поражает наши нетвердые умы?

У Никиты, как у любого живого, а тем более творческого человека, есть недостатки. Он и сам их признает, говорит, например, что ошибался в некоторых людях, которым доверял, на которых полагался (только ли он ошибался в этом!), но надо же и признать, что нам некого сегодня предъявить миру от русского кинематографического сообщества, кроме него.

Кто мутит воду? Кому это выгодно? Это опять – “кто был никем” в смысле занятия постов, а хочется повластвовать, даже 84-летнему Марлену Хуциеву. Но теперь и не только такие. Теперь иным надо “прикрыть” источники своих недавних доходов, упаси Боже, вскроется, и окончательно прибрать к рукам то, что еще остается в общем пользовании, а не распихано по жадным карманам.

Во второй день того нелегитимного, как признал Минюст, съезда я с трибуны попытался призвать к разуму, сказать о том, что отказ от михалковского лидерства равносителен самоубийству для Союза кинематографистов, приведет к его распаду, к исчезновению. Говорить не дали: перебивал председательствующий Вадим Абдрашитов, началось захлопывание из зала.

Будто не были даны нам целых двадцать лет для прозрения!...

В тот же вечер сел за компьютер и полностью записал то, что хотел бы сказать, но не дали. Это выглядело так:

“Семь – опасное число... А 22 года назад можно было бы написать, что опасное число не семь, а пять.

Для кого опасное? А для кинематографического сообщества, для Союза кинематографистов – сначала СССР, теперь России.

Я говорю о Съездах: о том, Пятом, что случился в 1986 году, который можно назвать “историческим” по катастрофическим последствиям, и говорю о только что закончившемся – Седьмом съезде кинематографистов России, который, похоже, добьет кинематографический союз окончательно, dokonает. По тому, как эти съезды были организованы, как они прошли, по подспудной немилосердной схватке не явных для постороннего глаза интересов они очень схожи. Схожи даже подловатыми поворотами сюжетов, к которым прибегали тогда и прибегли сейчас желающие обрести власть, получить ее во что бы то ни стало... Вопреки уставу и элементарному здравому смыслу.

Правда, “здравый смысл” понятие относительное: одно в моем, скажем, понимании, другое в понимании тех, кто благодаря устроенным новым переменам получит недвижимость, так называемые “бабки”, хапнет последнее, что еще осталось у лопухих творческих работников.

Для меня пришла пора мемуаров, чем и занимаюсь. Эта пора хороша тем, что позволяет многое из того, что было, увидеть как бы в целом, в ведущих, так сказать, тенденциях. Тот, Пятый съезд стал знаменит не только тем, что уничтожил многое в отечественном кино, о чем многожды было сказано, включая позорное утапывание в небытие мэтров русского советского экрана, но все-таки об одном, принципиальном, как-то совершенно подзабылось. Я имею в виду целенаправленную атаку на государственную структуру – на Госкино. Она, та атака, успешно была проведена под руководством члена Политбюро ЦК КПСС Александра Яковлева. Плацдарм участия государства в жизни кино был ликвидирован, вольнолюбивые кинематографисты в истеричной борьбе за передел власти потеряли главное, что имели, – свое министерство! Осталось им скромное подразделение в лоне Министерства культуры со всеми вытекающими из этого весьма жалкими производственными и творческими последствиями.

После закончившегося в минувшую субботу Седьмого съезда кинематографисты, мне кажется, окончательно завершат суицид – они потеряют еще и Союз кинематографистов. Он развалится, его постигнет участь Госкино.

К сожалению, тому, кто решил набросить на себя петлю, не помешаешь. Решил покончить – покончит. Захлопывающий не угодных ораторов зал Седьмого съезда выглядел копией зала Пятого съезда. Когда-то не избрали на съезд Кулиджанова, Бондарчука, Ростоцкого, многих других видных и известных. Сейчас режиссеры “Мосфильма” не избрали Никиту Михалкова и Владимира Наумова. Прямо скажем, довольно бездарное сходство. Тусклый сюжетный ход, подсказанный скорее завистью и прочими комплексами, чем намерением сохранить все-таки свою творческую организацию.

Ситуация с отечественным кино в сегодняшнем российском раскладе весьма далека от благополучной. Такой у нашего кино период. Именно Никита Михалков не дает забыть обществу, что кино у общества есть – и своими фильмами и своим вулканическим общественным темпераментом. Верхом неразумности было не пристегнуться к такому “паровозу”, чтобы вместе все-таки дожить до лучших времен.

Избрание в сложившейся обстановке на первый пост в Союзе кинематографистов милейшего, талантливейшего 84-летнего человека выглядит по меньшей мере безжалостно. А может быть, и расчетливо, с точки зрения тех, кому Михалков мешает.

Грустно всё это. И за страну обидно”.

Этот текст в тот же вечер направил в газету “Культура”. Не напечатали и не ответили.

Через три месяца, в последних числах марта 2009 года Никита Михалков провел в Москве внеочередной чрезвычайный съезд Союза кинематографистов России. В Гостином дворе собралось более 2 тысяч человек. Недавнее, не легитимное собрание просто померкло по масштабу. Но дело даже не в этом. Главным событием стало выступление Никиты. Своим оппонентам он ответил по всем пунктам, дал комментарий, показал документы. Показал в прямом смысле слова – на большом экране. После доклада, аплодируя, зал встал и долго не садился. Надо ли говорить, что к концу первого дня съезда Михалкова избрали на новый срок триумфально.

Памятуя о не очень удачном опыте импровизации с трибуны три месяца назад, на этот раз решил свою речь написать заранее: если дадут слово, – просто зачитаю. Два раза выходил на трибуну, и оба раза опять импровизировал, вспоминая из написанного лишь кое-что. На этот раз мне не мешали, а поддерживали. Поэтому и этот текст, пожалуй, приведу здесь полностью:

“У Ильфа и Петрова в водевиле “Лифшиц женится” выпивали два персонажа, один по имени Лев Николаевич, другой – Антон Павлович. Друг другу наливают. “Выпьем за человечество, Лев Николаевич!” “Выпьем, Антон Павлович, черт с ним!”. И выпивают.

Кажется, сейчас Марлен Мартынович Хуциев как раз снимает про Льва Николаевича и Антона Павловича. Или собирается. Но его фраза после проигранного суда напомнила мне именно Ильфа и Петрова, он сказал, что поскользнулся “не по нему”, он разочаровался в человечестве.

С художниками бывает: надо про кворум и протоколы, а он про человечество.

Мне кажется, разочаровываться в человечестве можно было чуть раньше, в декабре, на непризнанном собрании ограниченного контингента кинемато-

графических войск. Там человека, отдавшего 600 тысяч своих личных долларов на пользу старикам и больным, не тепло благодарили, а усердно поливали помоями.

Ветераны в своем обращении к кинематографистам вынуждены озвучивать то, чему пристало бы быть тихим, но они вынуждены рассказать и об этих 600 тысячах, и о 700 тысячах, только в прошлом году потраченных на благотворительность Фондом помощи ветеранам кино “Урга”, который создали опять-таки Михалков и Вексельберг.

Может быть, Павел Финн раскошелился? Или Матизен с Богомоловым? Или, прости господи, Гусман поделился семейным бюджетом и недвижимостью? Нет, они поливают Никиту, не затрачиваясь.

У нас стало плохо с юмором. Основа смешного – сопоставление несопоставимого. Среди подписей под клязуйой на Никиту Михалкова, направленной президенту, значатся, например, Алла Гербер, некий Двинский, критик Хохрякова. Ну, ладно, там есть Рязанов – он конгениален, ладно, Марк Захаров, он отчаянный, партбилет рвал, понятно – Алексей Герман, вечный страдалец и вечный протестант. Но за их спиной – известные произведения. А Гербер с Двинским кто? А Хохрякова? Ну, уберут они Михалкова с поста, – в их безрадостной жизни все наладится? Куда конь с копытом, туда и рак с клешней. И никто не смеется. Серьезно пучат глаза.

А вот теперь скажу о недостатках Михалкова, чем реально он нас не устраивает. О его проколах. Он, если честно, прокололся на том, что все свои деньги, в том числе и те, что жертвует, нагреб не на залоговых аукционах, а заработал собственным трудом и талантом. Он чертовски виноват перед мультипликатором Бардиным и кинооператором Клебановым, – они тоже подписали, – что снял свои знаменитые фильмы, в Венеции “Льва” получил, в Америке “Оскара”, такой негодяй. Да и брат у него сам Кончаловский, оригинальнейший режиссер и философ, и отец – историческая личность, и мать – автор хрустально прозрачных русских поэтических текстов. И детей много, и все – приличные люди. Здоровый, как бык, явный натурал. Общается с президентом, причем не по переписке, а лично.

Создал студию. Она процветает, расширяется, приросла издательством. Недавно, например, выпустила книгу Олега Михайлова, я читал, по-моему – вклад в русскую культуру.

Конечно, с этим надо кончать: а то у него все получается, а у нас не все.

Идет лукавая формула: он, мол, режиссер и актер замечательный, не отрицаем, а вот руководитель союза – неудачный. Конечно, “не отрицаем”, против очевидного не попрешь. Но он именно поэтому и руководитель Союза! Потому он и мешает не многим, но активным – по новой разобрать портфели и наполнить их тем, что у Союза еще осталось. А заодно удовлетворить завистливые комплексы.

Уничтожать своих лучших – первый шаг к коллективному суициду.

Сегодня ясно, что Михалков сохранил Союз, по нашей же просьбе подхватив его в период развала. И много сделал. Много не сумел, его предавали свои. Предательство – всегда неожиданность. Но – такое время. Ему и просто мешали.

Как видится сегодня история с Киноцентром? Несчастья начались не с Михалкова, несчастья начались с Элема Климова. Пока Элем с командой увлеченно крушили систему отечественного кинематографа, работавшую до них, между прочим, с десятикратной рентабельностью: брали в кредит у государства ежегодно 100 миллионов, а получали 1 миллиард, пока они это дело рушили, неподалеку втихари расторопные люди умело обкладывались необходимыми документами. Когда все вспомнили про Киноцентр, он уже практически уплыл. Тут и несколько Михалковых не могли ничего поделывать. Прошляпили. Под демагогию о дружбе народов россиян лихо “развели”. В центре Москвы. Вообще большая часть того, что понастроили Кулиджанов с Марьямовым, исчезло, наподобие Крыма. Получилось по-ноздревски: всё, что до горизонта, – это моё, а то, что за горизонтом – тоже моё.

Михалков хотел создать при Союзе пенсионный фонд – не дали, предлагал на три года поджаться, снести старый Дом кино, но получить новое современное здание для кинематографических дел и для арендного благоденствия – не дали. Старческая боязнь перемен победила.

Что нас ждет, если здесь не примем правильные решения? Прочитайте замечательный документ – Постановление 7 съезда, его создали люди, кото-

рые хотят нами руководить. Первый пункт, вслушайтесь: “Включить в состав комиссий СК имущественную комиссию вместо Комиссии по управлению имуществом”. И с этой хохмой они “едут в Одессу”?! В пункте втором: “Вместе с региональными отделениями и организациями произвести реорганизацию”. Есть еще там “способствовать активизации созидательной работы”. Чувствуете, новое на пороге, пришли созидатели! Пока они сочинят один грамотный документ, мы все загнемся.

Заканчиваю. В сегодняшней российской ситуации ни одна фигура во главе Союза, кроме Никиты Михалкова, не спасет Союз от развала и исчезновения. Ни вялые престарелые классики, ни возбужденные домашним апломбом критики. Беда в том, что сегодняшнее наше кино практически перестало присутствовать в сознании нации как нечто необходимое ей и важное. В основном о нем помнят потому, что в обществе присутствует Никита Михалков с его мировым авторитетом, с его мощным творчеством и личным масштабом.

Надо пережить с Никитой и мировой кризис, и кинематографический. А дальше будем смотреть”.

...Вспоминаю прилет в Рим в году эдак восьмидесятом. Высадился мощный десант из советских кинематографистов: ведущие режиссеры, сценаристы, критики — человек сорок. Далее нам предстояло на автобусах пересечь итальянский “сапог” с запада на восток, где в курортном городке Пезаро был задуман фестиваль новых советских фильмов. Туда же были приглашены сто кинокритиков из разных стран Европы, чтобы они посмотрели нашу программу, написали о ней, поучаствовали в дискуссиях и пресс-конференциях.

Пока мы дисциплинированно кучковались в зале прилетов, приглядывая за поклажей, Никита Михалков, в майке, джинсах, с торчащим из заднего кармана толстым бумажником, устремился к телефону-автомату и принялся кому-то названивать — у него и тут, оказывается, знакомые!

По утрам он играл в теннис, имея партнером Колю Губенко, будущего министра культуры СССР, гонял его по корту, как зайца по полю. Николай терпел.

На вечерних приемах, куда мы являлись, приодевшись в лучшее, Никита приходил в простой майке, туго облежавшей мускулистый торс, и этот прикид в его исполнении смотрелся естественно — он все равно был самым элегантным и притягательным — журналисты Европы только около него и вились.

В Пезаро показали три картины Михалкова: “Механическое пианино”, “Пять вечеров” и “Обломов”. Вышла местная газета с крупным заголовком: “Михалков — это Чехов сегодня”. Ему показали, он хохотнул, сказал: “Это я отцу подарю!”

Вот и в той экстравагантной обстановке вспомнил об отце...

И несколько слов о его брате...Во времена “Советского экрана” мне позвонил из ЦК КПСС Александр Иванович Камшалов. Он выразил крайнее неудовольствие: в очередном номере были упомянуты Андрей Кончаловский и Жан-Люк Годар. Упоминать их в прессе, оказывается, было “не рекомендовано”! В чем провинился Годар, я так и не понял, запрет же на Кончаловского имел причиной то, что он тогда благополучно пребывал в Голливуде, наплевав на неудовольствие его отъездом властей предрержащих. Формально Андрей ничего не нарушал, поскольку был женат на иностранке и мог без специальных разрешений перемещаться по миру. Вот и мне казалось, что, несмотря на вольнодумство, он остается выдающимся советским кинорежиссером и замалчивать его имя просто-напросто глупо. Оказывается, ошибся. Камшалов считал иначе...

В декабре 1984 года, поработав с Жаном-Клодом Карьером и режиссером Питером Флайшманом над сценарием “Трудно быть богом” (мы с Жаном-Клодом хорошо понимали друг друга, раскручивая драматургию, а Питер многое не мог взять в толк, что отразилось на картине, — но это попутно...), я из Парижа возвращался в Москву. Провожающий сотрудник посольства испуганно сообщил в аэропорту: “Там с вами Кончаловский летит!” Сказал так, будто о террористе предупредил.

Когда шел по проходу между самолетными креслами, Андрей уже сидел на своем месте. Издали помахал ему рукой. “Поговорим?” — крикнул он. Потом сели рядом и весь полет проговорили.

Париж в те дни был заклеен афишами первой голливудской ленты Кончаловского “Любовники Марии” с Настасьей Кински в главной роли. Я, естественно, посмотрел. С этого и начался разговор — о тайных несуразностях

любви, о причудах секса, как “по жизни” оно бывает. Дальше выяснилось, что, живя за границей, он успел прочитать уйму такого, о чем я и понятия не имел. Он интересно рассуждал о “мировых деньгах”, которые решают, быть или не быть войне. Кто ты сейчас? – спросил я. Советский человек, который живет во Франции и работает в Голливуде. И как тебе в Голливуде? Когда везут на съемку, он сразу по трем телефонам может давать указания помощникам и ассистентам. Приезжает – там уже все готово! Чудеса...

Когда в Москве встали в очередь к паспортному контролю, Андрей посоветовал: “Со мной не вставайте! Долго будет, меня сейчас трясти начнут...”

И точно. Очередь, в которую я перешел, иссякла, а Андрей все еще стоял у светящейся таможенной скворешни.

А по выходе в зале ожидания обнаружилась приличная толпа из Михалковых всех возрастов, над ними возвышался Никита: семья пришла встретить родного дядю, отца, брата, приехавшего на Рождество.

Толстой говорил, что в “Анне Карениной” ему дорога “мысль семейная”. Михалковы и Кончаловские не декларируют “мысль семейную”, но она, очевидно, дорога им тоже – без крика и ажитации. Уходя корнями в историческую Русь, этот семейный клан выдвинул на плацдарм отечественной культуры безусловные авторитеты. Теперь он продолжает множиться дальше, дети оказываются хорошо воспитанными, образованными, дельными, нравственно чистоплотными. Младшие не предают старших, старшие с юмором и по-доброму опекают младших. Эта нормальная русская большая семья, с ее нравственным благополучием и талантливой трудовой успешностью, с общим, так сказать, своим здоровьем, в наше не очень здоровое, как бы психологически “сдвинутое по фазе” время, оказывается зачастую атакуема завистью и недоброжелательством, что прискорбно. “Мысль семейная” достойна лучшей участи. Во имя нашего спасения.

Смогут ли понять будущие историки, чем все-таки были движимы те в наши дни, кто заходил от желания если не загрызть, то хотя бы понадкусывать Никиту, а если получится, то и загрызть? Режиссер милостью Божией, блистательный актер, художник, работающий “без простоев”, всегда успешно, на удивление всему миру – та ли это цель, которую надо было поразить, чтобы стало житья на Руси вольготно и весело?

Печальны наши нравы. Нам, похоже, невыносим сам вид успешного человека! У него и детей больше, и денег, и призов, и славы, и таланта – как такое вынести?! Такое не прощается! И плевать, что всё, что у него есть, добыто его же руками, его же собственной головой и личной волей, всё равно – ату!

И никому лично он не сделал ничего плохого, а многим, очень многим реально помог. Он никому ничего не запретил: пожалуйста, снимите, как он, “Пять вечеров” или “12”, например, создайте студию, вроде ТРИТЭ, появившись на телеэкране и полчаса поздравляя президента с днем рождения – никому не заказано, сделайте нечто подобное, если можешь! А не можешь, не достойнее ли порадоваться, что такой человек у нас есть?

Р. S. Летом стало известно об угрозах, поступающих Никите Сергеевичу Михалкову и членам его семьи. Михалков официально обратился в МВД с просьбой о защите, просил дать охрану. Последовал отказ. Что будут писать о нас будущие мемуаристы? Об этом не хочется даже думать.

ГЕННАДИЙ ЗЮГАНОВ

председатель ЦК КПРФ

НА ПЕРЕЛОМЕ

(Отрывки из новой книги)

... Окружающая нас действительность, полная противоречий и резких контрастов, стала следствием перекосов в развитии мировой цивилизации, которые особенно ярко проявились после распада СССР. Ведь Советский Союз играл роль мощного противовеса, сдерживающего претензии США на мировое господство, которые вот уже на протяжении многих десятилетий пытаются навязать другим странам свои ценности и стандарты. А главная цель жизни по американскому образцу, как известно, — это деньги и власть. В обществе потребления этому подчинено всё: экономика, культура, образование, наука. И по таким вот лекалам осуществлялись политические преобразования в мире, пока шаткое равновесие, сложившееся в нём, не взорвал кризис.

Потрясения, которые он вызвал, заставили многих ведущих государственных и политических деятелей планеты усомниться в правильности пути, по которому идут ведущие капиталистические державы. А ведь ещё совсем недавно все они бодро шагали вперёд, считая избранный курс единственно верным и беспокоясь лишь об одном: как бы не потерять из виду спину своего лидера — Соединённых Штатов Америки. Царившие в европейских странах умонастроения ясно выразил известный германский политолог Александр Рар: “Сегодня европейские державы — Великобритания, Германия и Франция — соревнуются между собой за право стать самым близким союзником Соединённых Штатов... хотят влиять на судьбы планеты в роли младшего партнёра”. Это высказывание политолога подтверждает и возвращение Франции в военные структуры НАТО, откуда страна вышла ещё в 1966 году.

И США, и их “младшие партнёры” ещё вчера были убеждены, что достижения западной либеральной демократии с её незамысловатой шкалой ценностей столь очевидны, что впору, вслед за философом Фрэнсисом Фукуямой, говорить о “конце света” — о завершении идеологической эволюции человечества. И в самом деле — как было не уверовать во всемогущее буржуазно-либеральной модели мирового устройства, если события конца XX века отметили, на первый взгляд, все сомнения в её совершенстве. Провозглашённая в США победа в холодной войне с Советским Союзом, переход на капиталистические рельсы стран Восточной Европы, входивших в социалистическое содружество, создавали иллюзию окончательного торжества капитализма над коммунизмом.

Однако коммунисты твёрдо убеждены, что факт распада социализма в СССР и восточноевропейских странах отнюдь не является “доказательством” его исторической несостоятельности. Да, были допущены неизбежные для тех, кто идёт впереди, серьёзные ошибки в практике социалистического строительства. Недооценивались научные закономерности развития общества,

допускались необоснованные забеги вперед, чрезмерно преувеличивалась роль субъективных факторов, что нередко приводило к волюнтаристским методам решения крупнейших социально-экономических проблем.

Но это ни в коем случае не означает, что коммунистические идеалы утратили свою жизненность и актуальность, стали, как пытаются убедить нас буржуазные идеологи, тормозом на пути общественного прогресса. Главный “аргумент” буржуазии – то, что прогрессивно, разрушить нельзя. Если следовать такой логике, то и варваров, уничтоживших Римскую империю с её великой культурой, можно считать людьми, стоявшими на более высокой ступени развития, чем римляне.

Конечно, наивно ожидать от апологетов буржуазно-либеральной модели общественного устройства признания достоинств социализма. Только вот, как показывает нынешнее развитие событий, хоронить коммунизм они явно поторопились. Наблюдается обратное: на фоне невиданного со времен Великой депрессии, с конца двадцатых – начала тридцатых годов прошлого века, спада мировой экономики, катастрофического ухудшения положения миллионов трудящихся марксистско-ленинская теория обретает новое дыхание. Она по-прежнему является путеводной звездой, оружием честных и прогрессивных людей, добивающихся справедливости и благосостояния для всех, а не для избранных.

Если кто и демонстрирует в наши дни свою полную историческую несостоятельность, так это капитализм, который бессилён разрешить целый ряд фундаментальных противоречий современного мира. Дело не только в тяжёлом экономическом обвале, который, заметим, практически никто из хваленых буржуазных теоретиков предусмотреть не смог.

За бесконечными разговорами о банкротстве мировых финансовых институтов, крупнейших транснациональных корпораций и банков умалчивается тот факт, что полное банкротство постигло и западную идею построения “общества всеобщего благоденствия”. С наступлением финансово-экономического кризиса, словно под напором снежной лавины, почти в одночасье рухнули все теоретические конструкции многочисленных идейных пастырей, провозглашавших и славивших пришествие очередной – глобалистской – стадии развития капитализма.

Марксизм вскрывает то, что буржуазными идеологами за рубежом и внутри России тщательно утаивается от людей вот уже на протяжении длительного периода времени: *экономический обвал, который в той или иной мере затронул все страны мира, есть ничто иное, как системный кризис современного империализма.* Напрасно пытаются представить нам нынешнее его глобальное обострение всего лишь как временное явление, вызванное сбоем финансовых механизмов. *То, что произошло, стало следствием обострения главного противоречия капитализма – противоречия между общественным характером производства и частным присвоением его результатов.*

Природа, глубина и масштабы разразившейся экономической катастрофы дают нам полные основания утверждать, что речь идёт о предвестии неминуемого краха капитализма и созданной им системы мирового устройства. И признаки его приближения нельзя скрыть под обёрткой одних лишь финансовых проблем. Сейчас уже совершенно ясно: по какому бы сценарию ни развивались события, возврата к старому не будет. Тот тип капитализма, который с помощью доллара строился последние пятьдесят лет, рухнет окончательно, и никакие финансовые заплатки его не спасут.

Время предоставляет коммунистам, всем левым силам планеты исторический шанс использовать назревший перелом в тенденциях современного развития и сознании людей для смены политического курса, решительного поворота в сторону социализма. Опору для этого создают резкий рост левых настроений, прозрение широких масс трудящихся, испытывающих сейчас на себе все капиталистические “прелести”. Главные из них – потеря работы, резкое снижение благосостояния, неуверенность в завтрашнем дне. Нарастающая волна недовольства существующим положением вещей, усиление забастовочного и протестного движения во всём мире предвещают такие потрясения, которые могут смести с лица Земли действующую модель либерального капитализма, давно превратившуюся в главный тормоз развития современной цивилизации. Вызревает новая революционная ситуация, и как бы ни развивались события дальше, очевидно, что над затхлым миром наживы и безудержного потребительства пройдёт очистительная гроза.

Под воздействием кризиса в современном мире растёт понимание того, что низменные инстинкты: жадность, агрессивный эгоизм, культ насилия, — не могут вести человечество к процветанию, а либеральная рыночная философия полностью обанкротилась. И всё же большинство людей, определяющих современную буржуазную идеологию, ещё пытаются всеми способами затушевать хищническую природу капитала, нередко — путём смены вывесок. Однако как бы буржуазные социологи ни называли современное западное общество — постиндустриальным, информационным, открытым, обществом “третьей волны” или “четвёртой формации”, как бы они ни пытались прикрыть этим суть лежащих в основе капиталистического общества экономических и социальных противоречий, движущая сила его развития остаётся прежней. Погоня за прибылью — вот что обеспечивает поступательное движение капиталистической системы. Обеспечивает до поры до времени.

“Капитал, — пишет Маркс, — боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты... Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживлённым, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы”.

Требуются ли примеры к этому высказыванию, которое в нашей стране люди старших поколений знают практически наизусть? Думается, любой читатель, столкнувшийся с реалиями современной жизни, без труда сможет сам привести их не один десяток. Как мы видим и сегодня, основные пороки капитализма никуда не исчезли, сколько бы пропагандисты “свободного рынка” ни говорили об изменении сущности капитализма, о его якобы новом лице.

Конкретные формы проявления нынешнего кризиса порождены длительным господством либеральной доктрины, принятой на вооружение Западом. Корни вызревших мировых проблем произрастают из экономической политики сил, заправляющих в последние десятилетия в США. Всё это время глобальная прибыль в мире только росла, что само по себе не вызывает удивления: ведь человечество трудилось и развивало научно-технический прогресс. Росли и доходы людей. Но при этом в США, как и в ведущих европейских странах, *доля заработной платы по отношению к национальному доходу неуклонно сокращалась*, а разрыв в доходах между буржуазной элитой и остальным населением всё более углублялся.

Общий экономический рост на Западе достигался за счёт развёртывания потребительской гонки. Для этого создали высочайший уровень спроса, который совершенно не соответствовал росту доходов, не подкреплялся увеличением размеров зарплаты и социальных пособий. Очевидное и неразрешимое противоречие до поры до времени затушевывала система кредитования. Однако на практике жизнь в кредит означает проедание завтрашнего спроса — ведь часть будущих доходов неминуемо уходит на обслуживание кредита. И эта часть всё время растёт, спрос поддерживается за счёт накопления долгов. В результате сегодня у большинства рядовых американцев отрицательные сбережения, а проще говоря, — долги, в которых они увязли. И это — первый фактор глубочайшего кризиса, спровоцированного Соединёнными Штатами.

Вокруг американской системы кредитования виртуальный финансовый сектор разросся так, что многократно превысил объём реальной экономики. Торговать долгами и прочими обязательствами стало проще и выгоднее, нежели получать доходы от вложений в промышленность. Деньги делались даже не из денег, а из несуществующих активов. Всё это привело к тому, что финансовый пузырь, десятилетиями надувавшийся американцами, в конце концов лопнул. Мировая денежная система оказалась банальной пирамидой, выстроенной американцами, чтобы затем “кинуть” весь мир.

Произошло то, что рано или поздно должно было произойти. Ведь именно об этой характерной черте капиталистических кризисов, ярко проявившейся сегодня в экономике США, давно говорил Маркс, который указывал, что при капиталистической системе производства “громадная масса... векселей представляет просто дутые операции, которые... обнаруживают свой истинный характер и лопаются”.

Но не только Марксом, чей “Капитал” стал в наше время одной из самых читаемых книг на Западе, вскрыты сущностные характеристики кризисов при

капитализме. Происходящее на наших глазах в полной мере подтверждает и справедливость ленинских оценок тупикового характера империализма. Неизбежность кризисных явлений, которые тот порождает, причины и механизм проявления кризисов всесторонне проанализированы В. И. Лениным в его работах “Марксизм и ревизионизм”, “Империализм как высшая стадия капитализма” и целом ряде других трудов.

“Только самое короткое время и только самые близорукие люди, — писал Владимир Ильич, — могли думать о переделке основ учения Маркса под влиянием нескольких лет промышленного подъёма и процветания. Что кризисы не отжили своё время, это показала... очень быстро действительность: кризис наступил после процветания. Изменились формы, последовательность, картина отдельных кризисов, но кризисы остались неизбежной составной частью капиталистического строя”.

Ленин также предупреждал коммунистов, что “устранение кризисов картелями есть сказка буржуазных экономистов, приукрашивающих капитализм во что бы то ни стало. Напротив, монополия, создающаяся в некоторых отраслях промышленности, усиливает и обостряет хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом”.

Кстати, подобные мысли высказывались не только классиками марксистско-ленинской теории, но и многими другими, далёкими от марксизма выдающимися людьми. По сути дела, об этом же говорил, например, человек с мировым именем — Альберт Эйнштейн. “Экономическая анархия капиталистического строя, — утверждал он, — есть подлинный корень зла... Я убеждён, что есть только один путь борьбы с этим тяжким злом — введение социалистической экономики вместе с системой просвещения, направленной на благо общества”.

* * *

В преддверии бурных событий, которыми будет наполнен предстоящий период, мы обязаны вооружить всех коммунистов всесторонним и чётким анализом ситуации, последовательно реализовывать курс, выработанный в ноябре 2008 года XIII съездом КПРФ и мартовским (2009 года) пленумом Центрального Комитета партии, наметившим пути нашей работы в условиях финансово-экономического кризиса.

Время подтвердило правильность сделанных коммунистами оценок положения, сложившегося в России и в мире, и наших основных выводов. Мы хорошо помним, как правительство, несмотря на очевидные факты, ещё в начале осени 2008 года утверждало, что никакого кризиса у нас нет, что “кризис у нас в голове”, что страна представляет собой “тихую гавань”, “островок стабильности” в бушующем финансовом море. Были даже самоуверенные заявления о том, что Россия якобы способна помочь Западу укрыться от разразившегося шторма.

Кроме коммунистов мало кто тогда предвидел, что империалистический мир входит в период глубокого обострения системных противоречий. Мираж капиталистического рая, который доморощенные либеральные демократы обещали нашему народу в 1991 году, стремительно исчезал. А ведь коммунисты давно предупреждали, что модель общества, навязанная России в результате контрреволюционного переворота, враждебна интересам подавляющего большинства наших сограждан. Она не соответствует объективным потребностям страны, противоречит нашей истории и традициям, является чужеродным дичком, насильственно привитым к нашей культуре, к могучему дереву самобытной тысячелетней России.

Положение с тех пор только усугубилось. Социальные потрясения вызвали по всему миру мощную волну забастовок и протестов, которая грозит смести не выдержавшую проверку временем модель либерального капитализма. Во многих странах вызревает новая революционная ситуация.

Кризис, убедительно подтверждая наши прогнозы, впервые за последние годы даёт реальную возможность левым силам укрепить свои позиции и вырваться из той изоляции, в которую стараются загнать нас политические противники. Вместе с тем на сегодняшний день важнейшая, я бы сказал, интернациональная задача коммунистического движения — не дать правящим

группировкам нашей страны и других государств “выпустить пар” социальной напряжённости путём разжигания националистических настроений, стремлений к религиозной обособленности, провоцирования международных конфликтов. В этом смысле Россия представляет собой зону особого риска, поскольку она испытывает не только постоянное негативное давление извне, но и подвержена опасности самых непредсказуемых действий со стороны собственного правительства.

Со многими нашими оценками сегодня совпадают мнения ряда политиков, которых трудно заподозрить в левых взглядах. Но их отдельные высказывания не могут нас обольщать, поскольку в них нет и намёка на солидарность с платформой компартии. Как только речь заходит о конкретных путях преодоления кризиса, реальных мерах по выходу из него, вся левая фразеология наших оппонентов мигом обрывается — сказываются классовые интересы, которые не позволяют наступить на горло собственной песне. Однако присутствующий во многих статьях и высказываниях критический тон свидетельствует о резком изменении общественных настроений и в высших слоях общества.

Всё чаще мы слышим и от руководителей ряда западных стран слова о том, что экономическая система современного капитализма, не имеющая нравственной составляющей, не в силах справиться с поразившим её кризисом. Нобелевский лауреат в области экономики Пол Кругман указал в “Нью-Йорк таймс”, что рынок, построенный на аморальных ценностях, себя не оправдал. А генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун распространил послание, в котором среди важнейших причин нынешнего глобального кризиса назвал алчность и коррупцию. Неоднократно на эту тему высказывался президент Франции, чьи взгляды на современную экономическую систему западные СМИ окрестили “новым капитализмом Саркози”.

Заметим, что в либерально-буржуазной печати всё чаще стали говорить и о социализме как реальной перспективе, как альтернативе буржуазному строю. Журнал “Ньюсуик”, например, прямо пишет, что нам придётся стать социалистами, а британский еженедельник “Экономист” обсуждает тему, как лечить капитализм социализмом. Джордж Сорос убеждён, что старая модель взорвалась, и вернуться к ней уже не удастся.

Резкое полевение всего спектра политических сил наблюдается в Германии. Вот что, например, заявляет Франц Мюнтеферинг — лидер Социал-демократической партии Германии: “Когда в 1990 году коммунизм и его плановая экономика оказались поставленными на колени, мы зря возликовали и поверили, что теперь победила социальная рыночная экономика. На самом деле, после этого во всём мире развился другой капитализм, с его эксцессами и без социальной составляющей. Коммунизм оказывал на капитализм дисциплинирующее действие. Нынешняя форма капитализма, которая не сознаёт своей ответственности перед человеком и обществом, должна быть отправлена на помойку. Эксцессы распоясавшегося финансового капитала должны быть прекращены”.

Мюнтеферингу вторит председатель многомиллионного Объединения немецких профсоюзов Михаэль Зоммер: “Если мы в своей стране не сумеем найти справедливого, приемлемого для людей выхода из кризиса, если из этого кризиса не будут сделаны выводы, тогда под угрозой окажется наше социальное рыночное хозяйство, да и сама наша демократия. Многое должно измениться в нынешней системе, иначе она утратит своё оправдание”.

Не только социал-демократы и лидеры профсоюзов, но и сам президент ФРГ, христианский демократ Кёлер провозглашает, что “англосаксонский капитализм” азартных игроков и авантюристов рухнул. Провалилось делание денег без правил, без ответственности и совести”.

Как видим, многие западные политики понимают беспочвенность рассуждений о трансформации капитализма, который якобы обрёл с годами гуманистические черты. Действительно — в развитых странах капитализм был вынужден считаться с нуждами широких масс трудящихся, идти на уступки и компромиссы. Но эта его особенность стала результатом отнюдь не логического его преобразования в принципиально новую общность людей, отличающуюся гармонией человеческих отношений. Заниматься решением социальных проблем капиталистов заставил резкий рост политической активности рабочего класса под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции.

Мировая буржуазия была напугана тем, что произошло в России в 1917 году. Ведь, ликвидировав в своей стране капитализм, уничтожив эксплуатацию человека человеком, социальный и национальный гнёт, российский пролетариат продемонстрировал всему миру поистине вдохновляющий пример. Явившись величайшим всемирно-историческим событием XX века, социалистическая революция в России дала мощный толчок не только активизации массового движения пролетариата европейских стран за свои права, но и способствовала соединению в единый поток общедемократического и национально-освободительного движения угнетённых народов всех континентов.

В начале XXI века расстановка сил в мире резко поменялась. У эксплуатируемых народов сегодня уже нет такого яркого маяка, каким был для них своё время Советский Союз. А с его развалом рухнула главная опора мирового коммунистического и освободительного движения. В результате резко усилился и не стихает разгул антикоммунизма, правые круги, к которым прикнула и Парламентская ассамблея Совета Европы, пытаются искоренить стремление к коммунистическим идеалам из сознания трудящихся. Но когда люди видят, как в волнах кризиса тонет та модель общества, которую долгое время старательно навязывали всему миру, они начинают понимать, что социализм, несмотря на его поражение в ряде стран, – не прихоть марксистских идеологов, а естественная, неизбежная стадия прогресса человечества.

Сама жизнь настоятельно диктует переход к социалистическим формам устройства и развития общества. Но исторические закономерности не означают, что победа сама свалится к нам в руки. Они требуют от коммунистов не только максимума усилий, но и трезвого взгляда на вещи, на особенности развития событий в нашей стране и в мире.

Отличительной особенностью России “путинской эпохи” стало завершение в ней реставрации капитализма. Уже сам этот факт помогает освободиться от многих иллюзий относительно скорого и безболезненного возврата к социалистическим ценностям, к установлению в стране народовластия. Тем более что российская “элита” вывела для себя особый вид капитализма – криминально-олигархический, вцепилась в него и не хочет даже слышать о необходимости перехода, пока ещё не поздно, к жёстким мерам государственного регулирования. В этом заключается её главное отличие от государственных и политических руководителей Запада, понимающих неизбежность отказа от модели “бесконтрольной саморегулирующейся рыночной экономики”, которая зашла в тупик и больше не имеет будущего.

На Западе, как мы уже говорили, здравомыслящие люди левеют и потянулись к марксизму, а Кремль вот уже многие годы устами своих доморожденных экспертов старается убедить Россию, будто марксистское положение о системном общем кризисе капитализма является чем-то вроде выдумки Маркса и Ленина, не более чем ритуальным заклинанием коммунистов. Под сомнение и хулу поставлены не только теоретическое наследие классиков марксизма, а весь огромный практический опыт социалистического строительства в СССР. Оно и понятно – ведь объективная оценка советского периода неизбежно вызывает у каждого человека желание сравнить грандиозные достижения минувшей эпохи с тем, что делается, а точнее сказать – с тем, что творится в наше время.

Но наивно думать, что многолетняя обработка людей средствами СМИ, главным образом – телевидения, не сказалась на общественных настроениях. Ведь, по сути, страна превращена в “электронный концлагерь”, узники которого получают строго дозированную информацию. Вся она находится под неусыпным контролем Кремля и по своему содержанию полностью соответствует его интересам и целям. Незначительный шаг вправо или влево возможен только в том случае, если он создаёт иллюзию свободы слова, но в принципе не противоречит действиям власти и не изобличает их суть.

Активно используя в последнее время псевдопатриотическую риторику, рассчитанную на мелкобуржуазные слои населения, кремлёвские пропагандисты тщательно скрывают от народа тот факт, что в надувание лопнувшего осенью 2008 года финансового пузыря внесли свою лепту российские олигархи и правители России, состоящие у них на службе. Вместо того, чтобы заняться восстановлением экономики России, её инфраструктуры, созданием ёмкого внутреннего рынка, строительством действительно доступного жилья, решением проблемы достойного пенсионного обеспечения и других важных

социальных вопросов, они размещали государственные накопления в американских и западноевропейских банках, выводили активы за рубеж. А тем временем золотой нефтедолларовый дождь, который пролился на Россию в последние годы, иссяк. Страна сразу же оказалась у разбитого корыта.

Понимало ли правительство России, что мыльный пузырь видимого благополучия неизбежно заслонит и раздавит в стране реальный сектор экономики? Время, прошедшее с начала кризиса, подтвердило наше убеждение: все его действия носили вполне *сознательный характер*. Отнюдь не случайно игнорировались все предупреждения коммунистов о приближающемся экономическом коллапсе, разработанные ими меры по его предупреждению и оздоровлению экономики страны.

Такая непримиримость сторон обусловлена диаметрально противоположными целями, которые они преследуют. Коммунисты хотят видеть Россию сильным и независимым государством, способным выдержать любые политические и экономические потрясения в мире. Правительство России, что бы оно вслух ни декларировало, мечтает втянуть страну в так называемый “европейский проект” на правах жалкого сырьевого придатка ведущих капиталистических держав. И если даже развитые европейские страны соперничают между собой всего лишь за роль “младшего партнера” США, то не трудно догадаться, какая участь ожидает Россию.

Создаётся впечатление, что сильная Россия её нынешним правителям попросту не нужна, поскольку она не позволит паразитировать на своём теле олигархическим кланам и чиновничьему аппарату, являющемуся основой современной системы власти. Убери её – и пресловутая властная “вертикаль” рухнет и погребёт под собой всех, кто жирует за счёт ресурсов страны и труд миллионов людей.

Вот почему позиция российских властей, по сути, не изменилась и тогда, когда кризис, особенно болезненно проявляющийся в России, грозящий перерасти из финансово-экономического и в политический, в полной мере подтвердил справедливость прогнозов КПРФ. А ведь достаточно, например, обратиться к целому ряду моих статей последнего времени, выступлений других представителей оппозиции, чтобы убедиться: именно наша партия наиболее достоверно очертила тревожные перспективы, которые, как заявляют кремлёвские политологи, оказались почему-то для них оглушительной неожиданностью.

Это тем более странно, что на протяжении всего срока пребывания КПРФ в центре политической борьбы, начиная с 1993 года, именно мы, коммунисты, честно и точно предсказывали последствия губительного экономического и политического курса, проводимого руководством страны после развала СССР. Этот курс, провозглашённый ельцинской командой, продолжался её наследниками и в последующий период, только в несколько облагороженной “упаковке”. Но суть его от этого не менялась: множество фактов свидетельствует о том, что российская власть и не собиралась выбирать из вороватой ельцинской колеи, которая была проторена в девяностые годы.

Несмотря на то, что, по признанию высокопоставленных чиновников российского правительства, с экономики страны давно уже слетел “гламурный налёт”, представители власти, олигархического бизнеса и официозных СМИ до сих пор делают вид, что предупреждения коммунистов якобы несостоятельны. Всё, что предлагается коммунистами, по их мнению, носит “популистский”, “демагогический” характер, призвано “расшатать в обществе политическую ситуацию”. Критика власти со стороны КПРФ, как заявляют они, якобы неконструктивна и только мешает правительству и “Единой России” вершить реальные дела во благо народа и никак не может повлиять на изменение положения дел в лучшую сторону. Некоторые из них так разошлись в своем “негодовании”, что попытались наклепать на левую оппозицию ярлык “партии радостной встречи кризиса”.

Откуда берётся такой цинизм? Кто-то из наших оппонентов занимает такую позицию в силу элементарного недомыслия и непрофессионализма, кто-то – из конъюнктурных соображений, желая выслужиться перед властью, а большая часть – вполне осознанно, понимая, что планы КПРФ по оздоровлению экономики действительно способны отвести беду. Но для них любое признание правоты коммунистов даже в частностях равнозначно признанию своего полного идейного поражения. А с этим они примириться никогда не смогут.

Напрасны потуги Кремля очернить компартию и представить дело таким образом, что оппозиция якобы спекулирует на трудностях, с которыми приходится сталкиваться. Мы убеждены, что сейчас именно КПРФ является *важным фактором сплоченности общества*, поскольку в условиях резкого обострения социальных противоречий она предлагает конкретные меры для их разрешения, видит пути выхода из исторического тупика. КПРФ занимает исключительно конструктивную позицию по всем злободневным вопросам современности, от финансово-экономической политики до образования и культуры. Как и в девяностые годы, наша партия сейчас является главной преградой, мешающей правящим классам довести противостояние в обществе до той критической черты, за которой ход событий в стране может принять неуправляемый и крайне опасный характер. Мы уверены, что в настоящее время ещё можно поправить ситуацию. Для этого руководство России обязано правильно оценить происходящее и принять исчерпывающие меры, восстанавливающие в стране попорченную справедливость. Если этого не произойдёт, завтра будет поздно.

Мы никогда не спекулировали на трудностях и не собираемся этого делать. Никогда КПРФ не действовала и не намерена действовать по принципу *“Чем хуже – тем лучше”*. *Пытаясь предотвратить развал страны, дальнейшее обнищание трудящихся, наша партия, в полном соответствии с ленинскими традициями, готова к поиску точек соприкосновения и сотрудничества со всеми здоровыми силами*. Но мы будем использовать все имеющиеся у нас возможности, чтобы разъяснять людям истинные причины возникновения сложившейся ситуации. И пусть не надеются кремлёвские пропагандисты, что мы будем обходить стыдливым молчанием проблемы, которые породила нынешняя власть.

* * *

Российская власть не желает сознавать ни природы кризиса, ни закономерностей его развития, ни размеров грозящей катастрофы. Об этом свидетельствует официальная реакция на требования и меры выхода из кризиса, предложенные КПРФ, видящей главный смысл своей деятельности в защите коренных нужд трудового народа, всех простых людей. Она вполне объяснима и вытекает из классовой природы нынешней власти, действующей в интересах финансовой олигархии, крупного капитала, который временно торжествует в России. Мы стали свидетелями того, как с наступлением кризиса триллионы рублей тратились на оказание помощи банкирам и крупным олигархам, и практически ничего не делалось, чтобы облегчить положение пенсионеров, малоимущих, матерей, учащихся. Жалкие надбавки к пенсиям и мизерные пособия по безработице кроме недовольства давно уже ничего не порождают и создают угрожающее положение в социальной сфере.

Кстати, отметим, что в *“благодарность”* за *“отеческую”* заботу правительства наши доморощенные буржуа, несмотря на кризис, вывезли из России сотни миллиардов долларов. Масштабы вывоза капитала из страны давно уже превзошли объёмы того оттока валютных средств, который наблюдался в худшие ельцинские годы. Вот уж действительно – *“кому война, а кому мать родна”*.

Кризис до предела обострил в России экономические и социальные проблемы. Он и не мог развиваться иначе, поскольку правящая *“элита”* всегда была настроена на обслуживание мирового рынка, а не на укрепление страны, удовлетворение жизненных потребностей её народа. Это основная причина, почему потрясения в нашей стране ощущаются намного сильнее, чем на Западе, а Россия приобрела сомнительную славу эпицентра мирового кризиса.

Если в развитых странах, где кризис переносится несравненно легче, фондовый рынок обвалился примерно на 30 процентов, то в России он сократился более чем на две трети. Мы оказались в самом худшем положении, самым слабым звеном в цепи капиталистических экономик, как это было уже в истории – в 1917 году, накануне Октябрьской революции. Поэтому ничего, кроме недоумения, не вызывает нынешняя позиция правительства, которое продолжает ратовать за устранение государства от решения коренных проблем экономики и социальной сферы. Все его действия говорят о том, что *кардинально менять существующий порядок вещей в России её руководство не собирается*.

Как не раз подчёркивал глава российского правительства Путин, меры усиления государственного регулирования экономики носят *временный характер*, а частичная национализация, даже в том, максимально урезанном виде, который мы наблюдаем, — лишь вынужденное явление, и необходимость в нём скоро опять отпадёт. Как отмечали независимые наблюдатели, на последнем Всемирном экономическом форуме в Давосе позиция российской делегации характеризовалась “абсолютно либеральным настроем”, попытками “предупредить” западное сообщество об опасности распространения государственного влияния в стремлении преодолеть кризисные явления. Ведь это, по мнению нашего правительства, “очень опасный путь”.

Явно подзабыли лидеры школьные уроки по истории, на которых изучалась Великая депрессия. А ведь причины её возникновения почти полностью совпадают с тем, что происходило летом и осенью 2008 года в Америке. Именно господство в 20-х годах принципа минимального вмешательства государства в экономику и разгул спекуляций пустыми ценными бумагами при полном отсутствии государственного контроля были решающими факторами тогдашнего обвала. Кстати, уже в разгар депрессии, в декабре 1932 года, в своём послании конгрессу президент Гувер всё ещё видел “пружины прогресса американской системы” в “свободной игре социальных и экономических сил”.

Всё это очень напоминает пассажи из выступлений ведущих кремлёвских экономистов и позволяет нам говорить о том, что “кредо” российских политиков выглядит довольно потрепанным. Яснее и короче, чем они это делают сами, антигосударственную направленность стратегии Кремля, пожалуй, и не объяснишь. Очень быстро нынешние вожди забыли, что устранение государственного вмешательства в экономику было важнейшей составляющей шоковой терапии в девяностые годы, в результате которой подавляющая часть населения была отброшена за черту бедности и ввергнута в нищету. Но вместо того, чтобы попытаться взять управление терпящим бедствие кораблём в собственные руки, российская власть вновь призывает всех уверовать во всемогущество рынка, который “всё сам урегулирует”. Нам этот лозунг очень хорошо знаком. Под таким девизом начинали развал советской экономики в конце восьмидесятых годов, уничтожали производство и грабили страну в девяностые годы. А словами правительство старается дистанцироваться от того курса, который тогда проводился. На деле — ровным счётом ничего не пытается изменить.

Власть не хочет и не может заниматься проблемами тысяч предприятий, стремительно угасающих из-за отсутствия сбыта продукции, безумно дорогих кредитов и урезания государственного финансирования. Зато эта власть глубококомысленно рассуждает на международных форумах о проблемах мировой экономики. Любопытно смотреть, как руководство России берётся поучать западных лидеров насчёт опасности государственного вмешательства в экономику. Но становится тревожно, когда оно в то же время поддерживает расширение прав глобального правительства в лице его финансовых институтов на вмешательство во внутренние дела государств.

Почему же правители России в своей приверженности изжившим себя принципам капиталистического мироустройства стремятся выглядеть святее папы Римского? Ответ прост: несмотря на видимость глубоких расхождений между Россией и Западом по целому ряду принципиальных вопросов, наши руководители используют любые случаи, чтобы выразить свою приверженность либеральным идеалам. Это не что иное, как демонстрация полного понимания интересов западных держав, которым, кроме энергетических и иных природных ресурсов, от России больше ничего не надо. Вопрос заключается в том, ценит ли Запад такую трогательную заботу, отвечает ли он России взаимностью? Думается, что нет. Вооружённый конфликт с Грузией, газовые скандалы с Украиной, молочный — с Беларусью ясно показали, на чьей стороне находятся симпатии сообщества капиталистических государств. Политический вес России на международной арене зависит только от её “рыночной стоимости”, которая определяется исключительно источниками сырья — от нефти до пресной воды, находящимися на её территории.

Есть и ещё одна причина, почему российская финансовая система всячески защищает догматы “свободного рынка”: они позволяют буржуазии реализовывать самые авантюрные схемы извлечения сумасшедшей прибыли.

Отказ в ближайшей перспективе от усиления государственного вмешательства в экономику, от национализации предприятий стратегических отрас-

лей для страны означает лишь одно: наша судьба, как и в предшествующие годы, будет целиком и полностью отдана в руки финансовой олигархии и крупного капитала, в руки тех, кто уже привёл страну на грань катастрофы. А в России, в чём мы уже давно убедились, деятельность подавляющего большинства крупных бизнесменов и предпринимателей носит откровенно компрадорский характер, прямо противоречит интересам страны. Не зря же знающий толк в международной политике Збигнев Бжезинский предлагает западным государствам при решении тех или иных жизненных вопросов “давить” на российских миллиардеров, на олигархов и коррумпированных чиновников, положивших в банки свои несметные криминальные состояния, скупивших замки, дворцы и виллы в предместьях Лондона и на пляжах Средиземного моря. Эта правящая, засветившаяся в “Форбсе” группировка имеет решающее влияние на внутреннюю и внешнюю политику России, на принятие стратегических решений, на мнение политического руководства своей страны. Управлять этой группировкой – значит управлять Россией.

Страну продолжают беззастенчиво грабить. Цель, которую ставит перед собой верхушка российской буржуазии, проста: личное обогащение всеми возможными способами. Всё, что их волнует – это нефтяная “труба”, через которую утекают последние надежды народа. Полученные от правительства по так называемой Программе антикризисных мер денежные средства потому и идут на финансовые спекуляции, что при созданной в России банковской системе их намного выгоднее вкладывать не в производство, а в ценные бумаги. Вот почему важнейшие для страны предприятия, целые отрасли экономики давно задыхаются и гибнут без инвестиций, а крупный капитал не горит желанием вдохнуть в них жизнь.

По-видимому, наши олигархи уверены, что 1917 год в России больше не повторится. Зря они так думают!

* * *

Особую тревогу вызывает последовательная, я бы сказал, упорная деятельность российской власти по сворачиванию в стране демократии. За несколько лет власть оттолкнула от себя даже тех, кто, исповедуя либеральные взгляды, ещё с восьмидесятых годов небезосновательно считал демократизацию общества непременным условием успешного развития страны.

Выборы президента, депутатов в Государственную Думу, региональные и местные законодательные органы власти давно уже превратились в фарс, в пустую формальность. Их результаты определяет не народное волеизъявление, а произвол местных руководителей и чиновников.

Отменена выборность губернаторов, причём какие-либо сомнения в “демократичности” этой меры, нередко возникающие у самих руководителей регионов и других крупных чиновников, подавляются на корню. Действует антидемократический Закон о политических партиях, позволяющий государству осуществлять за ними тотальный контроль. Фактически ликвидирована независимость Конституционного суда, так как президент страны теперь наделён правом назначать его председателя.

В 2008 году был создан прецедент с далеко идущими последствиями: без учёта мнения народа внесены изменения в Конституцию, увеличивающие срок полномочий президента. Но главная их цель – сохранение “мандата” на управление страной, узурпированное узкой группой лиц. Эти принципиальные поправки “единороссовское” большинство Госдумы протасило, игнорируя позицию коммунистов, настаивавших на вынесении такого принципиального вопроса на всенародный референдум. Теперь, по замыслу правящей верхушки, при благоприятном для них развитии событий её ставленники смогут оставаться у власти практически неограниченное время. По сути, сложившаяся в России система власти – это бонапартистский режим, отличающийся полным произволом действий, и манипуляции с Основным Законом в полной мере подтверждают это.

Вызывает тревогу общества то, что в последние годы под видом борьбы с экстремизмом в Госдуме один за другим протаскиваются законы, ограничивающие демократические права граждан. В то же время они позволяют силовым структурам применять репрессивные методы борьбы с оппозицией, со

всеми, кто не доволен существующими в стране порядками. Например, в 2008 году принят закон, по которому при рассмотрении дел “о преступлениях антигосударственной направленности” суд присяжных заменили коллегией из трёх судей. Решение отказаться от суда присяжных при рассмотрении дел, связанных с различными беспорядками, справедливо трактуется в обществе как подготовка власти к грядущим неизбежным потрясениям. Ведь в перечень “государственных преступлений”, вопреки позиции коммунистов, включены и так называемые “массовые беспорядки”, которыми при желании можно считать любые митинги, шествия, пикеты и другие акции протеста.

В последние годы нам постоянно приходится сталкиваться со случаями грубого давления на коммунистов со стороны силовых ведомств и административных органов, с фактами преследования наших активистов вплоть до возбуждения против них сфабрикованных уголовных дел, с необоснованными запретами партийных изданий, арестами печатной изданий и другим правовым произволом. Пытаясь изолировать людей от слова правды, которое несут в народ коммунисты, власть на местах не брезгует никакими методами. Мне и самому пришлось не раз испытать грубое, беззастенчивое давление административного пресса. Например, в ходе предвыборной кампании встречу с избирателями в Брянске, на которую собрались тысячи людей, пришлось проводить под открытым небом, потому что дом культуры, где она должна была проходить, оказался на замке. При этом органы правопорядка квалифицировали эту встречу как незаконное уличное мероприятие. Действия власти в Брянске, как и множество других её судорожных и неуклюжих попыток отбить у народа охоту открыто выражать недоверие её политике, получили обратный эффект.

Буквально всю страну всколыхнул разгон мирной акции жителей Владивостока, которые протестовали против повышения таможенных пошлин на ввоз легковых автомашин из Японии, являющихся в Приморском крае основным транспортом. Участники манифестации подверглись кровавому избиению омоновцами, специально доставленными для этой “показательной” акции из Подмоскovie, поскольку местные стражи порядка решительно отказались поднимать руку на невинных людей. Эти события показали, насколько лицемерна кремлёвская пропаганда. В её обиходе, например, неожиданно появился забытый термин “спекулянты” – так стала она называть мелких предпринимателей, которые пытаются прокормить свои семьи за счёт мелкого торгового бизнеса. Спрашивается, а как же тогда быть с капиталом, который спустил и продолжает тратить миллиарды рублей на биржевые спекуляции? Своей политической властью довела людей до нищеты, оставила без работы. Мерзкие обвинения посыпались в адрес КПРФ, которая встала на их защиту. К нашей партии пытались даже прилепить нелепый ярлык “прислужницы японского империализма”.

Судя по всему, в разряд “спекулянтов” занесены и предприниматели Комсомольска-на-Амуре, которые вели длительную борьбу с администрацией города за сохранение рабочих мест на городском рынке. Её апофеозом стала расправа над продавцами и другими работниками рынка, учинённая в апреле 2009 года при прямом попустительстве органов внутренних дел, работники которых спокойно наблюдали за варварским разрушением рынка и насилием над предпринимателями.

В июле 2009 года омоновцы применили силу против рабочих алтайского предприятия “Магистраль”, которые перекрыли под Горно-Алтайском федеральную трассу, требуя предоставления работы и выплаты многомесячной задолженности по заработной плате.

Власти не гнушаются ничем, пускают в ход все средства, чтобы навязать стране “суверенную демократию” по-русски – диктат новых хозяев жизни, набивших карманы несправедным путём, растоптавших все права человека и прикрывающих свои безобразия фальшивой Фемидой. Уникальность позиции российского руководства заключается в том, что оно даже и не пытается заручиться поддержкой народа. Его платформа рассчитана, прежде всего, на то, чтобы вызвать замешательство в лагере оппозиции, среди трудящихся, продемонстрировать силам сопротивления внутри страны свою нетерпимость к любой альтернативе губительному курсу, осуществляемому в России.

Мы не можем не обратить внимания на одну характерную особенность системы антикризисных мер власти: особое место в ней отведено укреплению силовых структур – отменено сокращение Внутренних войск, повышены зар-

платы милиции, чуть ли не главным делом объявлена борьба с экстремизмом, под которым подразумевается фактически любое проявление недовольства нынешней властью. Заметим, что, сокращая армию и сохраняя численность Внутренних войск, правящая группировка показывает: *основным её противником является не внешний враг, а собственный народ.*

Наша позиция по экстремизму, которая ясно выражена в специальном заявлении ЦК КПРФ, основывается на том, что на фоне экономического кризиса, сотрясающего устои капитализма, антикоммунистические тенденции усилились во многих регионах мира. Но если в Европе антикоммунизм нарастает преимущественно в политической плоскости, то в России его проявления имеют более разнузданный и демонстративный характер.

Раз за разом раздуваются кампании требований об осквернении Красной площади и уничтожении всемирно известного Мавзолея В. И. Ленина. Одновременно идёт откровенная вахханалия надругательства над памятью и памятниками основателю советского российского государства. Вот лишь последние примеры бандитских нападений. Разрушен памятник Ленину в посёлке Покровское Брянской области. В Рязани памятник вождю революции был взорван. Были осквернены памятники Ленину в Ростове, в Волгограде, Пятигорске, Новоалександровске, Ржеве. Особенно возмутительна кощунственная акция, устроенная вандалами в Санкт-Петербурге, взорвавшими памятник у Финляндского вокзала, известный под названием «Ленин на броневике». Он установлен на том месте, где по возвращении из эмиграции в 1917 году Владимир Ильич выступал со своими знаменитыми Апрельскими тезисами.

Вряд ли удастся свалить вину за эти бесчинства на некие «подпольные группы». Мы убеждены, что акты вандализма в отношении памятников В. И. Ленину спланированы и, похоже, управляются из единого центра. Если власти бессильны против подобных вылазок, то коммунисты готовы дать отпор и экстремистам, и провокаторам, призывающим уничтожить Мавзолей и перекопать Красную площадь.

Обострение этих позорных действий в условиях усиления протестных настроений сопровождается нарастанием полицейского произвола, а также бандитскими расправами над руководителями и активистами оппозиции. *Жертвами преследований становятся, прежде всего, коммунисты.* До сих пор не раскрыты убийства коммунистов – депутата Государственной Думы В. Мартемьянова, первого секретаря одного из райкомов КПРФ Р. Садыкова, работника мэрии Пскова Е. Люхатана, супругов Стеховых в Ставропольском крае. Не раскрыт и ряд убийств активистов других партий и общественных организаций.

Кампания запугивания членов и сторонников КПРФ, особенно политической активной молодёжи, приобретает системный характер. Участники митингов, демонстраций и пикетов постоянно подвергаются незаконным задержаниям, приводам в отделения милиции, избиениям, допросам, издевательствам, снятию отпечатков пальцев. Формой запугивания являются обыски, производимые милиционерами в домах и квартирах наших активистов.

Характерно, что делами оппозиции занимаются подразделения по борьбе с организованной преступностью МВД России. Это означает, что *власти рассматривают политическую оппозицию, в том числе и парламентскую, как форму оргпреступности.*

Наметилась и опаснейшая тенденция использования молодёжных ударных групп партии власти для срыва публичных мероприятий оппозиции. Только в ходе Всероссийского дня протестов весной 2009 года атаки молодых «штурмовиков» имели место в 31 регионе России.

Всё это штрихи одной картины – картины перехода от политического произвола к откровенному экстремизму со стороны власть имущих, а далее – к политическому террору. Для ужесточения борьбы с оппозицией, её морально-политического отчуждения от народа используются и *средства массовой информации.* Явление, известное на Западе как «убийство личности», уже получило распространение и в России в виде грязной «карауловщины». Речь идёт о беззастенчивом использовании государственного телевидения для дискредитации оппонентов нынешней власти. Причём в ход идёт беспардонная ложь и клевета. Многократно повторенные, они зачастую дезориентируют людей, не искушённых в политическом интриганстве.

В качестве органа преследования и расправ активно применяется и судебная система, которая чуть ли не автоматически штампует обвинительные

приговоры политическим активистам. Ярким примером может служить дело Сергея Рожкова, которого районный суд Краснодарского края осудил на три года колонии якобы за избивание шести милиционеров. И это при том, что Рожков – инвалид, а “избиение” происходило у него на квартире. Подвергается судебной расправе И. И. Казанков – лидер коммунистов Республики Марий-Эл.

Мы видим, что в репрессивные органы превращаются и избирательные комиссии различных уровней, произвольно отстраняющие от участия в выборах кандидатов от оппозиции. Фактически избиркомы уже не фиксируют волю избирателей, а лишь обеспечивают видимость законности избрания кандидатов от “Единой России”. Оппозиционным кандидатам повсеместно создают препятствия в проведении агитации. А наглые махинации на избирательных участках, воровство голосов у оппозиции становятся повсеместным явлением, полностью дискредитируя сам институт выборов. *Выборы в ряде регионов приобрели откровенно криминальный характер.*

Незаконные удаления с избирательных участков наблюдателей от КПРФ, зачастую сопровождающиеся их избиваниями, стали чуть ли не непременной частью любых выборов. Правоохранительные органы равнодушно взирают на этот произвол даже в случаях явного нарушения закона и, по сути дела, сами становятся соучастниками массовых фальсификаций.

Центральная избирательная комиссия РФ из независимого органа фактически превратилась в один из департаментов правительства. Жалобы на нарушения закона ЦИК либо игнорирует, либо бездоказательно отменяет. За годы существования нынешнего избиркома не было практически ни одного (!) случая отмены итогов каких-либо выборов из-за допущенных нарушений.

Наши товарищи всегда находятся в состоянии постоянного “боевого дежурства”, ищут новые подходы, осваивают современные методы политической борьбы. Партия, несмотря на все усилия власти по её дискредитации, успешно выдерживает предвыборный прессинг и укрепляет свои позиции. И мы добиваемся, чтобы произвол властей на выборах получал должную правовую оценку.

Так, Европейский суд принял к рассмотрению жалобы КПРФ об отмене результатов выборов депутатов Государственной Думы РФ 5-го созыва по Республике Мордовия. Причём это решение было принято довольно оперативно, так как были представлены чрезвычайно серьёзные документы, подтверждающие прямую корректировку результатов выборов в пользу партии власти, в частности, подлинники второго комплекта бюллетеней, использованных для голосования в этом российском регионе.

Данная информация вызвала нервную реакцию как со стороны ЦИКа РФ, председатель которого В. Чуров обещал сбрить бороду в случае, если оппозиции удастся доказать факты фальсификации выборов, так и со стороны администрации президента, озабоченной крайне негативной реакцией европейской общественности на процедуру проведения выборов в России.

Мы инициировали судебный процесс по обвинению властей в грубой фальсификации итогов парламентских выборов и внутри страны. Несмотря на то, что сражение вокруг итогов выборов продолжается, мы не строим иллюзий в отношении несправедности российского суда, но эти процессы позволяют публично вывернуть наизнанку механизмы крупномасштабных махинаций власти, показать всю низость и подлость многих её ставленников на местах, которые занимают дикими приписками и откровенным воровством голосов избирателей.

Репрессивные тенденции усилились даже в парламенте, который по определению должен быть эталоном демократии. Комиссия Госдумы по этике на глазах превращается в орган давления на депутатов-коммунистов. Вызовы “на ковёр” “виновных” в публичной критике нынешней власти приобретают массовый характер. Для затыкания рта депутатам-коммунистам всё чаще используется лишение их права голоса на месяц по самым ничтожным предложениям. Регламент Государственной Думы постоянно изменяется, чтобы сделать его всё более эффективным средством борьбы со свободой дискуссии в стенах парламента.

Постоянные и повсеместные запреты митингов и демонстраций – это грубое нарушение конституционного права граждан на свободу шествий и собраний. Российские власти, охотно наклеивающие ярлык экстремизма на любую

публичную критику правительства, фактически закрывают глаза на многочисленные случаи террора против оппозиции и её символов или даже инспирируют их.

На фоне глубокого кризиса, вместо того чтобы искать выход в диалоге с обществом, значительная часть которого поддерживает оппозицию, власть стала на путь силового подавления инакомыслия. Это опасный путь, ведущий к резкому обострению обстановки в стране. При этом обнадеживающие заявления Медведева о необходимости диалога с обществом, соблюдения демократических принципов не получают отражения в деятельности чиновничества и правоохранительных органов. Президент говорит одно, они делают совершенно другое.

Совпадение разгула антикоммунистического экстремизма и терроризма в России и возрождение антикоммунизма в западных странах подтверждает тесную смычку правящих группировок Запада и России и ставит под сомнение «патриотические» декларации российского руководства. *Весь этот комплекс факторов позволяет говорить о том, что Россия движется в опасном направлении становления полицейского режима.*

... Мы ведём острую борьбу с правящей группировкой, которая использует отнюдь не парламентские методы подавления оппозиции. Коммунистам к этому не привыкать. Вспомним, например, где до революции руководители большевистской партии проходили политическую подготовку? В первую очередь, на баррикадах, в тюрьмах, ссылках, эмиграции. Эта школа воспитала крупнейших руководителей революционной России, а затем и Советского Союза.

И в нынешних условиях на первое место выходят бойцовские качества наших нынешних и потенциальных вожаков, их способность выдерживать давление, зачастую выходящее за грань закона. Нужно настойчивее искать людей, прошедших горнило пикетов, демонстраций и избирательных кампаний, способных к активному противостоянию власти. Только участие в классовых сражениях, в борьбе за интересы трудового народа может должным образом закалить тех, кто идёт нам на смену. Только тогда мы будем уверены, что новое поколение коммунистов пришло в партию не из корыстных побуждений, а по велению совести и сердца. Что оно продолжит традиции коммунистического движения в России и не уронит Красное знамя Великого Октября.

— А что предлагаете вы? — таким вопросом представители власти привычно сбивают ропот общественности, недовольной плачевным состоянием российской экономики. В период кризиса этот чиновный вопрос-окрик звучит всё чаще, всё резче.

Что может ответить на него обыватель? Своих рецептов выхода из кризиса у него нет и быть не может. О работах экономистов он, как правило, ничего не слышал. Люди втягивают головы в плечи и замолкают. На то и расчёт.

А между тем наиболее ответственные и компетентные учёные уже давно предлагают детально проработанные программы выхода из кризиса. Особое место в их когорте принадлежит С. Ю. Глазьеву. Сергей Юрьевич — выдающийся экономист, действительный член Российской академии наук. И в то же время — он видный политик и практик, который в начале 90-х занимал министерский пост, а затем был одним из лидеров патриотической оппозиции. Научную глубину постижения экономических проблем Глазьев сочетает со знанием политических и административных реалий. Эти качества присущи и его новой работе.

Публикуя её, редакция журнала, рассчитанного на широкую аудиторию, идёт на известный риск: лёгким чтением статью академика-экономиста не назовёшь. Читателям придётся напрячь внимание и интеллект. Взамен они получают ясное видение перспектив выхода России из кризиса. Так что на лукавый вопрос чиновников: “А что предлагаете вы?”, люди смогут со спокойным достоинством ответить: “Программу Глазьева. Не читали? Советуем ознакомиться. И принять к исполнению!”

А. Казинцев

СЕРГЕЙ ГЛАЗЬЕВ

академик РАН

О СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

Ключевой проблемой экономической политики является согласование мер по преодолению кризиса со стратегическими задачами социально-экономического развития. Сокращение имеющихся у государства ресурсов затрудняет решение стратегических задач, возникает соблазн отложить их до возобновления экономического роста. Вследствие этого в большинстве стран мира происходит сокращение инвестиционной активности и снижение нормы накопления в пользу мер по поддержанию текущего потребления.

Однако такой подход представляется бесперспективным, так как не позволяет устранить структурные ограничения экономического роста. Кризис перешёл в рецессию, сменяющуюся длительной депрессией. Её завершение обусловлено структурной перестройкой и выходом мировой экономики на новую длинную (кондратьевскую) волну экономического развития. Она формируется в результате инвестиционных и инновационных решений, принимаемых сейчас. Следовательно, для своевременного выхода на новую длинную волну экономического развития и освобождения из “сырьевой ловушки” России необходимо проводить активную политику опережающего развития, не дожидаясь

завершения депрессии. После выхода из неё передовых стран возможности структурной перестройки российской экономики будут сужаться, а барьеры входа на новую длинную волну экономического развития возрастать.

В настоящем докладе обосновываются меры по созданию предпосылок опережающего развития российской экономики в условиях глобальной депрессии.

Перспективы преодоления глобального кризиса

Макроэкономические и структурные результаты антикризисных мер в развитых странах пока не соответствуют огромным масштабам финансовых вливаний государств в экономику. Низкая эффективность антикризисной политики в странах ядра мировой финансовой системы связана с недооценкой структурной составляющей глобального кризиса, которая определяется сменой технологических укладов и соответствующих им длинных волн экономического роста. Исторический опыт и теория экономического развития свидетельствуют, что кризисы такого рода сопровождаются образованием и коллапсом финансовых пузырей, им предшествует взлёт цен на энергоносители, а выход из них связан со «штормом» нововведений, прокладывающих дорогу становлению нового технологического уклада.

Отличительной особенностью современного кризиса является исключительно большой размах финансовых флюктуаций, вызванных бурным ростом и крахом глобальных финансовых пирамид долговых обязательств, которые подпитывались до сих пор эмиссией мировых валют. Вхождение этих пирамид (прежде всего деривативов, выпущенных американскими финансовыми институтами) в фазу саморазрушения сопряжено с исчерпанием возможностей экономического роста на основе существующего технологического уклада. Поскольку произошла синхронизация структурного и финансового кризисов, борьба с последним при игнорировании первого не может быть успешной, так как не открывает новых возможностей экономического роста. Без кардинального повышения инвестиций в структурную перестройку экономики на основе нового технологического уклада происходящая в настоящее время денежная накачка экономики создаёт лишь институциональную ловушку «отложенной рецессии». Как только государство начнёт сворачивать чрезвычайные программы господдержки, возникнет вторая волна рецессии. Так будет продолжаться до возникновения устойчивых кластеров производств нового технологического уклада, быстрый рост которых выведет экономику из депрессии.

Дальнейшее развёртывание кризиса будет определяться сочетанием двух процессов – разрушения структур прежнего технологического уклада и становления структур нового. Чем быстрее финансовые, хозяйственные и политические институты перестроятся в соответствии с потребностями роста новых технологий, тем раньше начнётся подъём новой длинной волны экономического роста. При этом изменится не только технологическая структура экономики, но и её институциональная система, а также состав лидирующих фирм, стран и регионов. Преуспеют те из них, кто быстрее сможет выйти на траекторию роста нового технологического уклада и вложиться в составляющие его производства на ранних фазах развития. И наоборот, по мере формирования новых технологических траекторий вход на них будет становиться всё дороже.

Опыт двух предыдущих кризисов такого рода (в 30-х и 70-х годах прошлого века), свидетельствует об их чрезвычайной болезненности для ведущих стран и уникальных возможностях опережающего развития для отстающих. Великая депрессия 30-х годов вылилась во Вторую мировую войну, повлекшую разрушение тогдашнего ядра мировой экономической системы (европейских колониальных империй) и формирование двух противоборствующих глобальных политико-экономических систем. Лидерство американского капитала в выходе на новую длинную волну экономического роста было обеспечено чрезвычайным ростом оборонных заказов на освоение новых технологий и притоком мировых капиталов в США при разрушении производственного потенциала и обесценивании капитала основных конкурентов.

Депрессия середины 70-х – начала 80-х годов повлекла коллапс мировой системы социализма, не сумевшей своевременно перевести экономику на новый технологический уклад и отставшей от ведущих капиталистических стран,

“пересевших” на новую длинную волну экономического роста. Вывоз капитала и утечка умов из бывших социалистических стран, колонизация их экономик облегчили структурную перестройку экономики стран ядра мировой капиталистической системы, до этого стимулировавших становление нового технологического уклада посредством развёртывания гонки вооружений в космосе. На этой же волне поднялись новые индустриальные страны, сумевшие заблаговременно создать ключевые производства нового технологического уклада и заложить предпосылки их быстрого роста в глобальном масштабе. Политическим результатом стала либеральная глобализация с доминированием США в качестве эмитента основной резервной валюты.

Выход из нынешней депрессии также будет сопровождаться масштабными геополитическими и экономическими изменениями. Как и в предыдущих случаях, лидирующие страны демонстрируют неспособность к радикальным институциональным нововведениям, которые могли бы перенаправить высвобождающийся капитал в структурную перестройку экономики на основе нового технологического уклада. Продолжается воспроизводство сложившейся институциональной системы и обслуживание воплощённых в ней экономических интересов. Недавняя встреча “двадцатки” так же, как и предыдущие, показала неготовность стран ядра мировой финансовой системы к её существенным изменениям. Идут споры о перераспределении нескольких процентов голосов в МВФ, а новые согласованные правила финансового регулирования ещё не разработаны.

В отличие от предыдущих случаев выхода из депрессии за счёт эскалации военных расходов и вытягивания ресурсов из поверженных стран, сегодня таких возможностей у стран-лидеров нет. Провоцируемая ими война с международным терроризмом и принесением в жертву отдельных периферийных стран не может создать достаточного напряжения для мобилизации глобальных ресурсов в нужных масштабах. Исчерпала себя и война финансовая, которую Вашингтон ведёт с незащищёнными национальными финансовыми системами, привязывая их к доллару посредством навязывания монетаристской макроэкономической политики при помощи зависимых от него МВФ, рейтинговых агентств, агентов влияния. Вытягиваемых со всего мира капиталов уже не хватает для обслуживания лавинообразно нарастающих обязательств государства, муниципалитетов, корпораций и домохозяйств США, расходы на которое приближаются к трети ВВП США.

В то же время сохранившие экономический суверенитет страны (Китай, Индия) не открывают свои финансовые системы, демонстрируя уверенный рост в условиях кризиса. Посредством валютных свопов Китай быстро создаёт свою систему международных расчётов. Пространство для маневров ФРС США неумолимо сжимается – американской экономике придётся принять на себя основной удар обесценения капитала.

Меры, предпринимаемые денежными властями США и других центров эмиссии мировых валют, не затрагивают основных источников кризиса. Наоборот, они их подпитывают в той мере, в которой нарастающая денежная эмиссия направляется на поддержание долговых пирамид американских финансовых институтов, обязательства которых на два порядка превосходят величину их капитала. При некотором снижении номинального объёма обращающихся на мировом внебиржевом рынке деривативов (до 592 трлн долл. на конец 2008 г.) их рыночная оценка за 2008 г. возросла на 18 трлн долл. Эта величина превышает ВВП США и отражает астрономические масштабы возможных потерь.

Происходящая в рамках мер по антикризисному финансированию неплатёжеспособных банков монетизация деривативов, объём которых многократно превосходит мировую денежную массу, явно превышает возможности соответствующего увеличения спроса на доллар. Резкое ускорение долларовой эмиссии в последние месяцы имеет признаки вхождения финансовой системы США в режим хронического кризиса, чреватый её саморазрушением. Суммарный дефицит текущего счёта платёжного баланса США с 2000 года составил 5,3 трлн долл. В результате только внешний госдолг США достиг 4 трлн долл. В ближайшие десять лет бюджетный дефицит составит 9 трлн долл. – экономика США, словно торнадо, засасывает капиталы остального мира.

Дефицит текущего счёта платёжного баланса страны, эмитирующей резервную валюту, является объективным следствием избыточного спроса на

неё как средства сбережения. Чтобы его ослабить, эмитент резервной валюты должен предоставлять кредиты зарубежным странам. Но власти США предпочитали получаемый капитал тратить на текущее потребление. В результате хронический дефицит платёжного баланса США привел к образованию финансовой пирамиды казначейских обязательств. Для предотвращения её коллапса необходимо резкое снижение дефицита платёжного баланса, что предполагает соответствующую девальвацию доллара. Но в условиях кризиса это спровоцирует бегство от доллара и приведёт к краху всей мировой валютно-финансовой системы.

Если исключить военно-политические способы мобилизации ресурсов, то остановить разрастание кризиса глобальной валютно-финансовой системы могло бы кардинальное снижение объёма обязательств по дериватам финансовых институтов, устранение дефицита платёжного баланса и бюджета США, а также резкое наращивание инвестиций в развитие научно-производственно-технологических комплексов нового технологического уклада. Однако заставить частных эмитентов деривативов, объёмы которых в десятки раз превышают баланс ФРС, быстро уменьшить масштабы обязательств по производным ценным бумагам американские власти не могут. Нет в их распоряжении и института, который мог бы осуществить многосторонний клиринг или списание этих обязательств. Не могут они и резко сократить государственные расходы, как по социальным причинам, так и по мотивам антикризисной политики, которая требует наращивания расходов на стимулирование инвестиционной активности.

Исходя из изложенного, речь может идти об одном из трёх сценариев дальнейшего развёртывания кризиса, запрограммированного внутренней логикой развития нынешней глобальной экономической системы.

1. Сценарий быстрого выхода на новую длинную волну экономического роста (оптимистический). Он предусматривает перевод кризиса в управляемый режим, позволяющий ведущим странам воспользоваться спадом в устаревших секторах и периферийных регионах мировой экономики, чтобы направить высвобождающиеся ресурсы на подъём инновационной активности и форсированный рост нового технологического уклада. При этом кардинально изменится архитектура глобальной финансовой системы, которая станет поливалютной, а также состав и относительный вес ведущих стран. Существенно снизится доля доллара в международных валютных операциях, возрастёт доля евро, юаня, а также, при определённых условиях, рупии и рубля. Кардинально усилится роль международных и национальных государственных институтов стратегического планирования и регулирования финансовых потоков, в том числе на мировом уровне. Глобализация станет более управляемой и сбалансированной. Идеология устойчивого развития сменит доктрину либеральной глобализации. В числе объединяющих ведущие страны мира целей будут использоваться борьба с терроризмом, глобальным потеплением, массовым голодом, болезнями и другими угрозами человечеству.

2. Катастрофический сценарий, характеризующийся коллапсом существующей американоцентричной финансовой системы, формированием относительно самостоятельных региональных валютно-финансовых систем, уничтожением основной части фиктивного международного капитала и значительной части реального, резким падением уровня жизни в странах “золотого миллиарда”, углублением рецессии и возведением протекционистских барьеров между странами.

3. Инерционный сценарий, сопровождающийся нарастанием хаоса и разрушением многих институтов, как в ядре, так и на периферии мировой экономики. При сохранении элементов существующей глобальной финансовой системы появятся новые центры экономического роста в странах, сумевших опередить других в формировании нового технологического уклада и “оседлать” новую длинную волну экономического роста.

Инерционный сценарий представляет собой сочетание элементов катастрофического и управляемого выхода из кризиса. При этом он может быть катастрофическим для одних стран и регионов и оптимистическим для других. Следует понимать, что институты ядра мировой финансовой системы будут выживать за счёт стягивания ресурсов из периферийных стран путём установления контроля за их активами. Достигаться это будет обменом дополнительно эмитируемой для спасения банков и корпораций “ядра” денежной массы

в долларах, евро, фунтах и иенах на активы в накапливающих эти валюты странах.

Для выхода на оптимистический сценарий необходимо формирование регулирующих институтов, способных обуздать турбулентность на мировых финансовых рынках и уполномоченных регулировать финансовые учреждения на основе универсальных глобальных правил. В том числе – правил, предусматривающих ответственность менеджеров, прозрачность фондовых опционов, устранение внутренних конфликтов интересов в организациях, оценивающих риски, ограничение кредитных рычагов, стандартизацию финансовых продуктов, проведение трансграничных банкротств.

Пока развитие событий идёт по инерционному сценарию, который сопровождается расслоением ведущих стран мира по глубине кризиса. Наибольший ущерб несут страны с открытой экономикой, в которых падение промышленного производства и инвестиций составляет 15–30%. В США на фоне умеренного снижения ВВП инвестиции в основной капитал сократились более чем на треть, что привело к краху многих предприятий инвестиционного комплекса. Вместе с тем экономики Китая и Индии, обладающие автономными финансовыми системами и ёмким внутренним рынком, защищённым от атак финансовых спекулянтов, продолжают расти (по оценке МВФ, их ВВП возрастёт в 2009 г. на 8,5% и 5,4% соответственно), быстро увеличивая свой экономический вес.

Преодоление структурно-технологических ограничений экономического развития требует крупномасштабного наращивания инвестиций в формирование производств нового технологического уклада. В связи с возникновением характерной для периода замещения технологических укладов инвестиционной паузы в течение ближайших лет в традиционных отраслях экономики будет происходить стагнация. Мировая экономика вступила в полосу длительной депрессии, в ходе которой будут чередоваться волны кризиса и вялые подъёмы. В любом из сценариев устойчивый экономический рост возникает на новой технологической основе с новыми производственными возможностями и качественно новыми потребительскими предпочтениями. Кризис закончится с перетоком оставшегося после коллапса долларовой финансовой пирамиды и других финансовых пузырей капитала в производства нового технологического уклада. После структурной перестройки экономики ведущих стран, которая продлится ещё 3–7 лет, на его основе этого уклада начнётся новая длинная волна экономического роста. При этом баланс негативных и позитивных эффектов будет определяться скоростью роста новых производств, компенсирующих сжатие устаревающей части экономики.

Уже видны ключевые направления развития нового технологического уклада: биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и геномной инженерии, нанотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы. Их реализация обеспечивает многократное повышение эффективности производства, снижение его энерго- и материалоёмкости. Дальнейшее развитие получат гибкая автоматизация производства, космические технологии, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, атомная промышленность, авиаперевозки. Рост атомной энергетики будет дополнен расширением сферы использования водорода и бурным ростом солнечной энергетики.

Произойдут ещё большая интеллектуализация производства, переход к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий. Прогнозируется переход от экономики массового производства к экономике знаний, где основной ценностью являются не средства производства, а навыки действия, от общества массового потребления к обществу развития, в котором важнейшее значение приобретёт научно-технический и интеллектуальный потенциал, а также требования к качеству жизни и комфортности среды обитания.

Производственная сфера перейдёт к экологически чистым и безотходным технологиям. В структуре потребления доминирующее значение займут информационные, образовательные, медицинские услуги.

Существенные изменения претерпит культура управления. Дальнейшее развитие получат системы автоматизированного проектирования, которые вместе с технологиями маркетинга и технологического прогнозирования поз-

воляют перейти к автоматизированному управлению всем жизненным циклом продукции, сократив до минимума фазы внедрения и освоения новой техники. Особенностью базисных технологий нового технологического уклада является их высокая интегрированность, что требует комплексной политики их развития, предусматривающей одновременное создание кластеров технологически сопряжённых производств, соответствующей им сферы потребления и состава трудовых ресурсов. Успешная работа в условиях экономики знаний, развивающейся по инновационному пути, требует существенного повышения квалификации менеджеров, творческого подхода к решению задач развития предприятий, овладения методиками изобретательской деятельности, вовлечения сотрудников и трудовых коллективов в процессы управления. Линейно-функциональные бюрократические структуры управления вытесняются органичными, а иерархически построенные корпорации – гибкими сетевыми организациями.

В настоящее время новый технологический уклад выходит из эмбриональной фазы развития в фазу роста. Его расширение сдерживается как незначительным масштабом и неотработанностью соответствующих технологий, так и неготовностью социально-экономической среды к их широкому применению. Однако, несмотря на кризис, расходы на освоение новейших технологий и масштаб их применения растут с темпом около 35% в год. Фондовые индексы высокотехнологических компаний упали в меньшей степени и растут быстрее средних показателей.

При всех сценариях глобального кризиса возможности развития российской экономики будут зависеть не столько от внешних факторов, сколько от внутренней экономической политики. При правильной политике в результате кризиса Россия могла бы существенно улучшить своё положение в мировой экономике, добившись:

- 1) опережающего становления нового технологического уклада и подъёма экономики на длинной волне его роста;
- 2) многократного повышения мощности отечественной банковско-инвестиционной системы;
- 3) экономической стабилизации и создания зоны устойчивого развития в регионе ЕврАзЭС и, при наличии политических условий, в СНГ.

Вместе с тем возобновление политики макроэкономической стабилизации монетарными методами (борьба с инфляцией путём “стерилизации” денежной массы и сокращения госрасходов) приведёт к обратным, многократно проверенным в десятках стран, последствиям: углублению экономического спада, параличу банковской системы, сужению коридора возможностей до “форточки” наращивания внешнего долга. Кроме того, в отсутствие валютного контроля возникает угроза перехода заложенных активов российских компаний в собственность их иностранных кредиторов: из 450 млрд долл. их общего среднесрочного долга обеспечено капитализацией заложенных активов не более чем половина. Эта угроза усиливается по отношению ко всей российской экономике вследствие нарастающей монетизации финансовых пирамид долговых обязательств США, сопровождающейся резким ростом эмиссии долларов и их использованием для приобретения реальных активов. Если не будут приняты меры по защите финансовой системы, то российская экономика станет ещё более зависимой и лишится способности к самостоятельному развитию, что ухудшит её положение при любом из сценариев глобального кризиса.

Для всех стран необходимым условием управляемого выхода из кризиса является наличие собственной стратегии опережающего роста нового технологического уклада путём проведения системной научно-технической и структурной политики по выращиванию составляющих этот уклад научно-производственных комплексов. Её реализация невозможна без национальной финансово-инвестиционной системы, способной обеспечить переток капитала в развитие новых производств и опирающейся на внутренние источники кредита. Создание такой системы, ориентированной на форсированное развитие нового технологического уклада, является ключевым условием успешной антикризисной стратегии.

В рамках прежней монетаристской макроэкономической политики реальная антикризисная стратегия выработана быть не может. В условиях привязки денежной эмиссии к приобретению иностранной валюты отток иностранно-

го капитала парализует финансовую систему, влечёт неплатежи между предприятиями и в бюджет, девальвацию национальной валюты, утрату валютных резервов, спад производства и галопирующую инфляцию. Многократно подешевевшие активы затем скупаются иностранным капиталом, национальная экономика теряет самостоятельность и колонизируется связанными с зарубежными эмиссионными центрами транснациональными корпорациями.

Партнёры по “восьмёрке” навязывают России и другим странам продолжение игры по прежним правилам, предостерегая от применения защитных мер. В этой игре Россия уже потеряла около триллиона долларов капитала и значительную часть научно-производственного потенциала. Как известно, игра по чужим правилам заранее обрекает на поражение. В данном случае – на потерю возможностей опережающего развития, контроля над национальными активами и, в конечном счёте, национального суверенитета.

Нам необходима самостоятельная антикризисная стратегия, исходящая из долгосрочного видения перспектив развития. Заняв активную позицию по вопросам реформирования МВФ и введения требований к эмитентам резервных валют, создав Антикризисный фонд ЕврАзЭС, Россия сделала заявку на роль “регионального стабилизатора”. Организуя консультации стран БРИК и создавая таможенный союз с Белоруссией и Казахстаном, расширяя сферу использования национальных валют в торговле с ближайшими соседями, опираясь на сохраняющийся авторитет мировой державы, Россия может сформировать региональную “коалицию стабилизации” на собственных принципах.

Меры по формированию антикризисной стратегии опережающего развития

Имеющиеся заделы в сфере атомной, ракетно-космической, авиационной и других наукоёмких отраслях промышленности, в молекулярной биологии и геномной инженерии, нано-, био- и информационных технологиях дают России реальные возможности для опережающего развития нового технологического уклада и неплохие шансы на лидерство в соответствующих направлениях формирования новой длинной волны экономического роста. Но для реализации этих шансов необходимо быстрое многократное наращивание инвестиций – пока доля России на мировых рынках высокотехнологичной продукции составляет около 0,2%, а отечественные разработки осваиваются при помощи российских учёных и инженеров за рубежом.

Отставание в создании производств нового технологического уклада и в использовании их возможностей для модернизации традиционных отраслей делает проблематичным поддержание даже достигнутого уровня благосостояния и обеспечение национальной безопасности. По мере истощения существующих запасов полезных ископаемых приходится переходить ко всё более дорогостоящим проектам, которые приносят всё меньше природной ренты. В частности, проекты добычи нефти в Восточной Сибири и на шельфе Северного Ледовитого океана по большей мере освобождены от налога на добычу полезных ископаемых. И через 10–15 лет может оказаться, что рентаобразующие сегодня отрасли превратятся в обычные производства с умеренной нормой прибыли, а государство лишится сверхдоходов. В том числе существенно уменьшатся нефтегазовые доходы бюджетной системы.

Из сказанного выше следует, что переход на инновационный путь развития и форсированная технологическая модернизация экономики – это императив развития России на ближайшие десятилетия. Для его реализации необходимы существенные изменения экономической политики по сравнению с докризисной ситуацией. В первую очередь речь идёт об использовании всего спектра методов селективной структурно-инвестиционной политики, апробированных в мировой практике. Селективность (избирательность) этой политики обусловлена невозможностью финансирования всех направлений развития, из чего следует необходимость выбирать приоритеты.

Кроме того необходим существенный подъём и общего уровня инновационной активности. Сегодня она явно недостаточна, как со стороны предприятий (в инновационные процессы вовлечено около 10% предприятий), так и со стороны государства. Россия тратила в 2006 г. на исследования и разработки в 4,3 раза меньше средств, чем Китай, и в 39 – чем США и их союзники (страны НАТО, Республика Корея, Япония и Израиль). В Концепции долго-

срочного социально-экономического развития до 2020 г. предполагается рост доли расходов на исследования и разработки в ВВП до 2–3% только к 2020 г. Это совершенно недостаточно. Очевидно, что России следует ориентироваться на страны – технологические лидеры, то есть доля затрат на исследования и разработки в ВВП должна превышать 4%.

Ключевая идея формирования антикризисной стратегии заключается в опережающем становлении базисных производств нового технологического уклада и скорейшем выводе российской экономики на связанную с ним новую длинную волну роста. Для этого необходима концентрация ресурсов в развитии составляющих его перспективных производственно-технологических комплексов, что требует целенаправленной работы национальной финансово-инвестиционной системы, включающей механизмы денежно-кредитной, налогово-бюджетной и валютной политики. Их необходимо ориентировать на становление ядра нового технологического уклада и достижение синергетического эффекта формирования кластеров новых производств. Необходима согласованность макроэкономической политики с приоритетами долгосрочного технико-экономического развития, в том числе:

- создание системы стратегического планирования, способной выявлять перспективные направления экономического роста, а также направлять деятельность государственных институтов развития на их реализацию;
- формирование институтов финансирования проектов создания и развития производственно-технологических комплексов нового технологического уклада и сфер потребления их продукции;
- настройка макроэкономической политики на обеспечение благоприятных условий инновационной деятельности.

Система стратегического планирования должна включать: выбор приоритетов технико-экономического развития, инструменты и механизмы их реализации, институты организации соответствующей деятельности, а также методы контроля за достижением необходимых результатов.

За последние годы созданы некоторые элементы этой системы – принята Концепция долгосрочного развития России до 2020 года, установившая приоритеты развития, соответствующие перспективным направлениям становления нового технологического уклада, действуют федеральные целевые программы реализации некоторых из них, образованы институты развития. Однако в целом система не работает должным образом и допускает стратегические ошибки, вследствие чего Россия упускает возможности опережающего развития отечественных нано-, био-, атомных, авиа-, ракетно-космических, лазерных, клеточных, информационных и других технологий, входящих в ядро нового технологического уклада и конкурентоспособных в масштабах мирового рынка.

Для доработки системы стратегического планирования необходимо ввести нормы ответственности за достижение планируемых результатов и связать с ней инструменты макроэкономической политики. Решение первой задачи требует введения правовых норм экономической ответственности организаций и административной ответственности руководителей за выполнение установленных целевых показателей развития. Для этого необходимо принятие федерального закона «О стратегическом планировании» и придание упоминавшейся Концепции долгосрочного развития статуса планового документа, который нельзя будет не учитывать при планировании бюджета, денежной политики и принятии других управленческих решений, включая программу антикризисных мер. Решение второй задачи предполагает формирование регулируемых государством контуров управления налогово-бюджетной, денежно-кредитной и валютной политики.

Ориентация налогово-бюджетной политики на цели развития предполагает снижение налоговой нагрузки на все виды инновационной и высокотехнологической деятельности, а также приоритетное выделение бюджетных ассигнований на поддержку критически значимых для становления нового технологического уклада государственных расходов.

Исходя из структуры этого технологического уклада и мирового опыта необходимо, как минимум, полуторакратное увеличение государственных рас-

ходов на здравоохранение и образование, являющиеся несущими отраслями нового технологического уклада, двукратное увеличение ассигнований на науку. При этом увеличение финансирования следует концентрировать на перспективных направлениях развития нового технологического уклада, в которых российские организации имеют конкурентные преимущества. В частности, необходимо на порядок увеличить финансирование научных разработок и инновационных проектов в сфере молекулярной биологии, геномной инженерии и клеточных технологий, изготовления нанотехнологического оборудования, лазерных технологий, солнечных батарей, нанопорошков и новых материалов. Важной составляющей бюджетной политики должна стать ориентация госзакупок на приобретение высокотехнологической продукции отечественного производства.

Очевидным направлением антикризисных бюджетных расходов является модернизация транспортной, информационно-коммуникационной, энергетической и жилищно-коммунальной инфраструктуры в целях обеспечения благоприятных условий для повышения эффективности хозяйственной деятельности и роста деловой активности. При этом важно ассигнования на эти цели направлять в основном на закупку передового отечественного оборудования. Примерами крупномасштабных проектов такого рода могут служить разработанные отечественными специалистами предложения по оснащению газоперерабатывающих станций электрогенерирующим оборудованием, что даст полукратное увеличение мощности российской электрогенерации, а также по развёртыванию сети низкоорбитальной спутниковой связи.

Общие «кейнсианские» методы стимулирования спроса путём масштабного вливания финансовых средств хоть и будут способствовать смягчению спада, но не смогут обеспечить выхода из рецессии. Для этого нужна резкая активизация избирательной научно-технической и инновационной политики. Критически важные для становления нового технологического уклада расходы на финансирование фундаментальных исследований, модернизацию инфраструктуры, проведение испытаний новых технологий, подготовку кадров и т. д., в России могут быть осуществлены только при мощной поддержке государства.

В период реализации антикризисной политики не следует ограничивать дефицит бюджета, финансируя его за счёт внутренних источников. Особенно негативно на перспективах дальнейшего развития страны скажется сокращение расходов на науку и поддержку инноваций. В то время как США, Китай и другие ведущие страны мира, выстроив системы долгосрочного стратегического планирования, наращивают расходы на науку и создание технологической инфраструктуры в ключевых направлениях формирования нового технологического уклада, Россия сокращает эти расходы, упуская возможности опережающего развития. К примеру, ЕС и Корея более половины антикризисных расходов направляют на развитие новых технологий модернизации энергетической, транспортной, жилищно-коммунальной инфраструктуры, Китай – более трети, в то время как Россия – не более 2%.

Для снижения дефицита бюджета следует задействовать не использованные до последнего времени резервы: повышение акцизов на предметы роскоши, алкогольные и табачные изделия, восстановление прогрессивной шкалы подоходного налога, существенное увеличение платежей за загрязнение окружающей среды, а также повышение налогообложения добычи и экспорта газа. По прогнозу доходов федерального бюджета, на 2010 год поступления налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) на нефть составят 971 млрд руб. при налогооблагаемом объёме добычи в 317,6 млн т условного топлива (ТУТ). На природный газ поступления НДПИ прогнозируются на порядок меньше – всего лишь 79 млрд руб. при объёме добычи 442,3 млн ТУТ. Ставки НДПИ в расчёте на одну ТУТ составят (с учётом собираемости в 98,6%) примерно 1520 руб./ТУТ и 119 руб./ТУТ. То есть ставки НДПИ на газ планируются в 12,8 раза ниже, чем ставки НДПИ на нефть.

Если повысить ставку НДПИ на газ на 2010 г. в 12,8 раза, то расчётная ставка составит 1877 руб./тыс. куб. вместо 147 руб./тыс. куб., предусмотренной в проекте бюджета. Это даст дополнительно 935 млрд руб. доходов федерального бюджета, а также повлечёт увеличение на 1730 руб./тыс. куб. м внутренних цен на газ. Его можно компенсировать снижением ставки налога на добавленную стоимость (НДС) и отказом от повышения ставок социальных взносов в 2011 г. Такая реформа станет мощным катализатором снижения

энергоёмкости экономики и перехода её на инновационный путь развития. Разумеется, для населения и бюджетных организаций следует предусмотреть растянутый на несколько лет график повышения цен на газ и электроэнергию.

Дополнительные доходы бюджета дадут также налоговые инструменты борьбы с “голландской болезнью”, связанной со снижением конкурентоспособности обрабатывающей промышленности вследствие завышения курса национальной валюты из-за экспорта рентосодержащих природных ресурсов. Для её “лечения” экспортные пошлины на вывоз сырья должны быть сохранены, причём целесообразно установить на газ прогрессивную шкалу пошлины (от 30% до 70%). Кроме того, следует взимать таможенные пошлины на вывоз всех энергоёмких продуктов, с учётом затрат условного топлива на их производство, включая электроэнергию.

В целях кардинального сокращения утечки капитала и теневого оборота импортных товаров необходимо кардинально повысить собираемость налогов во внешнеэкономической сфере (включая таможенные пошлины). Для этого следует взимать налог на добавленную стоимость при экспорте товаров с возмещением его экспортеру только после поступления экспортной выручки. И, симметрично, необходимо взимать НДС при переводе импортёрами авансов нерезидентом с зачётом (возмещением) их при растаможивании ввезённых товаров. В случае непоступления экспортной выручки (непогашения импортных авансов) следует взимать штрафы с экспортёров и импортёров, допустивших утечку капитала, в размере уплаченного ими НДС. При этом для экспортёров товаров с высокой степенью переработки следует предусмотреть возможность предоставления отсрочки уплаты НДС при экспорте.

Инструменты денежно-кредитной политики должны обеспечить адекватное денежное предложение для расширенного воспроизводства и опережающего развития экономики на перспективных направлениях становления нового технологического уклада. Необходимо создать эмиссионный механизм рефинансирования Банком России коммерческих банков только под их требования к предприятиям реального сектора и в меру роста финансовых потребностей приоритетных направлений развивающейся экономики. Это можно сделать комбинацией рефинансирования под залог векселей платёжеспособных предприятий и под государственные гарантии. Посредством ломбардного списка ЦБ и госгарантий государство может избирательно воздействовать на денежные потоки, обеспечивая как расширенное воспроизводство системообразующих предприятий, так и благоприятные условия для роста экономической активности в приоритетных направлениях развития.

Концентрация денежной эмиссии на рефинансировании коммерческих банков под обязательства производственных предприятий создаст конкуренцию между банками за клиентов. Кредитный рынок из “рынка продавца”, монополизированного крупными коммерческими банками, превратится в “рынок покупателя”, конкурентная борьба на котором повлечёт снижение процентных ставок. При этом ставка рефинансирования не должна превышать среднюю рентабельность обрабатывающей промышленности (исходя из этого и в соответствии с международной практикой она должна находиться в пределах 4–6%), а сроки предоставления кредитов соответствовать типичной длительности научно-производственного цикла производства машиностроительной продукции (2–5 лет).

В условиях кризисного падения доходов величина процентной ставки и доступность кредита приобретает принципиальный характер. Освободившиеся вследствие падения производства мощности и трудовые ресурсы можно задействовать в проектах освоения новых технологий только при наличии доступного кредита. Политика по ограничению денежного предложения, к которой вернулся Банк России, провоцирует завышение процентных ставок и делает кредиты недоступными для предприятий обрабатывающей промышленности. В условиях снижения собственных доходов они вынуждены сворачивать производство, не имея возможностей для модернизации основного капитала и обновления выпускаемой продукции. Для возрождения обрабатывающей промышленности необходимо кардинальное расширение кредита для производственной сферы посредством неограниченного рефинансирования коммерческих банков под залог векселей производственных предприятий по ставке не более 4–6,5% с установлением ограничений по проценту за

кредит конечным заёмщикам на уровне не более 5,5–8%. Не следует бояться кредитного стимулирования экономической активности по отрицательным реальным процентным ставкам. Снижение ставки рефинансирования ниже уровня инфляции – широко применяемая мера в макроэкономической политике развитых стран, к которой прибегают для антикризисного стимулирования деловой активности и экономического роста.

Наряду со снижением ставки рефинансирования нормализация цены денег требует активной политики ограничения доходности рынка госдолга, контролируемого Банком России и крупными банками с государственным участием, применения низкопроцентных кредитно-депозитных схем (по ипотеке, по образовательным кредитам, по кредитам банков приоритетным отраслям, проектам и предприятиям), временного административного регулирования ставок процента и банковской маржи. Целесообразно также существенное увеличение ресурсного потенциала существующих и создание новых институтов развития, в том числе предоставляющих образовательные кредиты, венчурное и микрофинансирование.

В условиях мирового кризиса восстановление финансового сектора должно опираться на развитие банковской системы в сочетании с ограничением финансовых спекуляций и стимулированием долгосрочных инвестиций посредством институтов развития. При этом поддержка государством коммерческих банков должна быть ограничена предоставлением только целевых кредитов с соблюдением следующих принципов: равный доступ к государственной помощи, ограничение поддержки во времени и в масштабах, участие самих банков в антикризисных мерах, недопустимость получения выгод от господдержки акционерами. В исключительных случаях господдержка собственного капитала банковского сектора могла бы осуществляться путём приобретения Банком России акций коммерческих банков.

Важным условием реализации национальной антикризисной стратегии является отказ от использования зарубежных рейтинговых агентств для оценки надёжности тех или иных заёмщиков. Банк России должен использовать только рейтинги, устанавливаемые российскими агентствами, а также результаты собственных мониторингов.

Необходимым условием перехода к политике длинных и дешёвых денег для реального сектора экономики является **восстановление валютного контроля**, предусматривающее разрешительный порядок осуществления операций капитального характера при сохранении свободной конвертируемости рубля по текущим операциям. При этом в целях предупреждения дальнейших потерь российской финансовой системы вследствие коллапса финансовых пузырей и пирамид зарубежных эмитентов необходимо ввести ограничения на объёмы забалансовых зарубежных активов и обязательств перед нерезидентами по деривативам российских организаций; запретить виды страхования, обязательства по которым невозможно исполнить в случае наступления макроэкономического кризиса. Необходимо также ограничить вложения российских предпрятий в иностранные ценные бумаги и предоставление ими кредитов нерезидентам, а также инвестиции российских резидентов в гособлигации США и других иностранных государств с высоким дефицитом бюджета или государственного долга.

Важными элементами антикризисной политики должна стать стабилизация реального обменного курса рубля, а также введение обязательной продажи валютной выручки. Без этого не удастся снизить процентные ставки и расширить до нужных масштабов (в 2–3 раза) кредитование реального сектора экономики вследствие перевода банками кредитных ресурсов на валютный рынок в стремлении получить сверхприбыли на девальвации рубля. Для повышения привлекательности операций в рублях целесообразно также ввести ужесточающиеся со временем ограничения на валютную позицию коммерческих банков, увеличить нормы резервирования по их валютным операциям, ограничить систему госгарантий по банковским вкладам исключительно вкладами в рублях, восстановить налог на валютообменные операции.

В условиях нарастающей турбулентности на мировом финансовом рынке целесообразно также ограничить приток иностранного капитала в основном прямыми иностранными инвестициями в создание высокотехнологичных производств, в том числе – в кооперации с российскими компаниями. Следует создать барьеры для иностранных заимствований российских компаний,

а также для спекулятивных иностранных инвестиций. Вместе с тем благодаря кризису возникло “окно возможностей” для приобретения зарубежных высокотехнологичных компаний российскими предприятиями с последующей организацией взаимовыгодной кооперации по производству и сбыту конкурентоспособной продукции. Это “окно” не будет распахнуто долго.

В числе мер по **защите российского финансового рынка** от угроз дестабилизации извне желательно использовать рекомендации международных антикризисных форумов, проходивших с участием России, в том числе: пресечению операций с офшорными зонами; обеспечению прозрачности и регулированию забалансовых операций банков и компаний, устранению зависимости от ангажированных американских рейтинговых агентств; созданию общедоступной системы раскрытия информации о рынке (эмитентах и профессиональных участниках), находящаяся в собственности государства и бесплатную для пользователей. Кроме них должны быть приняты меры по защите финансовых институтов от разрушительных колебаний фондового рынка. Они могут включать страхования кредитных рисков, временное увеличение норматива риска на одного заёмщика, переход к стабильной оценке залогов и ограничение маржинальных требований при наступлении форс-мажорной ситуации в экономике в целом, введение методик оценки имущества по его реальной стоимости.

В целях повышения устойчивости и мощности российской валютно-финансовой системы следует расширять сферу использования собственной валюты, поддерживая экспансию национальных финансовых институтов на связанные с Россией рынки. Необходимо срочно переходить на расчёты в рублях за экспортируемые и импортируемые российскими предприятиями товары и услуги, в том числе – через рублёвые корсчета иностранных банков в российских банках.

Для **расширения сферы использования рубля в международных расчётах** необходимо перейти на расчёты во внешней торговле природным газом, нефтью, металлами, военной техникой в рублях, обеспечить рублёвое кредитование экспорта российских товаров, а также максимально удешевить операции по обмену национальных валют интегрированных с Россией государств. Последняя задача может быть решена при помощи Межгосбанка СНГ, который, имея корреспондентские отношения с центральными банками государств Содружества, многократно снижает транзакционные издержки валютно-обменных операций. Переход на расчёты в рублях по экспорту следует стимулировать с помощью налоговых инструментов, а также введением 100%-ной обязательной конвертации экспортной выручки в иностранных валютах в рубль. Если государство не будет подталкивать банки и экспортёров к созданию международной системы расчётов в рублях, то она и не возникнет вследствие существующих уже отработанных систем платежей в долларах и евро.

Важным направлением антикризисной стратегии является **расширение экономического пространства** путём создания Таможенного союза и, в последующем, единого экономического пространства ЕврАзЭС. Создание интеграционных объединений расширяет возможности развития российской экономики, повышает её устойчивость к внешним шокам, увеличивает масштаб деятельности и конкурентные преимущества российских предприятий. Реализуя общую антикризисную стратегию, государства ЕврАзЭС повышают свои возможности выхода из кризиса на траекторию опережающего развития.

В условиях неустойчивости валютных курсов важно проводить **политику оптимизации валютных резервов**, предусматривающую их страновую и инструментальную диверсификацию. Избыточная (по сравнению с потребностью в годовом импорте) часть валютных резервов может быть инвестирована в приобретение зарубежных активов, дающих доступ к перспективным технологиям нового технологического уклада и к участию российских предприятий в производственной кооперации по производству конкурентоспособной высокотехнологической продукции.

После принятия всех перечисленных выше мер возможно **наращивание денежного предложения** как необходимое условие поддержания внутреннего спроса, подъёма инвестиционной и инновационной активности. В отличие от эмитентов мировых валют кризис в России вызван не избытком денежного предложения и связанных с ним финансовых пузырей, а хронической недомонетизацией экономики, которая длительное время работала на износ вслед-

ствие острого недостатка кредитов и инвестиций. Российская экономика нуждается в существенном расширении денежного предложения для восстановления внутреннего рынка, подъёма инновационной и инвестиционной активности в целях модернизации и опережающего развития.

Антикризисная стратегия должна включать активную **промышленную политику**, стимулирующую “точки роста” в общей депрессивной среде. При этом наибольшее значение имеют точки роста с большим мультипликатором, стимулирующие экономическую активность в сопряжённых производствах: выпуск полноценных (а не собираемых из импортных комплектующих) отечественных самолётов (Ил-96, Ту-204 и 334, Ан-140, 148, 124), жилищное строительство, космические системы связи, модернизация транспортной, информационно-коммуникационной и энергетической инфраструктуры.

Важным элементом промышленной политики наряду с формированием поддерживаемых государством крупных интегрированных корпораций должно стать стимулирование спроса на отечественное оборудование посредством соответствующего регулирования госзакупок и закупок контролируемых и поддерживаемых государством предприятий (прежде всего, Аэрофлот, Газпром, Роснефть, РЖД и пр.). Необходимы жёсткие административные меры по ответственности их руководителей за соблюдение приоритетности закупок отечественной техники. Это имеет особое значение в несущих отраслях нового технологического уклада (здравоохранение, авиация, телекоммуникации), а также в добывающей промышленности и в инфраструктурных отраслях, имеющих гарантированный рынок сбыта.

Значительное увеличение денежного предложения, предусматриваемое антикризисной стратегией, требует кардинального повышения эффективности **антимонopolной политики** в целях подавления инфляции. Наряду с активизацией применения её стандартных мер по пресечению ценовых сговоров необходимо проведение системной политики регулирования цен. Для выравнивания рентабельности разных отраслей экономики необходимо проведение ограничительной ценовой политики в отношении естественных монополий, вплоть до замораживания тарифов на их услуги на период реализации антикризисной стратегии, а также снижение ставки процента в составе затрат на производство. Необходимо также принятие федерального закона, устанавливающего формы, пределы и процедуры регулирования цен.

Для подавления инфляции необходимо добиваться снижения удельных издержек на производство продукции, в том числе – их монопольной и криминальной составляющих. Это требует обеспечения добросовестной конкуренции на всех важнейших рынках. В первую очередь это касается рынков продукции нефтепереработки, металлургии, химической промышленности и строительных материалов, которые защищены от внешней конкуренции экспортными пошлинами на вывоз энергоносителей.

Поддержание благоприятных для модернизации и развития экономики ценовых пропорций требует увеличения экспортных тарифов на сырьё и импортных тарифов на готовую продукцию, а также мер по защите внутреннего рынка от недобросовестной конкуренции извне. Прибыльность поставок сырья на внешний рынок не должна превышать рентабельность его переработки внутри страны, а доходность инвестиций в развитие перспективных отраслей экономики должна быть достаточной для их расширенного воспроизводства.

Для обеспечения конкурентного ценообразования в сырьевом секторе следует сформировать **крупный биржевой центр** ценообразования на экспортные товары, объединяющий все сегменты товарного и финансового рынков.

Разумеется, в борьбе с инфляцией следует задействовать различные меры. Важнейшие из них – это предоставление налоговых преференций (например, в виде инвестиционного налогового кредита) компаниям, которые снижают стоимость продукции при улучшении её качества и осваивают новые, пользующиеся большим спросом изделия. Кроме того, в случае монополизации определённого рынка государство может специально создавать новые компании для создания эффективной конкуренции. Потом такие компании могут приватизироваться с сохранением независимости от уже действующих компаний-монополистов.

Социальная составляющая антикризисной стратегии должна фокусироваться на поддержании на приемлемом уровне социальной инфраструктуры

(образования, медицины), а также на расширении возможностей для самореализации граждан (обучение безработных информационным технологиям, развёртывание систем микрокредитования). Важным условием развития нового технологического уклада является приведение в соответствие с его требованиями системы образования и подготовки кадров, а также формирование культурно-информационной среды, благоприятствующей переходу к экономике знаний и на инновационный путь развития. Для этого необходима замена чисто развлекательной модели электронных СМИ информационно-просветительской, резкое расширение творческой составляющей в школьных программах, восстановление сети учреждений детского творчества, включение в программы высшего и среднего специального образования изучения методов решения изобретательских задач (ТРИЗ).

В условиях нарастающего хаоса и турбулентности на мировых рынках необходимо предусмотреть создание системы **защиты от угроз экономической безопасности**, которая должна располагать защитными контурами финансовой, распределительной и имущественных систем.

Защитный контур финансовой системы призван гарантировать платежи и кредиты реальному сектору при аварийной ситуации в банковской системе. ЦБ должен быть готов обеспечить систему расчётов через РКЦ и госбанки в случае цепной реакции банкротств коммерческих банков.

Для защиты стратегических активов в экономике и гарантированного выпуска продукции жизнеобеспечения (электроэнергия, топливо, связь, транспорт, инфраструктура продовольственного рынка и др.) государству следует поставить соответствующие системообразующие предприятия под жёсткий антимонопольный контроль, а также быть готовым к их национализации в случае неспособности собственников и управляющих обеспечить их нормальное функционирование. Предприятия из списка системообразующих должны получать финансовую помощь только под соответствующие бизнес-планы и передачу пакетов акций (активов) государству в качестве обеспечения своих обязательств по выпуску продукции и возврату средств. При этом не должна допускаться покупка системообразующих и критически важных для страны предприятий иностранным капиталом (или конверсия их долгов в собственность).

В случае угрозы дефолта системообразующих предприятий по внешним обязательствам и снижения рейтингов российских институтов до «спекулятивного» целесообразно официально отказаться от рейтингов и использовать «панику инвесторов» для скупки обязательств российских эмитентов.

Защита систем воспроизводства «человеческого капитала» (образование, медицина, наука, культура, СМИ, система обеспечения правопорядка) должна гарантироваться переводом соответствующих статей бюджета в режим защищённых. Необходимо также полноценное обеспечение государственных резервов основных сырьевых и критически важных для жизнеобеспечения товаров в целях поддержания производства и потребления.

Проведение данной антикризисной стратегии предполагает резкое повышение требований к управленческим кадрам, введение жёстких механизмов ответственности за исполнение целевых показателей и соревновательности за достижение объективных результатов. Произшедшая в последние годы массовая замена директоров предприятий не способствовала повышению качества менеджмента – новые руководители уступают прежним как в понимании производственных технологий, так и в умении организовать производство высокотехнологичной продукции. Назначаемые в силу личных связей, многие топ-менеджеры российских предприятий не несут ответственности за результаты своей деятельности.

Для преодоления несовместимой с требованиями инновационной экономики некомпетентности и коррумпированности госаппарата необходимо открыть его для общественного контроля, предоставив гражданам право в судебном порядке требовать отстранения от должности нерадивых чиновников и получать автоматически требуемые государственные услуги в случае раскрытия информации о вымогательствах за их предоставление.

Особой проблемой является сверхбюрократизация системы госрегулирования, приводящая к её неэффективности. К примеру, скорость обработки деклараций, сбор налогов на одного занятого в налоговой службе, объём ВВП на одного госслужащего в России на порядок ниже, чем в США или в ЕС. Переходу на инновационный путь развития препятствуют административные

барьеры на пути распространения новых технологий, основанные на непрофессиональном применении и произвольном толковании норм технического и налогового регулирования, экспортного и таможенного контроля. К примеру, из-за бюрократических проволочек годами сдерживается внедрение передовых клеточных технологий в медицине, вследствие чего Россия теряет приоритет и лишается возможности опережающего развития одного из наиболее перспективных направлений нового технологического уклада, на порядки повышающего эффективность лечения многих болезней.

В целом, несмотря на уменьшающиеся ресурсы (валютные, производственные, управленческие), падение доходов и экономической активности, Россия пока располагает достаточными резервами и не встроена в глобальные финансовые пирамиды. Это позволяет “перекрыть каналы” отравления собственной финансовой системы, переориентировав их на внутренние источники кредита и направив на поддержку инновационной и инвестиционной активности в перспективных направлениях развития российской экономики. Наличие природно-сырьевого и оборонного потенциала даёт нам объективные возможности для проведения самостоятельной политики – вес России в мире по ресурсным и “силовым” параметрам многократно выше, чем по финансовым и экономическим. Даже при катастрофическом сценарии глобального кризиса Россия имеет необходимые ресурсы не только для самостоятельного выживания, но и для опережающего развития.

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

ИЗ САНАКСАРСКОГО МОНАСТЫРЯ...

СУДЬБЫ, РАЗМЫШЛЕНИЯ, НАДЕЖДЫ

Санаксарский монастырь расположен на кромке мордовских лесов. От Москвы шестьсот пятьдесят километров, от ближайшей железнодорожной станции восемьдесят. Глушь? Но для монастыря, где творится несуетная молитва, может быть, и неплохо?

Паломнический народ открыл его для себя с начала девяностых, когда монастырь был возвращен Церкви. Богомольцы знали его, потому что слышали, что тут усердно молился и возрождал его в давние времена преподобный Федор, погребенный у стен храма со своим племянником, великим русским адмиралом Федором Ушаковым.

Я приезжал туда в девяностых, готовя второе издание книги об Ушакове в серии ЖЗЛ. Для моей жены Светланы Санаксарский монастырь, как выяснилось, представлял всю жизнь неким сказочным городком, куда из тамбовской деревни Селище приезжала в далекие предреволюционные годы на богомолье ее мама, Анастасия Алексеевна. В девятьсот двенадцатом году девочку Настю увезла в далекий Николаев соседка помещица то ли в услужение, то ли для наущения. Революция, гражданская война, все потрясения двадцатого века не позволили Анастасии Алексеевне возвратиться в тамбовское Селище, ставшее к тому же уже селом в Мордовии. Во время войны, в оккупации, в доме у Анастасии Алексеевны жили десять девушек-санитарок из госпиталя, не успевших уехать с нашими из-за стремительного наступления немцев. Светлана по вечерам часто слушала, как мама, утешая и ободряя девушек, рассказывала им про свое детство и сказочный монастырь. Всю последующую жизнь она хотела посетить его. Не привелось. А дочь смогла.

Я тоже приехал туда в те годы, когда монастырь представлял скорее некое разрушенное крепостное сооружение с проёмами в проломанных стенах, кучами мусора и пустыми глазницами окон монашеских келий. Сказочным сооружением тут и не пахло. Мерзость запустения? Да нет, возрождающийся после разорения духовный дом. То тут, то там сложенные штабеля досок, кирпича, горы песка, мешки с цементом. В первое же посещение я узнал и увидел, что народ паломнический идет под благословение к схимонаху Иерониму. Подошёл и я, обуреваемый не то чтобы сомнениями, а точностью и истинностью аргументов, которые я вырабатывал, готовя письмо Святейшему Патриарху о святости Фёдора Ушакова. Монах благожелательно посмотрел на меня, перекрестил, положил руку на голову и тихо сказал: "Молись, Валерий..." Внучке же моей Насте светоносный монах надел свой крестик на шейку. Эта встреча

немало значила для нас. Владыка Мордовский и Саранский Варсонофий благословил тогда меня на пространное письмо о духовных подвигах адмирала Святейшему. Ну а дальше было понятно – все решалось на Небесах, в обсуждениях священноначалия, в комиссии по канонизации, при усердных молитвах братии монастыря. Молитва Иеронима тогда много значила. Некоторые монахи сомневались, что произойдет прославление адмирала: “Воевал всё-таки”. Иероним не сомневался: “Воевал, но ведь за други своя, за веру христианскую, а в жизни проявлял милосердие и благодетельность, молился постоянно и наставлял делать это своих моряков”.

Когда в августе этого года я приехал в очередной раз в монастырь, сразу после шумного юбилея, то был и у места упокоения Иеронима в часовенке над его могилой. Постоял, помолился в одиночестве, обычно тут бывает множество богомольцев, которые стоят на коленях, целуют крест и берут земельку с могилы. Сегодня был всего один, заросший, в потертой одежде, но отнюдь не опустившийся человек. “Давай исполним памятную молитву”, – предложил он. Исполнили. Я дал ему денег, он пожал плечами, но взял. “Помолюсь в дороге”. “Отче Иерониме, моли Бога о нас!”

В тот послеюбилейный день мы выехали в четыре вечера из Москвы в Санаксары. А ведь надо успеть почитать молитвы, каноны и правило к причастию. Слава Богу, мы успели. До двенадцати разместились в паломническом доме. И утром, в полвосьмого исповедь. Хотя день рабочий, народу много. Исповедуемся у храмового входа. Торжественная и возвышенная служба во славу преподобного Федора и святого праведного адмирала Федора Ушакова. Вместе со всей братией идем после литургии на трапезу. Я в конце трапезы отчитываюсь о делах, посвященных Ушакову: Севастополь, Кронштадт, Волгоград, Москва – везде проходили встречи, молитвы во славу святого праведного, детские конкурсы, даже снимается фильм. Закончилась трапеза. Короткий разговор с настоятелем Варнавой. Он весь в хлопотах. А хлопоты невероятных масштабов и сложностей.

Тогда, в 90-х, после первого посещения, мне казалось, понадобятся годы и годы, чтобы Санаксары приобрели монастырское обличие. Но когда приехали на прославление в две тысячи первом году, то ахнули. Монастырские стены, храм, колокольня, братские корпуса расцвелись всеми цветами радуги. Все как-то выстроилось в единый ансамбль, обозначилось торжественно-высоким стилем. Всё было благолепно и возвышенно. Православная Мордовия, ее руководители и верующий народ возносили святых России на достойное место поклонения. Но это же надо содержать, за всем надо ухаживать, всё украшать. А главное, денно и ночью должны не утихать молитвы, вершиться служба, кормиться верующие. А они притекают из разных мест России. Приезжают многочисленные нынче паломнические экскурсии. Санаксарский монастырь стал местом историческим. Это единственное место в православном мире, где покоятся мощи святого праведного моряка, адмирала “в погонах”. Все помещенные православные церкви молятся у его икон. И на всех военных кораблях есть икона святого адмирала.

Вот и сегодня после обеда приехала большая делегация из Сарова, из самого закрытого ядерного центра России. Там новый директор. Прежний же, наш старый друг академик Радий Иванович Илькаев остался в качестве научного руководителя центра. А почему старый друг-то? Да потому что в те погромные девятые, когда сокрушалось под видом борьбы с тоталитаризмом немало ценного, государственно всеохватывающего в нашей жизни, в науке, в промышленности (казалось, что и атомную бомбу, научные разработки по ее созданию и совершенствованию вот-вот приватизируют), то честные, принципиальные, мудрые и державные ученые восстали. В их союзниках оказался и Всемирный Русский Народный Собор, который провел специальное заседание с тем, чтобы защитить атомный щит державы. В Сарове же было учреждено отделение Всемирного Собора. Радий Иванович его возглавил, напоминая о великом русском треугольнике Саров – Дивеево – Санаксары. Некоторые ученые глубокомысленно тогда говорили: “В этом треугольнике смещение земной коры, отсюда истекают свои токи, поэтому такое духовное и всемирное возвышение в этих местах”. Ведь не зря: мировой атомный центр, не случайно молился тут за нас, стоя на камнях, Серафим Саровский, а рядом два Феодора прокладывали свой путь к святости. Не знаю, как насчет земной коры, но то, что Богом эти места отмечены, это уж точно.

Вечером мы уехали из монастыря и оказались в гуще лесов в Центре отдыха детей-саровцев, в детском лагере имени Гайдара. Там с дружелюбием, со стихами, с вкусными котлетами, с детским, почти пионерским приветствием от юных ушаковцев города Темникова, опять юбилейничали. Выезжали рано утром, но мы со Светланой и Таней Петровой решили отоспаться и тронуться с хорошим настроением позднее. В восемь встали бодрые и какие-то счастливые. Да и день начинался светло. Сквозь листву пронизывались лучи, в которых весело кружились мошки, букашки и всякая природная мелочевка. По изящным стволам корабельных сосен гуляли вверх и вниз солнечные блики. Хорошо. Мы сквозь эту небесную и земную красоту шли в столовую, полную послеперестрочечных пионеров, или тех, кого пытались собрать в нынешние детские лагеря сегодняшние заботники о юных.

Второй день мы находились под опекуном высокой, красивой, благожелательной руководительницы клуба юных ушаковцев, что уже несколько лет существует в городке Темникове. Движение ушаковцев разрасталось по стране, и, конечно, где же ему было и начинаться, как не в Темникове, последней гавани земного пути Федора Федоровича. Таня (так назовем заботливого организатора клуба), казалось, воплощала в себе адмиральское спокойствие, уверенность и решимость. Выглядела она женщиной благополучной, живущей в мире и счастливой в семье. Принесла нам рисовую кашу, поставила перед каждым чашку с лагерным чаем. Наши легкие попытки помочь довольно твердо отстранялись: прошу подчиняться. За столом слегка отчиталась: сколько ребят прошло через клуб, сколько поступило в морские учебные заведения. Со многими ездила в Петербург, Нижний Новгород, Москву. Ведь набор в морские училища, да еще военные, сокращается. “Я начальникам объясняю, что ребята от Ушакова, горят желанием быть военными моряками. Суровые капитаны 1-го ранга просят завести претендента. Строго спрашивают: что знаешь про Ушакова? Тот, конечно, чувствовал в этом себя королём. Прерывают: какие флота знаешь? От зубов отскакивало. Наконец: прочитай “Отче наш!” Ну тут наши ребята и “Отче наш”, и “Верую”, и молитву “Святому праведному Феодору”. Начальник замахал рукой. “Ступай, да не порывай связи с родиной”. А еще, — Таня постепенно разговорилась, — я ведь и на окончание училищ, на распределение ездила не раз. “Что, просила, чтобы сюда поближе ребят командировали?” — “Да что вы, вот один окончил все с отличием, могли в Петербурге оставить, а я, по просьбе его деда, ездила упрашивать, чтобы парня на действующую подлодку отправили. Его и отправили, он и сам хотел”. — “Ну Таня, ты тут и командир, и политработник, и игуменья. Все время здесь?”

Она вздохнула, по лицу пробежала хмуринка.

— Нет, мы с мужем, когда перестройка-то началась, из Магадана приехали. Он военный был, демобилизовался, на родину. Деньги у нас были. Решили хозяйничать, тогда в восьмидесятых об этом много говорили, обещали. Мы и верили. Решили дом строить, большую теплицу: овощи выращивать, продавать. Детей рожать. А когда рассада разрослась, кто-то ночью стекла разбил. Все вымерзло, трубы лопнули. Горе. Решили не сдаваться. Завели кур, посадили на яйца, купили цыплят инкубаторских. Опять заморозили, пожгли.

Мы поставили свои чашки, не решаясь спрашивать и сочувствовать. А Таня сама продолжила:

— У меня самая большая женская беда — ребенок умер, кислорода не хватило, свет отключили...

Мы, ошеломленные, притихли, не соразмеряя с ней, сегодняшней, ее беды. Она, с каким-то уже отрешенным взглядом, посмотрела в окно, да так и застыла.

— А муж-то?..

— Да что муж. Уехал в Москву зарабатывать. Кредит ведь надо отдавать. Да там и остался. В Москве женщин много.

Мы опять застыли, не зная, как утешать, сочувствовать, боясь ранить ее душу, еще полчаса назад казавшуюся твердой и незамутненной.

— Второй-то ребенок больной оказался. Зарплата моя учительская мизерная, сына лечить, дом достраивать...

А как? Стала я у окна и смотрю утром вдаль. Что делать-то? Как жить дальше? А там через луга из шума все четче и четче проявляется монастырь, его стены, колокольня. Думаю, что же я раньше смотрела и не видела? Так вот,

оделась, пошла, ничего не видя, прямо через поле. Шепчу что-то, говорю, не знаю что. Потом уже поняла — молитву Богородице читала... В монастыре настоятель руку на голову положил: “Молись, дочка, молись, спасайся! Будешь духовным чадом нашим”. Не знаю, откуда и силы взялись за эти годы, как Федор праведный в меня вошел, как укрепил?

Мы молчали. А Таня, может быть, нас успокаивала, может, сглаживала впечатления от почти непреодолимой драмы — “нас теперь уже трое — еще одного взяла в семью — больного, сироту”. И стала рассказывать, что у нее есть мечта — провести Всероссийский слет юных ушаковцев тут в Темникове.

— Ведь ныне они все чада духовные санаксарские, ушаковские.

Мы, притихшие, придавленные страданиями чужой жизни, пошли к машине.

Расцеловались и не решались сесть в кабину. А Таня, как бы извиняясь, что нам принесла боль, уверяла, что слет обязательно проведет и скоро снова поедет в Москву и Петербург в училища. На том и порешили.

Через лес, вырываясь на трассу, ехали быстро и молча, и только в самой гуще остановились у громадного щита, где, казалось, можно было увидеть, что необходимо охранять лес и природу. Лозунгов о единстве партии и народа давно уже не писали, а восклик “Россия, вперед!”, звучащий на митингах молодежи, в мордовских лесах как-то был не актуален. Но зато, по мнению районных начальников, здесь, в чащобе, как нигде был важен и современен призыв, написанный метровыми буквами: “Люди! Берегите мир!” Возражать было ни к чему, да и в мировых центрах агрессии навряд ли услышали бы это обращение к миролюбивому человечеству. А зайцы, наверняка здесь водившиеся, обращение не читали. Постояли мы, подивились доходчивости наглядной агитации и двинулись дальше.

Солнце уже позолотило сосновые стволы, просушило березки, но в глубь мордовских лесов еще не проникло. Деревья, в основном ели, стоят там плотно, прижались друг к другу, и, кажется, проникнуть туда в чащобу невозможно. Но вот проникают — и не только лучи. Справа и слева возвышаются сторожевые башни огражденных колючей проволокой лагерей. Знаменитые мордовские лагеря! Сквозь них прошло (или загнуло) немало людей. Я осторожно расспрашивал об этих местах у писателя Леонида Бородина. Человек этот для меня — образец несгибаемого русского страдальца и твердой воли. Вот ведь, не сломали его, борца за справедливость и за веру, многие лагерные годы, не пинает он свою — нашу страну, а страдает за нее, старается как-то расширить поле совести и правды. Может быть, не стала при нем “Москва” массовым и громкозвучным журналом, но вы встретите там материалы раздумчивые, отвергающие низость и пошлость, открывающие путь к храму, которому журнал стараниями Владимира Крупина и других посвятил свой, постоянный раздел.

И вот едем мы вдоль этой русской голгофской дороги и задаем себе вопрос: а сейчас? что они, вживе эти лагеря или исчахли, рассыпались прахом, заселились рабочим людом? Да, многие лагеря пустые, но вспоминается цифра, недавно вычитанная в газете: “Заключенных ныне в лагерях на несколько тысяч больше, чем в 1937 году...”

Вот и выехали мы из зоны, выскочили из плотного леса на светлый, голубой простор. Но не на бескрайней степной, а на холмисто-лесной. Зеленые околыши леса то тут, то там огранивали желтеющие нивы, заваленные соломой. Соломы нынче почти не увидишь, все запаковали машины. Саша, наш безотказный водитель, вставляет в проигрыватель диск песен Татьяны Петровой, и мы как бы отделяемся от мира:

*Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..*

И сердце почему-то сжимается, душа наполняется светлой грустью и пульсирующей вдалеке тревогой. А ведь слова простые, понятные, не вычурные. Почему они вызывают ощущения детской и юношеской радости и надежды, ожидаемых перемен? Не раз был свидетелем того, что у тех, кто овладевает русским языком, это стихотворение вызывает восторг. Слушал его в дикой тайге, в многомиллионном Каире, от усердного японца и немного надменного немца. Магия какая-то в этих гармоничных строчках, что ли?

Помню, как на Московском фестивале всем улыбающийся негр с радостью сообщал: “Я говорю по-русски!” В подтверждение спрашивал: “Знаете “Белеет парус”?” И, не обращая внимания на нашу снисходительную улыбку, декламировал, а в конце развел руки и с удивлением и даже укором воскликнул: “Увы! — и после паузы, несколько озадаченно, глядя на нас, закончил: — Он счастья не ищет. И не от счастья бежит!”

Мы пожали ему руки. Молодец, Кваме!

А тут в центре Руси “Парус” прошил нас пронзительным Таниным голосом, связал с березовыми рощами, взметнувшимися вверх соснами, бугристыми полями. Песни вырывались одна за другой. И что за радость, что за счастье, когда песня, слова ее, мелодия сливались с пронсящимися мимо окон лучами, пронизывали лесополосу, вонзались в облака, возвращались оттуда светлым дождичком. Тут соединилась песня и природа, лес хороводил, колося разворачивались к песенному звуку, как к свету. И вместе вливались в мир России.

Вот так, наверное, представляется она, Россия, в этом сочетании цвета, света, природы и звука. Мы, воспитанные на советском кино (замечательно написал об этом в своей повести “Послевоенное кино” Юрий Михайлович Лошциц), помним, не знаю уж из каких фильмов, эту слитность просторов и музыки страны, ее природы, лиц ее людей. Что созвучно нашей Родине в современных фильмах? Не знаю! “Ангел мой” — трепещет жаворонком над полями тютчевский романс, а затем не часто слышимая драматическая кантата Прокофьева “Мертвое поле” из фильма “Александр Невский” приводит наши чувства в драматический торжественный строй. А за стеклами машины тянулись какие-то знакомые с детства картины. Вот он, наш русский пейзаж! Широкие поля, взбегающие на холмы рощицы, а по горизонту синевато-лазурные гребешки лесных массивов. Поэт Владимир Костров считает описание пейзажей одним из главных художественных достоинств русской литературы.

Ну и действительно, как нам без пушкинских “Уж небо осенью дышало, Уж реже солнышко блистало, Короче становился день, лесов таинственная сень С печальным шумом обнажалась, Ложился на поля туман, Гусей крикливых караван Тянулся к югу: приближалась Довольно скучная пора, Стоял ноябрь уж у двора”; без лермонтовских “Но я люблю — за что, не знаю сам — Ее степей холодное молчанье, Ее лесов безбрежных колыханье, Разливы рек ее, подобные морям”; без толстовского дуба, без шолоховской ковыльной степи, без тургеневского Бежина луга, белой березы под окном Есенина, без Матеры Распутина, Тимонихи Белова, рубцовских холмов, на которые взбегал поэт. Ведь без них Россия — Сахара. А поэты и писатели запечатлели их в сознании соотечественников, ввели в ранг национальных ценностей и святынь, сотворили уже, как ныне говорят, виртуальный, а на самом-то деле одухотворенный облик России. Действительно, какие там пейзажи в Люксембурге, Голландии, да и в Англии — подстриженные лужайки да газончики — это, скорее, таблица умножения.

И дальше уж наша беседа протекала вокруг песни. А русская песня — это тоже наша великая русская святыня. С ней боролись так же, как Емельян Ярославский с церковью, изничтожали, извращали, подменяли. Страна наводнилась скороспелками, бодренькими маршами, и лишь Великая Отечественная война снова вызвала русскую песню к жизни. Гениальная песня-оберег “Священная война” породила новые духовно-возвышенные, драматически-героические, лирически-романтические песни. Тут и “Бьется в тесной печурке огонь”, и “На солнечной поляночке”, и “Шумел сурово брянский лес”, и “Под звездами балканскими”, и “Броня крепка...” А позднее: “Где же вы теперь, друзья однополчане”, “Враги сожгли родную хату”. Хор Александрова, хор Пятницкого, “Березка” были известны всему миру, эталоном песенной культуры были Архангельский, Воронежский, Уральский хоры. Страна пела свои песни. Каждый вечер в 19 часов 15 минут по всему Советскому Союзу по всем радиоточкам разучивались народные песни, песни Великой Отечественной. И вдруг всё рухнуло... На Васильевском спуске поют заезжие рок-музыканты и звучит всякого рода попса, в эфире осталась одна передача народной песни “Играй, гармонь!”. Лишь весь израненный многолетней борьбой Виктор Захарченко прорывается со своим выдающимся Кубанским народным хором на главную концертную площадку страны — во Дворец Съездов. Уход народной песни из жизни страны лишил ее духовного жизненного кислорода тради-

ций и самосознания, вековечного звука и движения. Клеточки сознания и души нашего молодого человека заполнили ритмы Флориды и Техаса, мелодии лондонских предместий, дискотек Амстердама и Гамбурга. Он перестает быть русским и россиянином, он не знает наших песен, он не умеет их петь.

Помню одну поездку в 80-е годы, когда я возглавлял молодежную делегацию в Америку. Там нас попросили спеть наши песни. Ребята из Армении затыкнули свой мотив, два украинца и я пропели “Повий витру на Украину”, а москвичи и питерцы так ничего и не вспомнили. Американские хозяева подсадили: “Калинку” – ребята не знали, “Очи черные” – тоже.

– Давайте хоть “Подмосковные вечера” – предложил я со злостью. Без поддержки всей делегации и не пропели бы. Хороши соотечественнички. Да и соотечественнички ли? Так, граждане мира второго сорта. Таня Петрова рассказала, что в Японии в музыкальных школах обязательным правилом является знание десяти русских песен, как самых совершенных мелодических и гармонических образцов. Можем мы таким знанием похвалиться? Знает ли наш ученик десять народных песен, может ли их исполнить? Ясно, что нет. Великая черная дыра образовалась в музыкальном облике России. А еще недавно, в 50–60-х, в каждой нашей школе были хоры, классы соревновались в пении. Вузовские хоры были центрами музыкальной культуры в городах. Да и я-то познакомился с моей Светланой в Николаеве, когда в самой (!) “Правде” появилась ее фотография, на которой она дирижировала хором школьников.

Вспомним, что Прибалтика уплыла из Союза на крыльях национальной песни. Все восхищались тогда в 70–80-е годы массовыми песенными праздниками в Эстонии, Латвии, Литве, проходившими на самых больших стадионах этих республик. Как на рабочих маевках перед революцией 1905-го и 1917 годов готовились боевые дружины большевиков, так и на прибалтийских песенных праздниках будущие лидеры сепаратизма готовили массы к национальному единению и сопротивлению центру через песню. А центр, то бишь кремлевская партийная Москва, цикала на любую попытку соединять русский славянский народ песней, культурой, духом. Все, кто это пытался делать, обвинялись в “неклассовом подходе”, в шовинизме, как это сделал в своей программной антирусской статье “Против антиисторизма” будущий архитектор гибельной перестройки Александр Яковлев. В результате этих усилий так и остались мы без великой державы и с загнанной в гетто русской песней. Что-то сейчас начинает шевелиться снизу, с районного центра, небольшого городка, епархиального хора.

Да, епархиальные, церковные хоры стали важными центрами возрождения музыкальной культуры, культуры пения. Это подлинное чудо, когда поет хор Троицко-Сергиевой лавры, Сретенского и Свято-Данилова монастырей. Всегда возвышает, пронизывает трепетным чувством Смоленский хор в Успенском храме. В Ярославле мы услышали небольшой хор дьяконов. Какая торжественная возвышенность в молитвенном пении! И как спели они сердечно и памятно уже в трапезной “День Победы”!

Епархиальный белгородский хор владыки Иоанна подарил нам вместе с Татьяной Петровой цикл духовных песнопений, русских романсов и песен. Мы и насладились им в дороге. Вот так надо возрождать русскую культуру – с помощью отечественных талантов и церкви.

Спасибо губернатору Белогорья Евгению Степановичу Савченко, что спешествовал появлению на свет этого диска.

В Липецке во время Всероссийской встречи писателей на ее открытии выступал замечательный липецкий народный оркестр вместе с Татьяной, выступала она и во время Прохоровских чтений в Белгороде. Там и родилась идея 2010-й год сделать годом народной песни, так же как был объявлен в свое время Год русского языка. Не так уж много удалось сделать тогда, но все-таки продвинулись, частично остановили беспредел в коверкании русской речи, возродили букву ё, поставили памятник русскому слову в Белгороде, провели сотни вечеров, встреч и конференций, посвященных русскому языку.

Может быть, прямая заинтересованность общества всколыхнет наши районные низы, вызовет к жизни энтузиастов народной песни, создаст певческие клубы, кружки, организует просто спевки у костра, у дома. Дорогие друзья, или мы запоем свои песни, или народ наш растворится в чужеродной мелодии, а значит, в чужих мысли и духе.

...Выехали на федеральное шоссе Самара – Москва. Через десять километров любопытнейшее поселение с названием Умет. Населения здесь немного, зато вытянувшихся вдоль шоссе кафе, столовых, пристойных бistro, таверн, трактиров, забегаловок, шалманов не меньше сотни. У всех зазывающие названия, свидетельствующие о хозяине, его темпераменте, национальной принадлежности, умственных способностях, начитанности или безграмотности. Всё и вся есть в Умете. Тут и “Хата”, и “У тещи”, “Возьми сто”, “Заверни-отдохни”, “Золотые тополя”, “Ням-ням”, “Наташа”, “Валя”, “Вика”, “Миша и Вася”, “Полянка”, “Сергеа”, “Вечный зов”, “Пуп земли”, “Солнечная долина”, “Веселые ребята”... Все это немного напоминает американский Дикий Запад, или, возможно, шишковскую “Угрюм-реку” периода золотой лихорадки. Только где же здесь золото-то? Но при всем при том – это какой-то порто-франко, свободная территория питания дальнбойщиков и всех автомобилистов!

Тут мы когда-то познакомились с Сано, армянским богатырем, который гордо назвал своим именем кафе-бар. Сано был тот человек империи, который в свое время свободно мог по ней перемещаться, иметь в ней свое место, чувствовать себя равноправным гражданином всего Советского Отечества и в то же время быть гордым представителем своего народа. Сано родом из Армении, а мне не раз удавалось быть в этой горной красивой стране. У меня, как и в каждой союзной республике, было там немало друзей. Красоту страны и душу ее людей мне помогли увидеть Мартирос Сарьян, Грант Матевосян, Вардгес Петросян. Я знал их, встречался, рассказывал о них, издавал их книги. В венах у многих моих друзей текла армянская кровь, и они были поистине великими гражданами Советского Союза и России. Это и мировой путешественник и полярник Артур Чилингаров, и Серафим Карпович Царукьян, один из выдающихся советских военных строителей. Не раз встречался и беседовал с легендарным маршалом Иваном Христофоровичем Баграмяном, который, говорят, когда к нему присылали на фронт пополнение, требовал: “Чтобы славян было больше половины”. Мне это заявление напоминало слова одного знакомого капитана: “Знаешь, как я в атаку призывал?”. – “Может быть, за Родину, за Сталина?”. – “Нет, я высказывал из окопа и кричал: “Вперед, славяне!”

Призыв, конечно, интересный, особенно если учесть, что капитан по национальности был татарин. Не в наших обычаях иронизировать над инородцем, пошутить можно, но больше над собственной российской расхлябанностью, протифильством и непутевостью. А вот с армянскими шутками мы тоже многие годы были знакомы. В 60–70-е годы “армянское радио” было знакомо всем: “Что такое дружба народов?” Армянское радио отвечает: “Дружба народов – это когда армяне, русские, украинцы, узбеки, киргизы, молдаване, все мы собираемся и идем бить грузин”. Шуточки, конечно.

А вообще не очень-то мы раздували национальные отличия. Чувствовали себя своими среди всех народов Союза. Даже за границей легко находили общий язык. Так случилось со мной в 70-х годах. Я, как издатель, оказался на празднике газеты “Юманите” в Париже. В то время это был массовый, жизне-радостный, бурлящий праздник левой печати и, несомненно, праздник трудового люда. Мы повыступали, подарили свои книги, молодежные журналы, и нас пригласили поехать в приморский город Бордо, где хозяйкой одного из рыбных ресторанов была сочувствующая коммунистам армянка. Ресторан был отменный, я с отвагой пробовал все морские неизвестности. Омар? Почти краб. Едим. Нет, дорогой гость, его надо щипчиками. Да, но не отщипывает-ся. Ладно, попробуйте это... Какие-то маленькие улиточки. Их вот этими булавочками надо доставать. Да не доставать, а выковыривать. А вот и легендарные устрицы, без которых Францию нельзя и представить, ну, например, как Украину без сала. Устрицы с белым вином понравились. Насытившись, мы стали расспрашивать хозяйку, как она оказалась во Франции. В 1915 году, когда турки устроили геноцид армян, ее семья сбежала сюда, и она тут живет более шестидесяти лет. Была ли в Советской Армении? Нет. А наших армян знаете? Конечно! Ну кто, например, Хачатурян? О, это великий композитор! А Амбарцумян? О, это великий ученый! А Тигран Петросян? О, это великий шахматист. А Микоян? (Разговор велся через переводчика, а тут перевод не понадобился.) Хозяйка прищурившись, радостно произнесла: “О, сэ гранд ренар!” (Это великий лис!). Мы с пониманием улыбнулись, ибо поговорка о Микояне

во времена Брежнева “От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича”, – была всем известна. Хотя люди, сведущие в политике, могли только повосхищаться долголетием “политического тяжеловеса”.

...Обо всём этом вспомнилось, когда мы подъезжали к заведению Сано. Почти десять лет по пути в монастырь и обратно мы останавливаемся у этого бывшего чемпиона Советской Армии по самбо, выброшенного волной распавшегося Советского Союза сюда, на кромку мордовских лесов. У него всегда были сочные кебабчики, ароматная долма, великолепные помидоры и снимающий утомление мацони. Плакат с победоносным боксером-чемпионом украшал его харчевню. Прежде рядом висели фото обнаженных девушек. После того как мы рассказали ему про Ушакова и подарили небольшую икону, девичьи со стенок исчезли. Сано был неизменно радушен и гостеприимен, своим знакомством с московскими гостями гордился, просил не забывать. Нынче Сано был неузнаваем – сник, согнулся. Да не только сник, глаза потухли. “Вот и жена ушла. Водка до хорошего не доводит, – Сано потрогал голову, – ударила сковородкой и ушла”. Вздохнул. “Наверное, умирать буду”. “Брось, Сано”, – запротестовали мы.

Таня Петрова покачала головой, повела рукой, как бы отводя его горести, и запела: “...Бродяга к Байкалу подходит!” Из кухни вышли женщины, сели напротив Татьяны, глаза их широко распахнулись навстречу песне, руки замерли на коленях, не шелохнувшись, слушали, откуда эта песня, с каких небес явился этот голос в их Умет. Сано не удерживал слез. Байкал своей волной омыл его горе.

Таня пела для него и, наверное, для всех бродяг, всех неустроенных и обделенных... Песня оборвалась. Все молчали, вытирали слезы, Сано тихо выдал: “Спасибо”. Не была ли эта песня живой водой, оживляющей его? Прощались негромко, наказывая, чтобы не отчаивался, не терял надежду. Сано безмолвно кивал и казался не столь обреченным.

P.S. Через год мы ехали той же дорогой. Помолились у двух святых Феодоров Ушаковых, попросили укрепления в духе. И, может быть, главное – создали юношеское движение “Ушаковцы”, о котором мечтала Таня, да и все мы.

...Но Сано мы уже не застали.

Август 2009 г.

СЕРГЕЙ ФОМИН

ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Одним из излюбленных приемов, которым пользуются фальсификаторы истории, имеющим целью “развенчать” ведущую роль Советской Армии в разгроме нацистской Германии, является сопоставление цифры **общих (т. е. гражданских и военных) потерь Советского Союза** (которую при этом произвольно меняют, естественно, в сторону увеличения от 30 до 40 млн и более погибших – как кому нравится) с цифрой **военных потерь германской армии**, причем в качестве этих последних берутся явно заниженные цифры. Само это сопоставление, в свою очередь, является как бы подтверждением лживого тезиса о “полнейшей некомпетентности” советских полководцев, неумении нашей армии выигрывать сражения малой или хотя бы средней кровью, абсолютном превосходстве немецкой военной мысли и организации. В подобных “исторических” экскурсах проводится мысль, что немцы проиграли войну только в результате совместного действия таких факторов, как участие США, русские морозы и численное превосходство Красной Армии, “завалившей горами трупов” доблестное немецкое воинство. Конечная цель такого сознательного завышения потерь Советской Армии и одновременного занижения немецких потерь состоит в том, чтобы подавить у нашего народа историческую память, чувство гордости за свою страну, привить ему комплекс неполноценности перед Западом.

Кроме того, при сопоставлении цифр потерь СССР и Германии недобросовестные “историки” очень часто “забывают”, что Германия на Восточном фронте воевала не одна, а в компании стран-сателлитов, безвозвратные военные потери которых необходимо приплюсовывать к германским потерям. Как известно, итальянская армии – частично, а армии Румынии, Венгрии и Финляндии – полностью – были задействованы на советско-германском фронте. Кроме того, на советско-германском фронте на стороне Германии воевали в составе войск СС, карательных отрядов, “национальных” соединений и дивизий (например, испанская “Голубая дивизия”, словацкие части) представители различных западноевропейских и восточноевропейских стран. На стороне Германии воевали также антисоветски настроенные лица из числа различных национальностей Советского Союза. Все они также несли потери. Парадоксально, но погибшие граждане СССР, сражавшиеся на стороне Германии против Красной Армии, входят в число общих потерь Советского Союза. Только с учетом всех этих факторов можно получить полную объективную картину потерь среди тех вражеских сил (включая и потери Японии), которые противостояли Красной Армии.

Немецкие статистики неоднократно корректировали цифру военных потерь Германии. В 1972 г. в ФРГ была опубликована цифра, равная 3 миллионам 850 тысячам убитых и умерших от ран немецких военнослужащих. К этой

цифре была приплюсована цифра пропавших без вести (не объявившихся и фактически также погибших), в результате чего общие безвозвратные военные потери вермахта в ходе Второй мировой войны, согласно обнародованным в ФРГ в 1972 г. данным, составили 4,75 млн человек. Что касается потерь среди гражданского немецкого населения, то здесь отличились прежде всего западные союзники. Достаточно вспомнить массированные воздушные англо-американские бомбардировки немецких городов. Согласно данным ФРГ, в результате боевых действий на территории Германии и воздушных бомбардировок погибло более 500 тысяч гражданского немецкого населения. При этом потери США во Второй мировой войне составили, по данным статистики ФРГ – 229 тысяч, Великобритании – 386 тысяч (из них 62 тысячи гражданских лиц), потери Франции – 810 тысяч (из них 470 тысяч гражданских лиц), потери Японии – 1,8 млн убитых, из них примерно 600 тысяч гражданских лиц (Volks-Ploetz. Auszug aus der Geschichte. Freiburg – Würzburg, 1993, S. 541–542). В 70-х гг. в ГДР была опубликована цифра немецких общих потерь во второй мировой войне, равная 9,7 млн погибших военнослужащих и гражданских лиц

Следует указать, что в число немецких военных потерь не включались военнослужащие, умершие от различных болезней, несчастных случаев, расстрелов и самоубийств, иными словами, небоевые потери германской армии. Кроме того, цифра военных потерь отражает лишь общее число военнослужащих **вермахта (армия, флот, ВВС)**, погибших во Второй мировой войне. Сразу возникает вопрос: а каковы были потери среди служащих в частях СС, в том числе в боевых СС (“Ваффен-СС”), где служили не только немцы, но добровольцы из европейских стран, а также в “общих СС”, исполнявших охранные и карательные функции? Как известно, войска СС в состав вермахта не входили. На последних этапах войны немцы привлекали к участию в боевых действиях отряды ополчения (фольксштурм и гитлерюгенд), потери среди которых также не включались в состав потерь вермахта. Поэтому цифра реальных общих немецких военных потерь (включая сюда австрийцев и других “негерманских немцев”, в частности, фольксдойче и эльзасцев) гораздо больше.

Многие историки не соглашались с приведенными выше цифрами немецких безвозвратных военных потерь, подозревая власти ФРГ в сознательном их занижении. Следует сказать, что немцы до сих пор (порой на уровне подсознания) крайне болезненно относятся к своему поражению, тем более к поражению от “варварского” Советского Союза, и стремятся либо замалчивать свои потери на Восточном фронте, либо сознательно их занижать (своеобразная форма компенсации национального унижения). Во многих публикациях приводятся более высокие цифры безвозвратных военных потерь нацистской Германии. Так, например, М. Гареев называет цифру безвозвратных военных немецких потерь на советско-германском фронте, равную 7,4 млн человек, безвозвратные потери стран-сателлитов Германии – 1,2 млн, потери Японии в Маньчжурской операции Красной Армии – 0,7 млн, что дает цифру общих безвозвратных потерь стран фашистского блока на советском фронте, равную 9,3 млн. Кроме того, до 500–600 тысяч составляют потери из числа иностранных формирований, воевавших на стороне Германии. На советско-германском фронте вооруженные силы Германии потеряли примерно 10 миллионов убитыми, ранеными и пленными из 13,6 миллиона общих немецких военных потерь за войну. Здесь же была уничтожена основная (75%) часть немецкой военной техники (Международная жизнь, № 5, 2005, с. 39–40).

На всех прочих театрах военных действий – в Африке, в Западной Европе, в Италии, на Балканах, а также в результате акций различных европейских движений сопротивления – погибло не более 1 млн немецких военнослужащих. Так, например, в ходе германо-польской войны в 1939 г. погибло 10 600 немецких военнослужащих, а в ходе кампании против Франции и Великобритании в 1940 г. потери немцев составили 27 074 убитых и 111 043 раненых. В последние месяцы войны немцы не оказывали западным союзникам практически сколько-нибудь существенного сопротивления, сдавались массами в англо-американский плен, одновременно яростно сражаясь с Советской Армией.

За годы войны советскими войсками было взято в плен 4 миллиона 541 тысяча 900 немецких военнослужащих (Российская газета, 24 сентября 1994 г., с. 5). Условия содержания в советских лагерях для военнопленных были гораздо гуманнее, чем в немецких, в результате чего и число умерших

в советском плену немцев несопоставимо меньше, чем число погибших в немецких лагерях советских военнопленных. В немецких лагерях ставилась цель именно физического уничтожения наших солдат и офицеров, которых немцы рассматривали в качестве “унтерменшей”, то есть “недочеловеков”. В то же время военнопленным – представителям армий союзников немцы обеспечивали достаточно приличное существование. Если бы смертность немцев в советском плену была на том же уровне, что и смертность советских военнопленных в немецком плену, безвозвратные военные потери немцев на советско-германском фронте могли бы составить еще большую цифру.

По данным статистики ФРГ, примерно 0,5 млн гражданского немецкого населения погибло в ходе насильственного выселения немцев с территории Судетской области, проведенного чешскими властями. В историческом плане население Судетской области было преимущественно немецким, а сама эта область в 1918 г. была включена в состав Чехословакии – нового государства, возникшего на обломках бывшей Австрийской империи. Всего с территории Судет в 1945 г. было выселено в Германию около 2,3 млн немцев. С бывших восточных германских территорий, переданных Польше в результате решений Потсдамской конференции, польские власти изгнали около 9,3 млн коренного немецкого населения (Volks-Ploetz. Auszug aus der Geschichte. Freiburg – Würzburg 1993, S. 556). Если добавить к этим цифрам 800 тысяч немцев, изгнанных из Венгрии, то общее число немецких беженцев, выселенных на современную территорию Германии в первые послевоенные годы, составило 12,4 млн. В ходе выселения погибло более трех миллионов немцев (Г. Киндер, В. Хилгеман. Всемирная история. М., 2003, с. 499). Если сложить цифру немцев, выселенных на территорию современной Германии, с цифрой погибших в ходе такого выселения, то реальное число немцев, изгнанных со своих этнических земель, составило бы более 15 миллионов человек. Фактически это была самая крупномасштабная депортация в мировой истории. Сам процесс выселения сопровождался многочисленными грабежами и нападениями на беженцев со стороны чехов и поляков, в результате чего десятки тысяч немцев были убиты. Чешская и польская полиция и армии не только не пресекали правонарушений, но нередко сами являлись зачинщиками этих злодеяний. Основная масса погибших приходится на пересыльные лагеря, куда поляки и чехи сгоняли немецкое население (и держали там нередко несколько месяцев) перед отправкой на территорию современной Германии. В этих лагерях в жутких антисанитарных условиях гражданское немецкое население массово вымирало от болезней и недоедания (рацион питания был хуже, чем в фашистских концлагерях смерти). Как свидетельствуют немецкие беженцы, во многих случаях советские солдаты и офицеры защищали их от варварских выходок со стороны чехов и поляков. В настоящее время польские и чешские власти, столь ревностно обличающие Россию во всех смертных грехах, о позорных деяниях своих собственных стран предпочитают помалкивать.

Общая площадь немецких этнических территорий, переданных Польше после окончания Второй мировой войны, составляет 104 тысячи квадратных километров. Для сравнения отметим, что территория современной объединенной Германии составляет 356 тысяч квадратных километров, при этом территория бывшей ФРГ – 248 тыс. кв. км, а территория бывшей ГДР – 108 тыс. кв. км. Расширение территории Польши за счет территории Германии произошло только благодаря настойчивой позиции Советского Союза и лично И. В. Сталина на Ялтинской и Потсдамской конференциях, который таким образом компенсировал Польше потерю Галиции и Волыни, вошедших в состав СССР (западные союзники сначала были против передачи немецких территорий полякам). Как известно, результаты этих конференций подвергаются особо резкому осуждению в Польше, поскольку поляки считают, что они привели Польшу под “иго Советского Союза”. Обличая “ялтинский сговор” и послевоенную политику СССР, Польша, тем не менее, не горит желанием расставаться с советским подарком – 104 тысячами квадратных километров бывших этнических немецких земель, ставших частью современной территории Польши.

Благодаря Советскому Союзу в состав Литвы был включен Виленский край с городом Вильно (Вильнюс), большинство населения которого в 1945 г. составляли поляки и белорусы, а также историческая часть Восточной Пруссии – Мемельский округ с городом Мемелем (ныне Клайпеда).

Что касается советских потерь, то они были опубликованы в сборнике “Гриф секретности снят”, подготовленном авторским коллективом под руководством генерал-полковника Г. Кривошеева на основании тщательного изучения архивных данных. В частности, военные потери Советской Армии составили, согласно данным сборника, **8 миллионов 668 тысяч 400 человек**. Данная цифра включает в себя убитых в бою, умерших от ран, погибших в плену, пропавших без вести, а также такие небоевые потери, как умершие от различных болезней, самоубийств, погибшие в катастрофах, в результате несчастных случаев, расстрелянные по приговорам военных трибуналов. Кроме того, в вышеприведенную цифру входит так называемая “естественная смертность”, то есть смертность, которая все равно могла бы наступить, независимо от того, идет ли война или сохраняется мир. С учетом призыва в ходе войны в Советскую Армию значительного числа лиц пожилого возраста или с ослабленным здоровьем, среди военнослужащих имела место и естественная смертность. Как отмечает американский демограф русского происхождения С. Максудов, проведший подсчет советских потерь, “при численности армии в 12 миллионов при самом минимальном уровне естественной смертности (0,05% в год) естественная убыль должна была составить около 250–300 тысяч” (Свободная мысль, № 10, 1993, с. 119). С. Максудов провел сопоставление данных, приведенных в сборнике “Гриф секретности снят”, со своими собственными подсчетами. В сборнике “Гриф секретности снят” приводятся следующие цифры: убито в боях 5 млн 187 тысяч, умерло от ран 1 млн 104 тысячи, взято в плен и пропало без вести 4 млн. 559 тыс. советских военнослужащих. Из цифры взятых в плен и пропавших без вести авторы сборника вычли 1 млн 836 тысяч человек, вернувшихся из плена, и 940 тысяч призванных на освобожденной территории из числа военнослужащих, ранее попавших в окружение или пропавших без вести, и получили общую цифру погибших в плену и пропавших без вести, равную 1 миллион 783 тысячи. Если сложить данную цифру с убитыми в бою и умершими от ран, получим цифру “чистых” военных потерь Советской Армии в ходе войны с Германией, ее сателлитами и Японией, равную **8 миллионам 74 тысячам человек**. Авторы сборника “Гриф секретности снят” предпочли, однако, другую цифру, равную **8 млн 668 тыс. 400 человек**, за счет включения тех потерь, которые нельзя отнести к боевым. При сопоставлении наших военных потерь с немецкими, на мой взгляд, необходимо пользоваться цифрой **чистых военных потерь**, то есть цифрой, из которой исключены смерти военнослужащих по болезням и другим причинам, прямо не связанным с ведением боевых действий. Это нужно для правильного сопоставления, поскольку, как уже отмечалось выше, немецкие статистики включают в свои военные потери лишь убитых в бою, умерших от ран и в плену, а также пропавших без вести.

Следует учитывать, что значительное число лиц, считавшихся пропавшими без вести или погибшими в плену, в действительности выжили, на Родину не вернулись и остались на Западе. Однако статистически они также относятся к числу безвозвратных потерь. С учетом этого фактора, а также исключая из военных потерь число умерших от болезней, в результате несчастных случаев, смертных казней, самоубийств и т. п., С. Максудов дает свои оценки потерь Советской Армии: 5,5 миллиона убитых на фронтах, 1,1 миллиона умерших от ран в госпиталях, 1,2 миллиона погибших в немецком плену. Итого чистые безвозвратные военные потери Советского Союза во Второй мировой войне, согласно Максудову, составляют **7,8 млн человек**.

В прессе приводилась и более высокая цифра безвозвратных советских военных потерь, равная 9 млн 168 тыс., в том числе погибших в бою, умерших от ран и болезней – 6 млн 885 тыс. и умерших в плену – 2 млн 283 тыс. Эти цифры в свое время были приведены в газете “Известия” (от 25 июня 1998 г., с. 1) со ссылкой на данные Генштаба. Цифра 9 млн 168 тыс. получена в результате, во-первых, более высокой оценки числа советских военнослужащих, погибших в плену, а также вследствие включения в военные потери числа лиц, умерших от болезней, от несчастных случаев, расстрелов, погибших вне театра военных действий, под бомбежками по пути следования на фронт и т. п. Так, в частности, в число военных потерь были включены погибшие по различным причинам резервисты, призванные в армию, но так и не попавшие в списки действующих войск. Что касается национального состава военных потерь Советской Армии, то на русских приходится 66,3% всех военных безвозвратных потерь, на украинцев – 15,9%.

Демографические расчеты, проведенные на основании данных довоенных и послевоенных переписей, позволяют получить достаточно точную картину общих (военных и гражданских) потерь СССР, которая полностью опровергает дилетантские попытки некоторых псевдоученых исказить эти цифры. Так, например, российский автор Борис Соколов в книге «Германская империя» (Москва, 2003, с. 461–463) приводит совершенно фантастическую цифру общих потерь СССР, равную, по его мнению (не подкрепленному никакими статистическими расчетами), 43,3 млн погибших, из них 26,4 млн – якобы военные потери. Соколов «оценивает» немецкие потери в 4 млн, из них 2,1 млн на советском фронте и 500 тыс. в советском плену. Как видим, Соколов, приводя эти цифры, которые меньше даже данных ФРГ, не дал себе никакого труда просмотреть уже имеющиеся немецкие источники. Совершенно ясно, что этот человек абсолютно не знаком с методами демографической статистики, позволяющими с относительно высокой вероятностью на основе анализа переписей определять и прогнозировать как потери, так и перспективы роста населения. Нет никаких оснований сомневаться в рассчитанной демографами-профессионалами цифре общих потерь Советского Союза. Согласно уточненным последним расчетам, сделанным российскими демографами накануне 60-летия Победы, цифра общих (гражданских и военных) потерь Советского Союза во Второй мировой войне (включая потери на советско-германском и советско-японском фронтах) составляет 26 млн 452 тысячи человек. Она была получена на основе сопоставления данных переписей 1939 и 1959 г., причем данные переписи 1939 г. были скорректированы по переписи 1937 г. В эту цифру входят безвозвратные военные потери Советских Вооруженных Сил, небоевые потери Вооруженных Сил, а также потери среди гражданского населения, как на оккупированных, так и на неоккупированных территориях вследствие боевых действий, воздушных и наземных бомбардировок, карательных немецких акций, повышенной смертности от голода, хронического недоедания, непосильной работы, болезней, ужесточения режима для заключенных в местах лишения свободы и т. п. В число общих потерь входят также лица, пропавшие без вести, в частности, угнанные на работу в Германию и оставшиеся после войны за границей. Таким образом, большая часть погибших, входящих в общую цифру советских потерь, – это не военные потери, а потери среди гражданского мирного населения, составляющие около 18 млн человек, непосредственно уничтоженных немецкими захватчиками или погибших в результате последствий немецкой агрессии и оккупации. Иными словами, большинство советских потерь в Великой Отечественной войне – это жертвы жестокой политики геноцида, проводимой Германией в отношении гражданского населения СССР, причем больше всего погибло славян, которых немцы рассматривали в качестве низшей расы, подлежащей уничтожению. Ставилась конкретная цель – очистить завоеванную немцами территорию от «излишнего, расово неполноценного туземного населения». Кроме огромных людских потерь, на территории Советского Союза немецкие захватчики разрушили 1710 городов и поселков городского типа, сожгли 70 тысяч сел и деревень, взорвали 32 тысячи промышленных предприятий, уничтожили 65 тысяч километров железнодорожных путей, выкрали и вывезли в Германию неисчислимо количество культурных и художественных ценностей. И хоть Германия сейчас наш партнер, забывать о прошлом нельзя, забвение было бы предательством по отношению к нашим погибшим.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ЖРЕЦЫ И ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА

*Увенчается ли наше стремление к
новому мировому порядку успехом,
зависит от того, выучим ли мы уроки
Холокоста.*

Я. Дж. Кадеган

* * *

Эта работа была задумана несколько лет тому назад и складывалась по частям долго и трудно.

Тема оказалась чрезвычайно сложной и “горячей”, если не раскалённой. Да и мировая жизнь всё время добавляла топлива в этот мистический костёр – вспомним хотя бы поистине библейскую судьбу несчастной Газы или поединков между Ватиканом и раввинами по поводу Холокоста.

В полной мере своего собственного взгляда на предмет исследования мне выработать так и не удалось, и книга, выросшая из поначалу задуманной небольшой статьи, получилась весьма компилятивной.

Но я об этом и не сожалею: пусть читатели сами освоят избранные мною выдержки из разных книг, порой прямо враждебных друг другу, порой дополняющих или повторяющих одна другую.

Только при таком проходе “по лезвию ножа” мне удалось в меру своих сил склеить более или менее цельную картину исторического явления, именуемого Холокостом.

Несколько книг, откуда я брал оценки и факты для моей работы, образовали её каркас. В первую очередь, это были два отчёта с двух конференций – Стокгольмской (2000 год) и Тегеранской (2006 год). Немало пищи для размышлений дала мне совсем свежая книга “Отрицание отрицания, или битва под Аушвицем”, созданная двумя авторами-составителями и незаурядными профессионалами А. Кохом и П. Поляном. Чрезвычайно много фактов и сведений я почерпнул из книги американского историка Нормана Финкельштейна, которую несколько раз перечитал и всю испещрил своими заметками, восхищаясь правильным чувством меры и гражданской отвагой автора. Весьма помогла мне фундаментальная и предельно объективная работа российского историка Г. В. Костырченко “Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм”, а удивительную по лиризму и печальной правде книгу Исраэля Шамира “Сосна и олива” я проглотил взахлёб, как художественное произведение. Слово злоедей, но увлекательный детектив я прочитал “Протоколы допросов Эйхмана”.

Пришлось изучить и некоторые книги, наполненные чёрной яростью, истерической клеветой и клиническими картинками жизни, рождёнными большим воображением авторов, — некогда сенсационную повесть забытого ныне писателя Валентина Ерашова “Коридоры смерти”, книгу женской прозы начала перестройки “Новые амазонки” и сборник “Уроки Холокоста и современная Россия”, подготовленный российским фондом “Холокост”. Поистине неоценимую помощь в работе оказали мне исследования знаменитого историка Холокоста французского еврея Роже Гароди “Основополагающие мифы израильской политики”. Его работа настолько аргументированна и объективна, что даже П. Полян, с саркастическим пристрастием оценивший в книге “Отрицание отрицания” труды ревизионистских историков, предпочёл воздержаться от комментариев по поводу этой образцовой работы знаменитого француза.

Поскольку почти все прочитанные и использованные книги были изданы крохотными тиражами и неизвестны массовому читателю, то я цитирую их довольно щедро. Может быть, что и чересчур щедро, за что прошу заранее читателей простить меня. Но лучше пересолить с аргументами на такую взрывоопасную тему, нежели не договорить чего-то.

На свои комментарии к прочитанному я тоже не скупился и не раз ощущал, что испытываю почти эстетическое удовлетворение от состояния творчества, довольно часто посещавшего меня.

Все другие источники, на которые я ссылался и которыми эпизодически и скупно пользовался, перечислены мною в заключении этой истерзавшей меня работы.

I. Брызги шампанского

Начался совершенно дикий шабаш.

Л. Коваль

Мягкой прибалтийской зимой 1962 или 1963 года я жил на Рижском взморье, в Дубултах, и переводил стихи литовского поэта Малдониса.

В это время в литературной среде ещё не было мировоззренческого раскола, и в Доме творчества я радушно компанействовал с Василием Аксёновым, с Анатолием Гладилиным, с Григорием Поженяном и сотрудником журнала “Знамя” Самуилом Дмитриевым, которого все звали попросту “Мулей”. Никто тогда и не мог себе представить, что через несколько лет после арабизраильской войны 1967 года воздух в мире неожиданно изменится, и многие мои друзья вдруг почувствуют себя евреями. Помню, как добродушный Муля вдруг с восторгом заявил: “Ну и дали мы этим арабам!” — как будто он воевал на Голанских высотах и отрывал окопы в песках Синая.

А я несколько позже, осмысливая эти перемены, написал стихотворенье, вспомнив о мягкой прибалтийской зиме 1962 года:

*Пятнадцать лет тому назад
Три друга жили здесь беспечно.
Ну что ж! Никто не виноват,
Что это не продлилось вечно.*

*Ужель предопределена
Судьбой вся наша доля свыше?
Как развела друзей она:
Один в гробу, другой в Париже.*

*А третий зимний воздух ртом
Хватает весело и жадно
И снова думает о том,
Что жизнь, как совесть, беспощадна.*

*Что вздохи матери земли,
Её озноб, её тревога
Затем, чтоб в мировой пыли
Не сгинула твоя дорога.*

“В гробу” к тому времени был Муля Дмитриев, так радовавшийся победе евреев над арабами, “другой” – это Аксёнов с Гладилиным в одном флаконе, а третий – это я. Рядом с нами постоянно возникла журналистка Алла Гербер, неумело изображавшая из себя еврейскую красавицу, что вызывало у меня искреннюю жалость к ней.

На дворе стоял сырой прибалтийский январь, ветер с моря раскачивал под моими окнами старые сосны, с которых обрушивались тяжёлые, влажные хлопья снега.

В Дубултах было ветрено и неуютно, все забегайки в округе нам надо-ели, и мы решили отпраздновать Старый Новый год в Риге, тем более, что наши старшие собутыльники – моряк Гриша Поженян и бывший разведчик Овидий Горчаков имели доступ в рижский Дом кино и соблазнили нас провести новогоднюю ночь среди киношной богемы.

Столик для известных столичных писателей нашёлся чуть ли не в центре низкого зала. Мы уселись, заказали традиционный латышский “Кристалл”, шампанское, миноги и начали потихоньку провожать Старый Новый год.

Поскольку среди нас была единственная женщина – Алла Гербер, то вскоре то ли Гладилин, то ли Аксёнов предложил выпить за неё. Мы подняли бокалы шампанского, стали чокаются с нашей Эсфирью, но тут, встав из-за соседнего стола, к нам выдвинулся грузный, крепко выпивший великан-латыш и, обращаясь к Гербер на ломаном русском языке, громко и отчётливо сказал фразу, смысл которой заключался в том, что он пьёт за то, чтобы древняя латышская столица как можно скорее освободилась от таких жиждовок, как наша Алла.

Зал в Доме кино был небольшой, потолки низкие, голос у латыша зычный... Наступила тягостная тишина, которая тут же разрешилась взрывом, потому что я, умевший в молодые годы (хлебом не корми!) попадать в любые скверные истории, свободной рукою резко ударил снизу лапу латышского медведя-антисемита, да так удачно, что его бокал с шампанским вырвался из толстых пальцев, ударился в низкий потолок, и мы все тут же оказались осыпанными осколками хрусталя и янтарными брызгами божественного напитка.

Что было дальше в эту хрустальную ночь, помню смутно. Меня вырвали из медвежьих объятий латыша, нас растащили, его вывели из зала, празднество продолжалось, латышские киношники (не только евреи!) бросились поздравлять меня с благородным поступком, все восторгались моей спортивной реакцией. Словом, ночь пролетела как нельзя лучше... К утру мы вернулись на такси в Дом творчества. Напомню, что это всё случилось 45 лет тому назад...

А осенью 2007 года в жизни нашей Общественной палаты произошло знаменательное событие. В результате ротации, предусмотренной положением о палате, туда вошли два крупных еврейских функционера – председатель фонда “Холокост” Алла Ефремовна Гербер и руководитель организации со странным названием МБПЧ – “Московское бюро по правам человека” некий Александр Брод, которые заменили собою в Общественной палате двух известных русских писателей Валерия Ганичева и Леонида Бородину... Радиостанция “Свобода”, естественно, поздравила новых членов палаты и устроила с Аллой Гербер пространную беседу. Гербер сразу же сказала, что понятие “Холокост” должно войти в российские школьные учебники, что страна больна ксенофобией и не знает этой страницы истории ей нельзя, что её, Гербер, усилиями в Ростовской области в Змиевской балке, где во время войны было расстреляно несколько тысяч евреев, поставлен памятник жертвам Холокоста – за счёт областного бюджета – на 59 млн руб. (надо было бы с немцев взять, как с правопреемников гитлеровской Германии); что в Общественной палате, кроме неё и Брода, есть “много порядочных и достойных людей” (она вспомнила Тишкова, Сванидзе, Резника); что Холокост – это не еврейская тема, а общечеловеческая; что все цивилизованные государства поощряют изучение Холокоста; что она хотела бы видеть в Общественной палате Егора Гайдара и Михаила Ходорковского (ну, тогда уж и Невзлина с Березовским!), что евреям плохо было жить в “фашистской стране СССР”, “им жить здесь не давали”; что у нас в стране “был фашизм”... Вот такими кадрами пополнилась в 2007 году наша Общественная палата.

А вспоминая историю с “брызгами шампанского”, можно только добавить, что скандал, разразившийся в новогоднюю ночь в рижском Доме кино,

был не случаен, поскольку латышское “гражданское общество” перед началом Второй мировой войны было насквозь пропитано сочным антисемитизмом, о чём рассказала подруга Ахматовой, известная литературоведка Эмма Герштейн в своих воспоминаниях, опубликованных в конце 90-х годов в “Новом мире”. Герштейн так вспоминала о встрече с другом Есенина поэтом Иваном Приблудным:

“С собой он привёл писателя, сына известного экономиста М. И. Туган-Барановского. Он жил в буржуазной Латвии... рассказывал о своей жизни в Риге. Он был женат на еврейке. На взморье были разные пляжи – для евреев и христиан. Он шокировал родню своей жены, показываясь на еврейском участке, а она выглядела белой вороной на христианском. Туган рассказывал об этом, смеясь, а мне казалось, что я слушаю какие-то сказки о доисторических временах”.

В России – царской ли, советской – такое средневековое разделение по разным пляжам – иудейским и христианским – было немыслимо...

Недели через две после новогодней ночи в Риге я зашёл в пивной бар возле нашего Дома творчества в Дубултах, сел за столик – и в шумной атмосфере мужского полупьяного веселья выпил пару кружек холодного рижского пива. Перед уходом огляделся. Грузный высокий человек, сидевший за соседним столиком, оказался мне знакомым. Более того, несколько раз я уловил на себе его внимательные взгляды. Не придав этому значения, я вскоре встал, оделся и вышел на пустынную заснеженную улочку. Сделал несколько шагов и почувствовал: меня кто-то догоняет. Я прибавил шагу, но меня окликнули со спины, я обернулся и тут же получил удар кулаком в лицо – прямо в переносицу. Очки разлетелись вдребезги, а неизвестный, пользуясь моим замешательством, бросился бежать в безлюдный переулок.

Взрыв ярости, столь знакомый мне по юношеским уличным дракам, сорвал меня с места, я рванулся за ним и, поскольку в те годы ещё был в приличной спортивной форме, через несколько мгновений догнал его и непрерывно, как боксёр на ринге, стал молотить бегущего от меня широкими изломанными шагами двухметрового пьяного, грузного человека ударами – в затылок, в ухо, в бычью шею. Мне приходилось чуть ли не подпрыгивать, чтобы достать до его лица, которое он старался закрыть на бегу обеими ладонями. А он ещё и кричал при этом что-то латышское или фашистское.

Моя справедливая ярость после нескольких достигших цели ударов сразу же и схлынула... Удовлетворённый исходом короткой схватки, я набрал жменю свежего снега, умыл своё разгорячённое и окровавленное лицо, вернулся на перекрёсток, пошарил руками в снегу, нашёл разбитые очки... “Сволочь! По очкам ударил!” – я посмотрел вслед своему подлому сопернику, который по инерции ещё бежал от меня, уже успокоившегося и утолившего жажду мести...

Печально вздохнув, я пошёл к Дому творчества, прищуривая близорукие глаза. Но, прокрутив по дороге, словно кинокадры, всё происшедшее, понял, что этот латыш и есть обидчик нашей Аллы Гербер.

Жалко, что я не знал тогда ничего о том, кто зверствовал в Хатыни и в Саласпилсе, о латышском Холокосте, о фашистских карательных отрядах айзсаргов – я бы ещё добавил этому лесному брату...

Ореол защитника оскорблённой Аллы довольно долго светился над моей головой и не раз, как я теперь понимаю, помогал мне в моей литературной жизни. Но как я его мгновенно заработал, так быстро и промотал в течение одного вечера – 21 декабря 1977 года во время знаменитой дискуссии “Классика и мы”.

Гербер же, рассказывая в 2008 году на “Свободе” о музее Освенцима, выразила озабоченность тем, что наши музеи чересчур приукрашивают историю Отечественной войны, что на неё нужно взглянуть по-новому. А тут как раз “по-новому” и взглянули: “бронзового солдата” эстонские неофашисты упрятали с глаз долой, старики-эсэсовцы из батальонов латышских карателей потянулись шеренгами по улицам Риги... Наверняка в их рядах марширует, если он жив, и обидчик Аллы Ефремовны из рижского Дома кино. Вот кого ей надо просвещать и перевоспитывать, вот из какой почвы ей, вместе со Сванидзе и Александром Бродом, надо вырывать корни антисемитизма.

II. Клиника имени Матвиенко

*Молчит Лондон, молчит Нью-Йорк.
И только где-то за много тысяч кило-
метров реёт советская артиллерия
на далёком волжском берегу, упрямо
возвещая великую волю русского народа.*

В. Гроссман

В январе 2000 года, в день освобождения Освенцима советскими войсками, в Стокгольме состоялась международная конференция по Холокосту, в которой участвовали главы многих правительств, эксперты, оставшиеся в живых жертвы Холокоста. Делегацию России возглавляла тогдашняя заместительница председателя правительства Российской Федерации В. И. Матвиенко; по итогам конференции шведы издали книгу “Передайте об этом детям Вашим. История Холокоста в Европе, 1933–1945”¹, написанную шведскими евреями С. Брухфельдом и П. Левиным. Первый из них, как сказано в аннотации, “член Шведского Комитета противодействия антисемитизму”, второй – “эксперт правительственной комиссии по вопросам имущества евреев”. Серьёзные люди. Профессионалы своего дела.

В предисловии к книге, подписанном шведским премьер-министром Йорганом Персоном, сообщается, что “тираж книги в Швеции уже превысил миллион экземпляров” (видимо, по одной книге в каждую семью) и что “основными заказчиками книги стали родители школьников, а также школы, библиотеки и другие гуманитарные организации”. В том же году книга была срочно переведена на русский язык и отпечатана тиражом 20 тыс. экземпляров. Под предисловием к русскому изданию стоит подпись В. И. Матвиенко. Послесловие сочинил бывший замминистра образования, один из крупных чиновников ельцинской эпохи Александр Асмолов.

В сущности, эта книга есть предъявление счёта к европейским народам, которые, соблазнившись фашизмом, объединились (кто вольно, кто невольнo) в фашистскую Европу и совершили множество преступлений против человечества, одно из которых было названо “Холокостом”.

* * *

“Сразу же после поражения в июне 1940 г. режим Виши сам, без давления со стороны немцев, принял ряд антиеврейских законов. Французская полиция с июля 1942-го принимала активное участие в массовых арестах местных евреев”. “Депортировали более 80 тысяч” (шведская книга, стр. 34).

Да что говорить, мы и без этой статистики знали, что в нашем плену после 1945 года остались на несколько лет около 50 тысяч французских фашистов, воевавших в войсках вермахта, и молчали об этом, вспоминая лишь про эскадрилью “Нормандия–Неман”, про французское Соппротивление, потерявшее в борьбе с оккупантами за 6 лет оккупации не более 20 тысяч человек. Много это или мало? Для сравнения скажу, что народы Югославии из 16 миллионов населения потеряли в партизанской борьбе 300 тысяч человек, и даже албанцы из одномиллионного населения – пожертвовали в борьбе за свободу 29-ю тысячами своих сыновей!

Понимая, что его родина была послушной коллаборационистской соратницей Германии, де Голль был вынужден после победы союзников объявить амнистию всем гражданам “прекрасной Франции”, служившим немцам, амнистировал сотни тысяч публичных француженок, обслуживавших гестаповцев и оккупационные части вермахта. Одним словом, то, что Франция была объявлена одной из стран-победительниц – является политическим спектаклем, который поставили Сталин, Черчилль и Рузвельт, чтобы показать всему миру монолитность и величие антигитлеровской коалиции и кое-как замазать грехопадение объединённой коричневой Европы.

Из книги “Протоколы Эйхмана”:

“Только после того, как во Франции утвердило своё влияние СС, уполномоченный по еврейскому вопросу Даннекер и его руководитель Эйхман смог-

¹ В дальнейшем для краткости я буду называть её “шведская книга”.

ли послать французских полицейских на “охоту за евреями”, а когда гестаповские полицейские команды привлекли к этому ещё французских антисемитов и фашистов, число депортируемых стало расти. В 1940 г. ушли на Восток только три состава с евреями, в 1941 г. их было девятнадцать, в 1942 г. — сто четыре и в 1943 г. — двести пятьдесят эшелонов” (стр. 120).

Из допроса Эйхмана: “Эта телеграмма в отдел IV В4, мне в Берлин. Гауптштурмфюрер Даннекер сообщает, что переговоры, ведущиеся с французским правительством в Виши, дали следующие результаты: “Выдать для выдворения из Франции всех евреев без гражданства, проживающих в оккупированной зоне. Премьер-министр Лаваль предложил, чтобы при выдворении еврейских семей из неоккупированной зоны брали и детей моложе 16 лет. Вопрос об остающихся в оккупированной зоне детях его не интересует. Поэтому я прошу о срочном решении — можно ли, начиная примерно с 15-го эшелона с евреями из Франции, отправлять и детей моложе 16 лет?” (стр. 126).

Так что, если положить на весы истории деяния французских фашистов и подвиги эскадрильи “Нормандия—Неман” вместе с сопротивлением “маки”, то антифашистская чаша легко взлетит вверх.

* * *

В 1944 году “в течение 42 дней, начиная с середины мая, более чем четыреста тридцать семь тысяч венгерских евреев были отправлены в Освенцим—Биркенау... в конце 1944 ещё около тридцати тысяч евреев погибли во время так называемых “маршей смерти” к австрийской границе или от рук венгерских нацистов”... (шведская книга, стр. 35).

Да, вклад Венгрии в Холокост был, пожалуй, самым впечатляющим из всех стран фашистской Европы — почти полмиллиона евреев!

Правда, в Польше их погибло гораздо больше, в том числе благодаря польскому “классическому антисемитизму”, но Польши как государства во время работы Освенцима и Трешлинки не существовало, она была оккупирована, и потому венгерский вклад в Холокост, сделанный, что ни говори, во время существования Венгрии как государства, куда более отвратителен и подсуден. Хотя если разматывать весь клубок польской и венгерской распри с евреями, то очень не просто понять, чей антисемитизм круче — и почему.

Разбирая недавно свой архив, я нашёл газетную вырезку из “Советской России” за ноябрь 1991 года, 35 лет со дня Будапештского восстания 1956 года. В статье свидетеля венгерских событий журналиста Евгения Попова “По Будапешту на танке” были подчёркнуты моей рукой строки: “Демонстрация молодёжи устремилась к венгерскому радио... при попытке демонстрантов захватить здание пролилась первая кровь. На стенах домов появились антисемитские и антикоммунистические надписи. События приняли неуправляемый характер. Были осквернены памятники советским воинам”. “Антисемитские надписи” — редкая проговорка для подцензурной советской прессы.

Венгерское восстание 1956 года — самое тёмное пятно в советской историографии. Что случилось той осенью в Будапеште? Какие силы (помимо американо-советских) столкнулись в этой короткой, но отчаянной и кровопролитной схватке? Историки советской эпохи, как черти от ладана, отворачивались от этого выброса почти inferнальной ненависти.

А на деле в Венгрии произошла необыкновенно жестокая вспышка гражданской войны венгерских националистов с еврейской и проеврейской коммунистической и чекистской властью.

Националистическая венгерская прослойка попыталась повторить то, что уже происходило в Венгрии в 1919 году, когда было потоплено в крови правительство Бела Куна — еврейский спецназ, представлявший элиту европейского и мирового интернационала, когда сам вождь вместе со своими соратниками-соплеменниками Матиасом Ракоши, Эдвардом Гёре, Тибором Самуэли — были вышвырнуты озверевшим народом в центр мировой революции — в Москву, в советскую Россию.

Вот что сообщает американо-еврейская газета “Форум” (от 3 августа 2007 г.) о режиме Бела Куна:

“Среди 48 народных комиссаров (министров) его правительства 30 были евреями, а среди 202 высших должностных лиц евреев было 161”.

Честно говоря, даже при тотальном засилье евреев в ленинскую и раннюю сталинскую эпоху в Советском Союзе их пропорциональное представительство в высших эшелонах власти было всё-таки поскромнее. Может быть, именно потому венгерское восстание 1919 года против Бела Куна и его клики было столь яростным и кровопролитным. И не по этой ли причине дальнейшее “холокостное” отщепенство венгров-националистов в эпоху фашистского союзничества Венгрии и Германии в 1944 году по отношению к венгерским евреям была столь ужасающим. Венгры – народ куда более страстный и вспыльчивый, нежели славяне.

В 1956 году произошло нечто похожее: для еврейской властной структуры, возглавляемой уже не Бела Куном, расстрелянным в 1937 году, а его постаревшим сподвижником Матиасом Ракоши, и воцарившейся в послевоенной Венгрии с помощью наших штыков еврейской партийно-чекистской бюрократии наступил своеобразный 1937 (или 1919-й?) год. Историк Г. Костырченко в книге “Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм” так характеризует венгерскую послевоенную высшую элиту:

“М. Ракоши, будучи сам евреем (как М. Фаркаш, Й. Реван, Э. Гере, Г. Петер и другие его ближайшие соратники)... ещё в мае 1945 года проинформировал Москву о массовом вступлении евреев в ряды компартии Венгрии, назвав это серьёзной угрозой для её будущего. Свои опасения Ракоши мотивировал пропагандой враждебных буржуазных сил, которые распространяли слухи о том, что венгерская компартия – это “еврейская фашистская партия” и что повторяется 1919 год. Когда руководство состояло исключительно из евреев во главе с Б. Куном”...

После окончания войны прошло всего лишь одиннадцать лет. Прослойка бывших венгерских фашистов, в числе которых было почти полмиллиона возвратившихся из советского плена 35–40-летних крепких мужчин, обученных воевать, поддерживаемая националистической молодёжью – венгерским “гитлерюгендом”, – в течение нескольких дней смела венгеро-советскую власть. Восставшие понимали, что в разгаре холодная война, Америка во имя высшей цели – борьбы с СССР – поддержит их, закроет глаза на вспышку венгерского антисемитизма, – и это развязало им руки. Трупы сотен евреев из госбезопасности и ЦК венгерской компартии валялись на улицах и площадях Будапешта, висели вниз головами, подвешенные за ноги на венгерских липах... Из воспоминаний генерал-лейтенанта А. Малашенко “Особый корпус в огне Будапешта”:

“В толпе раздавались свист и выкрики: “Нам не нужны гимнастёрки”, “Долой Красную звезду!”, “Долой коммунистов!”, “Долой евреев!” (Военно-исторический журнал, № 10, 1993 г.).

Из статьи венгерского историка Йожефа Форижа, написанной в 1989 г., но поскольку в переходящей на демократические рельсы Венгрии она не могла быть напечатана, то автор опубликовал её в “ВИЖе” № 8 за 1990 г.:

“Проявлением этого национализма был немедленно всплывший антисемитизм... старшего лейтенанта Яноша Бачи, попавшего в плен при осаде здания радио, повесили во дворе потому, что его посчитали евреем”.

“Не мешало бы репортёрам и сотрудникам еврейского происхождения телевидения и радио, регулярно натравливающим на существующую народную власть, питающим надежду на какое-то буржуазное преобразование, вспомнить о вышесказанном. Их судьба была бы очень сомнительна после преобразования такого рода” (из книги В. А. Крючкова “Личное дело”, М., Эксмо, 2003, стр. 45).

“Лозунги произносились самые разные – от социалистических до откровенно фашистских <...> тотчас же после ухода наших войск начался дикий разгул грабежей и насилия. Самосуды вершились один за другим. В Будапеште на фонарных столбах вешали коммунистов, “агентов Москвы”; “О контрреволюционном характере событий свидетельствуют идеи, провозглашённые участниками: антикоммунизм, национализм, антисоветизм, антисемитизм” (стр. 51).

Поэтому, видимо, весьма недвусмысленно и твёрдо прозвучали слова из приказа Главнокомандующего объединёнными вооружёнными силами Варшавского пакта маршала И. С. Конева, повелевающие раздавить венгерских мятежников:

“События показали, что активное участие в этой аванюре бывших хортистов ведёт к возрождению в Венгрии фашизма и создаёт прямую угрозу на-

шему Отечеству... нельзя забывать, что в минувшей войне хортистская Венгрия выступала против нашей Родины вместе с гитлеровской Германией” (ВИЖ, № 12, 1993 г.)

А мы забыли об этом на 12 лет, и лишь ноябрь 1956-го в Будапеште вернул нам память...

В августе 2008 года я получил письмо из белорусской Орши от Сергея Лысковского, служившего в нашей армии осенью 1956 г. в Венгрии и видевшего путч своими глазами.

Вот несколько отрывков из его письма:

“С 26-го по 30.Х в пригороде Дебрецена банды уничтожали семьи наших офицеров и тех, кто их приютил <...> Утром вижу у казармы – листовок полно! На фото – наши солдатики без голов, за ноги привязаны на вагонах-телятниках <...> на дорогах оставляли младенцев. Вылезет сердобольный наш танкист убрать с пути – и гибнет <...> Один танк, сбив перила моста, слетел в реку – и все погибли: не мог водитель задавить дитя”.

На такого рода садистскую жестокость едва ли были способны венгерские студенты – по официальной версии, якобы главная сила венгерского путча. Это дела и опыт бывших оккупантов – солдат рейха. И ещё из письма Лысковского: “ЕБН (Ельцин. – Ст. К.) покаялся перед хортистской Венгрией”.

Вчерашние венгерские военнопленные подтвердили в эти дни свою репутацию жесточайших карателей, которую они заработали на оккупированной советской земле... И у Москвы, конечно, независимо от решения “еврейского вопроса” в Венгрии, независимо от того, какой национальности был посол Советского Союза в Будапеште Андропов (у русских образовались свои счёты с венграми), был единственный выход: раздавить эту попытку фашистского реванша танками и посадить во власть вместо ненавидимых венграми евреев коренных, но умеренных венгров, вроде Яноша Кадара, у которого, кстати, в тайных застенках при Матиасе Ракоши на руках были вырваны ногти.

Конечно же, в дни лихорадочной политической чехарды, неудавшейся попытки опереться на Имре Надя Москве было выгодно объявить всё происходящее происками американского империализма (что отчасти соответствовало истине) и ни в коем случае не выявлять “антисемитскую составляющую” бунта. Не забудем, что на дворе стоял 1956 год с недавним XX съездом КПСС, с осуждением сталинского “антисемитского” 1937-го, да и 1949 года. А тут, как на грех – венгерский “антисемитский реванш”...

Но одно меня озадачивает до сих пор: почему наши еврейские либералы всю последующую историю восхваляли венгерский 1956 год, как восстание против советского тоталитаризма, как борьбу под лозунгом “За нашу и вашу свободу”? Или их ненависть к социализму настолько мутила разум, что они в упор не видели антисемитской закваски венгерского взрыва и, проклиная сталинский 1937 год, одновременно оплакивали поражение венгерского термидора?

Полвека прошло с тех пор, и всё равно у нашей либеральной образованщины в душе ещё чадит это антисоветское пламя (с антисемитским отблеском!). Свидетельство тому – шабаш на радиостанции “Свобода”, где в ноябре 2006 года собравшиеся на этот кровавый юбилей восстания кадили ему славу и читали стихи своих кумиров, прославлявших в 1956 году антисоветский и антисемитский путч. Конечно, вспомнили стихи Манделя-Коржавина:

*Я живу от нужды без надежды,
Я лишён и судьбы и души,
Я однажды восстал в Будапеште
Против фальши, насилья и лжи.*

(Цитирую, как запомнилось со слов кого-то из выступавших, кажется, Наталья Ивановой).

Своим хрипловатым тенорком делился воспоминаниями о пятьдесят шестом годе Юз Алешковский: “Свет промелькнул! Мы ненавидели советский режим и с радостью сообщали друг другу, что Венгрия восстала”. Хорошо бы спросить Юза Алешковского вместе с Наумом Коржавиным, а от кого, по-ихнему, бежало в ноябре 1956 года во Францию семейство Саркози – от советских танков или от венгерских антисемитов?

Прозвучали на “Свободе” и песенные строки Владимира Высоцкого, прокливающего наше усмирение Будапешта, а заодно и Праги:

*Мне сердце разрывает Будапешт,
Мне сердце разрывает Злата Прага.*

Как же надо было страстно и слепо ненавидеть свою родину, свой народ, свою трагическую историю, чтобы забыть о том, сколько горя принесли нам венгерские оккупанты во время войны, чтобы не понимать антисемитскую подкладку будапештского бунта, чтобы забыть, как чешские legionеры дважды прошли с огнём и мечом по нашим землям – в 1919 году в составе чехословацкого корпуса и в 1941–45 годах в составе коричневого рейха (их, этих добродушных швейков, в нашем плену было, конечно, меньше, чем венгров, но всё-таки около 50 тысяч человек!). В основном это были водители немецких “тигров” и “фердинандов”.

Жаль, что в роковые ноябрьские дни 1956 года ни Коржавин-Мандель, ни Юз Алешковский, ни Владимир Высоцкий не были в Будапеште. Если остались бы живы и всё повидали бы собственными глазами, то, думаю, никогда не писали бы таких глупых и подлых по отношению к своей родине стихов и песен. Да и как можно было забыть – разве что в припадке антисоветского вдохновения – этим двум евреям, Коржавину и Алешковскому (да и Высоцкий полукровка), о том, что рекордное количество евреев в 1944 году (около полумиллиона и всего за 42 дня!) было собрано при помощи венгерского населения и отправлено благодаря чрезвычайным усилиям венгерской администрации, жандармерии и прочих силовых структур в Освенцим на возведение оборонительных рубежей перед наступающей советской армией. Конечно, в Венгрии еврейским вопросом занимался Эйхман, но страна была в известной степени самостоятельной и управлялась диктаторами, сначала Хорти, а потом Салаши, – коренными венграми. Без помощи венгров на разных уровнях такую грандиозную акцию было провести невозможно. Из протоколов допроса Эйхмана:

“В непринуждённой беседе за стаканом венгерского вина я сообщил им (Ласло Эндре и Ласло Бать – статс-секретари венгерского министерства внутренних дел. – Ст. К.), что Гитлер отдал приказ немецкой полиции, что он будет рад, если венгерских евреев <...> отправят в Освенцим. Затем я объяснил им, что хочет рейхсфюрер: предельный возраст 60 лет, не надо нетрудоспособных мужчин, нетрудоспособных женщин и детей; питание на два дня, жесткого обращения по возможности избегать (значит, везли не в газовые камеры, не для “окончательного решения еврейского вопроса”, а на принудительные работы. – Ст. К.). Венгерская полиция провела в Будапеште эти мероприятия с евреями. . . Доктору Эндре пришлось договариваться с венгерской жандармерией, потому что там возникли разногласия – они хотели брать всех подряд, без ограничений возраста” (стр. 187).

А совсем недавно, в сентябре 2008 года, я участвовал в телевизионной передаче, посвящённой “оттепели”. И критик Наталья Иванова вспоминала стихи своего покойного мужа Александра Рыбакова. Я не запомнил их полностью, но строки *“Ах, романтика, синий дым, в Будапеште советские танки”* – остались в памяти, тем более что в конце с пафосом были причитания: *“Сколько крови в подвалах Лубянки”*. . . А сколько еврейской крови было на улицах Будапешта? Об этом, конечно, не желали думать ни Наталья Иванова, ни её покойный муж, сын писателя Анатолия Рыбакова, автора известных в своё время романов *“Дети Арбата”* и *“Тяжёлый песок”*, романов о еврейских судьбах. Традиции венгерского антисемитизма неискоренимы. Не случайно во время нынешнего тотального кризиса, приведшего Венгрию на грань банкротства, они ожили в стране, которая совсем недавно бурно торжествовала своё вступление в Европейское сообщество. А в апреле 2009 года капитан мадьярской гвардии Андраш Драшкевич уже заявил в своей речи на Венгерском государственном телевидении: *“Евреи управляют миром. Для их фокусов нужно лишь два миллиарда человек, а остальная часть человечества будет уничтожена”* (*“Еврейская газета”*, № 5, 2009 г., статья Д. Спритца *“Чем подгребают себя ультраправые”*).

Если синедрин верховных жрецов выносит какие-то решения, то мелкие жрецы-шестёрки должны проглотить язык, склонить головы и в упор не видеть, не вспоминать, как терзали венгерские фашисты венгерских евреев в 1956 году. Дуглас Рид в книге *“Спор о Сионе”* почти понимал сущность происходящего, когда писал, что *“советская военная машина подавила народное*

восстание в Венгрии, восстановив в этой стране еврейско-коммунистический режим...” Но мелким жрецам было приказано закрыть глаза на еврейскую кровь 1956 года: на кону лежало нечто большее. Надо быть осудить ввод советских танков в Будапешт и получить козырную карту для шельмования Советского Союза вплоть до окончательной победы над ним. “Ведущие еврейские организации Америки, — пишет Н. Финкельштейн в книге “Индустрия Холокоста”, — даже вступление советских войск в Венгрию в 1956 году заклемили как “лишь первую станцию на пути в русский Освенцим” (стр. 15). Какая абсурдная логика! Наоборот, нечто подобное гитлеровской Хрустальной ночи, то есть еврейский погром, бушевал на улицах Будапешта. И если не всех евреев в те дни истребило венгерское “народное восстание” (по словам Дугласа Рида), то лишь потому, что в город вошли советские танки. Точно так же в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века шестеркам Холокоста было приказано не вспоминать о вкладе в Холокост украинских палачей Романа Шухевича, оуновцев и бандеровцев, организовавших резню евреев на Львовщине, о латышских лагерях смерти, куда евреев сгоняли местные националисты, об эстонских карателях, спаливших вместе с жителями белорусскую Хатынь... Им, этим шестёркам, был дан приказ поддерживать все “народные фронты”, все “Саюдисы” и “Рухи”, чтобы те завершили главное дело по развалу Союза. И лишь потом, когда “поезд ушёл”, когда бывшие республики благодаря своим националистам стали “незалежными государствами”, Синедрион развернулся на 180 градусов и прикрикнул на своих лакеев, чтобы они утихомирили антисемитскую прыть.

Когда у мировых владык есть высшие цели, более значительные, нежели лицемерная защита овец израилевых, то они с лёгким сердцем “сдают” своё послушное стадо. Точно так же, как сдавали его вожди сионизма во время торговли с гитлеровской элитой.

* * *

Вопреки расхожему мнению о том, что итальянцы были всего лишь навсего особыми апеннинскими фашистами и отнюдь не расистами и антисемитами, они всё-таки внесли, как утверждает шведская книга, скромный вклад в общеевропейское дело “Холокоста”: “В июле 1943 года немецким войскам при поддержке итальянских нацистов удалось захватить восемь из тридцати пяти тысяч местных евреев и депортировать их в Освенцим” (стр. 35, шведская книга).

Особую жестокость в геноциде и сербов и евреев проявило небольшое, но кроваважное хорватское государство — вернейший союзник гитлеровской Германии, руководимое усташами Анте Павелича: “Хорватских евреев обязали носить “Звезду Давида”, а их собственность была конфискована. Только в концлагере Ясенево были убиты десятки тысяч сербов и двадцать из тридцати тысяч хорватских евреев. К концу октября 1941 года почти все евреи Хорватии были уничтожены. Около семи тысяч уцелевших чуть позже отправили в Освенцим. Всего же за время войны лишились жизни более шестидесяти тысяч югославских евреев” (стр. 35, шведская книга). Но как изменилось за полвека время! Как либеральный Запад в наши дни поддержал гитлеровскую антисемитскую союзницу Хорватию и сокрушал антифашистскую, непокорную Сербию!

...Ну и, конечно, румыны... Когда-то знаменитый немец фон Бисмарк произнёс опрометчивую фразу, что “румыны — это не нация, это профессия”. Может быть, поэтому, став верными сателлитами фашистской Германии, румыны сделали всё, чтобы доказать немцам, что они — нация, и отправили несколько сот тысяч своих солдат на Восточный фронт, и с евреями, как утверждает шведская книга, поступили, как потомки римских легионеров: “К началу войны в Румынии проживали свыше семисот пятидесяти тысяч евреев. Около ста шестидесяти тысяч из них были доведены до голодной смерти или расстреляны румынскими и немецкими войсками в Бессарабии и Буковине, а ещё сто пятьдесят тысяч отправили в Транснистрию, где в большинстве своём они были уничтожены вместе с местными евреями” (стр. 35, шведская книга).

О голландцах и норвежцах сказать почти нечего, их вклад в общеевропейское дело ничтожен: при помощи соратников Квислинга всего лишь пятьсот тридцать два норвежских еврея были в 1942 году насильно посажены на не-

мецкое судно “СС Донау” – и с тех пор их никто не видел в Норвегии. А голландцы за все годы войны собрали по всей стране один-единственный эшелон евреев – чуть больше трёх тысяч, и отправили их в концлагерь Собибор, за что доселе они обязаны соблюдать культ новой святой Холокоста Анны Франк. Дело дошло до того, что недавно чиновники местного самоуправления в Амстердаме обнаружили, что старый, чуть ли не столетнего возраста каштан возле её дома почти сгнил, вот-вот рухнет на соседний дом, и решили его спилить. Но еврейская община запротестовала (оказывается, Анна Франк, умершая в 1945 г., упоминала об этом каштане в своём дневнике, часть которого, кстати, записана шариковой ручкой послевоенного производства), подала на чиновников в суд, который принял решение сохранить каштан, и сейчас специалисты ломают головы, как омолодить сгнившее дерево. Об этой мелодраме пишет московский ежемесячник “Холокост” в № 1 за 2008 г.

Культ несчастной и ничем не примечательной еврейской девочки в послевоенные годы усилиями жрецов Холокоста приобрёл невиданные и даже уродливые масштабы и формы. Как сообщает энциклопедия “Холокост” (изд. “Роспэн”, М., 2005 г.), “улицы, школы, деревни и леса были названы в её честь. Картины и статуи увековечили её образ. В память о ней сочинялись стихи и песни... В 1957 году отец Ф. увековечил память о дочери тем, что помог основать фонд Анны Франк в Амстердаме” (стр. 647).

Даже известная исследовательница истории Холокоста Ханна Арендт была настолько обескуражена этой коммерческой кампанией, что в 1962 году с горечью заметила: “поклонение Анне Франк стало формой дешёвой сентиментальности за счёт великой катастрофы” (там же).

Более того, энциклопедия “Холокост” утверждает, что “выжившие узники лагерей и др. люди выражают негодование и сожаление по поводу того, что считают эксплуатацией культа Франк”.

Сказано хотя и косноязычно, но по существу дела.

* * *

А вот ещё любопытные сведения из шведской книги.

В 1944 году видные деятели международного еврейства обратились к англичанам, чья авиация уже владела воздушным пространством над всей Европой, с просьбой подвергнуть бомбардировкам железные дороги, ведущие из Венгрии к Освенциму, чтобы прекратить депортацию евреев через Словакию в лагерь смерти. “Шёл последний год войны, союзные войска контролировали воздушное пространство Европы. Американские бомбардировщики почти ежедневно пролетали над лагерем, однако в силу ряда причин американское и британское командование отказывалось отдать приказ о бомбардировке... Некоторые официальные объяснения, сделанные во время войны, звучат цинично. Вот какой ответ дал член британского кабинета Ричард Лоу известному еврейскому общественному деятелю Хаиму Вейцману: “Довожу до Вашего сведения, что после детального изучения данного вопроса командование наших ВВС вынуждено отклонить ваше предложение в связи с большими техническими сложностями...” Одни историки видели причину отказа от бомбардировок в антисемитизме <...>, но как бы то ни было, факт остаётся фактом: реальная возможность спасти тысячи людей от газовых камер так и не была использована...” (стр. 80, шведская книга).

Правда, на Тегеранской “ахмадинежадовской” конференции по Холокосту была высказана ещё одна точка зрения – почему западные союзники не бомбили подъездные пути к Освенциму: сохранилось множество фотоснимков лагеря с самолётов, на которых не видно было ни действующих газовых печей, ни дымящих труб, ни исполинских костров, на которых якобы постоянно сжигались десятки тысяч трупов. Если это так, то отказ британцев бомбить железнодорожные пути, ведущие к газовым печам – вполне логичен. Если тегеранские историки не правы, и англичане виноваты, то Алле Гербер необходимо удвоить свои усилия, чтобы английские школьники узнали о подлом поведении английской элиты по отношению к несчастному европейскому еврейству.

Конечно, у Англии с Америкой рыльца в пушку!

“13 мая 1939 г. около тысячи еврейских беженцев, спасаясь от нацистов, покинули Гамбург на борту немецкого парохода “Сент-Луис” и отправились на

Кубу. Однако Куба отказалась их принять. Попытки получить убежище в США тоже ни к чему не привели. 17 июня после месяца странствий пассажирам пришлось сойти на берег в Антверпене. Большинство, в конце концов, оказались в руках нацистов и погибли в лагерях уничтожения” (стр. 79, шведская книга).

Бедные евреи! Ну то, что их не любили венгры за белакуновскую революцию 1919 года – это хоть можно понять и объяснить. Были причины нелюбви и у поляков к евреям – за века жестокого взаимного конкурентного существования, когда они накопили друг против друга немало взаимных обид; даже французов понять можно, если вспомнить то унижение, которое испытала Франция в эпоху “дела Дрейфуса”...

Но за что кубинцы и американцы отказались помочь евреям? Разве что только из расчётливого эгоизма, замешенного на протестантской этике и католическом антисемитизме...

Жаль, что евреи до сих пор не решились выставить денежный счёт высокомерным янки за тысячу своих мучеников Холокоста, попавших в Освенцим по их вине. Ведь сумели же они слупить хорошие деньги со швейцарцев, которые во время войны подобно американцам не впускали евреев, искавших спасения, в нейтральную Швейцарию! А если те и проникали нелегально, то бдительные швейцарцы сразу же выдавали их обратно немцам на расправу.

К слову говоря, после 17 сентября 1939 года, когда под напором вермахта рухнуло Польское государство и ещё не установилась окончательно граница между Германией и СССР, рассёкшая Польшу “по линии Керзона”, и когда волна Польских евреев, не желавших оставаться под властью Гитлера, хлынула на советскую сторону, мы, в отличие от американцев, приняли их всех и тем самым спасли от неизбежной гибели в Освенциме или в Трешлинке. Они автоматически стали советскими гражданами, поскольку проживали в местечках Западной Украины и Западной Белоруссии. А их было около 2 миллионов. Так что “мировая общественность” (в том числе, конечно, и еврейская) должна быть благодарна Советскому Союзу за то, что пакт Молотова–Риббентропа значительно уменьшил цифру реальных потерь еврейства во время Холокоста. И Сталина следовало бы поблагодарить за присоединение прибалтийских государств и Бессарабии с Буковиной к Советскому Союзу. Всё-таки евреям из этих земель было куда бежать в начале войны – на Восток, чем многие из них и воспользовались. А если бы война застала их в Польском государстве, в независимых прибалтийских странах, то их ждало бы “окончательное и стопроцентное решение вопроса”. Немало я встречал в своей жизни евреев, ставших в 1939–1940 году гражданами СССР, убежавших в 1941 году в тыл страны, что их и спасло. Так почему же нынешнее еврейство проклинает пакт Молотова–Риббентропа, аннексию Западной Украины и Западной Белоруссии, “оккупацию Прибалтики”? Не понимаю... Хотя эта психологическая ситуация, в общем, та же, что и с оценкой “прогрессивной общественностью” венгерского 1956 года...

Из шведской книги:

“К началу 1942 г. айнзацгруппы с помощью войск СС, полиции, вермахта и местных коллаборационистов уничтожили на советской территории более миллиона человек” (стр. 85). Это тех евреев, которые, к сожалению, не успели убежать на Восток. “При проведении карательных операций в Прибалтике айнзацгруппы получали значительную помощь от местной полиции”. “Айнзацгруппы, действовавшие в Восточной Европе и на территории бывшего СССР, при поддержке полицейских батальонов и других подразделений уничтожили около двух миллионов человек” (стр. 53).

В каждом из “лагерей смерти” – Бельжец, Собибор, Трешлинка – “работали примерно тридцать немецких солдат и около сотни наёмников из Украины и стран Прибалтики” (стр. 56).

Вот куда надо отправляться “миссионерствовать” и внедрять новую мировую религию Холокоста нашей Алле Гербер с её верными помощниками. А заодно посетить Польшу, селение Едвабне, где поляки-антисемиты сожгли в закрытых конюшнях около 2 тысяч своих едвабненских евреев, где несколько еврейских погромов было в 1946 году, уже “после Освенцима”, что случилось, впрочем, и в Венгрии, где произошли еврейские погромы в Кунмодарше (май 1945 г.) и в Мишкольце (июнь 1945 г.!) Сведения взяты из энциклопедии “Холокост”, стр. 138.

Из шведской книги о поляках:

“Многие доносили немецким властям о побегах евреев из гетто или, взяв у беглецов деньги за предоставление им убежища, затем выдавали их нацистам” (стр. 77).

А что происходило в Польше после войны, в 1946 году, “после Освенцима”?

“Когда около трёхсот тысяч уцелевших евреев – из трёх миллионов, живших в Польше до войны, – вернулись домой, они были встречены в лучшем случае холодно, а в худшем – откровенно враждебно. Случались погромы, из-за которых многим евреям пришлось эмигрировать” (стр. 77).

Так что памятники убитым евреям во время погромов 1946 года надо ставить в польских городах – в Кельцах, в Парчеве, в Люблине. Это последние настоящие погромы в Европе, ставшие добавлением к уже прошедшему Холокосту... И о двух венгерских погромах надо вспомнить.

В общем, шведская книга о Холокосте составлена не без пропагандистского красноречия – но с цифрами, с фактами, с фамилиями. Главная её ценность заключается в том, что она убедительно доказывает: родина Холокоста не только Германия, но вся коричневая Европа, которую надо до сих пор переспитывать.

А что же наша страна? Боролась она с “катастрофой” или способствовала ей? В этой книге много чего сказано о Советском Союзе, но в основном, к сожалению, глупого, лживого и даже смешного.

“Советский Союз вёл борьбу за выживание и, хотя почти ничего не сделал, чтобы помочь евреям, нельзя не признать, что во время войны это государство евреев не дискриминировало” (стр. 74).

Ну, спасибо, признали, похвалили... Неужели госпожа Матвиенко, написавшая предисловие к этой книге и благословившая её издание в России, не знает, что именно советские войска, неся громадные потери, освободили оставшихся в живых евреев из главных лагерей смерти: из Освенцима, из Трешлинки, из Майданека, из Собибора, из Бельжеца, из Хелмно, из Равенсбрюка, из Саласпилса, из Вильнюсского, Минского, Каунасского, Винницкого и прочих многочисленных гетто... Зная, что Советский Союз, освобождая Европу от коричневой чумы, пожертвовал более чем двадцатью миллионами своих сыновей и дочерей, зная, что только прямые военные потери составляют девять миллионов самых сильных и самых молодых мужчин нашего народа, зная, что только в ленинградской блокаде погибло около миллиона её земляков – тогдашний вице-премьер правительства России, нынешний губернатор Санкт-Петербурга Валентина Ивановна Матвиенко благословляет унизительную клевету на державу-победительницу и её героический народ:

“В западных исследованиях Холокоста до недавних пор в категорию “наблюдателей” попадали, прежде всего, нейтральные страны, например Швеция и Швейцария, а также страны, участвовавшие в войне на стороне союзников (Советский Союз, США, Великобритания). Можно сказать, что все они стояли в стороне, пока гитлеровская Германия уничтожала миллионы людей” (шведская книга, стр. 94). Да вы, Валентина Ивановна, рекомендуя эту книгу к изданию, просто вытерли ноги нашим Знаменем Победы.

Вы, госпожа Матвиенко, вместе с составителями и авторами шведской книги, чтобы оболгать итоги Великой Отечественной войны и нашей Победы, чтобы изобразить Советский Союз антисемитским государством, умолчали о знаменитой книге Василия Гроссмана “Трешлинский ад”, в которой будущий кумир либеральной еврейской интеллигенции писал в 1944 году после посещения Трешлинки честную правду о том, что спасение евреев, томящихся в гитлеровских концлагерях, зависело только от Советской Армии:

“Весь мир молчит, подавленный, поработённый шайкой захвативших власть бандитов. Молчит Лондон, молчит Нью-Йорк. И только где-то за много тысяч километров ревет советская артиллерия на далёком волжском берегу, упрямо возвещая великую волю русского народа к смертной борьбе за свободу, будоража, сзывая на борьбу народы мира”.

Если вам, госпожа Матвиенко, этого гроссмановского свидетельства мало – приведём ещё одно: **“Видно, ужасна была сила русского удара на Волге, если сам Гиммлер прилетел самолётом в Трешлинку и приказал срочно замести следы преступления, совершённого в 60 километрах от Варшавы. Такое эхо вызвал могучий удар русских, нанесённый немцам**

на Волге <...> и разве не удивительный символ, что в Треблинку под Варшаву пришла одна из победоносных сталинградских армий”.

А вот ещё одно свидетельство честного летописца войны Василия Гроссмана о “Треблинском аде” и еврейском мальчике: **“Рассказывали о мальчике, кричавшем у входа в “газовню”: “Русские отмстят, мама, не плачь”.**

Обратите внимание, Валентина Ивановна, на одну особенность гроссмановского повествования: **“воля русского народа”, “сила русского удара”, “русские отмстят”...**

В 2008 г. в одной из передач на радиостанции “Свобода” Алла Гербер заявила, что фашизм и сталинизм это одно и то же, что это ей стало ясно после того, как она прочитала книги Василия Гроссмана. Я не знаю, из каких книг председательница фонда “Холокост” это вычитала, но очень советую ей перечитать “Треблинский ад” и выучить наизусть хотя бы такие нетленные скрижали гроссмановского текста: **“Невольню ещё раз хочется преклониться перед теми, кто осенью 1942 года при молчании всего ныне столь шумного и победоносного мира вёл бой в Сталинграде против немецкой армии, за спиной которой дымилась и клокотали реки невинной крови. Красная Армия – вот кто помешал Гитлеру сохранить тайну Треблинки”.**

Алле Гербер и Валентине Матвиенко по их статусу должно знать, что писал выдающийся антифашист Василий Гроссман об уничтожении узников Треблинки 23 июля 1944 года: **“Удалось спастись варшавскому столюру Максу Левиту <...> он рассказал, как, лёжа в яме, слушал пение тридцати мальчиков, перед расстрелом затянувших песню “Широка страна моя родная”, и слышал, как один из мальчиков крикнул: “Сталин отмстит”.**

Так что Вы, Валентина Ивановна и Алла Ефремовна, вольно или невольню глумитесь над убеждениями Василия Гроссмана, который своим честным пером свидетеля, очевидца и участника Священной Войны написал на скрижалях истории, что все свои надежды на спасение оставшиеся в живых евреи возлагали на Советскую Армию, на русский народ и на Иосифа Сталина...

Помимо размышлений В. Гроссмана о Треблинке я рекомендую Алле Гербер, поставившей на одну доску фашизм и сталинизм, прочитать толстый роман её кумира “За правое дело”, посвящённый Отечественной войне и Сталинградской эпопее. В художественном отношении это весьма посредственная книга, но тем не менее ясно выразившая мировоззрение и убеждения автора. Не могу не привести несколько отрывков из неё.

О советской истории 20–30-х годов:

“Рабочий и крестьянин стали управителями жизни <...> родилось невиданное в России народное просвещение, которое можно сравнить лишь со взрывом солнечного света астрономической силы <...> Простые люди, “четвёртое сословие”, рабочие и крестьяне внесли свой простой, сильный и своеобразный характер в мир высших государственных отношений – стали маршалами, генералами, областными и районными руководителями, отцами гигантских городов, управителями рудников, заводов и земельных угодий” (стр. 43).

О Сталинградской битве: **“В роковые часы гибели огромного города свершалось нечто поистине великое – в крови и в раскалённом каменном тумане рождалось не рабство России, не гибель её; среди горячего пепла и дыма неистребимо жила и упрямо пробивалась сила советского человека, его любви, верности свободе, и эта неистребимая сила торжествовала над ужасным, но тщетным насилием поработителей” (стр. 393).**

О легендарном параде 7 ноября 1941 г.: **“Красная площадь казалась Крымову широкой дышащей грудью России – выпуклая, живая грудь, над которой поднимался тёплый пар дыхания. И то широкое небо, что видел он в осенних брянских лесах, русское небо, впитавшее в себя холм военного ненастья, низко опустилось над Кремлём.**

В шинелях, в мятых шапках-ушанках, в больших кирзовых сапогах стояли в строю красноармейцы <...> То стояло войско народной войны. Красноармейцы украдкой утирали лица от тающего снега, кто брезентовой потемневшей от влаги варежкой, кто платочком, кто ладонью <...> Сталин приблизился к микрофону, заговорил. Крымов не мог разглядеть его лицо – туман и утренняя мгла мешали смотреть. Но слова Сталина отлично доходили до Крымова.

– **Смерть немецким оккупантам!** – сказал он и поднял руку. – **Вперёд к победе!**” (стр. 193).

Всё, что потом через несколько десятилетий сочинил Гроссман в повести “Всё течёт” о “русском рабстве” и “советском антисемитизме”, выглядит убогой конъюнктурой или в лучшем случае побуждает вспомнить строки Заболоцкого: “Нет на свете печальней измены, чем измена себе самому”.

И поэтому вполне закономерно, что на кремлёвском торжестве в июне 1945 года Генералиссимус произнёс знаменитую здравицу в честь русского народа. В это историческое мгновение слово вождя совпало с чувствами и мыслями еврея Василия Семёновича Гроссмана. Мой отец Юрий Аркадьевич Куняев, преподаватель института имени Ф. Лесгафта, невоеннообязанный по здоровью, умер в окружённом Ленинграде 11 января 1942 г. в стенах своего родного института, куда он переехал, как и многие другие одинокие сотрудники, чтобы рядом друг с другом пережить самые тяжёлые дни блокады. Но не пережил.

Подробности того, как он умирал, мы узнали лишь в 1943 году, когда моя мать получила в эвакуации от его выжившей сослуживицы М. Лейкиной письмо с рассказом о последних днях жизни отца:

“Ваш муж умер в институте. Вы, вероятно, слышали, какую тяжёлую зиму мы пережили. Мы все голодали так, как никто не может себе представить. Многие – даже преподаватели нашего института – проявляли себя, как голодные люди. Юрий Аркадьевич относился к той немногочисленной группе людей, которая выдержанно переносила ужас голода, холода, невзгоды блокады. Он так же, как и другие, бывал ежедневно в столовой института и ждал тарелку супа без суеты и нетерпения, совсем не так, как многие другие. Его молчаливая скромность осталась с ним до конца его дней.

Он много работал, как все мы. Женщины преподавательницы и студентки шли в госпитали, сверх учебной работы в институте, а мужской состав был брошен для обучения рукопашному бою резервов Красной Армии. Юрий Аркадьевич проводил по несколько часов на морозном воздухе, вся работа на голосе (команды). Сколько людей им обучено, не знаю. Вероятно, много. Достаточно сказать, что в списке представленных к награде медалью “За оборону Ленинграда” есть его имя и указано: “...Был ответственным за подготовку свыше 300 человек Октябрьского района”.

В главном здании института (ныне Университета) имени Ф. Лесгафта над старинной парадной лестницей висит мемориальная доска со скорбным списком преподавателей и сотрудников университета, погибших во время блокады. Список этот открывается словами: “Юрий Аркадьевич Куняев”. Похоронен он в общей могиле на Пискарьевском кладбище. Письмо моей матушке написала еврейка М. Лейкина.

Она, как и многие другие ленинградские евреи, осталось жива только потому, что советские солдаты на Пулковских высотах, на Невском пятачке, на Карельском перешейке по всему периметру ленинградской обороны – два с лишним года держали оборону против миллионной армии европейских фашистов, возглавляемой генерал-фельмаршалом Леебом. . . И как только у Матвиенко язык повернулся одобрить книгу, где сказано, что мы **“стояли в стороне, пока гитлеровская Германия уничтожала миллионы людей”**. Да бывшая известная комсомолка Ленинграда – нынешняя мэрша невской столицы, совершив это деяние, просто плюнула в сторону Пискарьевского мемориала, где вместе с сотнями тысяч ленинградцев лежит мой отец. . .

Подумать только, если бы немцы захватили Ленинград, у нас не было бы ни Даниила Гранина, ни Иосифа Бродского, ни Александра Кушнера!

Вот ведь как получается: с каждым километром пространства, отвоеванного у немцев и обогрённого кровью наших солдат во время движения на Запад, мы спасали какую-то долю восточноевропейского еврейства. . . А теперь, по истечении более шестидесяти лет, потомки этих спасённых евреев глумливо пишут, что мы **“стояли в стороне”**, что **“уничтожение советских евреев проходило открыто, на глазах у местного населения, которое в большинстве своём пассивно наблюдало за событиями”** (стр. 95), что **“Кремль не делал попыток спасти евреев”**.

По логике жрецов Холокоста, коль уж мы виноваты, что **“стояли в стороне, пока гитлеровская Германия уничтожала миллионы людей”**, то нас (не французов, не венгров, не прибалтов, не поляков, а русских!) в первую

очередь нужно учить урокам Холокоста. Тут Матвиенко и Асмолов стараются вовсю, почему-то излагая свои мысли одинаковыми словами.

Из В. Матвиенко: **“Многолетняя стена умолчания Холокоста в России разрушена...”** Из А. Асмолова: **“Особая стена молчания возведена вокруг Холокоста в России...”** (стр. 94).

А теперь обратим внимание ещё на два отрывка. Из предисловия Матвиенко: **“Политический и исторический смысл запоздалого признания со стороны России места Холокоста в истории цивилизации означает, что отныне Россия входит в общий ряд цивилизованных стран, для которых эта катастрофа воспринимается как общечеловеческая, а не только национальная трагедия”** (стр. 5).

Читаю и глазам своим не верю: да я же где-то всё это читал! Ну конечно, в послесловии Асмолова: **“Политический и исторический смысл запоздалого признания Россией места Холокоста в истории цивилизации будет означать, что наша страна после многолетнего молчания сделала свой выбор и входит в общий ряд цивилизованных стран, для которых катастрофа Холокоста воспринимается как общечеловеческая, а не только национальная трагедия”** (стр. 102). Все выделенные слова из текста Матвиенко одновременно являются словами Асмолова. Слово в слово. Кто у кого “сочинение списал”?

Неужели господин Асмолов, бывший в своё время замминистра образования России и находившийся в подчинении у Матвиенко, сочинял за неё это предисловие и по рассеянности или по слабости вставил в предисловие Валентины Ивановны целый абзац из своего послесловия?

Я не могу заподозрить саму Валентину Ивановну в примитивном плагиате, такого быть не может. Но так подставить свою начальницу, благодетельницу, вице-премьершу! А может, кто-то третий сочиняет эти “слоганы” и потом снабжает ими и Асмолова и Матвиенко? А может быть, они оба, как два попугая, вызубрили один и тот же текст?

Но, возможно, есть и особая точка зрения на всё происходящее. Если явление Холокоста народу непознаваемо, иррационально и не принадлежит ни истории, ни науке, а вере и стоит в ряду чудес, то всё, что связано с Холокостом, объяснить невозможно. А потому не надо и пытаться понять, как и зачем появились у Матвиенко и Асмолова одинаковые тексты о Холокосте. Ведь есть же почти одинаковые тексты у всех четырёх евангелистов. А Матвиенко и Асмолов – тоже своеобразные “евангелисты” новой религии, и разобраться, почему они излагают одни и те же мысли одними и теми же словами, – эта попытка похожа на кощунство, на ревизию Священного писания. А если они оба, подобно апостолу Павлу, были удостоены откровения свыше, и Высшая Сила продиктовала им одни и те же заповеди?.. Всё, что исходит из области чуда, неподвластно никакой критике, и никакому людскому суду, и никакому разбирательству насчёт того, кому из них принадлежит интеллектуальная собственность – то есть вышеприведённые “священные”, словно вырезанные на Синайских скрижалях, заповеди. Они принадлежат Холокосту.

III. Перчатка Ахмадинежада

Только ссылки на так называемый исторический “холокост” делают возможным продолжение Холокоста палестинцев и всего арабо-исламского мира.

Мойше Арье Фридман,
австрийский раввин

А теперь мы предлагаем нашему читателю отрывки из выступлений участников уже ставшей всемирно знаменитой Международной конференции, которая прошла в Тегеране в конце 2006-го, где президент Ирана Ахмадинежад бросил перчатку жрецам Холокоста.

Никаких особенных комментариев к этим текстам мы делать не будем – они говорят сами за себя.

Выдержки из выступлений мы публикуем по книге «Исследование Холокоста. Глобальное видение. Материалы Международной Тегеранской конференции 11–12 декабря 2006 года» (Москва, Алгоритм, 2007).

Израэль ШАМИР, израильский публицист:

“Тегеранская конференция вызвала бурю в мировой печати.

Казалось бы, что тут особенного? Проводят такие конференции повсюду, и в большинстве крупных городов мира от Владивостока до Сан-Франциско через Варшаву, Париж и Нью-Йорк есть центры по изучению Холокоста. В прошлом году русский еврейский олигарх Вячеслав Кантор тоже созвал конференцию по Холокосту, и её почтили присутствием все главы правительств Восточной Европы и немало лидеров Запада. Почему же конференция, проводимая в Тегеране, вызвала тысячи протестов и осуждений, почему Белый дом, канцлер Меркель, Ватикан и Европейское сообщество не поленились отреагировать на небольшую встречу в далёком Тегеране?

Дело в том, что все прочие конференции почитали официальную версию, выработанную еврейскими организациями, как божественную догму, данную на горе Синай вместе со скрижалями Завета. Можно отрицать непорочность Богородицы и Воскресение Христово, можно хулить Магомета – но стоит усомниться в том, что именно шесть миллионов евреев были по предварительному плану убиты немцами в газовых камерах промышленным образом – и вас могут в тюрьму посадить в Австрии, Германии, Франции, Швейцарии и других “цивилизованных” странах. Тегеранская конференция – первая, готовая отнестись к этому вопросу как к историческому событию, подлежащему критическому изучению”.

Манучехр МОТТАКИ, министр иностранных дел Исламской Республики Иран:

“Я открыто заявляю, что антисемитизм является западным феноменом, типичным для западных стран. Этот феномен никогда не существовал на землях Ислама. Тем не менее мы видим сегодня, что Исламская Республика Иран и все те, которые думают, что научное исследование исторических событий необходимо, подвергаются необоснованным обвинениям.

Президент Исламской Республики Иран спрашивал: если Холокост был историческим явлением, то почему нельзя позволить проводить исследования в контексте истории? Волна необоснованных обвинений была запущена против Ирана. Те, которые стоят за кулисами этой грязной кампании, даже не беспокоятся о том, чтобы дать разумный ответ на этот рациональный вопрос.

Даже если нашли бы доказательство того, что Холокост – это исторический факт, они должны ответить, не бросают ли они вызов собственным требованиям на обеспечение свободы выражения мыслей, арестовывая учёных и исследователей, которые придерживаются взглядов, отличных от их собственных в вопросе о Холокосте, а также почему мусульмане этого региона, особенно палестинцы, являющиеся коренным населением Палестины, должны платить дорогой ценой за преступления, совершённые нацистами.

Необоснованная философия земли без людей и людей без земли, которая постулировалась во времена президента Джона Ф. Кеннеди для оправдания существования сионистской реальности, неправильна с обеих сторон, так как эта земля никогда не пустовала, а уцелевшие от преступлений нацистов не были без земли, они были гражданами европейских государств.

Эта конференция не собирается отрицать или доказывать факт Холокоста. Она предоставляет возможность свободно выражать свои мысли учёным и просто думающим людям, которые лишены возможности высказать свой взгляд на исторические события в Европе, которая призывает к свободе, и где любая научная критика надуманной интерпретации Холокоста может дорого обойтись. Против этих свободно мыслящих людей и исследователей выдвигаются обвинения в защите нацизма и фашизма. Эти обвинения не имеют научной основы, так как многие критики Холокоста стали сами жертвами расизма”.

Мойше Арье ФРИДМАН, главный раввин ортодоксальной европейской общины Австрии:

“Будучи потомком очень уважаемой семьи европейских раввинов и главным раввином ортодоксальной антисионистской общины Австрии, я всю мою жизнь занимался сионизмом и так называемым Холокостом и его последствиями в чисто историческом, политическом и религиозном плане. Кроме того, мне очень хорошо известны последствия стратегического злоупотребления этими историческими событиями. Я с ужасом вижу, как нашей иудейской религией и самобытностью и именем моих предков злоупотребляют, фальсифицируя исторические факты и превращая их в политическое орудие. Только ссылки на так называемый исторический “Холокост” делают возможным продолжение Холокоста палестинцев и всего арабо-исламского мира. Эти жестокости, в отличие от исторического Холокоста, происходят на глазах у всей мировой общественности, но палестинцы не имеют ни малейшей надежды на защиту и ни малейшей возможности защищаться”.

... “Основатель сионизма Теодор Герцль уже в первых записях своих “Дневников” удивительным образом называет цифру шесть миллионов евреев, которым в Европе якобы угрожает опасность, и единственный шанс создания так называемого еврейского государства появится лишь в том случае, если эти шесть миллионов европейских евреев постигнет катастрофа”.

“После прихода к власти национал-социалистов в 1933 году сионистские организации Палестины в совместном письменном послании поздравили Гитлера, указали на сходные черты идеологий и выразили надежду на сотрудничество.

Вскоре после этого национал-социалистические чиновники по приглашению сионистского Еврейского агентства приехали в Палестину, где их ждал очень дружественный приём.

Во время состоявшейся в 1934 году беседы между Адольфом Эйхманом и будущим израильским президентом Хаимом Вейцманом, чему предшествовали настоятельные просьбы Вейцмана изгнать евреев из Германии, Эйхман спросил: “Можете ли вы, господин Вейцман, вообще принять так много евреев?” Ответ: “Мы охотно примем здесь силы, способные сражаться за нас в Палестине, а остальных надо ликвидировать, как бесполезный мусор”.

Фридрих БРУКНЕР (псевдоним западного историка, приведшего свидетельства того, что в последние годы войны и вплоть до 1947 года существовали такие основные версии умерщвления евреев в немецких концлагерях: электрическим током, горячим паром, откачкой воздуха из камер и даже при помощи негашёной извести):

“В то время торговцы подобными жуткими рассказами, очевидно, ещё не были уверены, которой из трёх версий в дальнейшем дать ход. В 1945 году советский пропагандист-еврей Василий Гроссман опубликовал брошюру под названием “Ад Треблинки”. По его описанию, все три метода – пар, газ и откачка воздуха из камер – использовались одновременно. На Нюрнбергском процессе правительство Польши предпочло паровую версию <...> Версия, которая содержится в официальной литературе, восторжествовала только в 1947 году”.

“В течение последних десятилетий количество жертв нескольких предполагаемых “лагерей уничтожения” резко уменьшается, благодаря самим стражам чиновничьей “истины”. В 1945 г. польско-советская комиссия заявила, что не меньше четырёх миллионов человек погибло в Освенциме. Хотя ни один западный историк не принимал всерьёз эту нелепую цифру, она упоминалась на мемориальных таблицах Освенцима, пока не была удалена в 1990 г. Полякам понадобилось два года, прежде чем они приняли решение по новой цифре, которая впоследствии и была записана на новых табличках: 1,5 миллиона. Но через год, в 1992 г., главный историк музея Освенцим Франтишек Пипер опубликовал книгу, в которой он утверждает, что 1,1 миллиона людей, из них около миллиона евреев, погибли в лагере. Таким образом, теперь существуют уже две официальные цифры, отличающиеся на 400 000, – одна на таблицах и другая в книге Пипера!

Ещё более резким было сокращение первоначальных цифр для концентрационного лагеря Майданек. Сколько же людей погибло в Майданеке?

– 1,5 миллиона, согласно сообщению польско-советской комиссии, представленному на Нюрнбергском трибунале в 1946 г. в Документе USSR-29;

– 360 тысяч, согласно польскому судье Здиславу Лукашкевичу в официальном “Бюллетене Комиссии по исследованию немецких преступлений в Польше”, в 1948 г.

– 235 тысяч, согласно польскому историку Чеславу Райке в официальном журнале музея Майданека, в 1992 г.;

– 78 тысяч, согласно польскому историку Томашу Кранцу, директору научно-исследовательской секции Музея Майданек, в 2005 г.

В 1998 г. Карло Маттоньо в книге, написанной совместно с Ю. Графом, установил на основе документов, что реальное число смертей в Майданеке составило примерно 42 200. Таким образом, новая официальная цифра всё ещё на 35 800 выше, чем ревизионистская, но на 1 422 000 ниже, чем было установлено и записано на Нюрнбергском процессе.

Тем не менее, эти грандиозные уступки ортодоксальных историков отнюдь не влияют на священную цифру 6 миллионов “жертв Холокоста”.

Из этих 6 миллионов можно вычесть несколько миллионов, и всё равно остаётся 6 миллионов! Это – арифметика “Холокоста”!

Но нелепая история “Холокоста” имела и всё ещё имеет страшные политические последствия. Если бы не эта мистификация, мир никогда бы не позволил сионистам предпринять свою колониальную авантюру в Палестине в 1948 году. Если бы не эта мистификация, не существовало бы расистского государства Израиль, представляющего собой основную причину конфронтации на Ближнем Востоке и готового в любой день спровоцировать ядерную войну; у палестинцев не украли бы их родину, а мир был бы лучшим и более защищённым.

Пока что палестинцы – это наиболее очевидные жертвы аферы “Холокоста”, но они ни в коем случае не единственные. В действительности эта мистификация чрезвычайно опасна для всех народов мира, включая еврейский, который рано или поздно должен будет заплатить высокую цену за глупость своих лидеров”.

Серж ТИОН, французский историк:

“Закон Гессо”, принятый 13 июля 1990 года, убил во Франции свободу выражения мнений. Этот закон обязывал судей осуждать любого, кто будет оспаривать совершение преступлений, осуждённых в Нюрнберге.

Последствия закона Гессо были ужасны. Свобода выражения мнений захламля, написанные книги невозможно было опубликовать, и их перестали писать. Дебаты прекратились вообще. Повсюду распространился благоговейный страх, прежде всего в школах, где учителя вынуждены были преподавать официальную историю в форме катехизиса, который никого ни в чём не убеждал. СМИ закутались, словно от холода. Повисло тягостное молчание.

Бывший член руководства французской компартии, гуманист, обратившийся в ислам, Роже Гароди, взял на вооружение аргументацию ревизионистов в своей книге, в которой он критиковал израильские мифы (“Основополагающие мифы израильской политики”¹). Никто не хотел издавать эту книгу, и группа “Ла Вьей Топ” напечатала первый тираж. Разразился грандиозный скандал. Вся пресса в унисон осуждала того, кто нарушил закон молчания, заткнувший рты ревизионистам. Скандал принял общенациональные масштабы, когда Гароди получил поддержку от своего старого друга, аббата Пьера, человека, бесспорно, самого популярного во Франции благодаря его гуманитарной кампании в пользу жилищ для бедняков. Скандал, добродетельное возмущение прессы, лишённое аргументов, обеспечили этой книге широчайшее распространение, несмотря на препятствия на пути её продажи. Пришлось дополнительно напечатать десятки тысяч экземпляров. Ревизионизм стал предметом повседневных бесед. Один большой журнал вышел с заголовком “Победа ревизионизма”.

Сразу же взялись за дело специалисты по цензуре. Состоялся процесс, в итоге которого Гароди был приговорен к очень большому штрафу. Кассацион-

¹ Читатели “НС” могут познакомиться с этой работой, опубликованной в журналах № 1, 2, 3, 4 за 2001 год.

ный суд оставил приговор в силе. Но сразу же, в конце 1996 года, его пригласили совершить турне по Среднему Востоку. Его книга была немедленно переведена в Марокко, Египте и в Ливане. Тиражи были огромными. Он участвовал в пресс-конференциях, его принимали на высшем уровне, и он преуспел в том, чего ревизионисты уже не ожидали: критика легенды о Холокосте запечатлелась в умах десятков миллионов жителей Среднего Востока”.

Роберт ФОРИССОН, французский историк, профессор Сорбонны:

“Холокост” остаётся официальной религией всего Запада. Это действительно убийственная религия, которая продолжает самым грубым образом дурочить миллионы добрых душ, выставляя напоказ груды очков, волос, туфель, чемоданов, представляя их в качестве вещей, принадлежавших умерщвлённым в газовых камерах евреям; фальшивые или обманным путём используемые фотографии, тексты невинных документов, подделанные или умышленно неправильно истолкованные; бесконечное распространение памфлетов, церемоний, различных шоу, вдалбливание небылиц в детские головки, организованные экскурсии по “святым местам” предполагаемого еврейского мученичества и грандиозные показательные суды с их призывами к суду Линча.

Президент Ахмадинежад использовал точное слово: предполагаемый “Холокост” евреев является “мифом”, то есть верой, поддерживаемой легковерием или невежеством. Во Франции вполне законным считается провозглашать или неверие в Бога, но запрещено признавать своё неверие в “Холокост” или даже выражать сомнение по этому поводу. Этот запрет на любое оспаривание Холокоста стал формальным и официальным с принятием закона от 13 июля 1990 г. Вышеуказанный закон был опубликован в журнале “*Journal Officiel de la Republique francaise*” на следующий день, то есть 14 июля, в день празднования Республики и Свободы. Этот закон предусматривает наказание в виде тюремного заключения сроком до одного года или наложением штрафа в размере до 45 тысяч евро. Закон также подчёркивает, что всё это применимо также “даже в том случае, если подобное оспаривание или сомнение представлено в завуалированной или сомнительной форме или посредством инсинуации” (“*Code penal*”, Paris, 2006, с. 2059). Таким образом, Франция обладает ничем иным, как официальным мифом, мифом о “Холокосте”, и знает лишь одну форму кощунства, ту, которая обижает “Холокост”.

В 1951-м еврей Леон Поляков, который был членом французской делегации на Нюрнбергском процессе (1945–1946 гг.), сделал заключение о том, что существует избыток документов, касающихся всех вопросов истории Третьего рейха, за исключением лишь одного: “Кампании по уничтожению евреев”. Об этом он писал: “Никакого документа не осталось: возможно, его никогда не существовало” (“*Breviaries de la haine*”, Париж, Calmann-Lévy, 1974 [1951], с. 171).

Это важная уступка в пользу ревизионизма. Для подобного ужасного преступления, предположительно задуманного, организованного и совершённого немцами, должны были обязательно существовать приказ, план, инструкция, бюджет. Такое предприятие, выполняемое в течение нескольких лет на целом континенте и повлекшее гибель миллионов, должно было оставить потоки документальных подтверждений. Следовательно, если нам говорят, что, возможно, такого документального подтверждения никогда не существовало, напрашивается вывод о том, что преступление, о котором идёт речь, никогда не совершалось. Ввиду полного отсутствия документов историку ничего не остается делать, кроме как молчать <...> следует отметить, что с 1951-го по 2006 г. также не удалось обнаружить ни малейшего документального свидетельства”.

“Нам, в начале XXI столетия, предоставляется уникальная возможность быть свидетелями разоблачения одного из величайших обманов в истории. Миф о “Холокосте” может быть освещён тысячами огней: в действительности же он сам обжигает. Он служил оправданием для создания на земле Палестины военизированной колонии, назвавшейся “еврейским государством”, обеспечившим себя “еврейской армией”. Он накладывает на Западный мир ярмо еврейской или сионистской тирании, распространяющейся на все сферы интеллектуальной, образовательной и информационной деятельности. Он отравляет саму душу великой страны, Германии. Он позволил изъятие из

последней, а также из большого числа других западных стран, непомерных сумм в марках, в долларах и в евро. Он подавляет нас в фильмах, в музеях, в книгах, которые поддерживают пламя талмудической ненависти. Он делает возможным призыв к “крестовому походу против оси зла” и ради этого фабрикует самую бесстыдную ложь, точно следуя образцу Большой Лжи “Холокоста”, ибо нет различия между “оружием массового уничтожения” Адольфа Гитлера и таким же “оружием” Саддама Хуссейна. Этот миф делает возможным обвинять почти весь мир и требовать “покаяния” и “репараций” везде – либо за предполагаемые действия, направленные против “избранного народа Яхве”, или за предполагаемое соучастие в преступлении, или за предполагаемое общее “безразличие” к судьбе евреев во время Второй мировой войны.

Практикуя грандиозного масштаба ложь, единовещники “Холокоста” <...> в течение шестидесяти лет упорно держали весь или почти весь мир под обвинением. Их основной целью, конечно, была Германия. Но в своём обвинительном исступлении еврейские организации пошли так далеко, что упрекали союзников военного времени в предполагаемом преступном “безразличии” к судьбе европейских евреев. Они набрасывались на Рузвельта, Черчилля, де Голля, папу Пия XII, Международный комитет Красного Креста и на многочисленных личностей, на официальные органы или страны за неосуждение якобы существовавших “газовых камер”. Но как могло то, что со всей очевидностью было лишь абсурдным военным слухом, считаться проверенным фактом? Достаточно прочитать книгу еврея Вальтера Лакера “Страшная тайна” (“The terrible secret”, 1980), чтобы убедиться в широко распространённом и полностью оправданном скептицизме в лагере союзников по отношению к океану слухов, порождённых еврейскими источниками. Были проведены расследования, позволившие официальным лицам сделать вывод о том, что эти слухи были необоснованными. Таким образом, именно непредвзятый взгляд, а не безразличие проявили союзники и все те, кому предъявлялось обвинение. Именно этот непредвзятый взгляд, а не безразличие, продемонстрировали после войны в своих речах и мемуарах Черчилль, де Голль и Эйзенхауэр, избегая всяческих упоминаний о пресловутых “газовых камерах”. – Война и военная пропаганда нуждаются во лжи, подобно тому, как крестовые походы и дух крестоносцев загораются энергией ненависти. С другой стороны, мир и дружба между народами могут только выиграть от тщательности, с которой достигается точность исторического исследования, исследования, которое всегда должно проводиться при соблюдении полной свободы”.

Ян БЕРНХОФ, шведский историк, уволенный из Педагогического университета в Стокгольме после возвращения из Тегерана:

“Нью-Йорк таймс”, 10 марта 1943 г., с. 12: “Сорок тысяч человек слушали и смотрели... прошлым вечером две передачи “Мы никогда не умрем”, драматическую массовую программу памяти 2 000 000 евреев, убитых в Европе... Рассказчик сказал: “Когда наступит мир, в Европе не останется ни одного еврея. В соответствии с планом, убивают те четыре миллиона, которых осталось убить”.

Бутц в своей работе делает заключение, что корни числа “шесть миллионов” обнаруживаются в военной пропаганде 1942–1943 гг. Однако эта цифра упоминается в еврейской пропаганде задолго до начала Второй мировой войны. Хаим Вейцман, который позже стал первым президентом Израиля, сказал 25 ноября 1936 г.: “Не будет преувеличением сказать, что шесть миллионов евреев приговорены к заключению в этой части мира, где они нежелательны, и для кого страны делятся на те, в которых они нежелательны, и те, где они недопустимы”¹.

¹ Из выступления Хаима Вейцмана на XX Сионистском конгрессе в 1937 году – за 5 лет до Освенцима: “Надежды шестимиллионного европейского еврейства основываются на эмиграции. Я спрашиваю: “Можете ли вы переправить шесть миллионов евреев в Палестину?” Я отвечаю: “Нет”. Из бездны трагедии я хочу спасти два миллиона молодёжи. Старики должны исчезнуть. Они – пыль, экономическая и моральная, в этом жестоком мире. Только молодая ветвь выживет. Они с нами должны согласиться” (из книги “Жертвы уничтожения обвиняют. Документы и свидетельства о еврейских военных преступлениях”. Н.-Йорк, 1970, стр. 34).

Фредерик ТОБЕН, австралийский историк, отсидевший полгода (1999 г.) в германской тюрьме за “отрицание Холокоста”:

“Есть ревизионисты, как, например, Гермар Рудольф, Эрнст-Гюнтер Когель, Хорст Малер, Эрнст Зундель и другие, которые не смогли приехать на эту конференцию, потому что в настоящее время заперты в немецких тюрьмах. Ревизионистские активисты Зигфрид и Герберт Вербеке в настоящее время посажены в бельгийскую тюрьму. Удо Валенди и Гюнтер Декерт, оба отбывшие длинные сроки тюремного заключения за свою ревизионистскую деятельность в Германии, посылают всем свои приветствия. Гюнтер почти готов был приехать на конференцию, но власти отобрали у него паспорт за несколько дней до отъезда в Иран. Кроме того, есть много американских ревизионистов, которые не осмелились приехать в Тегеран из опасения, что американское правительство отомстит им за это. Мы все знаем, какую форму может принять эта месть: клевета, экономические и профессиональные санкции, нацеленные на дискредитацию и уничтожение личности, но не на выдвигаемые ими аргументы”.

“Мемориальная доска в Освенциме, благословленная папой Иоанном-Павлом в 1979 г., называющая 4 миллиона жертв, была через несколько лет после установок заменена новой доской, насчитывающей 1,5 миллиона, которую благословил папа Бенедикт XVI. Тем не менее, эти сокращения количества жертв не влияют на общую цифру 6 000 000, которая не уменьшалась ни при каких обстоятельствах”.

Девид ДЬЮК, американский публицист и историк:

“В Европе разрешается отрицать и высмеивать Иисуса Христа. То же и в отношении пророка Мохаммеда. Ничто не произойдет с вами, вы даже можете получить собственную программу на ТВ; но если вы ставите под вопрос официальную версию Холокоста, это будет означать банкротство для вас, вашей семьи, а во многих странах вас могут даже бросить в тюрьму.

Лицемерие всего этого иллюстрирует преданность Европы свободе самого извращенного типа порнографии. Все виды самой тошнотворной порнографии доступны в западном мире, включая порнографию, воплощенную в самые худшие формы садизма и безобразного разложения женщин, многие из которых наркозависимы и действительно находятся в рабстве того, что мир называет “белым рабством”. Но не смейте сомневаться в Холокосте!

Прямо сейчас, пока я говорю, мне внезапно на ум пришли три имени: Дэвид Ирвинг, Гермар Рудольф и Эрнст Зундель. Дэвид Ирвинг – британский гражданин, один из самых знаменитых историков мира, автор, о котором многие самые известные историки отзываются как о блестящем учёном. В этот момент он находится в тюрьме в Вене только за то, что высказал своё мнение историка об Освенциме на лекции в Австрии в 1989 г. Немецкий химик и исследователь Гермар Рудольф отправлен в тюрьму за то лишь, что опубликовал подробный судебный анализ, бросивший вызов достоверности якобы существовавших газовых камер смерти в Освенциме. Эрнст Зундель, житель Канады и позже США, немец по происхождению, был оторван от жены и дома, поскольку имел “политически неправильное мнение” о событиях Второй мировой войны. Он был экстрадирован в Германию, где и сейчас находится в тюремной камере”.

Жорж ТЕЙ, французский историк:

“Психологический ущерб, нанесённый Германии после унижений, которым она подверглась в первые послевоенные годы, таков, что, несмотря на внешний подъём этой страны с 1950-го по 1966 год, сопровождавшийся усилением влияния мифа о так называемом “Холокосте” и так называемых “газовых камерах”, она находится сегодня в смертельной опасности. Её постоянные избиения в СМИ и в общественной жизни на протяжении последних сорока лет привели к глубокой духовной депрессии, о чём знает каждый, кто встречается с немцами, говорит с ними и выслушивает их. Результат ужасен: молодёжь, раздавленная и деморализованная вездесущей ложью о самой сущности немецкого народа, отказывается рожать детей в количестве, достаточном

для обновления поколений. “Зачем делать детей, если наша истинная природа, наша нация по сути своей преступны? Если наши предки хладнокровно отправили на смерть шесть миллионов евреев, это непростительное преступление, и мы должны умереть медленной смертью. Пусть не будет больше немецких детей!” Вот последствия этой клеветы, предпоследняя стадия рака, привитого пропагандистами якобы имевшего место Холокоста и якобы существовавших газовых камер!”

Бернхард ШАУБ, швейцарский историк, председатель международного “Союза по реабилитации преследуемых за оспаривание Холокоста”:

“Иранское правительство уведомило ровно за год о проведении конференции по изучению Холокоста и вызвало этим повышенную нервозность в западных СМИ. Затем на высшем государственном уровне было предпринято всё, чтобы помешать созыву этой конференции. Градом посыпались протесты из США, Израиля, Европейского Союза и ФРГ. Швейцарская газета “Зонтагс-Блик” от 7.12.2006 года подвела итог этих усилий в следующих словах: “Федеральный канцлер Германии Анджела Меркель сказала: “Германия никогда не согласится с тем, чтобы Холокост ставили под вопрос”. Комиссар ЕС по вопросам юстиции Франко Фраттини добавил: “Это пощёчина демократическому миру”. Государственный секретарь США заявил: “Соединённые Штаты осуждают эту конференцию”. А председатель Совета министров Израиля считает, что она свидетельствует о “неприемлемом характере иранского режима”, который будто бы представляет собой угрозу всей западной культуре (газета “Тахлес” от 15.12.2006).

Удивительно, что конференция, на которой должна была обсуждаться противоречивая историческая тема, вызвала такое беспокойство у самых сильных мира сего. Они показали свой невероятный страх перед истиной. Наоборот, заслуживает восхищения мужество иранского правительства, которое посреди этой бури возмущённых протестов осталось спокойным и провело конференцию в Тегеране в запланированной форме и в заранее назначенное время. Это мужество тех, кто знает, что истине, в конечном счёте, нечего бояться лжи”.

Как ни крути, а главная идея Тегеранской конференции заключается в том, что платить за Холокост должны европейцы, а не жители Палестины, не виновные в те времена ни в одной смерти европейского еврея.

(Продолжение следует)

СЕРГЕЙ СЕМАНОВ

БЫТЬ РУССКИМ ДОСТОЙНО ЕСТЬ

Чуть ли не двадцать лет нам внушают с кремлёвских высей, что Россия – страна “многонациональная”. СССР давно распался, страна обрезана до границ Московского царства, а народ наш, как и при коммунистах, многонационален. При Ельцине мы все вдруг стали именоваться уродливым словом “россияне”. Нет-нет, президент не был тут изобретателем. Это словечко поминается и у наших классиков, но в отрицательном смысле. Вот некий бродяга, по-нынешнему бомж, выклянчивает деньги у интеллигентной помещицы: “Подайте бедному россиянину на пропитание”. Характерно тут, что “русским” этот неприятный тип себя не именует – стесняется, видимо.

Избегают произносить словосочетание “русский народ” Путин и Медведев. Либерально-еврейская печать и телек заполнены стенаниями о “таджикской девочке” и “чеченских мальчиках”, а о несчастных русских, над которыми в Москве и по всей коренной России измываются, обируют и травят наркотой разные “нацменьшинства”, вспоминать не положено. Это не “толерантно” и вызывает гнев Вашингтона и его европейского уполномоченного по правам человека (в Евросоюзе “человеками” являются гомосеки и все, кроме русских).

Не стоит даже толковать о нашей журналистике, пресловутая “четвёртая власть” на корню скуплена ещё со времён Березовского и Гусинского. Прислушаемся лучше, что произнёс по данному сюжету кремлёвский идеолог В. Сурков. Августейший кремлёвский советник, который, по слухам, является нынешним “демократическим” Сусловым, выразился кратко, но с истинно сусловской руководящей суровостью: главную задачу власти в современном обществе он видит в необходимости “минимизировать насилие”. А в качестве дурного примера поминает случившееся ещё в закатные советские времена: “сапёрные лопатки” в Тбилиси, события в Баку в связи с вводом войск, называет кратко родную Чечню, не уточняя подробностей, и очень грустит о судьбе турок-месхетинцев, которые, мол, вынуждены были улететь из России в Америку (как известно, они до ссылки в Среднюю Азию проживали в Грузии, но независимая грузинская держава их отказалась впустить обратно на исторические места, Россия их приняла вместо грузин, но они предпочли потом отправиться за океан).

Как видно, В. Сурков жалеет о ком угодно, только не о русских, которых изгоняли со всех окраин, не вспомнил почему-то о тысячах потомков терских казаков, веками проживавших в городе Грозном, – откуда вытеснили, ограбив, но никак не торопятся возвращать – ни местные власти, ни Кремль. А “сапёрные лопатки”? – Это вообще провокационная выдумка покойного Собчака.

В заключение В. Сурков строго предупредил “дорогих россиян” на ближайшее будущее: “Демократия – это порядок”. Понятно: если рабочим Пикалёва, Байкальского бумажного комбината или в любом ином месте России Дерипаски-Фридманы не станут платить жалования, то надо молить, просить, не возмущаться, не нарушать “конституционный порядок”, а не то...

Путин и Медведев, конечно, не рычат, как их новоявленный “Суслов”, но тоже пространно и скучно толкуют о необходимости порядка. Воистину, никто в России не озабочен судьбой именно русского народа, “ни бог, ни царь и ни герой”, то есть ни церковные иерархи, ни власть... Ну, а героев у нас сегодня нет. Перевелись на Руси богатыри. Но до поры, ибо призрак Кондопоги бродит по России.

В случае с этим небольшим русским городом наглядно переплелось социальное с национальным. Нынешний Кремль никак не может и не хочет взять в толк, что Российская Федерация с 1991 года перестала быть страной многонациональной в советском смысле слова. Ныне русские составляют среди населения страны не только большинство, но подавляющее большинство: вместе с проживающими в РФ украинцами и белорусами (а это те же русские, за вычетом галицийских униатов и польско-литовских католиков) они составляют более 80% граждан страны (в СССР их было 50%). Добавим, что множество людей иных российских народностей давно обрусели и исповедуют православную веру. Россия ныне – русская держава.

Ещё более беспочвенны внушаемые еврейским телеэфиром разговоры о “многоконфессиональности” сегодняшней РФ. Приверженцев иудаизма и буддизма у нас малая кучка. Мусульман много, но никакой вражды между православными и приверженцами ислама не было и нет (в той же Кондопоге подрались не русские с кавказцами, а русские трудящиеся с грабителями-инородцами). На Северном Кавказе мятежники целятся теперь не в русских, а в своих наглых воров. И мечтают о заступничестве русского царя в Москве (которого пока нет).

В ведущих странах Запада межнациональная пестрота и противоречия между расами и народами совсем иные. Вот новейшие данные. В Великобритании собственно англичан 65%, во Франции ещё хуже: подлинных французов 40%, провансальцев, бретонцев и эльзасцев соответственно 20, 10 и 3,6% (все три народности сильно разнятся по языку и культуре), всех мусульман – 10, евреев – 3,1%, поляков – 1,7% и ещё кое-кто. Однако почему-то Англию и Францию никто не именуется странами “многонациональными”... А вот Россию – всегда.

И все нынешние властители тоже, именуя нас, русских, нелепым наименованием “россияне”, не видят из кремлёвских окон русского народа. Глаза у них на русских не глядят.

Недавно началось и всё более ширится обсуждение судьбы многонационального русского народа в настоящем и в исторической перспективе. Те, кто размышляет об этом примерно так же, как и мы, уже названы (не все, разумеется). Посмотрим далее на суждения по этому вопросу тех, кто выступает вроде с якобы объективностью или даже внешним сочувствием. Это гораздо интереснее, чем излагать суждения наших откровенных врагов – что с них взять и зачем с такими спорить?

Однако для начала оттолкнёмся от сугубо антирусского сборника “Нужен ли Гитлер России?” (М., 1996), авторов которого вдохновил ельцинский указ о “борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма” от 23 марта 1995 г. Горячо высказались там известные “антифашисты” А. Гербер, Ю. Левада, В. Оскоцкий, Г. Резник, Ю. Шмидт и другие из того же однообразного национального ряда. Обильно цитировали Г. Зюганова и заказного “евразийца” А. Дугина, “Лимонку” и анпиловскую “Молнию”, перемежая это с высказываниями Адольфа Гитлера. Получилось натянуто и неубедительно, книгу ту неудачную нынешние либерально-еврейские круги почитать не любят.

Однако нас интересует тут иное: в сборнике выделяется статья руководителя “правозащитного” общества “Мемориал” А. Даниэля (сына известного диссидента) в соавторстве со скромным аспирантом Н. Митрохиным. Здесь – в противоречии вроде бы со всем содержанием книги – к деятелям “русской партии” выказывается даже нечто вроде сочувствия. Помню, как при личной встрече А. Даниэль настойчиво предлагал мне стать членом “Мемориала”, прямо намекая на некие материальные блага: “Ведь вы тоже пострадали от режима”. Примечательная вроде бы мелочь: издавна тянется это к нам якобы “сочувствие” или “объективность” (по выбору “антифашистов”).

Давно подмечено, что, когда поднимается сильное народное движение к некоей большой и благой цели, возникают попутчики, никем вроде бы не при-

глашаемые. Представим себе, движется сплочённое и спокойное шествие в направлении к светлому граду Китежу или райскому Беловодью. А впереди движения непременно окажется бойкий брюнет с флажком с руками, оживлённо жестикулирующий, словно указующий всем путь. Когда-то молодой П. Палиевский, любивший и умевший говорить афоризмами, выразился так: присоединение с целью разложения.

Способный аспирант Н. Митрохин позже выпустил солидную монографию “Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы”. Издательство было, что характерно, либерально-еврейское – “Новое литературное обозрение”. Хозяйка там И. Прохорова, старшая сестрица миллиардера Прохорова, прославившегося оргиями во французском Куршевеле и на нашем бедном крейсере “Аврора”; весёлый такой богач. К старым московским фабрикантам Прохоровым эта пара отношения не имеет, они, как говорится в подобных случаях, даже не однофамильцы. Любопытен и список редколлегии этого издания, россияне там сугубо определённого происхождения, но своих, видимо, не хватило, и призвали столь же определённых варягов: Р. Тименчика из Иерусалима, Е. Тоддеса из Риги и М. Ямпольского из Нью-Йорка.

Понятно, кто тут “заказывал музыку”... Автор выполнил свою задачу с прилежанием учёного историка, собрал великое множество подлинных материалов и воспоминаний, привлёк едва ли не все наличные печатные источники, но вкусы заказчиков, разумеется, не мог не учесть. Это проникло даже в мелочи: под фотографией некоторых приметных деятелей “русской партии” стоит авторская подпись: “Тихие радости патриотов”. Вот, мол, как они славно жили при антинародной Советской власти... А почему бы и нет, ведь мы-то не были так называемыми диссидентами, с Советской властью не сражались, напротив, да и власть в России стала антинародной несколько позже...

Отметим нечто гораздо более серьёзное. В “русской партии” в прошлом веке сложилась довольно яркая и уж во всяком случае весьма известная группа идеологов патриотического направления, их печатные сочинения осуждались в “Правде”, “Коммунисте” и даже в постановлениях ЦК КПСС, обсуждались за рубежом. Однако Н. Митрохин этого “не заметил”. Более того, осторожно дал понять, что ничего уж особо ценного эти публичные выступления собой не представляли, а для Запада “либеральные” (еврейские) авторы были интереснее.

Сложно тут спорить, ибо любая литература всё же куда более неопределённая материя, нежели соревнования по штанге или прыжки в высоту. И всё же попробуем. Большинство тех русских авторов, слава Богу, пока ещё живы, скажем о тех, кто ушёл. Вадим Кожин скончался в январе 2001 года, по нашему быстротекущему времени – довольно давно. Книги его переиздаются, имя его в периодике отнюдь не забыто, более того, постоянно происходят конференции по изучению его наследия. И не в жирной космополитичной Москве, нынешнем воровском Вавилоне, а в скромнейшем Армавире, “районном центре” на Кубани, где нет ни пятизвёздочных гостиниц, ни даже захудалого пляжа. Но собирается народ, даже издалека, а не только из пресловутого “ближнего зарубежья”. И совсем не “русскоязычные”.

Сравним сравнимое: с “той” стороны скончались известные при жизни А. Галич, Б. Окуджава, А. Рыбаков. Теперь книги их вроде бы не переиздаются, пишут о них скупое, и уж совсем трудно представить, чтобы по изучению их творчества собралось где-то немалое число людей.

Более того, образованный историк Н. Митрохин пошёл на явное умолчание известнейшего источника по борьбе власти с “русской партией” – записки Андропова на Политбюро от 28 марта 1981 года: “Об антисоветской деятельности Иванова и Семанова”. И сейчас-то, почти треть века спустя, эту злобную бумагу читать тяжко, но направлена она была не просто против скромных конкретных граждан, а против, как выразался шеф КГБ, “русистов”, то есть была заявлена чёткая политическая русофобия будущего главы Советской империи. Не мелочь, но вот Н. Митрохин о том исключительно важном документе даже не упомянул, хотя не мог о нём не знать. Тоже понятно, при большевиках якобы преследовали только проеврейских диссидентов... А вся андроповская русофобия – выдумки.

В митрохинском изложении совсем обойдена шумная и успешная деятельность “русской партии” по охране родной природы. Не вдаваясь в подробности, укажем лишь на борьбу за чистоту Байкала, а движение против

вредительского поворота русских рек на азиатский юг вообще увенчалось полным успехом! Добавим, что западные “зелёные”, столь известные ныне, стартовали позже нас. Когда наши шумели по поводу Байкала, немцы и французы по обоим берегам Рейна не замечали ещё, что великая европейская река превратилась в сточную канаву... Но это слишком наглядно и положительно, чтобы о том вспоминать и тем самым повышать заслуги “русской партии”. Зачем?

Н. Митрохин кратко, но вполне определённо приписал “русской партии” пресловутый антисемитизм. Само это слово часто применяется огульно и носит явно бранный характер, но не станем опять углубляться тут в обсуждения. Да, в “русской партии” к евреям относились, мягко говоря, настороженно, и понятно почему: русофобская направленность деятельности Троцкого, Зиновьева, Луначарского и прочих была уже очевидна, как очевидны и современные на ту пору старания их духовно-политических наследников, наших ровесников. Дело вроде бы понятное. Однако Н. Митрохин даже не попытался объяснить причины русско-еврейской разборки, ибо это привело бы к заключению, что русская сторона была тут сугубо обороняющейся, отстаивающей самобытность своего народа от космополитических захватчиков (точнее уж — от их наследников). Даже по марксистским меркам это следовало бы признать “войной справедливой”. Опять получалось бы в нашу пользу, поэтому углубляться в тот сюжет заказчиком книги было не выгодно, следовало осудить нас, и только. Что и было сделано, ибо “антисемитизм” есть приговор окончательный и обжалованию не подлежит. И срок давности на него, как известно, не распространяется.

Вообще вопрос об антисемитизме в России наполнен самыми нелепыми сказками и слухами, начиная, например, с планов выселения евреев в Сибирь в 1953 году в связи с “делом врачей”. Ничего подобного не было, да и само это “дело” невероятным образом раздуто.

Отвлечёмся на минуту на краткую, но совершенно подлинную зарисовку — с натуры, как говорится. В начале горбачёвской перестройки (Горбачёв оказался ничтожеством и продажной дрянью, но сперва повеяло чем-то свежим) меня избрали заместителем председателя жилищной комиссии Союза писателей. То была вторая по значению комиссия в Союзе (после приёмной, ибо “поступить в писатели” тогда было очень трудно). Мы распределяли квартиры, хорошие и бесплатно, что сейчас кажется чем-то невероятным. В работе нашей комиссии, как и во многих иных общественных и даже государственных организациях, чётко, хотя и негласно, соблюдался принцип двоичности — наличности русской партии и еврейской. Свидетельствую, что в этой важной и сугубо деловой сфере обе партии взаимодействовали разумно и успешно. Скажу, например, что в ту пору хорошие квартиры получили известный П. Паулиевский и еврей А. Нежный, заметный тогда публицист. Взаимодействие достигалось просто. От русских прикровенные переговоры вёл я, от евреев — малоизвестный прозаик, русский, но имел он долгосрочную еврейскую любовьницу, от которой весьма зависел (ввиду щекотливых тех обстоятельств имя его опустим).

Переговоры осуществлялись примерно так: подходил к нему я и говорил, что подал заявление такой-то, ваши его вроде бы недолюбливают, но литератор он хороший, а дела его плохи — жена беременна, тёща больная, жить негде, надо помочь... Он обещал, потом, видимо, говорил со своими, всё проходило спокойно и благополучно. Или он говорил мне примерно то же: ваши к этому писателю не очень, но жена больна, тёща беременна и т. п. Короче говоря, оба крыла нашей литературной “птицы” махали слаженно, и летала она в тогдашних взвихрённых небесах вполне спокойно. Приятно вспомнить.

Случаев подобного плодотворного сотрудничества русских и евреев было тогда крайне мало, но они имелись, и в этом проглядывается возможное будущее. Теперь уже можно спокойно рассказать, как мы хорошо сотрудничали с первым в конце 80-х послом Израиля (поначалу — генеральным консулом) Арье Левином. Он выказывал себя убеждённым израильским патриотом и полагал, что сотрудничество с патриотическими же силами России плодотворно в настоящем и будущем. Намечались далеко идущие планы, и не только со мной (я был тогда первым заместителем Всероссийского фонда культуры), но и с такими видными русскими деятелями, как Ф. Кузнецов, В. Распутин, и другими.

К сожалению, полезный тот опыт был краток. В октябре 1992-го А. Левин оставил Москву, его посольство нами перестало интересоваться (не ведаю, разумеется, почему, но полагаю, что от обычной еврейской самоуверенности: чего хлопотать, когда “наши” уже в Кремле). Жаль, но в тех кругах наверняка Арье Левин (он недавно скончался) был не одинок, сегодня могут найтись и другие. Тем паче что для еврейской общины революция 1991-го заканчивается так же неудачно, как и революция 1917-го, хотя год расплаты за грехи ещё не наступил, но о нём некоторые уже задумываются. Оговоримся тут со всей необходимостью в подобных случаях ответственностью: не надо желать никому повторения мрачных событий 1937 года. Да, головы многих еврейских кровавых комиссаров и чекистов тогда слетели, но какова оказалась цена потерь для русского народа? Надо бы избежать таких страшных лекарств. Вот Неру и его сторонники добились освобождения страны от чужеземного ига и построили успешное общество на основах сугубо национальных, но благополучно миновали и семнадцатый год, и тридцать седьмой. Нам, русским, надо опираться в том числе и на чужой положительный опыт.

Монография Н. Митрохина вызвала большой интерес и заинтересованный обмен мнениями, но главное, она появилась как раз в начале подъёма русского национального движения, что привлекло внимание к ней. Кондопога и широкий общероссийский протест против превращения страны в восточный базар обострили обстановку. На новом витке русского национального движения появилась другая примечательная работа о прошлом и настоящем “русской партии” – книга “Т. Соловей, В. Соловей. Несостоявшаяся революция. Исторический смысл русского национализма” (М., 2009). Авторы – брат и сестра, оба соответственно профессора истфака МГУ и Института международных отношений. Мы избежем разбора половины книги, написанной Т. Соловей, посвящённой давней истории, и в дальнейшем станем ссылаться на разделы: В. Соловей, “Русский национализм при коммунистах” и “Русский национализм на развалинах империи”.

Книга издана солидно и немалым для такого рода сочинений тиражом – 5 000 экземпляров. Точка зрения здесь от митрохинской “объективности” переходит уже к “сочувствию”, но, как мы постараемся показать – сочувствию довольно отстранённому. Как говорилось в давней народной песенке: “Милый любит иль не любит, только замуж не берёт”.

В. Соловей полностью осознаёт антирусскую суть ленинского коммунизма. Сталин прекратил русофобскую политику внутри своей империи, но ограничился лишь тостом “за здоровье русского народа”. Хрущёв исступлённо распахивал азиатскую целину, но окончательно порушил сельское хозяйство коренной России. Всё это в общем и целом верно, хотя совсем не ново. Более того – документальная основа книги явно слаба. Используется узкий круг давно опубликованных документов, суждения автора мало и отрывочно подтверждаются подлинным историческим и современным фактическим материалом. Нам предложены преимущественно рассуждения и выводы самого автора. Или, как острят в таких случаях, “размышлизмы”.

Основной нотой в мелодии книги звучит, повторяю, вроде бы сочувственное сострадание: всегда-то, чуть ли не с времён допетровских, русским патриотам-националистам не везло, существенных успехов они никогда не добивались. Намёками, но довольно настойчиво и последовательно, этот практический вывод объясняется... самой сутью русского национального характера. Мы, дескать, всегда, всегда в противоречиях и сомнениях, не можем меж собой договориться, спорим, ссоримся и как бы обречены на вечные расколы и разногласия. Рассуждать по этому зыбкому поводу можно сколько угодно, тем более автор не перегружает эти свои “размышлизмы” фактическим материалом. Можно лишь предположить, что все прочие народы, напротив, единодушны и не испытывают взаимных противоречий и вражды: чукчи или чехи, германцы или гвинейцы.

Многие из нас, идеологов, так сказать, “первого призыва”, для которых идейной лабораторией стал известный “Русский клуб” 70–80-х гг., а выходом на широкие круги “образованного сословия” сделалось Общество охраны памятников истории и культура, были идеалистами в самом подлинном смысле слова. Они чувствовали и понимали, что благо народа достигается не переполнением желудка или набором вседозволенных удовольствий, а стремлением к духовно-нравственному совершенству. Именно в этом крылись истоки

огромного успеха у нас и за рубежом произведений, нарочито (для “снижения”) названных “деревенской прозой”. То была политическая и любая другая борьба с наступающим “американизмом духа”, который как раз опирался (и опирается по сей день, ибо ничего иного нет и быть не может) на безмерное и безудержное потребительство, чреватое кризисами. Напрасно В. Соловей язвит в этой связи о какой-то “ностальгии” по “деревенскому миру” природных горожан-интеллигентов. Байка эта тянется в либеральных публикациях ещё с конца 60-х. Нет, никто, разумеется, и не предполагал “хождения в народ”, и совершенно ложно утверждение В. Соловья, что мы молились на “народ-богоносец”. Цитат или иных подтверждений не приводится, да и не бытовало тогда и позже ничего похожего на такую слащавую умиленность.

Эти и многие иные слабости “русской партии” неизбежно, по мнению В. Соловья, привели её к полному поражению в политической борьбе конца 80-х и победе полубезумного Ельцина с его еврейским и проеврейским окружением. Поражение это – не следствие давления внешних сил, этот сюжет В. Соловей полностью исключил, а именно от первородной слабости русского национализма (то есть русского народа в целом). Суровый приговор, не станем его оспаривать, но разобраться необходимо. К счастью, все карты открыты.

В 1990 году прошли многочисленные выборы, бестолковые, но в целом свободные, которые принесли полный успех так называемым “демократам”. Там выдвигали свои кандидатуры известные деятели “русской партии”: И. Глазунов, В. Кожин, С. Куняев, М. Любомудров. Все они получили очень мало голосов и никуда не прошли. Известный русский “диссидент” В. Осипов, отбывший два тюремных срока, состязался с В. Шейнисом на выборах в Москве и проиграл этому будущему творцу “россиянской” Конституции. Ну, В. Шейнис был серьёзным деятелем и позже выказал себя таким, но в Верховном совете среди депутатов-демократов оказались шумные, речистые, но полные импотенты в созидательной деятельности Ю. Афанасьев, В. Коротич, И. Лаптев, Ю. Черниченко и даже хамелеонистый Е. Евтушенко. Все они полностью доказали потом свою идейную и политическую непригодность и давно сошли со сцены общественной жизни. А вот наследие покойного В. Кожина изучается, а все прочие вышеназванные деятели успешно работают на той же ниве, что и тогда. И это бесспорный и несомненный факт.

Отчего же такое произошло? Ведь данная история творилась открыто, а не пошлыми интригами в стиле романа “Королева Марго”. Почему так случилось? Вот В. Соловей по этому поводу язвит, что “излюбленной идеей националистов” в ту пору был “сионско-масонский заговор”. В действительности происходило не так или уж во всяком случае не совсем так (автор и тут цитат не привёл), но не станем задерживаться на том не самом главном для тех дней вопросе. В. Соловей справедливо указывает, что “демократы широко и успешно использовали социальную демагогию: свободный рынок завалит страну дешёвыми товарами... свобода слова уничтожает партократию... дать права всем меньшинствам – национальным, социальным, сексуальным... русский фашизм всех нас погубит...” Мы немного тут утрируем для краткости изложения, но две “Волги” за ваучер были в реальности обещаны народу, а кто-то поклялся “лечь на рельсы” в противоположном случае. И многое-многое иное в том же духе. Именно так было.

В. Соловей подсмеивается над политическим простодушием русских патриотов, которые, мол, толковали о величии Святой Руси, о вечных ценностях православного русского народа и прочем подобном, а тогдашний избиратель мечтал об изобилии товаров, о свободном выезде за границу и праве избирать секретарей обкомов на свободных выборах и на многопартийной основе. И это тоже правда. С некоторым даже одобрением отмечает В. Соловей, что деятели “русской партии” сохранили верность своим принципам, не пошли на корыстное соглашательство, но зато вдребезги проиграли политически.

Да, русские патриоты в том состязании с прозападными псевдодемократами проиграли (тех широко поддерживал вашингтонский обком и его посольство в Москве, но В. Соловей этой темы не коснулся, потому что мы её обойдём). Однако всем известно из человеческой истории, что далеко не всегда чтут победителей, зато часто почитают побеждённых героев. Кому ныне интересен хан Батый, но все помнят Евпатия Коловрата. Смутное десятилетие дурных девяностых годов есть всё же лишь краткий миг в истории России. Ге-

роев это время на скрижалях летописных не оставило. Какой серьёзный гражданин выскажется положительно про Гайдара и Чубайса, Березовского и Гусинского? А ведь именно они правили страной при алкаше, который публично мочился на самолётное колесо.

Да, мерзкое минувшее последнее десятилетие девяностых есть ничтожная дистанция в историческом состязании, это даже не спринтерская стометровка. Вспомним же, о чём предупреждали русский народ те, кто проиграл тогда демократам-плутократам. Предупреждали русские патриоты об опасности дикого рынка и биржи – народ получил безработицу, беспризорных детей, нищенские пенсии, а взамен – игорные заведения и публичные дома. Не поклонялись сомнительной арифметике “всеобщих выборов”, и вот за “Единую Россию” голосуют ныне под 100% на многих избирательных участках. Говорили о тайных масонских интригах, и вот остались мы с подставными политическими “партиями” и липовыми “профсоюзами”, и некуда крестьянину податься, прежде всего – русскому крестьянину. Ну, хватит, всё тут теперь ясно...

И последнее, в чём мы оспорим В. Соловья, хоть это может показаться второстепенным, это его следующее самоуверенное утверждение: “Беда русских националистов в том, что они как огня боялись власти и связанной с ней ответственности, что они не хотели работать, чуть-чуть напрячься ради достижения собственных целей, пребывая в странном убеждении, будто победа сама свалится им в руки”. Право же, непонятно, о ком это написано, и говорю не как участник событий (воспоминания, как известно, источник ненадёжный), а мог бы сослаться на многочисленные опубликованные свидетельства о деятелях “русской партии”. У них было немало недостатков, но боязнь ответственности или вялостью действий они не страдали – это точно. Тут, к сожалению, проглядывается очевидное старание автора “опустить”, так сказать, тех персонажей, о ком он взялся рассказать.

В общем, полезную работу издал В. Соловей, главное, что она по-своему развивает и расширяет обсуждение ключевого политического вопроса, стоящего перед современным государством Российским, – о настоящем и будущем русского народа. Все мы, граждане России, русские, хоть и разных племён, но наши боязливые, лишённые высших целей власти никак не могут этого сообразить. Стесняются быть русскими, хотят выглядеть “европейцами”. Как приятно общаться с воспитанными людьми на “восемёрке”, “двадцатке”, “сороковке”, это не разорённое Пикалёво, тут неприятных вопросов не зададут, даже дружески по плечу похлопают, как приятно!..

В. Соловей уловил это несоответствие и чётко заметил, что В. Путин и Д. Медведев опасаются русского народа, не решаются опереться именно на большинство страны, держат ненавистных Зурабова, Кудрина, Фурсенко, Швыдкого и таких же советников, не могущих по природе стать русскими патриотами. Спасибо ему за это ясное суждение, прямо заявленное.

Видимо, он всё же остерегся быть русским националистом до конца, предпочёл остаться сочувствующим. Последняя фраза книги выделена, как некое пророчество: “Время пришло, чтобы вырвать победу. Но сделать это некому”. Ну что ж, надеяться тут на помощь русскому народу со стороны В. Соловья, как и на прочих (и гораздо худших) “обозревателей” вроде Белковского, Кургиняна, Павловского, не следует, это ясно. Подождём развития дальнейших событий, они ускорятся. В “Тихом Доне” есть впечатляющий эпизод, словно для нашего времени написанный: казаки задумывают восстать против жестокостей комиссаров и чекистов, один из них растерянно спрашивает товарищей: “У нас же офицеров нет, кто нами командовать станет?” “Бабы их народят”, – ответили ему. Так что неизбежно народят нынешние русские женщины и Дмитрия Донского, и его вдохновителя Сергия. В том же Пикалёве, например, или в Кондопоге.

Русский народ сам себя защитит, в чём напрасно сомневаются некоторые маловеры. У русских в России есть на то все права, и не только юридические и тем паче не пресловутые “права человека”, а те, которые основаны на высшей, небесной, надмирной правде и справедливости, ибо русские есть законные наследники своей державы. Вот неустроенные “гастарбайтеры” порой жалуются на то, что они трудятся чернорабочими, а молодые русские москвичи такой неприятной службы избегают. Не впадая ни в какой национализм, напомним гостям про некий мировой закон, открытый чуть ли не в веке XVIII,

повторенный позже Карлом Марксом: земля на нашей планете ограничена её размерами, другой человечеству не дано. Отсюда возникает, говоря по-нашему, “абсолютная рента”, то есть сама ограниченность любой части земли и всего, что заложено в её недрах, есть грандиозная ценность уже сама по себе, независимо от быстро меняющихся политических или экономических обстоятельств. Все коренные граждане России имеют законное и неоспоримое право на эту землю, освоенную и защищённую предками от любых посягательств. Гостям, которые здесь работают, должно с необходимым уважением относиться к хозяевам этой земли.

В богатой Саудовской Аравии на нефтяных скважинах заняты в основном иностранцы, но все коренные граждане страны получают долю от нефтяных прибылей. Арабские шейхи в силу определённых причин считаются со своим народом, остерегаясь лихоимствовать. Российская новаяоявленная буржуазия не только воровская, но и сугубо “некоренная”, выразимся осторожно. В отличие от буржуазии западной, их ещё не приучили считаться со своими трудящимися. Трудно представить, чтобы французский Ротшильд покатался бы по Сене на яхте-дворце за полмиллиарда баксов. А вот пошлый Рома Абрамович прибыл на Неву именно на такой, и тамошние власти почтительно принимали наглого выскочку. наших буржуев ещё не выгоняли из особняков и загородных дворцов. Наше правительство с этой буржуазией до поры сотрудничает, посмотрим, что будет дальше. А пока народу предложено только терпеть и ожидать. И русский народ ждёт, хотя уже многое понял.

ЮРИЙ ПАВЛОВ

“КРИЗИС И ДРУГИЕ” С. КУРГИНЯНА

Фантазии на литературно-политические темы

Я давно стараюсь не читать статьи Сергея Кургиняна – с детства не люблю фантастику. Однако с подачи возмущённого коллеги всё же одолел “эпопею” “Кризис и другие” (“Завтра”, № 37–48) и решил выразить своё отношение к ней.

В этой работе в первую очередь удивляют логика и система доказательств автора, который в определённых кругах слышит за политического аналитика и который так говорит о себе: “Я хочу на фактологической, а не спекулятивной основе подбираться к ответу...”; “Метод, который я исповедую, предполагает, что, помимо рефлексии (аналитики текстов, то есть), исследователь предполагает перцепцией (то есть этим самым личным опытом). <...> Но апеллировать я намерен к рефлексивному”.

Сразу не могу не заметить, что уже приведённые цитаты свидетельствуют о явных проблемах у С. Кургиняна с русским языком: “на основе... подбираться к ответу”, “метод... исповедую”, произвольно поставленные и не поставленные запятые. Но не будем отвлекаться на такие “мелочи”, которых в тексте изобилие. Посмотрим на то, как работает заявленный метод, например, при доказательстве одной из ключевых идей Кургиняна: “Союз русского народа” и “русская партия” – “нож в спину” государственности.

Данная идея вырастает из высказываний С. Витте и А. Байгушева. Более того, оценки Витте – чуть ли не единственный вариант характеристики времени, партий, исторических деятелей. Такой подход, по меньшей мере, односторонен.

Вполне очевидно, что Витте для Кургиняна – идеальный союзник, ретранслятор созвучных ему оценок. Отсюда многочисленные и огромные цитаты из воспоминаний Сергей Юльевича, высказывания, как будто взятые из советских учебников. Показательно и то, что Сергей Ервандович ссылается на мемуары Витте, изданные в СССР в 1960 году. То есть тогда, когда имена В. Розанова, М. Меншикова и других “правых” можно было называть только в отрицательном контексте, а о публикации их книг не могло быть и речи.

В случае с Витте, типичном для “сериала” “Кризис и другие”, “рефлексия” Кургиняна практически отсутствует, а выступает он, по сути, в роли конферансье, связывающего одно высказывание Сергея Юльевича с другим. В арифметическом выражении аналитический метод Кургиняна выглядит так. “Сюжет” с Витте “равен” 7072 знакам, из них цитаты составляют 58% (4106 знаков). Остальные 42% – комментарии Сергея Ервандовича, которые сводятся преимущественно к следующему: “Вот что Витте говорит о “Союзе русского народа” в своих мемуарах”; “Далее Витте даёт убийственную характеристику “консервативным революционерам”; “А вот ещё что пишет Витте, сумевший, как мне кажется, не только описать свою эпоху, но и заглянуть вперёд” (вновь не могу не обратить внимание на стиль автора: “пишет... описать”).

Конечно же, первостепенное значение имеет вопрос: насколько состоятельны, как достоверный исторический источник, мемуары Витте, насколько точны, объективны многочисленные характеристики событий, партий, отдельных личностей, содержащиеся в этих воспоминаниях?

Для автора “Кризис и другие” – “Сергей Юльевич Витте – один из выдающихся деятелей Российской империи”, в чьих оценках Кургинян ни разу не усомнился. При этом за рамками “эпопей” остаётся принципиально иной взгляд на личность и деятельность Витте, и современный читатель, думаю, должен о нём знать.

Сергей Юльевич характеризовался его современниками как деятель, сыгравший разрушительную роль в истории русской государственности. Например, Святой Иоанн Кронштадтский считал, что Витте, стоявший у колыбели Конституции 1905 года, – главный виновник подрыва традиционных устоев России, смуты 1905–1907 годов в частности. Олег Платонов в книге “Еврейский вопрос в России” (М., 2005) приводит текст молитвы Святого, где есть такие слова: “Господи, <...> возьми с Земли друга евреев Витте”.

Можно предположить, почему Кургинян говорит о немецко-русской родословной Сергея Юльевича. Вряд ли в этом была необходимость, но вот о факторе жены, еврейском факторе, видимо, следовало сказать, ибо на это делали и делают ударение многие авторы. Так, Николай Марков в книге “Войны тёмных сил” (М., 2002) писал: “Посланный Государем в Америку для переговоров о мире С. Ю. Витте сблизился там с американскими евреями и поторопился заключить 23 августа 1905 года бесславный Портсмутский мир, хотя не мог не знать, что Япония к тому времени совершенно выдохлась. <...> Американские евреи Яков Шиф, Леб и другие всю войну снабжали Японию деньгами и военными припасами <...> Они спасли Японию от нависшей над нею грозной опасности и через послушного иудео-масонству Витте устроили этот срамной для великой России мир”; “Витте был женат на еврейке и всецело находился под её вредным влиянием. Он был другом берлинского банкира, еврея-масона Мендельсона; ближайшим советником Витте во время его министерства был директор международного банка еврей Ротштейн – масон “Великого Востока”.

Я понимаю, какую реакцию у С. Кургиняна, и не только у него, вызовут приведённые высказывания Николая Маркова, правого монархиста, видного деятеля “Союза русского народа”. Не имея возможности высказаться по всему спектру затрагиваемых Марковым проблем, скажу о главном. Его версия о “выдохшейся” Японии подтверждается мемуарами участника событий японского дипломата Кикудзиро Исии, на которые ссылается Наталья Нарочницкая в книге “Россия и русские в мире истории” (М., 2003). Как явствует из этих мемуаров, Япония, в начале переговоров требовавшая денежную контрибуцию, весь Сахалин и все Курилы, на финише готова была на мир без Сахалина и контрибуции. Результаты деятельности главного переговорщика С. Витте Н. Нарочницкая справедливо называет неудачными, уточняя в этой связи: “При некоторой твёрдости Россия не потеряла бы южной части Сахалина. И Витте, и Розен (посол России в Вашингтоне) не случайно в своих воспоминаниях замалчивают вопрос о Сахалине и переговоры о нём”.

Второй источник, на который постоянно ссылается Кургинян, – это мемуары Байгушева. И на этот раз выбор Сергея Ервандовича характерен – и не менее странен, чем в случае с Витте.

О “русской партии”, об эпохе 60–80-х годов XX века имеются мемуарные и немемуарные свидетельства Михаила Лобанова, Станислава Куняева, Сергея Семанова и других “правых”. Но Кургинян взял книгу Байгушева, вновь продемонстрировав “преимущества” и сущность своего метода. Не мог, конечно, Сергей Ервандович допустить, чтобы на страницах его “сериала” заговорили реальные, а не мифические представители “русской партии”, например, М. Лобанов. Он, один из идеологов и самых стойких бойцов этой партии, в работе Кургиняна даже не упоминается.

Причина сего видится в том, что Михаил Петрович неоднократно заявлял: “русский орден” в ЦК КПСС – это миф. К тому же о Байгушеве, породившем данный миф, который был позже воспринят всерьёз “левыми”, Н. Митрохиным, С. Кургиняном, Лобанов в своих воспоминаниях “В сражении и любви” (М., 2003) говорит лишь один раз – и говорит так: “Ходил он в “русских патриотах”, обивал порог “Молодой гвардии”. Прибегая в редакцию, сочным

говорком сыпал новостями и историйками о евреях, о масонах, разнохивал “новенькое” в редакции, так же впопыхах убежал”; “После статьи А. Яковлева Байгушев перестал бегать в “Молодую гвардию”, искал новое убежище и нашёл его в издательстве “Современник”.

Думаю, красноречив и тот факт, что Станислав Куняев в своём трёхтомнике “Поэзия. Судьба. Россия” фамилию Байгушева не назвал ни разу. И у Вадима Кожинова (который вдруг стал в последней книге Александра Иннокентьевича его другом, соратником по борьбе) в многочисленных интервью и статьях автор книги “Русский орден внутри КПСС” не упоминается. А в “Русско-еврейских разборках” Сергея Семанова (М., 2003) “русская партия” представлена именами В. Кожинова, М. Лобанова, А. Ланщикова, О. Михайлова, П. Палиевского, В. Распутина, В. Белова, Д. Балашова, Б. Рыбакова, И. Глазунова, В. Солоухина. Фамилия Байгушева лишь единожды возникает в главе “Русский клуб”.

Одну из ключевых ролей в концепции Кургиняна играет Михаил Бахтин, известный мыслитель, возвращённый к жизни в литературоведении и философии Вадимом Кожиновым. С его же подачи был создан культ Бахтина в науке и околонатуре. Правда, бóльшая часть “русской партии” к Бахтину отнеслась с разной степенью критичности. Показательно, что уже в конце 70-х годов Юрий Селезнёв, ученик Кожинова, начал “коррекцию” взглядов Бахтина, о чём мне приходилось писать (“Наш современник”, 2009, № 11). Конечно, об этом – о полемике М. Лобанова, В. Гусева, Ю. Селезнёва, С. Небольсина с Бахтиным – в статье Кургиняна ни слова, “союзников” он находит в лице Сергея Аверинцева и Алексея Лосева.

Эти мыслители, по утверждению автора сериала “Кризис и другие”, понимали, что “Бахтин бьёт и по церкви, и по абсолютной монархии <...>, и по Идейности как таковой”. И далее Сергей Ервандович в присущей ему театральной манере задаёт десять вопросов подряд, вопросов преимущественно риторических. Часть из них я приведу: “А как же Кожинов и прочие этого не понимали и не понимают до сих пор? А как это можно не понимать? Если чёрным по белому написано о СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРЬЁЗНОСТИ! СРЕДНЕВЕКОВОЙ! Что? Написанное касается только католической церкви? С чего вы взяли?”

Однако слова Бахтина, в которых Кургиняна увидел такой глубинный смысл и которые вызвали у него словесно-эмоциональную диарею, Сергей Аверинцев комментирует принципиально иначе и вполне определённо, о чём автор “сериала”, конечно, умалчивает. Итак, в сноске номер два Аверинцев говорит: “Как человек, лично знавший Михаила Михайловича, должен засвидетельствовать, что сам он вспоминал такие пассажи своей книги о Рабле с сожалением и в разговорах приводил их как доказательство того, что он, Бахтин, был не лучше своего времени. Надеюсь (здесь и далее в цитате разрядка моя. – Ю. П.), что в глазах каждого из нас такая способность строго и трезво взглянуть на собственный текст делает Бахтина не меньше, а гораздо больше”.

Кургиняна, вместо того чтобы, как и полагается любому добросовестному исследователю, реагировать на подобные суждения Аверинцева, предпочитает их игнорировать и упорно творит свой миф, постоянно ссылаясь на известного мыслителя как на союзника.

В работе “Бахтин, смех, христианская культура” Аверинцев справедливо указывает на многие уязвимые места в известной книге о Рабле, но нигде не говорит о “сатанизме” Бахтина, на чём настаивает Кургиняна. Он, любитель частого и обильного цитирования, в данном случае не приводит высказывания Аверинцева, подтверждающие сию версию, предпочитая пересказ мыслей Сергея Сергеевича, заканчивающийся нелогичным, вопиюще произвольным выводом...

На самом деле в статье “Бахтин, смех, христианская культура” Аверинцев объяснял абсолютизацию смеха автором книги о Рабле, в первую очередь, особенностями времени: “...Когда защита свободы ведётся на самой последней черте, возникает искушение захватить в руку какой-то талисман – смех <...> – ухватиться за него, как, по русской пословице, утопающий хватается за соломинку <...> Это очень понятное поведение”.

Нет ничего удивительного и в том, что все карнавально-раблезианские приметы той эпохи, в частности, называемые Аверинцевым, в статье Кургиняна отсутствуют. Как отсутствует и цитата из Бахтина, приводимая Сергеем

Сергеевичем и предваряемая комментарием, в котором содержатся такие суждения, как “Бахтин был прав”, “Бахтин имел право”, “сказал с бес-смертной (разрядка моя. — Ю. П.) силой”. В цитате Михаила Михайловича ключевыми, на мой взгляд, являются следующие слова: “Поэтому классовый идеолог никогда не может проникнуть со своим пафосом и своей серьёзностью до ядра народной души...”.

Эти слова в полной мере применимы к “классовому идеологу” Кургиняну, который проникновенно пишет об идее диктатуры пролетариата и Карле Марксе. Сергей Ервандович, коль уж называет себя аналитиком, должен был обратиться к другой статье Аверинцева с говорящим названием “Бахтин и русское отношение к смеху”. Данная работа, вышедшая через пять лет после статьи “Бахтин, смех, христианская культура”, содержит принципиальные суждения, вновь не вписывающиеся в концепцию Кургиняна, разрушающие его миф о Бахтине. Автор сочинения “Кризис и другие”, думаю, об этом знает, поэтому сия публикация осталась за бортом его “эпопеи”.

Уточню — суть в данном случае не в том, прав или не прав в своих оценках М. Бахтина С. Аверинцев, а в том, что взгляды последнего очень часто “усекаются”, искажаются, произвольно трактуются автором “сериала” “Кризис и другие”. То есть в этом вопросе, как, впрочем, и в других, Сергей Аверинцев Сергею Кургиняну не союзник и не единомышленник.

И наконец, Сергей Аверинцев прекрасно понимал, что его критика Михаила Бахтина может быть неадекватно, недобросовестно истолкована. Поэтому он, обращаясь и к “аналитикам” разного толка, и к невнимательным читателям, писал в статье, которую активно цитирует Кургинян: “Ещё важнее для меня избежать недоразумений в другом пункте — я и в мыслях не имею набрасывать тень на безупречную чистоту (разрядка моя. — Ю. П.) философских интенций Бахтина, все усилия которого были без остатка отданы защите свободы духа в такой час истории, когда дело это могло казаться безнадёжным. Весь смысл человеческой позиции Михаила Михайловича могут, наверное, понять только те, кто были ему и соотечественниками, и современниками; наша благодарность ему не должна иссякнуть”.

Поражает в мифе так называемого политического аналитика о Бахтине и другое. Даже если принять на веру версию Кургиняна, что Михаил Михайлович и его поклонники демонтировали культуру, вели “подкоп под Идеальное”, то обязательно возникнет следующий вопрос. Почему отсчёт “подкопа под Идеальное” с помощью смеха, загадочно именуемого “бахтинской смеховой культурой”, ведётся с автора книги о Рабле?

Несомненно, что этот процесс демонтажа начался гораздо раньше. Александр Блок, например, на которого часто и всегда неудачно ссылается Кургинян, ещё в статье “Ирония” (1907) говорит о разрушительном смехе как распространённом явлении начала XX века. Характеризуя его, Блок точен и созвучен той русской традиции, о которой так хорошо говорит в своих статьях Сергей Аверинцев. Всё, что Кургинян клеймит в Бахтине-Рабле, Блок находит в дорогом Сергею Ервандовичу модернизме: и “беса смеха”, и “дьявольское издевательство”, и буйство, и кощунство... Блок, не разделяющий смех и иронию, главный результат воздействия этого разрушительного смеха, этой разлагающей иронии определяет предельно точно: “Перед лицом проклятой иронии — всё равно <...>: добро и зло, ясное небо и вонючая яма, Беатриче Данте и Недотыкомка Сологуба”, “всё обезличено, всё обесчещено, всё — всё равно”.

В контексте интересующей нас проблемы, думаю, важно и то, что Блок подобный смех-иронию определяет как болезнь индивидуализма. То есть, добавлю от себя, это болезнь обезбоженного человека, всё равно какой эпохи: античности, Ренессанса, XX или XXI веков. И в данном контексте напомним Кургиняну, что Аверинцев в работе “Бахтин и русское отношение к смеху” называет “народную смеховую культуру”, или “смех”, “одной из универсалий человеческой природы”. Далее Сергей Сергеевич делает важное уточнение, которое позволяет понять многое: “Это явление, однако, по-разному окрашено в различных культурах...”.

Вот эта национально-культурная “прописка” смеха у Кургиняна отсутствует, но намётки её есть у Блока. “Корректные” — в статье “Ирония”, где он говорит о том, что “все мы пропитаны провокаторской иронией Гейне”; “некорректные” — в дневниковой записи от 17 октября 1912 года (“Хотели купить

“Шиповник” <...>, но слишком он пропитан своим, дымовско-аверченко-жидовским – юмористическим” / Блок А. Дневник. – М., 1989). Так, окружными путями, мы вернулись к Бахтину и смеховой культуре...

В ответ на утверждение Кургиняна об уничтожающей Идеальное “бахтинской смеховой культуре” у человека, хотя бы чуть-чуть знающего историю русской литературы XX века, не может не возникнуть вопрос: почему же автор “фэнтези” о кризисе ни слова не говорит о еврейской смеховой культуре – неотъемлемой составляющей литературы, культуры, жизни в Российской империи, СССР и сегодняшней России? Как-то странно вы запомнили, Сергей Ервандович, о бабелях, ильфах, войновичах и прочих сапгирах. Напомню, что ещё в 1974 году Олег Михайлов в книге “Верность”, в главе об “одесской школе” поставил вопрос о качестве смеха и выделил два его типа: русский – “смех сквозь слёзы” и “одесский” – смех ради смеха, сытый смех, смех, унижающий, уничтожающий человека. Напомню и то, что Олег Михайлов – представитель “русской партии”, которая, как уверяет нас Кургинян, хотела истребить в народном “ЯДРЕ души” серьёзное и вместе с “духовным гуру Бахтиным” готовила ад на земле. Для пущей убедительности театральным критик сей бред оформляет соответственно: “Русские, добро пожаловать в Ад!”.

Не менее странно и другое: Кургинян, опирающийся в своих измышлениях о Бахтине на Алексея Лосева, относящийся к философу с большим почтением, почему-то не вступает в него в полемику по более принципиальным вопросам, которые являются определяющими в разговоре о проблеме и судьбе Идеального. Полагаю, что Сергей Ервандович должен был как-то отреагировать на известные высказывания Лосева или хотя бы на суждения философа, приведённые читателями сочинения Кургиняна в гостевой книге на сайте газеты “Завтра”. Любое из этих высказываний, по сути, перечёркивает “Кризис и другие”. Вот только некоторые из них: “Марксизм есть типичнейший иудаизм, переработанный возрожденческими методами; и то, что все основатели и главная масса продолжателей марксизма есть евреи, может только подтвердить это”; “...Социализм, в сущности, есть синтез папства и либерального капитализма”; “Триада либерализма, социализма и анархизма предстаёт перед нами как таинственные судьбы каббалистической идеи и как постоянно нарастающее торжество Израиля. Большинство либералов, социалистов и анархистов совсем не знают и не догадываются, чью волю они творят”.

Сергей Ервандович, вероятно, не только догадывается, но и знает, чью волю он творит...

Ещё одним деятелем, приближавшим ад для русских, разваливавшим Советский Союз, ведшим подкоп под Идеальное, был, по Кургиняну, Кожин. В случае с ним Сергей Ервандович оперирует не работами Вадима Валериановича, а его интервью. Для аналитика такая странность характерна, и отнесёмся к ней как к данности, высвечивающей исследовательские предпочтения Кургиняна. Показательно и то, что автор “эпопеи” создаёт образ Кожина, отталкиваясь от одного интервью и беседы, которые состоялись примерно за полтора года и три месяца до смерти Вадима Валериановича. Нужно ли говорить о том, что любой человек в подобной ситуации может ошибиться, запомнить?

Однако факты, приводимые Кожинным, Кургинян не подвергает ни сомнению, ни проверке – они автоматически попадают в разряд достоверных. И более того, становятся краеугольными камнями, на которых вырастает ряд ключевых сюжетов и идей “фэнтези”.

На уязвимость такого исследовательского подхода справедливо указывал сам Кожин. Он в статье “Ещё несколько слов о Михаиле Бахтине” (которая, как и другие работы Вадима Валериановича о Бахтине и Лосеве, в “эпопее” Кургиняна не фигурирует) утверждал: “Н. К. Бонецкая наверняка штудировала эту книгу (“Проблемы поэтики Достоевского”. – Ю. П.), однако ссылается она всё же не на неё, а на мемуарный (никогда не имеющий стопроцентной точности) пересказ, делая это явно для того, чтобы, так сказать, “поймать” М. М. Бахтина на якобы чуть ли не неожиданном для него самого “разоблачающем” приговоре...”.

Эти слова в полной мере применимы и к характеристике работы С. Кургиняна “Кризис и другие”. К чему приводит опора на мемуары, помноженная на авторский произвол в их трактовке, покажу на ключевых, сюжетообразующих эпизодах “эпопеи”.

Мысль о Бахтине-антисемите неоднократно варьируется на протяжении всего кургиняновского повествования. Эта явно абсурдная, несправедливая оценка подпирается авторитетом Кожина, который, по словам Кургиняна, “говорил о Бахтине как о своём “черносотенном”, “антисемитском” гуру”. Вот так одной фразой наносится сразу двойной удар по Михаилу Михайловичу и Вадиму Валериановичу.

Но в интервью, которое имеет в виду Сергей Ервандович, Кожин говорит совсем о другом. Бахтин через Розанова разрушил представления Вадима Валериановича о том, что критиковать евреев нельзя и что такая критика есть антисемитизм. К тому же Кожин не раз справедливо утверждал, что Бахтин в своих работах не выразил отношения к “пресловутой проблеме”. И естественно, что нигде – ни в интервью, ни в публичных высказываниях, ни в статьях – Кожин не называет Михаила Михайловича антисемитом. Если бы Кургинян стремился быть объективным, то он наверняка процитировал бы следующее высказывание Вадима Валериановича: “По мере того, как осваивалось их наследие (П. Флоренского, Л. Карсавина, А. Лосева и др. – Ю. П.), становилось известно, что они воспринимали пресловутый “еврейский вопрос” не так, как “положено”, и их начали обвинять в “антисемитизме”. Слово это в его истинном смысле означает принципиальное и, так сказать, априорное неприятие евреев как таковых, как этноса (что, безусловно, и безразлично, и просто неразумно), но сие слово сплошь и рядом употребляют по адресу людей, которые принципиально высказались о тех или иных конкретных действиях и суждениях лиц еврейского происхождения, и приписывать им ненависть к целому этносу – грубейшая клевета”.

Кургинян же приписывает антисемитизм Бахтину и автоматически – Кожину. Подобные обвинения в свой адрес Вадим Валерианович неоднократно комментировал и доказательно опровергал. Почему всё это не учитывает аналитик – легко догадаться...

И последнее – Кожин никогда не называл Бахтина, как и себя самого, черносотенцем, и оба мыслителя таковыми, конечно, не являлись. Я, естественно, понимаю и экзальтированность натуры, и страсть к фантазированию, и скрытые и явные комплексы Сергея Ервандовича, которые определяют многое... Но, товарищ Кургинян, всё же надо держать себя в руках – то есть оперировать фактами и, желательно, мыслить логически.

Одна из ключевых идей автора “Кризис и другие” вырастает из следующего высказывания Кожина, взятого из последнего его выступления: “Я тогда познакомился с одним итальянским коммунистом, литературным деятелем, Витторио Страда, и уговорил его написать, что итальянские писатели хотят издать книгу Бахтина. Тогда он на самом деле ещё не собирался её издавать <...>. Но он выполнил мою просьбу. Тогда началось некое бюрократическое движение. Я пробрался к директору издательского агентства и напугал его, сказав, что рукопись Бахтина находится уже в Италии (она и правда была в Италии). Мол, её там издадут, и будет вторая история с Пастернаком, которая тогда была ещё свежа в памяти. Представьте себе, этот высокопоставленный чиновник очень испугался и спросил меня, что же делать”.

Кургинян находит много нелогичностей в поведении Кожина, которые, по мнению Сергея Ервандовича, свидетельствуют о том, что Вадим Валерианович был каким-то образом связан с КГБ.

Сначала скажем о событиях, очень своеобразно понимаемых и интерпретируемых автором “сериала”. Уже в самом факте обращения Кожина к Страде, а не к Кочетову Кургинян находит смысл, разрушающий традиционное представление об одном из лидеров “русской партии”. По мнению Сергея Ервандовича, у В. Кожина, “который всегда позиционировался в качестве почвенника-охранителя”, по идее, должно быть больше общего с “охранителем-почвенником” В. Кочетовым, чем с В. Страдой.

Кожин обратился к Страде, обуреваемый одним благородным желанием – помочь опальному гению Михаилу Бахтину. Если Сергею Кургиняну, который во всём видит классовый, идеологический, тайный смысл, такое чистое желание непонятно, то здесь, как говорится, даже медицина бессильна...

Что же касается общности В. Кожина с В. Кочетовым, то сама подобная идея видится в высшей степени нелепой. Сергею Ервандовичу не мешало бы знать, что Кожин, Лобанов и другие “правые” многократно писали, что у них не было и не могло быть ничего общего с В. Кочетовым, “Октябрем”,

советским официозом – ненавистниками традиционных русских ценностей. В. Кочетов и компания с таким же энтузиазмом громили “русских патриотов”, как и А. Твардовский с новомировской компанией...

Вообще же реальность, которую создаёт Кургинян, отличается тем, что в ней по-настоящему реальным является лишь сам автор. Вот, например, как всплывает в тексте в очередной раз факт аспирантства Витторио Страды: “Весьма разборчивая в отношениях Елена Сергеевна Булгакова передаёт Страде (аспиранту МГУ, коммунисту) отрывки из “Мастера и Маргариты”, исключённые из первого советского издания”. Напомню, что первая в СССР публикация романа Михаила Булгакова была завершена в 1967 году. Аспирантом же МГУ Страда стал в 1958 году, то есть ни при каких обстоятельствах аспирантом итальянский филолог во время встречи с Еленой Сергеевной быть не мог.

Но самое курьёзное другое: Вадим Валерианович, приведя историю с Бахтиным и Страдой, невольно дал дополнительный импульс и без того фантазийнейшему Кургиняну. Перед тем как отпустить на волю своё воображение, Сергей Ервандович предупреждает: “Вы убедитесь, что реконструкция этого текста, которую я сейчас предложу, лишена всякой фантазии. И на грубом аналитическом языке излагает (“реконструкция... излагает” – это не менее сильно, чем десять подряд заданных вопросов. – Ю. П.) один к одному то, что чуть более изысканно сказано Кожиновым”.

Вполне понятно, почему Кургинян заикливается на “изысканности” кожиновского рассказа (хотя на самом деле её там нет), но гораздо правильнее, продуктивнее было бы аналитику обратить внимание на другое. В публичном выступлении Вадим Валерианович допускает неточности в изложении событий 1961–1962 годов. Ранее в статье “Великий творец русской культуры XX века” Кожинов рассказал эту историю иначе. И легко доказать, что данный вариант более соответствует реальным фактам, чем тот, на котором строит свои фантазии Кургинян. Для этого нужно лишь прочитать переписку Кожинова с Бахтиным (“Москва”, 1992, № 11–12).

Так вот, согласно первоначальной – точной – версии событий именно Витторио Страда, готовивший издание работ о Достоевском, “пожелал познакомиться” с Кожиновым, а тот предложил ему книгу Бахтина (видите, как всё предельно просто оказывается, Сергей Ервандович). И не каким-то подпольным путём рукопись попала за границу, как утверждает Кургинян, и тем более не в 1961 году, как свидетельствует в выступлении Кожинов и вслед за ним автор “Кризис и другие”. Рукопись попала в Италию в 1962 году вполне официально, принятым в СССР путём через соответствующую структуру – издательское агентство...

В очередной раз отдаю должное фантазии Кургиняна. Ведь такое нужно было придумать – одновременно повязать Вадима Кожинова и Михаила Бахтина с “мировой закулисой” в лице Витторио Страды – и с Юрием Андроповым, КГБ, “русским орденом” в ЦК КПСС.

Показательно, что миф о “русском ордене”, рождённый либералами-русофобами и Александром Байгушевым, подхватил и оригинально модернизировал “красный патриот”, “имперец” Сергей Кургинян. Не вызывает сомнений, что его “Кризис и другие” – вода на мельницу антирусских сил разного толка. Не буду гадать, чем вызвана эта публикация на страницах газеты “Завтра”. Скажу кратко об очевидном, игнорируемом Кургиняном в данном сочинении и игнорируемом всегда его единомышленниками (советскими патриотами) и оппонентами (либералами-космополитами).

Легенда о “русском ордене” в ЦК КПСС разбивается вдребезги о неизменную – антирусскую – национально-государственную политику Старой площади, идеологию уникальной “империи наоборот” и многое другое, о чём многократно и справедливо писали “правые”. Помимо известных статистических данных, подтверждающих явную ущемлённость русских в СССР, Кургиняну и его единомышленникам не стоит забывать о судьбах И. Огурцова, Л. Бородина, Е. Вагина, В. Осипова, М. Лобанова, С. Семанова, Ю. Селезнёва, В. Кожинова и других русских патриотов, по-разному пострадавших в 60–80-е годы – во времена правления якобы обрусевшей власти. К тому же следует помнить и о том, что рассказывали представители “русской партии” о контактах с их, по версии Байгушева–Кургиняна, “кураторами” из “русского ордена” в ЦК КПСС.

Михаил Лобанов так свидетельствует об этих “контактах” в своей книге “В сражении и любви” (М., 2003): “Наши встречи с партийным и комсомольским начальством ничего, разумеется, не дали”; “Надеялись мы на поддержку Кириленко <...>, но он недовольно проворчал явно не в нашу пользу: “Русофилы”; “А мы, русские, “почвенники” <...>, – мы не только не встречали понимания в ЦК, нас считали главными и, пожалуй, единственными нарушителями “партийности””.

Итак, прочитанная мною часть работы Кургиняна “Кризис и другие” позволяет сделать следующие выводы: аналитический метод одного из главных идеологов “Завтра” сверхузвим; Кургинян не в состоянии объективно, непредвзято, адекватно оценить исторические события XX века и роль отдельной личности (С. Витте, М. Бахтин, В. Кожин и т. д.). К тому же автор “эпопеи” страдает русофобией. Он не может предложить реальную альтернативу тому губительному курсу, по которому идёт наша страна. Такие “аналитики”, как Кургинян, выгодны, необходимы нынешней власти, ибо своими статьями, книгами, выступлениями на телевидении они уводят читателей, зрителей от истинных ценностей, от подлинного понимания далёкой и близкой истории и дня сегодняшнего.

ГАЛИНА ОРЕХАНОВА

А. П. ЧЕХОВ НА РУССКОЙ СЦЕНЕ

К 150-летию со дня рождения А. П. Чехова

*В человеке должно быть
всё прекрасно: и лицо, и одежда,
и душа, и мысли...
Праздничная жизнь не может
быть чистой.*

А. П. Чехов “Дядя Ваня”

“...В январе я был в Петербурге, останавливался у Суворина. Часто бывал у Потапенко. Виделся с Короленко. Часто бывал в Малом театре...В феврале проездом через Москву был у Л. Н. Толстого. Он был раздражён, резко отзывался о декадентах...”

Коротенькая запись из рабочего дневника А. П. Чехова 1896 года впускает нас в лабораторию того интеллектуального и духовного напряжения, которое определяло уровень отношений писателя с жизнью. Представим себе круг общения А. П. Чехова, и нам станет понятно многое, когда задумаемся о том, что сформировало этого удивительного художника, откуда взялось его мастерство и та высочайшая планка требований в искусстве, которой он не только старался соответствовать, но поднимался на вершины, открытые им самим.

Писатели Л. Н. Толстой, Д. В. Григорович, И. А. Бунин, А. М. Горький, В. Г. Короленко, А. И. Куприн, М. И. Чайковский, музыканты П. И. Чайковский, С. Рахманинов, Ф. Шаляпин, художники И. Левитан, И. Репин, К. Корвин, основатель картинной галереи в Москве П. М. Третьяков, литературный критик и публицист М. О. Меньшиков, театральный критик Л. Я. Гуревич, архитектор Ф. О. Шехтель, актёры В. Ф. Комиссаржевская, М. Н. Ермолова, князь А. И. Сумбатов-Южин, А. П. Ленский, плеяда мхатовских мастеров сцены, режиссёры Вл. Немирович-Данченко и К. С. Станиславский – все они были в течение многих лет постоянными адресатами его писем, корреспондентами-собеседниками. С большинством из них А. П. Чехова связывала личная дружба. Чрезвычайно одарённые и яркие индивидуальности, они были щедры в общении, “подпитывали” друг друга, были требовательны и порой бескомпромиссны, прежде всего к себе, и своими достижениями в искусстве влияли не только на творчество друг друга, но и на развитие русской культуры в целом.

Сегодня напомнить об этом необходимо: слишком разъяла наше общество ржавчина вандализма, безвкусыя, всеядности, попустительства, невоспитанности, пренебрежения к самому понятию “культура”. Мы стали жить с “лёгкостью необыкновенной”. Сама себя воспевающая “элита” зашла в самовос-

хвалении, пагубно влияя на нравственную атмосферу в обществе. Не пора ли остановиться?

Юбилей А. П. Чехова ставит перед Россией большие задачи, и в первую очередь — попытаться понять непознанное в необъятном наследии писателя, до сих пор не востребованное, по-настоящему не прочитанное. Почему, например, при огромном количестве существующих исследовательских работ остаётся почти нетронутой основа основ личности писателя — его отношение к Богу? В своём письме к А. С. Суворину от 27 декабря 1889 года А. П. Чехов открыто заявляет своё кредо: “Общество, которое не верует в Бога, ... не смеет и заикаться о том, что оно знакомо со справедливостью”. (Кстати, это письмо опубликовано в советском издании Собрания сочинений и писем писателя 1948 года.) Наш долг — осмыслить значение и роль А. П. Чехова в формировании нравственной атмосферы в России во всей полноте. С этой высоты и посмотрим на то, как готовится к юбилею 150-летия со дня рождения писателя современная театральная Россия.

Уже откликнулись многие театры. Однако пока афиши пестрят названиями, хорошо известными. Сезон 2009–2010 гг. премьерным спектаклем “Дядя Ваня” открыл Государственный академический театр имени Евг. Вахтангова, в “Ленком” Марк Захаров выпустил спектакль “Вишнёвый сад”. В Петербурге на постановку “Дяди Вани” в Российском государственном академическом театре драмы им. А. С. Пушкина его худрук Валерий Фокин пригласил американского режиссёра румынского происхождения Андрея Щербана.

Какие чувства должен испытывать зарубежный постановщик, впервые переступивший порог архитектурного шедевра русского классицизма великого России? К чему призывает его сцена Александринского театра? Первый русский государственный театр. Он, безусловно, диктует свою стилистику, свою форму сценической жизни. Его всемирная слава сложилась силой могучих талантов великих русских актёров. Как-то сегодня воспримет театр эксперимент господина Фокина? Объясняя, почему приглашён режиссёр из-за границы, господин Фокин писал в специально выпущенном буклете:

“Наше внимание привлекли спектакли, нарушающие стереотип восприятия, спектакли, возможно, радикальные, но такие, которые являются знаковыми для мирового театрального процесса”. Это настораживает. Что-то увидим?

Над созданием “Дяди Вани” писатель трудился почти десять лет. Слишком много было передумано, прочувствовано, пережито, когда, работая в саду подмосковного Мелихова, он сочинял и шлифовал эту не отпускающую его пьесу... Весь опыт стоической жизни уездного врача вложил Чехов в образы и дяди Вани, и доктора Астрова, и Телегина-Вафли, и Сони. Его герои по-особенному красивы той высокой, неброской красотой, которая бывает лишь тогда, когда трудится душа, да и сам человек трудится не покладая рук... Дядя Ваня, отказавшийся от наследства ради приданого для сестры, которую любил. Дядя Ваня, отдавший лучшие годы своей жизни ради выкупа именина из долгов. И всё — во имя безбедной жизни в городе всё той же сестры и её мужа профессора, а затем уже, после смерти сестры, её мужа с новой молодой женой. Дядя Ваня, провинциальный интеллигент, на свою беду полюбил пустую и праздную “лисицу” Елену Андреевну (“Она прекрасна, спора нет, но... ведь она только ест, спит, гуляет, чарует всех нас своею красотой — и больше ничего. У неё нет никаких обязанностей, на неё работают другие... А праздная жизнь не может быть чистою”, — доктор Астров). Дядя Ваня полюбил её глубоко, на склоне лет поддавшись чарам красоты, и это стало его трагедией. Интересен ли он такой сегодня? Что даёт современному зрителю встреча с ним? Понятен ли он так резко изменившимся людям России?

Да и знает ли приглашённый режиссёр историю постановок Чехова на этой сцене, не говоря уже о том, знает ли он Россию? И понял ли сложность задачи?

“Дядя Ваня” и “Чайка” — совсем новый род драматического искусства, в котором реализм возвышается до одухотворённого и глубоко продуманного символа, — это понимание чеховской драматургии открыли миру создатели Московского художественного театра. С тех пор все, кто служит сцене всерьёз, знают, что “играть Чехова” и “ставить Чехова” очень сложно и трудно.

И вот мы в зале Александринского театра. У входа вас учтиво встречают капельдинеры, в черных костюмах и белых перчатках, провожают к месту,

предлагают программку спектакля, в которой предусмотрено всё – даже интервью с режиссёром Андреем Щербаном – он не впервые работает с “Дядей Ваней”, ставил в Нью-Йорке на экспериментальной сцене.

“Помните, – читаем мы в интервью, – реплику Серебрякова из III-го акта: “Не люблю я этого дома. Двадцать шесть громадных комнат, разбредутся все, и никого никогда не найдёшь?” Вот я и выстроил этот лабиринт, по которому ходили актёры. А зрители смотрели на них сверху.

А два года назад я поставил “Дядю Ваню” в Венгрии. Совершенно иначе. Просто перевернул театральное пространство: зрители сидели на сцене, актёры играли в зале. И когда Валерий Фокин предложил мне поставить “Дядю Ваню” здесь, я понял, что эту идею надо развивать. Перевернуть ещё раз: пусть зрители будут в зале, а актёры на сцене. Но чтобы сцена была как бы зеркалом для Александринского зала. Никакого имени Войницкого – пусть актёры играют в театре”.

Невольно задаёшься вопросом: вот и вся идея?! А как же подзаголовок в названии спектакля, вынесенный на титульный лист программки: “Сцены из деревенской жизни в четырёх действиях”? И потом – Чехов писал о провинциальной России, людей которой понимал и любил.

Режиссёр поясняет: “Я не имел в виду именно российскую реальность – просто потому, что я её не знаю. Для меня это спектакль универсальный: хоть о России, хоть об Америке, хоть о любой другой стране мира.

– Вы впервые приехали в Россию?

– Был три дня в прошлом году и три дня в этом. Итого шесть”.

Итак, “Дядя Ваня” без сцен из деревенской жизни, и вообще спектакль не о России. При чём же здесь Чехов?

На сцене, как и в зале, ряды кресел. Из дверей и окон, разом, выпрыгивая из лож всех шести ярусов, к сцене движутся актёры. И это будет происходить не раз, и не два, и зрители будут метаться в креслах и вертеть головой, следя за актёрами. Такова режиссура.

Дядю Ваню играет народный артист России Сергей Паршин. Выглядит добрым, вполне приятным мужчиной с буйной растрёпанной шевелюрой. Одет в брюки, рубашку, жилет. Опрятен. Сдержан в проявлении чувств. До поры до времени. У него хорошие выразительные глаза, и в ходе спектакля вас не раз поразит тоска в них, обращённых в себя. Сейчас он сидит на стуле, как и другие актёры спектакля, в ряду, выставленном на сцене, только чуть поодаль. И вдруг в зале слышится... хрюканье! Вы не ошиблись – это храп, дядя Ваня уснул. Вас это коробит? Конечно. Как, наверное, и Чехова был покоробило. Во всяком случае, Е. П. Карпов, режиссёр Александринского театра, это подметил: “Чехова коробил всякий фальшивый звук актёра. Несмотря на свою деликатность, он нередко останавливал среди сцены актёров и объяснял им значение той или иной фразы, толковал характеры... и всё время твердил: “Главное, голубчики, не надо театральности... Просто всё надо... Совсем просто... Они все простые, заурядные люди”.

Андрею Щербану это не известно, да и не важно. Он свою трактовку привёз, и потому доктор Астров (“не похожий на других, красивый, интересный, увлекательный, точно среди потёмок восходит месяц ясный...”, – как говорится о нём в пьесе – здесь щупленький Игорь Волков с внешностью незабвенного комика Вицина. И тоже мастер комиковать. Астров является в образе фата с вульгарной чёлкой, упавшей на лоб (как у Гитлера), в повадках, ужимах – развязный, разбитной и нахальный, и ничего другого не ждите – таким он останется до конца. Ни прекрасные, вдохновенные монологи о лесах, которые Волков произносит невнятной скороговоркой, ни вскользь брошенная фраза о погибшем на столе пациенте (что говорит об Астрове как человеке страдающем, глубоко переживающем трагедию своей возможной ошибки), ничто не прибавит образу ни тепла, ни привлекательности.

А Соня? О, Соня! Актриса Янина Лакоба играет махровую “некрасивость”. Но как! Худенькая, в обтянутом дрянном платице, она безудержно машет непомерно длинными руками и дёргается, точно Буратино на шарнирах. Она “строит” гримасы, изображает чудовище в юбке, корявое, распятое в немыслимых позах или скрюченное, свёрнутое до жалкого комочка. Зачем эти выверты – вряд ли кто объяснит. Как и то, почему Вафля представлен в спектакле “чокнутым”, с такой же уродской пластикой, как у Сони. Простодушный, безалаберный русский помещик, которого многие годы на сцене МХАТ СССР

играл незабвенный М. М. Яншин, не человек – обаяние! Здесь он тупой, больше того – бесноватый.

Однако Чехов знавал подобные штуки. В письме от 2 января 1900 года он писал жене из Ялты по поводу игры В. Э. Мейерхольда в “Одиноких” Гауптмана: “Я Мейерхольду писал и убеждал в письме не быть резким в изображении нервного человека. Ведь громадное большинство людей нервно, большинство страдает, меньшинство чувствует острую боль, но где – на улицах и в домах – вы видите мечущихся, скачущих, хватающих себя за голову? Страдания выражать надо так, как они выражаются в жизни, то есть не ногами и не руками, а тоном, взглядом: не жестикуляцией, а грацией. Тонкие душевные движения присущи интеллигентным людям, и внешним образом нужно выражать их тонко. Вы скажете: условия сцены. Никакие условия не допускают лжи”.

Поверить Щербану нельзя – так далёк он правды. Сидящий рядом сосед нервно теребит в руках платок и повторяет шипящим шёпотом: “Провал!” И вы сами убеждаетесь в этом. Вас убеждает в провале и то, как “решает” Щербан сцены “любви” – цинично, плоско и пошло, и то, как во втором акте заставляет несчастного Ваню в ночной рубашке копать в земле на специально выдвинутой платформе с маленьким домиком-макетом, водружённым на ней. Это, так сказать, образ “русской провинции” в понимании режиссёра. Он заливает дядю Ваню водой, льущейся с высоты; босого, измазанного землёй, заставляет бросаться иностранными фразами. Вообще, иностранщиной нашпигован весь текст постановки. И режиссёр этому даёт объяснение: “В чеховском тексте три персонажа говорят на иностранных языках: профессор, Елена Андреевна и маман. Почему я дал такие реплики и остальным персонажам тоже? Понимаете, это как гипноз. Как вторжение чужого. Они устали, они измучены. И, например, английский язык для Войницкого – это словно видение мечтателя, побег от мутной, ужасающей действительности: жизни в российской глубинке. Когда они все – Астров, Телегин, Войницкий – говорят на иностранных языках, им кажется, что они свободны. Эскапизм, одним словом”.

Простите, господин режиссёр, это – вам “кажется”! Какова жизнь в российской глубинке, вы, всего шесть дней проводившие в России, знать не можете.

О Елене Андреевне (актриса Юлия Марченко) сказать можно немного. Она выразила себя, танцует с мужем – профессором Серебряковым – под музыку аргентинского танго Карлоса Гарделя. Вся в белом, она слилась с ним, одетым в белое пальто и белую шляпу, в довольном согласии, и движения их слаженны и точны – ходячая схема. Они холодны и бездушны. Это, кстати, довольно образное решение: единение двух жестоких, эгоистичных сердец. Если бы у режиссёра хватило вкуса и мастерства продолжить эту линию в спектакле и выстроить его в соответствии с этим решением, может быть, спектакль был бы другим. Но – не случилось. И зритель увидел много шума – и ничего: несурезицу, эклектику, “базар”. Ни стержня в спектакле, ни мысли – лишь шум и гам.

Трагедия мятущейся души дяди Вани, отчаяние, толкнувшее его схватиться за пистолет и гоняться с ним по всему залу Александринки, стрелять и промахнуться, передана карикатурно – и всё это вызывает обидный, но, к несчастью, справедливый, смех в зале. “Если бы я умела свистеть, – сказала пожилая дама, выйдя в фойе после спектакля, – я бы сделала это. Но я не умею”.

И всё же... Даже в этом спектакле русский актёр и русский писатель сказали своё последнее слово. Дом опустел, и дядя Ваня снова засел за работу, а бедная Соня, раздавленная горем, собрала последние силы и сбросила наконец путы карикатурной пластики. Она произносит прекрасный чеховский текст, как молитву: “...Мы увидим, как всё зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую...”. И ей поверили. Просветлело лицо дяди Вани, глаза наполнились той глубиной чувств, что таились в душе актера, и зритель сразу откликнулся – сердца посетил волнение. Сергей Паршин преодолел сумбур постановщика и вышел, наконец, к зрителю.

Странное, нечто очень похожее на постановку Андрея Щербана вы увидите в Москве, в спектакле, поставленном главным режиссёром также Государственного и академического русского театра им. Евг. Вахтангова Римасом Туминасом.

Опять “Дядя Ваня”, и опять в программке старательно выведено:

“Сцены из деревенской жизни в 2 частях”, и опять на сцене ни следа деревенской жизни, только на чёрном заднике терзают глаз зрителя резкий оранжевый круг то ли солнца, то ли луны. Актёры одеты по моде нашего времени, правда, как-то уж очень безвкусно.

Поражает общность режиссёрских подходов и в расстановке “идейных” акцентов – персонажи опять психически неполноценные, жалкие, ничтожные люди. Общность с Андреем Щербаном наблюдается и в решении образа спектакля через нарочитую жестуляцию, сломанный строй русской речи и ломаную “пластику”, и конечно, в сценах “любви”. Без грубости, пошлости и цинизма здесь также не обошлось.

Римас Туминас сделал стильный спектакль, чётко сработанный и отлаженный, как выступление Лаймы Вайкуле, что явно не получилось у зарубежного режиссёра. Здесь есть от чего “возгордиться”. Ввозя Андрея Щербана в Россию, Фокин писал: “Один из самых значительных мастеров мирового театра, он прославился своими спектаклями на сценах Европы и Америки. “Дядя Ваня”, его первая постановка не только в Санкт-Петербурге, но и в России. Этот спектакль даёт возможность познакомиться с творческим методом мэтра режиссуры, с его интерпретацией классической русской пьесы”.

Но Римас Туминас “переплюнул” зарубежного мэтра – можно везти спектакль за границу. На то и был, конечно, расчёт. Русским же людям, попадающим в зал театра Вахтангова, на это “действие”, трудно понять, почему так уродуют здесь русскую речь, почему надо пробираться к смыслу пьесы через тернии непонимания текста, изуродованного вывертами актёров?

В начале прошлого века знаменитый театральный критик Сергей Глаголь в статье “Проблески новых веяний в искусстве”, разбираясь в новаторстве чеховской драматургии (речь шла как раз о “Дяде Ване”), писал: “Даже читая пьесу, вы выносите удивительно сильное впечатление, перед вами точно прошла жизнь этих людей; вы видите их всех перед собой, вы точно знаете их всех, до того все они вам сродни, и вы ярко чувствуете гнетущую их драму... Точно вы сами живёте с ними в этой душевной и гнетущей атмосфере.

Как же теперь воспроизвести всё это на сцене? Очевидно, способ один. Разлитое в пьесе НАСТРОЕНИЕ надо всецело перенести на сцену, надо заразить им зрителя, и он сразу поймёт всех этих людей...

Художественный театр всё это так и сделал, и впечатление было таково, что большинству публики, вероятно, даже странно было бы услышать, что “Дядя Ваня” совершенно не удовлетворяет обычным требованиям драмы”.

Разрушив тональность русской речи, Римас Туминас уничтожил НАСТРОЕНИЕ пьесы, создал атмосферу ненависти ко всему живому, страдающему, любящему и мечтающему о прекрасной, достойной жизни. Вот и всё новаторство спектакля, столь широко разрекламированного как юбилейное приношение русскому писателю. А ведь Чехов “любил русский язык, его славянский лиризм, его меткие сравнения, неожиданную образность. И более всего любил “тешить свой ум мечтами”.

Так писал В. И. Немирович-Данченко в очерке о Чехове, и не верить ему нельзя – слишком хорошо он знал писателя, драматурга, прекрасного, умного, мужественного А. П. Чехова, будучи знакомым с ним задолго до основания Московского Художественного театра.

Великолепная белораморная лестница, сверкающая чистотой и величием (“Ленком” располагается в здании дореволюционной постройки на улице, где жил А. П. Чехов), ведёт в тёмный, выкрашенный тёмно-зелёной краской, мрачный зал, узкий, как пенал, где гуляет сквозняк (вкус “модерн”). В торце зала открытое пространство сцены с нависающей арматурой. Надо понимать, предстоит нечто в стиле постмодернизма, когда постановщик не утруждает себя созданием определённой атмосферы спектакля.

Не подумайте, однако, что мы против современных поисков и открытий. Нет. Отнюдь. На этот счёт вполне разделяем точку зрения К. С. Станиславского, который в своей знаменитой книге “Моя жизнь в искусстве” писал:

“Пусть постановка режиссёра будет реалистична, условна, правого, левого направления, пусть она будет импрессионистична, футуристична, – не всё ли равно, лишь бы только она была убедительна, то есть правдива или правдоподобна, красива, то есть художественна, возвышенна и передавала подлинную жизнь человеческого духа, без которого нет искусства”.

Итак, нам предстоит увидеть спектакль “Вишнёвый сад” в постановке Марка Захарова с условными декорациями – по сцене будут передвигать ширму, символизирующую веранду барского дома, а на заднике будет маячить частокол из пересохшего то ли камыша, то ли осоки, что, очевидно, по замыслу постановщика означает понятие “вишнёвый сад”.

Затихающий зал взрывает явление группы актёров, ворвавшихся на сцену. Пошумев, они уступают пространство артисту Броневому (судя по программе – Фирс). Это довольно прыткое существо, одетое в съеденную мышами ливрею и резиновые сапоги огромного размера. (“Фирс в пиджаке и белом жилете” – ремарка А. Чехова). Как выясняется позже, Фирсу-Броневому отведено в сценарии Марка Захарова важнейшее место, и Захаровым же позволено произносить текст-импровизацию, имеющий весьма отдалённое сближение с текстом чеховской пьесы. Этот Фирс рьяно ратует за порядок. В его путаной речи то и дело всплывает то “сушёная вишня”, то “порядок”. Его ум помутнён, как и полагается в пору такой “махровой” старости, по мнению постановщика, и потому звучит то текст Симеонова-Пищика – о Дашеньке, которая кланяется, о Париже, то просто отсебятина. В этом спектакле Пищик появится лишь на балу, и грузный, огромный Сергей Степанченко будет скакать, как жеребец, безудержно крутя “хвостом”. К чему автору сценария понадобилось смешивать в неудобоваримую массу текст genialной чеховской пьесы, зритель так и не поймёт до конца представления. Но делает это автор сценария с садистским вожделием: текст Яши, к примеру, произносит Дуняша, которая здесь – в роли соблазнительницы. Великолепного, искрящегося юмором текста Епиходова вы вообще не услышите. Что же касается Пети Трофимова, то Марк Захаров, не мудрствуя лукаво, просто воплотил “мечту идиота”, не только надев на высокого художавого актёра детский сюртучок, но и заставив его, обритого наголо, широким мясистым лицом “выдавать” гримасы дебила как аккомпанемент великолепному (здесь-то как раз изначально чеховскому) тексту: “Вся Россия наш сад. Земля велика и прекрасна, есть на ней много чудесных мест...”.

В переписке А. П. Чехова с женой, актрисой Художественного театра О. Л. Книппер-Чеховой, за 1903 год, когда писатель закончил работу над пьесой “Вишнёвый сад” и отдал её в театр, несколько писем отведено событию, нанесшему Чехову глубокую душевную рану. Речь о том, что известный театральный критик Эфрос где-то в печати неверно пересказал содержание “Вишнёвого сада”, исказив, по мнению драматурга, суть пьесы. Вот как он комментирует эту “выходку” критика: “...Насчёт Эфроса, – пишет он 3 ноября 1903 года, – надеюсь, больше не буду писать тебе... У меня такое чувство, будто я растил маленькую дочь, а Эфрос взял и растлил её”. Нечто подобное сотворил нынче и Марк Захаров. Его самодовольство, с которым он позволяет себе издеваться над чеховским текстом, вполне подтверждает только что процитированные чеховские слова:

“В своей режиссёрской жизни я научился много врать. О чём несколько не жалею, – пишет Захаров в программе спектакля “Ленкома”. – Поэтому скажу, ...что находясь в здравом уме и твёрдой памяти, работая над “Вишнёвым садом”, я не использовал для нашего сценического варианта полный текст великой комедии”. А потому и творит на сцене то, что считает нужным. Любви Андреевне, например, захотелось “взбрыкнуть”, и в просторном барском родительском доме она устраивает бал, и на сцену выходит отлично сыгранный, стильный, весь в чёрном, еврейский оркестр. Вот и порядок, за который ратовал Броневои!

Как уже может предположить читатель, знающий творчество Марка Захарова, конечно, Раневская в исполнении А. Захаровой – воплощение порока. Насколько порок может быть отвратительным, показано в сцене прощания с Лопухиным, когда Любовь Андреевна делает последнюю попытку уговорить его жениться на Варе. Он стоит весь расхристанный, и она, подойдя к нему, впивается страстным поцелуем в нижнюю часть тела, походя произнося: “Вам бы жениться на Варе...” Об остальных персонажах говорить не имеет смысла – они невыразительны и бесцветны, как и прим “Ленкома” Збруев (Гаев), который не находит для роли более впечатляющей “краски”, кроме как истощного ора, когда никто не обращает на него внимания.

После выходки Эфроса А. П. Чехов не раз писал и Книппер, и Станиславскому, и Немировичу-Данченко: “Я с Эфросом больше не знаком”.

Кто хоть раз видел черновики Чехова или хотя бы читал комментарии к его пьесам в Полном собрании сочинений, хорошо знает, как скрупулёзно работал Антон Павлович над каждым образом, над каждой репликой персонажей. У него нет ни одного бездумного слова. Более того, его пьесы, особенно “Вишнёвый сад”, современники не зря называли гениальными. В этих пьесах русский художник предсказал развитие мира, его будущее, и дата 150-летия со дня рождения дорогого для нас писателя должна стать поводом для глубокого, вдумчивого осмысления его творчества, приближением к прекрасному.

Почему же мы позволяем сегодня издеваться над гениальными текстами русской классики? Почему допускаем, что пошлость и цинизм, всё то, что больше всего ненавидел умный и деликатный А. П. Чехов, как ржавчина въедается в его наследие? Почему позволяем людям, которым “всё равно, что подумает зритель” (цитирую Марка Захарова), прикасаться к целомудренному чеховскому тексту, воспевшему вдохновенный полёт души человеческой? У Чехова не может быть грязной похоти — это удел Захарова и ему подобных. Конечно, ни о какой “жизни человеческого духа”, ни о каком художественном впечатлении после просмотра захаровского спектакля говорить не приходится. И если и имело смысл описывать подобное “действие”, то вовсе не ради “Ленкома” — там знают, что творят.

Беспокоит совсем другое. Как могло это случиться в России, которой А. П. Чехов отдал свой талант, вырастил так много прекрасных людей, отдал, наконец, свою жизнь — много вы знаете случаев в мировой культуре, чтобы писатель и врач, хорошо осведомлённый о том, что смертельно болен, отправился бы на Сахалин, на каторгу, чтобы помочь людям ещё более обездоленным?

Сегодня мы, вместо того чтобы призвать зрителей и молодые умы вчитаться в Чехова, вдуматься в подвиг его жизни, допускаем, что Чеховский фестиваль будет представлен спектаклями — “Дядя Ваня” Римаса Туминаса в театре им. Вахтангова и в Петербурге на сцене “Александринки” постановкой американского режиссёра Андрея Щербана, а также “Вишнёвым садом” “Ленкома”, единственной “ценностью” которых стала попытка опошлить и унижить гениальное русское СЛОВО.

Обратимся, однако, вновь к началу XX века. 1906 год. Пережив восстание 1905 года в Москве, руководство Московского Художественного театра принимает решение выехать на гастроли в Европу. В воспоминаниях В. И. Немировича-Данченко есть такая запись: “Это было в Зальцбурге, небольшом древнем австрийском городе — родине Моцарта. Там один летний месяц в году посвящался театральному фестивалю. Давались представления, драматические и оперные, и съезжались любители со всего мира.

Организатором фестивалей был австрийский уроженец, знаменитый режиссёр Макс Рейнхардт. Кумир берлинской публики. Еврей. Изгнанный Гитлером из пределов Германии и Австрии.

В годы германской инфляции поклонники Рейнхардта купили за бесценок замок под Зальцбургом и подарили своему кумиру.

Узнав, что я нахожусь за границей, Рейнхардт прислал мне приглашение к себе в замок во время фестиваля.

Рейнхардт жил широко. За обедом у него в дни фестиваля ежедневно бывало двадцать — тридцать лиц — цвет мировой театральной и литературной интеллигенции и высшие местные власти.

За одним из таких обедов, после дневного спектакля знаменитого актёра Моисси — “Эдип-царь” на открытой арене, — был провозглашён тост за здоровье Рейнхардта. Его жена — первая актриса его театров. Я занимаю почётное место справа рядом с ней. Рейнхардт со скромностью хозяина отвечает тостом за моё здоровье и за здоровье Станиславского, подчёркивая, что должен уступить нам завоёванное им мировое первенство.

...Тут с дюжину лиц, суд которых был законом для всего европейского общественного мнения. Говорили о популярности, о художественных силах той или иной страны в мировой жизни искусства. ...Один из присутствующих — крупный писатель — приходит к выводу, что по общим отзывам лучший театр в мире — московский.

— А кто лучший певец в мире?

— Шаляпин.

— Позвольте, а кто лучший пианист в мире?

— Рахманинов.

Может быть, спорят с ним, Педеревский? Поляк. Славянин.

Другой голос подсказывает – и первая танцовщица в мире Анна Павлова. Тут находились и представители и Франции, и Германии, и Польши, и слушал один скромненький чешский профессор. Его тоненький голос говорит: “Ну, а в музыке, кто же сейчас самый популярный композитор в мире?”

Пауза. Потом начали называть имена: Рихард Вагнер, Сен-Санс. Нет. Чайковский и Римский-Корсаков.

А новая музыка? Равель, Дебюсси.

– Нет, господа. Мусоргский далеко впереди, глубже, шире по темпераменту, большему охвату человеческой души.

Наконец, писатель, увлекающийся русской литературой, особенно Чеховым, прибавляет:

– Не забудем, господа, что всего как год-полтора тому назад в Лондоне в Академии была поставлена тема – подобрать лучшие романы в мире. Боюсь соврать, потому цифры не называю, но подчёркиваю, что все первые места были заняты русскими: Львом Толстым, Достоевским и Тургеневым...

Больше всего говорили о терпимости славянина. Подошли и к ненависти, возбуждаемой в его душе злом, и, приводя разные примеры, удивлялись спокойным формам выражения этой ненависти, несмотря на её кипение...

Впечатление осталось такое, что люди с восхищением говорили о какой-то колоссальной нации, непочатой, выбрасывающей из себя громадные таланты, но ещё остающейся в полудиком состоянии.

И только этот некрупный по фигуре, но обаятельнейший актёр – сегодня он играл Эдипа – ярый поклонник Москвы – Моисси вставил своей чеканной дикцией и тихим волнительным голосом:

– А не потому ли мы ТАК говорим об их дикости, что они не мирятся с законами нашей цивилизации и создают новую?

Наступила длительная пауза. Улыбки, обращённые в мою сторону, сползли. Глаза, следящие за поднимающимися клубами сигарного дыма, как бы нечаянно проверяли меня...”

XX век принёс современной России полное осознание своей миссии в создании духовно мощной цивилизации. Да, этот процесс идёт непросто, но идёт. И потому, что есть результат, что Россия не отказалась от своей духовной традиции, и юбилей А. П. Чехова докажет это, так крикливо заявляют о себе силы разрушения. Это надо понимать.

НАТАЛЬЯ ТЯПУГИНА

ЧЕЛОВЕКУ ПОЛОЖЕНО ЗНАТЬ НЕ ВСЁ...

К 150-летию со дня рождения А. П. Чехова

Знаете, что выгравировал на своей печатке отец Чехова — Павел Егорович, судя по сохранившимся портретам, человек красивый, открытый, прямодушный, отец шестерых детей, сочетающий любовь к церковному пению с торговлей керосином, а игру на скрипке с лавочной бухгалтерией?

Так вот, в молодости он заказал себе печатку с надписью: “Одинокому везде пустыня”.

Что и говорить, человек сложен и одинок по определению. Один приходит в этот мир, в одиночестве его и оставляет. А в промежутке — жизнь. У каждого своя. Со своим “вишнёвым садом” дорогих воспоминаний и “чайкой” надежд, со своим послушанием-“сахалином” и разного рода “футлярами”, которыми оберегается от разнообразных “осколков”. Жизнь проделывает с каждым свою любимую “шуточку”: щебет “попрыгуньи” в конце концов оборачивается усталым выдохом: “Скучная история”!

Чем дальше, тем отчётливей чувствуешь, что всё написанное в разные годы Чеховым удивительно родственно “пёстрому” составу самой жизни. Оно банально и мудро, трогательно и смешно одновременно. Оно узнаваемо душой.

У большинства из нас — ощущение, что Чехова мы знаем и понимаем. И, тем не менее, Чехов скрытен и деликатен. Он не спешит с откровениями и потому оставляет возможность всё новых и новых прочтений. В особенности когда речь идёт о последних произведениях, которые писатель, как тургеневская Клара Милич, создавал с “ядом смерти внутри”.

С мучительным интересом ищешь в них “окончательные” ответы: что такое жизнь перед лицом смерти — вечный Солярис, воздающий каждому по грехам его, или период трогательного просветления, приоткрывающий какие-то неведомые доселе тайны? Стойкое ощущение полученного, но не до конца понятого послания оставляют шедевры умирающего Чехова, произведения, давно получившие статус хрестоматийных, — “В овраге”, “Архиерей”, “Невеста”, “Вишнёвый сад”.

Но вот чтостораживает: как-то плохо стыкуется облик жестоко страдающего, исхудавшего и ослабевшего писателя, любящего в одиночестве смотреть на ночное ялтинское море, как врач понимающего, что дни его безнадежно сочтены, — с бодрыми призывами героев, агитирующих сломать старую жизнь и приветствующую жизнь новую. “Когда перевернёте вашу жизнь, то всё изменится. Главное — перевернуть жизнь, а всё остальное не нужно” (Саша — “Невеста”), “А н я: — Прощай, дом! Прощай, старая жизнь!.. Т р о ф и м о в: — Здравствуй, новая жизнь!..” (“Вишнёвый сад”).

Неужели именно это понял он наедине с бескрайним морем и безнадежной болезнью? Он, в чьей судьбе было многое: упорный труд, семья, подвижнический Сахалин, любовь, творчество, успех...

Вот каким запомнил Чехова зимой 1903 года Борис Зайцев: “Мы толпились (на литературном вечере. — Н. Т.), собирались уже рассаживаться за длиннейшим столом с водками, винами, разными грибочками, икрой, балыками, колбасами, когда в дверях показалась Ольга Леонардовна. Под руку она вела Антона Павловича. Как он изменился за три года! В Ялте тоже не был силен, всё же спускался в городской сад, пил за столиком красное вино, гулял у моря.

Слабо поздоровавшись, серо-зеленоватый, со впалой грудью, был он посажен в центре этого стола, на котором всё не для него. Он почти и не ел, почти не говорил. [...] Чехов, молчаливый и полуживой, головой выше всех, сам как-то странно отсутствующий, уже чем-то коснувшийся иного”.

Не может быть, чтобы это “иное”, надмирное, не отпечаталось в его произведениях. Ведь то были вещи, которые писал он, преодолевая себя, страдая от кровопотери и одышки, не находя для писания удобной позы, стремительно уставая и стоически побуждая себя к продолжению работы. Ведь не образцы же художественного совершенства творил умирающий мастер — для него, доживающего свои земные дни, это было и малой заботой, и почти привычным делом.

Думается, что именно это — “иное”, “новое”, “окончательное” — и торопился оставить нам Чехов. ...

Ощущение, что он живёт в полном одиночестве, как будто гуляет по луне, сложилось у Чехова давно. И это несмотря на то, что рядом почти всегда были мать и сестра, родные и друзья, литераторы и театралы. А потом ещё и любимая жена. Не было только времени. Оно, как шагреневая кожа, сжималось, вытесняя всё, не относящееся к той драме, что свершалась в нём — драме умирания. И вот уже не старость, а отдаление; не брошенность, но одиночество; не столько жизнь, сколько боль и слабая надежда.

“Лунный свет” высвечивает то, что принято называть смыслом бытия. Под его холодным лучом отчётливо видна вялотекущая нелепость и экзальтированная глупость бездарно проживаемой жизни. Становится до обидного очевидно: люди с беспечностью насекомых тратят лучшие свои дни. И это идёт из поколения в поколение. Они грешат и делают вид, что каются (Цыбукины), мельтешат и суется (Пищик), как заигранная пластинка, исполняют один и тот же марш-призыв (Саша, Петя Трофимов), придумывают себе разнообразно-нелепые увлечения (мать Нади Шуминой) и т. д.

И это жизнь? Разве она соответствует тому волнующему миру живой природы, в котором после ненастной осени и холодной зимы вновь и вновь просыпаются деревья и, вечно молодые, цветущие, наполняют душу счастьем и уверенностью, что этот грешный мир не покинули ангелы небесные? А иначе зачем перед лицом вечного обновления рождается у слабого и смертного человека ощущение жизни, как “таинственной, прекрасной, богатой и святой, недоступной пониманию слабого, грешного человека (“Невеста”)?

Между тем, если вдуматься, и дружный лягушачий хор, и резкий крик лесной выпи, и соловьиное неистовство — есть не что иное, как попытка природы докричаться до человека, разбудить его и заставить наслаждаться каждой отпущенной ему минутой. Почему же человек не слышит этого? Отчего он так нескладно устроен, что не может всей грудью вдыхать бодрящую весеннюю прохладу и просто — радоваться жизни? Об этот частокोल вопросов бьётся мысль умирающего Чехова. Об этом и последний его рассказ — “Невеста”.

Сюжет известен. Невеста — Надя Шумина — нервничает перед свадьбой, пересматривает свою прежнюю жизнь, примеряет новую, переоценивает жениха и в конце концов принимает решение — изменить судьбу: не связывать себя с бездарным и бездеятельным Андреем Андреевичем (даже имя — замкнутый круг, речи — безнадежный штамп), а последовать советам вечного бунтаря и скитальца Саши и уехать в столицу, изменить себя, жить так, чтобы “носила судьба”. И захотела она этого так сильно, что Сашины однотипно-традиционные речения вдруг возымили над ней страшную власть, она как будто прозрела, увидев его глазами всю пыльную рутину своего существования. Впрочем, то ли прозрела она, то ли взгляд её почему-то (многократно повторяющееся слово в рассказе, отражающее таинственную импульсивность

внутренней жизни), отрезвев и лишившись любви, разглядел в родных и близких то, что позволило ей решительно разорвать со своим прошлым. В самом деле, мама из “необыкновенной женщины” превратилась в “маленькую, жалкую, глупенькую”. Хозяйственная и гостеприимная бабушка обернулась тираном, заедающим чужой век. Андрей Андреевич из заманчивого жениха, “артиста” трансформировался в пошляка, лодыря и краснаябая.

Надю стало мутить не только от традиционной пошлости готовящегося семейного гнёздышка, — *сама жизнь опостылела невесте*. Из монолога, обращённого к Саше:

“Не могу... — проговорила она. — Как я могла жить здесь раньше, не понимаю, не постигаю! Жениха я презираю, себя презираю, презираю всю эту праздную, бессмысленную жизнь (...) Эта жизнь опостылела мне, — продолжала Надя, — я не вынесу здесь и одного дня. Завтра же я уеду отсюда. Возьмите меня с собой, ради Бога!”

Характерно, что Саша в свой последний приезд ничего не сказал Наде нового (заметим, и не скажет!), а ей уже кажется, что только разрыв с прошлым и отъезд из дома откроют перед ней “нечто новое и широкое, чего она раньше не знала, и уже она смотрела на него (на Сашу. — **Н. Т.**), полная ожиданий, готовая на всё, *хотя бы на смерть*”. Неожиданная даже для радикально настроенной Надежды добавка, не правда ли? — Так захотела жить, что просто смерть!

Никто из родных её в этом, конечно, не поддерживает. Мать защищается от взбунтовавшейся дочери штампами, типа “Милые бранятся — только тешатся”; банальностями вроде “Давно ли ты была ребёнком, девочкой, а теперь уже невеста. В природе постоянный обмен веществ. И не заметишь, как сама станешь матерью и старухой, и будет у тебя такая же строптивая дочка, как у меня”. В конце концов у неё самой вырывается то, что пытается ей втолковать дочь: “Я жить хочу! Жить! [...] Дайте же мне свободу! Я ещё молода, я жить хочу, а вы из меня старуху сделали!..”

Вот такой чеховский диалог — каждый о своём и по-своему, и никто другого не слышит.

Надино иступлённое “Я жить хочу!” — побеждает. И она устремляется в “громадное, широкое будущее”, поступает — таки по-своему и, бросая всё, начинает новую жизнь: едет в столицу учиться, становится свободной и самостоятельной.

Что же принесла ей свобода? Чем обернулся тот холодок восторга, который охватывал её от одного только предвкушения новой жизни? — А холодок обернулся холодом.

Она ещё больше отдаляется от всех, включая Сашу, который спустя год уже не кажется ей “таким новым, интеллигентным, интересным, каким был в прошлом году”. Вообще, она обрела какой-то новый взгляд — со стороны и сверху одновременно. Этим “надмирным” взором Надя спокойно фиксирует: да, она безнадёжно разломала жизнь своих близких, теперь и для них “прошлое потеряно навсегда и бесповоротно: нет уже ни положения в обществе, ни прежней чести, ни права приглашать к себе в гости”. За Надино своеволие заплачено дорогой ценой: мать и бабушка несчастны. Они теперь долго, молча плачут. На улицу совестятся выходить: как при встрече посмотреть в глаза Андрею Андреевичу и его отцу-священнику? Чувствуют они себя просто преступницами: “Так бывает, когда среди лёгкой, беззаботной жизни вдруг нагрянет ночью полиция, сделает обыск, и хозяин дома, окажется, растратил, подделал, — и прощай тогда навеки лёгкая, беззаботная жизнь!”

“Новую” Надю это, однако, не трогает и не беспокоит. Она хладнокровно гуляет по городу и невозмутимо фиксирует: город отжил своё и “только ждёт не то конца, не то начала чего-то молодого, свежего”.

Бабушкин дом тоже состарился, просел, подёрнулся пылью. Остаётся только мечтать о том времени, когда “от этого дома не останется ни следа и о нём забудут, никто не будет помнить”. Вычеркнут из памяти, как, по сути, вычеркнула его Надя, назвав родной дом — “этим”.

Приметой “новой” Надежды является почти полное отсутствие чувств. Даже к своему духовному наставнику Саше. Мысли о нём “не волновали её”, хотя не нужно было обладать особой прозорливостью, чтобы понять: он, тяжело больной, нуждается в заботе. Приметы его угасания могли не броситься в глаза только слепому: “было видно, что он очень болен и едва ли проживёт

долго”. Но даже “самый близкий, самый родной человек” вызывает у Надежды ощущение пройденного этапа: “...от Саши, от его слов, от улыбки и от всей его фигуры веяло чем-то отжитым, старомодным, давно спетым и, быть может, уже ушедшим в могилу”.

Известие о его смерти Надя встретила так же, как и новость об испорченной жизни родных, — холодно и спокойно. Со стороны и сверху.

Главное — “Ей страстно хотелось жить!” — и потому ни чужая жизнь, ни чужая смерть её не трогали.

...”Послышались голоса внизу; встревоженная бабушка стала о чём-то быстро спрашивать. Потом заплакал кто-то...

Когда Надя сошла вниз (видимо, не сразу! — **Н. Т.**), то бабушка стояла в углу и молилась, и лицо у неё было заплакано. На столе лежала телеграмма.

Надя долго ходила по комнате, слушая, как плачет бабушка (судя по всему, не разделяя её горя. — **Н. Т.**), потом взяла телеграмму, прочла (наконец-то! — **Н. Т.**).

Сообщалось, что вчера утром в Саратове от чахотки скончался Александр Тимофеевич, или, попросту, Саша.

Бабушка и Нина Ивановна пошли в церковь заказывать панихиду (как положено, по-человечески! — **Н. Т.**), а Надя долго ещё ходила по комнате и думала”. О чём же? О том, что теперь уже окончательно она здесь всем и всему чужая. А на следующею утро, “живая и весёлая”, она покинула город, — “как полагала, навсегда”. Надя окончательно внутренне освободилась от близких, друзей, от родного гнезда. И в этом свободном парении мерещилась ей какая-то новая жизнь, “ещё неясная, полная тайн”.

Невольной возникает аналогия с душой умирающего Чехова, уже почти освободившейся от оков всего брэнного, сохраняющей на жизнь лишь слабую надежду. Он, как никто другой, сейчас понимает: жизнь эгоистична в своих правах. Она стремится к абсолютной свободе. Но такую свободу, пожалуй, может дать только смерть. Вот почему последним словом чеховского рассказа о Надежде является безнадежное “навсегда”. Обрела ли счастье Надежда? — Не в этом дело, она не счастлива, она больше чем счастлива. Она — “живая”! А это умирающий писатель ценит превыше всего.

Чехов не осуждает Надежду, теперь он точно знает, что жизнь в своём беспощадном эгоизме всегда права. Смысл жизни — в ней самой. Оттого такое панорамное видение, такие волнующие картины природы, такая тоска по неистребимой силе жизни и тайне весеннего возрождения. А что же смерть? Что вносит она в картину жизни? — Как это ни странно, но, фактически, то же самое — освобождение. Свободу от тягот, условностей, немощи.

Архиерей, умирающий от брюшного тифа, только перед смертью обрёл внутренний лад, “и представилось ему, что он, уже простой, обыкновенный человек, идёт по полю быстро, весело постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти куда угодно!”

Но прежде чем возникнет эта лёгкость, надо на земле до конца выстрадать всё, что тебе отпущено. И это, конечно, тоже идёт от авторского самочувствия. Тема физических страданий проходит через всё созданное Чеховым в последние годы. Она обретает характер почти невольной жалобы его человеческого естества. Многообразны приметы физической немощи, которыми писатель наделяет своих героев. Саша — “очень худой с большими глазами, с длинными худыми пальцами”, он “страшный стал”, “покашливает басом”, “говорит надтреснутым голосом”, лечится (безуспешно) кумысом, умирает от чахотки. Архиерей Пётр доживает последние дни со смертельной болезнью, изъедающей его внутренности. И всё, что он делает: служит ли всенощную или обедню на Вербное воскресенье, встречается ли с матерью или беседует с отцом Сисоём, — всё почти бессознательно обретает смысл земных итогов, всё обнаруживает свою последнюю сущность в присутствии смертельной болезни.

“И теперь, когда ему нездоровилось, его поражала пустота, мелкость всего того, о чём просили, о чём плакали; его сердили неразвитость, робость; и всё это мелкое и ненужное угнетало его своею массой”...

Если поддаться “мелочам жизни” — они уведут от самого главного, от вечного. Только в церкви “дрожащая душа” Петра успокаивалась. Здесь он получал то, чего не могли дать ему люди, в это трудное для него время “ни один человек не поговорил с ним искренне, попросту, по-человечески”.

А ведь, в сущности, человеку надо так немного: чтобы живая душа разделила его горе, чтобы сердце “помягчило”, как у Липы, потерявшей ребёнка и встретившей на дороге старика, который немудрёными словами выразил сражённой горем матери своё человеческое сострадание и “разговорил” её от свалившегося на неё несчастья (“В овраге”). “О, как одиноко в поле ночью, среди этого пения, когда сам не можешь петь, среди непрерывных криков радости, когда сам не можешь радоваться, когда с неба смотрит месяц, тоже одинокий, которому всё равно – весна теперь или зима, живы люди или мертвы... Когда на душе горе, то тяжело без людей”. Совершенно очевидно, что автор не просто “озвучил” сильночувствующую, но неразвитую Липу, – он выразил собственный ужас одинокого умирания. А оно, видимо, всегда – одинокое.

... Сильно действует на архиерея гармония церковного хора и самого уклада церковной жизни. Только здесь чувствует он “не раскаяние в грехах, не скорбь, а душевный покой, тишину”.

Преодолевая смертельную немощь, преосвященный проводит свою последнюю службу, во время которой вдруг “бодрое, здоровое настроение овладело им”. Как последний всплеск, после которого картина жизни подёрнется плотным туманом забвения. “Читая, он изредка поднимал глаза и видел по обе стороны целое море огней, слышал треск свечей, но людей не было видно, как и в прошлые годы, и казалось, что всё те же люди, что были тогда, в детстве и в юности, что они всё те же будут каждый год, а до каких пор – одному Богу известно”.

Набирает силу чеховская мысль о том, что в пределах больших величин – в человеческом сообществе или природном мироустройстве – единичная смерть не ощутима и не значима, она затрагивает только ближайшее окружение, которое очень невелико. И то, что для человека конечно и трагично, для общего хода жизни не имеет особого значения. Вот и после смерти архиерея наступила своим чередом Пасха, и раздался гулкий, радостный звон колоколов, продолжалось своим ходом буйство весны, люди как ни в чём не бывало развлекались на базарной площади. Одним словом, – итожит Чехов, – “было весело, всё благополучно, точно так же, как было в прошлом году, как будет, по всей вероятности, и в будущем”.

На смену Петру прислали нового vicарного архиерея, и уже через месяц о старом никто, кроме матери, не вспоминал.

А если так, то, может, стоит пересмотреть свою жизнь, что-то поменять в ней местами? – Несомненно, считает Чехов. Надо сбросить всё, что мешает тебе чувствовать себя свободным и счастливым, освободить свою жизнь от суесть и бессмыслицы. Характерно в этой связи откровение первоосвященного перед самой смертью: “Какой я архиерей [...] – Мне бы быть деревенским священником, дьячком... или простым монахом... Меня давит всё это... давит...”

Важно направление движения – к сердцевине личности. Как ненужную скорлупу отбрасывает смерть все условности, которые выросли на человеке, добираясь до неразложимого – до его духовного ядра. Так время физического ухода становится моментом духовного возвращения.

“От кровотечений преосвященный в какой-нибудь час очень похудел, побледнел, осунулся, лицо сморщилось, глаза были большие, и как будто он постарел, стал меньше ростом, и ему уже казалось, что он худее и слабее, незначительнее всех”. И что же? – Почти всхлип восторга: “Как хорошо! – думал он. – Как хорошо!”

Освободившись от того, что мучило и давило – от физической боли, тягостных обязанностей и условностей, – архиерей ощутил блаженство... смерти. Перешёл в “лучший мир”. Смерть как пробуждение от сна жизни.

Получается такой парадокс: для счастья человеку нужен некий внешний толчок, способный произвести коренную – желанную, но до поры неосознаваемую – перемену и в нём самом, и в его жизни. Человек должен захотеть стать иным – стать собой, настоящим. В качестве такого морального регулятора могут выступать некие скрытые жизненные силы, которые “почему-то” начинают руководить людьми, побуждая их к активному самовоплощению. Есть, однако, и другой моральный регулятор жизни, имя ему – смерть.

Эту связь, отнюдь не умозрительно, с трезвостью медика и чуткостью художника наблюдал в себе самом Чехов. Личным опытом подтверждалась правота древних: бог жизни и бог смерти – один и тот же бог.

От этого, впрочем, не намного понятней они становятся. И не только тёмной Липе (“В овраге”). Чем ответить на её боль? — “Мой сыночек весь день мучился. [...] Глядит своими глазочками и молчит, и хочет сказать, и не может. Господи батюшка, Царица Небесная! Я с горя всё так и падала на пол. Стою и упаду возле кровати. И скажи мне, дедушка, зачем маленькому перед смертью мучиться? Когда мучается большой человек, мужик или женщина, то грехи прощаются, а зачем маленькому, когда у него нет грехов? Зачем?”

Ведь никого не может удовлетворить ответ обожравшегося на поминках батюшки, который, вознеся вилку с солёным рыжиком, важно изрёк: “Не горюйте о младенце. Таковых есть царствие небесное”.

Что и говорить, тайна — она потому и тайна, что догадываться можно, а знать наверняка не дано никому. Что в жизни, что в смерти. Живут люди, не очень задумываясь о причинах и следствиях, как говорится, попросту: “Всего знать нельзя, зачем да как [...] Птице положено не четыре крыла, а два, потому что и на двух лететь способно; так что и человеку положено знать не всё, а только половину или четверть. Сколько надо ему знать, чтоб прожить, столько и знает”. Чеховская модель жизни — семейство Цыбукиных, в котором трудолюбие перетекает в мошенничество, кротость соседствует с наглостью, миролюбие уживается с жестокостью. И тем не менее Чехову хочется верить, что в жизни действует какой-то справедливый регулятор, воздающий каждому по грехам его. Как за изготовление фальшивых денег осуждён Анисим, так за неверно принятое решение, но уже не тюрьмой, а сумой наказан старик Цыбукин. Ему, ещё недавно богатому и уверенному, а теперь голодному и потерявшему себя, и подаёт милостыню нищая Липа. Сама же она, кроткая, терпеливая, страдавшая свою муку, в итоге оставлена автором свободной, открытой всей полноте жизни. “Впереди всех шла Липа и пела тонким голосом и заливалась, глядя вверх на небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава Богу, кончился и можно отдохнуть”.

Хочется — вслед за автором — верить в высшую справедливость, в вечную жизнь, просто — верить. В его итоговых произведениях складывается определённая картина мира, из которой следуют некоторые выводы: мы нужны миру столько же, сколько и он нам; и он и мы заинтересованы в сохранении всего действительно важного и достойного. Человеку надо принимать сознательное, деятельное участие в творении добра нераздельно от других.

Трудиться надо — и увидим небо в алмазах. Этот призыв, с мистической добавкой и без, варьируется во многих произведениях Чехова. В особенности настойчиво он звучит в финале жизни: “Кто трудится, кто терпит, тот и старше” (“В овраге”); “только просвещённые и святые люди интересны, только они и нужны” (Саша в “Невесте”); “Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать” (Петя Трофимов в “Вишневом саде”); “Надо только начать делать что-нибудь”... (Лопухин — там же) и т. д.

Этот призыв произносят у Чехова самые разные герои, включая тех, кто, фактически, компрометирует саму идею. Жених Андрей Андреич, например: “О, матушка Русь, как ещё много ты носишь на себе праздных и бесполезных! Как много на тебе таких, как я, многострадальная! [...] Когда женимся [...], то пойдём вместе в деревню, [...] будем там работать!” и т. д.

Ужас в том, что и призыв этот сам по себе от бесчисленного (и помимо Чехова) повторения давно и прочно перешёл в разряд банальных. В чём же дело? Неужели в поддавки с нами играет Антон Павлович? Неужто на склоне лет перестал он уважать читателя и, не рассчитывая на его сообразительность, разжевал ему то, что с молодых ногтей должно быть усвоено мало-мальски воспитанным человеком? — И то, и другое на Чехова не похоже. Тут, конечно, что-то иное.

Чехов понимал, что отъединённость людей друг от друга, фулярность и эгоизм замыкают их на самих себе, не выводя существование на объективный, внешний по отношению к самому человеку уровень. Между тем человек нужен другим точно так же, как и эти “другие” нужны ему. Ведь что остаётся после человека, когда его индивидуальность, его “я” уничтожится смертью? Остаётся та его часть, что ещё при жизни отпечаталась в “не-я”, в других судьбах. То есть как ни тривиально это звучит, но только труд на общее благо есть гарантия личного бессмертия, только его результаты не могут быть устранены фактом физической смерти. И других путей спастись нет.

Вот почему в человеческом сообществе всегда ценятся те, кто видит наименьшую разницу между собою и другими. Кто выполняет простейшую, на

первый взгляд, но, по сути, самую трудную заповедь Христа: “Возлюби ближнего, как себя самого”. Кто щедро дарит людям свой талант художника, музыканта, писателя. Кто по роду занятий служит людям — например, учителя и врачи. Чехов полагал: мы должны уподобиться тому мусульманину, что для спасения души копает колодезь. “Хорошо, если бы каждый из нас оставлял после себя школу, колодезь или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила и не уходила в вечность бесследно” (“Записная книжка IV”). Это не было красивовоговорением для Чехова. О том, сколько школ, библиотек и больниц он открыл, мы хорошо помним. Как помним и то, что, пока физически мог, он подвижнически исполнял и свой врачебный долг — вечный “Доктор А. П. Чехов”. И как бы это тяжело для него ни было, как бы ни отвлекало от литературной работы, — никогда не прекращал он деятельно заботиться об “аптечках” и “библиотечках”, сохраняя в поле своего внимания то, что в высоком штиле называется творением благих дел, — благотворительностью, по-иному. И в этом он, скромный и самоироничный, был неизменен. Ему претили высокие слова о гражданской и общественной мудрости, об умении отдать всего себя на общее дело, о привычке к усиленному труду, строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах. Он просто точно знал, что иначе нельзя, что именно это — источник его нравственной бодрости и духовной крепости. То, что переживёт его.

В этой связи вспоминается одна умная сказка о том, как некий отец семейства раскрыл в своём завещании тайну клада, зарытого в саду. После смерти отца его сыновья принялись искать клад. Они тщательно перерыли всю землю. Клада не нашли. Зато получили богатый урожай плодов. Мудрость отца, как очевидно, заключалась в том, что он косвенно побудил своих нерадивых детей к упорному труду и дал им возможность вкусить результаты своих собственных усилий. Это тоже сокровище, но дорогое вдвойне, ибо сокровище — рукотворное, тобою сотворённое. Его нельзя растратить. Им можно пользоваться всю жизнь и испытывать не только бремя и усталость, но и чувство удовлетворения, радость от плодов и правильно проживаемой жизни. Так мифический клад, обретая очертания румяных земных яблок, становится важнейшим жизненным принципом.

... В творческом завещании Чехова — не только завлекательное обещание клада в виде неба в алмазах, но и чёткая инструкция: как, где и для чего копать. Судьба самого Чехова есть лучший аргумент, побуждающий к этому. Он остался с нами, перешагнув теперь и границу XXI века. А в долгое путешествие во времени человечество, как известно, берёт с собой лишь самое необходимое.

ТАТЬЯНА ПЛАСТОВА

ПОЭТИКА ПРАВДЫ

*Творчество А. П. Чехова в судьбе
и художественном сознании А. А. Пластова*

“Движимые глубокой потребностью духа, чувствами благодарности, верности и славы, собираются ныне русские люди, — люди русского сердца и русского языка”, — так писал в годовщину смерти А. С. Пушкина И. А. Ильин. Те же самые чувства испытываем и мы сегодня, вступая в юбилейный год духовного и творческого наследника Пушкина — А. П. Чехова, сопрягая с его именем и делом то, чем жива сегодня Россия, чем жила она долгий век, прошедший после ухода его из земной жизни.

Постигший своим искусством содержательную правду бытия, законы устройства мира, Чехов был и продолжает быть одним из великих духовных учителей человечества.

Духовным учителем, камертоном нравственности и правды был А. П. Чехов для русского художника Аркадия Александровича Пластова.

“...Я через Чехова пытаюсь закрепить на бумаге без всякого вольного или невольного приспособленчества, открыто, по душам, как говорится, по совести, не лукавя, всё то, что я видел, знал и любил с детства и вижу, знаю и люблю и до сего времени. Для меня Чехов обаятелен и неисчерпаем, как сама жизнь, и я не в силах был противиться потребности воочию показать по мере сил своих ту абсолютную правду жизни, ту необыкновенную, святую силу искренности, с какой Чехов искал эту правду всю жизнь, и в чём он так сходен с Пушкиным и Толстым, и что пленяет и покоряет неодолимо. И никто ведь не имеет права завывать тут истошным голосом, заглянув в требник, что художник, автор этих иллюстраций, отсталых взглядов на Божий мир, что он не видит “примет нового” и т. п.

Даже у совершенно оголтелых писак не поднимается рука освистать, охмить тех, кто скромно пытается делать свое небольшое, но такое нужное дело — показать, как выглядит, как она прекрасна — правда этих титанов, непререкаемая правда жизни.

Я коснулся лишь ничтожной доли сокровищ этого исполина. Бесконечное количество тем ждёт своего воплощения. Делать это дело — такое полное и чистое блаженство, какое не опишешь никакими словами, так легко, без всяких усилий и каких-либо препон ты познаешь безбрежную жизнь в его творчестве, жизнь, полную неизъяснимого очарования, как всякая истинная жизнь. Самая настоящая жизнь, в которой ты живёшь, кажется недоделкой, ... досадной опечаткой рядом с этим гениальным разворотом”.

Так писал художник о писателе.

О Пластове можно было бы сказать словами из чеховского “Архиерея”: “Весь род его, быть может, со времени принятия христианства, принадлежал

к духовному, и любовь его к церковным службам, духовенству, звону колоколов была у него врождённой, глубокой, неискоренимой”. В роду художника были священники, иконописцы, церковные архитекторы, псаломщики... “Учись, старайся, — напутствовал его отец, отправляя в Духовное училище, — может, архиереем будешь..”

Но... “суровый и смертельно скучный режим, полная изоляция от внешнего мира, молитвы по команде раз двадцать на день, разнузданная жестокость четвероклассников к младшим, орда в 25 человек, предоставленная сама себе без тени какого-либо руководства со стороны надзирателей и педагогов, — была страшной средой, и вспоминать об этих пяти годах, проведенных там, до сего времени не могу без тоскливого ужаса...”, — писал Пластов в автобиографии.

Как похожи эти ощущения на чеховские воспоминания о детстве с ночными репетициями церковного хора, когда дети чувствовали себя “маленькими каторжниками”, с порками, с религиозностью без любви и сострадания, бытовавшей в семье.

Аркадий Пластов, сын сельского псаломщика и просвирни, в дореволюционные годы начал путь, как бы предначертанный Чеховым, путь русского разночинца-интеллигента к вершинам духовной свободы и высокой культуры.

“...Необходимо чувство личной свободы, а это чувство стало разгораться во мне только недавно. Раньше его у меня не было... — писал Чехов А. С. Суворину. — Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям... лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, — как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба, и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в жилах течёт уже не рабская кровь, а настоящая, человеческая”.

Аркадий Пластов читал Чехова всю жизнь. В его домашней библиотеке в Прислонихе были практически все изданные собрания сочинений писателя, начиная с издания А. Ф. Маркса. Рассказы Чехова часто читались вслух для всех членов семьи. Любимейшими рассказами художника, по воспоминаниям близких, были “Студент”, “Архиерей”, “Тоска”, “В овраге”, повесть “Степь”, пьесы.

Известно, что в конце тридцатых годов Пластов писал этюдный портрет О. Л. Книппер-Чеховой к панно для нашего павильона на Международной выставке в Нью-Йорке — и несколько раз встречался с ней.

Обращаясь к произведениям Чехова как художник, Пластов средствами образительного искусства воплощал своё собственное прочтение и понимание его произведений. При этом он никогда не иллюстрировал просто сюжет, оставляя за собой право выбрать наиболее пластически выразительные моменты. “Мне кажется, хотя, может быть, я и не прав, что голый принцип иллюстрирования до конца, во что бы то ни стало, чтобы соблюдены были все выгоды массового тиража, имеющийся налицо потенциал нашей полиграфии, чтобы ни на одном листе не держать себя выше простого раба перед его величеством автором — ошибочная тенденция”.

Дважды художник обращается к произведениям Чехова как иллюстратор — в конце двадцатых годов делает в основном сдержанно-цветную, тональную серию листов, в начале пятидесятых появляются иллюстрации, решенные в акварели и гуаши. К некоторым рассказам он возвращается снова, но без оглядки на сделанное ранее.

В конце 20-х годов Пластов делает серию иллюстраций к рассказам “В овраге”, “Мужики”, “Горе”, “Враги”, “Нахлебники”, “Свирель”, “Счастье”, “Спать хочется” и др. “Мужички” сюжеты очевидно переплетаются с его собственными композициями. Но художника, несомненно, интересовал глубинный, тонкий смысл этих рассказов, близкий его собственному мироощущению.

К рассказу “Новая дача” он делает четыре иллюстрации, четыре разных картины, объединённые одной мыслью о трагическом взаимонепонимании между крестьянством и интеллигенцией. Не только Чехову и Толстому, но и Пластову, жившему в селе одной жизнью с мужиками, сеявшему и косившему, делившему с ними горе и радость, не раз приходилось чувствовать эту внезапно возникающую непримиримую отчужденность. Пожалуй, самым трагическим эпизодом его жизни было разграбление закрытого в 30-е и обезглавленного властями в 30-е годы храма в его родном селе Прислониха, в котором участвовали сами же вчерашние прихожане. Сюжет рассказа “Новая дача” дал худож-

нику возможность создать три варианта композиции, где изящные, одинокие фигуры инженера и его жены словно бы подавляются наступающей массой мужицкой толпы. Встреча мужиков, идущих с покоса, несущих косы за плечами, с инженером приобретает у Платова символическое звучание: “Не дай Бог мне видеть русский бунт...”

“В их деревне, думают они, народ хороший, смиренный, разумный, Бога боится, и Елена Ивановна тоже смиренная, добрая, кроткая, было так тяжело глядеть на неё, но почему же они не ужились и разошлись как враги? Что это был за туман, который застилал от глаз самое важное, и видны были только потравы, уздечки, клещи, и все эти мелочи, которые теперь при воспоминании кажутся таким вздором...” Платов, переживший революцию, видел своими глазами то, что так гениально предсказал Чехов.

К рассказу “В овраге” художник делает в конце 20-х годов несколько иллюстраций, среди которых особенно пронзительна весенняя лунная ночь, силуэты людей и лошадей возле костра и Липа с умершим мальчиком на руках. “О, как одиноко в поле ночью, среди этого пения, когда сам не можешь петь, среди непрерывных криков радости, когда сам не можешь радоваться, когда с неба смотрит месяц, тоже одинокий, которому всё равно – весна теперь или зима, живы люди или мертвы...” Ради этой ночи, ради вопроса Липы и написан рассказ. “И скажи мне, дедушка, зачем маленькому перед смертью мучиться? Когда мучается большой человек, мужик или женщина, то грехи прощаются, а зачем маленькому, когда у него нет грехов? Зачем?”

Этот вопрос спустя годы задаст человечеству Платов в своей картине “Фашист пролетел”, используя тот же приём контраста невыразимой красоты, поэтичности природы – и гибели ни в чём не повинного ребёнка.

“Осень тогда у нас стояла тихая, златотканая, удивительно душевная, тёплая. Я люблю осень, всегда испытываю в это время страшно приятное, особое состояние творческого возбуждения. И вот шло что-то непомерно свирепое, невыразимое по жестокости, что трудно было даже толком осмыслить и понять, даже при большом усилии мысли и сердца, и что неотвратимо надвигалось на всю эту тихую, прекрасную, безгрешную жизнь, ни в чём ни повинную жизнь, чтобы всё это безвозвратно с лица земли смести, без тени милосердия вычеркнуть из жизни навек...”

Чеховский реквием по ребёнку вновь отзовется в творчестве художника в середине пятидесятых. Он повторит мотив лунной ночи, используя теперь уже всю мощь своего живописного дарования. Библейская монументальность пластики и особый свет (свет костра, столь любимый и Чеховым и Платовым), создающий озарённость, словно иллюстрируют слова Липы, обращённые к старику: “Ты давеча взглянул на меня, а сердце моё помягло. И парень тихий. Я и подумала: это, должно, святые”.

Платову, как и Чехову, было присуще особое понимание природы, её внутренней изначальной одухотворенности; травы деревьев, цветы всегда изображались им портретно. Все его знаменитые картины построены на естественном, богозадуманном единении человека и природы, обращении к ней как к свидетелю и спутнику жизни, как в чеховской “Скрипке Ротшильда”: “И вдруг в памяти Якова как живой вырос младенец с белокурыми волосами и верба, про которую говорила Марфа. Да, это и есть та самая верба – зелёная, тихая, грустная... Как она постарела, бедная!”

Платов не иллюстрировал чеховского “Архиерея”. Но, работая над портретами священников, композициями церковных служб (а их за долгую жизнь накопилось множество), он несомненно обращался сердцем к строкам рассказа: “В продолжении всех двенадцати евангелий нужно было стоять среди церкви неподвижно, и первое евангелие, самое длинное, читал он сам. Бодрое, здоровое настроение овладело им. Это первое Евангелие “Ныне прославится сын человеческий” он знал наизусть; и, читая, он изредка поднимал глаза и видел по обе стороны целое море огней, слышал треск свечей, но людей не было видно, как и в прошлые годы, и казалось, что это все те же люди, что были тогда, в детстве и в юности, что они все те же будут каждый год, а до каких пор – одному Богу известно”.

Описывая в письме к жене свои чувства во время церковной службы, Платов даже стилистически близок Чехову: “В воскресенье зашел около полшестого на Дмитровку. Пели что-то, потом батя сказал проповедь, а потом говорит – ну, братие, будем сейчас прощаться по христианскому обычаю, а в это

время споем пасхальный Канон. И запели, правда, нестройно “Воскресения день...”, а потом взялся за это дело хор, и на два клироса с одного на другой запархал Канон светлого Христова Воскресения. С начала — до “святися, святися Новый Иерусалиме”, включительно. Я стоял и чуть не плакал. Ты поймёшь, какое было невыразимое от этого на душе чувство печали и радости. Больше, конечно, печали, т. к. этот торопливый пережат, бесконечную ласковость, ангельское веселье, весеннюю голубизну и светозарность этих стихир просто нельзя было даже с усилием воспринять как что-то реальное, осязаемое, что вот взял бы и унёс с собой. Все казалось сном, неаявью; ежесекундно просыпался в ужасающую рядом с этим действительность, и опять, и опять, увлекаемый нежным порханьем и благоуханьем, не знал, что лучше — продолжать это слушать, не отрываясь, или, скорее, скорее умереть и ничего не чувствовать. В конце концов воспоминания и ассоциации стали душишь невыносимо, и я, когда последняя стихира с певучим шелестом замерла в воздухе, вздохнул свободнее. Запели потом что-то длинное, печальное и торжественное. Люди молча нагибались, кланяясь друг другу, и так же молчаливо целовались — и всё это тихо, медленно, степенно и печально невыразимо” (А. А. Пластов — Н. А. Пластовой, 18 марта 1935 г.)

Примерно те же чувства испытывал художник, работая над одной из своих церковных композиций: “... Конечно, я не успел ещё толком собраться с мыслями, но тот процесс, который рождает то, что называется произведением искусства, уже начался, набирает, как говорится, скорость. Всё уже в брожении, в смутном говоре, в том торжественном, непонятном для непосвященных передвижении отдельных лиц и предметов, после чего начинается от века установленное рождение, скажем, пасхальной службы... Ещё миг — и в тени весенней прозрачной ночи, где-то далеко-далеко над тысячами голов, над всё разрастающимся пламенем бесчисленных огней багряных свеч разнесётся, щемя сердце, “Христос Воскресе”. Примерно так или отдалённо так в моей душе сейчас. Все в движении, в томительно-радостном ожидании наступающего великого праздника...” (Из письма сыну Н. А. Пластову).

Дважды как иллюстратор Пластов обращается к чеховскому рассказу “Свирель”. Первый раз — это рисунок, второй — построенная на пейзаже картина. Цель одна — показать средствами изобразительного искусства этот мир, которого так жалко героям рассказа, вызвать те же чувства у смотрящего на иллюстрацию: “Жалко!.. И Боже, как жалко! Оно, конечно, Божья воля, не нами мир сотворён, а всё-таки, братушка, жалко. Ежели одно дерево высохнет или, скажем, одна корова падёт, и то жалость берёт, а каково, добрый человек, глядеть, коли весь мир идёт прахом? Сколько добра, Господи Иисусе! И солнце, и небо, и леса, и реки, и твари, всё ведь это сотворено, приспособлено, друг к другу прилажено.. И всему этому пропадать надо..” Идея хрупкости бытия, своеобразное “*emento more*” присутствует во всех, даже самых радостных картинах — сломанный цветок подсолнуха в весёлой “Ярмарке”, обречённые косам прекрасные цветы в радостном победном “Сенокосе”, наконец, “Смерть дерева”...

Любовь к каждому проявлению жизни, родной земле, к Родине в истинном художнике рождает молитву, подобную той, что звучит в чеховском “Вишнёвом саде”:

“Господи, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами”.

У Пластова: “Я сегодня, когда встал после работы над последним этюдом и оглянулся вокруг на драгоценнейший бархат и парчу земли, на пылающее звонким золотом небо, на силуэты фиолетовых изб, на всю эту плащаницу вселенной, вышитую как бы перстами ангелов и серафимов, так опять, в который раз, всё с большей убеждённостью подумал, что наши иконописцы только в этом пиршестве природы черпали всю нетленную и поистине небесную музыку своих созданий, и нам ничего не сделать, если не следовать этими единственными тропами к прекрасному...”

После Чехова искусство стало другим. “Он создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира новые формы письма, подобных которым я не встречал нигде”, — сказал Л. Н. Толстой.

Эти новые формы письма не были поняты до конца даже такими тонкими ценителями, как И. А. Бунин, утверждавший, что “вопреки Чехову, нигде не было в России садов сплошь вишнёвых”. Жажда привычной жизненной правды ещё долго будет рождать непонимание чеховской поэтики. Метафоричность че-

ховских образов, его “новые формы письма” стали очевидными гораздо позднее, во второй половине XX века.

“Метафоризм – естественное следствие недолговечности человека и надолго задуманной огромности его задач. При этом несоответствии он вынужден объясняться мгновенными и сразу понятными озарениями. Это и есть поэзия. Метафоризм – стенография большой личности, скоропись её духа” (Б. Л. Пастернак).

Пластову тоже долго “не везло” со зрителем. Публика, иногда сановная, недоумевала, почему он не отражает время, “не придерживается” новых жизненных реалий. Это рождало курьёзы (министр сельского хозяйства вопрошал, почему быки и коровы в его картинах (“Лето”, например) до сих пор пасутся вместе, хотя страна уже перешла на передовые технологии).

Зрители да и искусствоведы не понимали, почему его картины называются “Весна” (а не “В старой бане”), “Смерть дерева” (а не “Рубка леса”), “Юность” (а не “Мальчик на каникулах”). “Если искусство во многом, так сказать, инсказание, немая и самая красноречивая речь, то, видимо, надо иметь этому самому зрителю какие-то особенные уши, чтобы услышать этот сокровенный, страстный шёпот души художника, чтобы вдруг ощутить тепло его уст, очнуться и как бы воскреснуть в ином чудесном мире... Я никогда не придумываю названий. Название и идея картины, замысел, его облик рождаются одновременно, неотделимо друг от друга. Но только на холсте я пишу цветом. ., а на бумажке, что под картиной, пишу – ну как бы подстрочный перевод, что ли, что зрителю предстает в том или иной обличье перед глазами.

Каждый волен подыскать любое слово из убогого нашего словарного фонда (по сравнению с живописью), какое ему кажется более по его разумению, но, давая свой подстрочник, я втайне рассчитывал, что он попадёт в руки поэта или просто умного человека, и этого ключа хватит ему открыть твой ларец с немудрёными сокровищами...”

Как напоминает это чеховское: “Когда я пишу, я вполне рассчитываю на читателя, полагая, что недостающие в рассказе субъективные элементы он добавит сам”.

А. П. Чехов своим творчеством и своей личной судьбой оставил русским художникам пример твердости духа, безусловной честности, ответственности художника. “Беспринципным писателем, или, что одно и то же, прохвостом, я никогда не был”, – написал он перед поездкой на Сахалин.

Как тяжело, почти невозможно было удержаться на этой нравственной высоте русским художниками в XX веке. Когда были расшифрованы многие стенограммы и напечатаны многие воспоминания, оказалось, что многие “герои эпохи” были в вере своей и убежденности, мягко говоря, не тверды.

“А тут, по недосмотру ли, выпустили художника Пластова, который начал под простачка и так высказал единственное свежее за всю эту полосу встреч. В глубинке не понимают ни социализма, ни абстракционизма, спрашивают – а деньги вам платят? А то вот мы второй месяц работаем – не платят. – (Не второй, а сто второй? – конечно, смягчил) – В деревне нет проблем отцов и детей: отец – конюхом, сын – скотником. Вы в Москве с жиру беситесь. Меня спрашивают: сколько за эту картину берешь? Пятерку дадут? Я знаю, что – полтысячи, – говорю: четвертную. Удивляются: золотые у тебя руки! А старик сидит рядом, кивает: “все с нас, все с нас”. – (Тут Никита искренне схватился руками за голову, схватиться б ему покрепче) – Ещё и жалование получаете? Ещё и премию дают? Нельзя жить всё время в Москве, тут правды не увидишь, здесь мы услышим, что нам надо говорить – а там увидим, что нам надо делать... Вот это, что Пластов, – первое, что и я сказал бы. Это он – от души, за меня сказал”, – вспоминал А. И. Солженицын о встрече интеллигенции с руководством страны.

М. Ромм, также присутствовавший на этой встрече, глазами кинорежиссера увидел финал этой сцены: “– Надо, братцы, бросать Москву, надо ехать на периферию всем художникам, в глубинку. Там, конечно, комфорта нету, ванной нету, душа нету, но жить можно. – И заканчивает: – В Москве правды нет! И обводит так рукой.

А говорит-то он на фоне Президиума ЦК! “В Москве правды нет!”. И хотя смеялись во время его выступления, – когда он кончил, как-то стало страшновато”.

Пластов мог так говорить. За ним стояли его искусство и великие традиции русской культуры.

“... Ведь поэзия и все так называемые изящные искусства – это те же грозные, чудесные явления природы, которые мы должны научиться объяснять, не дожидаясь, когда они сами станут объяснять нам что-нибудь”.

Это Чехов.

АЛЬБИНА ПОТАПОВА

НИКОЛАЙ РУБЦОВ НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Из воспоминаний современников, как из мозаики, складывается облик одного из самых проникновенных лириков XX века Николая Михайловича Рубцова. Многие из мемуарных зарисовок стали хрестоматийно известными, например, “Затесь о Николае Рубцове” В. П. Астафьева. Другие знакомы небольшому кругу серьёзных исследователей и подлинных поклонников творчества поэта. Пожалуй, к числу последних можно отнести и очерк нижегородского писателя Александра Сизова “Рубцов на Ветлуге”.

С именем Сизова неразрывно связана нижегородская страница в судьбе и творчестве Н. М. Рубцова. До сих она остаётся малоизвестной, а вот поэму “Разбойник Ляля” хорошо знает каждый исследователь рубцовского наследия. Она была создана по мотивам известной ветлужской легенды:

*Мне о том рассказывали сосны
По лесам, в окрестностях Ветлуги,
Где гулял когда-то Ляля грозный,
Сея страх по всей лесной округе.*

Николай Рубцов побывал на нижегородской земле единственный раз по приглашению своего младшего товарища по учёбе в Литературном институте Александра Сизова в 1969 году. Около недели он гостил в родной деревне Сизова Ляпунове, вместе они совершили поездку по Ветлуге и пешеходное путешествие в починок (выселки) с ласковым названием Ляленка. Именно в Ляленке услышали друзья легенду о разбойнике Ляле от местной жительницы Марии Васильевны Кирбитовой. В очерке “Рубцов на Ветлуге” А. Сизов позднее напишет: “И услышали мы красивую лесную сказку о Ляле-разбойнике и его кладах, о лесной девке Шалухе и прекрасной княгине Лапшангской, о молодом атамане Бархотке. Коля загорелся сразу. Он даже не стал старушку дослушивать.

– Я напишу об этом, обещаю тебе, Саша. Только по-своему”¹.

Такова предыстория создания поэмы “Разбойник Ляля”, которую сам автор называл классической поэмой XX века. Поэма была написана осенью 1969 года в гостях у Василия Ивановича Белова в деревне Тимониха.

Вскоре Рубцов передал поэму в издательство “Советский писатель”, где у него готовилась к печати книга “Сосен шум”. В декабре он получил письмо от редактора сборника Е. С. Елисеева: “К сожалению, “быль” о разбойниках вставить не мог. Вылезала бы она из книжки каким-то причудливым и необязательным наростом. И главное – свела бы на нет наши старания высветлить, не пригладить, не прилизать, а именно высветлить колорит сборника”¹.

Ровно через год Рубцов окончательно доработал поэму, назвав её уже не “былью”, а “лесной сказкой”, и послал в газету “Литературная Россия”, но тоже получил отказ. Главный редактор К. Поздняев писал:

¹ Сизов А. Самая долгая дорога. Н. Новгород. Волго-Вятское кн. изд-во, 1991, с. 134.

“Дорогой Николай Михайлович! Лит. Россия — полугазета, полужурнал. В силу этого нам прямо-таки противопоказано печатать такие вещи, как Ваш “Разбойник Ляля”. Как бы ни была она мила, поэтична, это всё-таки весьма далёкая от нашей жизни сказка. ...Посылайте цикл стихов о том, что ближе к нашим дням, что созвучно чувствам и делам современников”².

И впервые поэма была опубликована уже после гибели поэта в журнале “Сельская молодёжь” в № 9 за 1971 год. Вторая публикация “Разбойника Ляли” состоялась в варнавинской районной газете “Новый путь” 4 декабря 1971 года.

Необычность поэмы, её героев, да и самого жанра “лесная сказка”, видимо, обуславливает тот факт, что “Разбойник Ляля” стоит несколько особняком в творчестве Н. М. Рубцова. Ляля, Бархотка, Шалуха... Есть основания полагать, что эти герои не вымышлены, а события поэмы имеют историческую подоплёку.

Вторая половина XVII века была отмечена бунтом казака Стеньки Разина. В 1670 году на Ветлугу пришёл большой отряд разинцев под предводительством Ильи Пономарёва-Долгополова. Варнавинский краевед А. А. Сысоев писал: “В ветлужских лесах гулял со своей шайкой разбойник Ляля... это один из атаманов Степана Разина, который жил в горах у самой Ветлуги недалеко от Варнавина (теперь Лялины горы)”³.

О тех смутных временах теперь напоминают только ржавые пушечные ядра, тесак и кистень из Варнавинского краеведческого музея да поэма Николая Рубцова “Разбойник Ляля”, которая тоже экспонируется в этом музее. Легенда о разбойнике гуляет во множестве вариантов по обеим сторонам Ветлуги. Рубцов “переработал” старинную легенду на свой манер, создал свой вариант. В итоге родилась лесная сказка “... о любви разбойника печальной”.

В интерпретации Николая Рубцова главными действующими лицами выступают, безусловно, Ляля и Бархотка. Весь накал поэмы в конфликте, в столкновении двух сильных мужских характеров. Столкнулись, по сути, два мира, две системы ценностей: любовь и желание обычного человеческого счастья — со стороны Ляли, и главная ценность “лихих людей” — деньги и свобода, которых твёрдо держится Бархотка. Бархотка — необыкновенно цельный образ у Рубцова, герой одной линии: смелый, решительный, непреклонный. “Только волей неба не покойник”. В этом суть его жизни и характера, стержень его личности.

Разбойник Ляля — сложный, противоречивый характер, дважды бунтарь (он бунтует против окружающего его мира, став разбойником; позднее — против морали и образа жизни самих “лихих людей”). Под влиянием любви меняется духовная сущность Ляли, и в итоге сердце его возвращается к тем первоистокам, от которых когда-то он отказался (дом, очаг, семья, христианские заповеди).

Поэма “Разбойник Ляля” создана в последние годы жизни Н. М. Рубцова (1969—1970), в ней отчётливо прослеживается уже сложившийся к тому времени особенный “рубцовский” стиль. Очень динамичное повествование, обилие действия, немногочисленные, но ёмкие эпитеты (земля угрюмая и греховная, сердце беспокойное, смутная жизнь, дремотный разговор, воля верховная, берег глухой). Как во всякой сказке, достаточно широко используются традиционные фольклорные сочетания (рай небесный, знатная молодка, ключевая влага, лес разбойный). И всё пронизано непередаваемой рубцовской иронией:

*Тут сверкнули ножики кривые,
Тут как раз и лёгкая заминка
Происходит в повести впервые:
Я всего не помню поединка, —*

которая и смягчает повествование, и одновременно делает его сказочно-далёким (вроде было, вроде нет: “Сказка ложь, да в ней намёк...”). Нагнетания трагического, страшного не происходит. Любовь Ляли светла и печальна. Вспомним последние строки поэмы:

*Но грустить особенно не надо,
На земле не то ещё бывало.*

¹ Цит. по кн: Рубцов Н. М. Собр. сочинений в 3 тт. Т. 2: Стихотворения 1967—1971; Шуточные стихи и стихи для детей, Переводы/Сост., прим. В. Зинченко. М., 2000, с. 279.

² Там же. Т. 1, с. 32.

³ Цит. по кн.: Монахов Д. Г. Прогулка по музею. Варнавин, 1995, с. 25.

Вариант Николая Рубцова является сугубо литературным, не соответствующим ни народной легенде, ни историческим фактам. Не случайно, видимо, поэт заменил первоначальное жанровое определение поэмы “быль” на другое — “сказка”. До “Разбойника Ляли” он не писал ни сказок, ни поэм. Возможно, именно с “лесной сказки” по ветлужским мотивам мог бы начаться новый этап его творческой биографии. Не случилось.

Николай Рубцов создал поэму о любви, её чудодейственном влиянии на самые заскорузлые сердца; поэму вне географических привязок, вне времени. Из глубины веков донесла она нам память о людях, их переживаниях и страстях: лесная сказка Рубцова незримыми нитями связывает времена, радуется и печалит человеческие души. И сегодня привлекают нас в ней отнюдь не разбойничья тематика или исторические параллели, а мир человеческих чувств.

В 2009 году исполнилось 40 лет с момента пребывания Н. М. Рубцова на нижегородской земле, 40 лет поэме “Разбойник Ляля”. В сентябре 2009 года отмечал бы свой 60-летний юбилей Александр Сизов, но, к сожалению, до этой даты он не дожил.

Эти даты послужили лейтмотивом “Сизовских чтений”, которые вот уже 7 лет проводятся на родине писателя А. Сизова в поселке Варнавино. Для земляков Александра Сизова они стали доброй традицией, возможностью ещё раз прикоснуться к поэзии Николая Рубцова, творчеству самого Сизова, данью памяти талантливым литераторам района.

С 2003 года имя А. А. Сизова носит поселковая детская библиотека, в которой организован музей писателя. В 2009 году именем Александра Сизова названа новая улица в Варнавино.

Александр Сизов стоял у истоков создания литературного музея Николая Рубцова в Дзержинске. Будучи ещё студентом Литературного института им. М. Горького, А. Сизов ездил на похороны Николая Рубцова в Вологду в январе 1971 года. Рубцову же Сизов посвятил стихотворение “Памяти друга”.

*Улица Коли Рубцова,
Вишни по скверам цветут,
После прощания снова —
Стыдно — впервые я тут.
Вологда. Город как пряник.
Горько — как будто в чаду,
Мимо музеев и храмов
Я на кладбище иду
Улицей Коли Рубцова
К холмику рыжей земли...
Лучше бы было, чтоб снова
С ним мы по улицам шли.
Ветер сырой и промозглый
Рвал ему полы пальто.
В ветреных улицах звёзды
Виделись...
Больше ничто!
Прячет озябшие руки...
Ах, осень, и зла и сыра!
— Мне больше всего на Ветлуге
Понравились вечера:
Да, правда, ещё пароходы,
И люди здесь ничего!..
Ветлуга... Лучистые воды
Струятся теперь без него.
Уплыли его пароходы,
Промчались его поезда
И только, как диво природы,
Горит над могилой звезда.*

Очерк Сизова “Рубцов на Ветлуге” был включён в том воспоминаний о Рубцове, изданный в Вологде в 1994 году. Достойное место воспоминания о Рубцове заняли в книге А. Сизова “Самая долгая дорога”. Включил этот очерк и Николай Попов в книгу “Николай Рубцов в воспоминаниях друзей” 2008 года издания.

В очерке “Рубцов на Ветлуге” Александр Сизов называет дату приезда своего старшего друга – година святого Варнавы, то есть совершенно точную дату – 24 июня. Ежегодно в этот день варнавинцы и гости посёлка празднуют годину Преподобного Варнавы Ветлужского.

Впервые на “Сизовских чтениях” прозвучали совершенно новые, неожиданные материалы о встрече поэтов в Варнавино. Для истинных поклонников творчества Н. М. Рубцова, исследователей его поэтического наследия, думается, небезынтересными покажутся воспоминания Зои Константиновны Ерополовой, журналиста, много лет проработавшей в районной варнавинской газете “Новый путь”. В 1969 году, о событиях которого вспоминает З. К. Ерополова, она работала в должности литсотрудника.

“Встречи в варнавинской редакции.

... И вот Николай Рубцов на варнавинской улице. И все прохожие смотрят на него как-то недоверчиво. Странный какой-то. Не наш. Маленький, сухонький, в рыжей дерматиновой курточке. Все солидные мужчины носили тогда тёмные костюмы, были степенны и высокомерны. А этот – не пойми что. Голова, правда, красивая, хоть и лысоватая. И глаза – неземные, постоянно меняющиеся, словно в них огонь полыхает. Никогда не видела таких глаз.

А Иван Сергеевич¹ радостно потирает руки:

– Поэт приехал. Настоящий. Большой.

И уже посылают гонца в магазин. Все мужчины редакции короткими перебежками перемещаются из прокуренного кабинета в соседний садик. Приём гостя ведётся под акациями. На деревянной скамейке – бутылки и стаканы.

А мы, женская половина редакционного коллектива, не допущенная к знакомству, прильнув к окнам, ахаем:

– Да что же он какой тощенький? Слово детдомовский недокормыш. У нас такие в 32-м детском доме воспитывались. Тоже особенные были – из Ленинграда эвакуированные. И талантливых много встречалось.

– Господи, а пьют-то как! Как трактористы в колхозе. И рукавом закусывают.

– Сколько они там ещё просидят?

Первая полоса наполовину не закрыта! А это мне уже ответственный секретарь приказывает:

– Звони скорее в колхоз, там, кажется, сенокос заканчивают.

Всё, смотреть в окно больше некогда. Да и что там увидишь? Как очередную бутылку принесли? Как руками размахивать начали – явно стихи читают. Чуть ли не все сразу. Интересно – хором или каждый своё? – размышляла я, названивая на коммутатор.

Время всё расставляет по своим местам. И страницей истории стала та давняя встреча. И кто только оказался в ней не задействованным потом. И чего только не присочинили лихие редакционные перья. Даже у Саши возникли в связи с этим сомнения – всё ли он правильно воспроизвёл, не придумал ли чего. И не удивительно. Память избирательна. Мы многое забываем или помним совсем не то, что было важно.

Меня удивила тогда Сашина задумка объединить рубцовский приезд с варнавинской годиной. Приезжал-то Николай Рубцов после праздника. Но Саша объяснил, что это такой литературный приём:

– Мы же любим свой Варнавин. Пусть и читатели узнают о наших традициях. Это интересно.

Да, в советские годы сохранить церковный престол, придав ему статус народного праздника, – это ж как извернуться надо было! Праздник сберегли, имя святого Варнавы сохранили в названии посёлка.

Элементов вымысла в повествованиях о варнавинских днях Николая Рубцова вполне достаточно. Долго нам всем не давала покоя курточка Сашиного друга. Но Саша мне объяснил:

– Замшевая она в моём описании – это для солидности. Года через два Рубцова вся страна будет знать, а тут какой-то убогий дерматин!

Но если у Саши такие “дополнения” простодушны, то у других авторов память далеко не бесхитростна. Но надо согласиться, что даже в явных искажениях истины просматривается в публикациях рубцовской тематики в районной

¹ Иван Сергеевич Грачев – журналист “Нового пути”, в 1969 году – заместитель редактора.

газете “Новый путь” не просто желание показать, как хороши мы рядом с большим талантом. Главное в них другое. Талант Рубцова действительно БОЛЬШОЙ (выделено автором. — А. П.).

Не приветив поэта на варнавинской улице, не организовав ни одной его встречи с читателями, не воздав ему должного, мы хотя бы не проглядели его. И что-то сделали для того, чтобы познакомить варнавинцев с творчеством поэта, опередившего своё время как минимум на два десятилетия.

Но вернёмся в 1969 год. Ещё вчера под кудрявыми — не ивами — под кудрявыми акациями Ленинского садика “разгулялся праздник невзначай”. А сегодня бодрый, как всегда, Иван Сергеевич веером раскинул на столе ответственного секретаря листочки со стихами машинописными, как “Шумит Катунь”, и рукописными. Читаем. Он вслух. Мы внимаем ушами и впитываем глазами совершенно неожиданные строки. Передаём листки из рук в руки.

*“Мать умерла. Отец ушёл на фронт.
Соседка злая не даёт прохода...”;*
*“Тихая моя родина! Ива, река, соловьи.
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои...”;*
*“Не было собак, да вдруг залаяли.
Поздно ночью, что за чудеса...”;*
“Этот цветочек маленький как я любил и прятал...”;
“В этой деревне огни не погашены...”

Молчим, потрясённые.

Знакомая до боли, серая, утонувшая в грязи деревня с размытыми дорогами, убогими строениями, высокими звёздами и неяркими цветами. Как живая. Пронзительное. Настоящее. Ни на что не похожее творчество. НО... Такое?... В газету? Нельзя! Это клевета на советскую действительность. Мы коммунизм строим. Вдруг на Западе прочитают! Соседок злых у нас нет! Куполов церковной обители, да ещё и поросших травой — тем более нет! И школа уж слишком серая. А ворона так и вообще при чём? Да ещё весёлая.

Все сказали, что считали нужным. Уморились.

А из корректорской звонят — почему задерживаем гранки. Какие гранки? Ах, эти... Подхватываю их и вихрем — в коридор. И словно запнулась за что-то. И залилась краской. Так стыдно мне, пожалуй, никогда не было.

По коридору прохаживался неторопливо человек, стихи которого мы только что с восторгом читали и с упоением распинали. Боже, что было в его глазах! Боль. Страдание. Интерес. И жалость. К нам, убогим. Глаза человека, который знает о нас гораздо больше, чем мы сами знаем о себе. А уж о мире и тем более. Живые, говорящие, горящие неземным пламенем глаза поэта.

Увидев однажды, такие глаза забыть нельзя. Можно поверить, что забыла. Но увидела портрет Рубцова в музее¹. И мигом почувствовала тысячи иголок в кончиках пальцев. И поняла, что что бы мы ни делали, чтобы сгладить ту боль в его глазах, всего будет недостаточно.

Может быть, поэтому и обращались мы к стихам Николая Рубцова чаще, чем другие редакции. И праздник к 25-летию его пребывания в Варнавино затеяли такой широкий и массовый. К чистому роднику поэзии Николая Рубцова потянулись люди. И когда потом слышали по радио знакомые строки “В горнице моей светло” или “Светлыми звёздами нежно украшена тихая зимняя ночь”, в Варнавине эти песни узнавали, говорили — это наши песни. И мурлыкали про себя, и пели за столом. В “Новом пути” неоднократно давали подборки стихов Рубцова. И лесную сказку “Разбойник Ляля” не однажды печатали. И Сашины воспоминания”.

Вот так неожиданно узнаём мы новое о любимом поэте. В рамках “Сизовских чтений” 2009 года состоялась презентация книги избранного А. Сизова с символическим названием “Клад”. Конечно, в неё вошёл и очерк “Рубцов на Ветлуге”.

г. Дзержинск
Нижегородской области

¹ Портрет Н. М. Рубцова работы нижегородского художника А. Н. Подорогина в экспозиции музея поэта г. Дзержинска Нижегородской области.

К 100-летию со дня рождения Павла Васильева

ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВА

“ПО УКАЗКЕ ПЕТЬ НЕ БУДУ СРОДУ...”

Павел Васильев и Марина Цветаева: параллели жизни и творчества

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПЕРЕСЕКАЮТСЯ

Они жили в одно время. Общались в разные годы с одними и теми же людьми: Мандельштам, Пастернак, Маяковский, Крученых, А. Толстой, Асеев, Санниковы, Кончаловская, Зелинский... Кажется, что имена этих поэтов и писателей, их судьбы какими-то незримыми нитями вот-вот соединят и жизненные пути Марины Цветаевой и Павла Васильева. Но, увы... В жизни они не встретились никогда. И не могли встретиться: М. Цветаева была в эмиграции с 1922-го по 1939 год. Павел Васильев впервые приехал в Москву в 1927-м, жил в столице с 1929-го по 1937-й. В июле этого года он был расстрелян.

В 1923 году произведения Цветаевой ещё попадали в Россию. “На них отзывались, как правило, глупо и злобно, — пишет Анна Саакянц (“Жизнь Цветаевой”). — Книга “Вёрсты” (стихи 1916 года) вызвала брань напостовца С. Родова под громким названием “Грешница на исповеди у Госиздата”. Через четыре года, в 1927 году П. Васильев, которому не раз доставалось от Родова, замечательно ответил подобным критикам в стихотворении “Письмо”:

*По указке петь не буду сроду, —
Лучше уж навеки замолчать.
Не хочу, чтобы какой-то Родов
Мне указывал, про что писать.
Чудаки! Заставит ли поэта,
Если он — действительно поэт,
Петь по тезисам и по анкетам,
Петь от тезисов и от анкет.*

А ещё через четыре года в своём трактате о творчестве “Искусство при свете совести” М. Цветаева напишет о том, что творить своё время вовсе не означает выполнять социальный заказ, напротив: творить — вопреки заказам и указам! Цветаева была свято убеждена в том, что между истинными поэтами существует “неколебимая связь и неизбывная круговая порука защиты”.

Да, параллельные линии земных судеб Цветаевой и Васильева не пересекались, но пересеклись творческие. Их стихотворения (после многих лет забвения) встретились на страницах альманаха “День поэзии” в 1956 году (издательство “Московский рабочий”). Их разделяет только одна страничка. Подборка стихотворений М. Цветаевой опубликована с предисловием Анатолия Тарасенкова. Конечно, в его словах были и дань времени, и упрощение, и спрямление, и замалчивание. Но всё же – это был прорыв, стихи Цветаевой стали возвращаться к читателю. В подборке было опубликовано 11 стихотворений: “Стихи к Чехии” (7 стихотворений), “Владимиру Маяковскому”, “Поэт и царь”, “Вчера ещё в глаза глядел...” и “Писала я на аспидной доске...”.

Павел Васильев представлен в альманахе двумя стихотворениями: “Родительница-степь” и “Любимой”. Предисловия к его стихам нет, но понятливо-му читателю того времени 1937 год в датах жизни говорил всё без слов... Стихи предваряются двумя строчками: “Ниже мы печатаем два неопубликованных стихотворения талантливого поэта Павла Васильева (1910–1937)”. Так что к читателю в 1956 году они вернулись вместе, можно сказать, рука об руку...

Большую лепту в возвращение этих имен в русскую литературу внес и казахстанский журнал “Простор”. Как известно, именно в нём в 1965 году (№ 10) была впервые напечатана проза Цветаевой – “Отец и его музей”. Многие стихотворения Павла Васильева увидели свет тоже на его страницах: в 1963 году – “Сонет”, “К музе”, “Дорогому Николаю Ивановичу Анову” (№ 6); в 1964-м – “Так мы идём с тобой и балагурим...”, “Глафира” (№ 1); в том же году – “Мясники”, “Бахча под Семипалатинском”, “Затерян след в степи солончаковой...”, “И имя твоё, словно старая песня...” (№ 4); в 1966-м – “Я боюсь, чтобы ты мне чужою не стала...”, “Глазами рыбьими поверья...”, “Посвящение Н. Г.” (№ 8); в 1967 году – “Сердце”, “Тройка”, “Каменотес”, “Послание к Наталии” (№ 10).

И, может быть, важнее реальной встречи поэтов – то, что их стихи встречаются сейчас, в XXI веке. По крайней мере в Павлодаре это происходит ежегодно – на большом поэтическом празднике, Цветаевском костре, который проходит в октябре, в день рождения Марины Цветаевой. Стихотворения и Цветаевой, и Васильева читают здесь члены павлодарского литературного объединения, которое с 1957 года носит имя Павла Васильева. Самое активное участие в Цветаевских кострах принимают сотрудники Дома-музея П. Васильева и его директор Л. С. Кашина. А первый Цветаевский костёр зажегся возле дома, где в пятидесятых годах жила младшая сестра М. Цветаевой – Анастасия Ивановна Цветаева, замечательная писательница-мемуаристка (в 2007 году на этом доме была открыта мемориальная доска). Дом-музей Павла Васильева находится на соседней улице, совсем рядом. Интересно, что Анастасия Ивановна бывала в этом доме, когда в 1957–1959 годах жила в семье сына А. Б. Трухачева на улице К. Маркса. Дом, где прошло детство поэта, принадлежал тогда павлодарцам Алексеевым, у них снимала угол одна из ссыльных женщин. По воспоминаниям Алексеевых, она общалась с Анастасией Ивановной. Когда Цветаева шла на Иртыш, зачастую по пути заходила в этот дом за своей новой знакомой. Но и здесь была “невстреча” судеб семей васильевской и цветаевской – вряд ли в те годы кто-то из новых хозяев дома вспоминал, что раньше здесь жила семья Васильевых.

Некую метафизическую связь между поэтами можно усмотреть в таком совпадении: практически в одно время они работали над одной темой.

М. Цветаева в 1929 году начала писать “Поэму о царской семье”. М. Слоним вспоминал, что Марина Ивановна объясняла: мысль о поэме о царской семье зародилась у неё как ответ на стихотворение Маяковского “Император” (“Корону можно у нас получить, но только вместе с шахтой”). В этих стихах она услышала оправдание страшной расправы как некоего приговора истории. Весной 1931 года Цветаева публикует главу (пролог) незавершенной поэмы о царской семье – “Сибирь”. Сибирь – как величие России и место гибели её царя (подробно – в статье И. М. Невзоровой “К истории создания и забвения “Поэмы о Царской Семье” М. Цветаевой”, сборник “Творчество М. И. Цветаевой в контексте европейской и русской литературной традиции”, Елабуга, 2006).

7 марта 1931 года в парижской газете “Возрождение” появилось интервью Надежды Городецкой “В гостях у М. И. Цветаевой”. На вопрос: “А что вы ещё пишете или хотите писать по-русски?” М. Цветаева отвечает: “О царской се-

мье. Беру именно семью, а фон — стихия. Громадная работа. Всё нужно знать, что написано. А написать нужно — раз навсегда, либо вовсе не браться. В России есть люди, которые справились бы с этой темой, — но тема не их, они её любить не могут: если бы любили, там бы не жили. Так что я чувствую это на себе, как долг”. Марина Ивановна высказалась категорично, но несправедливо: “если бы любили, там бы не жили” — а куда ж им было деваться, тем, кто жил в России! Не у всех была возможность уехать... Но, с другой стороны, если “не жили” понимать в этом контексте как “не существовали”, слова Цветаевой абсолютно верны, и неизбежная гибель Васильева в СССР — тому подтверждение.

Павел тоже обратился к этой теме в конце 20-х годов. В коридоре рабфака искусств, где он тогда учился, было вывешено извещение о конкурсе на лучшее сочинение к юбилею Октябрьской революции. Конкурс проводил РАПП. Павел решил принять участие и за три дня написал очерк “Как расстреливали царскую семью (из рассказа чекиста)”. Очерк приводит в своей книге “Павел Васильев, каким его не знали...” Е. Туманский. Вот несколько отрывков:

“Царскую семью под усиленной охраной привели в подвал... Ипатьевского дома, где мы, чекисты, уже их ждали. Мы заранее знали, кто из нас какую царскую персону будет расстреливать. Я должен был покончить царицу.

Расстреливать врагов революции было для меня делом привычным: дуло пистолета к затылку — и зови митькой. Только на этот раз дело пошло по-другому. Вертает, сука, свою башку туды-сюды, никак не желает подставить затылок. Отпрянул я тогда от неё и пальнул ей по животу и грудям...”

Заканчивается очерк такими словами:

“В конце своего рассказа считаю нужным вставить следующее. Не знаю, как братва, а что касается меня лично, то после того дела у меня начался запой. Тянется запой пять, семь дней, и всё это время перед глазами одна картина: подвал, царица вся в кровище, лукаво смеётся, пальцем мне грозит, а палец слабенький, как бы детский...”

... Приезжает “скорая”, меня везут в психичку, там моей головы касается этот же слабенький детский палец, я слышу знакомый радостный смех: “Горячка... Горячка...”

Господь, за что ты мне дал такие муки.

Записал со слов чекиста П. Васильев”.

Как видим, рассказ написан якобы со слов старого чекиста, с которым Павел познакомился, когда ездил в Екатеринбург (этот факт исследователи подвергают сомнению, скорее всего, рассказ — чисто художественное произведение). Туманский, приводя этот текст в своей книге, пишет о том, что, естественно, рапповцы охарактеризовали автора очерка как “очернителя всего ОГПУ”, который представил чекиста “пьяницей, убийцей и раскаявшимся грешником”, и именно после этой истории Васильев был отчислен с рабфака...

Из всей “Поэмы о царской семье” М. Цветаевой сохранился только отрывок под названием “Сибирь”: повествование об истории Сибири, поход Ермака, смена временщиков в Тобольске... Вот уж какая тема была близка Васильеву, как никакая другая!

*Сибирь!
Всё ненасытнее и злей
Кедровой шкурой дебрей обрастая,
Ты бережёшь
В трущобной мгле своей
Задымленную проседь соболей
И горный снег
Бесценных горностаев.
Под облаками пенятся костры...
И вперез тяжёлому прибою,
Взрывая воду,
Плещут осетры,
Толясь под самой
Обскою губою.*

Начал путешествовать Павел с шестнадцати лет, в июне 1926 года он уехал из родительского дома в Павлодаре – в Семипалатинск, Омск, а потом на Дальний Восток. Во Владивостоке он быстро обзавёлся новыми знакомыми, среди них был Рюрик Ивнев (настоящее имя – Михаил Александрович Ковалев, 1891–1981 г.). Поэт, прозаик, мемуарист, он первым обратил внимание на стихи Павла Васильева и устроил его публичный вечер, который состоялся в актовом зале Дальневосточного государственного университета в конце ноября 1926 года. Так что можно сказать, что именно Ивнев “вывел в люди” 16-летнего Павла...

О Р. Ивневe Васильев упоминал на допросе в ОГПУ 4 марта 1932 года, при своём первом аресте: “Зимой приехал во Владивосток писатель Рюрик Ивнев – остаток мерещковских салонов... Слепил его московский шик, кажущаяся известность, его заманчивые загадочные рассказы о Москве, о литературной славе, о Сергее Есенине. Похвалами он вскружил мне голову. Гением меня новоявленным назвал, акростих написал мне, вот он:

*Пустым похвалам ты не верь,
Ах, трудным будет путь поэта,
В окно открытое и дверь
Льёт воздух, лекарь всех потерь,
Ушаты солнечного света.
В глаза весёлые смотрю,
Ах, всё течёт на этом свете...
С таким же чувством я зарю
И блеск Есенина отметил.
Лыняющую голову храни,
Ее не отдавай ты даром.
Вот и тебя земные дни
Уже приветствуют пожаром.*

18 декабря 1926 года, уезжая из Владивостока в Хабаровск, Павел написал ответное стихотворение – “Рюрику Ивневу”:

*...Прощай, мой друг! Ещё последний взгляд.
Туман тревожно мысли перепутал.
В окне мелькают белые поля,
В уме мелькают смятые минуты...*

Вот так, в самом начале творческого пути, Павла Васильева благословил на поэтической стезе знакомый Марины Цветаевой. Рюрик Ивнев общался с ней десять лет назад, на вечере, который Марина Ивановна описала потом в своём очерке “Нездешний вечер” (он был опубликован в журнале “Современные записки”, № 61, 1936 год, Париж). События, описываемые Цветаевой, происходили в 1916 году в Петербурге в доме инженера-кораблестроителя И. С. Каннегисера. В “Нездешнем вечере” М. Цветаева пишет: “Читают Лёня, Иванов, Оцуп, Ивнев...”. Среди гостей был и Сергей Есенин, о котором рассказывал Ивнев во Владивостоке молодому Павлу.

“БРАТ ПО ПЕСЕННОЙ БЕДЕ...”

“Брат по песенной беде – / Я завидую тебе” – написала Марина Ивановна в начале января 1926 года на смерть Есенина. Ощущение себя причастным к этой “песенной беде”, к “круговой поруке поэтов” проявил тогда и 15-летний Васильев. В конце 1925 года Павел без разрешения встал на уроке литературы, когда учитель только вошёл в класс и ещё не начал вести занятия. “Давид Васильевич! Нельзя ли сегодняшний урок заменить есенинским? В России умер великий поэт...” Литературу в павлодарской школе второй ступени преподавал тогда замечательный педагог Д. В. Костенко. Он стал рассказывать о Есенине, читать “Персидские мотивы”, отрывки из “Гуляй-поля”. Павел, по воспоминаниям одноклассников, написал тогда стихотворение “На смерть Есенина” (оно, к сожалению, не сохранилось).

Васильев знал себе цену с малых лет, но, наверное, и не мечтал тогда, что друзья Есенина – Н. Клюев, С. Клычков, П. Орешин – меньше чем через десять лет станут его друзьями...

Для Васильева Сергей Есенин был “князем песни русския” (стихотворение “Другу-поэту”). В поэме “Одна ночь” Павел посвятил ему пронзительные горькие строки: “Я ненавижу сговор собачий, / Торг вокруг головы певца!”.

Взлетев двадцатилетним к поэтическому Олимпу, П. Васильев и к своему кумиру стал относиться уже критически: “Я хочу, чтобы слова роскошествовали. Есенин образы по яголке собирал, а для меня важен не только вкус, но и сытость...”.

Но, конечно, до Есенина был – Пушкин. Ему тоже посвящали стихи и Цветаева, и Васильев. Цветаевская “Встреча с Пушкиным” написана в 1913 году в Ялте. Это стихотворение скорее не о Пушкине, а о ней самой, о её осознании того, что она – поэт, “коллега” Александра Сергеевича по поэтическому ремеслу. В 1937 году Цветаева написала очерк “Мой Пушкин” – о Пушкине её младенчества, “творце её души”: “Пушкин меня заразил любовью. Словом – любовь... Когда жарко в груди, в самой грудной ямке (всякий знает!) и никому не говоришь – любовь. Мне всегда было жарко в груди, но я не знала, что это – любовь...”.

“Пушкин был первым её поэтом, и её первого поэта – убили. Поэтов всегда убивают, будь то пуля, самоубийство, – убивает сама жизнь, которая для поэта – непереносима. Это прозрение даровал Цветаевой тоже Пушкин...” (А. Саакянц). Цветаева написала также цикл “Стихи к Пушкину” (1931, 1933). Летом 1936 года она перевела на французский язык 18 стихотворений Пушкина.

Павел Васильев пытался подражать Пушкину ещё в школьные годы, в пору ученичества, а в 1928 году в шестом номере журнала “Сибирские огни” было напечатано его стихотворение “Пушкин”, с которого, собственно говоря, и началась его серьёзная литературная работа.

*Туман плывёт, седящийся и серый,
Поляна поднята в кустарнике, как щит.
И на отмеренные барьеры
Отброшены небрежные плащи...*

В этом стихотворении впервые проявилась такая особенность творческой манеры поэта, как слитность образов автора и героя. Это, как отмечают исследователи (Сергей Куняев), станет потом его “визитной карточкой” и даже повлияет на жизнь поэта: Васильев настолько перевоплощался в своих героев, что после появления поэмы “Кулаки” его стали считать сыном кулака и кулацким поэтом...

На самом деле “сын кулака” родился в семье учителя математики, был внуком пильщика и прачки, служивших у павлодарского купца Дерова. Песни бабушки и сказки деда Корнилы Ильича навсегда остались в душе ребёнка, а позднее органично вошли в мир его поэзии. В 19 лет Павел посвятил деду стихотворение: “Корнилу Ильич, ты мне сказки баял, / Служилый да ладный – вон ты каков! / Кружилась за окнами ночь, рябая / От звёзд, сирени и светляков...”.

Народное многоголосье, усвоенное ещё в детстве, – частушки, песни, балагурство – сама ткань поэмы П. Васильева “Песня о гибели казачьего войска”: “Были песни у меня – были, да вышли. / У крестовых прорубей, на чёртовом дышле, / Без уздечки, без седла на месяце востром / Сидит баба-яга в сарафане пёстром”.

“Песня” звучит от лица тех, кто пережил трагический эпизод в истории казачества. И эти голоса – громкие и тихие, разухабистые и лирические порой – заглашали в ней голос самого автора, которому, кстати, было во время её написания всего лишь 25 лет.

На творческом вечере в редакции журнала “Новый мир” в 1935 году П. Васильев признался: “Я написал “Песню о гибели казачьего войска”. Там материал владеет мной...”.

Блёстки народной поэзии, сказочные или песенные мотивы сверкают во многих стихах и поэмах Васильева. “Справа ходит быль, а слева – сказка”, –

пишет он в стихотворении “Другу – поэту”. Но вся беда в том, что правдивая народная васильевская сказка никак не вязалась с фальшивой сказкой советской...

В творчество Цветаевой стихия народной русской речи ворвалась в 1917 году, это отразилось и в её стихах, и в поэмах-сказках: “Царь-девица”, “Егорушка”, “Молодец”. Как отмечал Ходасевич в рецензии на поэму “Молодец”, стих народной лирической песни “ею почувствован и усвоен так, как ни у кого до неё”. Ариадна Чернова называла “Молодца” “песню, переходящей в бег, пляс, вихрь...”

В ноябре 1918 года Цветаева пишет стихи, стилизованные под народные песни: “Нет, с тобой, дружок чудный, / Не делиться мне досугом...”; “Развела тебе в стакане / Горстку жжёных волос... / Чтоб ослеп-оглох, / Чтоб иссох, как мох, / Чтоб ушёл, как вздох”. Или вот это, ставшее в наше время песней: “Чтобы помнил не часочек, не годок – / Подарю тебе, дружок, грешок... / Нет на свете той расчёски чудней: / Струны – зубья у расчёски моей”.

Настоящая ворожба – в цветаевских строчках о проводках Масленицы: “Масляница! Бусельница! Провожайте Масляницу! Крути, парень, паклю в жгут! Нынче масляницу жгут! Гикалу! Шугалу! Хапалу! Чучелу!”

Васильев так же “ворожит”, играет словами в “Песне о гибели казачьего войска”: “Засвечу те очи ранней звездой, Затяну те губы жёсткой уздой. Закреплю заклятье: Мыр и Шур, Нашарбавар, Вашарбавар, Братынгур!”

Поэма Цветаевой “Егорушка” (1921) – о сказочном богатыре Егории, это тоже песенно-частушечная стихия, это поэма с причудливой фабулой, где Цветаева дала разгуляться своей фантазии...

У Цветаевой это имя – Егор, Егорий – появилось впервые в стихотворении 1919 года “Бабушка”:

*И внук — кудряш — Егорушка
Взревёт: “Давай ружьё!”
Я брошу лист и пёрышко —
Сокровище моё!*

.....
*Егор, моя утробушка!
Егор, ребро от рёбрышка!
Егорушка, Егорушка,
Егорий-свет-храбрец!*

Среди персонажей поэтических произведений Васильева тоже есть Егорушка. В июне 1932 года написано стихотворение “Егорушке Клычкову”, посвящённое новорождённому сыну поэта. По сюжету и ритму это скорее колыбельная песня:

*Темноглазый, коновой
Да темноволосенький,
Подрастай, детёныш мой,
Золотою сосенкой.
Лето нянчило тебя
На руках задумчивых,
Ветер шальный, зной губя,
Пеленал, закручивал...*

.....
*Подрастай, ядрен и смел,
Ладный да проказливый,
Чтобы соколом глядел,
Атаманил Разиным...*

Мандельштам, послушав стихи П. Васильева в квартире у Клюева, сказал об их народности так: “Слова у него растут из почвы, с ней смешиваются, почвой становятся”.

ПРАВА ОНИ БЫЛИ НЕЛЁГКОГО...

В 1935 году Васильев исключается из Союза писателей (был принят в 1934 году с рекомендацией Горького), на поэта заводятся “дело” в НКВД. “Буйное” поведение Павла Васильева в те годы объясняется не только характером поэта, но более — внешними причинами: чем крепче затягивали на нём узду, тем сильнее он вырывался... Хотя и характер был непрост, чем Цветаева и Васильев были довольно схожи. Современники вспоминают о Цветаевой: “Права она была нелёгкого, даже для самой себя...”, “Она не умела подлаживаться под заданный тон...”, “Она была очень своенравна... (бунтарка), не во имя какой-нибудь там революции, а потому что не хотела быть как все. Поэтому она и была антиобщественна”. Чем не объяснение для поведения Павла! И, наконец, главная причина: “Она была всё время поэтом. С самого детства”.

“Бунтарство” поэтов проявилось в юности — богоборчеством. М. Цветаева вставляет в киот вместо иконы портрет своего любимого Наполеона. Скандал с отцом... Павел в 14 лет сломал крест над входом в нижний придел казачьей церкви Павлодара. Скандал с отцом, исключение из школы на месяц... Причём предки у поэтов были людьми религиозными. Дед Марины Цветаевой по отцовской линии — В. В. Цветаев был священником. “Из села Талицы близ города Шуи наш цветаевский род. Священнический...” — писала М. И. Цветаева в “Истории одного посвящения”. Дед Павла Васильева — М. В. Ржанников много лет исполнял обязанности церковного старосты казачьей церкви.

“Заповедей не блюла, не ходила к причастью...” — пишет Цветаева в стихотворении 1915 года. Её дочь Ариадна Эфрон отмечала, что в матери не было ни настоящей религиозности, ни антирелигиозности. “Она понимала понятия: совесть, грех, возмездие, дух, рок”. Почти теми же словами ответил о своей вере Павел Васильев другу Илье Заславскому: “Мой бог — совесть, честь, добро”.

Может быть, юношеское богоборчество не заменилось истинной верой, но в стихах у Цветаевой в 1918—1919 годах уже появились слова “гнев Господен”, Бог, архангелы, иконы... Дело, конечно, не в словах, а в мировосприятии.

Как и Марина Ивановна, Павел Васильев в лучших своих стихах передавал ощущение того, что “здесь мир — это не весь мир и что мир безмерен” (М. Л. Слоним о Цветаевой).

И колокол пространства голубой

Раскачивался

На мизинце бога...

(“Крестьяне”)

Рассыпаясь, летят по твоим волосам

Вифлеемские звезды российского снега...

(“И имя твоё, словно старая песня...”)

Туманов мерное сиянье —

Тучны вы, звёздные поля.

И в середине мирозданья

Надежда Господа — земля.

(“Христолюбовские ситцы”)

ПО ЗАКАЗУ ВРЕМЕНИ

Цветаева была убеждена, что ею, её голосом заговорило время, и она никогда не смогла бы писать по велению власти, а только по заказу времени. Только этот заказ (а не “указки какого-то Родова”) выполнял и П. Васильев. Его поэму “Песня о гибели казачьего войска” критики и спустя много лет после смерти поэта называли вещью, пронизанной сочувствием к белогвардейщине. В пример приводились строки, вложенные автором в уста кулацкого сына: “Што за нова власть така — раздела и разула, / Ещѣ живы пока в станицах есаулы!”. На самом деле поэт — не за белых и не за красных, это по-

эма о простых казаках и казачьих жёнах, это та же “романтика обречённости”, как у Марины Цветаевой в “Лебедином стане”: “И рыщет ветер, рыщет по степи: / Россия! — Мученица! — С миром — спи!”. Читая “Песню о гибели...”, / неизбежно вспоминаешь цветаевские строки: “Все рядом лежат — / Не развесть межой...” Поэты снова перекликаются — и темой, и ритмом, и болью. У Васильева: “ — Спи ты, мое дитяtko, / Маленький-мал. / Далекo отец твой / В снегах застрял, / Далекo-далёшенькo, вдалеке, / Кровь у твою батюшки на виске...” Но Васильев не мог закончить поэму плачем, таким, как “Плач Ярославны” Цветаевой: “Дерном-глиной заткните рот / Алы мой — нонче ж. / Кончен / Белый поход”. Все свои поэмы он завершает “красными концовками”, но и это не спасает... “Песня о гибели казачьего войска” вырезается из тиража “Нового мира” (№ 11, 1932). Отношение Васильева к многому в современной жизни скрыть было нёвозможно:

*Рыдают Галилеи в нарсудах,
И правда вновь в смиренных рубашках... (1931)*

А вот строки из стихотворения “Старая Москва” 1932 года:

*...Ты, вдобавок, нам смогла
Мёртвые с возов скрипучих
Грудой вывалить тела.
Нет, не скроешь, их немало!
Ведь подумать — средь снегов
Сколько всё-таки пропало
И лаптей, и сапогов!*

Стихотворение “Лагерь” (1933) — о гражданской войне. Но и о реалиях 30-х годов!

*...И двух в пальто в овраг соседний
Конвой расстреливать ведёт.*

В свой первый арест, в 1932 году, во внутренней тюрьме Лубянки Васильев написал горькие стихи о своей многострадальной стране:

*И всё равно, как будто не был,
А если был — под этим небом
С землёй сравнялся человек...
(“Сначала пробежал осинник...”)*

Павел Николаевич ещё находил в себе силы шутить. В “Самокладках казахов Семиге” есть стихотворение “Милиционер”:

*Если уж такой он нарядный,
Значит, ответственный.
Если оружие на ремне носит,
Значит — советская власть.
Если человека арестовать может,
Значит, советская власть
Ему доверяет...*

Некоторые исследователи утверждают, что Марина Цветаева относилась к новой власти как к явлению природы. В подтверждение приводится письмо к Завадскому. Анализируя отношение адресата к ней, Марина Ивановна писала: “Чуть Вам плохо (нелады дома, жара, большевики) — я уже не существую. Дом — сплошной “нелад”, жара — каждое лето, а большевики только начинаются!”.

Но в записной книжке она пишет: “Сегодня, проходя по Поварской... — бессознательно — как крещусь на церковь — плюю на флаг, который задел меня по лицу...”. На двухлетие революции написано стихотворение:

*Двухлетие! — И снова их знамёна
Кровавые, кромешные — и снова
Человеколюбивого закона
Знак: чёрный хлеб
стодесятирублёвый...*

“В годы гражданской войны я была в Москве не с большевиками, а с белыми. Большевиков я как-то не заметила, заметила их только косвенно... У меня: любить одно — значит не видеть другого!”. Она их даже не слишком-то ненавидела, несмотря на то, что была “плакальщицей белого движения”, как сама себя называла. Что она действительно ненавидела — это мещанство, “дремучий быт”, о котором Павел писал так: “... Не раз я тобою / Был опрокинут / И тяжкою лапой / Твоею бит”.

Что же любили поэты? Жизнь! Во всех её проявлениях. Ещё в юности в письме к В. Розанову Марина писала о своей “безумной любви к жизни, судорожной, лихорадочной жадности жить”. А потом в стихах: “— О, бытие! Глоток / Горячего грога на сон грядущий!”, “Я! — Живейшая из жён...”. В конце 1924 года написано стихотворение “Жизни”:

*Не возмѣшь моего румянца —
Сильного — как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег...*

О том же — в стихах Васильева:

*Я, детёныш пшениц и ржи,
Верю в неслыханное счастье.
Ну-ка, попробуй, жизнь, отвяжи
Руки мои
От своих запястий!*

И в поэме “Одна ночь” поэт ещё раз утверждает:

*Я говорю тебе, жизнь: нипочём
Не разлюблю твои жѣсткие руки!*

“Руки жизни” никогда не были ласковыми и для Цветаевой, особенно после возвращения в Советскую Россию. Читая о её мытарствах в предвоенные годы, я вспоминаю стихи Павла:

*Ни за что ни про что
Я на свете маюсь,
Нет мне ни света, ни праздничных дней.
Так убегает по полю заяц
От летящих на лыжах
Плечистых теней...
.....
...Вспоминаю я город
С высокими колокольнями
Вплоть до пуповины своей семьи.
Расскажи, что ль, родина, —
Ночью так больно мне,
Протяни мне,
Родина, ладони свои.*

М. Цветаева не хотела возвращаться в СССР только потому, что знала: “Там мне не только заткнут рот непечатаньем моих стихов, там мне их и писать не дадут”. Слова стали провидческими для многих настоящих поэтов, которых угораздило жить в России в тридцатые годы XX века...

П. Н. Васильев был расстрелян 16 июля 1937 года по обвинению в терроризме и подготовке покушения на И. В. Сталина. Предположительно прах его

покоится в братской могиле на кладбище Донского монастыря в Москве. На небольшой стеле надпись: “Общая могила № 1. Захоронение невестребованных прахов с 1930 по 1942 год”. Среди многочисленных табличек с именами похороненных здесь стоит и такая: “Поэт Павел Николаевич Васильев”. Как условен памятный камень Марине Цветаевой на Елабужском кладбище, так условна и эта табличка – это просто место, куда можно прийти и поклониться памяти поэта. “Распасться, не оставив праха / На урну...” – Марина Ивановна всё предвидела заранее...

Эти две трагические судьбы словно две стороны одной медали: талантливый русский поэт в тридцатые годы двадцатого столетия – в России и вне её. “Здесь я не нужна. Там невозможна...” – писала Цветаева в эмиграции. А Васильев с таким же основанием мог сказать о себе в России: “Здесь я не нужен. Там невозможен”.

Поэтам не повезло со временем? А везёт ли им хоть когда-нибудь? Были бы счастливы они в сегодняшние времена, времена “полной свободы”? Считается, что нет репрессий, войны, идеологических установок... Нет?

Но, по большому счёту, нет и читателей... Увы, всё меньше и меньше места в сердцах и умах современников занимает поэзия. В XXI веке другие ценности... Как там у Марины Ивановны:

*С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь...*

Но всё же – о горечи – закончим Васильевским, “оптимистичным”:

*...Тяжёлый мёд расплёскан в лете,
И каждый дождь — как с неба весть.
Но хорошо, что горечь есть,
Что есть над чем рыдать на свете!*

ОЛЕГ МИХАЙЛОВ

СЛОВО О ДРУГЕ

К 80-летию Виктора Петелина

Листаю только что вышедшую книгу Виктора Петелина “Мой XX век: Счастье быть самим собой” (М., Центрполиграф, 2009), и оживает прошедшее время в лицах, молодых, счастливых, полных ожидания и надежд. Мы – студенты и аспиранты Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, перед нами открывается дорога в прекрасное будущее, каждый уже что-то строчит своё, заветное. Только что прошёл XX съезд правящей партии, раскрылись архивы.

Вот машина времени в памяти моей даёт обратный ход и легко переносит меня в середину годов 50-х. Мы, как и все в стране, напряжённо переживаем происходящее, выслушиваем старших, рассуждаем, как можем, сами. Всё встало на ребро! Вчерашние комсомольские вожаки наши, грозные ревнители чистоты сталинизма и праведной партийности – Игорь Виноградов, Юрий Суворцев, Александр Лебедев, Юрий Рюриков вдруг круто меняют свою позицию. Казалось бы, только вчера учитель мой – профессор Гудзий ужасался их ортодоксальности, проводимым ими “кампаниям”. А сегодня они прозрели и с той же неистовой прямолинейностью пошли против самих себя – вчерашних.

В 1954 году – дискуссия о социалистическом реализме; попытка поубавить в нашей теории бетона. Молодой кандидат наук М. Кузнецов (опять же недавно выступавший с самых догматических позиций застрельщиком в разгроме “школы Веселовского”, куда попал и бывший наставник его Н. Гудзий) теперь сам же и ревизует партийные постулаты. Волна обновления. Здесь, конечно, причудливая смесь молодой искренности и демагогии, наивного желания абсолютной истины и затаённых устремлений свести давние счёты. Как всегда при большой ломке. Но в общем – интересное время, лизнувшее обжигающе и дремлющую полунауку – литературоведение, очень косный и поныне мир. Концепции здесь складывались на десятилетия, и расшатать их, кажется, невозможно. И если в соседних науках, например, в истории, разгромом печально памятной школы М. Покровского наиболее вопиющие уродства были устранены, то в литературоведении подобной хирургии своевременно проведено не было, и вульгарная социология пустила свои метастазы по всему телу нашей словесности.

Со временем трафареты только уплотнялись. Например, взгляд на М. Шолохова и его гениальный “Тихий Дон”. Здесь с 30-х годов герой шолоховской эпопеи Григорий Мелехов рассматривался как отступник, которого жестоко карает автор. В книгах и статьях И. Лежнева, С. Динамова, В. Гоффеншефера, Д. Заславского, М. Чарного, И. Гринберга, В. Ермилова, А. Лейтеса и многих других само казачество, с его историческим укладом и поэтическими обычаями, трактовалось как безусловное скопище отвратительных, бесчеловечных черт и свойств. Пожалуй, наиболее заострённо сформу-

лировал эту концепцию И. Лежнев, заявивший в книге “Михаил Шолохов” (СП, 1948), что “наши люди” в “Тихом Доне” — только профессиональные революционеры, и отказавший в этом семье Мелеховых и, по сути, народу, избражённому в эпосе.

Ту же смёрзшуюся от времени трактовку продолжил в 50-е годы молодой литературовед Л. Якименко, доказывавший, что путь Мелехова — “путь утрат многих прекрасных человеческих свойств и качеств”, что “страшный конец Григория Мелехова, нравственное и физическое его вырождение его — закономерное завершение судьбы таких людей”.

Что до Л. Якименко, то в своих работах о Шолохове он был так последователен, что способность Мелехова чувствовать прекрасное, его ощущение природы ставил в прямую зависимость от того, с кем в данный момент был герой. С красными — всё нормально, но если оказывался в лагере “кадетов”, в банде Фомина, значит, терял и право видеть поэтический мир. В сентябре 1956 года В. Петелин подготовил диссертацию на тему “Человек и народ в романах М. Шолохова” и передал её своему научному руководителю профессору А. И. Метченко. В это время на филфаке МГУ побывал К. Симонов, А. И. Метченко сделал неплохой доклад, а К. Симонов предложил ему напечатать его в журнале “Новый мир”, где он был главным редактором. Дорабатывая статью для журнала, А. И. Метченко включил в свои размышления и отрывок из диссертации молодого учёного: “Прав молодой исследователь творчества М. Шолохова В. Петелин, критикуя некоторые последние работы о Шолохове за схематическое освещение в них функции пейзажа в “Тихом Доне”... авторы этих работ утверждают, будто в те светлые периоды, когда этот герой находится на правильном пути, он воспринимает величие и красоту окружающего мира... а когда он идёт против народа, то и красота мира идёт как-то мимо него...” Это был сигнал профессора молодому учёному быть самим собой. Смысл сказанного (запечатанный в традиционную литературоведческую упаковку) всё-таки шире “роли пейзажа” или “функции пейзажа”. В. Петелин передал профессору диссертацию, в которой разгромил своих предшественников и дал новую оценку и Григорию Мелехову, и донскому казачеству, то есть части русского народа. Через два года вышла статья Виктора Петелина “Два Григория Мелехова”, а в 1965 году в издательстве “Советский писатель” вышла его новаторская и очень полемическая книга “Гуманизм Шолохова”, о которой много спорили, которую критиковали, но которая в итоге победила в спорах. Суть полемики хорошо определили В. В. Гура и Ф. А. Абрамов в книге “М. А. Шолохов. Семинарий” (издание второе, дополненное. — Л., 1962): “Несколько в стороне от этой дискуссии стоит статья В. В. Петелина “Два Григория Мелехова” (Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1958, № 4). Автор её считает, что на страницах “Тихого Дона” нарисован совершенно положительный характер Григория, а в книгах исследователей этого романа, с помощью какой-то специальной “обработки” его текста, создан другой, отрицательный персонаж”.

Хорошо помню его тогдашнего — очень худого, курчавого, в очках с сильными линзами, баскетболиста и отличника, одновременно застенчивого и резкого в суждениях, прямодушного до наивности, остро и очень глубоко переживавшего всё, что было связано с этим памятным годом — годом XX съезда КПСС. Ожидание обновления было тогда огромным, хотя и не всеобщим. Об этом говорили и спорили мы до хрипоты на широкой балюстраде в старом здании МГУ на Моховой, возле гигантского бутафорского Ломоносова — Петелин, я, франтоватый поэт Виктор Старков, с длинными волосами, которые он постоянно откидывал назад резким движением головы, и худенький, с маленькими усиками под острым носом полонист Станислав Петров.

О Викторе Петелине я писал не раз, в журналах “Москва”, “Молодая гвардия”, в газетах, так что не буду подробно описывать творческий путь нашего юбиляра, который чуть ли не полностью вошёл в рецензируемую книгу. Но не могу пройти мимо ещё одного эпизода в его жизни, который почему-то обходят, — это его выступление “О художественном методе”, когда докладчик публично заявил в декабре 1956 года, что развитию русской литературы мешает **социалистический реализм**. Это было, конечно, выступление, приведшее в шоковое состояние всю партийную и преподавательскую аудиторию, это выступление долго обсуждалось на факультете, в Московском университете, а бюро горкома партии Москвы решило считать это выступление вредным и

наказало партийную организацию МГУ. Напомню лишь статью Дмитрия Урнова, в то время главного редактора журнала “Вопросы литературы”, в которой он высоко отозвался о выступлении Петелина: “Что с той трибуны услышали от Виктора Петелина, не шло ни в какое сравнение с этюдом на ту же тему, опубликованным лишь три года спустя, и то за границей. Я имею в виду эссе о социалистическом реализме, вышедшее в 1959 году в Париже под именем Абрама Терца и принадлежавшее А. Д. Синявскому. Вот это эссе, ныне широко известное, рядом с петелинским выступлением следовало бы считать апологией названного метода” (Урнов Д. “Кто создаёт иллюзии?” в рубрике “Поминки по советской литературе”. “Литературная газета”, 1990, 26 сентября).

Вот два эпизода, которые определили вхождение Виктора Петелина в русскую литературу.

Подобных эпизодов было множество, но напомню лишь о том, какие развернулись дебаты о личности и творчестве М. А. Булгакова, который потихоньку начал появляться в издательствах и на сценах театров. Сначала либералы-демократы представили его как “внутреннего эмигранта” (“Театральный роман”). Но в это же время в жизнь Виктора Петелина плотно вошёл Михаил Булгаков со своим многогранным творчеством. Я познакомил его с Еленой Сергеевной Булгаковой, у которой я и Пётр Палиевский не раз бывали. У меня как раз вышла небольшая рецензия на булгаковское “Избранное” в “Сибирских огнях”, я принёс журнал и привёл своего друга В. Петелина, который со своей огромной рецензией на “Избранное” обошёл все московские журналы. Одновременно он написал статью “М. А. Булгаков и “Дни Турбиных”, но с таким же безнадёжным результатом. Е. С. Булгакова хорошо приняла нас и посоветовала брать неопубликованные произведения только у неё. В. Петелин наконец-то передал статью в журнал “Огонёк”, дважды её ставили в номер, но цензура её снимала, дважды ходил В. Петелин в ЦК КПСС к куратору журналов Ивану Петровичу Кириченко, рассказывал о Булгакове (ведь все работники ЦК КПСС слепо подчинялись инструкциям и постановлениям). Булгаков был “внутренним эмигрантом”, печатать о нём статьи значит помогать враждебным силам на Западе. Но Петелин уговорил их, статью напечатали. Вышла она в “огоньковской” книжке в 1970 году и в книге “Россия — любовь моя” (Московский рабочий. 1972), но потом всё булгаковское из книг цензура выбрасывала. Так произошло с книгой “Родные судьбы” в “Современнике” в 1974 году: цензура выбросила большой очерк “Герои Булгакова”, выбросила то, над чем многие годы В. Петелин работал, больше шести листов. Это была трагедия для учёного. Но издатели снова включили в план и переиздали книгу с этим критическим очерком. Не передать словами, что поднялось после этого. ЦК КПСС, Комитет по печати РСФСР, Комитет по печати СССР заставляли автора отречься от многих положений статьи. Но он не соглашался. Пригласили В. Петелина в ЦК КПСС, два отдела разбирали этот очерк, Петелин отбивался от обвинений, как мог.

Через много лет после этого журнал “Источник” опубликовал материал “Дух остаётся, как и методы полемики”. О книге В. Петелина “Родные судьбы”, в которую вошло письмо В. Петелина секретарю ЦК КПСС М. В. Зимянину и письмо зам. зав. Отделом пропаганды ЦК КПСС В. Севрука и зам. зав. Отделом культуры ЦК КПСС А. Беляева, в котором даётся ответ на письмо В. Петелина. Не буду ссылаться на письмо В. Петелина, но из письма В. Севрука и А. Беляева кое-что процитирую как нечто важное: “...некоторые выводы автора идут вразрез с партийными оценками. В книге проявляются также групповые пристрастия В. Петелина, его склонность к односторонним суждениям о сложных явлениях советской литературы.

Так, в статье “Герои Булгакова” автор во многом односторонне трактует творчество известного советского прозаика, не раскрывает противоречивости его идейно-творческих позиций.

В связи с анализом драмы М. Булгакова “Бег” автор книги даёт хвалебную характеристику белогвардейскому генералу Я. Слащову, который, по мнению критика, явился прямым прототипом героя пьесы генерала Хлудова... Вопреки М. Булгакову, В. Петелин поэтизирует образ Хлудова, произвольно приписывая ему “благородство, честь, порядочность, любовь к солдатам, любовь к России” (с. 190). В этой связи в книге подвергается критике кинофильм “Бег” (сценарий и постановка А. Алова и В. Наумова) за недостаточно полное, по мнению критика, раскрытие нравственной трагедии людей,

боровшихся против революции, за то, что авторы фильма якобы смеются над гибелью русских офицеров...» (Источник. 1997. № 1, с. 88–91).

Естественно, тут же в журнале «Литературное обозрение» критик Борис Галанов (Борис Ефимович Галантер), сразу после беседы в ЦК КПСС, строго вопрошал автора в критическом разное под названием «Нужны ли нам Хлудовы?» (1977, № 1), а секретарь правления СП СССР Виталий Озеров в «Правде» в статье «На новых рубежах» вновь напомнил об ошибках В. Петелина в книге «Родные судьбы» (Правда, 1977, 21 января). Так что линия ЦК КПСС была строго соблюдена, вульгарный социологизм, чуть-чуть подкрашенный, продолжал свою «бурную» деятельность. Может быть, кому-то показалось странным, что В. Петелин после книги «Гуманизм Шолохова» сразу взялся за изучение личности и творчества М. А. Булгакова. Тогда, в середине 60-х годов, многие видели в Булгакове фигуру достаточно спорную, не укладывающуюся в шаблонные представления о писателе советском. Но это был обман зрения. Более того: М. Шолохов и М. Булгаков, как это стало выясняться со временем, — центральные фигуры нашей литературы. Своими произведениями о гражданской войне они как бы стягивают зияние, провал, образовавшийся в результате невиданных в истории геологических, тектонических сдвигов. Что такое булгаковские «Белая гвардия», «Дни Турбиных» и «Бег»? Это словно бы вторая половина того цельного и пылающего революционного мира, где первая — «Тихий Дон». Помню, как известный учёный, знаток Шекспира и Мильтона, профессор Р. М. Самарин радовался появлению в «Огоньке» статьи В. Петелина «Булгаков и «Дни Турбиных» (1969), говоря: «На нашей улице праздник».

Вспоминаю и ещё один эпизод, отражённый в рецензируемой книге Виктора Петелина: он закончил книгу о Булгакове и отдал её в издательство «Художественная литература», её положительно отрецензировали известные писатели Николай Любимов и Николай Томашевский, но спустя какое-то время автор книги получил такое редзаключение, что решительно отказался следовать указаниям редакции. А тут вышло постановление о возможности издавать книги за свой счёт. Он собрал деньги и издал книгу «Михаил Булгаков. Жизнь. Личность. Творчество» в издательстве «Московский рабочий» в 1989 году, потом её не раз переиздавали в издательстве «Центрполиграф» в XXI веке.

В книге «Мой XX век: Счастье быть самим собой» подробно рассказано, как В. Петелин работал над книгами об Алексее Толстом, Фёдоре Шалапине, фельдмаршале Румянцеве, о Максиме Горьком, как активно участвовал в литературном процессе, как счастливая судьба свела его в издательстве «Советский писатель» с Василием Беловым, Виктором Астафьевым, Евгением Носовым и десятками выдающихся русских писателей, которых он не только пробивал в планы выпуска (тогда все они были молодыми и мало кому известными), но и вёл с ними активную переписку. Этот бесценный материал опубликован в книге, которая доставит молодым исследователям нынешней поры огромное удовольствие вторгнуться в самый процесс создания этих книг.

«ARS LONGA, VITA BREVIS» («Жизнь коротка, искусство вечно»), — сказано латинским мудрецом. И это, конечно, так. Но ведь есть и другое, тоже мудрое высказывание: «Русский писатель должен жить долго». В этих двух афоризмах нет противоречия. Вот почему, поздравляя моего друга Виктора Петелина с юбилеем, я жду от него новых книг и новых героев — великих патриотов нашей Отчизны. И годы его вдохновенного труда сливаются с бессмертной жизнью этих героев, неподвластных тлену. Во имя Родины.

ИВАН КОНДРАТЬЕВ

РУССКИЙ БАРД АЛЕКСАНДР ХАРЧИКОВ

Александр Анатольевич Харчиков – русский бард и исполнитель авторских песен национал-коммунистической и патриотической направленности.

Александр родился 21 декабря 1949-го в селе Кеньша Никольского района Пензенской области. Окончил среднюю школу в г. Саранске Мордовской АССР. Служил на флоте. В 1974-м окончил Мордовский государственный университет им. Огарёва по специальности “Промышленная электроника”. Работал инженером на заводах “Кузтекстильмаш” (г. Кузнецк, Пензенской области), “Электровыпрямитель” и “Медицинские препараты” (г. Саранск), на заводе “Сокол” (Ленинград).

Александр Харчиков – исполнитель собственных песен, автор музыки и большинства стихов к ним, профессор Международной Славянской Академии образования, наук и искусств, действительный член Петровской Академии наук и искусств, ветеран боевых действий в Египте (ОАР) в 1968–1969 гг., член Союза писателей России.

Известность к А. Харчикову пришла в 90-х годах, после того как некоторые из его произведений прозвучали в телевизионной программе “600 секунд” и начали выпускаться на кассетах и компакт-дисках, разошедшихся по всему бывшему Советскому Союзу и даже за его пределами. В репертуаре Харчикова более шести сотен песен преимущественно патриотической и оппозиционной направленности. Эти песни – раздумья о судьбе России, о жизни её народа. Есть также лирические и сатирические песни. Большую часть текстов написал он сам, в одной из песен использовал стихи Ю. Мухина, в другой – А. Широпаева. Выпущен 31 альбом. Один из них состоит из любовной лирики, другой – из морской лирики, третий – из природной и религиозной лирики, и 28 альбомов – из песен на темы коммунизма, национализма и национал-коммунизма. Большинство альбомов записаны под гитару, несколько – под синтезатор.

Харчиков внесён в трёхтомный словарь “Русская литература XX века – прозаики поэты, драматурги”, изданный Институтом русской литературы Российской Академии наук в 2005 году. Александр Харчиков упоминается в “Энциклопедии русского народа”, составленной под общей редакцией О. Платонова и изданной в 2003 году.

Политолог А. Митрофанова издала книгу “Песни русского сопротивления”, в которой проведён анализ творчества А. Харчикова и сделан вывод о важности его поэзии как феномена русской культуры нашего времени. Харчикову как поэту, композитору и исполнителю посвящена брошюра профессора, доктора философских наук Л. И. Чернышёвой “Есть ещё герои русского народа, генералы духа есть!” (2005 г.)

По мнению либеральных публицистов В. Шапинова и О. Торбасова, “Эти песни (Харчикова) – отражение убогости и ограниченности национал-патриотического движения, они вобрали в себя всю косность, нелепость мёртворождённого движения”. Авторы отмечают, что “прежде всего, песни А. Харчикова отличает зоологический антисемитизм”. Одновременно поклонник Харчикова В. В. Виноградов отмечает, что Харчиков – русский бард, народный трибун и патриот.

С юности Александр увлекается историей и литературой, немного сочиняет сам. Развал СССР, всё, что случилось с нашей Родиной, прошло через сердце Александра, и родились песни, проникнутые осознанием всей полноты беды. В песнях звучат не только боль и тревога за дальнейшую судьбу России, но и надежда и вера в её возрождение. “Я пишу песни о том, что меня волнует, они идут от самого сердца, эти песни о сильных, мужественных людях, о России, о жизни”, – говорит сам Харчиков.

Так всегда было на Руси: в сложные периоды русской истории, когда особенно сильно проявляется духовная борьба между злом и добром, насилием и справедливостью, порабощением и свободой – рождаются песни борьбы. Бард Харчиков – автор самых бескомпромиссных песен русского сопротивления нынешнему так называемому демократическому режиму, режиму лжи, насилия и воровства. В его песнях заложены несгибаемая воля к сопротивлению, к борьбе и твёрдая уверенность в Победе. Сам Александр Анатольевич скромнен, немногословен, прост, но при этом источает огромную волевую энергию, передавая её через свои песни.

Александром Харчиковым движет огромная любовь к Родине, заложенная в него всем смыслом жизни и советским воспитанием. Главная идея песен сопротивления, написанных А. Харчиковым, – это державность, вера в возрождение великой русской Империи, справедливого мироустройства, которое реализовывалось на Земле через социализм. У Александра заложено и воплощается им в песнях целостное, единое восприятие русской истории: Руси, России, Советского Союза – с горечью поражений и радостью побед. В песнях А. Харчикова удивительно органично сплетаются и русский национальный характер, и советский патриотизм, и традиционное православно-имперское мировоззрение. Его песни устремлены в будущее, поэтическим прозрением обнажая суть нарождающейся сейчас в трудной духовной и социальной борьбе новой русской Империи.

Газета “Дуэль” назвала его “неистовый Харчиков” – в одном слове точнейшая характеристика поэта. Большинству и сейчас хватает смелости лишь на то, чтобы пробурчать вполголоса – сволочи, развалили страну, и, как говорят на флоте, весь пар в свисток. Не таков Харчиков, у него не было периода неопределённости – куда идти, с кем быть и что делать. Уже более 15 лет он ведёт непрерывную и непримиримую борьбу за Советскую Власть и за Советский Союз.

В общественном плане Харчиков – профессиональный революционер. Профессиональный потому, что он сделал борьбу за социальную справедливость основным и единственным делом своей жизни. Практически не имея никакой финансовой поддержки, получая средства только от своих редких концертов, он мотается по стране, участвуя в митингах, акциях протеста. Рассказывают, что в некоторых регионах у отдельных кандидатов на различные должности есть только одно средство агитации – песни А. Харчикова.

Первое впечатление от прослушивания песен Александра – поёт “под Высоцкого”. Но это в корне неверно, у Высоцкого практически не было песен социальной направленности. Доктор наук Митрофанова, написавшая книгу об Александре Харчикове, сравнивает его с Виктором Харой. Мне после того, как я услышал “Марш Рот-Фронта”, сразу вспомнился другой певец – Эрнст Буш. Любые сравнения, как известно, условны. А. Харчиков уже давно стал самостоятельной и масштабной творческой и политической фигурой.

Несколько лет назад в Париже вдова В. Высоцкого – Марина Влади проводила конкурс бардовской песни. По понятным причинам Александр не мог быть в Париже, но кто-то из русских передал в жюри один диск с записями песен А. Харчикова. И конкурс, как таковой, не состоялся: Александру Харчикову было отдано первое место с присвоением звания “Лучший бард мира”.

Песни Харчикова слушают люди всех возрастов и социальных слоёв. Люди обворованные и обездоленные, униженные и оскорблённые слушают с бо-

лю, надеждой и с восхищением. Рафинированная публика московских, петерских и прочих салонов, закрытых элитных жилых комплексов, всех этих Жуковых, Рублёвок слушает их со страхом, ненавистью и завистью. Со страхом и ненавистью, потому что как подземный гул предвещает извержение вулкана, так и гром песен Харчикова предвещает взрыв народного гнева и возмущения.

Теперешний образ жизни и мыслей, система навязанных ценностей во все времена считались бы извращением. Сегодня – это норма, а порой и доблесть! Сыграв на животных инстинктах и рефлексах некоторой части русских, сделав из них “новых русских”, а по-простому своих шестёрок в дорогих упаковках, господа торгоши повсюду празднуют свою победу и открыто смеются нам в лицо. И им есть над чем посмеяться! Великий народ, которого никто не смог победить извне, купился изнутри на примитивный символ золотого тельца... Одни продались за жалкие тридцать сребренников, внезапно подсунутые Сатаной, другие топчутся в замешательстве. Продавшимся никогда не откроются Небесные Златые Врата, а струсившим и малодушным никогда не видать земного уважения и славы! И те и другие опасны, как разносчики чумы для пока ещё не заражённых этой гадостью. С ними, точно как и с торгошеской идеологией, нормальным русским людям предстоит биться не на жизнь, а на смерть! Космос неустанно следит за всеми нами, и оттуда, сверху, проливаются на наши головы не только inferнальная сатанинская энергия, но и предупреждения о надвигающейся тотальной катастрофе. Предупреждения идут в виде местных катастроф и аномальных явлений природы, которые уносят десятки и сотни человеческих жизней. Кто-то свыше этими жестокими предупреждениями демонстрирует в уменьшенном формате, чем закончится наркотический сон нашего сознания. Что произойдёт, если мы не сумеем вытеснить Сатану сначала из наших душ и затем с Земли Русской. И как венец Победы – своей верой и стойкостью заткнуть пробойну в энергозащите планеты и прекратить проникновение на Землю inferнального потока. Всё складывается так, что в начале нового века все мы находимся в релейном режиме. Нам остался лишь маленький шагок... или до пропасти, откуда нет возврата, если продолжим сон, или до Победы, если найдём в себе силы проснуться! А я не устану повторять: – Проснитесь, славяне! Век проспите!

Вы можете представить современную общественно-политическую жизнь страны (пикеты, митинги, демонстрации) без песен русского и советского со-противления?

Именно А. Харчиков является их родоначальником и главным локомотивом. Всё его творчество окрашено в красный цвет. Боль за Россию чувствуется в каждой его песне. Он не изменил Присяге Советскому Союзу! На одном из митингов проходившая мимо женщина услышала, как наш бард-патриот исполнял песни “Либерал”, “Путин, ответь!”, “Гибнет Родина”. Потрясённая услышанным, она сказала: “Вот этот человек – главное идеологическое оружие в борьбе с режимом. Ни одна листовка, публикация или выступление патриотически настроенного политика не задела меня так за живое, как песни А. Харчикова. Они выворачивают душу наизнанку!”

Александр Харчиков 9 Мая выступил в Минске по приглашению ЦК КПБ.

Руководство компартии Белоруссии оказало А. Харчикову тёплый приём.

Героический потенциал Харчикова был использован до предела в дни празднования в Минске памяти Великой Победы. И, несмотря на то, что проблемы, поднятые Харчиковым в его творчестве, неактуальны для Беларуси, народ горячо сопереживал певцу.

Мы испытываем чувство горечи, что ответственные товарищи из руководства КПРФ недооценивают в наше трагическое для всего народа время способность Харчикова вдохновить людей на борьбу! (У белорусских товарищей это вызывает недоумение.) Попытка выдвижения его в депутаты ГД в декабре 2005 г. на довыборах по 201-му одномандатному округу была пресечена.

Не объединять СЕГОДНЯ протестный потенциал, стихийно зреющий в народе, – преступно! Время не ждёт! Если не сегодня, то когда? Завтра может быть поздно!

На сегодняшний день Александр Харчиков является единственным в России самым бескомпромиссным поэтом-исполнителем такого мощного патриотического уровня. Главное содержание песен Александра Харчикова – обличение продажности нынешних правителей страны, державность, борьба за

возрождение великой русской Империи и справедливого мироустройства – социализма. В его хриплом, порой срывающемся на крик голосе есть какая-то необычайная энергетика, – вроде на сердце тоска, и кажется, что всё плохо, и песня грустная, а почему-то после прослушивания чувствуешь прилив сил.

Песни Александра Харчикова (на свои стихи и других поэтов), посвящённые героизму советских солдат в годы Великой Отечественной войны, – самые сильные среди произведений всех современных авторов-исполнителей России за последние 10 лет. Это “Петергофский десант”, “Зоя”, “От Любани до Мги”, “Ижорский батальон”, “Баллада о русской матери”, “Песня о советской пехоте”, “Победа”...

Песни Александра устремлены в будущее и поэтически прозорливы, например, ещё за несколько лет до чёрного дня Америки им была написана песня “Карфаген должен быть разрушен”. Песня “Наша Родина – Советский Союз” является самой популярной песней А. Харчикова, и, когда ею заканчиваются его сольные концерты, люди в зале встают в едином порыве и поют вместе с исполнителем.

В истории, так же как и в природе, существует закон сохранения и накопления энергии. Сколько бы ни сжимали пока ещё податливую пружину народного терпения, всё равно она грозно распрямится в самый непредсказуемый и неожиданный момент. Вспомните предпосылки и истории всех российских бунтов и восстаний, спонтанных, кровавых и беспощадных. А предпосылка, собственно, одна – нежелание народа держать на своей шее паразитов любых вер и сословий и стремление к свободе и достойной жизни. Так было всегда, так случится и в этот раз! Я не берусь прогнозировать, как именно и когда, с точностью до даты, это произойдёт. Но я точно знаю, что не спасёт тогда господ торгашей и их лакеев ни государственная карательная машина, ни отработанный набор психотронных и энергетических средств воздействия на русское сознание. У любого барина на Руси всегда один конец!

АНАТОЛИЙ РОГОВ

ГОРИ, ГОРИ ЯСНО

Известность пришла к Валентину Сидорову давно, с появлением на выставках его первых значительных работ: “Майский дождик” – с девочками на завалинке, заморожёнными солнечным дождиком, “На тёплой земле” – с девочкой, наблюдающей, как мать сажает в свежие грядки рассаду. Яркие оригинальные картины Сидорова появлялись с тех пор почти на каждой большой выставке, и вот уже лет тридцать его фамилия в первом ряду крупнейших современных отечественных живописцев. Валентин Михайлович отмечен всеми высшими титулами: Народный художник СССР, академик Академии художеств, член её Президиума, лауреат Государственных премий СССР и России. Уже два десятилетия председательствует в Союзе художников России. О нём вышло несколько книг, в том числе за рубежом, написаны, наверное, сотни статей, сняты фильмы, он частый гость на телеэкране. Сидоров и сам давно и прекрасно пишет, постоянно публикуясь в толстых и тонких журналах с рассказами о художниках и ярких людях. В восемьдесят шестом году выпустил интереснейшую книгу о Тверской земле “Край вдохновения”, а в две тысячи вторым в журнале “Москва” появилась его автобиографическая повесть “Гори, гори ясно” о собственном детстве и о том, как и почему он стал художником.

А в последние годы у Сидорова прошло несколько персональных выставок в Белоруссии, на Украине, в Армении, Узбекистане, Киргизии, в некоторых российских городах.

В Москве же персональной выставки этого известнейшего художника никогда не было.

И вот, наконец, первая: в выставочных залах нового корпуса Третьяковской галереи. В честь его восьмидесятилетия, которое отмечалось в мае 2008 года. Открылась выставка 13 ноября, под девизом “Гори, гори ясно” – так значилось на афишах и пригласительных билетах, на коих воспроизводилась и самая знаменитая картина Сидорова “Пора безоблачного неба”.

Все три выставочных зала нового корпуса Третьяковки были сплошь в картинах, начиная с малых, ещё ученических, помеченных 1945 годом, и кончая огромным полотном “После грозы”, под которым стояла дата написания “2008-й”. Всего же произведений было семьдесят два – это, разумеется, только часть из созданного им.

Славословили Валентина Михайловича безудержно: он – выдающийся, великий, таинственный, он – ярчайший продолжатель традиций классиков русского пейзажа Саврасова, Левитана, Рылова, а с другой стороны, и прямой наследник Венецианова и Пластова. . . Один известный доктор искусствоведения говорил даже о “пронзительной боли к родному пепелищу, к скорбной судьбе русской деревни, разорённой и гибнущей”. Но где он видел у Сидорова пепелища и разорения, неведомо – нет у него ни одной такой картины. И все, буквально все повторяли: пейзаж, пейзаж, его пейзаж, русский пейзаж во всей своей поэтической глубине. . .

А разве пейзажи Сидорова действительно пейзажи в общепринятом понимании этого живописного жанра?

Ведь нет же. Но никто не сказал об этом.

И о сути всего творчества Сидорова никто не сказал.

А ведь только на этой, именно на этой первой обобщающей выставке художник Валентин Сидоров предстал перед нами в подлинной своей полноте, в подлинном своём масштабе. И это очень важно осмыслить. Важно для всего русского искусства.

Ещё в студенчестве, в художественном институте Сидоров открыл для себя вроде бы простую истину: писать надо только то, что волнует тебя сильнее всего, что ближе, дороже всего твоей душе. Тогда каким-то неведомым образом эти чувства переходят на холсты и начинают волновать зрителей... А он больше всего, сильнее всего любил ту приволжскую тверскую деревню с удивительным названием Сорокопенье – сорок пней, – в которой появился на свет. Прожил там, в доме бабушки по отцу первые годы, потом переселился за несколько вёрст в деревню Коровино, в дом бабушки по матери, а в школу пошел уже в Москве, где обосновались родители. Но в Коровино проводил каждое лето и первые военные годы работал в тамошнем колхозе. И, защитив диплом, сразу же умотал туда, превратив бабушкину избу в первую свою мастерскую, хотя материально в первые годы там было очень нелегко. Выдюжил вместе с бабушкой. И с тех пор большую часть времени так там, на тверской земле, и работает. Правда, уже в доме, построенном для матери в деревне Подол, что неподалёку от Вышнего Волочка и озера Удомля, где Левитан написал “Над вечным покоем”. И “Мартовский снег” написан в тех местах. Поблизости и места Венецианова, Сороки, Бельницкого-Бируля и Академическая дача, где работал Репин и которая носит его имя.

Ни одного городского пейзажа у Сидорова нет. Ни одного городского мотива, сюжета, даже хотя бы где-то вдали силуэта городского. Только тверские просторы, поля, холмы, леса, озёра, дороги, деревни, их жизнь...

Первая большая картина “Бабушкины сказки” была написана в год завершения учёбы в художественном институте, в пятьдесят четвёртом. Мальчонка в валенках, в белой рубашонке и бабушка в белом платочке сидят в жарком красном свете перед открытой топящейся печкой. Композиционно сцена выстроена отлично, но в живописи Сидоров ещё робок, несамостоятелен – это скорее эскиз, чем завершённое полотно. Валентин Михайлович рассказывает в автобиографической повести, что именно так в детстве слушал сказки своей бабушки, именно так синели сумерки с редкими огоньками за окном, у их ног в тепле блаженствовала собака, голос бабушки был тёплый-тёплый и журчал, журчал...

Но подобные печи топились ведь зимами в миллионах русских изб, и миллионы похожих мальчишек точно так же, греясь в жарком красном свете, слушали сказки своих бабушек, и в их душах и головёнках творилось то же самое, что в сидоровских. И потому, несмотря на некоторое несовершенство этого полотна, оно по сей день властно притягивает к себе, наполняет каждого своими воспоминаниями, своим теплом.

Художественная самостоятельность появляется у Сидорова в упомянутом уже полотне “На тёплой земле” (1957), где женщина сажает из лукошка в грядку рассаду, а её маленькая дочка стоит между грядок напротив и внимательно смотрит, учится, как это надо делать. Стоит в розовеньком по-весеннему платьице, белом платочке, босая – земля-то уже тёплая. Тут уже нет ничего случайного, “не работающего”, все формы обобщены, лаконичны. Звенящие, прозрачные розовые цвета влекут за собой обильные весенние мягко-коричневые, голубоватые, желтоватые. Колорит завораживающий.

Мотив опять был роднее родных; для фигуры женщины Сидорову позировала его матушка, а девочку он писал со своей младшей сестрёнки. Но скажите, какая девчонка, какой мальчишка в деревнях, как только теплела земля, не скидывал надоевшую за зиму, в холода и дожди обувь и не выскакивал на волю босиком, тем более в первый раз, когда земля местами ещё прихватывает холодком. Упоение, полная воля, радость через край!..

Совсем же художественно самостоятельным Сидоров становится в начале шестидесятых, о чём говорит его пейзаж “Март. Месяц зародился”. Впрочем, пейзаж ли это в самом деле или нечто большее, судите сами: на холсте внизу от края до края крыша избы под слоем голубоватого снега с сосульками по

краю, за ней на фоне высокого сизовато-серого вечернего неба торчат две сосны – длинная и низкая, – и две голые ветлы, а меж их верхушками светится тоненький серп. Лаконизм предельный, формы скупей не придумаешь, а впечатление сильнейшее. Потому что при выразительнейшей композиции в цвете, колористически всё до иллюзорности точно, и по состоянию, и по настроению.

А следом появился и пейзаж “Белым снегом”, – в котором через огромное снежное пространство, в рыжеватой сквозной рощице на горке виднеется деревня, дальше, на горизонте тоненькая полоска тёмного леса. Белого чистейшего снега тут более двух третей внизу холста, а сверху чуть серенькое небо, и лишь четыре крошечных фигурки, идущие мимо рощицы, чернеются. Только у нас в России бывает так много такой свежей мягкой белизны, бывает такой покой и такая тишина. И как виртуозен уже художник, переживший всё это нам самыми малыми, скуднейшими средствами, но безукоризненной композицией и тончайшей бело-серовато-сизоватой цветовой гаммой. . .

На свете существуют три основных типа художников: подражатели, спекулянты и творцы. Подражателей больше всего, среди них есть одаренные и мастеровитые, есть даже мастера-виртуозы и великие трудяги, но у них нет собственного видения мира, душа их банальна, и они в своих творениях только кому-то или чему-то подражают, иногда и блестяще, но всегда идут в каком-то общем течении. Спекулянтов поменьше. Среди них есть и настоящие таланты, и бездари, и даже вовсе ничего не умеющие. Объединяет же их то, что все они ищут в искусстве и ждут от него лишь личного успеха и обогащения, для чего кто-то спекулирует на острых, взрывных темах или сюжетах, кто-то на неожиданных, “авангардных” формах: модернизмах, абстракциях, перформансах, инсталляциях и прочей галиматье. Главное – поразить! прогнать! заработать! По существу, это уже и не искусство, а примитивный современный бизнес. Творцов же меньше всего, вернее, совсем мало, ибо зрение их глубже, чем у всех, и души у них и сердца больше и горячее, чем у остальных, – и всё это обязательно переливается в их творения, в их изобразительный язык. Всё становится неповторимым, единственным на свете, как они сами.

Валентин Михайлович великолепно описал эту внутреннюю потребность в своей повести.

“Снег заметно осел, но лежит ещё сплошняком, а в синем небе зазвенел уже жаворонок, он вовсю сверлит и сверлит её своей песней. Невозможно не попробовать отыскать его. Ищем, закрываясь ладонями от солнца. Вот он маленькой точечкой мелькнул. Всё выше и выше, сверлит и сверлит. Потом пение оборвалось, и точечка словно с горы скатилась к кустам, не издав более ни единого звука. Мы устраиваемся писать, протаптываем в снегу след. Не успели расставить этюдники, как снова зазвенела радостная песня. Всё выше и выше.

– Ты смотри, Лёв, ведь жаворонок поёт только, когда устремлён вверх. Падая, не издаёт ни звука.

Вот это мысль! Стоим оба, смотрим опять на жаворонка, кажется, что он набирает высоту с трудом, с трудом преодолевает метр за метром, ещё метр, ещё чуть-чуть, всё выше и выше, но, поднимаясь, поёт, радуясь этому преодолению, и уже почти не видно его, а только слышится серебристая звонкая трель, но вот она снова оборвалась, и маленький комочек, не издав ни звука, снова скатился с высоты в кустарник. Надо писать, надо попытаться изобразить это ясное высокое небо. А пение жаворонка изобразить можно?

Пение жаворонка дало нам пищу для философствования на всю обратную дорогу, итогом наших размышлений был вывод о том, что только стремление к высоте, как бы трудно ни было восхождение, стремление к совершенству, может привести к итогу – радостной песне. Падение же песни не рождает”.

Сидоров работает только чёткими, крупными, яркими формами. И композиции у него всегда очень чёткие, выверенные, с чёткими ритмами. Живописец же он бесподобный, дар, как говорится, от Бога, – в цвете всё правдиво, многозвучно и цельно, эмоционально приподнято, – поднимается до символа. Я не встречал у современных художников таких оголённых, чётко очерченных изб, сараев, горизонтов, такой яркой, разнообразной детворы и поразительно точных по характеристикам взрослых. Таких выразительных деревьев, просторов, дождей, туманов, закатов. Ни у кого из нынешних живописцев нет

стольких разнообразных небес и облаков, сколько у него. Облака спокойные, грозовые, несущиеся, мрачные, весёлые, слоистые, кучевые, одинокие, похожие на барашков, на замки, белоснежные, розовые, мглистые, серые – не перечить.

А вслушайтесь в само звучание названий его работ: “Русская весна”, “Утро на Подоле”, “С гор вода”, “Вечерняя тишина”, “Чудные облака”, “Дождь моросил до вечера”, “Синий бор”, “Счастливые”, “Там, за лесом моё детство”, “Берёзовый ветер”, “Тот тоскливый день осени”, “Уже скворцы собираются в стаи”...

В “Русской весне” у него на высоком голом оттаявшем землисто-зеленоватом взгорке стоит одинокая изба близкого к земле цвета, по бокам ее торчат тонюсенькие берёзки, высокие шести со скворечниками, на подъёме взлобка лежат ошметки рыхлого дотаивающего снега, а наверху, в разрывах затянутого сизоватыми облаками неба, глянула звенящая лазурь.

Мотив одинокой избы на голой горке с дотаивающими внизу пластами снега Сидоров повторял не раз.

А вот и самое известное его полотно “Пора безоблачного неба”. Двое мальчишек лежат лицом к лицу на зеленой лужайке и читают книжку, неподалёку стоит маленький телёнок и разглядывает их, а дальше – горизонт с редко стоящими четырьмя избами, двумя амбарчиками, двумя высокими могучими берёзами и огромным тёплым синим безоблачным небом. Больше ничего. Но глядишь на всё это и никак не можешь наглядеться, отвести взгляд – такое тут всё чисто-зелёно-голубое, просторно необозримое, величаво-торжественное, – небольшие избушки и крошечные амбарчики и те величавы! – будто перед тобой не кусочек русской земли, а вся она во всем своём могуществе, весь белый свет во всей своей необъятности, совершенстве и красоте.

А ведь в картине тоже всё предельно обобщено, оголено – вся её силища, весь её высочайший психологизм в бесподобной композиции и совершенно светозарной, внутренне будто переливающейся, светящейся живописи.

“Пора безоблачного неба” много раз репродуцировалась, о ней немало написано, в том числе крупнейшими художниками и писателями, и почти все уверяют, что в их детстве всё было точно так же: лужайка, книга, друг – каждый имя своего вспоминает. Значит, сколько же было всего на Руси похожих мальчишек и картин! Опять попадание в миллионы и миллионы сердец и душ.

Сидоровская “Моя школа” тоже широко известна. Небольшой пустой класс деревенской деревянной школы. Всего десять парт в три ряда. Переносная доска с тряпкой. В простенке тёмный шкафчик, над ним портрет Пушкина. За высокими сводчатыми окнами – зима, идёт редкий снежок. По цвету окна мягко серебристые, холодные, а всё остальное – стены, потолок, парты, пол, шкафчик, доска – деревянное, охра-жёлто-золотисто-сизоватое и тёмно-коричневое – очень тёплое. И, несмотря на полную пустоту, – уроки, видимо, кончились или ещё не начались, – в маленьком классе тепло, уютно, он не отпускает, рождает тёплые воспоминания о своих школах и классах, о том, как там было хорошо, сколько было незабываемого, сколько узнавалось в те годы, как мы выросли. Не было ни у кого из нас времен, годов лучше, светлее тех.

И тот же “Сенокос”. Крошечные конная косилка и косцы вдали только что начали косьбу у подножия огромного холма, который весь в сказочном зелёно-розово-жёлтом буйном переливчатом, как бы плывущем многоцветье – и им тут ещё косить и косить. А по верху холма купы могучих берёз, за ними пасть с бесконечными синими лесами, и над всем этим огромное жаркое слепяще-синее небо, тоже в бесконечно длинных плывущих слоистых бело-розовых облаках. Ритмика земли и неба бесподобная. Теплынь, конец июня.

Опять перед нами вся Россия. Большой просторный холст.

Разве это пейзаж, хотя тут только он?

И в “Тихой моей Родине” – только он. И нет никаких фигур. Есть лишь увиденные откуда-то сверху, с птичьего полёта луга, поля, озеро, протоки, дороги, деревья, перелески, крошечная деревушка, непрерывный лес по горизонту, на бездонном голубо-синем небе небольшие кучевые ярко-солнечные праздничные облака, на земле от них тени, а в озере солнечные отражения – простор, ширь такая, что дух захватывает. Тут уже наша тихая Родина, самое важное и прекрасное в ней. И холст здесь ещё масштабней.

Как это можно назвать пейзажем? А на торжественном открытии выстав-

ки все твердили: пейзаж, пейзаж... Не-е-ет! Это глубочайшие художественные обобщения – символы русской земли, Родины.

Общее количество его работ перевалило за сотни, среди них немало очень больших, в несколько метров. Есть мотивы и сюжеты, как уже говорилось, которые он повторял не раз, например, огромную картину “После грозы” – с бегущей по лужам восторженной босоногой детворой впервые начал в пятьдесят седьмом, писал два года, через несколько лет написал новый вариант, а на этой выставке показал третий, завершённый накануне её открытия, в две тысячи восьмом.

Уму непостижимо, как и сколько надо работать, чтобы сотворить всё это, когда ты ещё возглавляешь Союз художников России. Сидоров во главе Союза уже двадцать лет, а до этого аж в семьдесят втором был впервые избран одним из его работающих секретарей, в ведении которого были закупочная и выставочная комиссии. А в Союзе более восемнадцати тысяч членов, и председатель руководит всей творческой и хозяйственной его деятельностью, всеми финансами и имуществом, в котором несколько собственных домов творчества, выставочных залов и других учреждений по всей России. Он обязан возглавлять или участвовать во всех крупных выставках, открывать все значительные выставки в стране. Участвовать во всех государственных и общетворческих культурных мероприятиях. Присутствовать на всех важных торжествах, заседаниях, симпозиумах, юбилеях, проводках в последний путь... Да мало ли что ещё должен делать председатель крупнейшего творческого Союза, который к тому же ещё и член президиума Академии художеств и профессор Суриковского института – много лет ведёт там мастерскую, и никак не может оттуда уйти – не отпускают студенты и коллеги.

Не дни, а целые недели проходят в непрерывной адской круговерти, без каких-либо передыхов, непонятно даже, как выдерживает-то в свои немалые годы. Закалился, а вернее, закалил себя. Потому что как только несколько часов высвобождается, он уже отвечает по телефону, что вот решил ещё посмотреть то, что недавно или давным-давно начал, и сидит с кистями, “подкрашивает”. Когда же умудряется высвободить день или два-три, то оказывается уже за триста километров в своём Подоле, на краю горы, в своей мастерской на втором этаже, из большого окна которой открывается вид, похожий на “Тихую мою Родину”.

На торжественном открытии и во время работы выставки многие очень удивлялись и спрашивали: почему эта выставка первая персональная в Москве у него, известного мастера, председателя Союза художников?

– Потому, – отвечал он, – что когда в семьдесят втором меня впервые избрали секретарём, поручив закупочную комиссию и выставочную, первым распоряжением я запретил что-либо покупать у Сидорова, у себя. И устраивать ему персоналки. А став председателем, счел то и другое ещё более непозволительным, неприличным. Теперь-то только в честь солидной даты.

После этих слов становится ясно, почему его столько десятилетий выбирают в руководители Союза.

Первыми истинными художниками-деревенщиками в России в девятнадцатом веке были упомянутые уже Алексей Венецианов и Григорий Сорока, в советские годы Аркадий Пластов, затем братья Ткачёвы, есть таковые и сейчас. И жизнь деревни прошлой, советской и нынешней представлена ими во всей своей полноте: и лучшее в ней, и худшее, неповторимое, тяжелое, трагическое.

У Сидорова нет ни одного трагического холста. И нелегкий крестьянский труд везде обыденен, а кое-где и радостен. Плотники – в “Майским утром на плотине” и начавшие ставить новую избу – в “Первом венце”. В “Осенней страде”, где убирают картошку. В “Миром”, где мужики сообща, на глазах всей деревни поднимают столб для электричества. В паре, убравшей сено в сарай – “Вечер, сено убрали”. Есть у него и разнообразные сельские праздники с гармошками, гуляньями, пляшущими пьяненькими мужиками, веселящейся ребятней. Есть пронзительнейший “День Победы” – ветеран в праздничном костюме с орденами одиноко стоит на дороге напротив своего дома – он один вернулся в деревню с Великой Отечественной.

Больше же всего у Сидорова картин с изображением крестьянской детворы. Кроме уже названных, замечательны мальчонки, идущие лугом вдоль узенькой извилистой речонки, чтобы узнать – “Откуда берётся речка Дубров-

ка”. Бесподобны своей слитностью с природой подростки, удирающие от надвигающейся грозы в “Берёзовом ветре”. С восторгом и завистью глядишь на его девчущку, взлетевшую на качелях под крышу своего дома, на ребятню, катающуюся на санках с горы в закатный мартовский вечер, на играющих меж старыми сараями в прятки, в футбол, на первые ухаживания подростка за околицей за девочками, на юношескую игру в горелки – “Гори, гори ясно”...

Из русских художников никто не поведал о детях деревни столько, сколько Валентин Михайлович. Сложил целую живописную поэму о радости вхождения человечков в жизнь, в мир, в его невыразимую красоту, одухотворённость и поэзию.

Не каждый человек сохраняет с годами в себе свет и восторг своего детства, Сидоров же не просто сохранил – он так всю немалую жизнь и видит всё вокруг глазами сорокопёньско-коровинского мальчишки. Поэтому и нет у него ничего не только трагического, но даже просто тоскливого, а есть только восторг и ликование от того, как неповторимо прекрасна наша земля и неповторимо прекрасен каждый миг жизни на ней.

Такого целиком светлого, возвышенно-поэтического художника у нас ещё не было.

Когда-то подростком он спросил у бабушки, что за игра была юношеская с возгласами “Гори, гори ясно, чтобы не погасло!” Она объяснила, что это горелки, в которые играли только в ночь на Ивана Купалу, когда жгли костры и прыгали через огонь, чтобы очиститься в нем от всего дурного. Меж костров молодёжь и устраивала догонялки пар с этими криками, а на самом-то деле это был как бы наказ каждому на всю взрослую жизнь: Гори, гори ясно!

РЕПЛИКА ПО ПОВОДУ БЫВШИХ...

В “Новой газете” (25.09.2009) напечатано интервью с бывшим председателем президиума Международного литфонда и бывшим первым секретарём исполкома Международного сообщества писательских союзов (МСПС) Феликсом Кузнецовым. Ну не может никак успокоиться лишенный власти делегатом съезда восьмидесятилетний человек, убелённый сединами. Пора бы и о вечном подумать да и Господа Бога почаще вспоминать... Дважды бывший Феликс пытается возродиться из пепла, как легендарная птица Феникс, в беседе с юркой журналисткой с причёской, похожей на пылающий костёр... и сгорает уже в третий раз! Потому и интервью получилось низкопробным, основанное главным образом на слухах и домыслах начинающей журналистки и старого седого человека.

Взять хотя бы историю с детским садом в районе метро “Аэропорт”, якобы проданным без согласия Литфонда России. Это всё враньё! Будучи делегатом съезда Литфонда России, ваш покорный слуга выступил с предложением продать этот детский сад, так как он был обузой для провинциальных авторов. Это двухэтажное здание содержали и обслуживали ради 5–7 детей московских писателей (не жирно ли?), хотя на этом строении можно заработать деньги для писателей из провинции, сдав его в аренду или построив на его месте новое здание. Ещё я добавил, что провинциалы талантливей москвичей, и они имеют право на свою законную “пайку”. Моё предложение было горячо поддержано делегатами от всех регионов. И более того, после моего выступления бывший деревенский парубок Феликс Кузнецов подошел ко мне и с одобрением пожал мою ладонь. Был и он когда-то открыт и честен, и принимал правду большинства. Но сейчас не так! Сейчас он встал на сторону переделкинского “меньшинства”, желающего приватизировать дачи, данные им всего лишь в аренду... Вот уже несколько лет и бушует, и негодует вся эта камарилья, мешая продуктивной работе Литфонда. Мало того что мешают, но ещё и обзываются, как детсадовские мальцы, у которых отобрали любимую игрушку. А как они с издёвкой называют в газетке законно избранного нынешнего секретаря исполкома МСПС – якутским механизатором российских писателей? Во-первых, Иван Переверзин прекрасный русский поэт, печатающийся в самом лучшем и многотиражном толстом журнале “Наш современник”, в недавнем прошлом постоянно публиковавшийся в “Литературной газете”, на стихи которого сочинил немало романсов и песен известный композитор А. Морозов. А московским чистоплюям напомню, что без механизатора не соберёшь хлеб и не выкопаешь картошку! Да механизаторы – поильцы и кормильцы нашего любезного Отечества! А Иван Переверзин на всех своих должностях ещё зарабатывает деньги для писателей. Если начинал он своё служение писателям с 4-х миллионов прибыли в год, то сейчас эта цифра выросла до пятидесяти с лишним миллионов рублей.

А все нынешние статейки против Ивана Переверзина – это грязная PR-кампания отброшенных от кормушки едоков, привыкших к литфондовскому хлёбобу. Мне жалко только писателей-простаков, которым вбивают в голову, как клин в чурку – эти призывы и лозунги о допуске к кормушке отлучённых от неё... А мне кажется – нажрались и хватит! Но нет, никак не желают успокоиться. И вот уже готова и запущена в подконтрольную печать новая “утка” о выселении из Переделкино граждан: Ахмадулиной, Битова, Вознесенского, Искандера... И снова ложь – выселяются из писательского посёлка только дальние родственники и знакомые, живущие на дачах умерших писателей и не имеющие никакого законного права на эту привилегию.

А ведь в последнее время всё складывалось не так уж и плохо. Стараньями Ивана Переверзина и Станислава Куняева провинциальные писатели на игровом поле почувствовали себя центровыми! Отремонтирован писательский дом отдыха в Переделкино. Вот-вот в Санкт-Петербурге откроет двери после капитального ремонта “Комарове”. Стали выходить книги наших писателей и поэтов под крылом Литфонда, из этих денег писатели получают помощь во время болезней, на эти деньги идёт ремонт “Дома Ростовых” и т. д.

Будем и дальше плодотворно работать, писать стихи и романы, пока другая сторона пишет жалобные письма Президенту, Генеральному прокурору, министрам юстиции и культуры. Наше дело правое! Бог не в силе, а в правде! А нашим доверчивым писателям, живущим в градах и весях любезного Отечества, я бы посоветовал и в дальнейшем доверять не слухам, а решениям наших съездов, не втягиваться в подозрительные компании проигравших и бывших. И дар Божий не растрачивать по мелочам.

**Игорь ТЮЛЕНЕВ, поэт,
секретарь Правления
Союза писателей России**

Умер Николай Васильевич Пеньков. Ушёл из жизни замечательный русский артист, человек редкостного органического дара, роли которого в театре и в кино неизменно любимы зрителями разных поколений. Вся свою творческую жизнь связавший с Московским Художественным академическим театром имени Горького, он остался верен ему в самые тяжёлые времена и до самого конца оставался одним из ведущих исполнителей в его труппе.

Он был ярким талантливым прозаиком, и его автобиографические рассказы, публиковавшиеся в “Нашем современнике”, пользовались неизменным успехом у нашего читателя. А мемуарная книга “Явление театра” стала настоящим событием, подлинной творческой победой этого широко и разнообразно одарённого человека.

Мы всегда с радостью встречали Николая в стенах нашего журнала, делились с ним своими горестями и радостями. Он был вдумчивым, пристрастным и требовательным читателем “Нашего современника”, его сердечным другом и единомышленником.

Скорбь наша велика, а память вечна.

ТВОРЧЕСКИЕ ИТОГИ 2009 года

Премия имени В. В. КОЖИНОВА за статью “Слово Меньшикова на перепутьях русской смуты” (№ 9) присуждена
— Андрею Венедиктовичу ВОРОНЦОВУ.

Премия имени Л. М. ЛЕОНОВА (номинация “Молодые прозаики”) за рассказ “Ветер с пыльных дорог” (№ 7) присуждена
— Анастасии ЧЕРНОВОЙ (Москва).

Премия имени Ю. П. КУЗНЕЦОВА (номинация “Молодые поэты”) за подборку “Не могу не писать о тебе” (№ 7) присуждена
— Наталье ШУХНО (Москва).

Премия имени А. Г. КУЗЬМИНА (номинация “Молодые историки и публицисты”) за статью “Образ новой России” (№ 7) присуждена
— Азамату ИБРАГИМОВУ (Учалы).

Ежегодные премии за лучшие публикации 2009 года присуждены:

— Марии АВБАКУМОВОЙ, поэту — за подборку стихов “Последней негой дорожить...” (№ 3);

— Виктору БОКОВУ, поэту (посмертно) — за подборку стихов “И мой народ меня благословит!” (№ 9);

— Наталье ЕГОРОВОЙ, критику — за статью “Золотой самородок на соболиной тропе” (№ 4);

— Сергею КОЗЛОВУ, прозаику — за повесть “Движда” (№ 12);

— Наталье КОРНИЕНКО, критику — за статью “Покрой есенинский мне узок...” (№ 10);

— Альберту ЛИХАНОВУ, прозаику, публицисту — за роман “Слётки” (№ 2, 3);

— Новелле МАТВЕЕВОЙ, поэту — за стихи “Под Андреевским флагом” (№ 1);

— Ирине МЕДВЕДЕВОЙ, Татьяне ШИШОВОЙ, публицистам — за статью “Если согрешит против тебя брат...” (№ 1);

— Фёдору НЕСТЕРОВУ, публицисту — за статьи “Заклятое слово” (№ 4), “Загадка незнания” (№ 11);

— Юрию ОНОПРИЕНКО, прозаику — за повесть “Несбыточный роман” (№ 9);

— Виктору СИРОТИНУ, художнику, критику — за статью “Перья серафимов” (№ 10);

— Андрею УБОГОМУ, прозаику, публицисту — за статью “Город” (№ 5);

— Израэлю ШАМИРУ — за статью “Накба. Благоденствие на чужой беде” (№ 5);

— Борису ШИШАЕВУ, прозаику — за роман “Время любви” (№ 7, 8).

Премии Правительства РФ в области литературы за 2009 год присуждены членам Общественного совета “Нашего современника” ЛИХАНОВУ Альберту Анатольевичу и РАСПУТИНУ Валентину Григорьевичу за произведения, опубликованные в нашем журнале.

Поздравляем лауреатов 2009 года!

С удовлетворением сообщаем, что на проходившем в Страсбурге Международном форуме постоянный партнёр нашей редакции — ОАО “Издательский дом “Красная звезда” был удостоен премии “Эталон качества”.